

ПУБЛИЙ
ОВИДИЙ
НАЗОН

ОВИДИЙ

ЛЮБОВНЫЕ
ЭЛЕГИИ

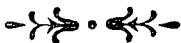
•
МЕТАМОРФОЗЫ

•
СКОРБНЫЕ
ЭЛЕГИИ

ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ

МЕТАМОРФОЗЫ

СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ

ПЕРЕВОД
С ЛАТИНСКОГО
С. В. ШЕРВИНСКОГО

МОСКВА
•ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА•
1983

Вступительная статья

С. О ш е р о в а

Комментарии

М. Т о м а ш е в с к о й

Послесловие

В. Л с в и к а

Оформление художника

Д. Ш и м и л и с а

ЛИРИКА И ЭПОС ОВИДИЯ

Поэт по-разному предстает в своих лирических стихах. Иногда читатель верит, что перед ним — прямая исповедь человека, и через века знакомится с ним. Уже почти двести лет — с эпохи романтизма — мы привыкли требовать именно этого: лирика есть для нас неповторимо-индивидуальное выражение эмоций, которое может быть гарантировано только подлинностью авторского переживания. И невольно те же критерии прилагаются к далекому прошлому: к советам Петрарки и Ронсара, к песням трубадуров и вагантов. Нужно усиле над собой, чтобы увидеть: «свежие образы» гениальных поэтов — в том числе и образ автора — взятые ими у предшественников, порой менее именитых, а потом, освященные их именем, повторены десятками последователей. Конечно, великое не становится менее великим оттого, что строится из типических деталей. И все же, подходя к поэзии античности, средних веков, Возрождения, необходимо помнить, что традиционное для нее важнее, чем оригинальное, и что традиция определяла не только жанр и форму, но и самоизображение поэта. Когда Гораций представлял себя читателю эпикурейским мудрецом, безжавшим в скромную сельскую обитель от страстей и соблазнов города, это имело некоторую биографическую основу, — причем поэт скорее сознательно стремился в жизни следовать рисуемому в стихах образу. Когда лириец Пушкин стилизовал себя иногда под горадианского сельского мудреца, никакой биографической основы за этим не было: было только следование традиции, идущей издавека и воспринятой через «Арзамас». Зато в зрелых стихах именно Пушкин (наряду с Гете) достиг того абсолютного равновесия литературно-традиционного и индивидуально-биографического, которое сделало его создателем новой русской лирики.

Но то был рубеж многовекового развития, время, когда индивидуальное, непосредственное вливалось в традиционные формы, как «новое вино в мехи ветхые», разрывая их или обновляя.

В римской лирике — начальной точке отсчета для европейской поэзии¹ — ситуация была противоположной: задача состояла в том, чтобы подчинить непосредственную реальность, личную эмоцию, отвоевывавшие себе место в поэзии, упорядоченности искусства. Художническое усилие было столь велико, что от завоеванного однажды нелегко отказывались: оно повторялось, переходя от поэта к поэту и то давая ему готовые формы для воплощения эмоций, то просто эти эмоции подменяя. В этом — специфика римской лирики, рода поэзии, который был живым и развивающимся меньше века.

Публий Овидий Назон писал лирику — то есть стихи от первого лица — в начале и в конце пути. Конец проходил в ссылке — в устье Дуная, среди варваров. Наказание, новая среда, оторванность от привычного мира — все было столь неожиданно и странно, что собственная судьба поэта не могла не стать темой стихов. Дело зашло так далеко, что Овидий сочинил нечто до него небывалое: стихотворную автобиографию («Скорбные элегии», IV, 10)². Из нее мы узнаем точную дату и место его рождения: 20 марта 43 г. до н. э., городок Сульмон к востоку от Рима. Мы узнаем, что поэт потомственно принадлежал к всадникам — второму в Риме сословию, что отец мечтал о гражданской карьере для сына и ради этого отдал его лучшим учителям красноречия; что у Овидия рано проявилось поэтическое дарование и все интересы были устремлены к стихотворству — к неудовольствию отца, все же заставившего его занять первые гражданские должности. Но — с гордостью пишет Овидий — перед самым вступлением в сенат он отказался от карьеры, чтобы полностью предаться поэзии, в которой уже добился признания. Из старших поэтов он дружил с Проперцием, остальных же «читал как богов» — но и сам был чтим младшими; писал много, но все, что считал неудачным, сжигал.

В первой же строке «автобиографии» Овидий дает себе определение, которое, по сути дела, непереводимо: «*tenerorum lusor amorum*». «*Lusor*» — существительное от глагола «*ludere*» — «играть, шутить, говорить и поступать не всерьез»; то, с чем «шутит, играл» поэт, — «нежная любовь» (*tener amor*), но любовь тут поставлена во множественном числе. Любовь во множественном числе — что это? «Любовный флирт»? Да, пожалуй, это верно — во всяком случае, для первого сборника стихов Овидия, в заголовке

¹ Греческая лирика почти до середины XIX в. была известна неспециалистам лишь в считанных образцах.

² В настоящем издании, где помещены только переводы С. В. Шервинского, этой элегии нет.

которого стоит слово «Amores» — любовь во множественном числе¹.

В «автобиографии» Овидий указывает и на литературную преемственность своих первых стихов:

Галл, тебе наследником был Тибулл, Тибуллу — Проперций.
Был лишь по времени я в этой четвертым чреде.

Галл, чьи стихи до нас не дошли, создал римскую любовную элегию, Тибулл и Проперций блестяще ее разработали. Жанр этот был чисто римским: архаическая Греция знала назидательную элегию, эпоха эллинизма создала элегию повествовательную, с мифологическим сюжетом. Объединял их только размер: элегический дистих, строка гекзаметра и строка пентаметра. Тем же размером писалась эпиграмма с ее разработкой бесконечно повторяющихся мотивов и пристрастием к любовной и даже эротической теме. Уже в I в. до н. э. эпиграммы писались и в Риме — по-гречески и по-латыни. Вся вторая половина книжки стихов Катутла, зачинателя римской лирики, написана элегическим дистихом; причем часто эпиграмма, обогащаясь новыми мотивами и удлиняясь, превращается в настоящую элегию — в новом, римском смысле слова. Недаром катулловские мотивы мы встретим у всех римских элегиков, включая Овидия.

И не только мотивы: в элегии стала традиционной циклизация стихов, объединенных именем возлюбленной, всегда вымышленным, как имя Лесбии у Катутла. Обязательными в цикле стали сетования на измены подруги, на ее корыстолюбие и все губящую силу золота, на собственное бессилие порвать с недостойной. Из эпиграммы пришла тема жалоб перед ее запертой дверью; закрепились и сетования на мужа и сторожей, мешающих свиданию любящих. Столь же обязательен стал отказ поэта от серьезной — эпической или героической — поэзии. Слова Горация, афористически обобщившего один из основных принципов античной поэзии: «по-своему говорить принадлежащее всем», — в элегии нашли свое самое прямое подтверждение.

Все перечисленное выше мы встречаем и в «Любовных элегиях» («Amores») Овидия. Как и предшественники, он воспевает возлюбленную, скрытую под именем греческой портессы Коринны. Но если мы знаем довольно много о прототипе Лесбии Катутла, если нам известны хотя бы подлинные имена воспетых Галлом, Тибуллом, Проперцием женщин, то ни современники Овидия, ни потомки не узнали, кто же была Коринна² и была ли она вооб-

¹ Нами по традиции принят перевод «Любовные элегии».

² Сам поэт говорит, что несколько женщин в Риме притязали на честь быть ею.

ше. Ведь все, что пишется о ней, было множество раз перепето, вплоть до конкретнейших тем. Катулл написал стихи на смерть воробья Лесбии — Овидий пишет длинную элегию на смерть по-пугая Коринны (II, 6). Он рассказывает свой вещий сон (III, 5), как Лигдам¹, и как Проперций, просит подругу пленять не заемной, а естественной прелестью, — впрочем, конкретизировав этот общий мотив в инвективу против крашения волос (I, 14). Катулл написал двухстрочную эпиграмму о разладе чувств к Лесбии — «Ненавижу и люблю»; Овидий пишет о том же элегию (III, 11), где тема «ненавижу» занимает 32 строки, а тема «люблю вопреки ненависти» — 20.

Вообще это стремление Овидия сказать об избранном предмете как можно больше бросается в глаза. Упреки заре, разлучающей влюбленных, — старая тема греческой эпиграммы; у Мелеагра, например, разработка ее уместается в шести строках с одним мифологическим примером. Овидий извлекает из темы 48 строк, из которых 20 отдано мифологии (I, 13). С современной точки зрения все это кажется длиннотами, — но Овидия как будто увлекает сам процесс нахождения все новых мотивов и возможностей связать их с основной темой. Здесь мы можем явственно ощутить второй источник поэтического стиля Овидия — риторику. Выученник риторических школ, он знал правило, требующее подверстывать к основной теме «общие места»². Мотивы, заимствованные у предшественников, и прежде всего мифология, — неисчерпаемый источник «общих мест» в ранних элегиях.

Влияние риторики ощущается и в более общем плане, прежде всего — в развитии избранных тем. Часто одна и та же тема переходит из элегии в элегию. Иногда она развивается в лих по контрасту: в одной элегии сводня доказывает выгоды продажной любви (I, 8), в другой сам поэт убеждает возлюбленную в обратном (I, 10). Порой контраст совмещается с развитием темы: поэт учит Коринну обманывать мужа на пирушке (I, 4) — а потом мучается, когда она следует его уроку, чтобы обмануть самого поэта (II, 5). Иногда сам контраст становится темой: вот автор убеждает возлюбленную, будто не изменял ей с ее рабыней (II, 7), — а в следующей элегии убеждает рабыню не признаваться госпоже в их измене. Причем и здесь, и во многих других случаях двусторонняя разработка темы сочетается с прямым убеждающим обращением к адресату; впрочем, такое же обращение нередко и в элегиях, не образующих контрастных пар.

¹ Под этим именем дошло несколько элегий в книге Тибулла.

² Термин античной риторики: «общими местами» назывались сентенции, краткие отступления в историю, мифологию и т. п.; они кочевали из речи в речь для ее украшения.

Это снова последние риторички, того вида ораторской речи, который оставался живым в Риме ко времени юности Овидия,—декламации. Декламациям обучались в риторических школах, их приходило слушать знатоки, в них состязались. Они делились на контроверсии — спорящие речи и суазории — речи убеждающие и доказывающие. Мы знаем, что Овидий отличался именно в последнем роде красноречия и не случайно перенес его в стихи. Суазория должна была не только логически аргументировать, не только блистать украшениями «общих мест» — она призвана была воздействовать эмоционально и на адресата, и на слушателей и выработала для этого целый арсенал приемов. Они позволяли разработать одну и ту же тему с разных точек зрения, часто противоположных,— что делает и Овидий, хотя бы в двойной элегии (II, 9 и 9a), где сперва доказывается, что нельзя жить, любя, потом — что нельзя жить без любви. Они давали возможность досконально проанализировать чувства, рожденные заданной ситуацией. Но кто бы ни пользовался ими — оратор или поэт,—его собственные эмоции оставались разыгранными. Этот холодок разыгранности мы ясно ощущаем в «Любовных элегиях».

В чем убеждает Овидий в своих элегических суазориях? Друга не должна быть корыстна или, по крайней мере, пусть не требует платы за любовь с поэта: он ведь награждает ее более ценным даром — стихами, приносящими ей славу. Но вдруг эта развитая в нескольких элегиях тема — общее место всей элегической поэзии римлян — обрывается ироническим контрастом: прославив Коринну, стихи доставили поэту новых соперников (III, 12). Возлюбленная должна научиться обманывать мужа, привлекать для этого служанку, уметь припугнуть или улестить сторожа (опять общие места элегии) — но и мужа поэт призывает стеречь жену, не то за нею неинтересно волочиться (II, 19). Элегия выработала свод ситуаций, связанных с любовью, точнее — с «любовями» во множественном числе, и Овидий принимает эти ситуации как готовые и проигрывает их, больше того, призывает всех играющих соблюдать правила игры. Авторское «я» — на равных правах со всеми; насколько оно совпадает с Овидием, так же не важно, как и то, реалист ли прототип Коринны. По сути дела, непосредственно-эмоциональное в «Любовных элегиях» почти ушло под натиском традиционного. Но щедрость таланта Овидия уже в первом цикле такова, что все возможности варьирования традиционных мотивов он исчерпывает до предела, увлекая этой игрой вариаций читателя. «Любовные элегии» и венчают, и кончают традицию: дальнейшая разработка все тех же тем стала невозможна, развитие жанра прекратилось.

Но парадоксальным образом утрата непосредственного переживания способствует выявлению самых сильных сторон таланта Овидия: изобретательности, фантазии, умения живописать. Пронгрываемая ситуация, поскольку она не ощущается эмоционально, может быть описана объективно, как бы со стороны. Что и делает Овидий. Подробность за подробностью наблюдает он все этапы послеполуденного свидания с возлюбленной (I, 5) — обстановку, свое состояние, поведение женщины, красоту ее обнаженного тела, последовательно рассматриваемого от плеч до бедер... Объективность убивает эмоцию, эротическая элегия холодна: весь интерес перенесен на пластически-зримое описание деталей. Из мозаики таких деталей можно составить любую картину, от рискованной (III, 7) до идиллически-пейзажной (III, 13), — и всегда она будет точной в каждом слове, изысканной в любой детали, часто — чуть ироничной. В живописании деталей Овидий нешеснякаем, — и вслед за поэтом даже современный читатель невольно заражается этой радостью нешесчерпаемого изобретения, увлекается пластической зримостью все новых образов.

Одни из источников этих деталей нами уже назван: это «общие места», заимствования из поэзии и мифологии. Но они группируются по большей части вокруг темы любовной, погруженной в быт, и быт этот снабжает поэта весьма сочными жанровыми деталями. Возникает игра несоответствий высокого и низкого, поэтического и повседневного. Особенно легко вовлекаются в нее бесчисленные мифологические сравнения. Они годятся, по убеждению поэта, везде.

В мифах всегда для меня пужный найдется пример, — пишет он сам (II, 4, 44). И порою сам же подтрунивает над своим пристрастием к мифологии; обращаясь к дождевому потоку, преградившему дорогу к любимой (III, 6), и помянув волшебные средства полета из мифов, поэт обрывает себя:

Что чудеса поминать, измышления древних поэтов?
Этих чудес не видал и не увидит никто...

Но через пять строк он забывается и нанизывает десять примеров любви речных богов, последний из которых развивается в самостоятельный эпизод, — пока опять не наступит отрезвление. Перед кем расточаются ученость и поэзия? Перед струей мутной и грязной воды!

Так в самую ткань любовной элегии Овидия входит эффектное несоответствие поэтики жанров. Мифологическое, традиционно принадлежавшее высоким жанрам эпоса или трагедии, сопоставляется с тем, что составляло предмет элегии, комедии, жанров

более низких¹. В таком окружении миф снижается иногда до пародии и вместе с тем подчеркивает, сколь мнима серьезность того, с чем он сравнивается,—мира любви во множественном числе. Поистине объективно оценил себя Овидий спустя десятилетия: «невед, шутивший с нежными любовями»!

Но каким бы условным и игровым ни выглядел мир, рисуемый Овидием в первом его цикле, читатель ощущает его несомненную связь с действительностью: в бытовых деталях, в ситуациях, в целых элегиях — таких, как изображающая посещение цирковых ристаний (III, 2). Причем объективный описатель Овидий часто ближе к действительности, чем, например, Тибулл, превосходящий его искренней эмоциональностью. Что же это был за мир, где легкость любовных отношений сочеталась с их эстетизацией, питавшейся стихами и питавшей стихи, а сами стихи провозглашались наряду с любовью главным в жизни? Мир почти узаконенного беспутства существовал в Риме издавна; недаром еще в конце III в. до н. э. привилась тут комедия с ее бесконечными «любовями» непутевых юношей к гетерам, своднями, ворчливыми или покладистыми стариками (многие из этих образов перекочевали в элегию). Ко временам Овидия мир этот стал несколько иным: дружба и искусство заняли в нем ничуть не меньшее место, чем незаконная любовь, к мужчинам примкнули женщины из общества, вольные в правах и одаренные, способные обогатить и вдохновить любовника, обмануть его и оценить его стихи, а порой и написать ответные. Приверженность поэта жизни этого круга обусловила один из следующих его поэтических шагов. Если Овидий в «Любвных элегиях» многократно убеждает своих адресатов следовать правилам любовного этикета, то естественно, что дальнейшим этапом становится для него прямое обучение этикету. Жанр для этого существовал: дидактическая поэма, и до Овидия порой избиравшая несерьезный предмет. Было, например, стихотворное руководство по игре «в разбойники» (что-то вроде шашек); да и сам Овидий написал в стихах наставление по косметике. Теперь он скрещивает традицию дидактических «наук» с традицией элегии — и создает три книги «Науки любви». А привычка трактовать всякий предмет с двух сторон помогает ему создать «антинауку» — «Лекарства от любви». Здесь поэзия Овидия погружается в быт как никогда более, и быт этот — тот же самый, что в «Любвных элегиях».

Как совместить это явно игровое отношение к предмету поэзии и ту искреннюю любовь читателей, о которой Овидий

¹ Овидий отлично ощущал это жанровое различие и прямо говорил о нем в ряде элегий (например, I, 1 и III, 1).

пишет — скорее всего, без преувеличений — в автобиографической элегии? Каким потребностям так горячо признавшего его общества — а не только описанного беспутного круга — отвечали эти стихи? Разрешить вопрос может лишь экскурс в историю.

Овидий родился в год самых страшных событий борьбы за единоличную власть над Римом, пачавшейся после смерти Юлии Цезаря. Когда Овидию исполнилось шестнадцать лет, завоевавший эту власть Август объявил умиrotворение вселенной и восстановление республики. Старая республика (з точном переводе не «государство», а «общее дело») была для римских граждан не формой правления, а формой жизни: служение ей — оружием на войне и мудрым словом в сенате и суде — мыслилось единственным достойным самопроявлением римлянина. На практике такое равновесие личных устремлений и общественного долга просуществовало немногие десятилетия, как идеал оно надолго пережило республиканскую форму правления. И Август, маскируя свою монархию под республику, опирался на этот живой для многих идеал и требовал служения своему государству как служения общему делу. И когда прекратились ужасы беспрепятственных гражданских войн, внешнее могущество государства окрепло, многие люди — не только политические деятели, но и поэты, как Вергилий и Гораций, — поверили новому правителю и поставили свой талант на службу его делу.

Делом этим было — так говорил сам Август — восстановление староримской доблести, благочестия, верности республике и семье. А также — обеспечение правосудия, свободы, мира, изобилия. Но из всего провозглашенного, пожалуй, один лишь мир и изобилие вернулись в Рим, изменив не только быт, но и жизнь горожан. Сверстники Овидия, не знавшие гражданской войны, спешили воспользоваться благами мира и богатства как естественными — но не для республики, а для себя. Они не были алчными корыстолюбцами или циничными жизнелюбцами. Люди такого склада как раз охотно служили — конечно, в своих целях — государству, а вернее, его правителю (впрочем, тип этот более характерен для времени преемников Августа). Реальность единовластного государства вовсе не походила на идеализируемую республику, под которую новая форма правления маскировалась. Это расхождение размывало гражданские идеалы староримской доблести, и читатели Овидия унаследовали от дедов и отцов не их, а новые ценности, которые были открыты теми в пору распада традиционных социальных связей гражданской общины Рима. То были ценности индивидуальные: личное счастье, любовь, поэтическое творчество, самосовершенствование философа. А выставленные Августом требования новой гражданственности

воспринимались как помеха. Так возникла пассивная, лишенная политической программы, но широкая оппозиция лицемерному режиму Августа. И цитаделью, в которой большинство образованных римлян нового поколения оборонялось от этих требований, стал мир их частной жизни — мир насквозь эстетизированный и во многом условный, в который мы заглянули через ранние элегии Овидия.

Сама их тема приоткрыла нам лишь любовный быт этого мира; но и тут он предстает в некоей оппозиции государству. Римская доблесть требует военной службы — и Тибулл сетует на необходимость идти в войско, разлучающую его с подругой. Овидий же озорно приравнивает любовника вонну (I, 9) и даже полководцу-победителю (II, 12). Август издает законы против безбрачия — а Проперций жалуется на них как на помеху любви, Овидий же учит мужчин и женщин «дозволенному блуду» («Наука любви»). Вообще поэзия в Риме звучит не так, как хочется Августу. Через своего ближайшего сподвижника Мецената ему удастся привлечь к своему делу и приблизить лично Вергилия и Горация. Но и они, поверив лозунгам нового режима, не могли примирить возрождаемые им в идеологии гражданские ценности и ценности личные. Гораций строит целую программу достижения нравственной свободы, и в эту программу лишь с натяжкой вписываются староримские доблести, воспетые в так называемых «римских одах». В «Энеиде» Вергилия трагичен Эней, ценой отказа от своих стремлений выполняющий волю рока — заложить основы будущего величия Рима, и столь же трагичны Дидона и Тури, отстаивающие свою любовь вопреки этой воле. Но «Энеида», изданная против желания автора посмертно (19 г. до н. э.) и сразу провозглашенная государственным эпосом Рима, породила лишь эпитонские подражания. А между тем поколение, получившее возможность ее прочесть, было одержимо стихами. Сочиняли и публично читали сочиненное без конца, поэзия была неотъемлемым атрибутом описываемого нами частного мира. Потому не случайно отклик здесь нашли не эпические высоты «Энеиды», а произведения молодого Вергилия — «Буколики», где поэт показал людям деревню как «обитель трудов и мирных нег» — а стремление в эту условную деревню стало модным и обязательным. Гораций способствовал этой тяге к сельскому покою, а Тибулл поэтически связал сельскую идиллию с любовью.

Мир любви (более стилизованный, как у старших элегиков, или почти реальный, как в «Науке любви»), мир природы и сельского быта (всегда стилизованный) — вот куда уводило римлянина поэтическое слово. И не только поэтическое. Даже ораторское искусство, раньше тесно связанное с жизнью гражданской общины,

приобрело новый характер. Политическому красноречию не осталось места, на смену речи в сенате и на форуме пришла декламация — учебное упражнение риторической школы. Причем темы бесчисленных суазорий и контroversий предлагались нарочито невероятные, не имеющие ничего общего с реальностью. С юности, с риторической школы словесность вела римлянина в мир условного¹.

Даже римский дом, сохранявший традиционное устройство, вместе с тем создавал вокруг обитателей особый, иллюзорный мир. Стены расписывались пучками колонн, карнизами, фронтонами, в проемах мнимой архитектуры «виделись» мнимые пейзажи, чаще всего сельские, идиллические, или морские. Городское жилище в Риме или в Помпеях как бы переносилось на возделанное лоно природы. И почти неизменным атрибутом писанных ландшафтов были мифологические сценки на известные всем сюжеты, фигуры героев мифа, такие же привычные, как их статуи, в изобилии населявшие Рим. Миф входил в стилизованный быт римлянина пластически воплощенным, был привычным и домашним. В столь знакомых богов и героев трудно было верить, вопреки требованиям восстановителя древнего благочестия Августа, зато легко было представить их себе соучастниками повседневной игры, какими делал небожителей Овидий.

Тесно сопрягая в «Любовных элегиях» миф и быт, поэт снижал миф — но то был все же стилизованный, возвышаемый быт элегии. В «Науке любви», еще глубже погрузившись в реальность быта, Овидий не отказывается от мифа, но теперь он чаще присутствует в виде самостоятельных мифологических эпизодов. Обособившись, миф заметно выделился и стилистически. Опыт к этому у поэта уже был: одновременно с «Любовными элегиями» Овидий написал поэму «Героиды» — 15 посланий мифических героинь покинувшим их возлюбленным. И как это ни парадоксально, любовные излияния, отделившись от авторского «я», стали звучать более горячо и страстно, чему немало способствовало некоторое удаление от быта. Когда посвященная мнимой возлюбленной мнимая лирика «Любовных элегий» превратилась в пародийные поучения «Науки любви», этот путь не повел Овидия далее. Когда

¹ Вот известная нам тема, на которую декламировал Овидий: «Муж и жена поклялись, что, если с одним что-нибудь случится, второй умрет. Муж, уехав, послал жене вестника, который сказал, что муж умер. Жена бросилась с высоты. Поправившись, она получает приказ отца оставить мужа, но не хочет. Отец от нее отрекается» (Сенека Старший. Суазории, X, 2). Понятно, что Овидий произнес речь в защиту женщины, отстаивая права любви.

любвные декламации были переданы мифологическим героиням, поэт ступил на дорогу, оказавшуюся для него плодотворной и приведшую его к вершине — к «Метаморфозам».

Итак, несмотря на все отречения от эпоса в «Любовных элегиях» (I, 1), Овидий написал эпическую поэму с мифологическим сюжетом. Принадлежность «Метаморфоз» к этому жанру засвидетельствована самой ее стиховой формой — чистым дактилическим гекзаметром, размером эпоса, начиная с гомеровского. Параллельно с «Метаморфозами» Овидий писал еще одно произведение мифологического характера — «Фасты», календарь, излагавший римские мифы, связанные с тем или иным праздником. «Фасты» создавались привычным элегическим дистихом и по самой структуре своей распадались на эпизоды. Разница в стихе стала разницей жанровой: дело не только в том, что поэт включал в поэму и чисто бытовые зарисовки, но и в том, что, по своему обыкновенно насыщая мифологические эпизоды деталями, он выбирал по большей части характерные и тяготеющие к быту¹. Но то, что было возможно для конгломерата повествовательных элегий на мифологический сюжет (какие писались уже греческими поэтами эпохи эллинизма, а в Риме — Проперцием), оказалось невозможным для эпоса.

В заглавие «Метаморфоз» Овидий обещает создать «непрерывную песнь»; это обещание звучит странно для поэмы, которая охватывает около 250 сюжетов, связанных только темой превращения. И все же это обещание выполняется. Прежде всего — благодаря единству места и времени, хотя место это — вселенная, а время простирается от сотворения мира до обожествления Юлиуса Цезаря (с перспективой грядущего обожествления Августа).

Мир в «Метаморфозах» един прежде всего потому, что в каждом его месте может произойти превращение. Мелькают мифы — мелькают местности; момент их удаленности неважен, момент пути если и есть, то лишь в пределах одного эпизода. Да и тут поэт любит сократить его: так в полете за колдовскими травами (VII, 222—232) Медея в одиннадцати строках посещает 14 названных по именам местностей, часто далеких друг от друга. Мир

¹ Например, описывая похищение Прозерпины (IV, 417 сл.), поэт сообщает и о том, к кому в гости привела ее в Сицилию Церера, и увлекается идиллической картиной сбора цветов девушками; если самому похищению посвящено 6 строк, то сбору цветов — 10, и в них 11 ботанических названий. Ничего подобного в соответствующем эпизоде «Метаморфоз» нет и в помине.

сжимается, становится небольшим и к тому же во всех своих концах знакомым. Потому что, называя место, Овидий непременно помянет наиболее известную его приметку: Нил всегда влечет упоминание о семи устьях, Парос — о мраморе, Этна — о вулканическом огне, Афины — о первых мифических царях Кекропе и Эрехтее. А если поэту нужно живописать нейзакный фон эпизода, то ландшафт не будет иметь ничего общего с реальным и сведется к двум типам: «романтическому» — суровые горы, море, скалы или идиллическому — рощи, луга с цветами, прозрачная река. Пространство столь же стеснено, приближено к человеку и условно, как в росписях помпейских и римских домов.

Время в «Метаморфозах» движется от рождения из хаоса благоустроенного мира к окончательному и бессрочному его благоустройству — «Августову умиротворению» и объединению под властью Рима. В этом целеустремленном времени располагаются мифы, связанные с сотворением мира и угрозами его возврата к хаосу (потоп, Фаэтонов пожар), затем — с мифологической эпохой (боги и их любовь, поколения героев, чьи истории сгруппированы то по местным циклам, то по генеалогическим связям), затем — с эпохой исторической, начинавшейся для древних с Троянской войны. Но вплоть до XIII книги, где появляется Эней, которого Овидий вслед за Вергилием признает носителем providенциальной миссии — положить начало грядущему величию Рима, почти ни один из эпизодов не способствует этой «цели истории». Поэтому и место каждого эпизода на оси времени не столь уж важно, и поэт может располагать их так, как требуют художественные задачи. Контраст или параллелизм содержания, предвосхищение, обрамление — нет счета всем приемам сплетания мифов в поэме, и основа свободы и стройности многосложной композиции — условность времени.

В этом истекающем времени и лишенном пространства мире совершаются события, объединяемые лишь своим исходом — превращением. Мифологические поэмы о превращениях писали в эллинистическую эпоху греки, одну из таких поэм переложил друг Овидия Эмилиий Макр, но только Овидий отважился объединить темой метаморфозы грандиозный свод мифов. Традиция римского эпоса требовала философского обоснования главной темы, и поэт дает его в речи Пифагора (XV, 259—260):

Мы полагать не должны, что длительно что-либо может
В виде одном пребывать.

Меняются фазы луны, возрасты человека, русла рек и высота гор... Но такое натурфилософское понимание закона вечно-го изменения как раз непреложимо к превращениям, которые

описывает поэт. Из них каждое есть чудо, то есть нарушение природных законов, а причина чуда — либо веление богов¹, либо — реже — колдовство.

Но в любом случае метаморфоза у Овидия — результат проявления чьей-то воли, то есть причины ее лежат в индивидуальной психологии. Учение о мотивах поступков было досконально разработано в философии древних: движущими силами признавались разум и страсти, причем разуму отводилась роль сдерживающего начала. В «Метаморфозах», если он и выступает в этой роли, то всегда безуспешно; его побеждает истинная движущая пружина всего — страсть: гнев, жалость, ревность, страх, но чаще всего — любовь. Это относится в равной мере и к человеческим, и к божественным персонажам. Уже в «Героидах», заставив своих героинь детально разбирать свою любовь и тоску, поэт глубоко психологизировал миф². В «Метаморфозах» страсть не анализируется в монологе от первого лица, а изображается в рассказе; но сам рассказ о действиях героя чаще всего определяется психологическим развитием его аффекта. Ниоба после гибели сыновей вся в бурном порыве, гордясь в ней еще берет верх над горем; после смерти дочерей она цепенеет от горя — и это психологическое оцепенение переходит в метаморфозу, несчастная камнеет уже не в переносном смысле; но и став камнем, она оплакивает детей (VI, 273—312). Так же вечно поворачивает голову за возлюбленным Солнцем превращенная в гелиотроп Клития, вечно стремится кинуться в море пырок Эсак... Само чудо метаморфозы вовлекается поэтом в сферу психологии: превращение не только возникает из-за страсти превращающего, но и символически выявляет главную страсть превращенного, его сущность. Злодей Ликаон становится волком, ткачиха Арахна — пауком. И не удивительно, что при такой метаморфозе превращенный порой сохраняет прежний разум и страдает из-за своего нового облика (Ио, Дриопа).

Будучи центром каждого эпизода, метаморфоза обычно описывается не мгновенной, а как длительный процесс, видимый читателем воочию. Ощущение, что метаморфоза совершается на наших глазах, усиливается оттого, что Овидий никогда не говорит

¹ «...Боги, ведь вы превращения эти вершили!» — гласит вторая строка поэмы.

² В этом ему опять-таки помогла риторика. Среди декламаций были и такие: «Что сказал бы такой-то герой в заданной, известной из мифа, ситуации». Речи этого рода назывались «эпопеями» (от «эпос» — нрав, характер и «пойе» — делаю). Образец таких эпопей в стихах — речи Аянта и Улисса в споре за оружие (XIII, 1—381).

заранее, во что будет превращен персонаж, больше того, стремится как можно более отдалить момент называния.

Детали, описывающие превращение, призваны сделать чудо зримым, пластически наглядным. Овидий уже не увлекается накоплением деталей, подверстываемых по любой ассоциации: принцип пластической наглядности требует их отбора, точного соответствия художественной цели. И принцип этот становится главенствующим во всей поэме, каждый эпитет работает на эту наглядность, каждое сравнение что-то предвосхищает или напоминает о чем-то. Овидий преодолевает не только привитую риторикой любовь к изобретению все новых ассоциаций и вариантов сказанного, но и восходящую к Гомеру эпическую полноту, традицию все договаривать до конца. Когда эффект достигнут, остальное может быть опущено: дочери Пелия поняли, что убили отца, и «у них — и души упали и руки» (VII, 347) — а далее о них можно не упоминать. Принцип концентрации художественных средств ради пластической наглядности проведен в поэме Овидия с такой неуклонностью, что один в силах сплавить все эпизоды.

Эта предельная пластичность живописания — сильнейшая сторона таланта Овидия-эпика¹ — делает живыми и знакомыми одержимых гневом, любовью, завистью богов и героев: они те же, что и в живописных композициях на стенах домов, в скульптурных группах, в театральных пантомимах, где под декламацию стихов тапцоры изображали действия персонажей². Потому так реальны их страсти, их «любви», что они остаются обитателями условного мира, любимого читателями Овидия.

Конечно, миф при этом не мог сохранять значение универсального мировоззренческого символа, утвержденного верой, — настолько, что нетрудно было даже, как в «Любовных элегиях», изводить его почти до пародии. И все же снизить возможно только то, что ощущается как высокое. Именно эту двойственность использует Овидий. Очередное любовное похищение Юпитера можно воспринять как «галантный эпизод», гибель Фаэтона — как драму непосильного дерзновения; но одновременно то и другое — космические события. Дело не только в том, что любовь Юпитера к Каллисто и ревность Юноны обогащают небосвод новым созвездием, а юная гордыня Фаэтона грозит гибелью миру. Дело в том, что психологические мотивы происходящего изменяются в масштабе.

¹ Педаром европейское изобразительное искусство начинал с Ренессанса обязано «Метаморфозам» даже не сюжетами, а разработанными сценариями множества картин.

² В ссылке Овидий узнает, что так инсценировали и «Метаморфозы».

Для Овидия, как для всех римских писателей, психологическое есть нравственное, нравственные же конфликты, происходящие в традиционно-возвышенной сфере, приобретают значение вечных образов и норм.

Не случайно столь часто повторяется в поэме мотив метаморфозы-награды (Филемон и Бавкида) и метаморфозы-кары. Иногда — за истинное злодеяние (Ликаон, Эрисихтон): боги блюдают закон справедливости. Но иногда караются и те, кто посмел тягаться с богами (Арахна, Периеры): в мире «Метаморфоз» гордыня смертных, чрезмерная оценка собственной личности по традиции считается греховной. И все же этих персонажей не ощущаешь злодеями, как и Пенфея, Миннад и других противников Вакха. Тем более — Мирру, Библиду, Медею (любимую героиню Овидия), Скиллу — преступниц во имя любви. К ним поэт со всей очевидностью стремится вызвать сочувствие, как и к жертвам неразделенной любви, разлуки, смерти любимого, будь этими жертвами даже боги.

Управляемый высшими силами мир «Метаморфоз» в принципе живет по жестким законам нравственной нормы, греха и воздаяния. Но тщетно было бы ожидать от наставника «Науки любви» сурового морализирования. Повторим: именно римская поэзия открыла индивидуального человека, заслуживающего и внимания, и сочувствия не только в меру своей добродетели, которая для староримской мысли была синонимом гражданской доблести, а для набиравшей силу философии означала подчинение всего своего существа норме, познанной разумом. Овидий был и остался поэтом-завершителем того, что начали Катулл в лирике и Вергилий в эпосе. Человек (или очеловеченный бог) может вступить даже в конфликт с миром нормы или в разлад с самим собой как нравственной личностью — и не утратить права на сочувствие. Уже не «певец любовей» отстаивает права на «дозволенный блуд» внутри благоустроенного государства: поэт любви защищает ее ценность (как и ценность всякого глубокого и искреннего проявления личности), даже когда она приходит в конфликт с благоустроенным властью богов миром. Достигнув поэтической зрелости, Овидий не перестал быть самим собой, — но поднялся до недоступных ему прежде высот поэтического обобщения.

Из такого сложного комплекса исторических, мировоззренческих, поэтических компонентов возникло произведение, которому была уготована в истории литературы особая судьба. Тексты античных поэтов, даже Гомера, теряли, находили и открывали снова — Овидия, и прежде всего «Метаморфозы», читали всегда. Средневековье, знакомившееся с мифологией исключительно по Овидию, назвало его свод мифов «языческой библией». Реминисцен-

ции из «Метаморфоз» обильны у Петрарки, на него опирается Боккаччо в самом ученом своем труде — «Генсалогиях языческих богов». У него учатся эпическому искусству Ариосто и Тассо, бесчисленные художники эпохи Ренессанса берут из «Метаморфоз» сюжеты, на тему мифа об Орфее в изложении Овидия написаны первые европейские оперы: «Эвридика» Пери и «Эвридика» Каччини. Барокко не убавляет пристрастия к Овидию, и Гонгора в своем «Полифеме» прямо излагает «Метаморфозы», «переведя» соответствующий эпизод на пышный, цветистый язык эпохи. Лишь романтизм хотел разлюбить Овидия, и позитивистская филологическая критика XIX в. отказывала его поэме в цельности, в стилистическом единстве и т. п. Правда, это не поколебало читательской любви, но лишь XX в. сумел открыть в «Метаморфозах» не только занимательность и виртуозную пластику изображения, но и ту глубокую человечность, о которой мы стремились дать понятие. А гениальная сюита иллюстраций к «Метаморфозам», сделанных Пабло Пикассо, помогла увидеть в поэме вечный символ воплощенных Красоты и Искусства.

Когда завершалась работа над поэмой, автору исполнилось пятьдесят лет. Перебирая в автобиографической элегии прожитые годы, он вспоминает о трех своих браках (только третий оказался прочным и верным), о дочери и внуках, о поздней смерти родителей — и о постоянном и успешном поэтическом творчестве. Были и почтительные, преданные друзья, было преклонение младших поэтов, — жизнь безмятежная и счастливая, переломившаяся внезапно в 8 г. н. э. С Эльбы, от одного из друзей, Овидий был вызван к Августу, осыпан упреками и личным указом правителя выслан из Рима. Правда, его не лишили гражданства и прав состояния, по месту ссылки назначили глухое, на самой границе зависимого от Рима Фракийского царства и диких степных племен гетов и сарматов. То был город Томы близ устья Дуная, у Евксинского Понта (Черного моря).

Причины изгнания остаются загадкой по сей день. Сам поэт в «поптийских» элегиях постоянно указывает на две: стихи (явно разумея «развращающую» «Науку любви») и «еггю» — «оплошность, опрометчивый шаг». Стихи он отваживается защищать — в «оплошности» признается полностью, но нигде не говорит, в чем она состояла. Современники, а вслед за ними и потомки связывали ссылку Овидия с одновременным изгнанием внучки Августа Юлии Младшей, осужденной дедом за разврат. Два приговора придавали династическому акту, за которым стояла борьба за

престолонаследие, видимость высокоправственного преследования губящего общество распутства и наставника в нем. Август не придавал значения тому, что «Наука любви» вышла уже десять лет назад, но не хотел создавать прецедент осуждения писателя за творчество¹. Двойное обвинение было необходимо, независимо от того, в чем состояла оплошность и была ли она вообще. Овидий же принял одну тактику защиты: полное признание и мольбы о пощаде.

Защита оказалась тщетной, почти десять лет провел поэт в Томах и там же умер в 17 г., не возвращенный в Рим даже преемником Августа Тиберием. Но перелом в жизни Овидия оказался не концом его творчества, а началом нового этапа, причем началом неожиданным.

Поэт покидал Рим в отчаянье: многие друзья отвернулись, рабы обманули, жена по обоюдному согласию оставалась в столице для хлопот... Овидий, по собственным словам, возненавидел собственное творчество, сжег все написанное, так что «Метаморфозы» были восстановлены лишь позже, по ходившим среди друзей спискам. Отъезд пришелся на декабрь 8 г. — зиму, когда плавание было особенно опасно. Буря чуть не потопила корабль между Италией и Грецией, но именно во время бури Овидий почувствовал, как в голове его вновь складываются стихотворные строки... С тех пор творчество стало стержнем, поддерживавшим жизнь, казалось бы, разбитую.

Когда, зазимовав в Греции, поэт прибыл весной 9 г. в Томи, им было уже написано 12 элегий; они составили первую книгу сборника, получившего название «Tristia» — «Скорбное»². За ней последовало длинное послание к Августу, занявшее всю вторую книгу, и с тех пор каждое лето, вплоть до 12 г., в Рим посылались еще одна (всего их пять). Все элегии написаны как послания, но без имени адресата; имя указывалось в других посланиях, не предназначенных для публикации и лишь в 13 г. собранных в три книги «Писем с Понта» (дополнены посмертно)³.

При первом чтении «Скорбных элегий» кажется, что поэт вернулся к ранней манере письма: снова напишываются деталь за деталью — чем больше, тем лучше, — среди них то и дело мелькают

¹ Первым прецедентом этого рода Тацит назвал приговор историку Кремуцию Корду, вынесенный уже Тиберием («Анналы», IV, 34).

² Как и в случае с «Любовными элегиями», наш перевод — «Скорбные элегии» — следует условной традиции.

³ Кроме названных произведений, Овидий писал в ссылке небольшие поэмы и доработал готовую часть «Фастов».

обязательные мифологические параллели, но — чего почти не было прежде — не только они кочуют из элегии в элегию. Повторяется и самое конкретное. Сколько раз упоминаются, например, замерзшие реки и море! Утрачивается и концентрация поэтических средств, а из приемов организации материала почти исключительное положение занимает антитеза, контраст.

Но контраст перестает быть только приемом. Он — наиболее адекватное выражение внутренней сущности последних элегий. Ведь вся жизнь Овидия теперь — контраст его прежней жизни. То, что было естественной средой, было бытом: Рим с его отданным стихотворству и дружескому общению досугом, семья, безмятежность — стало далеким воспоминанием. А мир, казавшийся в «Метаморфозах» небольшим и обжитым, оказался огромным и чуждым. В «Метаморфозах» Персей или Дедал пролетали за короткие часы огромные пути (географически точно размеченные); в «Скорбных элегиях», прощаясь с кораблем (I, 10), Овидий столь же точно размечает свой собственный маршрут — но акцент ставится противоположный: путь долог и труден, каждый его этап — преодоление. Буря на море стала непрерывным сюжетом поэтического описания еще у первых латинских трагиков, Вергилий придал ему в «Энеиде» классическую форму. Изображая бурю (I, 2), Овидий не забывает, по примеру предшественников, назвать мифологические имена ветров, напавших на море, вслед за Энеем восклицает, что лучше было бы умереть на суше, с самого начала перечисляет богов, насылавших бури на героев, и богов, охранявших их. И вместе с тем буря — реальная жизненная ситуация самого поэта; она контрастирует с его прежней жизнью и служит преддверием новой, быть может, еще более страшной. В конце стихов антитеза разрешается, но это дань не поэтической, а прагматической необходимости: бог Август может смягчить участь Овидия, как бог — скорее всего, тот же Август — укротил бурю. Для этого разрешения и нужны были боги гневные и боги-заступники в начале. Жизненное переживание, практическая цель послания, с одной стороны, и традиционность изложения, применение привычного арсенала мифологических параллелей и поэтических реминисценций составляют в «Скорбных элегиях» те полюса, между которыми пролегает поле поэтического напряжения.

Соотношение этих полюсов меняется. В более ранних элегиях жизненно конкретное занимает больше места — настолько, что в знаменитом изображении последней почвы в Риме (I, 3) даже два мифологических сравнения кажутся чужеродными: биографичность элегии настраивает нас на современное понимание лирики. Позже как жизненная реальность входят в элегии окружающая Овидия природа и люди, ландшафт, ничего общего не имеющий

с условными пейзажами «Метаморфоз». Но при изображении страны изгнания поэт все время имеет в виду оставленный Рим — и из целостной картины отбирает то, что больше всего контрастирует с привычной для римлянина природой и бытом: земля — неплодородна, зимой — петающий снег и замерзшие воды в реках, море, источниках; люди — косматы, одеты в меха и штаны (отличительный признак варвара), не знают законов и живут войной... Так создается единая и вместе с тем стилизованная картина¹ страны изгнания, где чужаку-поэту остаются только болезни, одиночество, тоска.

Вокруг этого стержня (чужбина и участь ссыльного) строится система контрастных ему тем. Первая противопоставляемая группа связана с Римом: Рим — это и воспоминания о прежней жизни, и друзья, заодно с женой хлопчущие о поэте в надежде смягчить его судьбу, и Август, на чье милосердие вся надежда. К ним пишутся послания-суазорны, убеждающие речи в стихах, с необходимым набором риторических фигур и «общих мест». Вторая антигега — поэзия: Муза не покидает поэта в ссылке, утешает его и ободряет, доставляет смысл жизни; если не поэту, то стихам можно вернуться в Рим; наконец, благодаря творчеству поэт находит в себе первые признаки душевного укрепления.

В этом последнем была глубокая внутренняя правда. Овидий, художник, для которого искусство было синонимом порядка, строит и из материала новой действительности упорядоченную картину. Пусть ради этого он вычленил из окружающего и выделил в своем душевном состоянии сравнительно немногие детали, — сама внутренняя возможность построения этой картины означала для него победу над враждебными обстоятельствами и чуждыми впечатлениями. Если читатель нового времени, понимая, насколько полнее в последние стихи Овидия вошла биографическая реальность, ждет от «Скорбных элегий» большей «непосредственности чувства», для Овидия именно эта непосредственность означала бы капитуляцию перед обстоятельствами. Поэтическое совпало с нравственным. Не вопль, а стройная жалоба, не конвульсивный крик о пощаде или помощи, а аргументированная защитительная или убеждающая речь со ссылками на мифологические и исторические прецеденты — в этом была не только литературная, но и нравственная позиция. Овидий горестно столкнулся с могуществом правящего миром бога, как столкнулись Фэтон и Арахна, Периды и Миннады, — но метаморфоза не состоялась. Ссылный, умоляющий, плачущий, поэт остался поэтом. В последний раз

¹ Стилизованная даже по сравнению с более близкими к действительности описаниями из «Илиссем с Понта».

в римской поэзии было обретоно высшее равновесие между переживанием поэта и поэтическим порядком, указанным традицией. Исключительные жизненные обстоятельства привели к тому, что художественная удача стала моральной победой. Это равновесие ясно ощутил другой, вечно искавший его же поэт, волею обстоятельств получивший право сравнить свою судьбу с Овидиевой. В ту эпоху, когда Овидия «Скорбных элегий» особенно охотно упрекали и в оскудении таланта, и в человеческом малодушии, смелый Пушкин, хотя и находя в себе больше твердости, все же брал древнего певца под защиту:

Кто в грубой гордости прочтет без умиления
Сии элегии, последние творенья?

(«К Овидию»)

Этот приговор — самый справедливый.

С. Ошеров

ЛЮБОВНЫЕ
ЭЛЕГИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Важным стихом я хотел войну и горячие битвы
Изобразить, применив с темой согласный размер:
С первым стихом был равен второй. Купидон

рассмеялся

И, говорят, у стиха тайно похитил стопу.

5 «Кто же такие права тебе дал над стихами, злой

мальчик?

Ты не вожатый певцов, спутники мы Пиерид.

Что, если б меч Венера взяла белокурой Минервы,

А белокурая вдруг факел Минерва зажгла?

Кто же нагорных лесов назовет госпожою Цереру

10 Или признает в полях девственной лучницы власть?

Кто же метанью копья обучать пышнокудрого стал бы

Феба? Не будет бряцать лирой Аонии Марс!

Мальчик, и так ты могуч, и так велико твое царство,—

Честолюбивый, зачем повых ты ищешь забот?

15 Или ты всем завладел — Геликопом, Темпейской

долиной?

Иль не хозяин уж Феб собственной лиры своей?

Только лишь с первым стихом возникала новая книга,

Как обрывал Купидон тотчас мой лучший порыв.

Нет для легких стихов у меня подходящих предметов:

20 Юноши, девушки нет с пышным убором волос»,—

Так я пенял, а меж тем открыл он колчан и мгновенно

Мне на погибель извлек острые стрелы свои.

Взял свой изогнутый лук, тетиву натянул на колене:

«Вот,— сказал он,— поэт, тема для песен твоих!»

25 Горе мне! Были, увы, те стрелы у мальчика метки.

Я запылал — и в груди царствует ныне Амур.

Пусть шестистопному вслед стиху идет пятистопный.
Брани, прощайте! И ты, их воспевающий стих!
Взросшим у влаги венчай золотистую голову миртом,
Муза, — в двестишьях твоих будет одиннадцать стоп.

2

Я не пойму, отчего и постель мне кажется жесткой,
И одеяло мое на пол с кровати скользит?
И почему во всю долгую ночь я сном не забылся?
И отчего изнемог, кости болят почему?

5 Не удивлялся бы я, будь нежным взволнован я
чувством...

Или, подкравшись, любовь тайно мне козни творит?
Да, несомненно: впилась мне в сердце точеные стрелы
И в покоренной груди правит жестокий Амур.

10 Сдаться ему иль борьбой разжигать нежданное пламя?..
Сдамся: поклажа легка, если не давит плечо.

Я замечал, что пламя сильней, коль факел колеблешь, —
А перестань колебать — и замирает огонь.

Чаще стегают быков молодых, ярму не покорных,
Нежели тех, что бразду в поле охотно ведут.

15 С норовом конь — так его удилами тугими смиряют;
Если же рвется он в бой, строгой не знает узды.

Так же Амур: сильней и свирепей он гонит
строптивых,

Нежели тех, кто всегда служит покорно ему.

20 Я признаюсь, я повой твоей оказался добычей,
Я побежден, я к тебе руки простер, Купидон.

Незачем нам враждовать, я мира прошу и прощенья, —
Честь ли с оружием твоим взять безоружного

в плен?

Миртом чело увенчай, запряги голубей материнских,
А колесницу под стать отчим воинственный даст.

25 На колеснице его — триумфатор — при кликах народа
Будешь стоять и легко править упряжкой птиц.

Юношей пленных вослед поведут и девушек пленных,
Справишь торжественно ты великолепный триумф.

Жертва последняя, сам с моей недавнею рапой

30 Новые цепи свои пленной душой понесу.

За спину руки загнув, повлекут за тобой Благо нравье,
Скромность и всех, кто ведет с войском Амура

борьбу.

Все устроятся тебя, и, руки к тебе простирая,
 Громко толпа запоет: «Слава! Ио! Торжествуй!»
 35 Рядом с тобой Соблазны пойдут, Заблуждение,
 Буйство, —
 Где бы ты ни был, всегда эта ватага с тобой.
 Ты и людей и богов покоряешь с таким ополченьем.
 Ты без содействия их вовсе окажешься гол.
 40 Мать с олимпийских высот тебе, триумфатору, будет
 Рукоплескать, на тебя розы кидать, веселясь.
 Будут и крылья твои, и кудри гореть в самоцветах,
 Сам золотой, полетишь на золоченой оси.
 Многих еще по дороге спалишь — тебя ли не знаю!
 Едучи мимо, ты ран много еще нанесешь.
 45 Если бы даже хотел, удержать ты стрелы не в силах:
 Если не самый огонь, близость его — обожжет.
 Схож с тобою был Вакх, покорявший земли у Ганга:
 Голуби взяли тебя — тигры возили его.
 50 Но коль участвую я в божественном ныне триумфе,
 Коль побежден я тобой, будь покровителем мне!
 Великодушен — смотри! — в боях твой родственник
 Цезарь, —
 Победоносной рукой он побежденных хранит.

3

Просьба законна моя: пусть та, чьей жертвою стал я,
 Либо полюбит меня, либо обяжет любить.
 Многого я захотел!.. О, лишь бы любить позволяла!..
 Пусть Киферея моей внемлет усердной мольбе.
 5 Не отвергай же того, кто умеет любить без измены,
 Кто с постоянством тебе долгие годы служил.
 Не говорит за меня старинное громкое имя
 Прадедов: всадник простой начал незнатный
 наш род.
 10 Тысяч не надо плугов, чтоб мои переплывать земли:
 Оба — и мать и отец — в денежных тратах
 скромны.
 Но за меня Аполлон, хор муз и отец виноделья
 Слово замолвят; Амур, кем я подарен тебе,
 Жизни моей чистота, моя безупречная верность,
 Сердце простое мое, пурпур стыдливый лица.
 15 Сотни подруг не ищу, никогда волокитой не был,
 Верь, ты навеки одна будешь любовью моей,

Сколько бы Парки мне жить ни судили, — о, только бы
вместе

Быть нам, только мою ты бы оплакала смерть!

20 Стань же теперь для меня счастливою темою песен, —
Знай, что темы своей будут достойны они.

Славу стихи принесли рогов испугавшейся Ио;

Той, кого бог обольстил, птицей представ водяной;

Также и той, что, на мнимом быке плывя через море,

В страхе за выгнутый рог юной держалась рукой.

25 Так же прославят и нас мои песни по целому миру,

Соединятся навек имя твое и мое.

4

С нами сегодня в гостях и муж твой ужинать будет, —

Только в последний бы раз он возлежал за столом!

Значит, на милую мне предстоит любоваться, и только,

Рядом же с нею лежать будет другой, а не я.

5 Будешь, вплотную прильнув, согревать не меня,
а другого?

Он, лишь захочет, рукой шею обхватит твою?

Ты не дивись, что Атракова дочь белолицая ввергла

В брань двоевидных мужей, пьяных на брачном

пиру.

Я хоть не житель лесов, не кентавр-полуконь, —

и, однако,

10 Руку едва ль удержу, чтоб не коснуться тебя!

Слушай, как надо вести себя нынче (ни Эвру, ни Ноту

Не позволяй, я прошу, речи мои разнести):

Раньше супруга приди — на что я надеюсь, по правде,

Сам я не знаю, — но все ж раньше супруга приди.

15 Только он ляжет за стол, с выражением самым
невинным

Рядом ложись, но меня трогай тихонько ногой.

Глаз с меня не своди, понимай по лицу и движениям:

Молча тебе намекну — молча намеком ответь.

Красноречиво с тобой разговаривать буду бровями,

20 Будут нам речь заменять пальцы и чаши с вином.

Если ты нашей любви сладострастные вспомнишь забавы,

То к заалевшей щекке пальцем большим

прикоснись.

Если меня упрекнуть захочешь в чем-либо тайно,

К уху притронься рукой, пальцами книзу, слегка.

25 Если же речи мои или действия ты одобряешь,
 Мне в поощренье начни перстни на пальцах вертеть.
 Молча к столу прикоснись, как молящие в храме, лишь
 только
 Вздумаешь — и поделом! — мужу всех бед
 пожелать.

30 Если предложит вина, вели самому ему выпить.
 Тихо слуге прикажи то, что по вкусу, подать.
 Будешь ли чашу, отлив, возвращать, схвачу ее первый,
 Края губами коснусь там, где касалась и ты.
 Если, отведав сперва, передаст тебе муж угощенье,
 Не принимай, откажись, раз уже пробовал он.

35 Не позволяй обнимать недостойными шею руками,
 Нежно не думай склонять голову к жесткой груди.
 К лону, к упругим грудям не давай его пальцам
 тянуться;

Главное дело, смотри: ни поцелуя ему!
 Если ж начнешь целовать, закричу, что твой
 я любовник,

40 Что поцелуй — мой, в ход я пушу кулаки!
 Это хоть все на виду... А что под одеждою скрыто?
 Вот от чего наперед весь я от страха дрожу.
 Голеню к мужу не льни, не жми ему ляжкою ляжку,
 Нежной ногою своей грубой не трогай ноги.

45 Многого, бедный, боюсь: сам дерзкого делал немало,
 Вот и пугает меня собственный нынче пример.
 Часто с любимой моей, в торопливой страстности
 нашей,

Делали мы под полой сладкое дело свое!..
 С мужем не станешь, — зачем?.. Но чтобы не мог я
 и думать,

50 Лучше накидку свою сбрось, соучастницу тайн.
 Мужа все время проси выпивать, — но проси, не целуй:
 Пусть себе спит; подливай крепче вина, без воды.
 А как повалится он хмельной, осовеет, затихнет,
 Нам наилучший совет время и место дадут.

55 Лишь соберешься домой и поднимешься, мы —
 за тобою.

Ты оказаться должна в «среднем отряде» гурьбы.
 В этой гурьбе я тебя отыщу иль меня ты отыщешь, —
 Тут уже только сумей, трогай как хочешь меня.
 Горе! Советы мои всего лишь на час или на два:

60 Скоро мне ночь повелит с милой расстаться моей.

Муж ее на ночь запрет, а я со слезами печали
Вправе ее проводить лишь до жестоких дверей.
Он поцелуй сорвет... и не только одни поцелуи...
То, что мне тайно даешь, он по закону возьмет.
65 Но неохотно давай, без ласковых слов, через силу,—
Ты ведь умеешь! Пускай будет скупой любовью.
Если не тщетна мольба,— пусть он наслажденья

хотя бы

Не испытал в эту ночь, а уж тем более ты...
Впрочем, как бы она ни прошла, меня ты наутро
70 Голосом твердым уверь, что не ласкала его...

5

Жарко было в тот день, а время уж близилось к полдню.
Поразморило меня, и на постель я прилег.

Ставня одна лишь закрыта была, другая — открыта,
Так что была полутень в комнате, словно в лесу,—

5 Мягкий, мерцающий свет, как в час перед самым
закатом

Иль когда ночь отошла, но не возник еще день.
Кстати такой полумрак для девушек скромного нрава,
В нем их опасливый стыд нужный находит приют.

Тут Коринна вошла в распоясанной легкой рубашке,
10 По белоснежным плечам пряди спадали волос.

В спальню входила такой, по преданию, Семирамида
Или Лаида, любовь знавшая многих мужей...

Легкую ткань я сорвал, хоть, тонкая, мало мешала,—
15 Скромница из-за нее все же боролась со мной.

Только сражалась, как те, кто своей не жаждет победы,
Вскоре, себе изменив, другу сдалась без труда.

И показала она перед взором моим обнаженной...
Мне в безупречной красе тело явилось ее.

Что я за плечи ласкал! К каким я рукам прикасался!
20 Как были груди полны — только б их страстно

сжимать!

Как был гладок живот под ее совершенною грудью!

Стан так пышен и прям, юное крепко бедро!

Стоит ли перечислять?.. Все было восторга достойно.

Тело нагос ее я к своему прижимал...

25 Прочее знает любой... Уснули усталые вместе...

О, проходили бы так чаще полудни мои!

Слушай, привратник,— увы! — позорной прикованный
цепью!

Выдвинь засов, отвори эту упрямую дверь!

Многого я не прошу, проход лишь узенький сделай,
Чтобы я боком пролезть в полуоткрытую мог.

5 Я ведь от долгой любви исхудал, и это мне кстати,—
Вовсе я тоненьким стал, в щелку легко проскользну...

Учит любовь обходить дозор сторожей потихоньку
И без препятствий ведет легкие ноги мои.

10 Рапьше боялся и я темноты, пустых привидений,
Я удивлялся, что в почь храбро идет человек.

Мне усмехнулись в лицо Купидон и мать Венера,
Молвили полушутя: «Станешь отважен и ты!»

Я полюбил — и уже ни призраков, реющих ночью,
Не опасаясь, ни рук, жизни грозящих моей.

15 Нет, я боюсь лишь тебя и лышу лишь тебе, лежебока!
Молнию держишь в руках, можешь меня поразить.

Выгляни, дверь отомкни,— тогда ты увидишь, жестокий:
Стала уж мокрою дверь, столько я выплакал слез.

20 Вспомни: когда ты дрожал, без рубахи, бича ожидая,
Я ведь тебя защищал перед твоей госпожой.

Милость в тот памятный день заслужили тебе мои
просьбы,—

Что же — о, низость! — ко мне нынче
не милостив ты?

Долг благодарности мне возврати! Ты и хочешь и
можешь,—

25 Время ночное бежит,— выдвинь у двери засов!
Выдвинь!.. Желая тебе когда-нибудь сбросить оковы

И перестать наконец хлеб свой невольничий есть.
Нет, ты не слушаешь просьб... Ты сам из железа,

привратник!..
Дверь на дубовых столбах окоченелой висит.

С крепким запором врата городам осажденным
полезны,—

30 Но опасаться врагов надо ли в мирные дни?

Как ты поступишь с врагом, коль так влюбленного
гонишь?

Время почное бежит,— выдвинь у двери засов!
Я подошел без солдат, без оружия... один... но не вовсе:
Знай, что гневливый Амур рядом со мною стоит,

35 Если б я даже хотел, его отстранить я не в силах,—
 Легче было бы мне с телом расстаться своим.
 Стало быть, здесь один лишь Амур со мною, да легкий
 Хмель в голове, да веноч, сбившийся с мокрых
 кудрей.
 Страшно ль оружие мое? Кто на битву со мною не
 выйдет?

40 Время ночное бежит,— выдвинь у двери засов!
 Или ты дремлешь и сон, помеха влюбленным, кидает
 На вестер речи мои, слух миновавшие твой?
 Помню, в глубокую ночь, когда я, бывало, старался
 Скрыться от взоров твоих, ты никогда не дремал...

45 Может быть, пынче с тобой и твоя поживает подруга? —
 Ах! Насколько ж твой рок рока милей моего!
 Мне бы удачу твою,— и готов я надеть твои цепи...
 Время почное бежит,— выдвинь у двери засов!
 Или мне чудится?.. Дверь на своих веревках повернулась...

50 Дрогнули створы, и мне скрип их пророчит успех?..
 Нет... Я ошибся... На дверь налетело дыхание ветра...
 Горе мне! Как далеко ветер надежды унес!
 Если еще ты, Борей, похищенье Орифии помнишь,—
 О, появивсь и подуй, двери глухие взломай!

55 В Риме кругом тишина... Сверкая хрустальной росой,
 Время ночное бежит,— выдвинь у двери засов!
 Или с мечом и огнем, которым пылает мой факел,
 Переступлю, не спросясь, этот надменный порог!
 Ночь, любовь и вино терпенью не очень-то учат:

60 Ночи стыдливость чужда, Вакху с Амуром — боязнь.
 Средства я все истощил, но тебя ни мольбы, ни угрозы
 Все же не тронули... Сам глуше ты двери глухой!
 Нет, порог охранять подобает тебе не прекрасной
 Женщины,— быть бы тебе сторожем мрачной
 тюрьмы!..

65 Вот уж девица встает и воздух смягчает морозный,
 Бедных к обычным трудам вновь призывает петух.
 Что ж, мой несчастный веноч! С кудрей безрадостных
 сорван,
 У неприятных дверей здесь до рассвета лежи!
 Тут на пороге тебя госпожа поутру заметит,—

70 Будешь свидетелем ты, как я провел эту ночь...
 Ладно, привратник, прощай!.. Тебе бы терпеть мои муки!
 Соия, любовника в дом не пропустивший,— прощай!
 Будьте здоровы и вы, порог, столбы и затворы
 Крепкие,— сами рабы хуже ценного раба!

Если ты вправду мой друг, в кандалы заключи
по заслугам

Руки мои — пока буйный порыв мой остыл.
В буйном порыве своем на любимую руку я поднял,
Милая плачет, мой жертва безумной руки.
5 Мог я в тот миг оскорбить и родителей нежно любимых,
Мог я удар нанести даже кумирам богов.
Что же? Разве Аянт, владевший щитом семислойным,
Не уложил, изловив, скот на просторном лугу?
Разве злосчастный Орест, за родителя матери мстивший,
10 Меч не решился поднять на сокровенных богинь?
Я же посмел растрепать дерзновенно прическу
любимой, —

Но, и прически лишась, хуже не стала она.
Столь же прелестна!.. Такой, по преданью, по склонам
Менала

Дева, Схенеева дочь, с луком за дичью гпалась;
15 Или критянка, когда паруса и обеты Тезея
Нот упустил, распустив волосы, слезы лила;
Или Кассандра (у той хоть и были священные ленты)
Паземь простерлась такой в храме, Минерва, твоём.
Кто мне не скажет теперь: «Сумасшедший!», не скажет
мне: «Варвар!»?

20 Но промолчала она, ужас уста ей сковал.
Лишь побледневшим лицом безмолвно меня упрекала,
Был я слезами ее и без речей обвинен.
Я поначалу хотел, чтоб руки от плеч отвалились:
«Лучше, — я думал, — лишусь части себя самого!»
25 Да, себе лишь в ущерб я к силе прибег безрассудной,
Я, не сдержав свой порыв, только себя наказал.
Вы мне нужны ли теперь, служанки злодейств
и убийства?

Руки, в оковы скорей! Вы заслужили оков.
Если б последнего я из плебеев ударил, понес бы
30 Кару, — иль более прав над госпожой у меня?
Памятен стал Диомед преступленьем тягчайшим:
богине

Первым удар он нанес, стал я сегодня — вторым.
Все ж он не столь виноват: я свою дорогую ударил,
Хоть говорил, что люблю, — тот же взбешен был
врагом.

35 Что ж, победитель, теперь готовься ты к пышным
 триумфам!
 Лавром чело увенчай, жертвой Юпитера чти!..
 Пусть восклицает толпа, провожая твою колесницу:
 «Славься, доблестный муж: женщину ты одолел!»
 Пусть, распустив волоса, впереди твоя жертва влачител,
 40 Скорбная, с бледным лицом, если б не кровь на щеках...
 Лучше бы губкам ее посинеть под моими губами,
 Лучше б на шее носить зуба игривого знак!
 И, наконец, если я бушевал, как поток разъяренный,
 И оказался в тот миг гнева слепого рабом,—
 45 Разве прикрикнуть не мог — ведь она уж и так
 оробела,—
 Без оскорбительных слов, без громогласных угроз?
 Разве не мог разорвать ей платье — хоть это и стыдно —
 До середины? А там пояс сдержал бы мой пыл.
 Я же дошел до того, что схватил надо лбом ее пряди
 50 И на прелестных щеках метки оставил погтей!
 Остолбенела она, в изумленном лице ни кровинки,
 Белого стала белей камня с Паросской гряды.
 Я увидал, как она обессилела, как трепетала,—
 Так волоса тополей в ветрепых струях дрожат,
 55 Или же тонкий тростник, колеблемый легким Зефиром,
 Или же рябь на воде, если пропосится Нот.
 Дольше терпеть не могла, и ручьем полились ее слезы —
 Так из-под снега течет струйка весенней воды.
 В эту минуту себя и почувствовал я виноватым,
 60 Горькие слезы ее — это была моя кровь.
 Трижды к ногам ее пасть я хотел, молить о прощенье,—
 Трижды руки мои прочь оттолкнула она.
 Не сомневайся, поверь: отменив, облегчишь свою муку;
 Мне, не колеблясь, в лицо впейся ногтями, молю!
 65 Глаз моих не щади и волос не щади, заклинаю,—
 Женским слабым рукам гнев свою помощь подаст.
 Или, чтоб знаки стереть злодеяний моих, поскорее
 В прежний порядок, молю, волосы вновь уложи!

Есть такая одна... Узнать кто хочет про сводню,—
 Слушай: Дипсадой ее, старую сводню, зовут.
 Имя под стать: никогда еще трезвой ей не случилось
 Встретить Мемнонову мать на розовцветных конях.

5 Магию знает она, заклинанья восточные знает,
 Может к истоку погнать быстрых течение рек.
 Ведаёт свойства и трав и льна на стволе веретённом,
 Действие ведомо ей слизи влюбленных кобыл.
 10 Вмиг по желанью её покрывается тучами небо,
 Вмиг по желанью её день лучезарен опять.
 Видел я, верьте или нет, как звезды кровь источали,
 Видел я, как у луны кровью адело лицо.
 Подозреваю, во тьме по ночам она реет живая,
 В перьях тогда, как у птиц, старое тело карги.
 15 Подозреваю ещё — да и ходит молва, — что двоятся
 Оба зрачка у неё и выпускают огонь.
 Дедов из древних могил и прадедов вызвать умеет,
 Твёрдую почву и ту долгим заклатьем дробит...
 20 Цель у развратной карги — порочить законные браки, —
 Подлинно, красноречив этот зловредный язык!
 Стал я коварных речей случайным свидетелем. Вот как
 Увещевала она (был я за дверью двойной):
 «Знаешь, мой свет, ты вечер молодого прельстила
 счастливица,
 Он от лица твоего взоров не мог оторвать!
 25 Да и кого не прельстишь? Красотой никому
 не уступишь.
 Только беда: красоте нужен достойный убор.
 Сколь ты прекрасна собой, будь столь же удачлива
 в жизни:
 Станешь богата — и мне бедной тогда не бывать.
 30 Раньше вредила тебе звезда враждебная Марса:
 Марс отошел, — на тебя стала Венера глядеть.
 Счастье богиня сулит: смотри-ка, богатый любовник
 Жаждет тебя и узнать хочет все нужды твои.
 Да и лицом он таков, что с тобою, пожалуй, сравнится,
 И не торгуй он тебя, надо б его торговать...»
 35 Та покраснела. «Идет к белизне твоей стыд. Но
 на пользу
 Стыд лишь притворный, поверь: а настоящий —
 во вред.
 Если ты книзу глядишь, потупив невинные глазки,
 Думать при этом должна, сколько предложат тебе.
 Может быть, в Татиев век грязнухи — сабинские бабы
 40 Не захотели б себя многим мужьям отдавать...
 Марс, однако, теперь вдохновляет иные народы, —
 Только Венера одна в Граде Эфея царит.

Смело, красотки! Чиста лишь та, которой не ищут; ¹
 Кто попроворней умом, ищет добычи сама.
 45 Ну-ка, морщинки сгони, расправь нахмуренный лобик,—
 Ах, на морщины не раз нам приходилось пенять...
 Юных своих женихов стрельбой Пенелопа пытала:
 Мощь их доказывал лук,— был он из рога,
смекни!..
 Прочь незаметно бежит, ускользает летучее время,—
 50 Так убегает река, быстрые воды неся...
 Медь лишь в работе блестит, и платье хорошее —
носят,
 Скоро заброшенный дом станет от плесени сер.
 Полно скупиться, поверь: красота без друга хиреет...
 Только один-то не впрок... да маловато и двух...
 55 Если их много, доход верней... Да и зависти меньше:
 Волк добычи искать любит в обширных стадах.
 Вот, например, твой поэт: что дарит тебе, кроме новых
 Песен? Его капитал можешь ты только... прочесть!
 Бог поэтов и тот знаменит золотым одеяньем,
 60 И золотая звенит лира в бессмертной руке.
 Знай: тороватый дружок великого больше Гомера!
 В этом уж ты мне поверь: славное дело — дарить.
 Не презирай и того, кто выкупил волю за деньги:
 Знак меловой на ногах — это еще не позор.
 65 Не обольщайся, мой свет, и пышностью древнего рода:
 Если ты беден, с собой предков своих уноси!
 Что ж? Коль мужчина красив, так потребует ночи
бесплатной?
 Пусть у дружка своего выпросит денег сперва!
 Платы проси небольшой, пока расставляешь ты сети,—
 70 Чтоб не удрал. А поймав, смело себе подчиняй.
 Можешь разыгрывать страсть: обманешь его —
и отлично.
 Но одного берегись: даром не дать бы любви!
 В но́чи отказывай им почаще, на боль головную
 Иль на иное на что, хоть на Изиду, сошлись.
 75 Изредка все ж допускай,— не вошло бы терпенье
в привычку:
 Частый отказ от любви может ослабить ее.
 Будь твоя дверь к просящим глуха, но открыта —
дающим.
 Пусть несчастливца слова слышит допущенный
друг,

- А разобидев, сама рассердись на того, кто обижен,
80 Чтобы обида его вмиг растворилась в твоей.
Но никогда на него сама ты не гневайся долго:
Слишком затянутый гнев может вражду породить.
Плакать по мере нужды научись, да как следует
плакать,
Так, чтобы щеки твои мокрыми стали от слез.
85 Если ты вводишь в обман, не бойся не сдерживать
клятвы:
Волей Венеры Олимп к бедным обманутым глух.
Кстати, раба приспособь, завсди половчее служанку,
Пусть подскажут ему, что покупать для тебя.
Перепадет тут и им. У многих просить понемножку —
90 Значит по колосу скирд мало-помалу собрать.
Сестры, кормилица, мать — пускай влюбленного
чистят:
Быстро добыча растет, если рука не одна.
А коли поводов нет потребовать прямо подарка,
Так на рожденье свое хоть пирогом намекни.
95 Да чтоб покоя не знал, чтоб были соперники, помни!
Если не будет борьбы, плохо пойдет и любовь.
Пусть по спальне твоей другого он чует мужчину
И — сладострастия знак — видит на шейке подтек.
А особливо пускай примечает подарки другого...
100 Коль не принес ничего, лавки напомни Святой...
Вытянув много, скажи, чтоб он не вконец разорялся.
В долг попроси, но лишь с тем, чтоб никогда
не отдать.
Лживую речью скрывай свои мысли, губи его лаской:
Самый зловредный яд можно в меду затаить.
105 Если ты выполнишь все, что по долгому опыту знаю,
И коли ветер моих не поразвеет речей,
Будешь мне счастья желать, а умру — так будешь
молиться,
Чтоб не давила земля старые кости мои».
Речь продолжалась, но вдруг я собственной тенью был
выдан.
110 В эту минуту едва руки я мог удержать,
Чтобы не вырвать волос седых и этих от пьянства
Вечно слезящихся глаз, не расцарапать ей щек!
Боги тебе да пошлют бездомную жалкую старость,
Ряд продолжительных зим, жажду везде и всегда!

Всякий влюбленный — солдат, и есть у Амура свой
лагерь.

В этом мне, Аттик, поверь: каждый влюбленный —
солдат.

Возраст, способный к войне, подходящ и для дела
Венеры.

Жалок дряхлый боец, жалок влюбленный старик.

5 Тех же требует лет полководец в войне сильным

И молодая краса в друге на ложе любви.

Оба и стражу несут, и спят на земле по-солдатски:

Этот у милых дверей, тот у палатки вождя.

10 Воин в дороге весь век, — а стоит любимой уехать,

Вслед до пределов земли смелый любовник пойдет.

Встречные горы, вдвойне от дождей полноводные
реки

Он перейдет, по пути сколько истопчет снегов!

Морем придется ли плыть, — не станет ссылаться
на бури

И не подумает он лучшей погоды желать.

15 Кто же стал бы терпеть, коль он не солдат,
не любовник,

Стужу ночную и снег вместе с дождем проливным?

Этому надо идти во вражеский стан на разведку;

Тот не спускает с врага, то есть с соперника, глаз.

Тот города осаждают, а этот — порог у жестокой

20 Должен, — кто ломится в дверь, кто в крепостные
врата.

Часто на спящих врагов напасть врасплох удавалось,

Вооруженной рукой рать безоружных сразить, —

Пало свирепое так ополчение Реса-фракийца,

Бросить хозяина вам, пленные кони, пришлось!

25 Так и дремота мужей помэгает любовникам ловким:

Враг засыпает — они смело кидаются в бой.

Всех сторожей миновать, избежать дозорных
отрядов —

Это забота бойцов, бедных любовников труд.

30 Марс и Венера равно ненадежны: встает побежденный,

Падает тот, про кого ты и подумать не мог.

Пусть же никто не твердит, что любовь — одно лишь
безделье:

Изобретательный ум нужен для дела любви.

Страстью великий Ахилл к увиденной горит

Брисенде,—

Пользуйтесь, Трои сыны! Рушьте аргивскую мощь!

35 Гектор в бой уходил из объятий своей Андромахи,
И покрывала ему голову шлемом жена.

Перед Кассандрой, с ее волосами безумной менады,
Остолбенел, говорят, вождь величайший Атрид.

40 Также изведал и Марс искусно сплетенные сети,—
У олимпийцев то был самый любимый рассказ...

Отроду был я ленив, к досугу беспечному склонен,
Душу расслабили мне дрема и отдых в тепи.

Но полюбил я, и вот — встряхнулся, и сердца тревога

Мне приказала служить в воинском стане любви.

45 Бодр, как видишь, я стал, веду ночные сраженья.

Если не хочешь ты стать праздным ленивцем,—

люби!

10

Той, увезенною вдаль от Эвроты на судне фригийском,
Ставшей причиной войны двух ее славных мужей;
Ледой, с которой любовь, белоснежным скрыт

опереньем,

Хитрый любовник познал, в птичьем обличье

слетев;

5 И Амимонной, в сухих бродившей полях Арголиды,

С урной, на темени ей пук придавившей волос,—

Вот кем считал я тебя; и орла и быка опасался —

Всех, в кого обратиться смог Громовержца Амур...

10 Страх мой теперь миновал, душа исцелилась всецело,

Это лицо красотой мне уже глаз не пленит.

Спросишь, с чего изменился я так? Ты — требуешь

платы!

Вот и причина: с тех пор ты разонравила мне.

Искренней зная тебя, я любил твою душу и тело,—

Ныне лукавый обман прелесть испортил твою.

15 И малолетен и паг Купидон: невинен младенец,

Нет одеяний на нем,— весь перед всеми открыт.

Платой прикажете вы оскорблять Венерина сына?

Нет и помы у него, чтобы деньгу завязать.

Ведь ни Венера сама, ни Эрот воевать не способны,—

20 Им ли плату взимать, миролюбивым богам?

Шлюха готова с любым спознаться за сходные деньги,

Тело цеволит она ради злосчастных богатств.

Все ж ненавистна и ей хозяйка жадного воля —

25 Что вы творите добром, по принуждению творит.
Лучше в пример для себя неразумных возьмите
животных.

Стыдно, что нравы у них выше, чем нравы людей.

Платы не ждет ни корова с быка, ни с коня кобылица,

И не за плату берет ярку влюбленный баран.

30 Рада лишь женщина взять боевую с мужчины добычу,
За ночь платят лишь ей, можно ее лишь купить.

Торг ведет достояньем двоих, для обоих желанным,

Вознагражденье ж она все забирает себе.

Значит, любовь, что обоим мила, от обоих исходит,

Может один продавать, должен другой покупать?

35 И почему же восторг, мужчине и женщине общий,

Стал бы в убыток ему, в обогащение ей?

Плох свидетель, коль он, подкупленный, клятву

нарушит;

Плохо, когда у судьи ларчик бывает открыт;

40 Стыдно в суде защищать бедняка оплаченной речью;

Гнусно, когда трибунал свой набивает кошель.

Гнусно наследство отца умножать доходом постельным,

Торг своей красотой ради корысти вести.

То, что без платы дано, благодарность по праву

заслужит;

Если ж продажна постель, не за что благодарить.

45 Тот, кто купил, не связан ничем: закончена

делка —

И удаляется гость, он у тебя не в долгу.

Плягу за ночь назначать берегитесь, прелестные

жены!

Нечистоплотный доход впрок никому не пойдет.

50 Много ли жрице святой помогли запястья сабинян,

Если тяжелым щитом голову сплющили ей?

Острою сталью пронзил его породившее лоно

Сын — ожерелье виной было злодейства его.

Впрочем, не стыдно ничуть подарков просить

у богатых:

Средства найдутся у них просьбу исполнить твою.

55 Что ж не срывать виноград, висящий на лозах

обильных?

Можно плоды собирать с тучной феаков земли.

Если же беден твой друг, оцени его верность,

заботы,—

Он госпоже отдает все достоянье свое.

А славословить в стихах похвалы достойных

60 Дело мое: захочу — славу доставлю любой. красавиц —
Ткани истлеют одежд, самоцветы и золото сгинут, —
Но до скончанья веков славу даруют стихи.
Сам я не скуп, не терплю, ненавижу, коль требуют платы;
Просишь — тебе откажу, брось домогаться — и дам.

11

Ты, что ловка собирать и укладывать стройно

в прическу
Волосы; ты, что простых выше служанок, Напé;
Ты, что устройством ночных потаенных известна свиданий;
Ты, что всегда передать весточку можешь любви;
5 Ты, что Коринну не раз убеждала оставить сомненья
И побывать у меня, верный помощник в беде!
Вот... Передай госпоже две исписанных мелко таблички...

Утром, сейчас же! Смотри, не помешало бы что.
Ты не из камня, в груди у тебя не кремень!

Простодушья,
10 Знаю, не больше в тебе, чем полагается вам.
Верно, и ты испытала сама тетиву Купидона:
Мне помогая, блюди знамя полка своего!
Спросит она про меня, — скажи, что живу ожиданьем
Ночи... О всем остальном сам ей поведает воск...
15 Время, однако, бежит... Подходящую выбрав минуту,
Ты ей таблички вручи, чтобы сейчас же прочла.
Станет читать, — наблюдай за лицом, наблюдай за глазами:

Может заране лицо многое выдать без слов...

20 Ну же, скорее! Проси на письмо подробней ответить,
Воска лошенная гладь мне ненавистна пустой!
Пишет пускай потесней и поля заполняет до края,
Чтобы глазами блуждать дольше я мог по строкам...
Впрочем, не надо: держать утомительно в пальцах тростинку.
Пусть на табличке стоит слово одно: «Приходи!»

25 И увенчаю тотчас я таблички победные лавром,
В храм Венеры снесу и возложу, написав:
«Верных пособниц своих Назон посвящает Венере» —
Были же вы до сих пор клецом, и самым дрянным.

12

Горе! Вернулись назад с невеселым ответом таблички.
Кратко в злосчастном письме сказано: «Нынче
нельзя».

Вот и приметы! Напе, выходя сегодня из дома,

Припоминаю, порог резвой задела ногой.

5 Если пошлю тебя вновь, осторожнее будь на пороге,
Не позабудь, выходя, ногу повыше поднять!

Вы же, нелегкие, прочь! Зловещие, сгибьте, дощечки!
Прочь с моих глаз! Да и ты, воск, передавший

отказ!

10 Собран, наверно, ты был с цветов долговязой цикуты
И корсиканской пчелой с медом дурным припесен.

Цветом ты красен, впитал как будто бы яркую

краску,—

Нет, ты не краску впитал — кровью окрашен ты
был.

На перепутье бы вам, деревяшкам негодным,

валяться,

Чтоб проезжающий воз вдребезги вас раздробил!

15 То же, кто доску стругал, кто вас обработал

в таблички,—

Не сомневаюсь ничуть,— на руку был он печист.
Это же дерево шло на столбы, чтобы вешать

несчастных,

Для палача из него изготовлялись кресты.

Мерзостной тенью оно укрывало филипов хриплых,

20 Коршунов злобных, в ветвях яйца таяло совы.

Я же дощечкам таким признанья, безумный, доверил!

Им поручил отнести нежные к милой слова!

Лучше б на них записать пустословье судебного дела,

С тем, чтобы стряпчий его голосом жестким читал.

25 Надо бы им меж табличек лежать, на каких

ежедневно,

Плача о деньгах, скупец запись расходов ведет.

Значит, педаром же вас называют, я вижу, двойными:

Два — от такого числа можно ль добра ожидать!

В гнѣве о чем же молить? Да разве, чтоб ржавая
старость
30 Съѣла васъ вовсе, чтобъ воскъ заплесневелъ добела!

13

Изъ океана встаетъ, престарелого мужа покинувъ,
Светловолосая; мчитъ день на росистой оси.
Что ты, Аврора, спешишь? Постой! О, пустьъ ежегодно
Птицы вступаютъ в бои, слава Мемнонову тень!
5 Мне хорошо в этотъ часъ лежать в объятіяхъ милой,
Если всемъ теломъ она крепко прижмется ко мнѣ.
Сладостен сонъ и глубокъ, прохладенъ воздухъ и влаженъ,
Горлышкомъ гибкимъ звеня, птица приветствуетъ
свет.
10 Ты нежеланна мужамъ, нежеланна и девамъ... Помедли!
Росные вожжи свои алой рукою натяни!
До появленья зари следить за созвездьями легче
Кормчему, и наугадъ онъ не блуждаетъ в волнахъ.
Только взойдешь — и путникъ встаетъ, отдохнуть
не успевшій,
15 Воинъ привычной рукою тотчасъ берется за мечъ.
Первой ты видишь в поляхъ земледельца с двузубой
мотыгой,
Первой зовешь подъ ярмо неторопливыхъ быковъ.
Мальчикамъ спать не даешь, къ наставникамъ ихъ
отправляешь,
Чтобы жестоко они били детей по рукамъ.
20 В зданье суда ты ведешь того, кто порукою связанъ,—
Много тамъ можно беды словомъ единымъ пажить.
Ты негодна судье, негодна и стряпчему тоже,—
Встать имъ с постели велишь, вновь разбираться
в делахъ.
Ты же, когда отдохнуть хозяйки могли б от работы,
Руку-искусницу вновь къ прерванной пряже зовешь.
25 Не перечислить всего... Но чтобъ девушки разо
вставали,
Стерпитъ лишь тотъ, у кого, видимо, девушки нетъ.
О, какъ я часто желалъ, чтобъ ночь тебе не сдавалась,
Чтобъ не бежали, смутясь, звезды предъ ликомъ твоимъ!
30 О, какъ я часто желалъ, чтобъ ось тебе ветромъ сломало
Или свалился бы конь, в тучу густую попавъ,

15 Не обрывались они от шпилек и зубьев гребенки,
 Девушка их убирать, не опасаясь, могла...
 Часто служанка при мне паряжала ее, и ни разу,
 Выхватив шпильку, она рук не колола рабе.
 Утром, бывало, лежит на своей пурпурной постели
 20 Навзничь,— а волосы ей не убирали еще.
 Как же была хороша,— с фракийской вакханкою
 схожа,
 Что отдохнуть прилегла на луговой мураве...
 Пусть были мягки они и легкому пуху подобны,—
 Сколькo, однако, пришлось разных им вытерпеть
 мук!

25 Как поддавались они терпеливо огню и железу,
 Чтобы округлым затем лучше свиваться жгутом!
 Громко вопил я: «Клянусь, эти волосы жечь —
 преступленье!
 Сами ложатся они, сжался над их красотой!
 Что за насилье! Сгорать таким волосам не пристало:
 30 Сами научат, куда следует шпильки вставлять!..»
 Нет уже дивных волос, ты их погубила, а, право,
 Им позавидовать мог сам Аполлон или Вакх.
 С ними сравнил бы я те, что у моря нагая Диона
 Мокрую держит рукой,— так ее любят писать.
 35 Что ж о былых волосах теперь ты, глупая, плачешь?
 Зеркало в скорби зачем ты отодвинуть спешишь?
 Да, неохотно в него ты глядишься теперь
 по привычке,—
 Чтоб любоваться собой, надо о прошлом забыть!
 Не навредила ведь им наговорным соперница зельем,
 40 Их в гемонийской струе злая не мыла карга;
 Горя причиной была не болезнь (пронеси ее мимо!),
 Не поубавил волос зависти злой язычок;
 Видишь теперь и сама, что убытку себе натворила,
 Голову ты облила смесью из ядов сама!
 45 Волосы пленных тебе прислать из Германии могут,
 Будет тебя украшать дар покоренных племен.
 Если прической твоей залюбуется кто, покраснеешь,
 Скажешь: «Любуются мной из-за красоты
 покупной!»

Хвалят какую-нибудь во мне германку-сигамбру,—
 50 А ведь, бывало, себе слышала я похвалы!..»
 Горе мне! Плачет она, удержаться не может; рукою,
 Вижу, прикрыла лицо, щеки пылают огнем,

Прежних остатки волос у нее на колеснях, ей тяжко,—
Горе мое! Не колен были достойны они...

55 Но ободришь, улыбнись: злополучье твое поправимо,
Скоро себе возвратишь прелесть природных волос!

15

Зависть! Зачем упрекаешь меня, что молодость трачу,
Что, сочиняя стихи, праздности я предаюсь?

Я, мол, не то что отцы, не хочу в свои лучшие годы
В войске служить, не ишу пыльных наград боевых.

5 Мне ли законов твердить многословье,
на неблагоприятном
Форуме, стыд позабыв, речи свои продавать?

Эти не вечны дела, а я себе славы желаю

Непреходящей, чтоб мир песни мои повторял.

Жив меонийский певец, пока возвышается Ида,

10 Быстрый покуда волну к морю стремится Симонпт.

Жив и аскрсец, пока виноград наливается соком

И подрезают кривым колос Церерии серпом.

Будет весь мир прославлять постоянно Баттова сына,—

Не дарованьем своим, так мастерством он велик.

15 Так же не будет вовек износа котурну Софокла.

На тебе солнце с луной? — значит, не умер Арат.

Раб покуда лукав, бессердечен отец, непотребна

Сводня, а дева любви ласкова,— жив и Менаандр.

Акций, чей мужествен стих, и Эний, еще неискусный,

20 Славны, и их имена время не сможет стереть.

Могут ли люди забыть Варрона и первое судно

Или как вождь Эсонид плыл за рупом золотым?

Также людьми позабыт возвышенный будет Лукреций,

Только когда и сама сгинет однажды Земля.

25 Титир, земные плоды и Энеевы браши,— читатель

Будет их помнить, доколь в мире главенствует Рим.

Факел покуда и лук Купидоновым будут оружием,

Будут, ученый Тибулл, строки твердиться твои.

Будет известен и Галл в восточных и западных

странах,—

30 Вместе же с Галлом своим и Ликорида его.

Так: меж тем как скала или зуб терпеливого плуга

Гибнут с течением лет,— смерти не знают стихи.

Пусть же уступят стихам и цари, и все их триумфы,

Пусть уступит им Таг в золотоносных берегах!

35 Манит пусть низкое чернь! А мне Аполлон белокурый
Пусть наливает полней чашу кастальской струей!
Голову лишь бы венчать боящимся холода миртом,
Лишь бы почаще меня пылкий любовник читал!
40 Зависть жадна до живых. Умрем — и она присмирееет.
Каждый в меру заслуг будет по смерти почтен.
Так, и сгорев на костре погребальном, навек
я останусь
Жить — сохранна моя будет немалая часть.

КНИГА ВТОРАЯ

1

- Я и это писал, уроженец края пелигнов,
Тот же Овидий, певец жизни беспутной своей.
Был то Амура приказ. Уходите, строгие жены,—
Нет, не для ваших ушей нежные эти стихи.
- 5 Пусть читает меня, женихом восхищаясь, невеста
Или невинный юнец, раньше не знавший любви.
Из молодежи любой, как я, уязвленный стрелою,
Пусть узнаёт в стихах собственной страсти черты
И, в изумленье придя, «Как он мог догадаться,—
взгромозженный,—
вскликнет,—
- 10 Этот искусник поэт — и рассказать обо мне?»
Помню, отважился я прославлять небесные брани,
Гигеса с сотнею рук — да и, пожалуй бы, смог! —
Петь, как отмстила Земля и как, на Олимп
взгромозженный,
Вместе с Оссой крутой рухнул тогда Пелион.
- 15 Тучи в руках я держал и перуи Юпитера грозный,—
Смело свои небеса мог бы он им отстоять!..
Что же? Любимая — дверь заперла... И забыл
я перуны,
Сам Юпитер исчез мигом из мыслей моих.
О Громовержец, прости! Не смогли мне помочь твои
стрелы:
- 20 Дверь запертая была молний сильнее твоих.
Взял я оружие свое: элегии легкие, шутки;
Тронули строгую дверь нежные речи мои.
Могут стихи низвести луну кровавую с неба,
Солнца белых коней могут пазад повернуть.
- 25 Змеи под властью стихов ядовитое жало теряют,
Воды по воле стихов снова к истокам текут.

Перед стихом растворяется дверь, и замок уступает,
Если он накрепко вбит даже в дубовый косяк.
30 Что мне за польза была быстрогоного славить Ахилла?
Много ли могут мне дать тот или этот Атрид,
Муж, одинаковый срок проведший в боях и в скитаньях,
Или влекомый в пыли Гектор, плачевный герой?
Нет! А красавица та, чью прелесть юную славлю,
35 Ныне приходит ко мне, чтобы певца наградить.
Хватит с меня награды такой! Прощайте, герои
С именем громким! Не мне милостей ваших искать.
Лишь бы, красавицы, вы благосклонно слух преклонили
К песням, подсказанным мне богом румяным любви.

2

Ты, Багоад, приставлен стеречь госпожу... Перемолвить
Мне бы два слова с тобой падо по делу... Так вот:
В портике дев Данаид вчера я случайно приметил
Женщину: взад и вперед — видел — гуляла она.
5 Я в восхищенье послал ей тотчас записочку с просьбой.
Краток ответ был: «Нельзя!» — писан дрожащей
рукой.
И на вопрос: «Почему?» — госпожа мне твоя
разъяснила,
Что, мол, над нею твоя слишком опека строга...
10 Будь же разумен, о страж, моего не заслуживай гнева:
Тем, кто внушает нам страх, смерти желаем,
о страж!
Глуп ее муж: для чего, я спрошу, охранять так усердно
То, что могло б уцелеть и без опеки его?
Впрочем, пусть бесится он своему ослепленью в угоду
И от чарующей всех пусть целомудрия ждет!
15 Лучше ты дай госпоже немножечко тайной свободы:
Ей ты навстречу пойдешь — тем же воздаст и тебе.
Только сообщником стань — и рабу госпожа подчинится.
Если ж боишься, тогда — не замечай и молчи.
Тайно читает письмо? — ей, стало быть, матушка
пишет...
20 К ней незнакомец пришел? — встретить, как
знакомца, его!
Если к подруге пойдет захворавшей (на деле
здоровой),
Мужа уверь, что больна вправду подруга ее.

Если поздненько придет, не томись ожидаьем
тревожным,—

25 Голову свесив на грудь, лучше покуда всхрапни.
Не любопытствуй узнать, что у льянодетой Изиды
В храме творят; не страшись и театральных рядов...
Будет уважен всегда сообщник дел потаенных,
Вовремя только смолчать — это же легче всего!
Всем-то он мил, весь дом он ведет, не секут его
плетью,—

30 Он всемогущ, — а другим — доля презрепных рабов.
Оп, чтобы истину скрыть, перед мужем плетет
небылицы.

Оба они — господа, оба покорны одной.
Хоть и поморщится муж и похмурится, — женская ласка
Дело всегда повернет так, как захочет она.

35 Пусть госпожа иногда затевает ссоры с тобою,
Плачет притворно; пускай хоть палачом обзовет.
Ты возражай, но лишь так, чтоб было легко
опровергнуть.

Изобретенным грехом подлинный грех прикрывай...
Вот и начнут возрастать и почет от людей и доходы...
40 В скорости, действуя так, купишь и волю себе...
Видел ты, верно, не раз у допосчиков цепи на шее:
Кто вероломен душой, в смрадной темнице сидит...
Ищет воды близ воды, к плодам исчезающим рвется
Тантал: болтливый язык этим мученьям виной.

45 Пастырь Юноны стерег с чрезмерным рвением Ио,—
Рано скончал он свой век, — стала богиней она.
Видел я: некто влачил в кандалах посиневшие поги
Только за то, что открыл мужу неверность жены.
Мало досталось ему! Двоим навредил он злоречьем:
50 Муж разозлился, молва женщину стала клеймить.
Верь, никому из мужей похождения жен не приятны,—
Выслушать каждый готов, да не на радость себе.
Ежели холоден муж, пропадет твой донос понапрасну;
Если он любит жену, ввергнешь ты в горе его.

55 Знай, что вину доказать нелегко, очевидную даже,—
От обвиненья спасет благоволенье судьи.
Хоть бы и видел он сам, отрицаниям все же поверит,—
Лучше глаза обвинит, лучше обманет себя.

60 Слезы увидев жены, он сам заплачет и скажет:
«О, мне уплатит сполна этот негодный болтун!»
Будет неравной борьба: тебя, побежденного, плети
Ждут, а она у судьи, глядь, на коленях сидит!

Я не преступник, о нет! Не намерен я смешивать яды,
Не простираю руки с грозно блестящим мечом.
65 Только молю, чтобы ты любить мне позволил
спокойно,—
Можно ль на свете найти просьбу скромнее моей?

3

Горе! Ни муж, ни жена, госпожу ты свою охраняешь,
Ты, не могущий вкусить сладость взаимной любви!..
Тот, кто первый лишил ребенка частей детородных,—
Должен такую же казнь сам бы за то претерпеть!
5 Просьбам ты стал бы внимать, ты сговорчивей был бы
и мягче,
Если б когда-нибудь сам раньше любовью пылал.
Ты не рожден для езды верховой, для тяжелых
доспехов,
Сильной рукой не тебе бранные копыя метать...
Все это — дело мужей, ты мужские оставь упованья,
10 Знай при своей госпоже знамя покорно носи!
Верно служи ей, во всем — госпожи благосклонность на
пользу,
Если утратишь ее, кем же ты будешь и чем?
А у нее и лицо и года приглашают к забавам,—
Можно ль такой красоте в праздности зря
пропадать?
15 Ты хоть как будто и строг, по тебя проведет она все же:
Осуществится всегда то, что желанно двоим.
Если, однако, верней испробовать просьбы,— мы
просим:
Ты еще можешь успеть вовремя нам услужить.

4

Я никогда б не посмел защищать развращенные нравы,
Ради пороков своих лживым оружием бряцать.
Я признаюсь — коли нам признание проступков на
пользу,—
Все я безумства готов, все свои вины раскрыть.
5 Я ненавижу порок... но сам пепавистного жажду.
Ах, как нести тяжело то, что желал бы свалить!
Нет, себя побороть ни сил не хватает, ни воли...
Так и кидает меня, словно корабль на волнах!..

Определенного нет, что любовь бы мою возбуждало,
10 Поводов сотни — и вот я постоянно влюблен!
Стоит глаза опустить какой-нибудь женщине скромно,—
Я уже весь запылал, видя стыдливость ее.
Если другая смела, так, значит, она не простушка,—
Будет, наверно, резва в мягкой постели она.
15 Встретится ль строгая мне, наподобье суровых
сабишок,—
Думаю: хочет любви, только скрывает — горда!
Коль образовацца ты, так нравишься мне воспитаем;
Не учеца ничему — так простотою мила.
И Каллимаха стихи для иной пред моими топорны,—
20 Нравятся, значит, мои,— нравятся мне и она.
Та же и песни мои, и меня, стихотворца, порочит,—
Хоть и порочит, хочу ей запрокинуть бедро.
Эта походкой плешит, а эта пряма, неподвижна,—
Гибкою станет она, ласку мужскую познав.
25 Сладко иная поет, и льется легко ее голос,—
Хочется мне поцелуй и у певицы сорвать.
Эта умелым перстом пробегает по жалобным струнам,—
Можно ли не полюбить этих искуснейших рук?
Эта в движенье пленит, разводит размеренно руки,
30 Мягко умеет и в такт юное тело сгибать.
Что обо мне говорить — я пылаю от всякой причины,—
Тут Ипполита возьми: станет Приапом и он.
Ты меня ростом пленишь: героиням древним подобна,—
Длинная, можешь собой целое ложе занять.
35 Эта желанна мне тем, что мала: прельстительны обе.
Рослая, низкая — все будят желанья мои.
Эта не прибрава? Что ж, нарядившись, прекраснее
станет.
Та разодста: вполне может себя показать.
Белая нравится мне, золотистая нравится кожа;
40 Смуглой Веперой и той я увлекаюсь подчас.
Темных ли пряди кудрей к белоснежной шес прильнули:
Славою Леды была черных волос красота.
Светлы они? — по шафрамом кудрей Аврора прельщает...
В мифах всегда для меня пужный найдется пример.
45 Юный я возраст ценю, но тронут и более зрелым:
Эта красою милей, та подкупает умом...
Словом, какую ни взять из женщин, хвалимых
в столице,
Все привлекают меня, всех я добиться хочу!

Нет, не стоит любовь (отойди, Купидон-стрелonosец!),
 Чтобы так часто я сам к смерти желанной зывал!
 Все ж призываю я смерть, лишь вспомню, что ты
 изменила,

Ты, рожденная быть вечною мукой моею.
 5 О поведенье твоём не на стертых прочел я табличках,
 Тайным подарком ничьим не был мне выдад твой
 срам.

Если б я мог обвинять, не имея надежд на победу!

О я несчастный! Зачем дело так верно мое?

10 Счастлив, кто защищать любимую может отважно,
 Если сказала она: «Я не виновна ни в чем».

С сердцем железным рожден и слишком потворствует
 горю,

Кто над виновной красой ищет кровавых побед...

Я же, несчастный, я сам, не пьяный, вино отодвинув,
 Видел, что делали вы,— думала ты: я дремлю!

15 Видел: движеньем бровей вы много друг другу сказали,
 Ваши кивки головой были почти как слова.

Все говорило — глаза, и вином исписанный молча

Стол, и — замена письма — пальцев немой разговор.

20 Вы хоть беседу вели неприметно, я понял, однако,
 Определенных постиг знаков условную речь...

Из-за стола между тем приглашенные многие встали,
 Лишь оставались два-три позахмелевших юнца.

Видел я, как вы уста в поцелуях сливали бесстыдных,—
 Ясно мне было: у вас льнет и язык к языку.

25 Так молодая сестра не целует строгого брата,—

Только любовницы так страстно лобзают мужчин!

Феб златокудрый не так целовал, вероятно, Диану;

Марса лобзать своего так лишь Венера могла.

«Что ты? Как смеешь? — кричу. — Кому отдаешь мое
 счастье?»

30 Я господин, и свои восстановлю я права.

Счастье со мною дели, делить его буду с тобою,—

К нашим богатствам зачем третьего нам

допускать?»

Так я сказал,— мне страданье мое диктовало, и вижу:

У виноватой лицо краской стыда залилось.

35 Был то румянец небес, озаренных супругой Тифона,

Или невесты, впервой встретившей взор жениха.

Розы румянцем таким меж лилий горят или, силясь
 Завороженных коней сдвинуть, алсет Луна;
 40 Иль ассирийская кость, которую красят лидянки,
 Чтобы с течением лет не пожелтела она.
 Так и подруга моя, — иль подобно тому, — заалелась, —
 Только прекрасней она в жизни бывала едва ль!
 Молча потупила взор — хорошела с потупленным
 взором!
 Грустным стало лицо — грустной была хороша!
 45 Волосы рвать у нее (как убраны были искусно!)
 Был я готов, оскорбить нежные щеки ее, —
 Но лишь взглянула — и вмиг мои храбрые руки
 повисли:
 Так защитилась она женским оружием своим.
 Только что был я в сердцах — и вдруг на коленях
 взмолился,
 50 Чтоб холодней, чем его, не целовала меня...
 И улыбнулась, и как от души целовать меня стала, —
 Гневный Юпитер и тот свой уропил бы перун!
 Мучусь: другой ощутил всю сладость ее поцелуев...
 Нет, не хочу, чтоб и он сладко тебя целовал!
 55 Стали искусней они, чем те, каким обучал я, —
 Новое что-то она явно добавила к ним.
 Горе, что так они правились мне, что язык мой твоими
 Весь был губами зажат, твой же моими язык...
 Но не об этом одном я печалюсь, не слишком пеняю
 60 На поцелун твой, — хоть и пеняю на них...
 Но научиться таким возможно только в постели...
 Кто ж эту плату с нее за обучение взял?

6

Днесь попугай-говорун, с Востока, из Индии родом,
 Умер... Идите толпой, птицы, его хоронить.
 В грудь, благочестья полны, пернатые, крыльями
 бейте,
 Щечки царапайте в кровь твердым кривым
 коготком!
 5 Перья взьерошьте свои; как волосы, в горе их рвите;
 Сами пойте взамен траурной длинной трубы.
 Что, Филомела, пенять на злодейство
 фракийца-тирана? —
 Много уж лет утекло, жалобе смолкнуть пора.

Лучше горюй и стенай о кончине столь редкостной
птицы!

10 Пусть глубоко ты скорбишь,— это давнишняя
скорбь.

Все вы, которым дано по струям воздушным носиться,
Плачьте! — и первая ты, горлинка: друг он тебе.

Рядом вы прожили жизнь в неизменном взаимном
согласье,

Ваша осталась по гроб долгая верность крепка.

15 Чем молодой был фокидец Пилад для аргосца Ореста,
Тем же была, попугай, горлинка в жизни твоей.

Что твоя верность, увы? Что редкая перьев окраска,

Голос, который умел всяческий звук перепеть?

То, что, едва подарен, ты моей госпоже полюбился?

20 Слава пернатых, и ты все-таки мертвый лежишь...

Перьями крыльев затмить ты хрупкие мог изумруды,

Клюва пунцового цвет желтый шафран оттенял.

Не было птицы нигде, чтобы голосу так подражала.

Как ты, слова говоря, славно картавить умел!

25 Завистью сгублен ты был,— ты ссор затевать не
пытался.

Был от природы болтлив, мир безмятежный любил...

Вот перепелки — не то; постоянно друг с другом

дерутся,—

И потому, может быть, долог бывает их век.

30 Сыт ты бывал пустяком. Порой из любви к разговорам,
Хоть изобилен был корм, не успевал поклевать.

Был тебе пищей орех или мак, погружающий в дрему,

Жажду привык утолять ты ключевой водой.

Ястреб прожорливый жив, и кругами высоко парящий

Коршун, и галка жива, что накликает дожди;

35 Да и ворона, чей вид пестерлим щитоносной
Минерве,—

Может она, говорят, девять столетий прожить.

А попугай-говорун погиб, человеческой речи

Отображение, дар крайних пределов земли.

Жадные руки судьбы наилучшее часто уносят,

40 Худшее в мире всегда полностью жизнь проживет.
Видел презренный Терсит погребальный костер

Филакийца;

Пеплом стал Гектор-герой — братья остались

в живых...

Что вспоминать, как богов за тебя умоляла хозяйка

В страхе? Неистовый Нот в море моления унес...

45 Дешь седьмой наступил, за собой не привел он
восьмого,—
Прялка пуста, и сучить нечего Парке твоей.
Но не застыли слова в коченеющей птичьей гортани,
Он, уже чувствуя смерть, молвил: «Коринна,
прости!...»
Под Елисейским холмом есть падубов темная роща;
50 Вечно на влажной земле там зелена мурава.
Там добродетельных птиц — хоть верить и трудно! —
обитель;
Птицам зловещим туда вход, говорят, запрещен.
Чистые лебеди там на широких пасутся просторах,
Феникс, в мире один, там же, бессмертный, живет;
55 Там распускает свой хвост и пышная птица Юпоны;
Страстный целуется там голубь с голубкой своей.
Принятый в общество их, попугай в тех рощах
приютных
Всех добродетельных птиц речью пленяет своей...
А над костями его — небольшой бугорочек, по росту,
60 С маленьким камнем; на нем вырезан маленький
стих:
«Сколь был я дорог моей госпоже — по надгробию
видно.
Речью владел я людской, что недоступно для птиц».

7

Значит, я буду всегда виноват в преступлениях
новых?
Ради защиты вступать мне надоело в бой.
Стоит мне вверх поглядеть в беломраморном нашем
театре,
В женской толпе ты всегда к ревности повод
найдешь.
5 Кинет ли взор на меня неповинная женщина молча,
Ты уж готова прочесть тайные знаки в лице.
Женщину я похвалю — ты волосы рвешь мне погтями;
Стану хулить, говоришь: я заметаю следы...
Ежели свеж я на вид, так, значит, к тебе равнодушен;
10 Если не свеж — так зачах, значит, томясь по
другой...
Право, уж хочется мне доподлинно быть виноватым:
Кару нетрудно стерпеть, если ее заслужил.

Ты же винишь меня зря, напраслине всяческой

веришь,—

15 Этим свой собственный гнев ты же лишаешь цены.
Ты погляди на осла, страдальца ушастого вспомни:

Сколько его ни лупи,— он ведь резвей не идет...

Вновь преступленье: с твоей мастерицей по части
причесок,

Да, с Кипассидою мы доже, мол, смяли твое!

20 Боги бессмертные! Как? Совершить пожелаю я измену,

Мне ли подругу искать низкую, крови простой?

Кто ж из свободных мужчин захочет сближенья
с рабыней?

Кто пожелает обнять тело, знававшее плеть?

Кстати добавь, что она убирает с редким искусством

Волосы и потому стала тебе дорога.

25 Верной служанки твоей ужель домогаться я буду?

Лишь донесет на меня, да и откажет притом...

Нет, Венерой клянусь и крылатого мальчика луком:

В чем обвиняешь меня, в том я невинен,— клянусь!

8

Ты, что способна создать хоть тысячу разных причесок;

Ты, Кипассида, кому только богинь убирать;

Ты, что отнюдь не простой оказалась в любовных
забавах;

Ты, что мила госпоже, мне же и вдвое мила,—

5 Кто же Коринне донес о тайной близости нашей?

Как разузнала она, с кем, Кипассида,

ты спишь?

Я ль невзначай покраснел?.. Сорвалось ли случайное
слово

С губ и невольно язык скрытую выдал любовь?..

Не утверждал ли я сам, и при этом твердил постоянно,

10 Что со служанкой грешить — значит лишиться ума?

Впрочем... к рабыне пылал, к Брисеиде, и сам

Фессалиец;

Вождь микенский любил Фебову жрицу — рабу...

Я же не столь знаменит, как Ахилл или Тантала

отпрыск,—

Мне ли стыдиться того, что не смущало царей?

15 В миг, когда госпожа на тебя взглянула сердито,

Я увидал: у тебя краской лицо залилось.

Вспомни, как горячо, с каким я присутствием духа
Клялся Венерой самой, чтоб разуверить ее!

20 Сердцем, богиня, я чист, мои вероломные клятвы
Влажному ветру вели в дали морские умчать...

Ты же меня наградить изволь за такую услугу:

Иначе, смуглянка, со мной ложе ты вновь раздели!
Неблагодарная! Как? Головою качаешь? Боишься?

25 Служишь ты сразу двоим, — лучше служи одному.
Если же, глупая, мне ты откажешь, я все ей открою,
Сам в преступленье своем перед судьей повинюсь;
Все, Кипассида, скажу: и где и как часто встречались;
Все госпоже передам: сколько любились и как...

9

Ты, Купидон, никогда, как видно, гнев не насытишь,
Мальчик беспечный, приют в сердце нашедший
моим!

Что обижаешь меня? Знамен твоих я ни разу

Не покидал, а меж тем ранен я в стане своем!

5 Что ж ты огнем опаляешь друзей и пронзаешь
стрелами?

Право же, бóльшая честь в битве врагов побеждать...

Тот гемонийский герой, пронзив копьем своим друга,

Не оказал ли ему тотчас врачебных услуг?

10 Ловчий преследует дичь, но только поймает, обычно
Зверя бросает, а сам к новой добыче спешит.

Мы, твой покорный народ, от тебя получаем удары,

А непокорных врагов лук твой ленивый щадит...

Стрелы к чему притуплять об кожу да кости? Любовью

В кожу да кости, увы, я уж давно превращен.

15 Мало ль мужчин живет без любви и мало ли женщины?
Лучше ты их побеждай — славный заслужишь
триумф.

Рим, когда бы на мир огромных полчищ не двинул,

Так и остался б селом с рядом соломенных крыш...

Воин, когда он устал, получает участок земельный.

20 В старости конь скаковой праздно пасется в лугах.

В длинных доках стоят корабли, приведенные с моря,

И гладиатора меч на деревянный сменен.

Значит, и мне, служаке в строю у любви и у женщины,

Дать увольнение пора, чтоб беззаботно пожить.

Если «Живи без любви!» мне бог какой-нибудь
скажет,—

О, я взмолюсь: до того женщина — сладкое зло.
Только пресыщусь, едва прекратится пылание страсти,
Вихрь куда-то опять бедную душу стремит.

5 Так, если конь понесет, стремглав помчит господина,
Пеной покрытой узде не удержать уж коня.
Так близ самой земли, у входа в надежную гавань,
Бури внезапный порыв в море уносит корабль.
10 Вот как я вечно гоним Купидона неверным дыханьем!
Снова знакомой стрелой целит румяный Амур.
Что же, стреляй! Я оружие сложил, я стою
обнаженный.

В этих боях ты силён, не изменяет рука.
Как по приказу, в меня попадают без промаха
стрелы,—

15 Стал я привычней для них, чем их привычный колчан.
Трижды несчастен тот, кто бездействия выдержать
может

Целую ночь и сочтет лучшей наградою сон.
Глупый! Что же есть сон, как не смерти холодной
подобье?

Волею неба вкушать долгий мы будем покой...
20 Лишь бы мне лгали уста подруги, обманщицы милой,—
Мне бы надежда и та радости много дала.
Ласково пусть болтает со мной, затевает и ссоры,
То утоляет мой пыл, то отвергает мольбы.
Марс переменчив, но в том виноват его пасынок
резвый,—

Лишь по примеру его Марс обнажает свой меч.
25 Ветрен ты, мальчик, своих намного ты ветреней
крыльев:

Радость нам дать и отнять — все это прихоть твоя.
Если ты просьбе моей с божественной матерью
внемлешь,

В сердце моем навсегда царство свое утверди.
Женщины пусть — легкомысленный сонм — признают
30 владыку,—
Будешь ты в мире тогда ими и нами почтен.

Помнится, ты, мой Грецин... да, именно ты говорил мне,
 Будто немисливо двух одновременно любить.

Из-за тебя я в беде: безоружен был — и попался;

Стыдно сознаться — но двух одновременно люблю.
 5 Обе они хороши, одеваются обе умело,

Кто же искусней из них, было бы трудно решить.
 Эта красивее той... а та красивее этой.

Эта приятнее мне... нет, мне приятнее та...

Две меня треплют любви, как челн — два встречные

ветра.

10 Мчусь то туда, то сюда, — надвое вечно разъят.

Стоит ли муки мои без конца умножать, Эрицина?

Женщины мало ль одной мне для сердечных забот?

Нужно ли звезд прибавлять и так полнозвездному небу

Или деревьям — листья, морю глубокому — вод?

15 Лучше, однако, хоть так, чем хиреть без любви

одинокю,—

Я пожелал бы врагу в строгости жить, без любви.

Я пожелал бы врагу одиноко лежать на постели,

Где не мешает ничто, где ты свободно простерт.

Нет, пусть ярость любви прерывает мой сон

неподвижный!

20 Лишь бы не быть одному грузом кровати своей...

Пусть истощает мой пыл, запретов не зная, подруга,—

Если одна — хорошо; мало одной — так и две!

Члены изящны мои, однако нимало не слабы;

Пусть мой вес невелик, жилисто тело мое.

25 Крепости чреслам моим добавляет еще и желанье,—

В жизни своей никогда женщины я не подвел.

Часто в забавах любви всю ночь проводил, а наутро

Снова к труду был готов, телом все так же могуч.

Счастлив, кого сокрушат взаимные битвы Венеры!

30 Если б по воле богов мог я от них умереть!

Пусть бестрепетно грудь подставляет вражеским

стрелам

Воин,— бессмертье себе он через смерть обретет.

Алчный пусть ищет богатств и пусть,

в кораблекрушенье,

Влаги, изъезженной им, ртом своим лживым

хлебнет!

35 Мне же да будет дано истощиться в волнениях страсти,
Пусть за любовным трудом смерть отпускную мне
даст,
И со слезами пускай кто-нибудь на моем погребенье
Скажет: «Кончина твоя жизни достойна твоей!»

11

Полные бедствий пути по волнам изумленного моря
Первой указаны нам той пелионской сосной,
Что меж сходящихся скал переправить когда-то
бесстрашно
Дивного агнца смогла с огненно-рыжим руном.
5 Если бы, людям в пример,— чтобы весла морей не
смущали,—
Арго тогда, затонув, гибельной влаги глотнул!..
Скоро готовится плыть по неверной дороге Коринна,
Ложе покинув свое, бросив домашних богов.
10 Горе мне! Буду теперь и зефиров и эвров бояться,
Страшен мне злобный Борей, страшен незлобивый
Нот!
Ни городов, ни лесов твой взор восхищенный не
встретит:
Однообразно синя моря коварного гладь.
Раковин тонких там нет, и камешков нет
разноцветных,—
Взор привлекают они только на влажном песке.
15 Девушки! На берегу оставляйте следы белоспешных
Ног! Верна лишь земля, прочие тёмны пути.
Как возмущается хлябь, меж Скиллой кипя
и Харибдой;
В бой как вступают ветра, как из пучины торчат
Скалы Керавнии, как Большую и Малую Сирту
20 Тайно скрывает залив,— пусть вам расскажет
другой.
Дайте ему говорить; рассказам вы можете верить,—
Тем, кто слушает их, буря сама не грозит.
Поздно жалеть о земле, когда уже сняты причалы
И крутобокий корабль мчится в солёный простор,
25 И озабочен моряк, враждебных боящийся ветров,
Видя, что гибель его — ближе пучины самой.
Стоит Тритону хоть раз взволновать глубины морские,
О, как мгновенно сбежит краска с лица твоего!

- 30 К милости будешь звать близнецов сияющих Леды,
Скажешь: «Как счастливы те, кто не расстался
с землей!»
- Много спокойней лежать на постели, почитать
книжку,
Кончиком пальца струну лиры фракийской цеплять...
Если ж советы мои ни к чему, и крылатые бури
Их разнесут,— да хранит твой Галатея корабль!
- 35 Сгинет такая краса в волнах — кто будет виновен?
Вы, nereиды, и ты, влажный отец nereид!
Помни всегда обо мне, возвращайся с ветром попутным,
Грудью он полною пусть дышит в ветрила твои!
Море великий Нерей пусть к этому берегу клонит!
- 40 Ветры, стремитесь сюда! Воды, гоните волну!
Небо моли, чтоб зефиры сильнее напрягали полотна,
Собственной нежной рукой вздутые правь паруса!
Столь мне знакомый корабль я с берега первый
примечу
- 45 И, увидав, прошепчу: «Едет мое божество!»
И на плечах я тебя понесу, и меня зацелуешь
Бурно, и, помня обет, жертву в тот день заколю.
Мягкий приморский песок перед нами раскинется
ложем,
Может любой бугорок столиком нам послужить.
Много тогда за вином мне разностей разных
расскажешь,
- 50 Все: как чуть-чуть не погиб в море открытом
корабль;
Как ты спешила ко мне и как ни ненастные ночи,
Ни взбушевавший Нот не устрашали тебя...
Все я за правду приму, хоть будешь рассказывать
басни,—
- 55 Разве желанным своим нам не позволено льстить?
Лишь бы, гоня во всю прыть, в безоблачном небе сияя,
Мне Светоносец скорей день долгожданный принес!

Я победил! Увеличайте мне лоб, триумфальные лавры!
Да! Я Коринну держу крепко в объятьях своих.
А недь и муж, и привратник, и дверь, и враги мои
скопом —
Все стерегли, чтоб се хитростью взять не могли.

5 Между победами те особливо достойны триумфа,
 Где мы добычу берем, крови ее не пролив.
 Что города, окруженные рвом неглубоким, и стены
 Низкие! Ловкий стратег, женщину я покорил!
 Пал Пергам наконец, не выдержав долгой осады,—
 10 Братьям Атридам тогда много ль досталось хвалы?
 Славу же пыле мою ни один не оспорит соперник,
 И триумфатором звать должно меня одного.
 Был я и воин и вождь,— и цели достиг я желанной! —
 Пешим и конным бойцом, и знаменосцем я был.
 15 Не примешала судьба и случайных к делу препятствий...
 Осуществись же, триумф, плод ухищрений моих!
 Повод борьбы моей стар: в Европе и в Азии был бы
 Мир, когда б не увез Тицидара дочь Приамид.
 Женщина полуконей и диких лапифов когда-то,
 20 Разгоряченных вином, в мерзостной драке свела.
 Женщина сделала то, что троянцы затеяли войны
 Также и в царстве твоём, о правосудный Латин.
 Женщина в годы, когда в зачатке был Град, натравила
 Римлян на тестей — и вот люта я вспыхнула брань.
 25 Видел я сам, как быки из-за белой супруги
 сражались,—
 Телка глядела на них и возбуждала их пыл...
 Так вот и мне Купидон, бойцу своему рядовому,
 Воинский стяг свой поднять — но без убийства! —
 велел.

13

Бремя утробы своей безрассудно исторгла Коринна
 И, обессилев, лежит. С жизнью в ней борется
 смерть.
 Втайне решила она на опасное дело; я вправе
 Гневаться... Только мой гнев меньше, чем страх
 за нее.
 5 Все же она понесла — от меня, я так полагаю.
 Впрочем, порой я готов верным возможное счастье...
 Матерь Изиды, чей край — плодородные пашни Канона,
 И Паретоний, и Фар с рощами пальм, и Мемфис,
 Чьи те равнины, где Нил, по широкому руслу
 скатившись,
 10 Целой седмицей ворот к морю выносит волну!
 Сстром твоим закликаю тебя и Анубиса ликом:
 Вечно Озирис честной пусть твои таинства чтит,

Пусть не поспешно змея проползает вокруг

припошений,

В шествии рядом с тобой Апис рогатый идет!

15 Взор свой сюда обрати, в одной двоих ты помилуй:

Жизнь госпоже возврати, мне же — она возвратит.

Часто в Изидины дни тебе она в храме служила,

Галлы-жрецы между тем кровью пятнали твой

лавр.

Ты ведь жалеешь всегда беременных женщин, которым

20 Груз потаенный напряг гибкость утративший стан.

Будь благосклонна, внемли, о Илифия, жарким

молениям!

Верь мне, достойна она милостей щедрых твоих.

В белых одеждах я сам почту твой алтарь фимиамом,

Сам по обету дары к светлым стопам я сложу.

25 Надпись добавлю я к ним: «Назон — за спасенье

Коринфы».

О, поощри же, молю, надпись мою и дары!

Если же в страхе таком и советовать можно, —

Коринфа,

Больше подобных боев не затевай никогда!

14

Подлинно ль жепщинам впрок, что они не участвуют
в битвах

И со щитом не идут в грубом солдатском строю,

Если себя без войны они собственным ранят оружием,

Слепо берутся за меч, с жизнью враждуя своей?

5 Та, что пример подала выбрасывать нежный

зародыш, —

Лучше погибла б она в битве с самою собой!

Если бы в древности так матерям поступать

полюбились,

Сгинул бы с таким злом весь человеческий род!

Снова пришлось бы искать того, кто в мире пустынном

10 Стал бы камень бросать, вновь зачиная людей.

Кто бы Приамову мощь сокрушил, когда бы Фетида,

Моря богиня, свой плод не захотела носить?

Если в тугом животе не оставила б Илия двойню,

Кто бы тогда основал этот властительный Град?

15 Если б в утробе своей погубила Энея Венера,

То не пришлось бы земле в будущем Цезарей знать.

Так же погибла б и ты, хоть могла уродиться

прекрасной,

Если б отважилась мать сделать, что сделала ты.

Сам я, кому умереть от любви предназначено, вовсе

20 Не родился бы на свет, не пожелай моя мать.

Можно ль незрелую гроздь срывать с лозы виноградной?

Можно ль жестокой рукой плод недоспелый снимать?

Свялятся сами, созрев. Рожденному дай развиваться.

25 Стоит чуть-чуть потерпеть, если наградою — жизнь.

Что же утробу язвить каким-то особым оружием?

Как нерожденных детей ядом смертельным травить?

Все колхидянку винят, обогренную кровью младенцев;

Каждому Итиса жаль: мать погубила его.

30 Матери-звери они. Но у каждой был горестный повод:

Обе мстили мужьям, кровь проливая детей.

Вы же скажите, какой вас Терей иль Ясон побуждает

С дрожью, смущенной рукой тело свое поражать?

Сроду не делали так и в армянских логовах тигры;

Разве решится сгубить львица потомство свое?

35 Женщины ж этим грешат, хоть нежны, — и ждет их

возмездье:

Часто убившая плод женщина гибнет сама, —

Гибнет, — когда же ее на костер несут, распустивши

Волосы, каждый в толпе громко кричит: «Поделом!»

40 Пусть же мои растворятся слова в просторах эфира!

Пусть предсказанья мои станут лишь звуком

пустым!

Боги благие, лишь раз без вреда согрешить ей

дозвольте...

Но и довольно: потом пусть наказание несет.

15

Палец укрась, перстенок, моей красавице милой.

Это подарок любви, в этом вся ценность его.

Будь ей приятен. О, пусть мой дар она с радостью

примет,

Пусть на пальчик себе тотчас наденет его.

5 Так же ей будь подходящ, как она для меня

подходяща.

Будь ей удобен, не жми тоненький пальчик ее.

Счастье тебе! Забавляться тобой госпожа моя будет, —

Сделав подарок, ему сам я завидовать стал...

Если б своим волшебством в тот перстень меня
 обратила
 10 Дева Эри иль ты, старец Карпафских пучин!
 Стоило б мне пожелать коснуться грудей у любимой
 Или под платье ее левой проникнуть рукой,
 Я соскользнул бы с перста, хоть его и сжимал бы
 вплотную,
 Чудом расширившись, к ней я бы на лоно упал.
 15 Или печатью служа для писем ее потаенных,—
 Чтобы с табличек не стал к камешку воск
 приставать,—
 Я прижимался б сперва к губам красавицы влажным...
 Только б на горе себе не припечатать письма!..
 Если ж меня уложить захочет любимая в ларчик,
 20 Я откажусь, я кольцом палец сожму потесней...
 Пусть никогда, моя жизнь, для тебя я не стану обузой,
 Пусть твой палец всегда с легкостью носит свой
 груз.
 Ты, не снимая меня, купайся в воде подогретой,
 Ведь не беда, коль струя под самоцвет попадет...
 25 Голая будешь... И плоть у меня от желая
 взыграет...
 Будучи перстнем, я все ж дело закончу свое...
 Что по-пустому мечтать?.. Ступай же, подарок мой
 скромный!
 Смысл его ясен: тебе верность я в дар приношу.

16

Вот я в Сульмоне живу, третьем округе края пелигнов.
 Округ, богатый водой, хоть невелик, но здоров.
 Пусть себе солнца лучи накаляют землю до трещин,
 Пусть Икарийского пса злобная блещет звезда,—
 5 Вод проточных струи орошают пашни пелигнов;
 Тучная почва рыхла, буйные травы в лугах.
 Здесь изобильны хлеба, виноград еще изобильней,
 А на участках ипых есть и Паллады плоды.
 Здесь зелена мурава везде, где ручьи протекают,
 10 Тенью покров травяной влажную землю одел.
 Нет лишь огня моего... Нет, я в выраженьи ошибел:
 Нет лишь причинны огня, самое ж пламя при мне.
 Если бы я поселен меж Кастором был и Поллуксом,
 И в небесах без тебя не захотел бы я жить!

- 15 Будь же земля тяжела, будь вечный сон беспокоен
 Для взбороздивших весь мир множеством длинных
 дорог!
 За молодыми людьми хоть велели бы следовать девам,
 Если уж мир бороздить множеством длинных
 дорог...
- 20 Я же, когда бы пришлось мне мерзнуть и в ветренных
 Альпах,
 Путь свой легким бы счел, будь я вдвоем
 с госпожой.
 С милой вдвоем переплыть я решился б ливийские
 Сирты
 И переменчивым дать Нотам мой парус нести.
 Нет, ни чудовищ морских, под девичьим лающих
 лоном,
 Не устршился б, ни вас, скалы Мален кривой!
- 25 Даже Харибды самой, что, насытятся судов
 потопленьем,
 Воду, извергнув, опять пастью вбирает пустой.
 Если же сила ветров самого одолеет Нептуна
 И благосклонных ко мне воды богов унесут,
 На плечи мне положи свои белоснежные руки,—
- 30 Я без труда поплыву с легкою ношей своей.
 Юный любовник Геро доплывал к ней по морю часто...
 Мог и в тот раз переплыть... только темна была
 ночь.
- Но без тебя... Пускай виноградом обильные земли
 Здесь окружают меня, поле потоки поят,
 35 Гонит в канавы к себе земледелец послушные воды,
 Свежий пускай ветерок волосы нежит дерев,—
 Славить я все ж не хочу целебного края пелигнов,
 Сел — достоянья отцов,— места, где я родился.
 Скифов прославлю скорей, дикарей киликийских,
 британов,
- 40 Скалы, что стали красны, кровь Прометея впитав...
 Вяз полюбит лозу — и лоза не отстанет от вяза...
 Я же томлюсь почему от госпожи вдалске?
 Вспомни, не ты ли клялась мне спутницей быть
 неизменной,
- 45 Мной и глазами клялась, звездами жизни моей?
 Вижу, девичьи слова облетающим листьям подобны,—
 Ветер их злобный несет, мчит, убегая, волна...
 Нет, если ты обо мне сохранила хоть долю заботы,
 Так к обещаньям твоим дело добавить пора.

Ждет колесница, спеши! Горячие рвут иноходцы.
50 Между развившихся грив вожжи сама натяни!
Вы же у ней на пути принцзйтесь, надменные горы,—
В ваших долинах кривых легок да будет ей путь!

17

Если считает иной, что служение женщине стыдно,
Значит, в постыдном меня этот судья обвинит.
Только бы ты, чей престол на Кифере, омытой прибором,
Ты, чей в Пафосе приют, меньше терзала мня!
5 Лишь бы отныне мне быть добычей владычицы кроткой,
Коль уж судила судьба стать мне добычей красы.
К чванности прелесть ведет. Коринна резка и жестока.
Горе! Зачем она так знает свою красоту?
В зеркало смотрится... Вот где кроется спеси причина.
10 Да и глядится в него, только закончив наряд.
Нет, если это лицо подчиняет все своей власти,
Это лицо, что глаза в плен захватило мон,—
Все ж и меня презирать не должна ты в сравненье
с собою,—
Малое может вполне рядом с великим стоять.
15 Молвят, что, жаром любви охвачена к смертному мужу,
Нимфа Калипсо его долго держала в плену.
Верят, что с фтийским царем неренда морская лежала
И что с Эгерией сон праведный Нума вкушал.
Принадлежала сама и Венера Вулкану, хоть жалко
20 От наковальни своей он ковылял, хромоног.
Этой элегии метр ведь тоже неровен, однако
Стих героический в ней с более кратким в ладу.
Значит, какой я ни есть, меня принимай, моя радость!
Законодательствуй впредь, милая, с ложа любви!
25 Я не позорю тебя, мне повода нет отдаляться,
Незачем нам и скрывать нашу любовную связь.
Я не без средств: у меня стихов немало удачных,
Многие через меня славы хотели б достичь.
Знаю одну... Та повсюду себя выдает за Коринну.
30 Все бы она отдала, чтобы Коринною быть!..
Только единым руслом две разных реки не стремятся,—
Скажем, холодный Эврот и многотопольный Пад..
Пусть же и в книжках моих никогда не поется
другая,—
Ты лишь предметом одна будь вдохновений моих!

Ты, свою песню ведя, подошел уж к Ахиллову гневу
 И облакаешь в доспех связанных клятвой мужей,
 Я же, о Макр, лешось под укромною сенью Венеры,
 Крупные замыслы все нежный ломает Амур.

5 Сколько уж раз «Отойди, не мешай!» говорил я
 подруге,

Но на колени ко мне тотчас садится она!
 Или «Мне стыдно...» скажу, — а милая чутьльи
 не в слезы.

«Горе мне! — шепчет, — моей стал ты стыдиться
 любви...»

Шею мою обовьет и тысячью жарких лобзаний

10 Вдруг мне осыплет лицо, — я погибаю от них!

Я побежден, от боев отвлекает меня вдохновенье:

Бить домашних певец, подвиги славлю свои.

Скипетр я все же держал, как мог, и трагедия все же
 Двигалась, с этим трудом справиться я бы сумел.

15 Плащ мой Амур осмеед, и цветные котурны, и скипетр:
 Рано его я схватил и недостойной рукой!

В сторону был уведен своеправной красавицы волей

И о котурнах забыл: правил триумф свой Амур.

Делаю то, что могу: обучаю науке любовной

20 (Горе! Я сам удручен преподаваньем своим!)

Иль сочиняю, как шлет Пенелопа известье Улиссу

Иль как у моря, одна, слезы, Филлида, ты льешь, —

Все, что Парис, Макарей и Ясон, благодарности
 чуждый,

Будут читать, Ипполит и Ипполитов отец;

25 Всё, что, выхватив меч, сказала бы в горе Дидона

Или же Лесбоса дочь, лиры Эолии друг.

Скоро же ты, мой Сабин, объехал весь мир и вернулся,

Из отдаленных краев письма-ответы привез!

Значит, Улисса печать Пенелопой опознана верной,

30 Мачеха Федра прочла, что написал Ипполит;

Благочестивый Эней прекрасной ответил Элиссе;

Есть и к Филлиде письмо... если Филлида жива!

До Инсинылы дошли Ясона печальные строки;

Милая Фебу, во храм лиру, лесбийка, отдай!..

35 Все же в стихах и твоих, о Макр, воспеватель

сражений,

Голос порой подает золотокудрий Амур:

Там и Парис, и жена, что неверностью славу снискала,
И Лаодамия, смерть мужу принявшая вслед...
40 Знаю тебя хорошо: ты любовь воспеваешь охотней,
Нежели брани, ты в мой перебираешься стан!

19

Если жену сторожить ты, дурень, считаешь излишним,
Хоть для меня сторожи, чтобы я жарче пылал!
Вкуса в дозволенном нет, запрет возбуждает острес;
Может лишь грубый любить то, что дозволит
другой.

5 Мы ведь любовники, нам и надежды и страхи желанны,
Пусть ивогда и отказ подогревает наш пыл.
Что мне удача любви, коль заране успех обеспечен?
Я не люблю ничего, что не сулило бы мук.
Этот мне свойственный вкус лукавой подмечен
Коринной,—

10 Хитрая, знает она, чем меня лучше поймать.
Ах, притворялась не раз, на боль головную ссылалась!
Как же я медлил тогда, как не хотел уходить...
Ах, сколько раз обвиняла меня, и невинный виновник
Нехотя вид принимал, будто и впрямь виноват.

15 Так, меня обманув и раздув негорячее пламя,
Снова готова была страстным ответить мольбам.
Сколько и нежностей мне, и ласковых слов расточала!
А целовала меня — боги! — о, сколько и как!
Так же и ты, которая взор мой пленила недавно,
20 Чаще со мною лукавь, чаще отказывай мне,
Чаще меня заставляй лежать у тебя на пороге,
Холод подолгу терпеть ночью у двери твоей.
Так лишь крепнет любовь, в упражнении долгом
мужает,

Вот чего требую я, вот чем питается страсть.
25 Скучно становится мне от любви беспрепятственной,
пресной:

Точно не в меру поел сладкого — вот и мутит.
Если б Данаю отец не запрятал в железную башню,
От Громовержца она вряд ли бы плод принесла.
Зорко Юнона блюла телицу рогатую — Ио,—
30 И Громовержцу вдвойне Ио милее была.
Тот, кто любит владеть доступным, пусть обрывает
Листья с деревьев, пускай черпает воду из рек,

Только обманом держать любовника женщина может...

Сколько советов, увы, против себя я даю!

35 Не возражает иной, а мне попустительство тошно:

Ищут меня — я бегу, а убегают — гонюсь.

Ты же, который в своей красавице слишком уверен,
Лучше, как спустится ночь, вход на замок запирай.

40 Да разужнай наконец, кто в дверь то и дело стучится
Тайно, собаки с чего брешут в ночной тишине?

Что за таблички тишком проворная носит служанка
И почему госпожа часто ночует одна?

Пусть до мозга костей тебя пробирает тревога,—

Дай же мне повод хоть раз ловкость свою проявить.

45 Тот пусть лучше песок на пустынном ворует

прибрежье,

Кто в неразумье своем любит жену дурака.

Предупреждаю тебя: коль верить слепо супруге

Не перестанешь, моей быть перестанет она.

Много всего я терпел, надеялся я, что сумею,

50 Как ты ее ни храни, все же тебя обойти.

Ты же, бесстрастный, готов терпеть нестерпимое мужу:

Все дозволяешь — и вот я уж любить не могу.

Так уж, несчастному, мне никогда и не ведать запрета?

Ночью уже никогда мести грозящей не ждать?

55 Страха не знать? Не вздыхать сквозь сон, ни о чем

не волнуясь?

Повода мне не подашь смерти твоей пожелать?

Что мне в супруге таком? На что мне податливый

сводник?

Нравом порочным своим губишь ты счастье мое.

Ты бы другого нашел, кому терпеливые любви...

60 Если соперником звать хочешь меня — запрещай!

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

Древний высится лес, топора не знававший от века.

Веришь невольно, что он тайный приют божества.

Ключ священный в лесу и пещера с сосульками пемзы,

И отовсюду звучат нежные жалобы птиц.

5 Там, когда я бродил в тени под листвою древесной

В думах, куда же теперь Муза направит мой труд,

Вижу Элегию вдруг: узлом — благовонные кудри,

Только одна у нее будто короче нога;

Дивной красы, с оживленным лицом, в одежде

тончайшей,—

10 Даже уродство ноги лишь украшало ее.

Властная вдруг подошла и Трагедия шагом широким,

Грозно свисали на лоб волосы; плащ до земли.

Левой рукою она помавала скипетром царским,

Стройные голени ей сжали котурнов ремни.

15 Первой сказала она: «Когда же любить перестанешь

Ты, к увещаньям моим не преклоняющих слух?

О похождениях твоих на пьяных болтают пирушках,

В людных толкуют местах, на перекрестке любовом,

Пальцем частенько в толпе на поэта указывать стали:

20 «Вот он, тот, кого сжег страстью жестокий Амур!»

Не замечаешь ты сам, что становишься притчею

Рима...

Как же не стыдно тебе все про себя разглашать?

Петь о важнейшем пора, вдохновляться вакхическим

тирсом,—

Время довольно терять, труд начинай покрупней!

25 Ты унижаешь свой дар. Воспевай деянья героев!

Скажешь ты: нынешний труд больше подходит

тебе —

Хватит забавных стихов, что успел ты сложить

для девчонок:

Были напевы твои с юностью ранней в ладу.

Славу доставить теперь ты обязан трагедии римской,

30 И вдохновеенье твое выполнит волю мою!»

Так она кончила речь в своих театральных котурнах

И покачала главой в пышном уборе кудрей.

И, на нее покаясь, улыбнулась Элегия, вижу,—

Мирт держала она, помнится, в правой руке.

35 «Что порицаешь меня, Трагедия гордая, речью

Важной? — сказала. — Ужель важной не можешь

не быть?»

Не погнушалась и ты неравным стихом выражаться,

Ты, состязаясь со мной, мой применила размер?

Нет, величавых стихов со своими равнять я не смею,

40 Твой затмевает дворец скромные сени мон.

Ветрена я, и мил мне Амур, он ветреник тоже,

Избранный мною предмет — по дарованьям момн.

Бога игривого мать без меня грубовата была бы,

Я родилась, чтобы ей верною спутницей быть.

45 Все-таки я кое в чем и сильнее тебя: я такое

Переношу, от чего хмурятся брови твои.

Дверь, которую ты не откроешь тяжелым котурном,

Я открываю легко резвой своей болтовней.

Не научила ли я и Коринну обманывать стража,

50 И на измену склонять верность надежных замков,

Тайно с постели вставать, развязав поясок у сорочки,

И в полупночной тиши шагом неслышным ступать?

Мало ли я на жестоких дверях повисала табличкой,

Не побоясь, что меня каждый прохожий прочтет!

55 Помню и то, как не раз, за пазухой прячась рабыни,

Я дожидалась, когда ж сторож свирепый уйдет?

Раз на рожденье меня в подарок послал ты — и что же?

Варварка тут же, разбив, в воду швырнула меня.

Первой взрастила в тебе я счастливое семя таланта.

60 Это — мой дар... А его требует нынче — она!»

Кончили. Я же сказал: «Заклипаю вас вами самими

Слух беспристрастно склонить к полным смиренья

словам.

Та мне во славу сулит котурн высокий и скипетр —

С уст уж готов у меня звук величавый слететь...

65 Эта же — нашей любви обещает бессмертье...

Останься ж

И продолжай прибавлять краткие к длинным стихам!

Лишь ненадолго певцу, Трагедия, даруй отсрочку:
Труд над тобой — на века, ей мимолетный милей...»
И согласилась она... Торопитесь, любовные песни!
70 Есть еще время,— а там труд величавее ждет,

2

В цирке сегодня сижу я не ради коней знаменитых,—
Нынче желаю побед тем, кого ты избрала.

Чтобы с тобой говорить, сидеть с тобою, пришел я,—

Чтобы могла ты узнать пыл, пробужденный тобой...

5 Ты на арену глядишь, а я на тебя: наблюдаем

Оба мы то, что хотим, сыты обоих глаза.

Счастлив возница, тобой предпочтенный, кто бы он
ни был!

Значит, ему удалось вызвать вниманье твое.

Мне бы удачу его!.. Упряжку погнав из ограды,

10 Смело бы я отдался бурному бегу коней;

Спины бичом бы хлестал, тугие б натягивал вожжи;

Мчась, того и гляди осью бы мету задел!

Но, лишь тебя увидав, я бег замедлил бы тотчас,

И ослабевшие вмиг выпали б вожжи из рук...

15 Ах, и Пелопс едва не упал на ристании в Пизе

Лишь оттого, что узнал твой, Гипподамия, лик.

Все же победу ему принесла благосклонность

подруги,—

Пусть же победу и нам даст благосклонность

подруг!..

Хочешь сбежать?.. О, сиди!.. В одном мы ряду и бок
о бок...

20 Да, преимущества есть в правилах мест цирковых.

«Вы, направо от нас, над девушкой сжальтесь, соседка:

Ей нестерпимо, ведь вы вся на нее налегли!

Также и вы, позади, подберите немножечко ноги,

Полно вам спину ее твердым коленом давить!..»

25 Твой опустился подол и волочится по полу,— складки

Приподыми, а не то я их тебе подберу.

Ну и ревнивец подол! Скрывает прелестные ноги,

Видеть их хочет один... Ну и ревнивец подол!

Ноги такой красоты Мелациои у Аталанты,

30 Бегом несущейся прочь, тронуть стремился рукой.

Ноги такие еще у Дианы в подобранном платье

Пишут, когда за зверьем, смелых смелее, бежит,

Их не видал, а горю... Что ж будет, когда их увижу?
 Пламя питаешь огнем, в море вливаешь воды!

35 Судя по этим красам, представляю себе и другие,
 Те, что от взоров таят тонкие ткани одежд...
 Хочешь, пока на тебя ветерочком я легким повею,
 Перед тобою махать веером стану? Иль нет?

40 Видно, в душе у меня, а вовсе не в воздухе, жарко:
 Женской пленен я красой, грудь мою сушит
 любовь...

Мы говорим, а уж пыль у тебя оседает на платье.
 Прочь, недостойная пыль! С белого тела сойди!..
 Тише!.. Торжественный миг... Притаитесь теперь
 и молчите...

Рукоплещите! Пора! Вот он,— торжественный миг...
 45 Шествие... Первой летит на раскинутых крыльях
 Победа.
 К нам, о богиня! Ко мне! Дай мне в любви
 победить!

Кто почитатель морей, пускай рукоплещет Нептуну,—
 Я равнодушен к воде, землю свою я люблю...
 Марсу ты хлопай, боец! А я ненавижу оружие:

50 Предпочитаю я мир,— с миром приходит любовь.
 Будь к прорицателям, Феб, благосклонен, к охотникам,
 Феба!

Рук же искусных привет ты, о Минерва, прими!
 Ты, земледел, поклонись Церере и томному Вакху!
 Всадник, кулачный боец, с вами Кастор и Поллукс!

55 Я же, Венера, тебе и мальчикам с луком их метким
 Рукоплещу, я молю мне в моем деле помочь.
 Мысли моей госпожи измени, чтоб любить позволяла...
 Вижу: богиня судит счастье кивком головы!

60 Ну же, прошу, обещай, подтверди обещанье богини,—
 Будешь мне ты божеством, пусть уж Венера
 простит!

Всеми богами клянусь в торжественном шествии
 этом —
 Будешь на все времена ты госпожою моей!..
 Ноги свисают твои,— ты можешь, ежели хочешь,
 На перекладинку здесь кончики их опереть...
 65 Снова арена пуста... Начиная Великие игры,
 Претор пустил четверни первым забегом вперед.
 Вижу, кто избран тобой. О, пусть победит твой
 избранник!

Кажется, кони и те чуют желанья твои...

Горе! Как далеко по кругу он столб огибает!
70 Что ж ты наделал? Другой ближе прошел колесом!
Что ты наделал? Беда! Ты красавицы предал
желанья...
Туже рукой натяни левые вожжи, молю!..
Неуча выбрали мы... Отзовите его, о квириты!
Дайте же знак поскорей, тогой махните ему!..
75 Вот... Отозвали... Боюсь, прическу собьют тебе тоги,—
Спрячься-ка лучше сюда, в складки одежды
моей...
Но уж ворота опять распахнулись, и вновь из ограды
Ряд разноцветных возниц гонит ретивых коней.
Ну, победи хоть теперь, пронесись на свободном
пространстве,
80 Чтобы ее и мои осуществились мольбы!..
Осуществились мольбы... госпожи... Мои же —
напрасны...
Пальмы он ветвь получил,— мне ж предстоит
добывать...
Ты улыбнулась, глазком кое-что обещая игриво...
Будет пока... Но потом и остальное мне дай!

3

Как же тут верить богам?.. Она неверна, изменила,
Но остается собой, с прежним, все тем же лицом...
Волосы были длинны у нее, не нарушившей клятвы,—
У оскорбившей богов волосы так же длинны...
5 Ранее кожи ее белоснежной был розов оттенок,—
Так же на белом лице ныне румянец сквозит...
Маленькой ножка была — и теперь безупречна
по форме;
Статен был облик и строг — статен он, строг
и теперь.
Раньше сверкали глаза — и ныне сияют как звезды,—
10 Часто изменница мне их обаяньем лгала...
Значит, не сдерживать клятв позволяют бессмертные
сами
Женщинам, и красота, значит, сама — божество?
Помню, глазами клялась и своими она, и моими,—
Горькой слезою теперь плачут мои лишь глаза...
15 Боги! Если она безнаказанно вас оскорбила,—
Так почему же страдать мне за чужую вину?

Правда, Кефееву дочь, девицу, вы не смутились
 Смерти безвинно предать за материнскую спесь...
 20 Мало того что свидетели вы оказались пустые,
 Что над богами и мной так насмеялась она,
 Мне ли еще и наказанным быть за ее вероломство?
 Стану ль, обманутый сам, жертвой обманщицы я?
 Или же «бог» — лишь название одно, недостойное
 страха,—
 И возбуждает оно глупую веру людей?
 25 Если же бог существует, так он молоденьких любит
 Женщин, вот почему все и дозволено им...
 Нам лишь, мужчинам, грозит сам Марс мечом
 смертоносным,
 Непобедимое в нас целит Паллады копье;
 Нам же грозит и тугой, натянутый лук Аполлона;
 30 И Громовержец для нас молнии держит в руке.
 Боги, обиды терпя, огорчить страшатся красавиц,
 Не убоявшихся их сами боятся они.
 Кто же в храмах теперь фимнам возжигать им
 захочет?
 Больше решимости впрямь надо мужчинам иметь:
 35 Мечет перуны свои в твердыни и в рощи Юпитер,
 Но запрещает стрелам женщин неверных разить!
 Многих бы надо казнить,— а сгорела одна лишь
 Семела:
 Нежной услугой своей казнь заслужила она;
 Не привелось увидеть ей любовника в образе бога,
 40 Вакха не стал бы носить, мать заменяя, отец...
 Впрочем, на что мне пенять? Зачем небеса обвиняю?
 И у бессмертных богов те же глаза и душа:
 Будь я сам божеством, я позволил бы женщине тоже
 Ложью пленительных уст бога во мне оскорблять...
 45 Ты же умеренней будь, терпенье богов искушая,
 Милая, или хотя б друга глаза пощади.

4

Сторожа, строгий супруг, к молодой ты приставил
 подруге.
 Полно! Себя соблюдать женщине надо самой.
 Коль не от страха жена безупречна, то впрямь
 безупречна,—
 А под запретом она, хоть не грешит, а грешна...

- 5 Тела блюдешь чистоту, а душа все равно любодейка...
 Женщину не устеречь против желанья ее.
 Женскую душу сберечь никакие не смогут затворы:
 Кажется, всё на замке, — а соблазнитель проник!
 Меньше грешат, коль можно грешить; дозволенье
 измены
- 10 Тупит само по себе тайной мечты остроту.
 Верь мне, супруг: перестань порок поощрять
 запрещеньем, —
 Лучше поборешь его, если уступишь ему.
 Видел я как-то коня: он узде не хотел подчиниться
 И, закусив удила, молнии несея быстрее, —
- 15 Но покорился и встал, ощутив, что на трепаной гриве
 Мягкие вожжи лежат, что ослабела узда.
 Все, что запретно, влечет; того, что не велено, жаждем.
 Стоит врачу запретить, просит напиток большой...
 Сто было глаз на челе у Аргуса, сто на затылке, —
- 20 Все же Амур — и лишь он — часто его проводил.
 В прочный спальный покой из железа и камня Данаю
 Девой певичной ввели, — матерью стала и там.
 А Пенелопа, хотя никакой не имелось охраны,
 Все же осталась чиста средь молодых женихов.
- 25 Больше хотим мы того, что другой бережет. Привлекает
 Вора охрана сама. Редкий доступному рад.
 К женщине часто влечет не краса, а пристрастье
 супруга:
 Что-то в ней, видимо, есть, что привязало его...
 Честной не будь взаперти, — изменяя, ты будешь милее.
- 30 Слаще волненья любви, чем обладанье красой.
 Пусть возмущаются, — нам запретное слаще блаженство,
 Та лишь нам сердце пленит, кто пролепечет:
 «Боюсь!»
- Кстати, держать под замком недозволено женщин
 свободных,
 Так устрашают одних иноплеменных рабынь.
- 35 Ежели вправе сказать ее сторож: моя, мол, заслуга... —
 Так за невинность ее надо раба похвалить!
 Подлинно тот простоват, кто измен не выносит
 подруги,
 И недостаточно он с нравами Рима знаком.
 Ведь при начале его — незаконные Марсовы дети:
- 40 Илий Ромул рожден, тою же Илий — Рем.
 Да и при чем красота, если ты целомудрия ищешь?
 Качествам этим, поверь, не совместиться никак,

Если умен ты, к жене снисходителен будь

и не хмурься,

45 К ней применять перестань грозного мужа права.
Женивых лучше друзей приветствуй (их будет
немало!) —

Труд не велик, но тебя вознаградит он вполне.
Ты молодежных пиров постоянным участником

станешь,

Дома, не делая трат, много накопишь добра.

5

Ночь наступила, и сон смежил мне усталые веки.

Вот что привиделось мне,— и содрогнулась душа.
Снился какой-то мне холм, открытый на юг

и поросший

Рощей дубовой. В ветвях множество пряталось

птиц.

5 Кпизу от рощи был луг с густой зеленой травой;
Влагой его орошал тихо журчащий ручей.

Сам я от летней жары под листвою древесной укрылся,
Но под древесной листвою тоже томила жара.

Тут появляется вдруг чисто-белая, вижу, корова;

10 Стала она мураву вместе с цветами щипать.

Снега белее была, который недавно лишь выпал

И не успел, полежав, влагой прозрачною стать,

Иль молока, что едва из упругих сосцов заструилось
Дойной овцы и в ведре белою пеной шумит.

15 Ей сопутствовал бык, супруг коровы счастливый;

Рядом на мягкий лужок с нежной прилег он женой.

Так он лежал и меж тем не спеша пережевывал

жвачку,—

Ел, наедаюсь опять съеденной раньше едой.

Скоро привиделось мне, что он разомлел от дремоты,

20 Что круторогой приник он головою к земле.

Вдруг ворона, гляжу, слетела, махая крылами,

И на зеленый лужок, каркая, села; потом

Трижды клюнула грудь белоснежной коровы и нагло

Клювом вырвала вмиг песколько белых клоков.

25 Та, хоть не сразу, ушла, на месте оставив супруга,—

А на коровьей груди кровоподтек багровел.

И, увидав, что быки пасутся в лугах недалеко,—

Ибо и вправду быки неподалеку паслись,—

Сразу помчалась туда и, в стадо сейчас же

вмешавшись,

30 Стала пастись на лугу, где посочнее трава.

«Кто бы ты ни был, скажи, ночных сновидений

отгадчик,—

Если в нем истина есть, что предвещает мой

сон?» —

Так я спросил, и в ответ отгадчик ночных сновидений

Молвил, взвесив в уме каждое слово мое:

35 «Зной, которого ты избежать под листвою стремился,—

Хоть и не смог избежать,— это любовная страсть.

В белой корове твою угадать нетрудно подругу:

Цвет у них общий; а бык — сам ты, любовник ее.

Острым клювом ей грудь ворона клевала — понятно:

40 Старая сводня с пути сбила подругу твою.

То, что корова ушла от быка, хоть ушла и не сразу,

Значит: ты будешь один зябнуть в постели пустой.

То, что кровоподтек багровел на груди у коровы,—

Знак, что изменницы грудь тоже, наверно,

с пятном».

45 Кончил,— и я помертвел, от щек отхлынула сразу

Кровь, и глубокая ночь мраком окутала взор.

6

«Илистый, мутный поток, поросший сплошь камышами,

Я же к подруге спешу,— воды сдержи хоть на миг!

Нет ни мостов никаких на тебе, ни парома с веревкой,

Чтоб переправиться мне через тебя без гребцов.

5 Помню, ты узепьким был, я тебя перейти не боялся,

Только подошвы одни смочит, бывало, волна.

Снег на соседней горе растаял,— вот ты и мчишься,

Грязным ущельем своим взбухшую катишь волну...

10 О, для чего я спешил, не давал себе сна и покоя,

Уж перестал разбирать, ночь наступила иль днь?

Иль чтоб стоять вот так и способа даже не видеть,

Как бы на берег другой твердой погою ступить?

Мне бы те крылья теперь, с которыми отпрыск Данан

Страшную, полную змей, голову храбро отсек!

15 Мне колесницу б теперь, с которой Церерины зерна

Плуга не знавшей еще брошены были земле!

Что чудеса поминать, измышления древних поэтов? —

Этих чудес не видал и не увидит никто...

Ты же, свои берега затопивший бурной волною,
 20 Воду не лей через край (да не иссякнешь вовек!..);
 Верь, тебе не стерпеть всеобщего негодованья,
 Если узнают, что так был я задержан тобой.
 Надобно было б ручьям помогать молодежи
 влюбленной,—
 Боги речные не раз сами извелили страсть.
 25 Блудный был Инах пленен, по преданью, вифинскою
 нимфой
 Мелней и, говорят, в струях студеных сгорал.
 Десятилетия еще не свершилось осады троянской,
 А уж Неера, о Ксанф, очи пленила твои.
 30 Разве, питая любовь неизменную к деве аркадской,
 Вынужден не был Алфей разными землями течь?
 Ты, по преданью, Пеней, посуленную Ксуту Креусу
 Долго во фтийской земле прятал от взоров
 людских.
 Что об Асопе скажу? Он храбрую духом Фебею
 Страстно любил, и она пять родила дочерей.
 35 Если б тебя я спросил, Ахелой, где рога твои ныне,
 Ты бы ответил, вздохнув: гневный сломал их
 Геракл!
 Иль домогались, сойдясь, Калидона, Этолии целой?
 Нет, домогались они лишь Деяниры одной.
 Блага дарующий Нил, по семи протекающий устьям,
 40 Скрывший искусно в песках вод столь обильный
 исток,
 Тоже любил, и огонь, что Асопова дочь Эвантея
 В нем распалила, не мог в волнах своих загасить.
 Чтобы сухим Салмонею обнять, Энипей не велел ли
 Водам своим отступить,— и отступили они.
 45 Я не забыл и тебя, поящего Тибур Аргейский.
 Пенные воды стремя в скалах, пробитых тобой,—
 Илией был ты пленен, хоть и в виде предстала
 ужасном:
 Метки ногтей на щеках, метки ногтей на челе,—
 Марса виной сражена и дяди злодейством, стенала
 50 И по пустынным местам долго бродила босой.
 Тут из стремительных вод Аниен увидал ее бурный,
 Тотчас из пенистых волн голос раздался глухой;
 Бог говорит ей: «К чему ты мой берег, печальная,
 топчешь?
 Ведь от идейца ведешь Лаомедонта свой род!»

55 Где твой обычный наряд? Почему одинокая бродишь?
 Белой тесьмой почему не повязала волос?
 Плачешь зачем, для чего ты слезами глаза изнуряешь
 И, обезумев, зачем бьешь себя в голую грудь?
 60 Надо не сердце иметь, а железа кусок или камень,
 Чтоб равнодушно в слезах нежное видеть лицо.
 Илия, страх позабудь, тебя мой дворец ожидает,
 С честью там примут тебя. Илия, страх позабудь!
 Сотня и более нимф у тебя в услужении будет,
 Ибо в глубинах моих сотня и более нимф.
 65 Не отвергай же меня, молю, о питомица Трои,
 Мною обещанных, верь, будут богаче дары».

Молвил. Она же, к земле потупив стыдливые очи,
 Плакала молча и грудь теплым кропила дождем.
 Трижды пыталась бежать — столбенела трижды над
 бездной,
 70 Дальше бежать не могла, силы ей сковывал страх.
 Волосы врать наконец жестокою стала рукою,
 И из трепещущих уст жалобный вырвался стон:
 «Лучше б останки мои упокоились в отчей могиле
 Раньше, когда их могли девственным прахом
 назвать!
 75 Брачные факелы мне ль предлагать, когда-то весталке!
 Грешной, теперь не блюсти мне илионский очаг.
 Что же я медлю, даю на блудницу указывать пальцем?
 Пусть же погибнет позор, мне заклеивший чело!»
 И, одеяньем закрыв слезой увлажненные очи,
 80 Сверглась не помня себя в быстрые воды реки.
 Бог же речной под грудь проворно подставил ей руки
 И, по преданью, права дал ей на ложе свос.
 Так же и ты, о поток, пылал, наверно, любовью,—
 Только густые леса ваши скрывают грехи...»
 85 Я говорил, а вода подымалась меж тем, растекалась,
 Русло уже не могло буйной волны удержать.
 Бешеный, что я тебе? Для чего наслаждений
 взаимных
 Отодвигаешь ты миг, грубо стоишь на пути?
 Будь ты река как река, с благородным могучим
 теченьем,
 90 Чья широко по земле слава повсюду гремит,—
 Ты ж — безымянный поток, из ручьев образован
 случайных,
 Твой неизвестен родник, ложе неверно твое,

- 20 Ах! Я стыжусь своих лет: ведь я и мужчина и молод,—
 Но не мужчиной я был, не молодым в эту ночь...
 Встала с постели она, как жрица, идущая к храму
 Весты, иль словно сестра, с братом расставившись
 родным...
 Но ведь недавно совсем с белокурою Хлидой
 и с Либой,
- 25 Да и с блестящей Пито был я достоин себя,
 И, проводя блаженную ночь с прекрасной Коринпой,
 Воле моей госпожи был я послушен во всем.
 Сникло ли тело мое, фессалийским отравлено ядом?
 Или же я ослабел от наговорной травы?
 Ведьма ли имя мое начертала на воске багряном
 30 И проколола меня в самую печень иглой?
 От чародейства и хлеб становится злагом
 бесплодным,
 От ворожбы в родниках пересыхает вода;
 Падают гроздья с лозы и желуди с дуба, лишь только
 Их околдуют, и сам валится с дерева плод.
- 35 Так почему ж ворожбе не лишать нас и мощи
 телесной?
 Вот, может быть, почему был я бессилен в ту ночь...
 И, разумеется,—стыд... И он был помехою делу,
 Слабости жалкой моей был он причиной второй...
 А ведь какую красу я видел, к ней прикасался!
 40 Так лишь сорочке ее к телу дано приникать.
 От прикасанья к нему вновь юношей стал бы и
 Нестор,
 Стал бы, годам вопреки, юным и сильным Тифон...
 В ней подходило мне все,—подходящим не был
 любовник...
 Как же мне к просьбам теперь, к новым мольбам
 прибегать?
- 45 Думаю, больше того: раскаялись боги, что дали
 Мне обладать красотой, раз я их дар осрамил.
 Принятым быть у нее я мечтал — приняла, допустила;
 И целовать? — целовал; с нею быть рядом? — и был.
 Даже и случай помог... Но к чему мне держава без
 власти?
 50 Я, как заядлый скупец, распорядился добром.
 Так, окруженный водой, от жажды Тантал томится
 И никогда не сорвет рядом висящих плодов...
 Так покидает лишь тот постель красавицы юной,
 Кто отправляется в храм перед богами предстать...

55 Мне не дарила ль она поцелуев горячих и нежных?
 Тщетно!.. По-всякому страсть не возбуждала ль мою?
 А ведь и царственный дуб, и твердый алмаз,
 и бездушный
 Камень могла бы она ласкою тронуть своей.
 Тронуть тем боле могла б человека живого, мужчину...
 60 Я же — я не был живым, не был мужчиною с ней,
 Перед глухими зачем раздавалось бы Фемиа пенье?
 Разве Фамира-слепца живопись может пленить?
 Сколько заране себе обещал я утех потаенно,
 Сколько различных забав мне рисовала мечта!
 65 А между тем лежало мое полумертвое тело,
 На посрамление мне, розы вчерашней дряблей.
 Ныне же снова я бодр и здоров, не ко времени крепок,
 Снова на службу я рвусь, снова я требую дел.
 Что же постыдно тогда я поник, наихудший из
 смертных
 70 В деле любви? Почему сам был собой посрамлен?
 Вооруженный Амур, ты сделал меня безоружным,
 Ты же подвел и ее,— весь я сгорел со стыда!
 А ведь подруга моя и руки ко мне простирала,
 И поощряла любовь лаской искусной сама...
 75 Но, увидав, что мой пыл никаким не пробудишь
 искусством
 И что, свой долг позабыв, я лишь слабей
 становлюсь,
 Молвила: «Ты надо мной издеваешься? Против
 желанья
 Кто же велел тебе лезть, дурень, ко мне на постель?
 Иль тут пронзенная шерсть виновата колдуньи ээйской,
 80 Или же ты изнурен, видно, любовью с другой...»
 Минг — и, с постели скользнув в распоясанной легкой
 рубашке,
 Не постеснялась скорей прочь убежать босиком.
 А чтоб служанки прознать не могли про ее неудачу,
 Скрыть свой желая позор, дать приказала воды.

Кто почитает еще благородные ныне искусства?
 Ценными кто назовет нежные ныне стихи?
 В прежнее время талант — и золота был драгоценней;
 Нынче невеждой слывешь, если безденежен ты.

5 Книжки мой по душе прилились владычице сердца:
 Вход моим книжкам открыт, сам же я к милой
 не вхож.
 Хоть расхвалила меня, для хваленого дверь на
 запоре,—
 Вот и слоняюсь — позор! — вместе с талантом
 своим!
 Всадник богатый, на днях по службе достигнувший
 ценза,
 10 Кровью напившийся зверь, его теперь предпочтен.
 Жизнь моя! Как же его в руках ты сжимаешь
 прекрасных?
 Как ты сама, моя жизнь, терпишь объятья его?
 Знай, что его голова к военному шлему привычна,
 Знай,— опоясывал меч стан его, льнувший к тебе;
 15левой рукой с золотым, лишь недавно заслуженным
 перстнем
 Щит он держал; прикоснись к правой: она же
 в крови!
 В силах притронуться ты к руке, умертвившей
 кого-то?
 Горе! Ведь прежде была сердцем чувствительна ты!
 Только на шрамы взгляни, на знаки бывалых
 сражений,—
 20 Добыл он телом одним все, что имеет теперь.
 Хвастать, пожалуй, пачнет, как много людей
 перерезал,—
 Все-таки трогаешь ты, жадная, руку его!
 Я же, Феба и Муз чистейший священнослужитель,
 У непреклонных дверей тщетно слагаю стихи!
 25 Умные люди, к чему вам беспечная наша наука?
 Нужны тревоги боев, грубая жизнь лагерей.
 Что совершенствовать стих? Выводите-ка первую
 сотню!..
 Лишь пожелай, преуспеть так же ты мог бы,
 Гомер!
 30 Зная, что нет ничего всемогущее денег, Юпитер
 С девой, введенной в соблазн, сам расплатился
 собой:
 Без золотых и отец был суров, и сама недоступна,
 В башне железной жила, двери — из меди литой.
 Но лишь в червонцы себя превратил обольститель
 разумный,—
 Дева, готова на все, тотчас одежды сняла,

35 В век, когда в небесах Сатурн господствовал старый,
 В недрах ревниво земля много богатств берегла.
 Золото и серебро и медь и железо таились
 Рядом с царством теней,— их не копили тогда.
 То ли земные дары: пшеница, не знавшая плуга;
 40 Соты, доступные всем, в дуплах дубовых; плоды...
 Землю в то время никто сошником могучим не резал,
 Поля от поля межей не отделял землемер.
 Не бороздило зыбей весло, погруженное в воду,
 Каждому берег морской краем казался пути.
 45 Против себя ты сама искусилась, людская природа,
 И одаренность твоя стала тебе же бедой.
 Вкруг городов для чего воздвигаем мы стены и башни,
 Вооружаем зачем руки взаимной вражды?
 Море тебе для чего? Человек, довольствуйся сушей.
 50 В третье ли царство свое мнишь небеса превратить?
 А почему бы и нет, когда удостоены храмов
 Либер, Ромул, Алкид, Цезарь с недавней поры?
 Не урожаяв мы ждем от земли,— мы золота ищем.
 Воин в богатстве живет, добытком кровью его.
 55 В Курию бедный не вхож: обусловлен почет
 состояньем,—
 Всадник поэтому строг и непреклонен судья...
 Пусть же хоть всё заберут,— и Марсово поле,
 и Форум;
 Распоряжаются пусть миром и грозной войной,—
 Только б не грабили нас, любовь бы нашу не крали:
 60 Лишь бы они беднякам чем-либо дали владеть...
 Ныне же, если жена и с сабинкою схожа суровой,
 Держит ее, как в плену, тот, кто на деньги щедрей.
 Сторож не пустит: она за меня, мол, дрожит,— из-за
 мужа...
 А заплати я,— уйдут тотчас и сторож и муж!
 65 Если какой-нибудь бог за влюбленных мстит
 обделенных,
 Пусть он богатства сотрет неблагоприятные в прах!

Если над Мёмноном мать и мать над Ахиллом рыдала,
 Если удары судьбы трогают вышних богинь,—
 Волосы ты распусти, Элегия скорбная, ныне:
 Ныне по праву, увы, носишь ты имя свое.

3 Призванный к песням тобой Тибулл, твоя гордость
и слава,—

Ныне бесчувственный прах на запылавшем костре.
Видишь, Веперы дитя колчан опрокинутым держит;

Сломан и лук у него, факел сиявший погас;
Крылья поникли, смотри! Сколь жалости мальчик

достонн!

10 Ожесточенной рукой бьет себя в голую грудь;
Кудри спадают к плечам, от слез струящихся влажны;

Плач сотрясает его, слышатся всхлипы в устах...

Так же, преданье гласит, на выносе брата Энея,

Он из дворца твоего вышел, прекраснейший Юл...

15 Ах, когда умер Тибулл, омрачилась не меньше Венера,
Нежели в час, когда вепрь юноше пах прободал...

Мы, певцы, говорят, священны, хранимы богами;

В нас, по суждению иных, даже божественный дух...

Но оскверняется все, что свято, непрошеной смертью,

20 Руки незримо из тьмы тянет она ко всему.

Много ли мать и отец помогли исмарийцу Орфею?

Много ли проку, что он пеньем зверей усмирят?

Лин — от того же отца, и все ж, по преданью, о Лине

Лира, печали полна, пела в лесной глубине.

25 И меонийца добавь — из него, как из вечной криницы,
Ток пиерийской струи пьют песнопевцев уста.

В черный, однако, Аверп и его погрузила кончина...

Могут лишь песни одни жадных избегнуть костров.

Вечно живут творенья певцов: и Трои осада,

30 И полотно, что в ночи вновь распускалось хитро...

Так, Немесиды вовек и Делии имя пребудет,—

Первую пел он любовь, пел и последнюю он.

Что приношения жертв и сестры Египта? Что пользы

Нам в чистоте сохранять свой целомудренный одр?..

35 Если уносит судьба наилучших — простите мне

дерзость,—

Я усомниться готов в существованье богов.

Праведным будь,— умрешь, хоть и праведен; храмы

святыс

Чти,— а свирепая смерть стащит в могилу тебя...

Вверьтись прекрасным стихам... по славный Тибулл

бездыханен?

40 Все-то останки его тесная урна вместит...

Пламя костра не тебя ль унесло, песнопевец

священный?

Не утрашился огонь плотью питаться твоей.

Значит, способно оно и храмы богов золотые

Сжечь,— коль свершило, увы, столь

святоотатственный грех.

45 Взор отвратила сама госпожа эрицинских святилиц

И — добавляют еще — слез не могла удержать...

Все же отраднее так, чем славы и почестей чуждым

На Феакийских берегах в землю немилую лечь.

Тут хоть закрыла ему, уходящему, тусклые очи

50 Мать и дары принесла, с прахом прощаясь его.

Рядом была и сестра, материнскую скорбь разделяла,

Приди небрежных волос в горе руками рвала.

Здесь Немесида была... и первая... та... Целовали

Губы твои, ни на миг не отошли от костра.

55 И перед тем как уйти, промолвила Делия:

«Счастья

Больше со мною ты знал, в этом была твоя жизнь!»

Но Немесида в ответ: «Что молвишь? Тебе б мозг горе!

Он, умирая, меня слабой рукою держал».

Если не имя одно и не тень остается от смертных,

60 То в Елисейских полях будет Тибулла приют.

Там навстречу ему, чело увенчав молодое

Лаврами, с Кальвом твоим выйди, ученый Катулл!

Выйди,— коль ложно тебя обвиняют в предательстве

друга,—

Галл, не умевший щадить крови своей и души!

65 Тени их будут с тобой, коль тени у тел существуют.

Благочестивый их сонм ты увеличил, Тибулл.

Мирные кости — молю — да покоятся в урне надежной,

Праху, Тибулл, твоему легкой да будет земля.

10

Вот уже день подошел ежегодных Церериных

празднеств.

Милая нынче должна спать на постели одна.

Златоволосая мать, в венке из колосьев, Церера,—

О, почему в твои дни нам наслаждаться нельзя?

5 Щедрой, богиня, везде тебя называют народы,

Меж олимпийских богинь нет благодворней тебя.

Раньше хлебов не некли небритые сельские люди,

Не разумели еще, что называется «ток».

Первый оракул их, дуб, приносил им желуди в пищу,

10 Либо питались они мягкой травой луговой.

Зернам в земле набухать впервые внушила Церера,
 Первая сжала серпом желтые волосы нив.
 Первая выи быков под ярмо подгибать повелела,
 И подняла целину первая зубом кривым.
 15 Кто же поверит, что ей отрадны слезы влюбленных,
 Что воздержаньем ее, мукой сердечною чтят?
 Нет, она не проста, хоть и любит полей урожай,
 Сердце не пусто ее, в нем обитает любовь.
 Крит свидетель,— а ложь не всегда торжествует на
 20 Крите, гордящемся тем, что Громовержца
 вскормил:
 Он, чья высшая власть над звездной твердынею мира,
 Маленький там молоко ротиком детским сосал.
 Верный свидетель у нас, за него поручится питомец,—
 Вряд ли Церера начнет памятный грех отрицать:
 25 Как-то Иасия там, под горой, увидала богиня,—
 Диких близ Иды зверей верной стрелял он рукой.
 Лишь увидала, огонь заструился по нежному телу,—
 Тянет в сторону стыд, тянет в другую любовь.
 Страстью был стыд побежден... И засохли забытые
 30 нивы,
 Всходы насилу дала зерен ничтожная часть.
 Пусть удары мотыг усердно почву дробили,
 Пусть искривлённый сошник твердую землю
 взрывал,
 Пусть поля во всю ширь засеивались обильно и ровно —
 Тщетно ждал селянин осуществленья надежд.
 35 Медлила где-то в лесах богиня могучая злаков,
 Перевязь из колосков с длинных упала волос.
 Только на Крите одном обильный был год, урожайный:
 Где бы она ни прошла, вызрели нивы везде.
 Даже на Иде самой серебрилась в рощах пшеница,
 40 И среди леса в хлебах пасся свирепый кабан.
 Законодатель Минос таких лишь годов и желал бы,
 Жаждал Минос, чтоб была долгой Цереры любовь.
 Златоволосая, спать было б грустно тебе одинокой,—
 Я ж, твои таинства чтя, вынужден муку терпеть!
 45 Что мне грустить? Ведь ты свою дочь обрела и
 царицу,—
 Только по воле судьбы ниже Юноны она...
 Праздник же значит: любовь, забавы, пирушки
 и песни,—
 Вот какие дары вышним угодны богам!

Много я, долго терпел,— победили терпенье измены.

Прочь из усталой груди, страсти позорной огонь!
Кончено! Вновь я свободу обрел, порвал свои цепи,—

Их я носил не стыдясь, щине стыжусь, что носил.
5 Я победил, я любовь наконец попираю ногами.

Поздно же я возмужал, поздно окрепли рога!

Переноси и крепись. Себя оправдает страданье,—

Горьким нередко пьем хворый бывал исцелен.

10 Все сносил я, терпел, что меня прогоняли с порога,
Что, увижая себя, спал я на голой земле.

Ради другого, того, кто в объятьях твоих

наслаждался,

Мог я, как раб, сторожить наглухо замкнутый дом!

Видел я, как из дверей выходил утомленный

любовник,—

Так заслуженный в боях еле бредет инвалид.

15 Хуже еще, что меня, выходя из дверей, замечал он,—

Злому врагу моему столько б изведать стыда!

Было ль хоть раз, чтобы рядом с тобой я не шел на
прогулке,

Я, возлюбленный твой, сопроводитель и страж?

Правилась, видно, ты всем: недаром ты мною

воспета,—

20 Ты через нашу любовь многих любовь обрела...

Ах, для чего вспоминать языка вероломного низость?

Ты, и богами клянясь, мне на погибель лгала!

А с молодыми людьми на пирах перегляды и знаки,

Этот условный язык, слов затемняющий смысл?..

25 Раз ты сказалась больной,— бегу вне себя, прибегаю,—

Что же? Больна ты иль нет, знал мой соперник
верней...

Вот что привык я терпеть, да еще умолчал я о многом...

Ныне другого ищи, кто бы терпел за меня!

Поздно! Уже мой корабль, по обету цветами увитый,

30 Внемлет бестрепетно шум морем вздымаемых волн!...

Зря перестань расточать меня покорявшие раньше

Ласки и речи,— теперь я не такой уж глупец...

Борются все же в груди любовь и ненависть... Обе

Тянут к себе, но уже... чую... любовь победит!

35 Я ненавидеть начну... а если любить, то неволей:

Ходит же бык под ярмом, хоть ненавидит ярмо.

Прочь от измен я бегу,— красота возвращает
из бегства;

Нрав недостойный претит,— милое тело влечет.
Так, не в силах я жить ни с тобой, ни в разлуке
с тобою,

40 Сам я желаний своих не в состоянье постичь.
Если б не так хороша ты была иль не так вероломна!
Как не подходит твой нрав к этой чудесной красе!
Мерзки поступки твои,— а внешность любить
призывает...

Горе! Пороки ее ей уступают самой.
45 Сжался! Тебя я молю правами нам общего ложа,
Всеми богами (о, пусть терпят обманы твои!),
Этим прекрасным лицом, божеством для меня
всемогущим,

Сжался, ради очей, очи пленивших мои:
Будь хоть любой, но моей, навеки моей... Рассуди же,
50 Вольной желаешь ли ты иль подневольной любви?
Время поднять паруса и ветрам отдаться попутным:
Я ведь, желай не желай, вынужден буду любить!..

12

Что за несчастный был день, в который, зловещие
птицы,

Столько влюбленному мне вы напророчили бед?

Что за созвездье моим оказалось враждебно желаньям?

Ах, на кого мне пенять? Кто из богов — на меня?
5 Пыне боюсь, чтобы мне не пришлось делиться

с другими
Той, что моей назвалась, мною любимой одним!

Нет... А быть может, ее мои же прославили книжки?

Именно так: мой талант сделал продажной ее!

И поделом мне: зачем я красу восхваляя
громогласно?

10 Стала продажной она,— в этом повинен я сам...
Сводником сам я служу, к ней сам гостей провожаю,
Собственной этой рукой им отворяю я дверь...
Был ли мне прок от стихов? Стихи мне вредили,
и только.

Виду, к добру моему зависть они привлекли...
15 Мог бы я Трою воспеть, и Фивы, и Цезаря доблесть,—
Но лишь Коринна одна мне вдохновеньем была.

Если б от песен моих отвратились вовремя Музы!

Если б предпринятый труд Феб при начале отверг!
Все же, хоть в нас, певцах, достоверных свидетелей
видят,

- 20 Лучше значенья моим не придавать бы стихам.
Скилла седины отца украла по воле поэтов,—
Вот уж из лона ее рвутся свирепые псы.
Мы оперили стопы, мы кудри в гадюк превратили,
Волею нашей Персей правит крылатым конем;
- 25 Тития мы растянуть на огромном сумели пространстве,
Дали мы три головы змееволосому псу;
Создали тысячу рук, чтобы стрелы пускать, Энкеладу;
В плен мы мужей завлекли силой красоты
колдовской;
- В недра итакских мехов эоловы заперли Эвры;
30 Тантал-предатель испить жаждет, водой окружен;
Мы Ниобею в скалу превратили, в медведицу — деву;
Итис по воле певцов птицей Кекропа воспет;
Сходит дождем золотым иль лебедем мчится Юпитер
Волей поэтов, быком по морю деву везет...
- 35 Мало ль еще? А Протей? А семья фиванское — зубы?
Упомяну ли быков, что извергают огонь?
Или твоих, о Возница, сестер янтарные слезы?
Или суда, что в морских вдруг превратились
богинь?
- Или как солнечный бог отвратился от спеди Атрея,
40 Или как скалы пошли лирному звону вослед?..
Мчится в безбрежный простор плодотворная вольность
поэтов:
Правды не ищут в былом, не стеснены их слова...
Всем подобало б понять, что и я восхвалял не
правдиво
Женщину. Ныне во вред ваше доверие мне.

- Так как супруга моя из страны плодородной фалисков,
Мы побывали, Камилл, в крепости, взятой тобой.
Жрицы готовились чтить пречистый праздник Юноны,
Игры устроить ей в честь, местную телку заклать.
- 5 Таинства в том городке — для поездки достаточный
повод,
Хоть добираться туда падо подъемом крутым.

Роша священная там. И днем под деревьями темень.

Взглянешь — сомнения нет: это приют божества.

В роше — Юноны алтарь; там молятся, жгут

благовонья;

10 В древности сложен он был неизощренной рукой.

Только свирель возвестит торжеств начало, оттуда

По застеленным тропам шествие чинно идет.

Белых телушек ведут под рукоплесканья народа,

Вскормленных здесь на лугах сочной фалернской

травой.

15 Вот и телята, еще не грозны, забодать не способны;

Жертвенный боров бредет, скромного хлева жилец;

Тут и отары вожак крепколобий, рога — завитками;

Нет лишь козы ни одной, — козы богине претят:

В чаще однажды коза увидела некстати Юнону,

20 Знак подала, и пришлось бегство богине прервать...

Парни еще и теперь пускают в указчицу стрелы:

Кто попадает в козу, тот получает ее...

Юноши стелют меж тем с девицами скромными вместе

Вдоль по дорогам ковры там, где богиня пройдет.

25 А в волосах у девиц — ободки золотые, в камнях,

Пышный спадает подол до раззолоченных ног.

В белых одеждах идут, по обычаю древнему греков,

На головах пронести утварь доверили им.

Ждет в безмолвье народ блестящего шествия... Скоро!

30 Вот и богиня сама движется жрицам вослед.

Праздник — на греческий лад: когда был убит

Агамемнон,

Место убийства его и достоянье отца

Бросил Галез, а потом, наскитавшись и морем и сушей,

Славные эти возвел стены счастливой рукой.

35 Он и фалисков своих научил тайнодействиям Юноны, —

Пусть же во благо они будут народу и мне!

Ты хороша, от тебя я не требую жизни певинной,

Жажду я в горе моем только не знать ничего.

К скромности я принуждать не хочу тебя строгим

надзором;

Просьба моя об одном: скромной хотя бы кажись!

5 Та не порочна еще, кто свою отрицает порочность, —

Только признаньем вины женщин пятнается честь.

Что за безумие: днем раскрывать, что ночью таятся,
 Громко про все говорить, что совершалось в тиши?
 10 Даже блудница и та, отдаваясь кому ни попало,
 Двери замкнет на засов, чтобы никто не вошел.
 Ты же зловредной молве разглашаешь свои
 похождения, —
 То есть проступки свои разоблачаешь сама!
 Благоразумнее будь, подражай хотя бы стыдливым.
 Честной не будешь, но я в честность поверю твою.
 15 Пусть! Живи, как жила, но свое отрицай поведенье,
 Перед людьми не стыдись скромный вести разговор.
 Там, где беспутства приют, наслажденьям вовею
 предавайся;
 Если попала туда, смело стыдливость гони.
 Но лишь оттуда ушла, — да исчезнет и след
 непотребства.
 20 Пусть о пороках твоих знает одна лишь постель!
 Там — ничего не стыдись, спускай, не стесняясь,
 сорочку
 И прижимайся бедром смело к мужскому бедру.
 Там позволяй, чтоб язык проникал в твои алые губы,
 Пусть там находит любовь тысячи сладких утех,
 25 Пусть там речи любви и слова поощренья не молкнут,
 Пусть там ложе дрожит от сладострастных забав.
 Но лишь оделась, опять принимай добродетельный
 облик.
 Внешней стыдливостью пусть опровергается срам...
 Лги же и людям и мне; дозволяй мне не знать,
 заблуждаться,
 30 Дай мне доверчивым быть, дай наслаждаться
 глупцу...
 О, для чего ты при мне получаешь и пишешь записки?
 В спальне твоей почему смята и взрыта постель?
 Что ты выходишь ко мне растрепанной, но не
 спросонья?
 Метку от зуба зачем вижу на шее твоей?
 35 Недостает изменять у меня на глазах, откровенно...
 Чести своей не щадишь — так пощади хоть мою.
 Ты признаешься во всем — и лишуюсь я чувств,
 умираю,
 Каждый раз у меня холод по жилам течет...
 Да, я люблю, не могу не любить и меж тем ненавижу;
 40 Да, иногда я хочу — смерти... но вместе с тобой!

Сыска не буду чинить, не буду настаивать, если
Скрытничать станешь со мной, будто и нет ничего...
Даже, коль я захвачу случайно минуту измены,
Если воочию сам свой я увижу позор,
45 Буду потом отрицать, что сам воочию видел,
Разувереньям твоим в споре уступят глаза.
Трудно ль того победить, кто жаждет быть
побежденным!
Только сказать не забудь: «Я не виновна», — и всё.
Будет довольно тебе трех слов, чтоб выиграть дело:
50 Не оправдает закон, но оправдает судья.

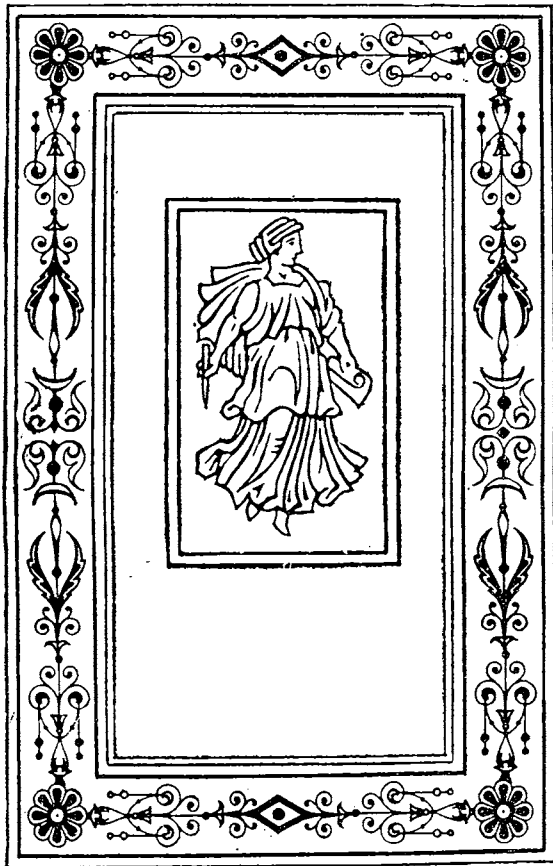
15

Новых поэтов зови, о мать наслаждений любовных!
Меты я крайней достиг в беге элегий своих,
Созданных мною, певцом вскормлённым полями
пелигнов,
Не посрамили меня эти забавы мои.
5 Древних дедовских прав — коль с этим считаться —
наследник,
Числюсь во всадниках я не из-за воинских бурь.
Мантуи слава — Марон, Катулл прославил Верону,
Будут теперь называть славой пелигнов — меня, —
Тех, что свободу свою защищали оружием честным
10 В дни, когда Рим трепетал, рати союзной страшась.
Ныне пришлец, увидав обильного влагой Сульмона
Стены, в которых закат скромный участок земли,
Скажет: «Ежели ты даровал нам такого поэта,
Как ты ни мал, я тебя все же великим зову».
15 Мальчяк чтимый и ты, Аматусия, чтимого матерь,
С поля прошу моего снять золотые значки.
Тирсом суровым своим Лизй потрясает двурогий,
Мне он коней запустить полем пошире велит.
Кроткий элегии стих! Игривая Муза, прощайте!
20 После кончины моей труд мой останется жить.

МЕТАМОРФ
ФОЗЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Ныне хочу рассказать про тела, превращенные
в формы
Новые. Боги,— ведь вы превращения эти вершили,—
Дайте ж замыслу ход и мою от начала вселенной
До наступивших времен непрерывную песнь доведите.

- 5 Не было моря, земли и над всем распростертого
неба,—
Лик был природы един на всей широте мироздания,—
Хаосом звали его. Нечлененной и грубой громадой,
Бременем косным он был,— и только,— где собраны
были
Связанных слабо вещей семена разносущные вкупе.
- 10 Миру Титан никакой тогда не давал еще света,
И не наращивала рогов новоявленных Феба,
И не висела земля, обтекаема током воздушным,
Собственный вес потеряв, и по длинным земным
окоемам
Рук в то время своих не простерла еще Амфитрита.
- 15 Там, где суша была, пребывали и море и воздух.
И ни на суше стоять, ни по водам нельзя было плавать.
Воздух был света лишен, и форм ничто не хранило.
Все еще было в борьбе, затем что в массе единой
Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью
сухость,
- 20 Битву с весомым вело невесомое, твердое с мягким.
Бог и природы почин раздору конец положили.
Он небеса от земли отрешил и воду от суши.
Воздух густой отделил от ясность обретшего неба.
После же, их разобрав, из груди слепой их излекши,
- 25 Разные дав им места,— связал согласиём мирным.
Сила огня вознеслась, невесомая, к сводам небесным,
Место себе обретя на самом верху мироздания,

Воздух — ближайший к огню по легкости и расстоянью.
 Оных плотнее, земля свои притянула частицы.
 30 Сжатая грузом своим, осела. Ее обтекая,
 Глуби вода заняла и устойчивый мир окружила.
 Расположенную так, бог некий — какой, неизвестно —
 Массу потом разделил; разделив, по частям
 разграничил —
 35 Землю прежде всего, чтобы все ее стороны гладко
 Выровнять, вместе собрал в подобье огромного круга.
 После разлил он моря, приказал им вздыматься
 от ветров
 Буйных, велел им обнять окруженной земли побережья.
 После добавил ключи, болота без края, озера;
 40 Брегом извилистым он обвел быстроводные реки,
 Разные в разных местах, — иные земля поглощает,
 К морю другие текут и, дойдя, поглощаются гладью
 Вольно разлившихся вод, и скалы им берегом служат.
 Он повелел разостлаться полям, и долинам — вдавиться,
 В зелень одеться лесам, и горам вознестись
 каменистым.
 45 Справа пояса два и слева столько же неба
 Свод обвели, и меж них, всех прочих пламенной,
 пятый.
 Сводом объятую твердь означил умысел бога
 Точно таким же числом: земля — с пятью полосами.
 На серединной из них от жары обитать невозможно.
 50 Две под снегом лежат глубоким, а двум между ними
 Бог умеренность дал, смешав там стужу и пламень.
 Воздух вплотную навис над ними; насколько по весу
 Легче вода, чем земля, настолько огня он тяжеле.
 В воздухе тучам стоять приказал он и плавать туманам,
 55 И разражаться громам, смущающим души людские,
 Молниям он повелел и ветрам приносить охлажденье.
 Но не повсюду владеть позволил им мира строитель
 Воздухом. Даже теперь нелегко воспрепятствовать
 ветрам,
 60 Хоть и по разным путям направляется их дуновение,
 Весь наш мир сокрушить. Таково несогласие братьев!
 Эвр к Авроре тогда отступил, в Набатейское царство,
 В Персию, к горным хребтам, озаряемым утренним
 светом.
 Запад и те берега, что солнцем согреты закатным,
 Ближе к Зефиру, меж тем как в Скифию
 и в Семизвезде

65 Вторгся ужасный Борей; ему супротивные земли
Влажны всегда от туманов сырых и дождливого Австра.
Сверху же, выше их всех, поместил он веса лишенный
Ясный эфир, никакою земной не запятанный грязью.
70 Только лишь расположил он всё по точным границам,—
В оной громаде — слепой — зажатые прежде созвездья
Стали одно за одним по всем небесам загораться;
Чтобы предел ни один не лишен был живого созданья,
Звезды и формы богов небесную заняли почву.
Для обитанья вода сверкающим рыбам досталась,
75 Суша земная зверям, а птицам — воздух подвижный.
Только одно существо, что священнее их и способней
К мысли высокой,— чтоб стать господином других,—
не являлось.

И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,
80 Иль молодая земля, разделенная с горним эфиром
Только что, семя еще сохранила родимого неба?
Отпрыск Япета, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем как, склонясь, остальные животные в землю
85 Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.
Так земля, что была недавно безликой и грубой,
Преобразясь, приняла людей небылые обличья.

Первым век золотой народился, не знавший

возмездий,
90 Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду
и верность.
Не было страха тогда, ни кар, и словес не читали
Грозных на бронзе; толпа не дрожала тогда, ожидая
В страхе решенья судьи,— в безопасности жили
без судей.

И, под секирой упав, для странствий в чужие пределы
95 С гор не спускалась своих сосна на текущие волны.
Смертные, кроме родных, никаких побережий не знали.
Не окружали еще отвесные рвы укреплений;
Труб не бывало прямых, ни медных рогов
искривленных,

Не было шлемов, мечей; упражнений военных не зная,
100 Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди.
Также, от дани вольна, не тронута острой мотыгой,
Плугом не ранена, все земля им сама приносила,

Пищей довольны вполне, получаемой без принужденья,
Рвали с деревьев плоды, земляничник нагорный

сбирали,

105 Терн, и на крепких ветвях висящие ягоды тута,
Иль урожай желудей, что с деревьев Юпитера пали.
Вечно стояла весна; приятный, прохладным дыханьем
Ласково нежил зефир цветы, не знавшие сева.

110 Боле того: урожай без распашки земля приносила;
Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях,
Реки текли молока, струились и нектара реки,
Капал и мед золотой, сочась из зеленого дуба.

После того как Сатурн был в мрачный Тартар
низвергнут,

115 Миром Юпитер владел,— серебряный век народился.
Золота хуже он был, но желтой меди ценнее.

Сроки древней весны сократил в то время Юпитер,
Лето с зимою создав, сотворив и неверную осень
С краткой весной; разделил он четыре времени года.

120 Тут, впервые, сожжен жарой иссушающей, воздух
Стал раскаляться и лед — повисать под ветром
морозным.

Тут впервые в домах расселились. Домами служили
Людам пещеры, кусты и лыком скрепленные ветви.
В первый раз семена Церерины в бороздах длинных
Были зарыты, и вол застопал, ярмом удрученный.

125 Третьим за теми двумя век медный явился на смену;
Духом суровой он был, склонней к ужасающим
браням,—

Но не преступный еще. Последний же был — из железа,
Худшей руды, и в него ворвалось, цимало не медля,

130 Все нечестивое. Стыд убежал, и правда, и верность;
И на их место тотчас появились обманы, коварство;
Козни, насилье пришли и проклятая жажда наживы.

Начали парус вверять ветрам; но еще мореходы
Худо их знали тогда, и на высях стоявшие горных
На непривычных волнах корабли закачались впервые.

135 Принадлежавшие всем до сих пор, как солнце и воздух,
Длинной межою поля землемер осторожный разметил.

И от богатой земли не одних урожаяв и должной
Требовать стали еды, но вошли и в утробу земную;
Те, что скрывала земля, отодвинувши к теням

стигийским,

140 Стали богатства копать,— ко всякому злу побужденью!
С вредным железом тогда железа вреднейшее злато

Вышло на свет и война, что и златом крушит,

и железом,

В окровавленной руке сотрясая со звоном оружие.

145 Люди живут грабежом; в хозяйне гость не уверен,
В зяте — тесть; редка приязнь и меж братьями стала.

Муж жену погубить готов, она же — супруга.

Страшные мачехи, те аконит подбавляют смертельный;

Раньше времени сын о годах читает отцовских.

150 Пало, повержено в прах, благочестье, — и дева Астрея

С влажной от крови земли ушла — из бессмертных
последней.

Не был, однако, земли безопасней эфир

высочайший:

В царство небес, говорят, стремиться стали Гиганты;

К звездам высоким они громоздили ступенями горы.

155 Тут всемогущий отец Олимп сокрушил, ниспослал он

Молнию; с Оссы он сверг Пелион на нее

взгроможденный.

Грузом давимы земли, лежали тела великанов, —

Тут, по преданью, детей изобильной напитана кровью,

Влажною стала земля и горячую кровь оживила;

160 И, чтоб от рода ее сохранилась какая-то память,

Образ дала ей людей. Но и это ее порожденье

Вовсе не чтило богов, на убийство свирепое падко,

Склонно насилье творить. Узнаешь рожденных

от крови!

Это Сатурний-отец увидел с высокой твердыни

И застонал и, стола Ликаонова гнусный припомнив

165 Пир, недавний еще, получить не успевший огласки,

Сильным в душе запылав и достойным Юпитера гневом,

Созвал богов на совет. И не медлили званые боги.

Есть дорога в выси, на ясном зримая небе;

Млечным зовется Путем, своей белизною заметна.

170 То для всевышних богов — дорога под кров

Громовержца,

В царский Юпитера дом. Красуются справа и слева

Атрии знатных богов, с дверями, открытыми настежь.

Чернь где придется живет. В передней же части

чертога

Встали пенаты богов — небожителей, властью славных.

175 Это-то место — когда б в выражениях был я смелее —

Я бы назвал, не боясь, Палатином великого неба.

Так, расселись едва в покоях мраморных боги,
 На возвышеньях, рукой опершись на скипетр из кости,
 Трижды, четырежды Он потряс приводящие в ужас
 180 Волосы, поколебав и землю, и море, и звезды.
 Следом за тем разрешил и уста, возмущенные гневом:
 «Нет, я не более был вселенной моей озабочен
 В те времена, как любой из врагов змееногих готов
 был
 С сотней протянутых рук на пленное броситься небо!
 185 Хоть и жестокий был враг,— но тогда от единого рода
 Происходила война и единый имела источник.
 Ныне же всюду, где мир Нереевым гулом охвачен,
 Должен смертный я род погубить. Клянуся реками
 Ада, что под землей протекают по роше стигийской,—
 190 Было испытано все. Но неизлечимую язву
 Следует срезать мечом, чтоб здравую часть не задело.
 Есть полубоги у нас, божества наши сельские; нимфы,
 Фавны, сатиры и гор обитатели диких — сильваны.
 Если мы их до сих пор не почтили жилищем на небе,
 195 Землю мы отдали им и на ней разрешим оставаться.
 Но, о Всевышние! Все же довольно ль они безопасны,
 Ежели мне самому, и вас и перуна владыке,
 Козни строить посмел Ликаон, прославленный
 зверством?»
 Затрепетали тут все и дерзкого требуют с жарким
 200 Рвением. Так было, когда осмелился сброд нечестивый
 Римское имя залить в неистовстве — Цезаря кровью.
 Ужасом был поражен, что громом, при этом паденье
 Род человеческий, вся содрогнулась вселенная
 страхом.
 Столь же отрадна тебе твоих близких преданность,
 Август,
 205 Сколь Громовержцу — богов благоверность. Лишь
 голосом он и рукою
 Ропот вокруг подавил, все снова безмолвными стали.
 Только лишь кончился крик, подавлен владыки
 величьем,
 Сызнова речью такой прервал Юпитер молчанье:
 «Он уже кару понес, и об этом оставьте заботу.
 210 Что совершил он и как был наказан, о том сообщу я:
 наших достигла ушей недобрая времени слава.
 Чая, что ложна она, с вершины спускаюсь Олимпа,
 Обозреваю я — бог в человеческом облике — землю.

- Долго б пришлось исчислять, как много повсюду
нашел я
- 215 Злостного. Истине всей молва уступала дурнал.
Вот перешел я Менал, где звериные страшны берлоги,
После в Киллену зашел и в прохладные сосны Ликей,
В дома аркадцев входил и под кров неприятный
тирана.
- 220 Сумерки поздние ночь меж тем влекли за собою.
Подал я знак, что пришло божество,— народ тут
молиться
- Начал. Сперва Ликаон над обетами стал насмехаться
И говорит: «Испытаю при всех в открытую, бог ли
Он или смертный. Тогда не будет сомнительна правда».
В ночь, отягченного сном, сгубить нечаянной смертью
- 225 Хочет меня. По душе ему этак испытывать правду.
Но, не довольствуясь тем, одному из заложников, коих
Выслал молосский народ, мечом пронзает он горло.
После в кипящей воде он членов часть полумертвых
Варит, другую же часть печет на огне разведенном.
- 230 Только лишь подал он их на столы, я молнией
мстящей
- Дом повалил на него, на достойных владельца пенатов.
Он, устрешенный, бежит; тишины деревенской
достигнув,
- Воем, пытаюсь вотще говорить. Уже обретаю
Ярость бывшие уста, с привычною страстью к убийству
- 235 Он нападает на скот,— и донныне на кровь веселится!
Шерсть уже вместо одежд; становятся лапами руки.
Вот уж он — волк, но следы сохраняет прежнего вида:
Та же на нем седина, и прежняя в морде свирепость,
Светятся так же глаза, и лютошь в облике та же.
- 240 Дом сокрушился один — одному ли пропасть
подобало! —
- Всем протяженьем земли свирепо Эрипия правит.
Словно заговор тут преступный замыслили! Значит,
Пусть по заслугам и казнь попесут! Таков приговор
мой».
- 245 Речь Громовержца одни одобряют, еще подстрекая
Ярость его; у других молчанье служит согласьем.
Но человеческого род, обреченный на гибель, жалеют
Все; каков будет вид земли, лишившейся смертных,
Все вопрошают, и кто приносить на жертвенник будет
Ладан? Иль хочет зверью он отдать опустелую землю?

250 И на вопрос их в ответ, — чте его-де об этом забота, —
Вышних царь запрещает дрожать и, не схожее
с прежним,
Он обещает явить — чудесным рождением — племя.

Вот уж по всей земле разметать он готов был
перуны,
Да убоился, пылать от огней не начал бы стольких
255 Неба священный эфир и длинная ось не зажглась бы.
Вспомнил, — так судьбы гласят, — что некогда время
наступит,

Срок, когда море, земля и небесный дворец
загорятся, —
Гибель будет грозить дивнослаженной мира громаде.
Стрелы тогда отложил — мастеров-циклопов работу,
260 Кару иную избрал — человеческий род под водою
Вздумал сгубить и с небес проливные дожди опрокинул.
Он Аквилона тотчас заключил в пещерах Эола
И дуновения все, что скопления туч отгоняют.
Выпустил Нота. И Нот на влажных выносятся
крыльях, —

265 Лик устрашающий скрыт под смольно-черным туманом,
Влагой брада тяжела, по сединам потоки струятся,
И облака на челе; и крылья и грудь его в каплях.
Только лишь сжал он рукой протрапно нависшие тучи,
Треск раздался, и дожди, дотоль запертые, излились.
270 В радужном платье своем, Юноны вестница, воды
Стала Ирида собирать и ими напитывать тучи.
В поле хлеба полегли; погибшими видя надежды,
Плачет селянин: пропал труд целого года напрасный.
Не удовольствован гнев Юпитера — небом; лазурный
275 Брат помогает ему, посылая воды на помощь.

Реки создал, и, когда под кров своего господина
Боги речные вошли, — «Прибегать к увещаниям долгим
Незачем мне, — говорит. — Свою всю силу излейте!
Надобно так. Отворите дома, отодвиньте преграды
280 И отпустите тотчас всем вашим потокам поводья».
Так приказал. И опи родникам расширяют истоки
И, устремляясь к морям, в необузданном катятся беге.
Сам он трезубцем своим о землю ударил. Она же
Дрогнула вся и воде на свободу открыла дорогу.

285 И по широким полям, разливаясь, несутся потоки;
Вместе с хлебами несут деревья, людей и животных,
Тащат дома и все, что в домах, со святынями вместе.

Ежель остался дом, устоял пред такую бедою
Неповрежденный, то все ж он затоплен водою

высокой,

290 И уже скрыты от глаз погруженные доверху башни.
Суша и море слились, и различья меж ними не стало.
Все было — море одно, и не было берега у моря,
Кто перебрался на холм, кто в лодке сидит

крутобокой

И загребает веслом, где сам обрабатывал пашню.
295 Тот над нивой плывет иль над кровлей утопшего дома
Сельского. Рыбу другой уже ловит в вершине у вяза.
То в зеленеющий луг — случается — якорь вонзится,
Или за ветви лозы зацепляется гнущее днище.

300 Там, где недавно траву щипали поджарые козы,
Расположили свои неуклюжие туши тюлени.

И в изумленье глядят на рощи, грады и зданья
Девы Неревы. В лес заплывают дельфины, на сучья
Верхние вдруг налетят и, ударясь, дуб заколеблют.
Волк плывет меж овец, волна льва рыжего тащит,

305 Тащит и тигров волна; не впрок непомерная сила
Вепрю, ни ног быстрота влекомому током олсню.

Долго земли проискав, куда опуститься могла бы,
Падает в море, кружа, с изнемогшими крыльями птица.
Залиты были холмы своевольем безмерной пучины,—

310 В самые маковки гор морской прибой ударяет.

Гибнет в воде большинство; а немногих, водой

пощаженных,

При недостатке во всем, продолжительный голод

смиряет.

От Аонийских вершин отделяет Эту Фокида,—

315 Тучные земли, дотоль они землями были, теперь же
Моря частица, воды небывалой широкое поле.

Там крутая взнеслась гора двухвершинная к звездам,
Именованьем — Парнас; облаков верхи ее выше.

К ней-то Девкалион — остальное вода покрывала —

320 С брачной подругой своей пристал на маленькой лодке.
Нимфам корикским они и гор божествам помолились,
Вещей Фемиде, тогда прорицалищем оным владевшей.

Не было лучше вовек, ни правдолюбивее мужа,
Богобоязненна так ни одна не бывала из женщин.

И как Юпитер узрел, что мир стал жидким болотом,

325 И что остался он там из стольких тысяч единым,

И что осталась она из стольких тысяч единой,

Оба невинны душой, богов почитатели оба,—
 Он облака раскидал, Аквилоном туман отодвинул,
 Земли явил небесам и выси эфирные землям.
 330 Моря недолог был гнев; сложив о трех зубьях оружие,
 Воды владыка морской усмиряет и вставшего поверх
 Воли голубого зовет Тритона, чьи отроду плечи
 В алых ракушках, и дуть велит в трубицу морскую:
 Этим он знак подает отозвать и потоки и волны.
 335 Выбрал из раковин тот пустую трубу завитую,
 Что расширяется вверх от низа крученого; если
 В море такую трубу на просторе наполнить дыханьем,
 Голос достигнет берегов, где солнце встает и ложится.
 И лишь коснулось трубы божество с бородой
 увлажненной,
 340 Лишь громогласно она заиграла отбой по приказу,
 Все услышали ее потоки,— земные, морские,—
 Грозный приказ услышав, потоки ей все покорились.
 Реки спадают, уже показались возникшие холмы;
 Море опять в берегах и в руслах полные реки,
 345 И выступает земля, с убываньем воды прибывая.
 К вечеру долгого дня и лесов показались макушки
 Голые, тина у них еще на ветвях оставалась.
 Мир возродился земной. И увидев, что так опустел он
 И что в печали земля глубоким объята молчаньем,
 350 Девкалион, зарыдав, к своей обращается Пирре:
 «Нас, о сестра, о жена, о единая женщина в мире,
 Ты, с кем и общий род, и дед у обоих единый,
 Нас ведь и брак съединил, теперь съединяет
 опасность,—
 Сколько ни видит земли Восток и Запад, всю землю
 355 Мы населяем вдвоем. Остальное все морю досталось.
 Но и поныне еще не вполне мы уверены в нашей
 Жизни, еще облака наполняют нам ужасом душу.
 Что, если б ты без меня судьбы избежала, бедняжка,
 Было бы в сердце твоём? И как бы могла одинокой
 360 Ты этот страх пережить? И кто б твои муки утешил?
 Я, о поверь, если б ты оказалась добычею моря,
 Сам за тобою, жена, оказался б добычею моря.
 О, если б мог возродить я народы искусством
 отцовским,
 О, если б души вливать умел в изваянья из глины!
 365 Пыне же в нас лишь двоих сохраняется смертных
 порода;

Так уж угодно богам, чтоб людей образцом мы

остались».

Оба заплакали. Им захотелось молиться небесным
Силам и помощи их попросить, о судьбине гадая.

370 Медлитель не стали они. Подходят к водам Кефиса,
Что, непрозрачны еще, по руслу знакомому лютяся.

Там, водяную струю возливав, себе оросили

Платье и темя они, потом направиться оба

В храм богини спешат, которого кровля белела,

375 Грязным покрытая мхом, алтари ж без огня пребывали:

И лишь коснулись они храмовых ступеней, как упали

Наземь, устами прильнув к холодному камню,—

и вместе

Молвили так, трепеща: «Коль Вышние правой мольбою

Могут смягчиться, и гнев умилоствивляется божий,

380 Молви, Фемида, каким искусством убыток восполнить

Нашего рода; подай, добрейшая, помощь в потопе!»

И умягчилась она и рекла: «Выходите из храма;

Головы ваши покрыв, одежд пояса развяжите

И через плечи назад мечите праматери кости».

385 Остолбенели они, и нарушила первой молчанье

Пирра; богини она покориться веленьям не хочет;

Молит прощенья себе; уста оробели, боится

Матери тень оскорбить, назад ее кости кидая.

Но повторяют меж тем слепое неясное слово,

390 Участь предрекшее им, и сами с собой размышляют.

Ласковой речью тогда Прометид обращается мягко

К Эпиметиде. «Иль мы,— говорит,— ошиблись

в догадке,

Иль благочестен и нам не внушит беззаконья оракул.

Наша праматерь — земля. В телесах ее скрытые кости,

395 Думаю — камни. Кидать их за спину нам повеленье».

Хоть толкованьем таким убедил супруг Титаниду,

Все же надежда смутна,— настолько к советам

небесным

Мало доверья у них. Но что за беда попытаться?

Вот и сошли; покрывают главу, распоясали платье

И, по приказу, назад на следы свои камни бросают.

400 Камни,— поверил бы кто, не будь свидетелем

древность? —

Вдруг они стали терять постепенно и твердость

и жесткость,

Мягкими стали, потом принимали, смягчившись,

и образ.

После, когда возросли и стала нежней их природа,
 405 Можно было уже, хоть неясственный, облик увидеть
 В них человека, такой, как в мраморе виден початом,—
 Точный еще не совсем, изваянием грубым подобный.
 Часть состава камней, что была земляною и влажный
 Сок содержала в себе, пошла на потребу для тела;
 Крепкая ж часть, что не гнулась совсем, в костяк
 410 Жилы же в части камней под тем же остались
 названьем.
 Времени мало прошло, и, по воле Всевышних, каменья
 Те, что мужчина кидал, и внешность мужчин обретали;
 А из-под женских бросков вновь женщины в мир
 возвращались.
 То-то и твердый мы род, во всяком труде закаленный,
 415 И докажем собой, каково было наше начало!

Разных по виду потом животных своим изволеньем
 Вскоре земля родила, когда разогрелась от солнца.
 Сырость прежняя, ил и болотная липкая влага
 420 Стали от зноя вспухать, и зародыши всяческой твари,
 Вскормлены солнцем живым, как в материнской утробе,
 В них развивались и свой принимали со временем
 облик.

Так, покинет едва семиустый влажные пивы
 Нил и течение свое предоставит прежнему руслу,
 425 И под светилом небес разогреется ил нанесенный,
 Много животных тогда хлебопашцы находят
 под каждым
 Камнем земли: одних в зачаточном виде, при самом
 Миге рожденья, других еще при начале развития,
 Вовсе без членов, и часть единого тела нередко
 430 Жизнь проявляет, а часть остается землей первобытной.
 Ибо, коль сырость и жар меж собою смешаются
 в меру,
 Плод зачинают, и все от этих двоих происходит.
 Если ж в боренье огонь и вода,— жар влажный,
 возникнув,
 Все создает: для плодов несогласье согласное —
 в пользу.

Так, лишь потоп миновал, и земля, покрытая тиной,
 435 Зноем небесных лучей насквозь глубоко прогрелась,
 Множество всяких пород создала — отчасти вернула
 Прежние виды она, сотворила и новые виды,

И не хотела, во все ж, о огромный Пифон, породила
Также тебя, и для новых людей ты, змей неизвестный,
440 Ужасом стал: занимал ведь чуть ли не целую гору!
Бог, напрягающий лук,— он ранее это оружие
Против лишь ланей одних направлял да коз

быстроногих,—
Тысячу выпустив стрел и почти что колчан свой
исчерпав,

Смерти предал его, и яд из ран заструился.
445 И чтобы славы о том не разрушило время, старая,
Установил он тогда состязанья, священные игры,—
Звали Пифийскими их по имени павшего змея.
Ежели юноша там побеждал в борьбе, или в беге,
Или в ристанье, за то получал он дубовые листья:
450 Не было лавров еще: прекрасным, длинноволосым,
Феб им виски окружал любою древесною ветвью.

Первая Феба любовь — Пенеева Дафна; послал же
Деву не случай слепой, а гнев Купидона жестокий.
Как-то Делиец, тогда над змеем победою гордый,
455 Видел, как мальчик свой лук, тетиву натянув,
выгибает.

«Что тебе, резвый шалун, с могучим оружием
делать? —

Молвил. — Нашим плечам пристала подобная ноша,
Ибо мы можем врага уверенно ранить и зверя;
Гибельным брюхом своим недавно давившего столько
460 Места тысячью стрел уложили мы тело Пифона.
Будь же доволен и тем, что какие-то нежные страсти
Может твой факел разжечь; не присваивай подвигов
наших!»

Сын же Веперин ему: «Пусть лук твой все поражает,
Мой же тебя да пронзит! Насколько тебе уступают
465 Твари, настолько меня ты все-таки славою ниже».
Молвил и, взмахом крыла скользнув по воздуху,
быстрый,

Остановился, слетев, на тенистой твердыне Парнаса.
Две он пернатых достал из стрелоносящего тула,
Разных: одна прогояет любовь, другая внушает.
470 Та, что внушает, с крючком,— сверкает концом она
острым;

Та, что гонит,— тупа, и свинец у нее под тростинкой.
Эту он в нимфу вонзил, в Пенееву дочь; а другою,

Ранив до мозга костей, уязвил Аполлона, и тотчас
 Он полюбил, а она избегает возлюбленной зваться.
 475 Сумраку рада лесов, она веселится добыче,
 Взятной с убитых зверей, соревнуясь с безбрачною
 Фебой.

Схвачены были тесьмой волос ее вольные пряди.
 Все домогались ее,— домоганья ей были противны:
 И не терпя и не зная мужчин, все бродит по рощам:
 480 Что Гимсией, что любовь, что замужество — нет ей
 заботы.

Часто отец говорил: «Ты, дочь, задолжала мне зятя!»
 Часто отец говорил: «Ты внуков мне, дочь, задолжала!»
 Но, что ни раз, у нее, ненавистницы факелов брачных,
 Алая краска стыда заливала лицо молодое.
 485 Ласково шею отца руками она обнимала.
 «Ты мне дозвожь навсегда,— говорила,— бесценный
 родитель,
 Девственной быть: эту просьбу отец ведь исполнил
 Диане».

И покорился отец. Но краса твоя сбыться желаньям
 Не позволяет твоим; противится девству наружность.
 490 Феб полюбил, в брак хочет вступить с увиденной
 девой.

Хочет и полон надежд; но своим же вещаньем обманут.
 Так, колосьев лишась, возгорается легкое жниво
 Или пылает плетень от факела, если прохожий
 Слишком приблизит его иль под самое утро забудет,—
 495 Так обратился и бог весь в пламя, грудь полыхает,
 Полон надежд, любовь он питает бесплодную в сердце.
 Смотрит: вдоль шеи висят, неубраны, волосы.
 «Что же,—
 Молвит,— коль их причесать?» Он видит: огнями
 сверкают

Очи — подобие звезд; он рот ее видит, которым
 500 Налюбоваться нельзя: превозносит и пальцы и руки,
 Пясти, и выше локтей, и полунагие предплечья.
 Думает: «Лучше еще, что сокрыто!» Легкого ветра
 Мчится быстрее она, любви не вникает призыву.
 «Нимфа, постой, Пенеида, постой, не враг за тобою!
 505 Нимфа, постой! Так лань ото льва и овечка от волка,
 Голуби так, крылом трепеща, от орла убегают,
 Все — от врага. А меня любовь побуждает к погоне.
 Горе! Упасть берегись: не для ран сотворенные стопы
 Да не узнают шипов, да не стану я боли причиной!»

- 510 Место, которым спешишь, неровно; беги, умоляю,
 Тише, свой бег задержи, и тише преследовать буду!
 Все ж, полюбилась кому, спроси; я не житель
 пагорный,
 Я не пастух; я коров и овец не пасу, огрубелый.
 Нет, ты не знаешь сама, горделивая, нет, ты не знаешь,
 515 Прочь от кого ты бежишь,— оттого и бежишь! — мне
 Дельфийский
 Край, Тенед, и Клар, и дворец Патарейский покорны.
 Сам мне Юпитер отец. Через меня приоткрыто, что
 было,
 Есть и сбудется; мной согласуются песни и струны.
 520 Правда, метка стрела у меня, однако другая
 Метче, которая грудь пустую поранила ныне.
 Я врачеванье открыл; целителем я именуюсь
 В мире, и всех на земле мне трав покорствуют
 свойства.
 Только увы мне! — любви никакая трава не излечит,
 525 И господину не впрок, хоть впрок всем прочим,
 искусство».
 Больше хотел он сказать, но, полная страха, Пенейя
 Мчится бегом от него и его неоконченной речи.
 Снова была хороша! Обнажил ее прелести ветер,
 Сзади одежды ее дуновением встречным трепались,
 530 Воздух игривый назад, разметаив, откидывал кудри.
 Бег удвоил красоту. И юноше-богу несносно
 Нежные речи терять: любовью движим самую,
 Шагу прибавил и вот по пятам преследует деву.
 Так на пустынных полях собака галльская зайца
 535 Видит: ей поги — залог добычи, ему же — спасенья.
 Вот уж почти нагнала, вот-вот уж надеется в зубы
 Взять и в заячий след впиалась протянутой мордой.
 Он же в сомнении сам, не схвачен ли, но из-под самых
 Песных укусов бежит, от едва не коснувшейся пасти.
 540 Так же дева и бог, — тот страстью, та страхом гонимы.
 Все же преследователь, крылами любви подвигаем,
 В беге быстрее; отдохнуть не хочет, он к шее
 беглянки
 Чуть не припик и уже в разметенные волосы дышит.
 Силы лишившись, она поблуднела, ее победило
 545 Быстрое бегство; и так, посмотрев на воды Пенейя,
 Молвит: «Отец, помоги! Коль могущество есть
 у потоков,

Лик мой, молю, измени, уничтожь мой погибельный
образ!»

Только скончала мольбу,— цепенеют тягостно члены,
Нежная девичья грудь корой окружается тонкой,
550 Волосы — в зелень листвы превращаются, руки же —
в ветви;

Резвая раньше нога становится медленным корнем,
Скрыто листвою лицо,— красота лишь одна остается.
Фебу мила и такой, он, к стволу прикасаясь рукою,
555 Чувствует: все еще грудь под свежей корою трепещет.
Ветви, как тело, обняв, целует он дерево нежно,
Но поцелуев его избегает и дерево даже.

Бог — ей: «Если моею супругою стать ты не можешь,
Деревом станешь моим,— говорит,— принадлежностью
будешь

560 Вечно, лавр, моих ты волос, и кифары и тула.
Будешь латинских вождей украшеньем, лишь радостный
голос

Грянет триумф и узрит Капитолий процессии
празднеств.

Августов дом ты будешь беречь, ты стражем
вернейшим

Будешь стоять у сеней, тот дуб, что внутри, охраняя,
И как моей головы вечно юн нестриженный волос,
565 Так же носи на себе свои вечнозеленые листья».
Кончил Пеап. И свои сотворенные только что ветви,
Богу покорствуя, лавр склонил, как будто кивая.

Есть в Гемонии дол; замыкает его по обрывам
Лес. Его Темпе зовут; по нему-то Пеней, вытекаая
570 Прямо из Пиндовых недр, свои воды вспененные катит;
Тяжким паденьем своим в облака он пар собирает
И окропляет дождем морозящим леса вершины.
И утомительный шум оглашает не только окрестность.
575 Там находится дом, обиталище, недра святые
Этой великой реки; пребывая в скалистой пещере,
Водами правил Пеней и нимфами, жившими в водах.
Единоземные там сначала собираются реки,
Сами не зная,— отца поздравлять надлежит,

утешать ли:
580 Сперхий, который родит тополя, Энипей беспокойный,
Тут же старик Апидан и Амфрид ленивый с Ээем;
После другие сошлись, которые в вольном стремленье
К морю выводят свои от блужданий усталые воды,

Инах один не пришел; в глубокой укрывшись пещере,
 Множит он воды слезой; несчастный о дочери Ио
 585 Плачет, как будто навек погибла; не знает, в живых ли
 Или средь манов она,— но нигде он ее не находит;
 Думает,— нет уж нигде, и худшего втайне боится.
 Видел Юпитер ее, когда от реки возвращалась
 Отчей, и — «Дева,— сказал,— что достойна Юпитера,
 всех бы
 590 Ложем своим осчастливила ты; заходи же под сени
 Рош глубоких,— и ей он рош показывал сени,—
 Солнце пока высоко посредине стоит небосвода.
 Если страшно одной подходить к звериным берлогам,
 В рош тайники ты войдешь, имея защитником бога,
 595 И не из черни богов, но того, кто великий небесный
 Скипетр держит в руке и летучие молнии мечет.
 О, не беги!» Но бежала она. И пастбища Лерны
 Были уже позади, и Лиркея поля с деревьями
 Тоже; но бог, наведя на землю пространную темень,
 600 Скрыл ее, бег задержал и стыд девичий похитил.
 Тут-то Юнона с небес как раз и взглянула на Аргос,
 И, подивившись тому, что летучее облако будто
 Ночь среди белого дня навлекает, решила, что это
 Не от реки, что оно поднялось не от почвенной влаги.
 605 И огляделась кругом: где муж,— затем что проделки
 Знала уже за своим попадавшимся часто супругом.
 И, как его в небесах не нашла,— «Или я ошибаюсь,
 Или обиду терплю!» — сказала, и с горнего неба
 Плавно на землю сошла и уйти облакам повелела.
 610 Он же супруги приход предчувствовал и незамедля
 Инаха юную дочь превратил в белоснежную телку.
 Но и телицей она — хороша. Сатурния хвалит,—
 Нехотя, правда,— ее красоту; да чья, да откуда,
 Стада какого она, вопрошает, как будто не зная.
 615 Лжет Юпитер,— землей-де она рождена,— чтоб
 покончить
 Эти расспросы. Ее в подарок Сатурния просит.
 Что было делать? Любовь жестоко отдать, не отдать
 же —
 Впрямь подозрительно. Стыд — отдать убеждает,
 любовь же —
 Разубеждает его. И быть бы стыду побежденным.
 620 Все ж столь маленький дар, как телку, сестре
 и супруге
 Не подарить,— так ее, пожалуй, сочтет не за телку!

Мужа любовницу взяв, отрешилась богиня не сразу
 От опасенья: страшил ее муж, и обманы смущали.
 И поручила ее сторожить Аресторову Аргу.
 625 Кругом сотня очей на его голове разместилась.
 И, соблюдая черед, лишь по два они отдыхали,
 А остальные, служа, стоять продолжали на страже.
 Где бы Арг ни стоял, постоянно смотрел он на Ио,
 С Ио глаз не спускал, хотя б и спиной повернувшись.
 630 Днем он пастись ей давал, но, только лишь солнце
 садилось,
 В хлев запирал, обвязав недостойной веревкою шею.
 Ио древесной листвою и горькой травой питалась,
 Вместо постели лежит на земле, не всегда муравую
 Усталенной, бедная! Пьет из илистых часто потоков.
 635 К Аргу однажды она протянуть с мольбою хотела
 Руки,— но не было рук, что к Аргу могли б
 протянуться;
 И, попытавшись пенять, издала лишь коровье мычанье
 И ужаснулась сама — испугал ее собственный голос.
 Вот побережьем идет, где часто, бывало, резвилась,
 640 К Инаху: но лишь в воде увидела морду с рогами,
 Вновь ужаснувшись, она от себя с отвращеньем
 бежала.
 Сестры наяды ее не узнали; не знает сам Инах,
 Кто перед ним. А она за отцом и за сестрами бродит,
 Трогать себя им дает и ластится к ним, изумленным.
 645 Свежей травы луговой протянул престарелый ей Инах.
 Руку лижет она и отцовы целует ладони.
 Слез не может сдержать и, последуй слово за ними,
 Помощи б стала просить, назвалась бы и горе открыла.
 Буква уже — не слова — ногой нанесенная в прахе,
 650 Горестный знак подала об ее изменившемся теле.
 «Горе мне!» — Инах-отец вскричал, повисая на шее
 И на рогах мычащей в тоске белоснежной телицы.
 «О, я несчастный! — вопит. — Не тебя ли везде
 и повсюду,
 Дочь, я искал? О, когда б я тебя не обрел, не
 нашел бы,
 655 Легче был бы мой плач. Молчишь, на мои ты, немая,
 Не отвечаешь слова и только вздыхаешь глубоко
 Или мычишь мне в ответ и большего сделать не
 можешь.
 Я же, не знавший, тебе светильники брака готовил:
 Первой надеждой моей был зять, второю внучата.

- 660 Ныне из стада возьмешь ты мужа, из стада и сына.
 Даже и смертью нельзя мне столько муки покончить!
 Бог я — себе на беду, мне замкнуты двери кончины,
 И неутешный мой плач продолжится вечные веки».
- 665 Так горевали они, но приблизился Арг многоокий,
 Дочь оторвал от отца и ее на далекие гонит
 Пастбища. Там, в стороне, горы он заметил вершину,
 Сел на нее и глядит на четыре стороны света.
 Горных правитель не мог таких Форониды несчастий
 Долго терпеть; он сына зовет, порожденного светлой
 670 Девой Плеядой; велит, чтоб смерти предал он Арга.
 Долго ли крылья к ногам привязать, в могучую руку
 Тростку снотворную взять, волоса покрывалом окутать!
 Вот из отцова дворца, спарядясь, Юпитера отпрыск
 Тотчас на землю скользнул, с головы покрывало
 откинул,
- 675 Также и крылышки снял. Лишь трость одну сохранил
 он;
 Гонит он ею — пастух — уведенных потайпо с собою
 Коз, по полям без дорог, на тростинках свирели играя.
 Голосом новым пленен блюститель Юнонин.
- «Кто б ни был
 Ты, но можешь со мной усестся рядом на камень! —
 680 Арг сказал. — Не найдешь ты места другого, где травы
 Были б полезней скоту, а тень пастухам благодатней».
 Отпрыск Атланта присел, разговором и долгой беседой
 Длющийся день растянул и, на дудках играя
 скрепленных,
 Втайне пытался меж тем одолеть сторожащие очи.
- 685 Все-таки борется тот, чтоб неге сна не поддаться;
 И хоть уж часть его глаз в дрему погрузилась, другая
 Бдит. Обращается он с вопросом, давно ли открыли
 Способ, как сделать свирель, — и каким разумением
 открыли?
 Бог же: «В холодных горах аркадских, — в ответ
 начинает, —
- 690 Самой известной была меж гамадриад онакринских
 Дева-наяда одна, ее звали те нимфы Сирипгой.
 Часто спасалась она от сатиров, за нею бегущих,
 И от различных богов, что в тенистом лесу обитают
 И в плодородных полях. Ортигийскую чтила богиню
 695 Делом и девством она. С пояском, по уставу Дианы,
 Взоры могла б обмануть и сойти за Латонию, если б
 Не был лук роговым, а у той золотым бы он не был.

Пугали всё же их. Раз возвращалась Сирига с Ликея;
 И увидел ее Пан и, сосною увенчан колючей,
 700 Молвил такие слова...» — привести лишь слова
оставалось
 И рассказать, как, отвергнув мольбы, убегала Сирига,
 Как она к тихой реке, к Ладону, поросшему тростьем,
 Вдруг подошла; а когда ее бег прегражден был водою,
 Образ ее изменить сестриц водяных попросила;
 705 Пану казалось уже, что держит в объятьях Сиригу, —
 Но не девический стан, а болотный тростник обнимал
он;
 Как он вздыхает и как, по тростинкам задвигавшись,
ветер
 Тоненький звук издает, похожий на жалобный голос;
 Как он, новым пленен искусством и сладостью звука,
 710 «В этом согласье, — сказал, — навсегда мы останемся
вместе!»
 Так повелось с той поры, что тростинки неровные,
воском
 Слеплены между собой, сохраняют той девушки имя.
 Только об этом хотел рассказать Киллений, как видит:
 Все посомкнулись глаза, все очи от сна позакрылись.
 715 Тотчас он голос сдержал и сна глубину укрепляет,
 Тростью волшебной своей проводя по очам изнемогшим.
 Сонный качался, а бог незаметно мечом серповидным
 Арга разит, где сошлись затылок и шея, и тело
 Сбрасывает, и скалу неприступную кровью пятнает.
 720 Арг, лежишь ты! И свет, в столь многих очах
пребывавший,
 Ныне погас, и одна всей сотней ночь овладела.
 Дочь Сатурна берет их для птицы своей и на перья
 Ей полагает, и хвост глазками звездистыми полнит.
 И запылала она, отложить не изволила гнева
 725 И, наводящую дрожь Эринию в очи и душу
 Девы Аргосской наслав и в грудь слепые стремленья
 Ей поселив, погнала ее в страхе по кругу земному,
 Ты оставался, о Нил, последним в ее испытаньях,
 Только достигла его, согнула колена у берега
 730 Самого и улеглась, запрокинув упругую выю.
 Может лишь кверху смотреть и к звездам глаза
подымает;
 Стоном и плачем своим, мычаньем, с рыданьями
схожим,

- Муки молила прервать, Юпитеру жалуясь будто.
 Он же, супругу свою обнимая вокруг шеи руками,
 735 Просит, чтоб та наконец прекратила возмездие: «Страхи
 Впредь отложи,— говорит,— никогда тебе дева не будет
 Поводом муки»,— и сам к стигийским взывает болотам.
 И лишь смягчилась она, та прежний свой вид
 принимает,
 740 И пропадают рога, и кружок уменьшается глаза,
 Снова сжимается рот, возвращаются плечи и руки,
 И исчезает, на пять ногтей разделившись, копыто.
 В ней ничего уже нет от коровы,— одна белизна лишь.
 Службой довольствуясь двух своих ног, выпрямляется
 нимфа.
 745 Только боится еще говорить,— подобно телице,
 Не замычать бы,— и речь пресеченную пробует робко.
 Ныне богиня она величайшая нильского люда.

- Верят: родился Эпаф наконец у нее, восприявшей
 Семя Юпитера; он в городах почитался, во храмах
 750 Вместе с отцом. По летам и способностям ровнею был
 с ним
 Солнца дитя Фартон. Когда он однажды, зазнавшись,
 Не пожелал уступить, похваляясь родителем Фебом,
 Спеси не снес Инахид. «Во всем,— говорит,— ты,
 безумный,
 Матери веришь, надмен, но в отце ты своем
 обманулся!»
 755 Побагровел Фартон, но стыдом удержал раздраженье
 И поспешил передать Климене Эпафа попреки.
 «Скорбь тем больше, о мать,— говорит,— что,
 свободный и гордый,
 Я перед ним промолчал; мне стыд — оскорбленье
 такое,—
 Слово он вымолвить смог, но дать не смог я отпора!
 760 Ты же, коль истинно я сотворен от небесного корня,
 Знак даруй мне, что род мой таков; приобщи меня
 к небу!»
 Молвил он так и обвил материнскую шею руками,
 И головою своей и Меропсовой, сестриним браком
 Клялся, моля, чтоб отца дала ему верные знаки.
 765 Трудно сказать, почему Климена — мольбой Фартона
 Тронута или гневясь, что взвели на нее обвиненье.—
 Обе руки к небесам подняла и, взирая на солнце,—

«Светом его,— говорит,— чьи лучи столь ярко

сверкают,

Сын, клянусь тебе им, который нас видит и слышит,—

770

Этим, которого зришь, вот этим, что правит вселенной,

Фебом рожден ты! Коль ложь говорю, себя лицедреть

мне

Пусть воспретит, и очам сей день да будет последним!

Труд недолгий тебе — увидеть отцовских пенатов:

Там, где восход, его дом граничит с нашей землею.

775

Если стремишься душой, отправляйся и будешь им

признан».

Тотчас веселый вскочил, услышав материнское слово,

И уж готов Фэтон охватить все небо мечтою.

Вот эфиопов своих и живущих под пламенем солнца

Индов прошел он и вмиг к отцовскому прибыл восходу.

КНИГА ВТОРАЯ

Солнца высокий дворец подымался на стройных

колоннах,

Золотом ясным сверкал и огню подражавшим пиропом.
Поверху был он покрыт глянцевитой слоновою костью,
Створки двойные дверей серебряным блеском сияли.

5 Материал превзошло мастерство,— затем, что явил там
Мультибер глади морей, охватившие поясом земли;
Круг земной показал и над кругом нависшее небо.
Боги морские в волнах: меж ними Тритон

громогласный,

Непостоянный Протей, Эгеон, который сжимает

10 Мощным объятьем своим китов непомерные спины.

Также Дорида с ее дочерьми; те плавали в море,
Эти, присев на утес, сушили свой волос зеленый,
Этих же рыбы везли; лицом не тождественны были
И не различны они, как быть полагается сестрам.

15 А на земле — города, и люди, и рощи, и звери,
Реки и нимфы на ней и разные сельские боги.
Сверху покрыты они подобьем блестящего неба.
Знаков небесных по шесть на правых дверях и на

левых.

Только дорогой крутой пришел туда отпрыск Климены,

20 В дом лишь вошел он отца, в чьем не был отцовстве
уверен,

Тотчас направил шаги к лицу родителя прямо
И в отдалении стал; не в силах был вынести света
Ближе. Сидел перед ним, пурпурной окутан одеждой,
Феб на престоле своем, сиявшем игрою смарагдов.

25 С правой и левой руки там Дни стояли, за ними
Месяцы, Годы, Века и Часы в расстояниях равных;
И молодая Весна, венком цветущим венчанна;
Голое Лето за ней в повязке из спелых колосьев;
Тут же стояла, грязна от раздавленных гроздьев,

и Осень;

30 И ледяная Зима с взлохмаченным волосом белым.
 Вот приведенного в страх новизною предметов
 с престола
 Юношу Феб увидал все зрящими в мире очами.
 «В путь для чего ты пошел? Что в этом дворце тебе
 надо,
 Чадо мое, Фартон? Тебя ли отвергну?» — промолвил.
 35 Тот отвечает: «О свет всеобщий великого мира,
 Феб, мой отец, если так называть себя мне позволяешь,
 Если Климепа вины не скрывает под образом ложным!
 Дай мне, родитель, залог, по которому верить могли бы,
 Что порожден я тобой, — отреши заблужденья от духа».
 40 Так он сказал. И отец лучи отложил, что сняли
 Вкруг головы у него, велел пододвинуться ближе
 И, обнимая его, — «Не заслужено, — молвит, — тобою,
 Чтобы отверг я тебя, — Климепа правду сказала.
 А чтоб сомненье твое уменьшилось, дара любого
 45 Ныне проси, и я дам. Свидетель — болото, которым
 Клясться боги должны, очам пезнакомое нашим».
 Только он кончил, а тот колесницу отцовскую просит,
 Права лишь день управлять крылоногими в небе
 ковыми.
 И пожалел тут отец, что поклялся; три и четыре
 50 Раза качнул головой лучезарной, сказав: «Безрассудна
 Речь моя после твоей. О, если б мог я обратно
 Взять обещанья! Поверь: лишь в этом тебе отказал бы.
 Я не советую, сын. Опасны твои пожеланья.
 Много спросил, Фартон! Такие дары не подходят,
 55 Сын мой, ни силам твоим, ни вовсе младенческим
 годам.
 Смертного рок у тебя, а желанье твое не для
 смертных.
 Больше того, что богам касаться дозволено горним,
 Ты домогаешься. Пусть о себе мнит каждый, как хочет,
 Все же не может никто устоять на оси пламеносной,
 60 Кроме меня одного. И даже правитель Олимпа
 Сам, что перуны стремится ужасной десницей, не станет
 Сей колесницы весты. А кто же Юпитера больше?
 Крут поначалу подъем; поутру освеженные кони
 Входят едва по нему. Наивысшая точка — на полдне.
 65 Видеть оттуда моря и земли порой самому мне
 Боязно, грудь и моя, замирая, от страха трепещет.
 Путь — по наклону к концу, и надо уверенно править.
 Даже Тетида, меня внизу в свои воды приемля,

- Страхом объята всегда, как бы я не низринулся
в пропасть.
- 70 Вспомни, что небо еще, постоянным влекомо
вращеньем,
Вышние звезды стремится и движением крутит их
быстрым.
- Мчусь я навстречу, светил не покорствуя общему ходу;
Наперекор я один выезжаю стремительным кругом.
Вообрази, что я дам колесницу. И что же? Ты смог бы
- 75 Полюсов ход одолеть, не отброшенный быстрою осью?
Или, быть может, в душе ты думаешь: есть там
дубровы,
Грады бессмертных богов и дарами богатые храмы?
Нет — препятствия там да звериные встретишь обличья!
Чтоб направленья держать, никакой не отвлечься
ошибкой,
- 80 Должен ты там пролетать, где Тельца круторогого
минешь,
Лук гемонийский и пасть свирепого Льва; Скорпиона,
Грозные лапы свои охватом согнувшего длинным,
И по другой стороне — клешнями грозящего Рака.
Четвероногих сдержать, огнем возбужденных, который
- 85 В их пламенеет груди и воздрями и пастями пышет,
Будет тебе нелегко. И меня еле терпят, едва лишь
Нрав распалится крутой, и противится поводу выя.
Ты же, — чтоб только не стать мне даятелем смертного
дара, —
Поберегись, — не поздно еще, — измени пожеланье!
- 90 Правда, поверив тому, что родился от нашей ты крови,
Верных залогов ты ждешь? Мой страх тебе — верным
залогом!
То, что отец я, — отца докажет боязнь. Погляди же
Мне ты в лицо. О, когда б ты мог погрузить свои очи
В грудь мне и там, в глубине отцовскую видеть
тревогу!
- 95 И, наконец, посмотри, что есть в изобильной вселенной:
Вот, из стольких ее — земных, морских и небесных —
Благ попроси что-нибудь, — ни в чем не получишь
отказа.
От одного воздержись, — что казнью должно называться,
Честью же — нет. Фартон, не дара, но казни ты
просишь!
- 100 Шею зачем мне обвил, неопытный, нежным объятьем?
Не сомневайся во мне — я клялся стигийскою влагой, —

Все, что желаешь, отдам. Но только желай
поразумней».

Он увещанья скончал. Но тот отвергает советы;
Столь же настойчив, горит желаньем владеть
колесницей.

105 Юношу все ж наконец, по возможности медля,
родитель

К той колеснице ведет высокой — изделью Вулкана.

Ось золотая была, золотое и дышло, был обод

Вкруг колеса золотой, а спицы серебряны были.

110 Упряжь украсив коней, хризолиты и ряд самоцветов
Разных бросали лучи, отражая сияние Феба.

Духом отважный, стоит Фаэтон изумленный, на диво

Смотрит; но вечно бодр, уже на румянном востоке

Створы багряных дверей раскрывает Аврора и сени,

115 Полные роз. Бегут перед ней все звезды, и строй их
Люцифер гонит; небес покидает он стражу последним.

Видя его и узрев, что земли и мир заалели

И что рога у луны на исходе, истаяли будто,

Быстрым Орам Титан приказал запрягать,— и богини

120 Резвые вмиг исполняют приказ; изрыгающих пламя,
Сытых амброзией, вслед из высоких небесных конюшен

Четвероногих ведут, надевают им звонкие узды.

Сына лицо между тем покрывает родитель священным

Снадобьем, чтобы терпеть могло оно жгучее пламя;

125 Кудри лучами ему увенчал и, в предчувствии горя,
Сильно смущенный, не раз вздохнул тяжело

и промолвил:

«Ежели можешь ты внять хоть этим отцовским советам,

Сын, берегись погонять и крепче натягивай вожжи.

Копи и сами бегут, удерживать трудно их волю.

Не соблазняйся путем, по пяти поясам вознесенным.

130 В небе прорезана вкось широким изгибом дорога,
Трех поясов широтой она ограничена: полюс

Южный минует она и Аркт, аквилонам соседний.

Этой дороги держись: следы от колес ты заметишь.

Чтоб одинаковый жар и к земле доносился и к небу,

135 Не опускайся и вверх, в эфир, не стреми колесницу.
Если выше помчишь — сожжешь небесные дóмы,

Ниже — земли сожжешь. Невредим серединой

проедешь.

Не уклонился бы ты направо, к Змею витому,

Не увлекло б колесо и налево, где Жертвенник

плоский.

- 140 Путь между ними держи. В остальном доверяю
Фортуне,—
Пусть помогает тебе и советует лучше, чем сам ты!
Я говорю, а уже рубежи на берегах гесперийских
Влажная тронула ночь; нельзя нам долее медлить.
Требуют нас. Уже мрак убежал и Заря засветилась.
- 145 Вожжи рукою схвати! А коль можешь еще передумать,
Не колесницей моей, а советом воспользуйся лучше.
Время еще не ушло, и стоишь ты на почве не зыбкой,
Не в колеснице, тебе не к добру, по незнанию,
желанной.
- Лучше спокойно смотри на свет, что я землям дарую».
- 150 Юноша телом своим колесницу легкую занял,
Встал в нее, и вожжей руками коснулся в восторге,
Счастлив, и благодарит отца, несогласного сердцем.
Вот крылатых меж тем, Пироя, Эоя, Флегона,
Этона также, солнца коней, пламеносное ржанье
- 155 Воздух наполнило. Бьют ногами засов; и как только,
Внука не зная судьбы, открыла ворота Тетида
И обнаружился вдруг простор необъятного мира,
Быстро помчались они и, воздух ногами взрывая,
Пересекают, несясь, облака и, на крыльях поднявшись,
- 160 Опережают уже рождаемых тучами Эвров.
Легок, однако, был груз, не могли ощутить его кони
Солнца; была лишена и упряжь обычного веса,—
Коль недостаточен груз, и суда крутобокие валки,
Легкие слишком, они на ходу неустойчивы в море,—
- 165 Так без нагрузки своей надлежащей прядает в воздух
Иль низвергается вглубь, как будто пуста, колесница.
Только почувала то, понесла четверня, покидая
Вечный накатанный путь, бежит уж не в прежнем
порядке.
- В страхе он сам. И не знает, куда вручейные дернуть
- 170 Вожжи и где ему путь. А и знал бы, не мог бы
управить!
Тут в лучах огневых впервые согрелись Трионы,
К морю, запретному им, прикоснуться пытаясь
напрасно.
- Змий, что из всех помещен к морозному полюсу
ближе,
Вялый от стужи, дотоль никому не внушавший боязни,
175 Разгорячась, приобрел от жары небывалую ярость.
Помнят: и ты, Волопас, смущенный, бросился
в бегство,

Хотя и медлителен был и своею задержан повозкой!
 Только несчастный узрел Фаэтон с небесной вершины
 Там, глубоко-глубоко, под ним распростерты земли,
 180 Он побледнел, у него задрожали от страха колени
 И темнотою глаза от толикого света покрылись.
 Он уж хотел бы коней никогда не касаться отцовских,
 Он уж жалеет, что род свой узнал, что уважена
 просьба,
 Зваться желая скорей хоть Меропсовым сыном;
 185 Как под Бореем корабль, когда обессилевший кормчий
 Править уже перестал, на богов и обеты надеясь!
 Как ему быть? За спиной уж немало неба осталось,
 Больше еще впереди. Расстоянья в уме измеряет;
 То он на запад глядит в пределы, которых коснуться
 190 Не суждено, а порой на восток, обернувшись, взирает;
 Оцепенел, не поймет, как быть, вожжей не бросает,—
 Но и не в силах коней удержать и имен их не знает.
 В трепете видит: по всем небесам рассеяны чуда
 Разнообразные; зрит огромных подобья животных.
 195 Место на небе есть, где дугой Скорпион изгибает
 Клешни свои, хвостом и кривым двусторонним
 объятьем
 Вширь растянулся и вдаль, через два простираясь
 созвездья.
 Мальчик едва лишь его, от испарины черного яда
 Влажного, жалом кривым готового ранить, увидел,—
 200 Похолодел и, без чувств от ужаса, выронил вожжи.
 А как упали они и, ослабнув, крупов коснулись,
 Копи, не зная преград, без препятствий уже, через
 воздух
 Краем неведомым мчат, куда их порыв увлекает,
 И без управы несут; задевают недвижные звезды,
 205 Мча в поднебесной выси, стремят без пути
 колесницу,—
 То в высоту заберут, то, крутым спускаясь наклоном,
 В более близком уже от земли пространстве несутся.
 И в удивленье Луна, что мчатся братнины копи
 Ниже, чем кони ее; и дымят облака, занимался.
 210 Полымя землю уже на высотах ее охватило;
 Щели, рассевшись, дает и сохнет, лишенная соков,
 Почва, седеют луга, с листовою пылают деревья;
 Нивы на горе себе доставляют пламени пищу.
 Мало беды! Города с крепостями великие гибнут

- 215 Вместе с пародами их, обращают в пепел пожары
Целые страны. Леса огнем полыхают и горы:
Тавр Киликийский в огне, и Тмод с Афоном, и Эта;
Ныне сухая, дотоль ключами обильная Ида,
Дев приют — Геликон и Гем, еще не Загров.
- 220 Вот двойным уж огнем пылает огромная Этна;
И двухголовый Парнас, и Кинт, и Эрикс, и Офрис;
Снега навек лишены — Родопа, Мимант и Микала,
Диндима и Киферон, для действий священных
рожденный.
- Скифии стужа ее не впрок; Кавказ полыхает.
- 225 Также и Осса, и Пинд, и Олимп, что выше обоих.
Альп поднебесных гряда и носители туч Апеннины.
Тут увидал Фартон со всех сторон запылавший
Мир и, не в силах уже стерпеть столь великого жара,
Как из глубокой печи горячий вдыхает устами
- 230 Воздух и чует: под ним раскалилась уже колесница.
Пепла, взлетающих искр уже выносить он не в силах,
Он задыхается, весь горячим окутанный дымом.
Где он и мчится куда — не зизет, мраком покрытый
Черным, как смоль, уносим крылатых коней
произволом.
- 235 Верят, что будто тогда от крови, к поверхности тела
Хлынувшей, приобрели черноту эфиопов народы.
Ливия стала суха, — вся зноем похищена влага.
Волосы пораспустив, тут стали оплакивать нимфы
Воды ключей и озер. Беотия кличет Диркею;
- 240 Аргос — Данаеву дочь; Эфира — Пиренские воды.
Рекам, которых берега отстоят друг от друга далеко,
Тоже опасность грозит: средь вод Танаис задымился
И престарелый Псней, а там и Каик тевфранийский,
И быстроводный Исмен, и с ним Эримацф, что
в Псофиде;
- 245 Ксапф, обреченный опять запылать, и Ликорм
желтоватый,
Также игривый Меандр с обратно текущей струею,
И мигдонийский Мелант, и Эврот, что у Тенара
льется;
- Вот загорелся Евфрат вавилонский, Оронт загорелся,
Истр и Фасис, и Ганг, Фермодонт с падением быстрым;
- 250 Вот закипает Алфей, берега Сперхея пылают;
В Таге-реке, от огня растопившись, золото льется,
И постоянно берега меопийские славивших песней

Птиц опалило речных посредине течения Каистра.
255 Нил на край света бежал, перепуган, и голову спрятал,
Так и доныне она все скрыта, а семь его устьи
В знойном лежали песке — семь полых долин без
потоков.

Жребий сушит один исмарийский Гебр со Стримоном,
Также и Родан, и Рен, и Пад — гесперийские реки,
260 Тибр, которому власть над целым обещана миром!
Трещины почва дала, и в Тартар проник через щели
Свет и подземных царя с супругою в ужас приводит.
Море сжимается. Вот уж песчаная ныне равнина,
Где было море вчера; покрытые раньше водою,
Горы встают и число Киклад раскиданных множат.
265 Рыбы бегут в глубину, и гнутым дугою дельфинам
Боязно вынестись вверх из воды в привычный им
воздух;

И бездыханны плывут на спине по поверхности моря
Туши тюленей. Сам, говорят, Нерей и Дорида
Вместе с своими детьми в нагревшихся скрылись
пещерах.

270 Трижды Нептун из воды, с лицом искажившимся, руки
Смелость имел протянуть, — и трижды не выдержал
знол.

Вот благодатная мать Земля, окруженная морем,
Влагой теснима его и сжатыми всюду ключами,
275 Скрывшими токи свои в материнские темные недра,
Только по шею лицо показав, истомленное жаждой,
Лоб заслонила рукой, потом, великою дрожью
Все потрясая, чуть-чуть осела сама, и пониже
Стала, чем раньше, и так с пересохшей сказала
гортанью:

280 «Если так должно и стою того, — что ж медлят перуны,
Бог высочайший, твой? Коль должна от огня я
погибнуть,
Пусть от огня твоего я погибну и муки избегну!
Вот уж насилу я рот для этой мольбы раскрываю, —
Жар запирает уста, — мои волосы, видишь, сгорели!
Сколько в глазах моих искр и сколько их рядом
с устами!

285 Так одаряешь меня за мое плодородье, такую
Честь воздаешь — за то, что ранения острого плуга
И бороны я терплю, что круглый год я в работе.
И что скотине листву, плоды же — нежнейшую пищу —
Роду людскому даю, а вам приношу — фимиамы?

290 Если погибели я заслужила, то чем заслужили
 Воды ее или брат? Ему врученные роком,
 Что ж убывают моря и от неба все дальше отходят?
 Если жалостью ты ни ко мне, ни к брату не тронут,
 К небу хоть милостив будь своему: взгляни ты на оба
 295 Полюса — оба в дыму. А если огонь повредит их,
 Рухнут и ваши дома. Атлант и тот в затрудненье,
 Еле уже на плечах наклоненных держит он небо,
 Если погибнут моря, и земля, и неба палаты,
 В древний мы Хаос опять замешаемся. То, что
 осталось,
 300 Вырви, молю, из огня, позаботься о благе вселенной!»
 Так сказала Земля; но уже выносить она жара
 Дольше не в силах была, ни больше сказать,
 и втянула
 Голову снова в себя, в глубины, ближайšie к манам.
 А всемогущий отец, призвав во свидетели вышних
 305 И самого, кто вручил колесницу, — что, если не будет
 Помощи, все пропадет, — смущен, на вершину Олимпа
 Вскрывает, откуда на ширь земную он тучи наводит,
 И подвигает грома, и стремительно молнии мечет.
 Но не имел он тогда облаков, чтоб на землю навесьть
 их,
 310 Он не имел и дождей, которые пролил бы с неба.
 Он возгремел, и перун, от правого пущенный уха,
 Кинул в возницу, и вмиг у него колесницу и душу
 Отнял зараз, укротив неистовым пламенем пламя.
 В ужасе кони, прыжком в обратную сторону прянув,
 315 Сбросили с шеи ярмо и вожжей раскидали обрывки.
 Здесь лежат удила, а здесь, оторвавшись от дышла,
 Ось, а в другой стороне — колес разбившихся спицы;
 Разметены широко колесницы раздробленной части.
 А Фэтон, чьи огонь похищает златистые кудри,
 320 В бездну стремится и, путь по воздуху длинный
 свершая,
 Мчится, подобно тому, как звезда из прозрачного неба
 Падает или, верней, упадающей может казаться.
 На обороте земли, от отчизны далеко, великий
 Принял его Эридан и дымящийся лик омывает.
 325 Руки наяд-гесперид огнем триязычным сожженный
 Прах в могилу кладут и камень стихом означают:
 «Здесь погребен Фэтон, колесницы отцовской
 возница;

Пусть се не сдержал, но, дерзнув на великое, пал он».

И отвернулся отец несчастный, горько рыдая;

330 Светлое скрыл он лицо; и, ежели верить рассказу,
 День, говорят, без солнца прошел: пожары — вселенной
 Свет доставляли; была и от бедствия некая польза.
 Мать же Климена, сказав все то, что в стольких
 несчастьях
 Должно ей было сказать, в одеяниях скорбных,
 безумна,

335 Грудь терзая свою, весь круг земной исходила;
 Все бездыханную плоть повсюду искала и кости,—
 Кости нашла наконец на чуждом побережье, в могиле.
 Тут же припала к земле и прочтенное в мраморе имя
 Жаркой слезой облила и ласкала открытую грудью.

340 Дочери Солнца о нем не меньше рыдают, и слезы —
 Тщетный умершему дар — несут, и, в грудь ударяя,—
 Горестных жалоб хоть он и не слышит уже,— Фартона
 Кличут и ночью и днем, и простершись лежат
 у могилы.

345 Слив рог с рогом, Луна становилась четырежды полной.
 Раз, как обычно,— затем что вошло гореванье
 в обычай,—
 Вместе вопили они; Фартуза меж них, из сестер всех
 Старшая, наземь прилечь пожелав, простопала, что
 ноги

Окоченели ее; приблизиться к ней попыталась
 Белая Лампетид, но была вдруг удержана корнем.

350 Третья волосы рвать уже собиралась руками —
 Листья стала срывать. Печалится эта, что держит
 Ствол ее ноги, а та — что становятся руки ветвями.
 У изумленной меж тем кора охватила и лоно
 И постепенно живот, и грудь, и плечи, и руки

355 Вяжет — и только уста, зовущие мать, выступают.
 Что же несчастная мать? Что может она? — неумно
 Ходит туда и сюда и, пока еще можно, целует!
 Этого мало: тела из стволов пытается вырвать,
 Юные ветви дерев ломает она, и оттуда,

360 Словно из раны, сочась, кровавые каплют капли.
 «Мать, молю, пожалей!» — которая ранена, кличет.
 «Мать, молю! — в деревьях тела терзаются наши...
 Поздно — прощай!» — и кора покрывает последнее
 слово.

Вот уже слезы текут; источась, на молоденьких ветках

365 Стынет под солнцем янтарь, который прозрачной
рекою
Принят и катится вдаль в украшение женам
латинским.

Кики, Сфенела дитя, при этом присутствовал чуде.
Он материнской с тобой был кровью связан, но ближе
370 Был он по духу тебе, Фазтон. Оставивши царство,—
Ибо в Лигурии он великими градами правил,—
Берег зеленый реки Эридана своей он печальной
Жалобой полнил и лес, приумноженный сестрами

друга.

Вдруг стал голос мужской утончаться, белые перья
Волосы кроют ему, и длинная вдруг протянулась
375 Шея; стянула ему перепонка багряные пальцы,
Крылья одели бока, на устах клюв вырос неострый.
Новой стал птицею Кики. Небесам и Юпитеру лебедь
Не доверяет, огня не забыв — их кары неправой,—
Ищет прудов и широких озер и, огонь ненавидя,
380 Предпочитает в воде, враждебной пламени, плавать.
Темен родитель меж тем Фазтона, лишенный обычной
Славы венца, как в час, когда он отходит от мира;
Возненавидел он свет, и себя, и день лучезарный,
Скорби душой предался, и к скорби гнева добавил,
385 И отказался служить вселенной. «Довольно,— сказал
он,—

Жребий от века был мой беспокоен, мне жаль
совершенных
Мною вседневных трудов,— что нет ни конца им,
ни чести.

Пусть, кто хочет, другой светоносную мчит колесницу!
Если же нет никого, и в бессилье признаются боги,
390 Правит пусть сам! — чтобы он, попробовав наших
поводьсв,

Молний огни отложил, что детей у отцов отнимают.
Тут он узнает, всю мощь коней испытав огненогих,
Что незаслуженно пал не умевший управиться с ними».
Но говорящего так обступают немедленно Феба
395 Все божества и его умоляют, прося, чтобы тени
Не наводил он на мир. Юпитер же молнии мечет
И, добавляя угроз, подтверждает державно их
просьбы.

И, обезумевших, впряг, еще трепещущих страхом,
Феб жеребцов, батоном и бичом свирепствуя рьяно.

- 400 Бьет, свирепствует, их обвиняя в гибели сына.
 А всемогущий отец обходит огромные стены
 Неба; тщательно стал проверять: от огня расшатавшись,
 Не обвалилось ли что. Но, уверясь, что прежнюю
 крепость
- 405 Все сохранило, он взор направил на землю и беды
 Смертных. Но более всех о своей он Аркадии полон
 Нежных забот. Родники и еще не державшие литься
 Реки спешит возродить и почве траву возвращает,
 Листья — деревьям, велит лесам зеленеть
 пострадавшим.
- 410 Часто бывает он там, и вот поражен ионакринской
 Девушкой, встреченной им,— и огонь разгорается
 в жилах.
 Не занималась она чесанием шерсти для тканей.
 Разнообразить своей не умела прически. Одежду
 Пряжка держала на ней, а волосы — белая повязь.
 Легкий дротик она иль лук с собою носила;
- 415 Воином Фебы была. Не ходила вовек по Меналу
 Дева, Диане милей Перекрестной. Но всё — мимолетно!
 Уж половину пути миновало высокое солнце,—
 Девушка в рошу вошла, что порублена век не бывала.
 Скинула тотчас колчан с плеча и лук отложила
- 420 Гибкий, сама же легла на травую покрытую землю;
 Так, свой расписанный тул подложив под затылок,
 дремала.
 Только Юпитер узрел отдохавшую, вовсе без стража,—
 «Эту проделку жена не узнает, наверно,— промолвил,—
 Если ж узнает, о пусть! Это ль ругани женской
 не стоит?»
- 425 Вмиг одеяние он и лицо принимает Дианы
 И говорит: «Не одна ль ты из спутниц моих?
 На которых,
 Дева, охотилась ты перевалах?» И дева с лужайки
 Встала. «Привет,— говорит,— божеству, что в моем
 рассужденьи
 Больше Юпитера, пусть хоть услышит!» Смеется
 Юпитер,
- 430 Рад, что себе самому предпочтен, и дарит поцелуи;
 Он неумерен, не так другие целуются девы.
 В лес направлялась какой, рассказать готовую деву
 Стиснул в объятиях он,— и себя объявил не безвинно.
 Сопротивляясь, она — насколько женщина может —

- 435 С ним вступает в борьбу, но Юпитера депа какая
(Если бы видела ты, о Сатурния, ты бы смягчилась!)
Может осилить и кто из богов? Победитель Юпитер
Взмыл в небеса. Опостылел ей лес — достоверный
свидетель, —
- 440 Чуть не забыла она, удаляясь оттуда, колчаш свой
Взять и стрелы и лук, на ветку повешенный рядом.
Вот с хороводом своим Диктинпа по высям Менала
Шествуя, диких зверей удачным горда убиеньем,
Видит ее и, увидев, зовет; но в испуге сначала
Та убегает, боясь, не Юпитер ли вновь перед нею.
- 445 Но, увидав, что идут с ней вместе и нимфы, решила
Дева, что козней тут нет, и к легкой толпе их
прикнула,
Как преступленья — увы! — лицом не выказать трудно!
Очи едва подняла, пошла, но не рядом с богиней,
Как то бывало; теперь из целого строя не первой.
- 450 Молча идет и свое выдает поруганье румянцем.
Девой когда б не была, могла бы по тысяче знаков
Видеть Диана вину; говорят, и увидели нимфы!
Лунные в небе рога возникали уж кругом девятым,
Как, от охоты устав, истомленная пламенем брата,
- 455 В свежую рошу придя, откуда струился с журчаньем
Светлый ручей и катил волною песок перетертый,
Местность одобнив, к воде стопою она прикоснулась
И, похваливши ручей, — «Далеко, — говорит, —
соглядатай
Всякий; нагие тела струею бегущей омоем!»
- 460 Бросилась краска в лицо Паррасийки. Все сняли
одежды,
Медлит она лишь одна. Со смутившейся платье снимают.
Только лишь спало оно, наготовю был грех обнаружен.
Остолбеневшей, закрыть пытавшейся лоно руками, —
«Прочь, — сказала, — иди, родника не скверни мне
святого!» —
- 465 Кинтия и отойти от своих приказала ей спутниц.
Знала об этом давно супруга Отца-Громовержца,
Но до удобнейших дней отлагала жестокую кару.
Медлить не стало причин: уж мальчик Аркад — он
Юпоне
- 470 Больше всего досаждал — у любовницы мужа родился.
Вот, обратившись туда свирепым взором и сердцем, —
«Этого лишь одного не хватало, беспутница, —
молвит, —

Чтобы ты плод принесла и обиду сделала явной
 Родами, всем показав моего Юпитера мерзость.
 475 Это тебе не пройдет. погоди! Отниму я паружность,
 Вид твой, каким моему ты, наглая, нравишься мужу!»
 Молвила так и, схватив за волосы, тотчас же наземь
 Кинула навзничь ее. Простирала молившая руки,—
 Начали руки ее вдруг черной щетиниться шерстью,
 Кисти скривились, персты изогнулись в звериные
 480 когти,
 Стали ногами служить; Юпитеру милое прежде,
 Обезобразилось вдруг лицо растянувшейся пастью,
 И чтоб душу его молений слова не смягчали,
 Речь у нее отняла,— и злой угрожающий голос,
 485 Ужаса полный, у ней из хриплой несется гортани.
 Превжний, однако же, дух остался в медведице новой,
 Стопом всечасным она проявлять продолжает
страданья,
 Руки, какие ни есть, простирает к звездам небесным,
 И хоть не может сказать, но коварство Юпитера
помнит.
 Ах, сколь часто, в лесу не решаясь остаться
пустынном,
 490 В поле, когда-то своем, и около дома блуждала!
 Ах, сколь часто меж скал, гонимая лаем собачьим,
 Видя охотников, прочь — охотница — в страхе бежала!
 Часто, при виде зверей, позабыв, чем стала,
скрывалась
 Или, медведицей быв, пугалась при встрече с медведем.
 495 И устрашалась волков, хоть родимый отец был меж
ними.
 Вот, Ликаонии сын, не знавшее матери чадо,
 Вдруг появился Аркад, почти что пятнадцатилетний.
 Диких гоняя зверей, ища поудобней урочищ,
 Только успел окружить он лес Эриманфский сетями,
 500 Как натолкнулся на мать: та стояла, Аркада увидев,
 Будто узнала его. Но он убежал и недвижимых
 Глаз в упор на него устремленных,— не зная, в чем
дело,—
 Перепугался и ей, подойти пожелавшей поближе,
 Сам смертоносную в грудь вонзить стрелу собирався.
 505 Не допустил Всемогущий и их с преступлением вместе
 Поднял, пространством пустым на быстром ветре
промчал их,

- На небе их поместил и создал два рядом созвездья.
 Тут закипела вдвойне Юнона, увидев, как блещет
 В небе блудница; к седой спускается в море Тетиде
 510 И к Океану-отцу,— и вышние боги нередко
 Их почитали,— и так начала о причине прихода:
 «Знать вы хотите, зачем из небесного дома спустилась
 К вам царица богов? Уж небом другая владеет!
 Пусть я солгу, коль в ночи, обнимающей мир
 515 В самой небесной выси, удостоенных только что чести
 Вы не увидите звезд — мою язву! — в месте, где полюс
 Крайним вокруг обведен кратчайшим поясом неба.
 Истинно, кто оскорбить не захочет Юнону? Обидев,
 Кто затрепещет? Одна что с ними могу я поделаться?
 520 Много же сделала я! Обширно могущество наше!
 Я запретила ей быть человеком,— богинею стала!
 Так-то дано мне виновных карать, вот как я могуча!
 Лучше пусть прежний свой вид обретет и звериную
 морду
 Скипет! Так сделал уж раз он с той Форонойдой
 аргивской!
 525 И почему он, прогнав Юнону, не ввел ее в дом свой,
 В спальню мою не вселил и не выбрал в зятя
 Ликаона?
 Если трогает вас небреженье к питомице вашей,
 Эту Медведицу вы от пучины морской удалите
 И в небеса за разврат попавшие звезды гоните,—
 530 Не погружаться чтоб ей, распутнице, в чистое море!»
 И согласились морей божества. И Сатурния быстро
 В ясное небо свое на расписанных взмыла павлинах,
 Тех павлинах, чей хвост расписан зеницами Арга.
 То же случилось с тобой, вороп речивый, недавно
 535 Бывший белым,— твои вдруг черными сделались
 крылья,
 Ибо когда-то ты был серебряной, снега белее,
 Птицей, сравниться бы мог с голубями, что вовсе
 без пятен,
 Не уступал ты гусям, что некогда голосом бодрым
 Нам Капитолий спасли, ни лебедю, другу потоков.
 540 Сгублен он был языком. Язык — причина, что белым
 Раньше был цвет, а теперь обратным белому стал он.
 Не было краше во всей Гемонийской стране Корониды,
 Что из Лариссы. Ее любил ты, Дельфиец, покамест

- 545 Чистой была иль, верней, незамеченной. Только измену
 Фебов ворон узнал и, тайный девы проступок
 Намереваясь раскрыть, доносчиком неумолимым
 Тотчас отправился в путь к господину. Крыльями
 машет,
- Рядом летит — чтобы все разузнать — говоруха-ворона.
 550 Про путешествия цель услышав, — «Ты, безгодный,
 предпринял
 Путь, — говорит, — моего языка не отвергни вещаний.
 Чем я была, что теперь, погляди и суди, по заслуге ль.
 Сам убедишься ты, как повредила мне верность.
 Когда-то
- 555 Был Эрихтоний, — дитя, не имевшее матери вовсе, —
 Девой Палладою в кош из актейской заперт лозины.
 Спрятав, девушкам трем, от двойного Кекрона
 рожденным,
 Строгий приказ отдала ее не подсматривать тайны.
 Легкою скрыта листвою, смотрела с густого я вяза,
 Что они делали. Две без обмана хранили корзину, —
 560 Герса с Пандросой. Сестер нерешительных кличет
 Аглавра,
 Третья, — рукою узлы разрешает, и видят: в корзине
 То ли ребенок лежит, то ль некий дракон распростерся.
 Я обо всем доношу богине. За эту услугу
 Мне благодарность была: я лишилась защиты Минервы.
 565 Ниже теперь я и птицы ночной. В моем наказанье
 Всем пернатым пример, чтобы голосом бед не искали.
 А между тем не по воле моей — я ее не просила —
 Та домогалась меня! Спроси у самой хоть Паллады.
 Пусть даже в гневе она, отрицать и в гневе не станет.
 570 Ибо в Фокейской земле Короней знаменитый отцом
 мне —
 Дело известное — был; возростала я царственной девой.
 Не презирай; женихам была я богатым желанна.
 Да погубила краса: когда я по берегу шагом
 Медленным шла, как всегда, по глади гуляя песчаной,
 575 Вдруг увидал меня бог морской и зажегся. И так как
 Тратил лишь время, моля понапрасну умильной речью,
 Силой преследовать стал. Бегу, покинула плотный
 Берег и в рыхлом песке утомляю себя понапрасну.
 Тут и богов и людей я зову, но не слышит
 из смертных
- 580 Криков моих ни один, — лишь тронута девою Дева.
 Помощь она подала. Простирала руки я к небу —

Руки начали вдруг чернеть оперением легким.
 Силилась скинуть я с плеч одежду,— она превратилась
 В перья, их корни уже проникали глубоко под кожу.
 585 В голую грудь ударять ладонями я попыталась,—
 Но ни ладоней уже, ни голой не было груди.
 Дальше бежала,— песок уже ног не задерживал боле,
 Я подымалась с земли; по воздуху вскоре на крыльях
 Мчусь. Невинной дана я спутницей деве Минерве.
 590 Только какой в том прок, когда, из-за черного дела
 Птицею став, моей Никтимена наследует чести?
 О преступлении том, которое знает весь Лесбос,
 Разве же ты не слыхал? Никтимена на ложе отцово
 Как покусилась? Она,— хоть и птица,— вину сознавая,
 595 Взоров и света бежит и стыд скрывает во мраке,
 И прогоняют ее все птицы в просторе небесном».
 Так говорившей,— «Тебе эти рассказы,— ворон
 промолвил,—
 Пусть обернутся во зло. Презираю пустые вещанья».
 И не прервал он пути и потом рассказал господину,
 600 Как он лежащей застал с гемонийцем младым
 Корониду.
 Лишь услышав о беде, обронил свои лавры влюбленный;
 И одновременно лик божества, и плектр, и румянец —
 Сразу все сникло. Душа закипела, набухшая гневом,
 Тотчас хватает свое он оружие и гнутой дугою
 605 Лук напрягает, и грудь, что часто сливалась, бывало,
 С грудью его, он своей неизбежной пронзает стрелюю.
 Ранена, стои издала Коронида и, вынув железо,
 Белые члены свои залила почерневшею кровью,
 Молвив,— «Могла я, о Феб, от тебя испытать
 наказанья,—
 610 Только сначала родить: теперь умираем мы — двое»,
 Только успела сказать — и жизнь свою вылила
 с кровью.
 Тело ее без души погрузилось в холод смертельный.
 Поздно влюбленный, увы, пожалел о возмездье
 жестоком,
 Возненавидел себя,— что послушал, что так
 распалился,—
 615 Птицу — вестницу зла,— чрез которую грех и причину
 Должен был горя узнать; ненавидит не меньше он лук
 свой,
 Руку свою и оружие в руке — безрассудные стрелы.

Мертвой оп ласки дарит и поздним стараньем
стремится

620 Рок победить и вотще применяет свое врачеванье.
Но лишь попыток тщету увидал и костер возведенный,
Понял, что скоро в огне последнем сгорит ее тело,
Стоны стал издавать,— ведь лик небесный слезами
Не подобает влажнить! — исторгал их в печали

из глубин

625 Сердца: так точно мычит корова, когда перед нею
Молот ее сосунку, занесенный от правого уха,
Бьет еще впалый висок и дробит его громким ударом.
После того как излил он на грудь благоволия скорби
И, обнимая ее, свой долг не по долгу исполнил,
Феб не вынес того, что семя его обратится

630 В пепел сейчас, из огня и утробы родительской сына
Вырвал он и перенес к кентавру Хироу в пещеру;
Ворону он воспретил, ожидавшему тщетно награды
За откровенную речь, меж белых птиц оставаться.

635 А между тем полуживь питомцу божественной крови
Рад был, он чести такой веселился, хоть труд был

и тяжек.

Рыжая как-то пришла, с волосами, покрывшими плечи,
Дочь Кентавра; ее когда-то нимфа Харикло

Около быстрой реки родила и имя дала ей

Окиронея. Она постиженьем отцова искусства

640 Не удовольствовалась: прорицала грядущего тайны.

Так, иступленье едва пророчицы дух охватило,

Только зажглось божеством в груди у нее затаенным,

Лишь увидала дитя,— «Для мира всего благодатный,

Мальчик, расти! — говорит,— обязаны будут нередко

645 Смертные жизнью тебе: возвращать ты души им

сможешь.

К негодованью богов, однажды на это решишься —

Чудо тебе повторить воспрепятствует молния деда.

Станешь ты — ранее бог — бескровным прахом,

и богом

Станешь из праха опять, два раза твой рок обновится.

650 Ты же, отец дорогой, бессмертный, и самым рожденьем

Веки веков пребывать назначенный, так сотворенный,

Смерти возжаждешь своей, как будешь ты кровью

терзаться

Грозной змен, приняв тот яд пораненным телом.

Из вековечного тут божества тебя сделают снова

- 655 Смертным, и нить разрешат триединые сестры-богини». Не досказала судеб, исторгла глубокий из груди
Вздых, и слезы из глаз у нее заструились потоком.
«Рок измеяет меня,— говорит,— не позволено больше
Высказать мне, и уже замыкается речи способность.
- 660 Что мне в искусстве моем, которое только бессмертных
Гнев навлекло на меня: предпочла бы не знать
о грядущем!
Вот уж как будто мое исчезает лицо человечье,
Вот уж вкусна мне трава, бежать по широкому полю
Тянет. В родную мне плоть, в кобылицу уже
превращаюсь.
- 665 Но почему же я вся? — двубразен мой ведь родитель!»
Так говорила, но часть последнюю жалобы трудно
Было уже разобрать; слова становились неясны.
Вскоре уж то не слова и не ржанье кобылы как будто,
Но подражанье коню; через время недолгое точно
- 670 Ржанье она издает и руками по лугу движет.
Сходятся пальцы тогда, вот пять погтей уж связало
Резвое рогом сплошным копыто; длина возрастает
Шеи ее и лица: часть большая длинного платья
Стала хвостом; волоса, как лежали свободно вдоль шеи,
675 Гривою вправо легли. Соответственно вдруг изменились
Голос ее и лицо. И по чуду ей дали прозвание.
Помощи, плача, молил Филирой от бога зачатый,
Тщетно, Делиец, твоей. Не мог ты пресечь повелений,
Что от Юпитера шли, а если пресечь их и мог бы,
- 680 Не был ты там: обитал ты в Элиде, в лугах
мессенійских.
Было то время, когда тебя покрывала пастушья
Шкура; посох держал деревенский ты левой рукою,
Правой рукою — свирель из семи неравных тростинок.
Память преданье хранит, что, пока ты был занят
любовью
- 685 И услаждался игрой, стада без охраны к пилийским
Вышли полям. Увидал их как раз Атлантовой Майи
Сын, их ловко увел и в дебри спрятал надежно.
Кражи никто не узнал, — один лишь известный
в деревне
Некий старик; по соседству его величали все Баттом.
- 690 У богача у Нелея стерег он луга травяные
И перелески и пас табуны кобылиц благородных.
Струсил тут бог и, рукою отведа его ласково, молвит:

«Кто бы ты ни был, дружок,— коль кто случайно
про стадо
 Спрашивать станет, скажи: не видал, и за то
благодарность
 695 Будет тебе: получай шелковистую эту корову».
 Дал. На подарок в ответ тот молвит: «Приятель,
спокойно
 В путь отправляйся. Скорей проболтается камень вот
этот».
 И указал он рукой на камень. А сын Громовержца
 Будто ушел и — назад, изменив лишь голос и облик,—
 700 «Ты, селянин, не видал, не прошло ли вот этой межою
 Стадо коров? — говорит. — Помоги, не замалчивай
кражи.
 Дам я за это тебе корову с быком ее вместе».
 А старина, увидав, что награда удвоена: «Стадо
 Там под горой»,— отвечал. И было оно под горою.
 705 Внук же Атланта, смеясь,— «Мне меня предаешь,
вероломный?
 Мне предаешь ты меня?» — говорит,— и коварное
сердце
 В твердый кремень обратил, что доньше зовется
«Указчик».
 Древний позор тот лежит на камне, ни в чем
не повинном.
 Ровным полетом меж тем поднялся кадуцей носитель
 710 И, пролетая поля мунихийские, милый Минерве
 Край озирает и сады просвещенного видел Ликей.
 В день тот самый как раз, по обряду, невинные девы
 Над головами несли к торжественным храмам Паллады
 Чистые, должные ей, в венчаных корзинах святыни.
 715 И, возвращавшихся, бог увидел крылатый и прямо
 Не продолжает пути, по кругу его погибает.
 Как, потроха увидав, из птиц быстрейшая — коршун,
 Робкий еще, между тем как жрецы вокруг жертвы
толпятся,
 Кругом летает и сам отлетать не решается дальше,
 720 Жадный, парит над своей добычей, махая крылами,—
 Резвый Киллений тогда над актейской твердынею
там же
 Ниже и ниже летал и кружил все на том же
пространстве,
 Сколь блистательней всех меж звезд небесных сверкает
 Люцифер, ярче ж тебя золотая, о Люцифер, Феба,

- 725 Там меж девушек всех намного пленительней Герса
 Шла, и всего торжества, и подружек своих украшенье.
 Ошеломлен красотой Юпитеров сын, повисает
 В небе он, весь раскален, как ядро, что, пращой
 балеарской
 Брошено, кверху летит, своим раскалется летом
- 730 И обретает лишь там в нем дотоле не бывшее пламя.
 Путь изменил он, летит он на землю, небо оставив,
 И не скрывает себя: до того в красоте он уверен.
 Но хоть надежна она, помогает ей все же стараньем.
 Волосы гладит свои, позаботился, чтобы хламида
- 735 Ладно спадала, чтоб край златотканый получше
 виднелся.
 В руку он стройную трость, что сон наводит и гонит,
 Взял и до блеска натер крылатых сандалий подошвы.
 Были три спальни в дому, в отдаленных покоях;
 отделка
 В них — черепаха и кость; из спален ты в правой,
 Пандраса,
- 740 В левой — Аглавра жила, занимала среднюю — Герса.
 Жившая в левой из трех заметила первой, что входит
 В дом Меркурий, спросить решила об имени бога
 И для чего он пришел. «Атланта я внук и Плейоны,—
 Он ей в ответ говорит. — Я тот, кто по шири воздушной
- 745 Носит веленья отца, родителем сам мне Юпитер.
 С чем я пришел, не солгу: сестре будь верною только,
 И для детей ты моих назовешься по матери теткой.
 Я ради Герсы пришел. К влюбленному будь
 благосклонна».
- Взглядом таким же глядит на него Аглавра, которым
- 750 Только что тайны она блюла белокурой Минервы.
 И за услугу себе толику немалую злата
 Требует. А между тем покинуть дом понуждает.
 Грозно богиня войны покосилась тогда на Аглавру
 И из могучей груди, бессмертная, вздох испустила:
- 755 Мало того что грудь, но эгида и та у богини
 Заколыхалась; в ней мысль промелькнула: как тайну
 Аглавра
 Дерзкой раскрыла рукой, как чудеснорожденного сына
 Бога Лемноса она увидала, нарушив условие;
 Что угодит божеству, угодит и сестре, что богатой
- 760 Станет, то золото взяв, которого требует жадно.
 Тотчас же к Зависти в дом отправляется, грязной от яда
 Черного. Было ее в глубокой теснине жилище

Скрыто, без солнца совсем, никаким не доступное

ветрам.

Чуждое вовсе огня, постоянно обильное мраком.

765 Грозная дева войны в то место пришла и близ дома
Остановилась, вовнутрь входить не считает пристойным.

Остроконечьем копыя ударяет в дверь запертую;

Вот сотрясенная дверь отворилась. Увидела дева

770 Евшую мясо гадюк — из пороков собственных пищу, —
Зависть и взоры свои отвратила от мерзостной. Та же

Встала лениво с земли и, змей полусъеденных бросив,

Вои из пещеры своей выступает медлительным шагом.

Лишь увидела красу богини самой и оружия,

Стои издала, и лицо отразило глубокие вздохи.

775 Бледность в лице разлита, худоба истощила все тело,

Прямо не смотрят глаза, чернеются зубы гнилые;

Желчь в груди у нее, и ядом язык ее облит.

Смеха не знает, — подчас лишь смеется, увидев

страданья.

Нет ей и сна, оттого что ее возбуждают заботы.

780 Видит немилые ей достижения людские и, видя,

Чахнет; мучит других, сама одновременно мучась, —

Пытка сама для себя. Хоть богине она ненавистна,

Кратко Тритония все ж с такой обратилась к ней

речью:

785 «Ядом своим отрави одну из рожденных Кекропом, —

Ту, что Аглаврой зовут. Так должно». И, молвив,

тотчас же

Прочь унеслась, от земли ударом копыя оттолкнувшись.

Искося Зависть меж тем глядела, как та уносилась,

И поворчала слегка, предстоящим успехом богини

Огорчена. Но тут же взяла суковатую палку

790 Сплошь в колючих шипах. Вот, в черные тучи одета,

Всюду, куда ни придет, поля изобильные губит,

Травы сжигает лугов, обрывает растений верхушки,

Мерзким дыханьем своим дома, города и народы —

795 Все оскверняет, и вот Тритонии видит твердыню,

Что и умами цветет, и богатством, и праздничным

миром.

Плакать готова как раз оттого, что не пад чем плакать.

Но лишь вступила она к Кекроповой дочери в спальню,

Стала приказ выполнять: ей грудь заскоружлой рукою

Трогает, сердце ее наполняет крючками колючек.

800 Сок вредоносный в нее вдыхает старуха и черный

Яд разливает в костях и в самые легкие брызжет.

А чтоб вниманье ее не блуждало по разным предметам,
 Тут же родную сестру глазам она девушки кажет,
 Брак счастливый ее и в пленительном образе — бога,—
 805 Все представляя крупней. Раздраженная этим виденьем,
 Тайной казнится тоской, стеная, и ночью томится
 Дева, томится и днем, несчастная трижды, в недуге
 Медленном тает, как лед, разъедаемый действием
 солнца.

Так же пылает она от счастья удачливой Герсы,
 810 Как разведенный костер, коль трав подбросить колючих:
 Пламени он не дает, но медленным жаром сгорает.
 Часто желала она умереть, чтобы только не видеть,
 Часто — признаться отцу суровому, как в преступленье.
 Села она наконец на пороге, готовая бога
 815 Прочь отогнать; на его выражения ласки, на просьбы
 И на нежнейшую речь, — «Перестань! — отвечала
 Аглавра,—
 Не отстранивши тебя, я с этого места не сдвинусь».
 Быстрый Киллений в ответ: «Согласимся на этом
 условье».
 Тотчас резную дверь отмыкает он тростью. У пей же
 820 Члены, какие, сядясь, мы сгибаем, едва попыталась
 Встать, недвижимыми вдруг от тяжести стали
 неожиданной.

Все же она во весь рост подняться силится прямо.
 Но сочлененье колен цепенеет; всю холод объемлет.
 Падает, жилы ее бледнеют, лишены крови.
 825 Как — нецелимый недуг — широко расходится в теле
 Рак, к пораженным частям прибавляя здоровые части,—
 Так постепенно и хлад смертельный, в грудь проинкая,
 Жизни пути у нее навеки замкнул и дыханье.

И не пыталась она говорить, а когда б попыталась,
 830 Голосу путь был закрыт. Уж камень охватывал горло;
 И затвердело лицо; изваяньем сидела бескровным.
 Сам был и камень не бел: ее мысли его потемнили.
 Только лишь казнь за слова и помысл неблагочестивый
 Внук Атлантов свершил, и зёмли, что имя Паллады
 835 Носят, покинул он, мчит, распустив свои крылья,
 на небо.
 Вдруг его кличет отец и, любви не открывши причипу,—
 «Сын мой! Верный моих,— говорит,— исполнитель
 велений!
 Ныне не медли. Скользни ты, резвый, обычным полетом
 Вниз и скорее в предел, который на мать твою слева

- 840 Смотрит, который зовут его поселенцы Сидонским,
Мчись; там увидишь: вдали на горной лужайке пасется
Царское стадо,— его поверни ты к морскому
прибрежью!» —
Молвил, и тотчас же скот с горы, как велено, согнан;
На побережье бежит, где великого дочь государя
- 845 В обществе тирских девиц привычку имела резвиться.
Между собой не дружат и всегда уживаются плохо
Вместе величье и страсть. Покинув скипетр тяжелый,
Вот сам отец и правитель богов, что держит десницей
Троезубчатый огонь и мир кивком потрясает,
- 850 Вдруг обличье быка принимает и, в стадо вмешавшись,
Звучно мычит и по нежной траве гуляет, красуясь.
Цвет его — белый, что снег, которого не попирала
Твердой подошвой нога и Австр не растапливал
мокрый.
- Шея вся в мышцах тугих; от плеч свисает подгрудок;
855 Малы крутые рога; но поспорил бы ты, что рукою
Точены, блещут они ясней самоцветов чистейших.
Вовсе не грозно чело; и взор его глаз не ужасен;
Мирным выглядит бык; Агенорова дочь в изумленье,
Что до того он красив, что бодаться ничуть не намерен.
- 860 Но хоть и кроток он был, прикоснуться сначала боялась.
Вскоре к нему подошла и к морде цветы протянула.
Счастлив влюбленный; он ей, в ожидании нег
вождедешных,
Руки целует. С трудом, ах! с трудом отложив остальное.
Резвится он и в зеленой траве веселится, играя,
- 865 Или на желтый песок белоснежным боком ложится.
Страх понемногу прошел,— уже он и грудь подставляет
Ласкам девичьей руки; рога убирать дозволяет
В свежие вязи цветов. И дева-царевна решилась:
На спину села быка, не зная, кого попирает.
- 870 Бог же помалу с земли и с песчаного берега сходит
И уж лукавой ногой наступает на ближние волны.
Дальше идет — и уже добычу несет по пучине
Морем открытым; она вся в страхе; глядит, уносима,
На покидаемый берег. Рог правую держит, о спину
- 875 Левою рукой оперлась. Трепещут от ветра одежды.

30 Камни в приземистый свод сходились, оттуда обильно
 Струи стекали воды; в пещере же, скрытый глубоко,
 Марсов змей обитал, золотым примечательный гребнем.
 Очи сверкают огнем; все тело ядом набухло,
 Три дрожат языка; в три ряда поставлены зубы.

35 В эту дубраву едва тирийские выходцы шагом,
 Благ не сулящим, вошли, и, опущенной в воды живые,
 Урны послышался звон, протянул главу из пещеры
 Иссиня-черный дракон и ужасное издал шипенье.
 Урны скользнули из рук, и сразу покинула тело

40 Кровь, внезапная дрожь потрясает людей пораженных.
 Змей, извиваясь, меж тем чешуями блестящие кольца
 Крутит, единым прыжком изгибаясь в огромные дуги,
 И подымается вверх, на полтела и более, в воздух,
 И уж глядит с высоты, с небесным равняется змеем,

45 Кем,— если видеть его во весь рост,— размежеваны
 Аркты.
 Вмиг финикийцев,— одни приготовились было сразиться,
 Эти — бежать, тем страх был и бою и бегству
 помехой,—
 Змей упреждает. Одних убивает укусом иль душит,
 Тех умерщвляет, дохнув смертельной заразою яда.

50 Солнце, высоко взойдя, сократило тем временем тени;
 Кадм изумлен, отчего так медлят товарищи долго;
 Их начинает искать. Со льва ободранной шкурой
 Был он покрыт, копьем, что блистало железом,
 и дротом
 Вооружен; но была превосходней оружия отвага.

55 Только он в рошу вошел и тела увидал, а над ними
 Змея, сгубившего их, врага, огромного телом,—
 Как он кровавым лизал языком их плачевные рапы,—
 «Иль за вашу я смерть отомщу, вернейшие други,
 Или за вами пойду!» — сказал и, промолвив, десницею

60 Глыбу огромную взял и с великою силою кинул.
 Стены ударом его, высокими башнями горды,
 Были бы сокрушены,— но остался змей невредимым.
 Он,— чешуей защищен, как некой кольчугой, и черной
 Кожей,— могучий удар отразил их толстым покровом.

65 Но отразить чешуей не мог он дрота, который
 В длинный хребет его, там, где изгиб серединный,
 вонзился,
 В теле застрял, и в нутро целиком погрузилось железо.
 Змей, от боли бесясь, головою назад обернулся
 И, на раненье взглянув, закусил вонзенное древко;

70 Но хоть его раскачал во все стороны с силой огромной,
Вырвал едва из спины: в костях застрял наконечник.
Ярость обычная в нем сильнее вскипела от раны
Свежей, вздулось от жил налившихся змеево горло,
Мутная пена бежит из пасти его зачумленной,

75 Под чешуей громыкает земля; он черным дыханьем
Зева стигийского вокруг заражает отравленный воздух.
Сам же, спиралью круги образуя громадных размеров,
Вьется, то длинным бревном поднимается вверх головою,
То, устремясь, как поток, наводненный дождями, оп
бурно

80 Мчится вперед и леса сокрушает встречные грудью.
Сын Агеноров слегка отступает; он шкурою львиной
Змея напор задержал, наступающий зев не пускает,
Прямо держа острие. И бесится тот и железо
Твердое тщетно язвит и ломает о лезвие зубы.

85 И начинала уж кровь из его ядовитого нёба
Капать, стала кругом окроплять мураву молодую.
Рана все ж легкой была, ибо он отступал от удара,
Шею свою отвращал уязвленную, пятась, железу
В тело засесть не давал и глубже мешал погрузиться.

90 Агенорид наконец ему лезвие в глотку направил
И, напирая, всадил; а отход отступавшему дубом
Был прегражден, и пронзил одновременно дуб он и шею.
Согнут был дерева ствол паденьем чудовища; стоны
Дуб издавал, хвоста оконечностью нижней бичуем.

95 И победитель глядит, как велик его враг побежденный.
Голос послышался вдруг; сказать было трудно откуда,
Только послышался вдруг: «Что, Агенора сын,
созерцаешь
Змея убитого? Сам ты тоже окажешься змеем!»
Долго он бледный стоит, и краску утратив, и мысли
100 Сразу, волосы вверх от холодного ужаса встали.
Вот соскользнула, к нему попечительна, с высеи
воздушных
Дева Паллада; велит положить в разрыхленную землю
Зубы змеиные — сев грядущих людских поколений.
Он же борозды вскрыл, послушный, на плуг палегая,
105 Всыпал, как велено, в них человечьи зародыши — зубы.
Вскоре, — поверить нельзя! — вдруг стали двигаться
комья,
Из борозды острие копья показалось сначала,
Вскоре прикрытья голов, колебля раскрашенный конус,
Шлечи и груди потом, оружие несущие руки

110 Вдруг возникают, — растет мужей щитоносное племя!
В праздник, в театре, когда опускается занавес, так же
Изображенья встают; сначала покажутся лица,
А постепенно и стан; вот явлены плавным движеньем,
Видны уже целиком и ногами на край наступают.

115 Новым врагом уstraшен, уж Кадм за оружие
схватился.
«Нет, не берись, — из толпы, едва сотворенной землею,
Вдруг восклицает один, — не мешайся в гражданские
войны!»

И одного из своих же братьев, землею рожденных,
Рапит вплотную мечом, сам издали дротом повержен.
120 Тот, кто его умертвил, однако же, дольше немногим
Прожил, — выдохнул вмиг полученный только что

воздух;
Взяв с них пример, толпа вся буйствует, и погибают —
Чтобы друг друга разить — на мгновенье рожденные
братья!

Так молодежь, которой судьба век краткий судила,
125 В окровавленную мать ударялась трепещущей грудью,
Пять лишь осталось в живых. Из этих один был Эхион.
Бросил оружие он по внушенью Тритонии наземь,
Мира у братьев своих попросил и мир даровал им.

В деле помощников пять имел сидонский пришелец,
130 Город когда возводил по приказу вещавшего Феба.
Фивы стояли уже. Ты, Кадм, счастливым казаться
Мог бы в изгнанье. Тебе Марс тестем, а тещей Венера
Стали. Прибавьте еще от подобной супруги потомство.
Столько сынов, дочерей и внуков, — сокровищ

бесценных,
135 Юношей, взрослых уже! Но дня последнего должно
Ждать человеку всегда, и не может быть назван
счастливым

Раньше кончины никто, до обрядов по нем
погребальных.

Первым внук тебе, Кадм, средь столь великого
счастья,

Горя причиною стал, — рога на лбу появились
140 Чуждые, также и вы, псы, сытые кровью хозяйской!
Полюбопытствовав, в том ты судьбы лишь вину
обнаружишь,

Не преступленье его; ибо в чем преступленье ошибки?
Было же то на горé, зверей оскверненной убийством,

Полдень как раз наступил, сокращающий тени

предметов;

145 Солнце стояло равно от обоих далеко пределов;
И гигантский юнец без дороги бродящих по логам
Голосом ласковым звал соучастников псовой охоты.
«Влажны тенета, друзья, и железо от крови звериной!
День благодатный судьбой нам даровап. Лишь только

Аврора

150 Новый рассвет приведет, в колеснице взмывая
багряной,

Сызнова дело начнем. Теперь в расстоянии равном
Феб от обеих земель, и от зноя растрескалось поле.

Так завершайте труды, унесите плетеные сети!»

Те исполняют приказ и работу свою прерывают.

155 Был там дол, что сосной и острым порос кипарисом,
Звался Гаргафией он,— подпоясанной роща Дианы;
В самой его глубине скрывалась лесная пещера,—
Не достижение искусств, но в ней подражала искусству
Дивно природа сама. Из туфов легких и пемзы,

160 Там находимой, она возвела этот свод первозданный,
Справа рокошет ручей, неглубокий, с прозрачной водою,
Свежей травой окаймлен по просторным краям водоема.
Там-то богиня лесов, утомясь от охоты, обычно
Девичье тело свое обливала текучею влагой.

165 Только в пещеру пришла, одной отдала она нимфе —
Оруженосице — дрот и колчан с непатянутым луком;
Руки другая из них подставила снятой одежде,
Две разували ее; а, всех искусней, Крокала,
Дочь Исмена-реки, ей волосы, павшие вольно,

170 Вновь собирала узлом,— хоть сама волоса распустила.
Черпают воду меж тем Нефела, Гиала, Рапида,
Псека, Фиала и льют в большие и емкие урны.
Стала себя обливаться привычной Титания влагой.

175 Кадма же внук между тем, труды вполовину покончив,
Шагом бесцельным бредя по ему незнакомой дубраве,
В кушу богини пришел: так судьбы его направляли.

Только вошел он под свод орошенной ручьями пещеры,
Нимфы, лишь их увидал мужчина,— как были нагими,—
Бить себя начали в грудь и своим неожиданным воплем

180 Рощу наполнили всю и, кругом столпившись, Диану
Телом прикрыли своим. Однако же ростом богиня
Выше спутниц была и меж них главой выступала,—
Отсвет бывает какой у облака, если, ударив,
Солнце окрасит его, какой у Авроры румянец,—

185 Цвет лица у застигнутой был без одежды Дианы.
Но хоть и тесно кругом ее нимф толпа обступала,
Боком, однако ж, она обратилась, назад отвернула
Лик; хотела сперва схватить свои быстрые стрелы,
Но почерпнула воды, что была под рукой, и мужское
190 Ею лицо обдала и, кропя ему влагой возмездья
Кудри, добавила так, предрекая грядущее горе:
«Ныне рассказывай, как ты меня без покрова увидел,
Ежели сможешь о том рассказать!» Ему окропила
Лоб и рога придала живущего долго оленя;
195 Шею вширь раздала, ушей заострила верхушки,
Кисти в копыта ему превратила, а руки — в оленьи
Длинные поги, всего же покрыла пятнистою шерстью,
В нем возбудила и страх. Убегает герой Автоноин
И удивляется сам своему столь резвому бегу.
200 Только, однако, себя в отраженье с рогами увидел, —
«Горе мне!» — молвить хотел, но его не послушался
голос.

Он застонал. Был голос как стон. Не его покатались
Слезы из глаз. Лишь одна оставалась душа его
прежней!

Что было делать? Домой возвратиться под царскую
кровлю?

205 Или скрываться в лесу? Там стыд, тут ужас помехой.
Он колебался, а псы увидали: Меламп поначалу,
Чуткий с ним Ихнобат знак первый подали ласм, —
Кносский пес Ихнобат и Меламп породы спартавской, —
Тотчас бросаются все, быстрее, чем порывистый ветер;
210 Памфаг, за ним Орибаз и Доркей, из Аркадии трое,
С ними силач Неброфон, и лютей с Лалапою Тэрон,
Резвостью ценный Петрел и чутьем своим ценная
Агра,

Также свирепый Гилей, недавно пораненный вепрем,
Напа, от волка приплод; за стадами идущая следом
215 Пёмена; Гарпия, двух имея щенят в провожатых,
И сикнионский Ладон, у которого втянуто брюхо,
Тигрид с Алкеей, Дромад, Канакея еще и Стиктея,
И белоснежный Левкон и Асбол с черною шерстью,
И многосильный Лагон и Аэлл, отличавшийся бегом;
220 Фей и рядом, резва, с ее кипрским братом Ликиска,
И посредине, на лбу отмеченный белою меткой,
Гарпал и с ним Меланей; косматая с ними Лакнея,
Также два пса, чья лакопянка мать, отец же — диктеец;

Лабр с Артиодом, потом с пронзительным лаем

Гиактор, —

225 Долго других исчислять. До добычи жадная стая
Через утесы, скалы и камней недоступные глыбы,
Путь хоть и труден, пути хоть и нет, преследуют

зверя.

Он же бежит по местам, где сам преследовал часто,
Сам от своих же бежит прислужников! Крикнуть

хотел он:

230 «Я Актеон! Своего признайте во мне господина!» —
Выразить мысли — нет слов. Оглашается лаяньем

воздух.

Первый из псов Мелапхет ему спину терзает, за ним же
Тотчас и Теридамад; висит на плече Орезитроф.

235 Позже пустились они, по дороге себе сократили,
Мча по горе напрямик. И пока господина держали,
Стая других собралась и в тело зубы вонзает.

Нет уже места для ран. Несчастный стонет, и если
Не человеческий крик издает — то все ж не олений,
Жалобным воплем своим наполняя знакомые горы.

240 И на колени склоняясь, как будто моля о пощаде,
Молча вращает лицо, простирая как будто бы руки.
Порском обычным меж тем натравляют злобную

стаю

Спутники; им невдомек, Актеона всё ищут глазами,
Наперебой, будто нет его там, Актеопа все кличут.

245 Вот обернулся на зов, они же скорбят, что не с ними
Он и не хочет следить за успешной поимкой добычи.
Здесь не присутствовать он бы желал, но присутствует;

видеть,

Но не испытывать сам расправы своих же свиреных
Псов. Обступили кругом и, в тело зубами вгрызаясь,

250 В клочья хозяина рвут под обманым обличьем оленя.
И лишь когда его жизнь от раи столь многих

пресекалась,

Молвят, — насыщен был гнев колчан посящей Дианы.

Разно судили о том; одни почитали богиню

255 Слишком жестокой, а кто и хвалил, почитая достойным
Девственной так поступать; по-своему все были правы.

Лишь Громовержца жена не столько ее защищала
Или винила ее, сколь рада была, что постигла

Дом Агеноров беда, и гнев свой с соперницы Тирской
Перенесла на весь род. Но тут подоспела причина

- 260 Новая горести ей: тяжела от Юпитера стала
 Дева Семела. Дала языку она волю браниться.
 «Много ли бранью своей я достигла? — сказала
 богиня, —
 Надо настичь мне ее самое! — коль не тщетно Юноной
 Я превеликой зовусь — погублю, если я самоцветный
 265 Скиптр достойна держать, коль царствую, коль
 Громовержцу
 Я и сестра и жена, — сестра-то наверно! Но срама,
 Думаю, ей уж не скрыть; мой позор не замедлит
 сказаться.
 Плод понесла! Одного не хватало! Открыто во чреве
 Носит свой грех и матерью стать от Юпитера только
 270 Хочет, что мне-то едва удалось, — в красу свою верит!
 Ну так обманется в ней! Будь я не Сатурния, если
 Деву любезник ее не потопит в хлябях стигийских!»
 Молвив, с престола встает и, покрытая облаком бурым,
 Входит в Семелин покой; облака удалила не раньше,
 275 Нежель старушечий вид приняла, виски посребрила,
 Коже глубоких морщин придала и дрожащей походкой
 С телом согбенным пошла; старушечьим сделала голос,
 Ей Бероеей представ, эпидаврской кормилицей девы;
 Речь завела, и лишь только дошли, пробеседовав долго,
 280 И до Юпитера, вздох издала и молвит: «Желала б,
 Чтоб он Юпитером был, да всего опасаясь; иные,
 Имя присвоив богов, проникали в стыдливые спальни.
 Мало Юпитером быть. Пускай он докажет любовью,
 Что он Юпитер и впрямь. Проси: чтобы, в полном
 величье
 285 Как он Юноной бывал в небесах обнимаем, таким же
 Пусть обнимает тебя, предпослав и величия знаки». Речью Юнона такой дочь Кадма, не знавшую сути,
 Учит, — и просит уж та, чтобы дар он любой обещал ей.
 Бог, — «Выбирай! — говорит, — ни в чем не получишь
 отказа,
 290 И чтоб уверилась ты, божеств подземного Стикса
 Я призываю, — а он и богам божество и острастка». Рада своей же беде, от милого горя не чая,
 Дерзостно так говорит Семела: «Каким обнимает
 В небе Юнона тебя, приступая к союзу Венеры,
 295 Мне ты отдайся таким!» Хотел он уста говорящей
 Сжать, но успело уже торопливое вылететь слово.
 Он застонал, но вернуть нельзя уже было желанья,

Ни заклинаний его; потому-то печальнейшим с неба
Высшего бог низшел, за ликом своим увлекая
300 Скопища туч грозových, к ним добавил он молнии,
ливни,
С ветром в смешенье, и гром, и перун, неизбежно
разящий.
Сколько возможно, свою он уменьшить пытается силу:
Вооружился огнем не тем, которым Тифея
Сбросил сторукого: в том уж слишком лютости много!
305 Легче молния есть, которой десница Циклопов
Меньше огня придала, свирепости меньше и гнева;
Боги «оружьем вторым» ее называют; лишь с ней оп
Входит в Агенора дом; но тело земное небесных
Бурь снести не могло и сгорело от брачного дара,
310 А недоношенный плод, из лона матери вырван,
Был в отцовскую вшит — коль это достойно доверья —
Ляжку, и должный там срок, как во чреве у матери,
пробыл.
Ино тайно с пелен воспитывать стала младенца, —
Тетка, Семелы сестра; потом нисейские нимфы
315 Привяли и молоком, в пещерах укрыв, воспили.

Волей судьбы на земле так дело и шло, безопасно
Скрыта была колыбель два раза рожденного Вакха.
Нектаром, — память гласит, — меж тем Юпитер
упившись,
Бремя забот отложив, со своею Юноною праздной
320 Тешился вольно и ей говорил: «Наслаждение ваше,
Женское, слаще того, что нам, мужам, достается».
Та отрицает. И вот захотели, чтоб мудрый Тиресий
Высказал мнение свое: он любовь знал и ту и другую.
Ибо в зеленом лесу однажды он телом огромных
325 Совокупившихся змей поразил ударом дубины.
И из мужчины вдруг став — удивительно! — женщиной,
целых
Семь так прожил он лет; на восьмое же, снова увидев
Змей тех самых, сказал: «Коль ваши так мощны
укусы,
Что пострадавший от них превращается в новую форму,
330 Вас я опять поражу!» И лишь их он ударил, как
прежний
Вид возвращен был ему, и принял он образ
врожденный.
Этот Тиресий, судьей привлеченный к шутливому спору,

Дал подтвержденье словам Юпитера. Дочь же Сатурна,
Как говорят, огорчилась сильней, чем стоило дело,
335 И наказала судью — очей нескончаемой ночью.
А всемогущий отец, — затем, что свершенного богом
Не уничтожит и бог, — ему за лишение света
Ведать грядущее дал, облегчив наказанье почетом.

После, прославлен молвой широко, в городах
аонийских
340 Безукоризненно он отвечал на вопросы народу.
Опыт доверья и слов пророческих первой случилось
Лириопее узнать голубой, которую обнял
Гибким теченьем Кефис и, замкнув ее в воды, насилье
Ей учинил. Понесла красавица и разродилась
345 Милым ребенком, что был любви и тогда уж достоин;
Мальчика звали Нарцисс. Когда про него спросили,
Много ль он лет проживет и познает ли долгую
старость,
Молвил правдивый пророк: «Коль сам он себя не
увидит».

Долго казалось пустым прорицанье; его разъяснила
350 Отрока гибель и род его смерти и новшество страсти.
Вот к пятнадцати год прибавить мог уж Кефисий,
Сразу и мальчиком он и юношей мог почитаться.
Юноши часто его и девушки часто желали.
Гордость большая была, однако, под внешностью
нежной, —
355 Юноши вовсе его не касались и девушки вовсе.
Видела, как загонял он трепетных в сети оленей,
Звонкая пимфа, — она на слова не могла не ответить,
Но не умела начать, — отраженно звучащая Эхо.
Плотью Эхо была, не голосом только; однако
360 Так же болтливой уста служили, как служат и ныне, —
Крайние только слова повторять из многих умела,
То была мечь Юнопы: едва лишь богиня пыталась
Нимф застигнуть, в горах с Юпитером часто лежавших,
Бдительна, Эхо ее отвлекала предлинною речью, —
365 Те ж успевали бежать. Сатурния, это постигнув, —
«Твой, — сказала, — язык, которым меня ты проводишь,
Власть теряет свою, и голос твой станет короток».
Делом скрепила слова: теперь она только и может,
Что удвоять голоса, повторяя лишь то, что услышит.
370 Вот Нарцисса она, бродящего в чаще пустынной,
Видит, и вот уж зажглась, и за юношей следует тайно,

Следует тайно за ним и пылает, к огню приближаясь,—
Так бывает, когда, горячею облиты серой,
Факелов смольных концы принимают огонь

поднесенный.

375 О, как желала не раз приступить к нему с ласковой
речью!

Нежных прибавить и просьб! Но препятствием стала
природа,

Не позволяет начать; но — это дано ей! — готова
Звуков сама ожидать, чтоб словом на слово ответить.
Мальчик, отбившись меж тем от сонмища спутников

380 Крикнул: «Здесь кто-нибудь есть?» И, — «Есть!» —
ответила Эхо.

Он изумился, кругом глазами обводит и громким
Голосом кличет: «Сюда!» И зовет зовущего нимфа.
Он огляделся и вновь, никого не приметя, — «Зачем

ты, —

Молвит, — бежишь?» И в ответ сам столько же слов
получает.

385 Он же настойчив, и вновь, обманутый звуком
ответов, —

«Здесь мы сойдемся!» — кричит, и, охотней всего
откликаясь

Этому зову его, — «Сойдемся!» — отвечает Эхо.
Собственным нимфа словам покорна и, выйдя из леса,
Вот уж руками обнять стремится желанную шею.

390 Он убегает, кричит: «От объятий удерживай руки!
Лучше на месте умру, чем тебе на утеху достанусь!»
Та же в ответ лишь одно: «Тебе на утеху достанусь!»

После, отвергнута им, в лесах затаилась, листвою
Скрыла лицо от стыда и в пещерах живет одиноко.

395 Все же осталась любовь и в мученьях растет от обиды.
От постоянных забот истощается бедное тело;
Кожу стянула у ней худоба, телесные соки

В воздух ушли, и одни остались лишь голос да кости.
Голос живет: говорят, что кости камнями стали.

400 Скрылась в лесу, и никто на горах уж ее не встречает,
Слышат же все; лишь звук живым у нее сохранился.

Так он ее и других, водой и горами рожденных
Нимф, насмехаясь, отверг, как раньше мужей

домоганья.

Каждый, отринутый им, к небесам протягивал руки:

- 405 «Пусть же полюбит он сам, но владеть да не сможет
любимым!»
Молвили все,— и вняла справедливым Рамнузия
просьбам.
- Чистый ручей протекал, серебрящийся светлой струей,—
Не прикасались к нему пастухи, ни козы с нагорных
Пастбищ, ни скот никакой, никакая его не смущала
410 Птица лесная, ни зверь, ни упавшая с дерева ветка.
Вкруг зеленела трава, соседней вспоенная влагой;
Лес же густой не давал водоему от солнца нагреться.
Там, от охоты устав и от зноя, прилег утомленный
Мальчик, места красой и потоком туда привлеченный;
415 Жажду хотел утолить, но жажда возникла другая!
Воду он пьет, а меж тем — захвачен лица красотою.
Любит без плоти мечту и призрак за плоть принимает.
Сам он собой поражен, над водою застыл неподвижен,
Юным похожий лицом на изваянный мрамор
паросский.
- 420 Лежа, глядит он на очи свои,— созвездье двойное,—
Вакха достойные зрит, Аполлона достойные кудри;
Щеки, без пуха еще, и шею кости слоновой,
Прелесть губ и в лице с белоснежностью слитый
румянец.
- Всем изумляется он, что и впрямь изумленья достойно.
425 Жаждет безумный себя, хвалимый, он же хвалящий,
Рвется желаньем к себе, зажигает и сам пламенеет.
Сколько лукавой струе он обманчивых дал поцелуев!
Сколько, желая обнять в струях им зримую шею,
Руки в ручей погружал, но себя не улавливал в водах!
430 Что увидал — не поймет, но к тому, что увидел,
пылает;
- Юношу снова обман возбуждает и вводит в ошибку.
О легковерный, зачем хватаешь ты призрак бегущий?
Жаждешь того, чего нет; отвернись — и любимое
сгинет.
- Тень, которую зришь,— отраженный лишь образ,
и только.
- 435 В ней — ничего своего: с тобою пришла, пребывает,
Вместе с тобой и уйдет, если только уйти ты способен.
Но ни охота к еде, ни желанье покоя не могут
С места его оторвать: на густой мураве
распростершись,
Взором насытым смотреть продолжает на лживый он
образ,

440 Сам от своих погибает очей. И, слегка приподнявшись,
 Руки с мольбой протянув к окружающим темным
 дубравам,—
 «Кто, о дубравы,— сказал,— увы, так жестоко
 влюблялся?
 Вам то известно; не раз любви вы служили приютом.
 445 Ежели столько веков бытие продолжается ваше,—
 В жизни припомните ль вы, чтоб чах так сильно
 влюбленный?
 Вижу я то, что люблю; но то, что люблю я и вижу,—
 Тем обладать не могу: заблужденье владеет
 влюбленным.
 Чтобы страдал я сильней, меж нами нет страшного
 моря,
 Нет ни дороги, ни гор, ни стен с запертыми воротами.
 450 Струйка препятствует нам — и сам он отдаться желает!
 Сколько бы раз я уста ни протягивал к водам
 прозрачным,
 Столько же раз он ко мне с поделуем стремится
 ответным.
 Словно коснешься сейчас... Препятствует любящим
 малость.
 Кто бы ты ни был,— ко мне! Что мучаешь, мальчик
 бесценный?
 455 Милый, уходишь куда? Не таков я красой и годами,
 Чтобы меня избегать, и в меня ведь влюбляются
 нимфы.
 Некую ты мне надежду сулишь лицом дружелюбным,
 Руки к тебе протяну, и твои — протянуты тоже.
 Я улыбаюсь,— и ты; не раз примечал я и слезы,
 460 Ежели плакал я сам; на поклон отвечал ты поклоном
 И, как могу я судить по движениям этих прелестных
 Губ, произносишь слова, но до слуха они не доходят.
 Он — это я! Понимаю. Меня обмануло обличье!
 Страстью горю я к себе, поощряю пылать — и пылаю.
 465 Что же? Мне зова ли ждать? Иль звать? Но звать мне
 кого же?
 Все, чего жажду,— со мной. От богатства я стал
 немущим.
 О, если только бы мог я с собственным телом
 расстаться!
 Странная воля любви,— чтоб любимое было далеко!
 Силы страданье уже отнимает, немного осталось

- 470 Времени жизни моей, погасаю я в возрасте равнем.
 Не тяжела мне и смерть: умерев, от страданий
 избавлюсь.
- Тот же, кого я избрал, да будет меня долговечней!
 Ныне слиянны в одно, с душой умрем мы единой».
 Молвил и к образу вновь безрассудный вернулся
 тому же.
- 475 И замутил слезами струю, и образ пеясен
 Стал в колебанье волны. И увидев, что тот исчезает, —
 «Ты убегаешь? Постой! Жестокий! Влюбленного друга
 Не покидай! — он вскричал. — До чего не дано мне
 касаться,
- 480 Стану хотя б созерцать, свой пыл несчастный питаю!»
 Так горевал и, одежду раскрыв у верхнего края,
 Мраморно-белыми стал в грудь голую бить он руками.
 И под ударами грудь подернулась аlostью тонкой.
 Словно у яблок, когда с одной стороны они белы,
 Но зазелели с другой, или как на кистях разноцветных
- 485 У виноградин, еще не созрелых, с багряным оттенком.
 Только увидел он грудь, отраженную влагой текучей,
 Дольше не мог утерпеть; как тает на пламени легком
 Желтый воск иль туман поутру под действием солнца
 Энойного, так же и он, истощаю своею любовью,
- 490 Чахнет и тайным огнем сжигается мало-помалу.
 Красок в нем более нет, уж нет с белизною румянца,
 Бодрости нет, ни сил, всего, что, бывало, пленяло.
 Тела не стало его, которого Эхо любила,
 Видя все это, она, хоть и будучи в гневе и помня,
- 495 Сжалилась; лишь говорил несчастный мальчик:
 «Увы мне!» —
 Вторила тотчас она, на слова отзываясь: «Увы мне!»
 Если же он начинал ломать в отчаянье руки,
 Звуком таким же она отвечала унылому звуку.
 Вот что молвил в конце неизменно глядевшийся
 в воду:
- 500 «Мальчик, напрасно, увы, мне желанный!» И слов
 возвратила
 Столько же; и на «прости!» — «прости!» ответила Эхо.
 Долго лежал он, к траве головою припикнув усталой;
 Смерть закрыла глаза, что владыки красой любовались.
 Даже и после — уже в обиталище принят Аида —
- 505 В воды он Стикса смотрел на себя. Сестрицы-наяды
 С плачем пряди волос поднесли в дар памятный брату.
 Плакали нимфы дерев — и плачущим вторила Эхо.

- И уж посилки, костер и факелы готовяли, —
 Не было тела нигде. Но вместо тела шафранный
 510 Ими найден был цветок с белоснежными вокруг
 лепестками.
- Весть о том принесла пророку в градах ахейских
 Должную славу; громить прорицателя начало имя.
 Сын Эхиона один меж всеми его отвергает —
 Вышних презритель, Пенфей — и смеется над вещею
 515 Старца, корит темнотой, злополучным лишением света;
 Он же, тряхнув головой, на которой белели седины, —
 «Сколь бы счастливым ты был, когда бы от этого
 зренья
 Был отрешен, — говорит, — и не видел вакхических
 таинств!
- Ибо наступит тот день, — и пророку, что он недалеко, —
 520 День, когда юный придет — потомство Семелино —
 Либер.
- Если его ты почтить храмовым не захочешь служеньем,
 В тысяче будешь ты мест разбросан, растерзанный;
 кровью
 Ты осквернишь и леса, и мать, и сестер материнских.
 Сбудется! Ты божеству не окажешь почета, меня же
 525 В этих потемках моих поистине зрячим признаешь».
- Но говорившего так вон выгнал сын Эхиона.
 Подтверждены словеса, исполняются речи пророка.
 Либер пришел, и шумят ликованием праздничным
 села.
- Толпы бегут, собрались мужчины, матери, жены,
 530 Весь поспешает народ к неведомым таинствам бога.
 «Змеерожденные! Что за безумье, о Марсово племя,
 Вам устало умы? — Пенфей закричал. — Неужели
 Меди удары о медь, дуда роговая, — волшебный
 Этот столь мощен обман, что вас, которым не страшны
 535 Меч боевой, ни труба, ни строи, сомкнувшие конья,
 Женские возгласы вдруг и безумие толп непристойных
 И возбужденных вином и тимпан пустозвонный осияют?
 Старцы, как вам не дивиться? Приплыв по широкому
 морю,
 В этих местах вы восставили Тир и бежавших
 пенатов, —
- 540 Сдаться ль готовы теперь без боя? Вам, возрастом
 крепче,
 Юноши, ровни мои, которым не тирс, а оружие

Должно держать и щитом, не листвою, прикрываться
пристало?

Не забывайте, молю, от какого вы созданы корня!

545 И да исполнит вас дух родителя змея, который
Многих один погубил! Он за озеро только вступился
И за источник, а вы победите для собственной славы!
Храбрых тот умертвил, вы неженек прочь прогоните!
Честь удержите отцов! Но если судьба воспретила
550 Долее Фивам стоять, так войны пусть и тараны
Стены разрушат у них под грохот огня и железа!
Были б несчастными мы без вины; оплакивать жребий
Мы бы могли — не скрывать; не постыдными были бы
слезы.

Ныне под власть подпадут безоружного мальчика
Фивы,

Кто на войне не бывал, не знаком ни с мечом,
ни с боями,

555 Сила которого вся в волосах, пропитанных миррой,
В гибких венках, в багрене да в узорах одежд
златотканых,

Если отступитесь вы, его я заставлю признаться
Вмиг, что себе он отца сочинил и что тайнства ложны.

560 Духа достало ж царю Акризию в Аргосе — бога
Ложного не признавать и замкнуть перед Вакхом
ворота!

Или пришлец устршит Пенфея и целые Фивы?

Живо ступайте, — велит он рабам, — ступайте, в оковах
Приволоките вождя! Приказ мой исполнить немедля!»

565 Дед, Атамант и толпа остальных домочадцев напрасно
Увещевают его, воспрепятствовать делу стараясь.

Он от советов лишь злей; раздражается, будучи
сдержан,

Бешеный пыл растет; во вред ему были препоны.

Видывал я, как поток, которого путь беспрепятствен,
Вниз по наклону бежит спокойно, с умеренным шумом.

570 Если ж завалами скал иль стволами бывал он
задержан,

Пенился он и кипел и сильней свирепел от преграды.
Вот возвратились в крови, на вопрос же: «Где

Вакх?» — господину
Дали посланцы ответ, что они и не видели Вакха.

«Все же прислужник один, — сказали, — и тайнств
участник

575 Пойман». При этих словах выводят — за спину руки —
Мужа,— что к Вакху ушел вослед из Тирренского края.

Глянул Пенфей на него очами, которые страшны
Стали от гнева; меж тем отложить не желал он
расправы,—

«Ты, что погибнешь сейчас,— сказал,— и другим
пазиданье

580 Гибелью дашь,— объяви мне свое и родителей имя,
Родину и почему соучаствуешь в тайнствах новых?»
Он же, ничуть не страшась,— «Акетом,— сказал,—

именуюсь,

Я из Меонии сам; а родители — званья простого.

585 Мне не оставил отец полей, где паслись бы телята,
Или стада шерстоносных овец, иль иная скотипа.

Был мой отец бедняком; всю жизнь крючком да лесою
Рыб вводил он в обман и удою тянул, трепетавших.

Этим искусством он жил и его мне передал, молвив:

590 «Ныне богатства мои, продолжатель труда и наследник,
Ты получай»; ничего, умирая, он мне не оставил,
Кроме воды; лишь ее от отца почитаю наследством.

Вскоре, чтоб мне не торчать все время на тех же

утесах,

Я научился корабль поворачивать, киль загибая

595 Правой рукой; Оленской Козы дождевое созвездье,
Аркта, Тайгеты, Гиад в небесах различать научился.

Ветров жилища узнал и пристани, годные суднам.

Раз я, на Делос идя, приближался к Хиосскому краю,
Вот подхожу к берегам, работая веслами справа;

Прыгаю с судна легко и на влажный песок наступаю,—

600 Там и проводим мы ночь. Заря между тем заалела
Ранняя. Вот я встаю и велю сотоварищам свежей

Влаги принести, указую и путь, до ключей доводящий.

Сам же на холм восхожу,— узнать, что мне обещает
Ветер; сзываю своих и опять на корабль возвращаюсь.

605 «Вот мы и здесь!» — Офельт говорит, из

товарищей первый,

Сам же добычей гордясь, на пустынном поле добытой,
Мальчика бегом ведет, по наружности схожего

с девой.

Тот же качался, вином или сном отягченный как будто,

610 И подвигался с трудом. На одежду смотрю, на осанку

И на лицо — ничего в нем не вижу, что было

бы смертным.

Понял я и говорю сотоварищам: «Кто из бессмертных
В нем, сказать не могу, но в образе этом —
бессмертный.

Кто бы ты ни был, о будь к нам благ и в трудах
помоги нам!

Их же, молю, извини!» — «За нас прекрати ты
молитвы!» —

615 Диктид кричит, что из всех проворней наверх
забирался

Мачт и скользил на руках по веревкам. Его одобряют
И белокурый Мелант, на носу сторожащий, и Либид
С Алкимедоном, затем призывающий возгласом весла
620 Двигаться или же стать, Энопей, побудитель отваги,
Так же и все; до того ослепляет их жадность к добыче.
«Нет, чтоб был осквернен корабль святотатственным
грузом,

Не потерплю,— я сказал,— я первый права тут имею!»
Вход преграждаю собой. Но меж моряками наглейший
Ярости полн Ликабант, из тускского изгнанный града,
625 Карю ссылки тогда искупавший лихое убийство.
Этот, пока я стоял, кулаком поразил молодецким
В горло меня и как раз опрокинул бы в море, когда бы
Я не застрял, хоть и чувства лишась, бечевою
задержан.

И в восхищенье толпа нечестивцев! Но Вакх
наконец-то —

630 Ибо тот мальчик был Вакх,— как будто от крика
слетела

Сопность и после вина возвратились в грудь его
чувства,—

«Что вы? И что тут за крик? — говорит. — Какою
судьбою

К вам, моряки, я попал? И куда вы меня повезете?»
«Страх свой откинь! — отвечает Прорей,— скажи

635 Гавани хочешь сойти,— остановишься, где пожелаешь».

Либер в ответ: «Корабля вы к Наксосу ход поверните.
Там — мой дом; и земля гостей дружелюбная примет».

Морем клялись лжецы и всеми богами, что будет
Так, мне веля паруса наставлять на раскрашенный
кузов.

640 Наксос был вправо; когда я направо наставил
полотна,—

«Что ты, безумец, творишь!» — Офельт говорит,
про себя же
Думает каждый: «Сошел ты с ума? Поворачивай
влево!»

Знаки одни подают, другие мне на ухо шепчут.
Я обомлел. «Пусть иной,— говорю,— управление
примет».

645 И отошел от руля, преступленья бежав и обмана.
Все порицают меня, как один, корабельщики ропщут.
Эталион между тем говорит: «Ужели же наше
Счастье в тебе лишь одном?» — подходит и сам
исполняет
Труд мой: в другую корабль от Наксоса сторону
правит.

650 И удивляется бог, и, как будто он только что понял
Все их лукавство, глядит на море с гнутого носа,
И, подражая слезам,— «Моряки, вы сулили не эти
Мне берега,— говорит,— и просил не об этой земле я.
655 Кары я чем заслужил? И велика ли слава, что ныне
Мальчика, юноши, вы одного, сговорясь, обманули?»
Плакал тем временем я. Нечестивцев толпа осмеяла
Слезы мои, и сильней ударяются весла о волны.
Ныне же им самим,— ибо кто из богов с нами рядом,
Если не он,— я клянусь, что буду рассказывать правду,
660 Невероятную пусть: неожиданно судно среди моря
Остановилось, корабль как будто бы суша держала.
И, изумленные, те в ударах упорствуют весел,
Ставят полотна, идти при двоялкой подмоге пытаюсь.
Весел уключины плющ оплетает, крученым изгибом
665 Вьется, уже с парусов повисают тяжелые кисти.
Бог между тем, увенчав чело себе лозами в гроздьях,
Сам потрясает копьем, виноградной увитым листвою.
Тигры — вокруг божества: мерещатся призраки рысей,
Дикие тут же легли с пятнистою шкурой пантеры.
670 Спрыгивать стали мужи,— их на то побуждало безумье
Или же страх? И первым Медон плавники получает
Черные; плоским он стал, и хребет у него изгибаться
Начал. И молвит ему Ликабант: «В какое же чудо
Ты превращаешься?» Рот между тем у сказавшего
шире

675 Стал, и уж поздри висят, и кожа в чешуйках чернеет.
Либид же, оборотить упорные весла желая,
Видит, что руки его короткими стали, что вовсе

Даже не руки они, что верней их назвать плавниками.
Кто-то руками хотел за обвитые взяться веревки,—
680 Не было более рук у него; и упал, как обрубок,
В воду моряк: у него появился и хвост серповидный,
Словно рога, что луна, вполовину наполнившись,
кажет.

Прыгают в разных местах, обильною влагой струятся,
и возникают из воли, и вновь погружаются в волны.
685 Словно ведут хоровод, бросаются, резво играя.
Воду вбирают и вновь из ноздрей выпускают широких.
Из двадцати моряков, которые были на судне,
Я оставался один. Устрашенного, в дрожи холодной,
Бог насилу меня успокоил, промолвив: «От сердца
690 Страх отреш и на Дию плыви». И, причалив, затеплил
Я алтари, и с тех пор соучаствую в таинствах Вакха». «Долго внимал я твоим,— Пенфей отвечает,— лукавым
Рассказням, чтобы мое в промедлении бешенство
стихло!

Слуги, скорей хватайте ж его и казненное мукой
695 Страшное тело его в Стигийскую ночь переправьте». Тотчас схвачен Акет-тирренец и брошен в темницу,
И, между тем как они орудья мучительной казни
Подготавливали — огонь и железо,— вдруг двери
раскрылись
700 Сами собой, и с рук у него упадают внезапно
Сами собой,— говорят,— никем не раскованы, цепи.

Не уступает Пенфей. Не велит уж другим,—
поспешает
Сам посетить Киферон, для священных избранный
действий,
Где песнопенья звучат и звонкие клики вакханок.
Конь в нетерпении ржет, лишь только подаст
меднозвучный
705 Знак боевая труба, и сам в сражение рвется,—
Так Пенфею и крик, и вакхических гул завываний
Дух возбудил,— сильней запылал он неистовым гневом.
Посередине горы там есть окруженный сосновым
Лесом голый пустырь, отовсюду приметное поле.
710 Там-то, пока он смотрел посторонним на таинства
взором,

Первой увидев его и первой исполняясь безумья,
Первая, кинувши тирс, своего поразила Пенфея,—
Мать, «Иб! Родные, сюда,— воскликнула,— сестры!

Этот огромный кабан, бродящий по нашему полю,
715 Должен быть мной поражен!» И толпа, как один,
устремилась
Дикая. Все собрались, преследовать бросились вместе,
Он же трепещет, он слов уже не бросает столь
дерзких
И проклиняет себя, в прегрешенье уже признается.
Раненный, все же сказал: «О сестра моей матери,
помощь
720 Мис, Автоноя, подай! Да смягчит тебя тень Актеона!»
Та, кто такой Актеон, и не помнит; молящего руку
Вырвала; Ино, схватив, растерзала и руку другую.
Рук у несчастного нет, что к матери мог протянуть бы.
Все же он, ей показав обрубок израненный тела,—
725 «Мать, посмотри!» — говорит. Но, увидев, завывала
Агава
И затрясла головой, волоса разметала по ветру.
Оторвала и в перстах его голову сжала кровавых,
И восклицает: «Иó! То наша, подруги, победа!»
Листья едва ли скорей, осеннюю тронуты стужей,
730 Слабо держась на ветвях, обрываются с дерева
ветром,
Нежели тело его растерзали ужасные руки.
После примеров таких соучаствуют в таинствах новых,
Жгут благовоныя и чтят Исмениды священные жертвы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Все же Мицизэва дочь, Алкитоя, считает, что оргий
Бога не след принимать и, дерзкая, все еще Вакха
Не признает за дитя Юпитера, неблагочестью
В сестрах сообщниц найдя. Жрец праздновать дал

приказанье

5 И господам повелел и служанкам, работы покинув,
Грудь свою шкурой покрыв, развязать головные повязки,
И обрядиться в венки, и листвою обвитые тирсы
Взять, предрекая, что гнев божества оскорбленного

будет

Страшен. Покорны ему и матери и молодежи;

10 Вот отложили тканье, корзинки, начатую пряжу,
Ладан несут и зовут Лиэя, Бромия, Вакха,
Отпрыск огня, что дважды рожден и двумя матерями,
И добавляют: Нисей, Тионей нестриженный, имя
Также дают и Леней, веселящих сеятель гроздьев,
15 Также Иакх, и Эван, и отец Элелей, и Никтелий,
Много имен и еще, которые некогда греки
Дали, о Либер, тебе! Ибо юность твоя неистлевна,
Отрок ты веки веков! Ты всех прекраснее зришься
В тебе высоком! Когда предстаешь, не украшен

рогами,—

20 Девичий лик у тебя. Ты Восток победил до пределов
Тех, где, телом смугла, омывается Индия Гангом.
Чтимый, Пенфея разишь, с двуострой секирой

Ликурга —

Двух святотатцев; и ты — свергаешь в пучину

тирренцев;

Рысей, впряженных четой, сжимаешь ты гордые выи

25 Силой узорных вожжей: вакханки вослед и сатиры,
С ними и пьяный старик, подперший дрожащее тело
Палкой. Не крепко сидит на осле с провисшей спиною.

В край ты какой ни придешь, везде клик юношей

вместе

30 С голосом женщин звучит, ладоней удары о бубны,
Выпукло-гнутая медь и с отверстиями многими дудки.
«Мирей и кроток явись!» — и смеянки молят, справляя
Таинства, как повелел им жрец. Мишэиды только
Дома, Мишервы трудом нарушают не вовремя праздник,
Шерсть прядут или пальцем большим веретенце

вращают,

35 Или корпят за тканьем и рабынь понуждают к работе.
Пальцем проворным одна выводя свою нитку, сказала:
«Пусть побросают свой труд и к таинствам ложным

стремятся,

40 Мы же, задержаны здесь Палладою, лучшей богиней,
Дело полезное рук облегчим, развлекаясь беседой.
Поочередно, чтоб нам не казалось длительным время,
Будем незанятый слух каким-нибудь тешить

рассказом».

Все одобряют и ей предлагают рассказывать первой.
Та, с чего бы начать, — затем, что многое знала, —
45 Думаест. То ль о тебе, Деркетия, дочь Вавилона,
Им рассказать, как тебя, чешусой заменив тебе кожу,
В вид превратили другой палестинские — будто бы —

воды.

Или, пожалуй, о том, как дочь ее, став окрыленной,
Поздние годы свои провела в белокаменных башнях?
Иль как Няяда волшебой и трав необорною силой
50 Юношей преобразив, обратив их в рыб бессловесных,
Преобразилась сама? Иль о дереве, чьи были белы
Ягоды, стали же черны, лишь только кровь их

коснулась?

Выбрав этот рассказ — немногим известную басню —
Повесть она начала, а шерсть сучить продолжала:
55 «Жили Пирам и Фисба; он всех был юношей краше,
Предпочтена и она всем девам была на Востоке.
Смежны их были дома, где город, согласно преданью,
Семирамида стеной окружила кирпичной когда-то.
Так знакомство меж них и сближенье пошли

от соседства.

60 С годами крепла любовь; и настала б законная свадьба,
Если б не мать и отец; одного запретить не умели, —
Чтобы в плену у любви их души пылать перестали.
Нет сообщников им; беседуют знаком, поклоном;
Чем они больше таят, тем глубже тайное пламя.

- 65 Образовалась в стене меж домами, обоим семействам
Общей, тонкая щель со времени самой постройки.
Этот порок, никому за много веков не заметный,—
Что не приметит любовь? — влюбленные, вы увидали.
Голосу дали вы путь, и нежные ваши признанья
- 70 Шепотом, слышным едва, безопасно до вас доходили.
Часто стояли: Пирам — по ту сторону, Фисба — по эту.
Поочередно ловя дыхание уст, говорили:
«Как же завистлива ты, о стена, что мешаешь
влюбленным!
- Что бы тебе разойтись и дать нам слиться всем телом, —
- 75 Если ж о многом прошу, позволь хоть дарить поцелуй!
Мы благодарны, за то у тебя мы в долгу, признаемся,
Что позволяешь словам доходить до милого слуха!»
Тщетно, на разных местах, такие слова повторивши,
К ночи сказали «прости!» и стене, разобщенные ею,
- 80 Дали они поцелуй, насквозь не могущий проникнуть.
Вот наступила заря и огни отстранила ночные,
Солнце росу на траве лучами уже осушило,
В месте обычном сошлись. И на многое шепотом тихим
В горе своем попеняв, решили, что ночью безмолвной,
- 85 Стражей дозор обманув, из дверей попытаются выйти
И что, из дома бежав, городские покинут пределы;
А чтобы им не блуждать по равнине обширной,
сойдутся
Там, где Нин погребен, и спрячутся возле, под тенью
Дерева. Дерево то — шелковицей высокою было:
- 90 Все в белоснежных плодах, а рядом ручей был
студеный.
Нравится им уговор, и кажется медленным вечер.
В воды уж свет погружен, из них почь повая вышла.
Ловкая Фисба меж тем отомкнула дверную задвижку,
Вышла, своих обманув, с лицом закутаным; вскоре
- 95 И до могилы дошла и под сказанным деревом села.
Смелой была от любви. Но вот появляется с мордой
В пене кровавой, быков терзавшая только что,
львица —
Жажду свою утолить из источника ближнего хочет.
Издали в свете луны ее вавилопянка Фисба
- 100 Видит, и к темной бежит пещере дрожащей стопою,
И на бегу со спины соскользнувший покров оставляет.
Львица, жажду меж тем утолив изобильной водою,
В лес возвращаясь, нашла не Фисбу, а наземь упавший
Тонкий покров и его растерзала кровавою пастью.

- 105 Вышедши позже, следы на поверхности пыли увидел
Львиные юный Пирам и лицом стал бледен смертельно;
А как одежду нашел, обогренную пятнами крови,—
«Вместе сегодня двоих,— говорит,— ночь губит
любленных,
Но из обеих она достойней была долголетия!
- 110 Мне же во зло моя жизнь. И тебя погубил я,
бедняжка,
В полные страха места приказав тебе ночью явиться.
Первым же сам не пришел. Мое разорвите же тело,
Эту проклятую плоть уничтожьте свирепым укусом,
Львы, которые здесь, под скалою, в укрытьи живете!
- 115 Но ведь один только трус быть хочет убитым!»
И Фисбы
Взяв покрывало, его под тень шелковицы уносит.
Там на знакомую ткань поцелуи рассыпав и слезы,—
«Ныне прими,— он сказал,— и моей ты крови потоки!»
Тут же в себя он железо вонзил, что у пояса было,
- 120 И, умирая, извлек тотчас из раны палящей.
Навзничь лег он, и кровь струей высокой забила,—
Так происходит, когда прохудится свинец и внезапно
Где-нибудь лопнет труба, и вода из нее, закипая,
Тонкой взлетает струей и воздух собой прорывает.
- 125 Тут шелковицы плоды, окропленные влагой убийства,
Переменили свой вид, а корень, пропитанный кровью,
Ярко-багряным налил висящие ягоды соком.
Вот,— хоть в испуге еще,— чтоб не был любимой
обманут,
Фисба вернулась; душой и очами юношу ищет,
130 Хочет поведать, какой избежала опасности страшной.
Местность тотчас узнав, и ручей, и дерево рядом,
Цветом плодов смущена, не знает: уж дерево то ли?
Вдруг увидала: биясь о кровавую землю, трепещет
Тело, назад отступила она, и букса бледнее
- 135 Стала лицом, и, страха полна, взволновалась, как море,
Если поверхность его зашевелит дыхание ветра.
Но лишь, помедлив, она любимого друга признала,—
Грудь, недостойную мук, потрясла громогласным
рыдаьем,
Волосы рвать начала, и, обнявши любимое тело,
140 К ранам прибавила плач, и кровь со слезами смешала,
И, ледяное лицо ему непрерывно целуя,—
«О! — восклицала,— Пирам, каким унесен ты
несчастьем?

Фисбе откликнись, Пирам: тебя твоя милая Фисба
Кличет! Меня ты услышь! Подними свою голову,

милий!»

145 Имя ее услыхав, уже отягченные смертью
Очи поднял Пирам, но тотчас закрылись зеницы.
А как признала она покрывало, когда увидала
Ножны пустыми,— «Своей,— говорит,— ты рукой
и любовью,
Бедный, погублен. Но знай, твоим мои не уступят
150 В силе рука и любовь: нанести они рану сумеют.
Вслед за погибшим пойду, несчастливица, я, и причина
Смерти твоей и спутница. Ах, лишь смертью похищен
Мог бы ты быть у меня, но не будешь похищен
и смертью!

Все же последнюю к вам,— о слишком несчастные

ныне

155 Мать и отец, и его и мои,— обращаю я просьбу:
Тех, кто любовью прямой и часом связан последним,
Не откажите, молю, положить в могиле единой!
Ты же, о дерево, ты, покрывшее ныне ветвями
Горестный прах одного, как вскоре двоих ты покроешь,
160 Знаки убийства храми, твои пусть скорбны и темны
Ягоды будут вовек — двуединой гибели память!»
Молвила и, острие себе в самое сердце пацелив,
Грудью упала на меч, еще от убийства горячий.
Все ж ее просьба дошла до богов, до родителей тоже.
165 У шелковицы с тех пор плоды, созревая, чернеют;
Их же оставок зола в одной успокоилась урпе».
Смокля. Краткий затем наступил перерыв. Левкоюя
Стала потом говорить; и, безмолвствуя, слушали сестры.
«Даже и Солнце, чей свет лучезарный вселенною

правит,

170 Было в плену у любви: про любовь вам поведаю
Солнца.

Первым,— преданье гласит,— любодейство Венеры
и Марса

Солнечный бог увидал. Из богов все видит он первым!
Виденным был удручен и Юпоной рожденному мужу.
Брачные плутни четы показал и место их плутен.

175 Дух у Вулкана упал, из правой руки и работа
Выпала. Тотчас же он незаметные медные цепи,
Сети и петли,— чтоб их обманутый взор не увидел,—
Выковал. С делом его не сравнятся тончайшие нити,
Даже и ткань паука, что с балок под кровлей свисает.

180 Делает так, чтоб они при ничтожнейшем прикосновенье
 Часть могли, и вокруг размещает их ловко над ложем.
 Только в единый альков проникли жена и любовник,
 Тотчас искусством его и невиданным петель устройством
 185 Пойманы в сетку они, средь самых объятий попались!
 Лемний вмиг распахнул костяные точеные створы
 И созывает богов. А любовники в сети лежали
 Срамно. Один из богов, не печалась нимало, желает
 Срама такого же сам! Олимпийцы смеялись, и долго
 190 Был этот случай потом любимым на пебе рассказом.
 За указанье четы Киферея ответила местию
 И уязвила того, кто их тайную страсть обнаружил,
 Страстью такой же. К чему, о рожденный
 от Гипериона,
 Пыне тебе красота, и румянец, и свет лучезарный?
 Ты, оналяющий всю огнем пламенеющим землю,
 195 Новым огнем запылал; ты, все долженствующий видеть,
 На Левкотою глядишь; не на мир, а на девушку только
 Взор направляешь теперь; и то по восточному небу
 Раньше восходишь, а то и поздней погружаешься
 в воды,—
 200 Залюбовавшись красой, удлиняешь ты зимние ночи.
 Часто тебя не видать,— переходит душевная мука
 В очи твои; затемнен, сердца устрашаешь ты смертных.
 И хоть не застит твой лик луна, которая ближе
 К землям,— ты побледнел: у тебя от любви эта
 бледность.
 Любишь ее лишь одну. Тебя ни Климена, ни Рода
 205 Уж не пленят, ни красавица мать Цирцеи Эйской,
 Ни твоего,— хоть ее ты отверг,— так желавшая ложа
 Клития, в сердце как раз в то время носившая рану
 Тяжкую. Многих одна Левкотою затмила соперниц,
 210 Дочь Эвриномы, красы того дальнего края, откуда
 Благоуханья везут. Когда ж дочь взрослою стала,—
 Как ее мать — остальных, так она свою мать победила.
 Ахемениевых царь городов был отец ее, Орхам,
 Происходил в поколенье седьмом он от древнего Бела.
 Солнечных копей луга под небом лежат гесперийским.
 215 Пищей — амброзия им, не трава; их усталые члены
 После работы дневной для трудов она вновь
 подкрепляет.
 Вот, между тем как они луговины небесные щиплют
 И исполняется ночь, бог входит в желанную снальню,
 Матери образ прильв, Эвриномы, и там Левкотою

- 220 Видит, как та при огне — а с нею двенадцать
служанок —
 Тонкую пряжу ведет, точеным крутя веретенцем.
 По-матерински, войдя, целует он милую дочку, —
 «Тайное дело у нас, — говорит, — уйдите, служанки,
 Право у матери есть с глазу на глаз беседовать
с дочкой».
- 225 Повиновались. А бог, без свидетелей в спальне
оставшись, —
 «Я — тот самый, — сказал, — кто длящийся год
измеряет,
 Зрящий все и которым земля становится зряча, —
 Око мира. Поверь, тебя я люблю!» Испугалась
 Девушка; веретено и гребень из рук ослабевших
- 230 Выпали; страх — ее украшал, и бог не помедлил,
 Истинный принял он вид и блеск возвратил свой
обычный.
 Дева же, хоть и была неожиданным испугана видом,
 Блеску его покорясь, без жалоб стерпела насилье.
 В Клитии ж — зависть кипит: давно необузданной
страстью
- 235 К Солнцу пылала она, на любовницу гневаясь бога,
 Всем рассказала про грех и, расславив, отцу объявила.
 Немилосерден отец и грозен: молящую слезно,
 Руки простершую вверх к сиянию Солнца, — «Он силой
 Взял против воли любовь!» — говорившую в горе,
жестокий
- 240 В землю глубоко зарыл и холм насыпал песчаный.
 Гелиос быстро тот холм рассеял лучами и выход
 Сделал тебе, чтоб могла ты выставить лик погребенный.
 Но не могла уже ты, задавленной грузом песчаным,
 Нимфа, поднять головы и трупом лежала бескровным.
- 245 И ничего, говорят, крылатых коней управитель
 В мире печальней не зрел, — один лишь пожар
Фартона.
 Силой лучей между тем оживить охладелое тело
 Все же пытается бог — вернуть теплоту,
коль возможно!
- 250 Но увидав, что судьба противится этим попыткам,
 Нектаром он окропил благовонным и тело и место
 И, неутешен, сказал: «Ты все же достигнешь эфира».
 Вскоре же тело ее, напитано нектаром неба,
 Все растеклось, и его благовоение в землю проникло;
 Благоуханный росток, пройдя понемногу корнями

- 255 В почве, поднялся и вот сквозь холм вершиной
пробился.
К Клитии,— пусть оправдать тоску он и мог бы
любовью,
А донесенье тоской,— с тех пор уже света даятель
Не подходил, перестав предаваться с ней играм Венеры.
Чахнуть стала она, любви до безумья предавшись,
260 Нимф перестала терпеть, дни и ночи под небом
открытым
Сидя на голой земле; неприбрана, простоволоса,
Девять Клития дней ни воды, ни еды не касалась,
Голод лишь чистой росой да потоками слез утоляла.
Не привставала с земли, на лик проезжавшего бога
265 Только смотрела, за ним головой неизменно вращая.
И, говорят, к земле приросла, из окраски двоякой
Смертная бледность ее претворилась в бескровные
листья,
Все же и алость при ней. В цветок, фиалке подобный,
Вдруг превратилось лицо. И так, хоть держится
корнем,
270 Вертится Солнцу вослед и любовь, изменяясь, сохраняет».
Кончила, и овладел удивительный случай вниманьем.
Кто отрицает его, а кто утверждает, что в силах
Все настоящих богов,— но что Вакха меж них
не бывало!
Все к Алкитое тогда обратились, лишь сестры замолкли.
275 Та, челноком проводя по нитям пред нею стоящей
Пряжи,— «Смолчу,— говорит,— о любви пастуха, всем
известной,
Дафниса с Иды, кого, рассердясь на соперницу, нимфа
Сделала камнем: вот как сжигает влюбленных
страданье!
Не расскажу и о том, как природы закон был нарушен,
280 И двуединый бывал то мужчиной, то женщиной Ситон.
Также тебя, о алмаз, младенцу Юпитеру верный,
Бывший Цельмий, и вас, порожденные ливнем куреты,
Ты, о Кротон со Смилакой, в цветы превращенные
древле,—
285 Всех обойду,— и сердца забавной потешу новинкой.
Славой известна дурной, почему, отчего расслабляет
Нас Салмакиды струя и томит нам негою тело,—
Знайте. Причина темна: но источника мощь знаменита.
Тот, что Меркурию был богиней рожден Киферей,
Мальчик наядами был в идейских вскормлен пещерах.

290 Было лицо у него, в котором легко узнавались
 Сразу и мать и отец; и носил он родителей имя.
 Вот, как только ему пятнадцать исполнилось, горы
 Бросил родимые он и, оставив кормилицу Иду,
 По неизвестным местам близ рек блуждать неизвестных
 295 Стал, на утеху себе умеряя труды любознанием.
 В грады ликийские раз он зашел и к соседям ликийцев,
 Карам. Он озеро там увидел, чьи воды прозрачны
 Были до самого дна. А рядом — ни тростки болотной,
 Ни камыша с заостренным концом, ни бесплодной
 300 В озере видно пасквось. Края же озерные свежим
 Дерном одеты кругом и зеленою вечно травой.
 Нимфа в том месте жила, но совсем не охотница; лука
 Не напрягала, ни с кем состязаться она не хотела
 В беге, одна меж наяд неизвестная резвой Диане.
 305 Часто — ходила молва — говорил ей будто бы сестры:
 «Дрот, Салмакида, возьми иль колчан, расписанный
 ярко,
 Перемежи свой досуг трудами суровой охоты!»
 Дрот она все ж не берет, ни колчан, расписанный ярко,
 Перемежить свой досуг трудами не хочет охоты.
 310 То родниковой водой обливает прекрасные члены
 Или же гребнем своим киторским волосы чешет;
 Что ей подходит к лицу, глядясь, у воды вопрошает;
 То, свой девический стан окутав прозрачным покровом,
 Или на нежной листве, иль на нежных покоится травах,
 315 То собирает цветы. Однажды цветы собирала
 И увидала его и огнем загорелась желанья.
 Быстро к нему подошла Салмакида, — однако
 не прежде,
 Чем приосанилась, свой осмотрела убор, выраженьем
 Новым смягчила черты и действительно стала красивой.
 320 И начала говорить: «О мальчик прекраснейший, верю,
 Ты из богов; а ежели бог, Купидон ты наверно!
 Если же смертный, тогда и мать и отец твой блаженны,
 Счастлив и брат, коль он есть, и также сестра,
 несомненно —
 325 Благо и ей, и кормилице, грудь дававшей младенцу,
 Все же блаженнее всех — и блаженнее много — невеста.
 Если ее ты избрал и почтишь ее светочем брачным.
 Если невеста уж есть, пусть тайной страсть моя будет!
 Нет — я невеста тебе, войдем в нашу общую спальню!»
 Молвив, замолкла она, а мальчик лицом заалелся,

330 Он и не знал про любовь. Но стыдливость его
украшала.

Цвет у яблок такой на дереве, солнцу открытом,
Так слоновая кость, пропитана краской, алеет,
Так розовеет луна при тщетных меди призывах.
335 Нимфе, его без конца умолявшей ей дать поцелуи,
Братские только, рукой уж касавшейся шеи точеной,—
«Брось, или я убегу,— он сказал,— и все здесь
покину!»

Та испугалась. «Тебе это место вполне уступаю,
Гость!» — сказала, и вот как будто отходит обратно.
340 Но озиралась назад и, в чашу кустарника скрывшись,
Спряталась там и, присев, подогнула колено.

А мальчик,
Не наблюдаем никем, в муравах луговины привольной
Ходит туда и сюда и в игриво текущую воду
Кончик ноги или всю до лодыжки стопу погружает.
345 Вот, не замедля, пленен ласкающих вод теплотою,
С пещного тела свою он мягкую сбросил одежду.
Остолбела тогда Салмакида; страстью пылает
К юной его нагоде; разгорелись очи у нимфы
Солнцу подобно, когда, окружностью чистой сияя,
350 Лик отражает оно в поверхности зеркала гладкой.
Дольше не в силах терпеть, через силу медлит
с блаженством,
Жаждет объятий его; обезумев, сдержаться не может.
Он же, по телу себя ударив ладонями, быстро
В лоно бросается вод и руками гребет очередно,
Виден в прозрачных струях,— изваянем из кости как
будто.

355 Скрытое гладким стеклом или белая лилия зрится.
«Я победила, он мой!» — закричала наяда и, сбросив
С плеч одеянья свои, в середину кидается влаги,
Силою держит его и срывает в борьбе поцелуи.
360 Под руки снизу берет, самовольно касается груди,
Плотно и этак и так прижимаясь к пловцу молодому.
Сопротивляется он и вырваться хочет, но нимфой
Он уж обвит, как змеей, которую царственной птицы
К высям уносит крыло. Свисая, змея оплетает
365 Шею и лапы, хвостом обвив распростертые крылья;
Так плющи по древесным стволам обвиваются
стройным,
Так в морской глубине осьминог, врага захвативший,
Держит его, протянув отовсюду щупалец путы.

370 Правнук Атлантов меж тем упирается, нимфе не хочет
Радостей чаемых дать. Та льнет, всем телом прижалась,
Словно впилась, говоря: «Бессовестный, как ни борись
ты,

Не убежишь от меня! Прикажете же, вышние боги,
Не расставаться весь век мне с ним, ему же со мною!»
Боги ее услышали мольбу: смешавшись, обоих
Соединились тела, и лицо у них стало едино.

375 Если две ветки возьмем и покроем корою, мы видим,
Что, в единенье растя, они равномерно мужают,—
Так, лишь члены слились в объятии тесном, как тотчас
Стали не двое они по отдельности,— двое в единстве:
То ли жена, то ли муж, не скажешь,— но то и другое.
380 Только лишь в светлой воде, куда он спустился

мужчиной,
Сделался он полумуж, почувствовав, как разомлели
Члены, он руки простер и голосом, правда, не мужа,—
Гермафродит произнес: «Вы просьбу исполните сыну,—
О мой родитель и мать, чье имя ношу обоюдно:

385 Пусть, кто в этот родник войдет мужчиной, отсюда
Выйдет — уже полумуж, и сомлеет, к воде
прикоснувшись».

Тронуты мать и отец; своему двоевидному сыну
Вняли и влили в поток с подобающим действием зелье».

Кончился девы рассказ. И опять Миниэя потомство
Дело торопит, не чтит божества и праздник позорит.
390 Но неожиданно вдруг зашумели незримые бубны,
Резко гремя, раздается труба из гнutoго рога
И звонкозвучная медь. Пахнуло шафраном и миррой.
И, хоть поверить нет сил,—зеленеть вдруг начали ткани,
И, повисая, как плющ, листовою покрылась одежда.

395 Часть перешла в виноград; что пиями было недавно,
Стало усами лозы. Из основы повыросли листья.
Пурпур блеск придает разноцветным кистям

виноградным.
День был меж тем завершен, и час приближался,
который

400 Не назовешь темнотой, да и светом назвать
невозможно,—

Лучше границей назвать меж днем и неясственной
ночью.

Кровля вдруг сотряслась; загорелись, огнем изобильны,
Светочи; пламенем дом осветился багряным, и словно
Диких зверей раздалось свирепое вдруг завыванье.

405 Стали тут сестры в дому скрываться по дымным
 покоем,
 Все по различным углам избегают огня и сиянья,
 Все в закоулки спешат,— натянулись меж тем
 перепонки
 Между суставов у них, и крылья связали им руки.
 Как потеряли они свое бывшее обличье,
 410 Мрак не дает угадать. От крыльев легче не стали.
 Все же держались они на своих перепонках
 прозрачных.
 А попытавшись сказать, ничтожный, сравнительно
 с телом,
 Звук издают, выводя свои легкие жалобы свистом.
 Милы им кровли, не лес. Боятся света, летают
 415 Ночью и носят они в честь позднего вечера имя.
 Стала тогда уже всем действительно ведома Фивам
 Вакха божественность. Всем о могуществе нового бога
 Ино упорно твердит, что меж сестрами всеми одна
 лишь
 Чуждой осталась беды,— кроме той, что ей сделала
 сестры.
 420 И увидав, как гордилась она и царем Атамантом,
 Мужем своим, и детьми, и богом-питомцем, Юнона
 Гордости той не снесла и подумала: «Мог же блудницы
 Сын изменить меонийских пловцов и сбросить
 в пучину,
 Матери дать растерзать мог мясо ее же младенца,
 425 Новыми мог он снабдить дочерей Мипиэя крылами!
 Что же, Юнона ужель лишь оплакивать может
 несчастье?
 Это ль меня удовольствует? Власть моя в этом, и
 только?
 Сам ты меня научил: у врага надлежит поучиться.
 Сколь же безумия мощь велика, оп Пенфеея убийством
 430 Сам сполна доказал. Нельзя ли ее подстрекнуть мне,
 Чтоб по примеру родных предалась неистовству Ино?»
 Есть по наклону тропы, затененная тисом зловеющим,
 К адским жилищам она по немому уводит безлюдью.
 Медленный Стикс испаряет туман; и новые теи
 435 Там спускаются вниз и призраки непогребенных.
 Дикую местность зима охватила и бледность;
 прибывшим
 Душам неведомо, как проникают к стигийскому граду,
 Где и свирепый чертог обретается темного Дита.

- Тысячу входов и врат отовсюду открытых имеет
 440 Этот вместительный град. Как море — земные все реки,
 Так принимает и он все души; не может он тесным
 Для населения стать, — прибавление толп не заметно.
 Бродят бесплотные там и бескостные бледные тени,
 445 Площадь избрали одни, те — сени царя преисподних,
 Те занялись ремеслом, бытию подражая былому;
 Неба покинув дворец, туда опуститься решила, —
 Столь была гнева полна, — Сатурново семя, Юпона.
 Только вошла, и порог застонал, придавлен священным
 Грузом, три пасти свои к ней вытянул Цербер
 и трижды
 450 Гряду брехнул. А она призывает сестер, порожденных
 Ночью, суровых богинь, милосердия чуждых от века.
 Те у тюремных дверей, запертых адамантом, сидели,
 Гребнем черных гадюк все три из волос выбирали.
 Только узнали ее меж теней в темноте преисподней,
 455 Встали богини тотчас. То место зловещим зовется.
 Титий свое подвергал нутро растерзанью, на девять
 Пашен растянут он был. А ты не захватывал, Тантал,
 Капли воды; к тебе наклонясь, отстранялися ветви.
 На гору камень, Сизиф, толкаешь — он катится книзу.
 460 Вертится там Иксион за собой, от себя убегая;
 И замышлявшие смерть двоюродных братьев Белиды
 Возобновляют весь век — чтоб снова утратить их —
 струи.
 После того как на них взглянула Сатурния злым
 Взором, раньше других увидав Иксиона и кицув
 465 Взгляд на Сизифа опять, — «Почему лишь один он из
 братьев
 Терпит бессрочную казнь, Атамапт же падменный, —
 сказала, —
 Знатным дворцом осенен? — а не он ли с женой
 презирали
 Вечно меня?» Объясняет свой гнев и приход,
 открывает
 II пожеланье свое. А желала, чтоб рушился Кадма
 470 Царственный дом, чтобы в грех Атаманта впутали
 сестры.
 Власть, обещаья, мольбы — все сливает она воедино
 И убеждает богинь. Едва лишь сказала Юпона
 Так, — Тисифона власы, неприбрана, тотчас встряхнула
 Белые и ото рта нависших откинула гадюк
 475 И отвечала: «Тут нет нужды в околичностях долгих:

Все, что прикажешь, считай совершенным. Немилое
царство
Брось же скорей и вернись в небесный прекраснейший
воздух».

Радостно та в небеса возвратилась. Ее перед входом
Чистой росой Таумантова дочь, Ирида, умыла;

480 А Тисифона, тотчас — жестокая — смоченный кровью
Факел рукою зажав, и еще не просохший, кровавый
Плащ надела и вот, змеей извитой подвязавшись,
Из дому вышла. При ней Рыдашие спутником было,
Смертный Ужас, и Страх, и Безумье с испуганным
лицом.

485 Вот у порога она: косяки эолийские — молвят —
Затрепетали, бледны вдруг стали кленовые створы,
Солнце бежало тех мест. Чудесами испугана Ино,
В ужасе и Атамант. Готовились из дому выйти,—
Выход Эрипия им заступила зловещей преградой:
490 Руки она развела, узлами гадюк обвитые,
Вскинула волосы, змей потревожила, те зашипели.
Часть их лежит на плечах, другие, спустившись по

груди,
Свист издают, извергают свой яд, языками мелькают.

495 Из середины волос двух змей она вырвала тотчас
И, в смертоносной руке их зажав, метнула. У Ино
И Атаманта они по груди заползали обе,
Мрачные помыслы в них возбуждая. Но тела не ранят
Вовсе: одна лишь душа уколы жестокие чует.
Также с собой принесла и ужасного жидкого яду,
500 Пены из Цербера уст и отравы из пасти Ехидны,
И заблужденье ума, и слепого забывчивость духа,
И преступленье, и плач, и свиреность, и тягу
к убийству.

Все это перетерев и свежую кровью разбавив,
В медном сварила котле, зеленой мешая цикутой.
505 Перепугались они, а богиня неистовый яд свой
В грудь им обоним влила и глубоко сердца возмутила.
Ровным движеньем потом раскачивать стала свой
факел,

Двигая быстро его и огнями огни догоняя.

510 Так, исполнив приказ, с победой в пустынное царство
Дита она отошла и змею на себе развязала.
Миг,— и уже Эолид, в серединном беснуясь покое,
Кличет: «Эй, други, скорей растяните-ка по лесу сети!
Только что видел я тут при двух детенышах львицу!»

И, как за зверем, бежит по следам супруги, безумец,
515 И с материнской груди младенца Леарха, который
Ручки, смеясь, протянул, хватает; и дважды и трижды,
Словно пращу закрутив, разбивает, жестокий, о камень
Личико детское. Тут, наконец, и мать заметалась,—
520 Мука ль причиной была иль разлитие яда, но только
Взвыла она, вне себя, и, власы распустив, побежала.
И, унося, Меликерт, тебя на руках обнаженных,—
«Вакх, эвоо!» — голосит. При имени Вакха Юнона
Захотала: «Тебе пусть поможет,— сказала,—

питомец!»

В море свисает скала; из-под низу ее размывают
525 Волны; она от дождей защищает прикрытую заводь;
Вверх выдается, челом протянувшись в открытое море.
Ипо вбежала туда,— ей безумие придало силу,—
И со скалы в глубину, забыв о каком-либо страхе,
Бросилась с ношей своей. Сотрясенные вспенились

воды.

530 Тропуга впучки меж тем незаслуженным горем, Венера
К дяде ласкается так: «Нептун, о вод повелитель,
Первое после небес имеющий в мире державство,—
Просьба моя велика, но близких моих пожалей ты,
535 Что у тебя на глазах в ионийскую кинулись бездну!
К моря богам их причти,— если только любезна

я морю,

Если в божественной я глубине в дни оные сгустком
Пены была и от ней сохраняю по-гречески имя!»
Впял молящей Нептун и все, что в пих смертного было,
Отнял, взамен даровав могущество им и величье.

540 Он одновременно им обновил и наружность и имя:
Богом он стал Палемоном, а мать Левкотеей богиней.
Сколько достало их сил, за ней из Сидона подруги
Шли и у края скалы след ног увидали недавний,
545 В смерти ж ее убедясь, о доме Кадмеида плакать
Стали, в ладони бия, себе волосы рвали и платье.

Несправедливость хуля и чрезмерную злобу Юнопы
К прежней сопернице, в гнев богиню ввели. Не Юнопе
Брань выносить,— «Из самих вас памятник сделаю,—
550 Ярости лютой моей!» И за словом не медлило дело.

молвит,—

550 Та, что преданней всех их была,— «Отправляюсь,—
сказала,—

В волны, царице вослед!» — и прыгнуть хотела, да

только

С места сойти не смогла и к скале прикрепленной
осталась.

Вот, как положено, в грудь ударять собиралась другая
С воплем, но чувствует вдруг: коченеют недвижные
руки.

555 Эта лишь руки свои простерла к широкому морю,—
Так, вдруг каменной став, руками и тянется к морю.
А у другой, что, вцепившись, рвала себе волосы в горе,
Ты увидал бы,—персты в волосах отвердели внезапно.

560 Кто в положенье каком застигнут, стоит и попыше.
Часть превратилась в птиц. Над той пучиной поныне
Режут поверхность воды оконечностью крыл Исмениды.
Агенорид и не знал, что дочь их и внук малолетний
Стали богами морей. Побезденный несчастьем и рядом
Бедствий и многих чудес, представших ему, оставляет
565 Город создатель его, как будто он града судьбою,
А не своею гоним. И вот, после долгих блужданий,
Вместе с беглянкой-женой иллирийских достиг он
пределов.

Там, под грузом и бед и годов, они вспоминают
Дом их постигший удар и труды исчисляют в беседе:
570 «Опый уж не был ли свят, моим копьем пораженный,
Змей? — так Кадм говорит,— когда, из Сидона

пришедши,
В землю — новый посев — побросал я те зубы гадючьи?
Если так явственно мстит за него попеченье

бессмертных,
Сам став змеем,— молю,— пусть долгим вытянусь
чревом!»

575 Молвит, и вот уже — змей — простирается долгим оп
чревом,

Чувствует: кожа его, затвердев, чешуей обрастает,
А почерневшая плоть голубым расцветается крапом.
Оп припадает на грудь; между тем, воедино сливаясь,
В круглый и острый хвост понемногу сужаются ноги.

580 Руки остались одни; и поскольку лишь руки остались,
Их протянул он в слезах, по лицу человечьему
текших,—

«Ты подойди, о жена, подойди, о несчастная! —
молвил,—

Тронь мою руку, пока от меня хоть часть сохранилась,
Это — рука моя, тронь же ее, покамест не весь я

585 Змей» — хотел продолжать, но вдруг у него
разделился

- Надвое прежний язык, и ему, говорящему, слова
Недостает, и едва он жалобу высказать хочет —
Свист издает; этот голос ему сохранила природа.
И восклицает жена, в обнаженную грудь ударяя:
590 «Кадм, останься и скинь — о несчастный! —
чудовищный образ!
Кадм, что же это? О, где твои ноги? Где плечи и руки,
Кожа, лицо,— но пока говорю,— остальное исчезло.
Боги, зачем и меня вы таким же не сделали змеем?»
595 Молвила. Он же лизал уста супруги любимой,
К груди, любезной ему, подползал, узнавая как будто;
Нежно ее обнимал и ластился к шее знакомой.
Все, кто были при том,— их спутники,— в страхе;
она же
Скользкую шею меж тем гребнистого гладит дракона.
Вдруг их сделалось — два,— поползли, заплетаясь
600 телами,
И незаметно ушли в тайники близлежащей дубравы.
Пыле людей не бегут, никому не вредят, не кусают,—
Чем были прежде они, миролюбные помнят драконы!
Но утешеньем для них в изменении прежнего вида
Стал их божественный впуск, что был покоренной им
605 признан
Индией; слава кого, воздвигала Ахания храмы.
Сын лишь Абанта один, Акризий, из рода того же
Присходящий, его к стенам аргонийской столицы
Не допускает, идет против бога с оружием, не веря,
Что Громовержца он сын. Не верил он, что
610 Громовержца
Сын и Персей, от дождя золотого зачатый Данаей,
Вскоре, однако же, он — таково всемогущество
правды!—
Горько раскаялся в том, что бога обидел и впука
Не захотел признавать. Один был на небе. Другой же,
Шкуру, полную змей, унося — незабвенную ношу,—
615 Ласковый воздух тогда шумящими крыльями резал.
В Ливии знойной как раз над пустыней парил
победитель,—
Капли крови в тот миг с головы у Горгоны упали,—
Восприяла их Земля и змей зачала разнородных.
Земли гадюками там обильны теперь и опасны.
620 Так, на просторе несель, гошим несогласием ветров,
Он и туда и сюда, дождевой наподобие тучки,
Мчится, с эфирных высот на далеко лежащие земли

Взор свой наводит и круг целиком облетает вселенной.
Трижды он Рака клешни и Аркты холодные видел;
625 То на Восток уносило его, то обратно на Запад.
Вот, при спадении дня, опасаясь довериться ночи,
Он в гесперийском краю опустился, в Атлантовом
царстве.

Отдыха краткого там он ищет, доколе не вывел
Люцифер в небо Зарю, а Заря — колесницу дневную.
630 Здесь, всех в мире людей превзошедший громадою тела,
Сын жил Япетов, Атлант. Над самой он крайней
землею,

Также над морем царил, что Солнца коням утомленным
Вод подставляет простор и усталые оси приемлет.
Тысяча стад там бродила овец, и крупного столько ж
635 Было скота; земли там ничье не стесняло соседство.
Неких деревьев листва — из лучистого золота зелень —
Там золотые суки и плоды золотые скрывала.
Молвил Атланту Персей: «Хозяин, коль можешь быть
тронут

Рода величием ты, так мой прародитель — Юпитер!
640 Если деяньям людей ты дивишься, дивись же и нашим.
Гостеприимства прошу я и отдыха!» Тот же о древнем
Помнил вещанье, из уст прозвучавшем парнасской
Фемиды:

«Время настанет, Атлант, и ограблено золото будет
Древа, и лучшая часть достанется Зевсову сыну».
645 И, убоявшись, Атлант обнес сплошною стеною
Яблони, их сторожить поручив великану-дракоцу,
И из чужих никого к своим не пускал он пределам.
А пришлецу говорит: «Уходи, иль тебе не поможет
Подвигов слава, тобой сочиненных, ни даже Юпитер!»
650 Силой угрозы сменив, отогнать его тщится руками.
Тот же, к мирным словам добавляя и строгие, медлит.
Силою он послабей — но кто же сравнится с Атлантом
Силою? — «Если моею дорожишь ты столь мало

приятною,
Дар мой прими!» — говорит; и, видом ужасное, слева
655 Сам отвернувшись, к нему лицо протянул он Медузы.
С гору бив ростом, горой стал Атлант; волоса с бородою
Преобразились в леса, в хребты — его плечи и руки;
Что было раньше главой, то стало вершиною горной;
Сделался камнем костяк. Во всех частях увеличась,
660 Вырос в громадину он, — положили так боги, — и вместе
С бездной созвездий своих на нем упокоилось небо.

Вот заключил Гиппотад в темницу извечную ветры,
 - И возбудитель трудов, всех ярче в небе высоком,
 Люцифер встал. Персей, вновь крылья взяв, привязал их
 665 Справа и слева к ногам и, меч свой кривой подпоясав,
 Ясный стал резать простор, крылами махая сандалий,
 Неисчислимо вокруг и внизу оставляя народов.
 Он эфиопов узрел племена и Кефеевы доли.
 Немилосердный Аммон неповинную там Андромеду
 670 За материнский язык в то время подверг наказанью.
 Только лишь к твердой скале прикованной за руки деву
 Абантиад увидал,—когда бы ей веянье ветра
 Не шевелило волос и не капали теплые слезы,
 Он порешил бы, что мрамор она,—огнем безотчетным
 675 Вдруг загорелся и стал недвижим. Красою плененный,
 Чуть не забыл ударять он по воздуху взмахами
 крыльев.
 Только лишь стал, говорит: «Цепей не таких ты
 достойна,
 Но лишь поистине тех, что горячих любовников вяжут.
 Мне ты ответь и открой свое и земли твоей имя
 680 И почему ты в цепях!» Но она все молчит и не
 смеет —
 Дева — с мужчиною речь завести; стыдливое скрыла б,
 Верно, руками лицо, когда не была бы в оковах.
 Все, что сделать могла,—наполнить слезами зеницы.
 Был он настойчив, тогда — чтоб ему не могло
 показаться,
 685 Будто скрывает вину,—и свое и родины имя
 И до чего ее мать на свою красоту уповала,
 Передаст. Обо всем помянуть не успела, как воды
 Вдруг зашумели, и вот, из бездны морской показавшись,
 Выступил зверь, широко зыбь грудью своей покрывая.
 690 Вскрикнула дева. Отец опечаленный с матерью
 рядом —
 Оба несчастны они, но матери горе законней.
 Только не помощь, увы, а достойные случая слезы,
 Плач своей деве несут, прильнули к плененному телу.
 Гость же им говорит: «Для слез впереди у вас будет
 695 Времени много, но час для помощи дан вам короткий.
 Если ее попрошу,—Персей, сын Зевса и девы,
 Запертой, той, кого плодоносным он золотом наполнил,—
 Я одолитель — Персей — змеевласой Горгоны, который
 В веющий воздух лететь, взмахнув крылами,
 решился,—

- 700 Буду наверно как зять другим предпочтен. И заслугу
К брачным добавить дарам попытаюсь,— лишь боги
бы дали!
Доблестью ей послужу, и да будет моей,— вот
условье!»
- Те принимают его,— кто бы стал колебаться?
Взмолились
- 705 Мать и отец и ему обещают в приданое царство.
Словно корабль, что, вперед окованным пушенный
носом,
Воды браздит, гребцов вспотевшими движим руками,
Зверь тот, волны погнав налегающей грудью, настолько
Был уже близок от скал, насколько пращей балеарской
Кинутый может свинец, крутясь, пролетать по
пространству.
- 710 Юноша, в этот же миг от земли оттолкнувшись погами,
Ввысь полетел, к облакам,— и едва на морскую
поверхность
Мужа откинулась тень, на тень зверь бросился в злобе.
Как Громовержца орел, усмотревший на поле
пустынном
Змея, что солнцу свою синеватую спину подставил,
715 Сзади хватает его и, чтоб уст не успел обратить он
Хищных, вонзает в хребет чешуйчатый жадные
когти,—
Так, пространство своим прорезав быстрым полетом,
Спину чудовища сжал Инахид и рычащему зверю
В правое вставил плечо свой меч до кривой рукояти.
- 720 Тяжкою раною той уязвлен, взвизывает в воздух
Зверь, то уходит в волну, то кидается словно свирепый
Вепрь, что стаей собак уstraшен, вдруг лающих
громко.
Жадных укусов Персей на быстрых крылах избегает:
Все, что открыто — хребет с наростами раковин полых,
725 Ребра с обоих боков и место, где хвост, утончаясь,
Рыбным становится,— он поражает мечом серповидным.
Воду потоком меж тем вперемежку с багряною кровью
Зверь извергает. Уже тяжелеют намокшие крылья,
И уж не смеет Персей довериться доле взбухшей
- 730 Обуви; видит скалу, которая самой вершиной
Встала из тихой воды, но скрывается вся при волненье,
И, об утес опершись и держась за вершину рукою,
Трижды, четырежды он пронзает утробу дракона.
Рукоплексанье и клик наполнили берег и в небе

- 735 Сени богов. Веселятся душой и приветствуют зятя
 С Кассиопеей Кефей, зовут избавителем оба,
 Дома опорой. Меж тем от оков разрешенная дева
 Шагом свободным идет — причина трудов и награда!
- 740 Он же, воды зачерпнув, оmyвает геройские руки
 И, чтобы жесткий песок не тер головы змееносной,
 Вниз настилает листвы и в воде произросшие тростья
 И возлагает на них главу Форкиниды Медузы.
 Каждый росток молодой с еще не скудеющим соком,
 Яд чудовища впив, мгновенно становится камнем;
- 745 Стебли его и листва обретают неожиданную крепость.
 Нимфы морские, дивясь, испытуют чудесное дело
 Тотчас на многих стеблях, — и сами, того достигая,
 Рады, и вот семена все обильнее в воду бросают.
 Так и осталось досель у кораллов природное свойство:
- 750 Только их воздух коснись — и сразу становятся тверды;
 Что было в море лозой, пад водою становится камнем.
 Трем божествам он три алтаря устроил из дерна:
 Левый, Меркурий, тебе, а правый — воинственной деве,
 Средний Юпитеру в честь. Минерве заклали тельцу,
- 755 Богу с крылами тельца, тебе же быка, Наивышний!
 И не замедля, тотчас Андромеду — награду за подвиг —
 Он без приданого взял: потрясают Амур с Гимнеем
 Светочи свадьбы, огни благовоньем насыщены щедро,
 С кровель цветов плетеницы висят, и лиры повсюду,
- 760 Трубы и песни звучат, — счастливые знаки веселья.
 В доме распахнуты все половины дверные, и пастежь
 Атрий открыт золотой, и на царский, в прекрасном
 убранстве,
 Пишно устроенный пир кефенская знать прибывает.
 С трапезой кончив, когда дарами щедрого Вакха
- 765 Повозбудились умы, о нравах тех мест и народах
 767 Спрашивать начал Ликид, — про дух их мужей и
 769 И отвечавший ему, — «Теперь, о храбрейший, —
 воскликнул, —
 770 Молви, молю я, Персей, каким ты приемом, какую
 Доблестью мог отрубить главу, чьи волосы — змеи».
 И повествует Персей, что лежит под холодным
 Атлантом
- 775 Место одно, а его защищает скалистая глыба,
 И что в проходе к нему обитают тройничные сестры,
 Форка дочери, глаз же один им служит, всем общий.
 Как он, хитро, изловчась, при его передаче, тихонько

Руку подсунул свою, овладел тем глазом; и скалы,
Скрытые, смело пройдя с их страшным лесом

трескучим,

К дому Горгон подступил; как видел везде на равнине
780 И на дорогах — людей и животных иодобья, тех самых,
Что обратились в кремень, едва увидали Медузу;
Как он, однако, в щите, что на левой руке, отраженным
Медью впервые узрел ужасающий образ Медузы;
785 Тяжким как пользуясь сном, и ее и гадюк охватившим,
Голову с шеи сорвал; и еще — как Пегас быстрокрылый
С братом его родились из пролитой матерью крови.
Вспомнил неложные он опасности долгого лета;
Что за моря, что за земли он зрел с высоты под собою,
790 Также созвездий каких касался взмахами крыльев.
Но замолчал он скорей, чем того ожидали. И задал
Некто, один из вельмож, вопрос: из сестер почему же
Волосы только одной перемешаны змеями были?
Гость же в ответ: «Раз ты спросил о достойном

рассказа,

795 Дела причину тебе изложу. Красотою блистая,
Многих она женихов завидным была упованьем.
В ней же всего остального стократ прекраснее были
Волосы. Знал я людей, утверждавших, что видели сами.
Но говорят, что ее изнасиловал в храме Минервы
Царь зыбей. И Юпитера дочь отвернулась, эгидой
800 Скрыв целомудренный лик. Чтоб грех не остался без
кары,

В гидр ужасных она волоса обратила Горгоны.
Ныне, чтоб ужасом тем устрашать врагов оробевших,
Ею же созданных змей на груди своей носит богиня».

КНИГА ПЯТАЯ

Так Данаев герой в кругу вспоминает кефенов
Подвиги, а между тем толпою шумящею сени
Царские полнятся вдруг; не крик то, которым обычно
Свадебный праздник гремит, но дикого боя предвестье!
5 Этот прервавшийся пир, превратившийся сразу
в смятенье,
Можно бы с морем сравнить, сначала спокойным,
чьи воды,
Яростно вдруг налетев, взволнуют свирепые ветры.
Первый меж ними Финей, зачинатель сражения дерзкий,
Ясень упругий копыя с медяным концом потрясая,—
10 «Здесь я, здесь! — говорит, — за хищенье супруги
отмститель!
Ныне ни крылья тебя, ни Юпитер, себя обративший
В золото, уж не спасут!» И метнуть уж пытался,
но, — «Что ты
Делаешь? — крикнул Кефей, — что за мыслью безумной
ты движим
На преступление, брат? Благодарность такую ль
заслугам
15 Стольким воздать? То брачный ли дар за спасение
девы?
И не Персей у тебя ее отнял, — коль в истину
вникнешь, —
Но приговор Нереид, суровый Аммон рогоносный,
Чудище бездны морской, что неожиданно из волн
приходило
20 Жрать утробу мою. Не похить он вовремя деву,
Ей бы не жить. Для нее ты требуешь, жестокосердый,
Гибели вновь, чтобы скорбью моей самому веселиться?
Не удовольствован ты, что ее при тебе оковали;
Ты же, — и дядя ее и жених, — никак не помог ей!

Да и прискорбно тебе, что спасенье пришло от
 другого,
 25 Что ускользнула из рук? Коль ее столь ценной
 считаешь,
 Сам бы деву забрал на скале, где ее приковали!
 Ныне тому, кто забрал, чрез кого моя старость не сира,
 Дай получить, что заслужено им и обещано словом.
 Он ведь, пойми, не тебе предпочтен, но погибели
 верной».

30 Тот промолчал; но, вращая главою, на него и Персея
 Смотрит, не зная и сам, на того ли напасть,
 на другого ль.
 Миг лишь помедлил, и вот копьё напряженное, силой,
 Приданной гневом ему, метнул — но мимо — в Персея.
 В ложе застряло оно, и Персей наконец с покрывала
 35 Прянул и, верно, копьё ответным ударом, свирепый,
 Грудь прободал бы врага, когда бы Финей не укрылся
 За алтарем и — позор! — был на пользу алтарь
 негодяю.

Но промахнувшись, копьё в лоб Рета, однако,
 вонзилось.
 Вот он упал, и тотчас исторглось из кости железо;
 Бьется он, кровью своей орошает столы пированья.
 Неукротимым толпа загорелася гневом, кидают
 Копья. Иные нашлись, возглашавшие громко, что
 с зятем
 Должен пасть и Кефей. Но как раз в это время из
 дома
 Вышел Кефей; призывал в свидетели право и правду,
 45 Гостеприимство богов,— что противился этому буйству.
 Брани богиня, в тот миг представ, эгидой прикрыла
 Брата, и дух в нем окреп. При этом был Атис, индеец,
 Что, по преданью, рожден Лимпеей, дочерью Ганга,
 В водах хрустальных его,— знаменит красотою, убором
 50 Пышным удвоенной, юн, всего лишь шестнадцатилетний,
 Тирской хламидой одет, с золотою по краю каймою;
 Шею его украшали еще ожерелья златые,
 Волосы гребнем кривым украшались, напитаны миррой.
 Он хоть и был научён попадать на любом расстоянии
 55 Дротиком в цель,— но ловчей тетиву натягивал лука.
 Вот, меж тем как рога неспешной сгибал оп рукою,
 Вмиг изловчился Персей, полено схватил, что дымилось
 На алтаре, и лица раздробил ему вдребезги кости.
 Тотчас, едва увидал, как ликом пленительным бьется

- 60 Тот, простертый в крови, Ликабант ассириец,
ближайший
Друг и товарищ его, глубокой любви не скрывавший,
Вмиг испутившего дух от тягостной раны оплакав
Юношу Атиса, лук, который натягивал Атис,
Выхватил и закричал: «Теперь ты со мною сразишься!
- 65 Отрока гибель тебе ненадолго веселием будет,
Ненависть ею верней, не хвалу обретишь!» Не успел он
Молвить — стрела с тетивы сорвалась, заостренная
дивно.
Тот отстранился, она ж застряла в складчатом платье.
Тут обратил на него, знаменитый убийством Медузы,
- 70 Меч свой Акризия впуск и вонзил ему в грудь, и,
кончаясь,
Взором, блуждавшим уже под теменью ночи, окинул
Атиса друг неизменный его и, к нему наклонившись,
К манам подземным унес утешенье, что умерли вместе!
Вот сиенец Форбант, Метиона дитя, и либиец
- 75 Амфимедон, завязать пожелавшие бой, поскользнувшись
В теплой крови, от которой земля широко задымилась,
Наземь упали. Им меч подняться уже не позволил,
В горло Форбанта вонзаясь, другому же в ребра
проникнув.
А на Эрита Персей, Акторова сына, который
- 80 Сжал двусторонний топор, кривого меча не направил:
В обе руки он схватил глубокой резьбою покрытый
Тяжкого веса кратер, размером огромный, и бросил
В мужа. Тот же изверг багровую кровь и, на землю
Навзничь упав головой, умирая, колотится об пол.
- 85 Вот Полидаймон, чей род происходит от Семирамиды,
Вот Ликет Сперхейд, Абарид, уроженец Кавказа,
Клит, Флегнат и волос не стригший с рождения
Гелик,—
Все сражены, и, свиреп, умирающих топчет он груди.
И не решился Финей сойтись с неприятелем в схватке,
- 90 Дрот запустил он, но тот уклонился ошибочно в Ида,
Тщетно отвергшего бой, не поднявшего вовсе оружие.
Этот, грозно в упор на Финей свирепого глядя,—
«Если ты в бой вовлекаешь меня,— промолвил,—
узнай же,
Сделал кого ты врагом, и за рану уплачивай раной!»
- 95 Он уж ответить хотел копьем, извлеченным из тела,
Но, обескровлен, упал, слабееющим телом поникнув.
Вот и Одит, за царем первейший в народе Кефенов,

Пал, Клименом пронзен, Гипсей проколот Протепора;
 Сам от Линкида погиб. Был тут и древний летами
 100 Эматион, богов почитатель и правды блюститель.
 Он, хоть уж годы ему воевать воспрещали, словами
 Ратует, вышел вперед и клянет нечестивую бойню.
 Но, между тем как алтарь он дрожащими обнял руками,
 105 Голову Хромид ему мечом отрубил, и упала
 Та на алтарь, и проклятий слова языком полумертвым
 Вымолвил Эматион и дух испустил меж огнями.
 Два близнеца Бротсад и Аммон, что в бою на кулачках
 Непобедимы,— когда б кулаками мечи побеждались! —
 Пали,— сразил их Фипей,— и священнослужитель
 Цереры,
 110 Ампик, чья голова белоснежной повязана лентой,
 Пал и ты, Лампетид, не к подобным призванный
 битвам,
 Но к содроганию струн и голоса,— мирному делу,—
 Призванный славить пиры, возвеличивать празднества
 пеньем!
 Вот, меж тем как вдали он стоял с невоиственным
 плектром,
 115 Петтал, насмешлив,— «Пропой остальное ты манам
 стигийским!»—
 Крикнул и в левый висок наконечник вонзил ему дрота.
 Пал на землю, но все полумертвые пальцы касались
 Лирных струн: печаянно звук раздался плачевный.
 Но без возмездия пасть не позволил Ликорм ему лютый:
 120 С правой дверной верев засов сорвал он дубовый,
 Череп ему раскрыл посредине, и тот повалился
 Наземь, как падает бык, пораженный секирой.
 Тотчас же
 Снять попытался засов дубовый и с левой веревки
 Сын Кинифеев, Пелат; но пронзил ему правую руку
 125 Мармаридянни Корит, пригвоздив ее к дереву двери.
 Абант висящего бок поразил; и тот не свалился,
 Но, к косяку прикреплен, повис на руке, умирая.
 Вот распростерт Меналей, за Персея поднявший
 оружие,
 Назамонийских полей, Дорил, богатейший хозяин,—
 130 Тот богатейший Дорил,— никто не владел столь
 обширной
 В крае земель, не сбирал в изобилье таком благовоций.
 Брошено косо, копы в паху у Дорила застряло.

Место смертельное пах. Лишь раны виновник, бактреец
 Галкионей увидал, что прерывисто тот испускает
 135 Дух и глаза закатил, промолвил: «Земля под
 ступнями —
 Вот все владенья твои!»— и бескровное тело покинул.
 Бросил в бактрийца копье, из раны горячей исторгнув,
 Мстителю, Абанта внук, и оно сквозь ноздри проникло,
 Через затылок прошло и с обеих сторон выступало.
 140 Руку Фортуна сама направляет; и Клитий и Кланний,
 Матери дети одной, по-разному ранены были:
 Клитию ясень пронзил, тяжелою пущен рукою,
 Лядвеи обе зараз; а Кланний зубами вонзился
 В древко, пал Келадон, что из Мендеса, и палестинской
 145 Матери сын Астрей, чей был неизвестен родитель;
 И Этион, что умел когда-то грядущее видеть,—
 Лживую птицей теперь он обманут; и оружепосец
 Царский Тоакт, и Агирт, опозоренный отцеубийством...
 Большие, однако, в живых оставалось. С единым
 покончить
 150 Было стремленье у всех. Ополчились ряды отовсюду
 Единодушно, вражда на заслугу и честь ополчилась!
 Богобоязненный тесть и теща с женой молодою
 Тщетно стоят за него, наполняя лишь воплями сени,
 Их оружия звук и поверженных стон заглушают.
 155 Вот оскверненных уже заливают Беллона пенатов
 Кровью обильной и вновь замешать поспешает
 сраженьем,
 Вот окружает его Финей и тысяча следом
 Сзади Финея. Летят, многочисленной градин зимою,
 Копья с обеих сторон — и глаз и ушей его мимо.
 160 Тут-то прижался спиной он к камню огромной
 колонны,
 Обезопасив свой тыл, к супротивным рядам
 обращенный,—
 Их отбивает напор! Впереди напирających слева
 Был хаониец Молпей; Этемон из Набатии — справа.
 Словно тигрица, когда, истомленная голодом, слышит
 165 В разных долинах она двух стад мычанье, не знает,
 Ей на какое напасть, напасть же стремится на оба,—
 Так сомневался Персей, направо ему иль налево
 Ринуться; все же, пронзив его голень, отбросил Молпея.
 Впрок ему бегство. Меж тем Этемон не дает
 передышки,

- 170 Бесится, рану стремясь нанести в часть верхнюю шеи.
 Не рассчитал своих сил, и падвое меч занесенный
 Переломился о ствол сотрясенной ударом колонны.
 И разлетелся клинок, и вонзился в гортань господина.
 Но, чтобы смерть причинить, была недостаточна рана.
- 175 И между тем как тот трепетал, безоружные руки
 Вытянув тщетно, мечом Персей пронзил
 килленийским,—
 Но, как увидел, что часть должна перед множеством
 доблесть,—
 «Помощи,— молвил Персей,— раз вами к тому
 понужден я,
 Буду искать у врага! Отверните же лица скорее,
 Если меж вами есть друг!»— и главу он приподнял
- 180 Горгоны.
 «Нет, других поищи, кто твоим чудесам бы поверил!»—
 Тескел сказал и готов был рукой роковое оружие
 Бросить, но так и застыл изваяньем из мрамора. Амник,
 Тотчас стоявший за ним, на полную доблестным духом
- 185 Грудь Линкида с мечом устремился, но в этом
 движенье
 Окоченела рука, ни вперед, ни назад не движима.
 Тотчас Нилей, что солгал, семиречным будто бы Нилом
 Он порожден, на щите обозначивший семь его устьей,—
 Часть из них серебром, другую же золотом,— молвил:
- 190 «Вот полюбуйся, Персей, на источники нашего рода!
 К манам немым унесешь утешенье немалое в смерти,
 Пав от такого, как я!» Но часть последняя речи
 Вдруг прервалась, и мнится, что рот, вполовину
 открытый,
 Хочет еще говорить, но слова не находят дороги.
- 195 «От малодушия вы, а совсем не от мощи Горгоны
 Остолбенели! — бранит их Эрикс. — Накинемся вместе,
 Наземь повергнем юнца с его чародейным оружием!»
 Кинуться был он готов; но землю задержаны стопы,—
 Вооруженный стоит из камня недвижимого образ.
- 200 Кару те все понесли по заслугам. Но воин Персея
 Был там один, Аконтей; пока за Персея сражался,
 Лик он Горгоны узрел и в камень тотчас обратился.
 Астиагей же его, за живого сочтя, ударяет
 Длинным мечом. Засвистел его меч пронзительным
 свистом,
- 205 Астиагей изумлен,— но принял он ту же природу,
 Мраморным став, и лицо выраженье хранит изумленья.

Долгое дело — мужей имена из простого народа
 Перечислять. Их двести всего после боя осталось, —
 210 Остолбнев, все двести стоят: увидали Горгону!
 Тут лишь Финей пожалел наконец о несправедной
 битве, —
 Только что ж делать ему? Он лишь образы разные
 видит,
 Он и своих узнает и, по имени каждого клича,
 Помощи просит; не веря себе, касается ближних
 215 Тел, — но мрамор они; отвернулся и так, умоляя,
 В стороны руки простер, изъявляя покорность,
 и молвил:
 «Ты побеждаешь, Персей: отврати это чудище, в камень
 Все обращающий лик Медузы, какой бы он ни был.
 О, отврати, я молю! Не злоба, не царствовать жажда
 К брани подвигли меня: за супругу я поднял оружие.
 220 Право заслугами ты приобрел, а я — ожиданьем.
 Не уступил, — и мне жаль. Из всего, о храбрый,
 мою лишь
 Душу ты мне уступи, да будет твоим остальное!»
 И говорившему так, и того, к кому сам обращался,
 Видеть не смевшему, — «Что, — говорит, — о Финей
 боязливый,
 225 Дать тебе ныне могу, — и дар то не малый для
 труса! —
 Дам, ты страх свой откинь. Не обижу тебя я железом.
 Наоборот, на века, как памятник некий, оставлю.
 Будешь всегда на виду ты в доме у нашего тестя,
 Чтобы супругу мою утешал нареченного образ!»
 230 Молвив такие слова, он главу повернул Форкиниды
 К месту, куда был Финей лицом обращен трепетавшим.
 И, между тем как глаза повернуть пытался он, шея
 Окоченела его, и в камень слеза затвердела.
 Но умоляющий лик и уста боязливые в камне
 235 Видны досель, о пощаде мольба и покорности знаки.
 Вот победитель Персей с супругою в отчие стены
 Входит. Защитник семьи, неповинности дедовой
 мститель,
 Вот он на Прета напал: затем, что, оружием выпав
 Брата, Прет захватил твердыню Акризия силой.
 240 Но ни оружием своим, ни присвоенной подло
 твердыней
 Грозных не мог одолеть он очей змееносного чуда.
 Все же тебя, Полидект, небольшого правитель Серифа,

Юноши доблесть, в делах очевидная стольких, ни беды
245 Все же смягчить не могли. Ненавидишь упорно Персея,
Непримиримый, и нет неправому гневу предела.
Хочешь и славы лишить, утверждаешь ты, будто

измыслил

Он, что Медузу убил. «Я дам тебе знак непреложный.
Поберегите глаза!» — воскликнул Персей, и Медузы
250 Ликом царево лицо превращает он в камень бескровный.
Сопровождала досель своего златородного брата
Дева Тритония. Вот, окруженная облаком полым,
Бросив Сериф и Кити и Гиар направо оставив,
Наикратчайшим путем через море отправилась в Фивы,
255 На Геликон, обиталище Дев. Геликона достигнув,
Остановилась и так обратилась к сестрам ученым:
«Слава наших ушей об источнике новом достигла,
Том, что копытом пробил в скале Быстрокрылец
Медузы,

Ради того я пришла. Я хотела чудесное дело
Видеть. Я зрела, как сам он из крови возник

материнской».

260 «Ради чего б ни пришла, — отвечала Урания, — в наши
Сени, богиня, всегда ты нашему сердцу желанна!
Верен, однако же, слух: Пегасом тот новый источник
Был изведен», — и свела Тритонию к влаге священной,
265 Долго дивилась воде, от удара копыта потекшей,
Обозревала потом и лесов вековечные чащи,
Своды пещер и луга, где цветы без счета пестрели,
И назвала Мнемонид счастливыми и по занятиям,
И по урочищам их. Одна из сестер ей сказала:
«О, если б доблесть твоя не влекла тебя к бóльшим

деяньям,

270 Что бы тебе не примкнуть, Тритония, к нашему хору!
Молвишь ты правду, хваля по заслугам и дело и место.
Наша прекрасна судьба, — да лишь бы нам жить

безопасно!

Но — до чего же ничто не запретно пороку! — девичьи
275 Все устрашает сердца: Пиреней пред глазами жестокий
Так и стоит, до сих пор не могу отойти от испуга.
Лютый, в давидских полях и фокейских он стал

господином

С войском фракийским своим и без права владел

государством.

В храмы парнасские мы направлялись: нас увидал он

И, с выраженьем таким, будто чтит божественность
 нашу,—
 280 «О Мнемониды! — сказал,— он по виду узнал нас. —
 Постоите!

Не сомневайтесь, молю, от дождя с непогодой
 укройтесь —
 Дождь пошел,— под кровлей моей! И в мѣньшие
 клетки

Боги входили не раз». Побуждаемы речью и часом,
 Дали согласие мы и в передние входим хоромы.
 285 Дождь меж тем перестал, был Австр побежден
 Аквилоном,
 По небу, чистому вновь, лишь темные тучи бежали.
 Мы собрались уходить. Но дом Пиреней запирает.
 Нам же насильем грозит. Его мы избегли — на крыльях.
 Как бы вслед устремся, во весь рост он стоял на
 твердыне!

290 «Тем же путем понесусь,— говорит,— где вы
 понесетесь!»

Вдруг, безрассудный, стремглав с верхушки бросился
 башни;
 Вниз головой он упал и раздробленным черепом оземь
 Грянулся, землю залив, перед смертью, проклятою
 кровью».

Муза вела свой рассказ. Но крылья вверху зазвучали,
 295 И от высоких ветвей раздался приветствия голос.
 Глянула верх не поймет, откуда так слышится ясно
 Говор. Юпитера дочь полагает: то речи людские.
 Были то птицы! Числом же их девять: на рок свой
 пеняя,

В ветках сороки сидят, что всему подражают на свете.
 300 И удивленной рекла богиня богине: «Недавно
 Птиц приумножили сонм побежденные в споре сороки.
 Их же богатый Пиэр породил на равнине пеллейской.
 Мать им Эвиппа была пеонийка, что к мощной
 Луцине,

Девять рождавшая раз, обращалась девятикратно.
 305 Вот возгордилась числом толпа тех сестер
 безрассудных.

Множество градов они гемонийских прошли и ахайских,
 К нам пришли и такой состязанье затяли речью:
 «Полно вам темный народ своею обманывать ложной
 Сладостью! С нами теперь, феспийские, спорьте,
 богини,

- 310 Если себе доверяете вы! Ни искусством, ни звуком
 Не победить нас. Числом нас столько же. Иль уступите,
 Сдавшись, Медузы родник заодно с Аганиппой
гигантской,
 Иль эмафийские вам мы равнины уступим до самых
 Снежных Пеопов,— и пусть нам нимфы судьями
будут».
- 315 В спор было стыдно вступать, но еще показалось
стыднее —
 Им уступить. Вот выбрали нимф,— и тотчас,
поклявшись
 Реками, сели они на сиденье из дикого камня.
 Дева, что вызвала нас, начинает без жребия первой.
 Брани бессмертных поет; воздаст не по праву Гигантам
- 320 Честь, а великих богов деянья меж тем умаляет:
 Будто, когда изошел Тифей из подземного царства,
 На небожителей страх он нагнал, и они, убегая,
 Тыл обратили, пока утомленных не принял Египет
 В тучные земли и Нил, на семь рукавов разделенный.
- 325 Будто потом и туда заявился Тифей земнородный,
 И что бессмертным пришлось под обманными видами
скрыться.
 «Стада вождем,— говорит,— стал сам Юпитер:
Либийский
 Изображаем Аммон и доныне с крутыми рогами!
 Вороном сделался Феб, козлом — порожденье Семелы.
 330 Кошкой — Делийца сестра, Сатурния — белой коровой.
 Рыбой Венера ушла, Киллений стал ибисом-птицей».
 Все это спела она, сочетая с кифарою голос.
 «Вызвали нас, Аонид,— но тебе недосужно, быть может,
 Некогда, может быть, слух склонять к песнопениям
нашим?»
- 335 «Не сомневайся и всю передай по порядку мне
песню», —
 Молвит Паллада и в тень прохладную рощи садится.
 Муза, — «Даем мы одной,— говорит,— одолеть в
состязанье!» —
 Встала и, плещ молодой вплета себе в волосы, стала
 Пальцем из струн извлекать Каллиопа печальные
звуки,
- 340 Сопровождая такой дрожание струнное песней:
 «Первой Церера кривым сошником целину всколыхнула,
 Первой — земле принесла и плоды, и покорную пищу,

Первой — законы дала, и все даровала — Церера!
 Буду ее воспевать. О, только б достойно богини
 345 Песня пропелась моя! — богиня сей песни достойна.
 Остров Тринакрия был на падших наложен Гигантов,
 Грузом тяжелым его под землей лежащий придавлен
 Древний Тифей, что дерзнул возмечтать о престоле
 небесном,
 Все продолжает борьбу, все время восстать угрожает.
 350 Но авсонийский Пелор над правой простерся рукою,
 Ты же на левой, Пахин; Алибиеем придавлены ноги,
 Голову Этна гнетёт. Тифей, протянувшись под нею,
 Ртом извергает песок и огонь изрыгает, беснуясь.
 Тщетно старается он то бремя свалить земляное,
 355 Силой своей раскидать города и огромные горы:
 Вот и трепещет земля, и сам повелитель безмолвных
 В страхе, не вскрылась бы вдруг, не дала бы зияния
 суша.
 Свет не проник бы к нему, ужасая пугливые тени.
 Царь, той напасти страшась, из хором своих сумрачных
 вышел,
 360 На колесницу ступил и, черными мчимый конями,
 Тщательно стал объезжать основанья земли
 Сицилийской.
 Все осмотрев, убедясь, что ничто не грозит обвалиться,
 Страх отложил он. Меж тем Эркина его увидала
 С ей посвященной горы. И, обняв крылатого сына, —
 365 «Сын мой, оружие мое, и рука, и могущество! —
 молвит, —
 Лук свой возьми, Купидон, которым ты всех
 поражаешь,
 Быстрые стрелы направь в грудь бога, которому жребий
 Выпал последний, когда триединое царство делили.
 Горние все и Юпитер-отец, и боги морские
 370 Власть твою знают, и тот, в чьей власти боги морские.
 Тартару что ж отставать? Что власти своей и моей ты
 Не расширяешь? Идет ведь дело о трети вселенной!
 Даже и в небе у нас — каково же терпение наше! —
 Презрены мы; уменьшается власть и моя и Амура,
 375 Разве не видишь: от нас и Паллада теперь и Диана
 Лучница прочь отошли? И девствовать будет Цереры
 Дочь, коль допустим: она и сама этой участи хочет.
 Ежели к просьбе моей ты не глух — ради общего
 царства
 С дядей богиню сведи». Сказала Венера. И тотчас

380 Взялся Амур за колчан и стрелу, как мать повелела,
 Выбрал из тысячи стрел одну, но острее которой
 Не было и ни одной, что лучше бы слушалась лука.
 Вот свой податливый рог изогнул, подставив колено,
 Мальчик и Диту пронзил искривленной тростинкою
 сердце.

385 Глубоководное есть от стен недалеко геннейских
 Озеро; названо Перг; лебединых более кликов
 В волнах струистых своих и Каистр едва ли услышит!
 Воды венчая, их лес окружил отовсюду, листовою
 Фебов огонь заслоня, покрывалу в театре подобно.

390 Ветви прохладу дарят, цветы разноцветные — почва.
 Там неизменно весна. Пока Прозерпина резвилась
 В роше, фиалки брала и белые лилии с луга,
 В рвенье девичьем своем и подол и корзины цветами
 Полнила, спутниц-подруг превзойти стараясь усердьем,

395 Мигом ее увидал, полюбил и похитил Подземный, —
 Столь он поспешен в любви! Перепугана насмерть
 богиня,
 Мать и подружек своих — но мать все ж чаще! — в
 смятенье
 Кличет. Когда ж порвала у верхнего края одежду,
 Все, что сбирала, цветы из распушенной туники пали.

400 Столько еще простоты в ее летах младенческих было,
 Что и утрата цветов увеличила девичье горе!
 А похититель меж тем, по имени их называя,
 Гонит храпящих коней, торопясь, по шеям, по гривам
 Сыплет удары вожжей, покрытых ржавчиной темной,

405 Мимо священных озер и Паликовых, пахнувших серой,
 Вод, что бурлят, прорываясь из недр; через местность
 несется,
 Где бакхиады — народ из Коринфа двуморского —
 древле
 Стены воздвигли меж двух корабельных стоянок
 неравных,
 Меж Кианеей лежит и пизейским ключом Аретузой,

410 Там, где отроги сошлись, пространство зажатое моря,
 Там-то жила — от нее происходит и местности имя —
 Нимфа, в Сицилии всех знаменитее нимф, Кианея.
 Вот, до полживота над поверхностью водной поднявшись,
 Деву узнала она. «Не проедете дальше! — сказала, —

415 Зятем Цереры тебе не бывать против воли богини;
 Просьбой, не силою взять ты должен был деву. Коль
 можно

С малым большое равнять,— полюбил и меня мой
Анапис,
Все ж он меня испросил, я в брак не со страха
вступила».

420 Молвила нимфа и их, в обе стороны руки раздвинув,
Не пропустила. Сдержать тут гнева не мог уж
Сатурний.

Страшных своих разогнал он коней и в бездну пучины
Царский скиптр, на лету закрутившийся, мощной рукою
Кинул,— и, поражена, земля путь в Тартар открыла
И колесницу богов приняла в середину провала.
425 А Кианея, скорбя, что похищена дева, что этим
Попрано право ее, с тех пор безутешную рану
Носит в безмолвной душе и вся истекает слезами.
В воды, которых была божеством лишь недавно
великим,

430 Вся переходит сама, утончаясь; смягчаются члены,
Кости — можно согнуть, и ногти утратили твердость,
Что было тоньше всего, становится первое жидким,—
Пряди лазурных волос, персты ее, икры и стопы.
После, как члены она потеряла, в холодные струи
Краток уж был переход. Бока, спина ее, плечи
435 И ослабевшая грудь — все тонкими стало ручьями.
Вот наконец, вместо крови живой, в изменившихся
жилах

Льется вода, и уж нет ничего, что можно схватить бы.
В ужасе мать между тем пропавшую дочь понапраспу
Ищет везде на земле, во всех ее ищет глубинах.
440 Отдых вкушавшей ее не видала Аврора с власами
Влажными, Геспер не зрел. В обеих руках запалила
Ветви горючей сосны, на Этне возросшей, богиня
И леденящею тьмой пронесила, не зная покоя.
445 Снова, лишь радостный день погасал созвездия ночи,
Дочь искала она, где Солнце заходит и всходит.
Раз, утомившись, она стала мучиться жаждой, но нечем
Было ей уст освежить; соломой крытую видит
Хижину, в низкую дверь постучала; выходит старуха,
Видит богиню она и тотчас выносит просящей
450 Сладкого чашу питья из поджаренных зерен ячменных.
Пьет Церера. Меж тем злоречивый и дерзкий

мальчишка
Перед богинею стал и, смеясь, обозвал ее «жадной».
И оскорбилась она и, еще не допивши напиток,
Мальчика вдруг облила ячменем, в воде разведенным.

455 Пятна впитались в лицо; где были у дерзкого руки,—
 Выросли ноги, и хвост к измененным прибавился
 членам.
 И в невеликий размер,— чтобы силы вредить не имел
 он,—
 Сжался: в ящерку он превращен был, малого меньше.
 От изумленной, в слезах, попытавшейся чуда коснуться
 460 Бабки бежал он и в норку ушел. Так и носит название
 В изобличенье стыда, и в крапинках все его тело.
 Сколько богиня еще по землям блуждала и водам,
 Трудно в словах передать. Весь мир был для ищущей
 тесен.
 И возвратилась она в Сиканию; все озирая,
 465 До Кианеи дошла. Кианея, не будь превращенной,
 Все рассказала бы ей. Хоть нимфа сказать и желала,
 Не было уст у нее, языка, чтобы вымолвить слово.
 Знаки, однако, дала; очам материнским знакомый,
 Павший в том месте в святой водоем поясok Персефоны
 470 Молча богине она на поверхности вод показала.
 Та, лишь узнала его, убедясь наконец в похищенье
 Дочери, стала терзать в небреженье висящие кудри,
 И без числа себе грудь ладонями мать поражала,
 Все же не знала, где дочь. Все земли клянет, называет
 475 Неблагодарными их, недостойными дара богини,
 Всех же сильнее клянет Тринакрию, где обнаружен
 След был беды. Вне себя, богиня пахавшие землю
 Переломала плуги, предала одинаковой смерти
 И поселян, и волов, работников поля; велела
 480 Нивам доверье людей обмануть, семена загубила...
 Плодоношенье земли, всего достояние мира,
 Сокрушено. В зеленях по полям умирают посевы;
 То от излишних дождей, то от солнца излишнего
 чахнут;
 Звезды и ветер вредят. Опавшие зерна собирают
 485 Жадные птицы; волчец и куколь и разные травы,
 Не выводимы ничем, полонили пшеничные нивы.
 Тут Алфеяда главу из вод показала элейских
 И, оттолкнув к ушам волос струящихся пряди,
 Молвит: «О девы той мать, искомой по целому миру,
 490 Мать урожаев земных, отрещи непомерные муки
 И в раздраженье своем не гневись на верную землю!
 Не заслужила земля: похищенью открылась неволью.
 Нет, не за родину я умоляю. Пришла я как гостья.
 Родина в Пизе моя, происходим же мы из Элиды.

- 495 Я чужестранкой живу в Сикании. Все же милей мне
 Всех она стран. У меня, Аретузы, здесь ныне пенаты,
 Здесь пребываю мое: его пощади, всеблагая!
 Двинулась с места зачем, как я под громадою моря
 В край Ортигийский пришла, — рассказам об этом
 настанет
- 500 Время свое, когда от забот свободна ты будешь
 И просветлеешь лицом. Для потока доступна, дорогу
 Мне открывает земля; пройдя по глубинным пещерам,
 Здесь я подъяму чело и смотрю на забытые звезды.
 Там-то, когда я текла под землю стремниной
 стигийской,
- 505 Я Прозерпину твою лицезрела своими глазами.
 Так же печальна она, с таким же испуганным ликом,
 Но — государыней там великою темного царства,
 Но преисподних царя могучею стала супругой!»
 Мать при этих словах как каменной стала и долго
- 510 Поражена словно громом была; когда же сменилось
 Тяжким страданием в ней беспмятство тяжкое, взмыла
 На колеснице в эфир. И с ликом, тучами скрытым,
 В негодованье, власы распустив, пред Юпитером стала.
 «Вот я, Юпитер, пришла молить тебя, — молвила, — ради
- 515 Крови моей и твоей. О, если ты мать не жалеешь,
 Дочь пусть тронет тебя! Да не будет твое попеченье
 Мнее к ней оттого, что была рождена она мною.
 Дочь я нашла наконец, которую долго искала.
 Ежели только «пайти» означает «утратить» иль если
- 520 Знать, где она, означает найти! Прошу похищенье,
 Лишь бы вернул он ее, затем, что грабителя мужа
 Дочь недостойна твоя, — коль моей уже быть
 перестала!»
- Царь ей богов возразил: «Для обоих залог и забота
 Наше с тобою дитя. Но ежели хочешь ты вещи
- 525 Правильным именем звать, — то это ничуть не обида;
 Наоборот, то — любовь. И зять нам такой не постыден.
 Дай лишь согласие свое. Не касаясь иного, — не мало
 Братом Юпитера быть! У него же и много иного.
 Жребием только своим меня он пониже. Но если
- 530 Так их жаждешь развесть, да вернется в эфир
 Прозерпина,
 Но при условии одном, чтоб там никогда не вкушала
 Пищи: Парками так предусмотрено в вечных законах».
 Молвил. И вывести на свет Прозерпину решила Церера.
 Но воспрепятствовал рок. Нечаянно пост разрешила

- 535 Дева: она, в простоте, по подземным бродя вертографам,
 С ветки кривой сорвала одно из гранатовых яблок
 И из подсохшей коры семь вынула зерен и в губы
 Выжала: только один Аскалаф ее видел при этом, —
 Тот, про кого говорят, что его в дни оные Орфна,
 540 Между Авернских сестер пресвеликой известности
 нимфа,
 В мрачных глубинах пещер родила своему Ахеронту.
 Видел — и девы возврат погубил, жестокий, доносом.
 Стон издала владычица тьмы, и отверженной птицей
 Стал чрез нее Аскалаф: окропив флегетоновой влагой
 545 Темя его, придала ему клюв и округлые очи.
 Он, потерявший себя, одевается в желтые перья
 И головою растет; загибаются длинные когти;
 Новые крылья еще непроторными зыблет руками.
 Гнусною птицей он стал, вещуньей грозящего горя,
 550 Нерасторопной совой, для смертных предвестием
 бедствий.
 Этот, как можно судить, за язык и донос наказание
 Мог понести. Но у вас, Ахелоевы дочери, птичьи
 Перья и ноги зачем? Ведь раньше вы девами были!
 Иль оттого, что, когда собирала цветы Прозерпина
 555 Вешние, были вы с ней, сирены ученые, вместе?
 После по миру всему ее вы напрасно искали,
 И чтобы даже моря про вашу узнали заботу,
 Вскоре над зыбью морской на крыльях-веслах
 держаться
 Вы пожелали, и к вам божества благосклонность явили:
 560 Руки и ноги у вас вдруг желтыми стали от перьев!
 Но чтобы пение их, на усладу рожденное слуху,
 Чтобы подобная речь в даровитых устах не пропала,
 Девичьи лица у них, человеческий по-прежнему голос.
 И между братом своим и печальной сестрою
 посредник, —
 565 Круг годовой разделил на две половины Юпитер.
 Ныне — равно двух царств божество — проводит богиня
 Месяцев столько ж в году при матери, сколько при
 муже.
 А у Цереры тотчас и душа и лицо изменились.
 И перед Дитом самим предстать дерзнувшая в скорби,
 570 Вдруг просветлела челом, как солнце, что было закрыто
 Туч дождевых пеленой, но из туч побежденных
 выходит.
 Дочь получив, успокоена, так вопрошает Церера:

«Что ж, Аретуза, ушла? Почему ты — священный
источник?»

И приумолкли струи, и главу подымает богиня
575 Из глубины родника, и, зеленые волосы выжав,
Так начала про любовь элейского бога речного:
«Происхожу, — говорит, — из нимф я, живущих в Ахайе,
Не было девы меж них, что усердней меня выбирала б
580 Место охоты иль сеть усердней меня наставляла.
И хоть своей красотой не стремилась я славы
достигнуть,

Хоть и могуча была, но красивою все же считалась.
Пусть хвалили меня, не тщеславилась я красотой.
Рады иные, — а я в простоте деревенской стыдилась
Женской красоты: понравиться — мне преступленьем
казалось.

585 Из стимфалидских дубрав возвращалась я, помню,
усталой.

Зной был, труды же мои — немалые — зной удвоили.
Вот подошла я к воде, без воронок, без рокота текшей,
Ясной до самого дна, чрез которую камешки в глуби
590 Можно все было счесть, как будто совсем неподвижной.

Ветлы седые кругом и тополи, вскормлены влагой,
Склонам ее берегов природную тень доставляли.
Я подошла и ступню сначала в струю погрузила.
Вот по колена стою. Не довольствуясь этим, снимаю
595 Пояс и мягкий покров кладу на склоненную иву.

Вот уж и вся я в воде. Ударяю по ней, загребая,
Черпаю на сто ладов и руками машу, отряхаясь.
Тут глубоко под водой услышала какой-то я ропот, —
И в перепуге плыву на окраину ближнего берега.
«Что ты спешишь, Аретуза? — Алфей из вод своих
600 Что ты спешишь?» — еще раз повторяет он голосом
хриплым.

Мчусь я, такой как была, без одежды, — мои ведь
одежды

Были на том берегу. И настойчивей он пламенее,
Голою видит меня и считает на все уж согласной.
Я убежала, а он меня настигал, разъяренный, —
605 Так, крылом трепещая, от ястреба голуби мчатся;
Ястреб, преследуя, так голубей трепещущих гонит.
Мимо уже Орхомен, Псофиды, Киллены и сгиба
Гор Мепалийских, туда, к Эримаифу, и дальше, в Элиду
Я продолжаю бежать. Он был меня не быстрее.

- 610 Но выносить столь длительный бег, перавная силой,
Я не могла, — а Алфей был в долгой работе вынослив.
Я через доли, поля и лесами покрытые горы,
Через утесы, скалы без всякой дороги бежала.
Солнце светило в тылу; и видела длинную тень я
- 615 Перед собою у ног — иль, может быть, страх ее видел!
Но ужасал меня звук приближавшихся ног, и под
сильным
Уст дыханьем уже в волосах волповались псвязыки.
Тут я вскричала, устав: «Он схватит меня! Помоги же
Оруженосице ты, о Диктинна, которой нередко
- 620 Лук свой давала носить и стрелы в наполненном туле!»
Тронул богиню мой зов, и, облако выбрав густое,
Приосснила меня. Не найдет он покрытую мраком
И понапрасну вокруг близ облака полого ищет.
Два раза место, где я укрыта была, обогнул он;
- 625 Дважды «Иб, Аретуза! Иб, Аретуза!» зывал он.
Что было тут на душе у несчастной? Не чувство ль
ягпенка,
Если рычанье волков у высокого слышит он хлева?
Иль русака, что сидит, притаясь, и враждебные видит
Морды собачьи, а сам шевельнуться от страха не
смеет?
- 630 Но не уходит Речной; не видит, чтоб продолжались
Ног девичьих следы: на облако смотрит, на берег.
Потом холодным меж тем мои покрываются члены,
С тела всего у меня упадают лазурные капли.
Стоит мне двинуть ногой, — образуется лужа; стекают
- 635 Струи с волос, — и скорей, чем об этом тебе повестую,
Влагою вся становлюсь. Но узнал он желанные воды
И, павлеченное им мужское обличие скинув,
Снова в течение свое обернулся, чтоб слиться со мною.
Делией вскрыта земля. По бессветным влекусь я
пещерам
- 640 Вплоть до Ортигии. Та, мне единым с моею богиней
Именем милая, вновь наверх меня вывела, в воздух». —
Кончила речь Аретуза. Впрягла урожаяв богиня
Вновь в колесницу свою двух змей и уста им вздуздала.
Между небес и земли по воздуху так проезжая,
- 645 Легкую правила в путь колесницу к Тритонии в город,
В дом к Триптолему: семян половину велела посеять
На целине, а другие в полях, не паханых долго.
Над европейской землей и азийской высоко поднялся
Юноша. Вот он уже до скифских домчался пределов.

650 В Скифии царствовал Линк. Вошел он под царскую
 кровлю.
 С чем и откуда пришел, про имя и родину спрошен,—
 «Родина,— молвил,— моя — пресветлой твердыня
 Афины,
 Имя же мне — Триптолем. Не на судне я прибыл, по
 водам,
 Не на ногах по земле: мне открыты пути по эфиру.
 655 Вот вам Цереры дары: по широким рассеяны нивам,
 Пышные жатвы они принесут вам и добрую пищу».

Зависть почуял дикарь: быть хочет виновником дара
 Сам. Триптолема приняв, как гостя, на спящего крепко
 Он нападает с мечом. Но, грудь пронзить уж готовый,
 660 Был он Церерою в рысь обращен. И священной парой
 Править по небу вспять Мопсопийцу богиня велела».

Старшая наша сестра ученую кончила песню.
 Хором согласным тогда геликонским победу богиням
 Нимфы судили. Когда ж побежденные стали в них
 сыпать
 665 Бранью, сказала она: «Для вас недостаточно, видно,
 От посрамленья страдать; к вине прибавляете ругань
 Злобную, но и у нас иссякло терпенье; вступим
 Мы на карающий путь, своему мы последуем гневу».

Лишь засмеялись в ответ Эмафиды, презрели угрозы.
 670 Вновь пытались они говорить и протягивать с криком
 Наглые руки свои; но увидели вдруг, что выходят
 Перья у них из ногтей, что у них оперяются руки.
 Видят, одна у другой, как у всех на лице вырастает
 Жесткий клюв, а в лесу появляются новые птицы.
 675 В грудь хотят ударять, но, руками взмахнув и
 поднявшись,
 В воздухе виснут уже — злословие леса — сороки.
 В птицах доньше еще говорливость осталась былая,
 Резкая их трескотня и к болтливости лишней
 пристрастье.

КНИГА ШЕСТАЯ

К повествованьям таким Тритония слух преклонила,
Песни сестер Аонид одобряла и гнев справедливый.
«Мало хвалить,— подумалось ей,— и нас да похвалят!
Без наказанья презреть не позволим божественность
нашу».

5 В мысли пришла ей судьба меонийки Арахны. Богиня
Слышала, что уступить ей славы в прядильном

искусстве
Та не хотела. Была ж знаменита не местом, не родом—
Только искусством своим. Родитель ее колофонец
Идмон напивывал шерсть фокейской пурпурною
краской.

10 Мать же ее умерла,— а была из простого народа.
Ровня отцу ее. Дочь, однако, по градам лидийским
Славное имя себе прилежањем стяжала, хоть тоже,
В доме ничтожном родясь, обитала в ничтожных

Гипепах.
15 Чтобы самим увидеть ее труд удивительный, часто
Нимфы сходились к ней из родных виноградников
Тмола,

Нимфы сходились к ней от волн Пактола родного.
Любо рассматривать им не только готовые ткани,—
Самое деланье их: такова была прелесть искусства!
Как она грубую шерсть поначалу в клубки собирала,
20 Или же пальцами шерсть разминала, работала долго,
И становилась пышна, наподобие облака, вълпа.
Как она пальцем большим крутила свое веретенце,
Как рисовала иглой! — видна ученица Паллады.
Та отпирается, ей и такой паставницы стыдно.

25 «Пусть поспорит со мной! Проиграю — отдам что
угодно».

Облик старухи приняв, виски посребрив седшюю

Ложной, Паллада берет, — в поддержку слабого тела, —
Посох и говорит ей: «Не все преклонного возраста
свойства

Следует нам отвергать: с годами является опыт.

30 Не отвергай мой совет. Ты в том домогаешься славы,
Что обрабатывать шерсть всех лучше умеешь

из смертных.

Перед богиней склонись и за то, что сказала, прощенья,
Дерзкая, слезно моли. Простит она, если попросишь».
Искося глянула та, оставляет начатые нити;

35 Руку едва удержав, раздраженье лицом выражая,
Речью Арахна такой ответила скрытой Палладе:

«Глупая ты и к тому ж одряхлая от старости долгой!
Жить слишком долго — во вред. Подобные речи невестка
Слушает пусть или дочь, — коль дочь у тебя

иль невестка.

40 Мне же достанет ума своего. Не подумай, совета
Я твоего не приму, — при своем остаюсь убежденье.

Что ж не приходит сама? Избегает зачем состязанья?»
Ей же богиня, — «Пришла!» — говорит и, образ старухи
Сбросив, явила себя. Молодицы-мигдонки и нимфы

45 Пали пред ней. Лишь одна не трепещет пред нею

Арахна.

Все же вскочила, на миг невольным покрылось

румянцем

Девы лицо и опять побледнело. Так утренний воздух
Алым становится вдруг, едва лишь займется Аврора,
И чрез мгновение вновь бледнеет при солнца восходе.

50 Не уступает она и желаньем своим безрассудным
Гибель готовит себе. А Юпитера дочь, не противясь
И уговоры прервав, отложить состязанья не хочет.

И не замедлили: вот по разные стороны стали,
Обе на легкий станок для себя натянули основу.

55 Держит основу навой; станок — разделен тростниковым
Бёрдом; уток уж продет меж острыми зубьями: пальцы
Перебирают его. Проводя между нитей основы,
Зубьями бёрда они прибывают его, ударяя.

Обе спешат и, под грудь подпоясав одежду, руками

60 Двигают ловко, забыв от старания трудность работы.
Ткется пурпурная ткань, которая ведала чаны
Тирские; тонки у ней, едва различимы оттенки.

Так при дожде, от лучей преломленных возникающая,

могучей

Радуга аркой встает и пространство небес украшает.

65 Рядом сияют на ней различных тысячи красок,
Самый же их переход ускользает от взора людского.
Так же сливаются здесь, — хоть крайние цветом
отличны.

Вот влетают в ткань и тягучего золота нити,
И стародавних времен по ткани выводится повесть.

70 Марсов Тритония холм на Кекроповой крепости нитью
Изображает и спор, как этой земле нарекается.
Вот и двенадцать богов с Юпитером посередине
В креслах высоких сидят, в величавом покое. Любого
Можно по виду признать. Юпитера царственен образ.

75 Бога морей явила она, как длинным трезубцем
Он ударяет скалу, и уж льется из каменной раны
Ток водяной: этим даром хотел он город присвоить.
Тут же являет себя — со щитом и копьем заостренным;
Шлем покрывает главу; эгида ей грудь защищает.

80 Изображает она, как из почвы, копьем прободенной,
Был извлечен урожай плодоносной сребристой оливы.
Боги дивятся труду. Окончанье работы — победа.
А чтоб могла увидеть на примере соперница славы,
Что за награду должна ожидать за безумную
дерзость, —

85 По четырем сторонам — состязанья явила четыре,
Дивных по краскам своим, и фигуры людей поместила.
Были в одном из углов фракцийцы Гем и Родопа,
Снежные горы теперь, а некогда смертные люди, —
Прозвища вечных богов они оба рискнули присвоить.

90 Выткан с другой стороны был матери жалких пигмеев
Жребий: Юнона, ее победив в состязанье, судила
Сделаться ей журавлем и войну со своими затеять.

Выткала также она Антигону, дерзнувшую спорить
С вышней Юноной самой, — Антигону царица Юнона
95 Сделала птицей; не впрок для нее Илион оказался
С Лаомедонтом отцом, и пришлось в оперении белом
Аисту — ей — восхищаться собой и постукивать

клювом.

Угол оставшийся был сиротеющим занят Киниром.
Храма ступени обняв, — родных дочерей своих

члены! —

100 Этот на камне лежит и как будто слезами исходит.
Ткани края обвела миротворной богиня оливой:
Как подбало ей, труд своею закончила ветвью.
А мсонийки узор — Европа с быком, обманувшим
Нимфу: сочтешь настоящим быка, настоящим и море!

105 Видно, как смотрит она на берег, покинутый ею,
Как она кличет подруг, как волн боится коснуться,
Вдруг подступающих к ней, и робко ступни поджмает.
Выткала, как у орла в когтях Астерия бьется;
Выткала Леду она под крылом лебединым лежащей.
110 Изобразила еще, как, обличьем прикрывшись сатира,
Парным Юпитер плодом Никтеиды утробу наполнил;
Амфитрионом лвясь, как тобой овладел он, Алкмена;
Как он Данаю дождем золотым, Асопиду — огнями,
Как Деонду змеей обманул, пастухом — Мнемозину.
115 Изобразила, как ты, о Нептун, в быка превратившись,
Деву Эолову взял, как, вид приняв Энипея,
Двух Алоидов родил, как баран — обманул Бизальтиду.
Кроткая Матерь сама, с золотыми власами из злаков,
Знала тебя как коня; змеевласая матерь Пегаса
120 Птицею знала тебя, дельфином знала Меланта;
Всем надлежащий им вид придала, и местности тоже.
Изображен ею Феб в деревенском обличи; выткан
С перьями ястреба он и с гривой льва; показала,
Как он, лвясь пастухом, обманул Макарееву Иссу;
125 Как Эригону провел виноградом обманчивым Либер
И как Сатурн — жеребец — породил кентавра Хирона.
Край же ткани ее, каймой окружавшийся узкой,
Приукрашали цветы, с плющем сплетенные цепким.
И ни Паллада сама не могла опорочить, ни зависть
130 Дела ее. Но успех оскорбил белокурую Деву:
Изорвала она ткань — обличенье пороков небесных!
Бывшим в руках у нее челноком из киторского бука
Трижды, четырежды в лоб поразила Арахну.

Несчастья

Бедная снесь не могла и петлей отважно сдвила
135 Горло. Но, сжалась, ее извлекла из веревки Паллада,
Молвив: «Живи! Но и впредь — виси, негодяйка!

Возмездье

То же падет, — чтобы ты беспокоилась и о грядущем, —
И на потомство твое, на внуков твоих отдаленных».
И, удаляясь, ее окропила Гекатиных зелий
140 Соком, и в этот же миг, обрызганы снадобьем

страшным,

Волосы слезли ее, исчезли ноздри и уши,
Стала мала голова, и сделалось крохотным тело.
Нет уже ног, — по бокам топорщатся тонкие пожки;
Все остальное — живот. Из него тем не менее тянет
145 Нитку Арахна — паук продолжает плести паутину.

Лидия в трепете вся. О случившемся слух

по фригийским

Градам идет, и широко молва разливается всюду.

Раньше, до свадьбы своей, Ниоба знавала Арахну,

В те времена, как жила в меонийском краю и в Сипиле.

150 Не научило ее наказание землячки Арахны

Высшим богам уступать и быть в выраженьях скромнее.

Многим гордиться могла. Однако ни мужа искусство,

Ни благородная кровь, ни мощь обширного царства

Любы так не были ей,— хоть было и это ей любо,—

155 Сколь сыновья с дочерьми. Счастливейшей матерью

можно

Было б Ниобу назвать, коль себя не сочла б таковою.

Как-то Тиресия дочь, владевшая даром прозренья,

Манто, по улицам шла и, божественной движима силой,

160 Провозглашала: «Толпой, Исмениды, ступайте, несите

Ладан Латоне скорей и обоим, Латоной рожденным,

С благочестивой мольбой! Вплетите в волосы лавры!

Ибо Латона сама моими глаголет устами!»

Внемлют ей дочери Фив, чело украшают листвою

И на священный алтарь моления приносят и ладан.

165 Вот горделиво идет с толпой приближенных Ниоба,

Золотом пышно блестя, во фригийские ткани

вплетепным,—

Даже и в гнев своем прекрасна и, волосы вскинув,

Что ниспадали к плечам, величавой своей головою,

Остановилась и, всех обведя своим взором

надменным,—

170 «Что за безумье? — кричит,— предпочесть понаслышке

известных —

Зримым воочью богам? Почему алтарями Латону

Чтут, а мое божество — без курений? Родитель мой —

Тантал,

Он же единственным был допущен до трапезы Вышних.

Мать — Плеядам сестра; мне дед Атлант величайший,

175 Что на могучем хребте равновесье небесное держит,

Сам Юпитер мне дед. Но им я горжусь и как свекром.

Фригии все племена предо мною трепещут; держава

Кадма под властью моей; возведенная струнами

крепость

Мужа, с народом ее,— в его и в моем управленье.

180 В доме, куда бы я взор ни направила, всюду встречаю

Всяких обилье богатств. К тому же достойна богини

Прелесть лица моего. Семерых дочерей ты причисли,

Юношей столько ж, а там и зятьев и невесток

не меньше.

185 Так вопрошайте ж, на чем моя утверждается гордость!
Не понимаю, как вы порожденную Ксеем-титаном
Смеете мне предпочесть — Латону, которой для родов
Даже великой землей в ничтожном отказано месте.
Небо, земля и вода — всё вашу отвергло богиню.
В мире скиталась, пока над блуждавшей не сжалился
Делос:

190 «Страницей ты по земле блуждаешь, я же —
по морю», —
Остров сказал и приют неустойчивый ей предоставил.
Стала там матерью двух: то детей моих часть лишь
седьмая!
Счастлива я: кто бы стал отрицать? И счастливой
останусь.

Кто усомнится? Меня обеспечило чад изобилье.
195 Так я могуча, что мне повредить не в силах Фортуна.
Если и много возьмет, то более всё же оставит.
Так я богата, что страх мне уже неизвестен.

Представьте,

Что из толпы своих чад кого-нибудь я и лишилась;
Но, обездолена так, до двоих я не снижусь, — а двое —
200 Вся у Латоны толпа; не почти ли бездетна Латона?
Прочь разойдитесь! Алтарь покиньте! С волос

поснимайте

Лавры!» Снимают вепки, покидают жертвы, не кончив,
И — то дозволено им! — небожителей шепотом славят.
Возмущена тут богиня была и с высокой вершины
205 Кинфской с речью такой к своим близнецам

обратилась:

«Вот я, родившая вас, появлением гордая вашим, —
Кроме Юноны, других не ниже богиня, — сомнение
Вижу, богиня ли я?! Алтари у меня отнимают,
Чтимые веки веков, — от вас жду помощи, дети!
210 Это не все еще зло. Танталида к печальному делу
Брань добавила: вас поставить осмелилась ниже
Собственных чад; и меня — то с нею да будет! —
бездетной

Смела назвать, — ведь язык у нее от отца негодяя!»
Намеревалась мольбы тут добавить Латона, но молвил
215 Феб: «Перестань говорить! замедляешь ты жалобой
кару».

То же и Феба рекла, и, быстро по воздуху спрянув,

Кадмова града они, под облаком скрыты, достигли.
 Гладкое было у степ широкое поле. Всечасно
 220 Кони топтали его Колесницы во множестве также.
 Твердых удары копыт размягчали на поприще почву,
 Вот из могучих сынов Амфиона иные садятся
 На горделивых коней, чьи спины алеют багрянцем
 Тирским, и в руки берут отягченные золотом поводья.
 225 Вот между ними Исмен,— что первой матери мукой
 Некогда был,— меж тем, как он правит по кругу
 привычным
 Бегом коня своего и смиряет вспененную морду,—
 «Горе мне!» — вскрикнул: уже впилась стрела
 в середину
 Груды его, и, рукой умирающей повод покинув,
 Сник постепенно Исмен с плеча лошадиного на бок.
 230 Рядом с ним ехавший, стрел услышав бряцанье
 в колчане,
 Вмиг натянул поводья Сипил,—так кормчий пред бурей,
 Тучу завидя, спешит; наставляет полотна, бессильно
 Свисшие, чтобы поймать малейшие воздуха струи.
 235 Вмиг натянул... но едва натянул он поводья, достигнут
 Был неминуемой стрелой; трепеща, она сзади воцвилась
 В шею ему, и торчит наконечник железный из горла.
 Сам он, как был, наклонясь через шею крутую и гриву,
 Наземь скатился, и кровь запятнала горячая землю.
 240 Вот и несчастный Федим, и, названный именем деда,
 Тантал, обычный свой труд завершив и тело натерши
 Маслом, вступили в борьбу,— подходящее юности дело.
 И уж сплетались они, борясь друг с другом, грудь
 с грудью,
 Тесным узлом; как вдруг, с натянутой пущена жилы,
 Братьев пронзила стрела сплетенными, так, как стояли.
 245 И застонали зараз и зараз согбенные мукой
 Наземь сложили тела; зараз и последние взоры
 Вскинули, лежа уже, и вместе дух испустили.
 То увидал Алфенор; и, до крови в грудь ударяя,
 К ним поспешает,— обняв, их к жизни вернуть,
 охладевших.
 250 Но упадает и сам при свершении долга: Делиец
 В грудь глубоко его смертоносным пронзает железом.
 А как стрелу извлекли, на конце крючковатом достали
 Легкого часть, а душа излетела с кровавой струею.
 Отрок меж тем Дамасихтон двойной был ранюю ранен,

255 А не одной. Удар под самой икрою пришелся
 В месте, где мягким узлом под коленом сплетаются
 жилы.
 Но, между тем как стрелу он пытался смертельную
 вырвать,
 В горло вторая ему вонзилась по самые перья.
 Вытолкнул крови напор стрелу, и кверху из раны
 260 Прянула и, далеко полетев, прорезала воздух.
 Илионей, оставшись один, напрасно с мольбою
 Руки меж тем воздевал: «О боги, о все
 без различья!» —
 Молвил, не зная о том, что молиться не всем
 надлежало, —
 «Сжальтесь!» — и тронут был Феб-луконосец, хотя
 невозможно
 265 Было стрелу возвратить. Погиб он, однако, от раны
 Легкой: в сердце его стрела не глубоко вонзилась.
 Слух о беде, и народная скорбь, и домашних рыданья
 Вскоре уверили мать в нежданно постигшем крушенье,
 И удивляться смогла и гневаться, как же дерзнули
 270 Боги такое свершить — что столь права их велики!
 Вот и отец Амфион, грудь острым железом пронзивши,
 Умер, горе свое одновременно с жизнью окончив.
 О, как Ниоба теперь отличалась от прежней Ниобы,
 Что от Латониных жертв недавно народ отвращала
 275 Или когда среди города шла, выступая надменно,
 Всем на зависть своим! А теперь ее враг пожалел бы.
 К хладным припала телам; без порядка она расточала
 Всем семерым сыновьям па прощанье свои поцелуи.
 К небу от них подняла посиневшие руки и молвит:
 280 «Горем питайся и гнев насыщай слезами моими.
 Зверское сердце насыть! И меня на семи погребеньях
 Мертвой несут. Победив, торжествуй надо мною,
 врагиня!
 Но почему — победив? У несчастной больше осталось,
 285 Чем у счастливой тебя. Семерых схоронив —
 побеждаю».
 Молвила, но уж звепит тетива на натянутом луке:
 Кроме Ниобы одной, окружающих всех утрашила.
 Та же от горя смела. Стояли в одеждах печали
 Около братских одров распутившие волосы сестры,
 290 Вот из толпы их одна, стрелу извлекая из тела,
 К брату своим побледневшим лицом, умирая,
 склонилась.

Вот, несчастливцу мать пытаюсь утешить, другая
Смокля внезапно и смерть приняла от невидимой раны,
Губы тогда лишь сомкнув, когда испустила дыханье.
295 Эта, пытаюсь спастись, вдруг падает; та умирает,
Пав на сестру; та бежит, а эта стоит и трепещет.
Смерть шестерых отняла,— от разных погибли раненый,
Лишь оставалась одна: и мать, ее всем своим телом,
Всею одеждой прикрыв,— «Одну лишь оставь мне,
300 только меньшую из всех прошу! — восклицает. — Одну
лишь!»

Молит она: а уж та, о ком она молит,— погибла...
Сирой сидит, между тел сыновей, дочерей и супруга,
Оцепенев от бед. Волос не шевелит ей ветер,
Нет ни кровинки в щеках; на лице ее скорбном
305 Очи стоят; ничего не осталось в Ниобе живого.
Вот у нее и язык с отвердевшим смерзается небом;
Вот уже в мышцах ее к напряженью пропала
способность,

Шея не гнется уже, не в силах двинуться руки,
Ноги не могут ступить, и нутро ее все каменеет.
310 Плачет, однако, и вот, окутана вихрем могучим,
Унесена в свой отеческий край. На горной вершине
Плачет: поныне еще источаются мрамором слезы.

Тут устрашаются все очевидностью божьего гнева,—
Жены, равно и мужи; и все почитают, щедрее
315 Жертвы неся на алтарь разрешившейся двойней богини.
И, как всегда, о былом вспоминают в связи
с настоящим.

Молвил один: «Полей плодородных ликийских насельцы
Тоже, Латону презрев, не остались когда-то без кары.
320 Мало известно о том,— они были незнатные люди,—
Но удивительно все ж. Я озеро видел и место,
Чудом известное тем. Меня мой отец престарелый,—
Сам уж ходить он не мог,— послал отвести туда стадо
Лучших отборных коров, в провожатые дав мне
325 Местного жителя. С ним выбираем мы пастбище вместе;
Видим меж тем: посреди озера, почерневший от угля
Жертв, выступает алтарь, тростником окруженный
дрожащим.

Стал и шепотом: «Будь ко мне благосклонна!»—
 промолвил
 Мой провожатый, и я: «Будь ко мне благосклонна!»—
 промолвил.
 Спрашивал я между тем, чей жертвенник — Фавна,
 наяд ли,
 330 Местного ль бога,— и вот что тамошний передал
 житель:
 «Юноша, этот алтарь — не горного бога обитель.
 Жертвенник той посвящен, которой царица супруга
 Все заказала моря; лишь Делос блуждающий принял
 Странницу,— в те времена сам плавал он, остров
 подвижный,
 335 Там-то Латона легла под Палладиным дровом
 и пальмой
 И породила на свет неугодную мачехе двойню.
 И побежала опять от Юноны родильница, молвят,
 К груди прижавши, детей — бессмертных чету! —
 уносила.
 В Ликию вскоре придя,— где явилась Химера,—
 под тяжким
 340 Зноем, палившим поля, трудом утомленная долгим,
 Солнцем сожженная, пить захотела беглянка-богиня,—
 Жадно меж тем молоко из груди сосали младенцы.
 Вдруг озерко с необильной водой в глубине увидала
 Дола; жители сел ветвистую там добывали
 345 Вербу и гибкий тростник с любезной болотам осокой.
 Вот подошла и, колена согнув, опустила Латона
 Наземь, стремясь почерпнуть студеной струи
 и напиток.
 Сельский народ не велит. К ним так обратилась богиня:
 «Как же воды не давать? Достояние общее — воды.
 350 В собственность воздух не дан никому от природы,
 ни солнце,
 Ни водяные струи; у народного я достоянья!
 Все же дать мне воды на коленях прошу; не пришла я
 Этой водой омыwać свое истомленное тело,—
 Только напиток хочу. Нет влаги в устах говорящей,
 355 И пересохла гортань, в ней голос насилу проходит.
 Нектаром будет глоток мне воды; я уверена, жизнь он
 Мне возвратит: озерной струей вы мне жизнь
 даровали б.
 Вы пожалейте и их, которые тянут ручонки
 С груди моей!» И как раз тянулись ручонками дети.

360 Тронуть кого б не могли богинины кроткие речи?
 Все же молящей они запрещать продолжают, к тому же —
 Ежели прочь не уйдет — угрожают, ругаясь вдобавок.
 Мало того: ногами они и руками взмутили
 Озеро, с самого дна они подняли тишу, нарочно
 365 В воду туда и сюда с намереньем прыгая злостным.
 Жажду гнев одолел: дочь Кея теперь уж не молит
 Их, недостойных, и слов, для богини чрезмерно
 смиренных,
 Не повторяет уже. Вот, к звездам руки подъявля,
 Молвит: «Будете жить вы вечно в озере этом!»
 370 Воля богини сбылась; им нравится быть под водою,
 То в глубину озера всем телом своим погружаться,
 То выступать головой; то по водной поверхности
 плавать,
 Или сидеть ипогда на прибрежии озера, или
 В омут студеный нырять. Доныне они упражняют
 375 В брани свой гнусный язык и, всякую совесть откинув,
 Хоть и сидят под водой, и там все тшятся злословить.
 Хриплым голос их стал: надувается вспухшая шея;
 Сроду широкие рты от брани еще растянулись;
 Головы с телом слились, а шея как будто исчезла;
 380 Спинка у них зелена, а живот — часть главная — белый.
 В тинистом омуте, — род новоявленный, — скачут
 лягушки!»

Только один рассказал, как ликийского племени

люди

Жизнь скончали, другой о Сатире припомнил,

который,

Сыном Латоны в игре побежден на Палладиной флейте,

385 Был им наказан. «За что с меня ты меня же

сдираешь?» —

Молвит. «Эх, правда, — кричит, — не стоило с флейтою
 знаться!»

Так он взывал, но уж с рук и с плеч его содрапа кожа.
 Ранюю стал он сплошной. Кровь льется по телу

струями,

Мышцы открыты, видны; без всяких покровов трепещут

390 Жилы, биясь; сосчитать нутряные все части възможно,

И обнажились в груди перепонок прозрачные пленки.

Пролили слезы о нем деревенские жители, фавны —
 Боги лесов, — и Олимп, знаменитый уже, и сатиры-

Братья, и нимфы, и все, кто тогда по соседним:

нагорьям
395 Пас рудоносных овец иль скотины стада круторогой,
Залили вовсе его, а земля увлажненная слезы
Тотчас в себя вобрала и впитала в глубинные жилы;
В воды потом превратив, на вольный их вывела воздух.
400 Вот он, в крутых берегах устремляясь к жадному морю,
Марсия имя хранит, из фригийских потоков
светлейший.

После рассказов таких народ возвращается снова
К только что бывшему; все об Амфионе плачут и детях.
Все негодуют на мать. По преданью, один лишь

оплакал

Пелоп ее,— и на левом плече, когда он одежды
405 С груди в печали совлек, слоновая кость показалась.
С правым плечом при рожденье оно одинаково было
Цветом, из плоти, как то; но руками отцовскими члены
Были разрублены; вновь, говорят, их составили боги.
Все их нашли, и лишь там, где сходится с краем

ключицы

410 Шея, была пустота; взамен нехватящей части
Вставили кость; и опять оказался в целости Пелоп.

Знатные люди — родня — собираются; ближние

грады

Дали своим порученье царям — с утешеньем явиться,—
Аргос и Спарта, а там Пелопидов столица — Микены,
415 И Калидон, до тех пор еще гневной Диане противный,
Медью богатый Коринф, плодородный предел —

Орхомены,

Патры и град небольшой — Клеоны с Мессею гордой,
Пилос Нелеев; в те дни не Питфеево царство — Трезены,
Много других городов, двумёрским замкнутых

Истмом,

420 И в стороне от него, обращенных к двуморскому Истму.
Кто бы поверил тому? Вы одни не явились, Афины!
Долг помешала свершить им война: подвезенные с моря
Варваров диких войска мопсолийским стенам угрожали.
Царь фракийский Терей с приведенным на помощь

отрядом

425 Их разгромил и победой обрел себе славное имя.
С ним, изобильным землей, и богатством, и силой

живую,

Происходящим к тому ж от Градива, тогда породнился
Царь Пандион, ему Прокну отдав; но ни брачной

Юноны,

Ни Гименея, увы, не видали у ложа, ни Граций.

430 Нет, Эвмениды для них погребальное пламя держали,
Нет, Эвмениды постель постилали для них, и, зловеща,
К кровле припала сова и над брачным сидела покоем.

Через ту птицу Терей и Прокна супругами стали,
435 Через ту птицу — отцом и матерью. Их поздравляла
Фракия, да и они воссылали богам благодарность.

В дни же, когда отдана была дочь Пандиона владыке
Славному и родился сын Йтис — объявлен был

праздник.

Не угадать, что на пользу пойдет! И год уже пятый
В вечной смене Титан довел до осеннего срока.

440 К мужу ласкаясь, тогда промолвила Прокна: «О, если
Только мила я тебе, отпусти повидаться с сестрою
Иль пусть придет сестра! Что скоро домой возвратится,
Тестю в том слово ты дай,— мне ценным будет

подарком,

445 Ежели дашь мне сестру повидать». Он дает повелепье
В море спустить корабли, с парусами и веслами,

в гавань

Кекропа входит Терей, к берегам уж причалил Пирея.

Вот повстречались они, и тесть ему правой рукою
Правую жмет; при знаках благих вступают в беседу.

450 Стал излагать он прибытия цель, порученье супруги,
Он обещанье дает, что гостя воротится скоро.

Вот Филомела вошла, блистая роскошным нарядом,
Больше блистая красой. Обычно мы слышим: такие

В чаще глубоких лесов наяды с дриадами ходят,
Если им только придать подобный убор и одежды.

455 И загорелся Терей, увидевши деву, пылает,—

Словно бы кто подложил огня под седые колосья
Или же лист подпалил и сено сухое в сеннице.

Дева прекрасна лицом. Но царя прирожденная мучит
Похоть; в тех областях население склонно к Венере.

460 Он сладострастьем горит, и ему и пароду присущим.
Страстно стремится Терей подкупить попеченье

служанок,

Верность кормилицы; он прельстить дорогими дарами
Хочет ее самое, хоть целым пожертвовать царством,
Силой похитить ее и отстаивать после войною.

- 465 Кажется, нет ничего, на что бы захваченный страстью
Царь не решился. В груди сдержать он не может
пыланья.
Медлить уж нет ему сил, возвращается жадной он
речью
К Прокниным просьбам, меж тем о своих лишь печется
желаньях,—
Красноречивым он стал от любви, когда неотступно
470 Больше, чем должно, просил, повторяя: так Прокна
желает!
Даже и плакал порой,— так будто б она поручала!
Вышние боги, увы,— как много в груди человека
Тьмы беспросветной! Терей, трудясь над своим
злодеяньем,
Все же как честный почтен и хвалим за свое
преступление.
- 475 Хочет того ж Филомела сама и, отцовские плечи
Нежно руками обняв, поехать с сестрой повидаться
Счастьем молит своим, но себе не на счастье молит!
Смотрит Терей на нее и заране в объятьях сжимает.
Видя лобзанья ее и руки вокруг шеи отцовой,—
480 Всё как огонь смоляной, как пищу для страсти
безумной
Воспринимает; едва родителя дева обнимет,
Хочет родителем быть,— и тогда он честнее не стал бы!
Просьбой двойной был отец побежден. Довольна девица,
Бедная, благодарит, не зная о том, что обоим
485 Радостный ныне успех погибелен будет,— обоим!
Фебу немного трудов еще оставалось, и кони
Стали уже попирать пространство наклонного неба.
Царские яства на стол и Вакхову в золоте влагу
Ставят; мирному спу передают утомленное тело.
- 490 Царь одризийский меж тем, хоть она удалилась, посылает
К ней; представляет себе и лицо, и движенья, и руки,
Воображает и то, что не видел,— во власти желаний
Сам свой питает огонь, отгоняя волньем дремоту.
День наступил; и, пожав отъезжавшего зятя десницу,
495 Девушку царь Пандион поручает ему со слезами.
«Дочь свою, зять дорогой,— побуждаем благою
причиной,
Раз таково дочерей и твое, о Терей, пожеланье,—
Ныне тебе отдаю. И верностью, и материнской
Грудью молю, и богами: о ней позаботься с любовью

- 500 Отчей и мне возврати усладу мсей беспокойной
 Старости в срок: для меня — промедление вялое
длинно;
 Ты поскорей и сама,— довольно с Прокной разлуки! —
 Если ты сердцем добра, ко мне возвратись, Филомела!»
 Так поручал он ее и дочь целовал на прощанье,
 505 И порученьям вослед обильные капали слезы.
 Верности брал с них залог: потребовал правые руки,
 Соединил их, просил его дочери дальней и внуку
 Отчий привет передать и сказать, что крепко их
помнит.
 Еле последнее смог он «прости» промолвить, со словом
 510 Всхлипы смешавши, боясь души своей темных
предчувствий.
 Лишь Филомела взошла на корабль расписной,
и от весел
 Море в движенье пришло, и земли отодвинулся берег,
 Крикнул Терей: «Победил! со мною желанная едет!»
 В сердце ликует, уже наслажденья не может дожидаться
 515 Варвар, взоров своих с Филомелы на миг не спускает:
 Так похититель орел, Юпитера птица, уносит,
 В согнутых лапах держа, в гнездо свое горное — зайца;
 Пленник не может бежать, — добычей любитесь хищник.
 Вот и закончился путь; суда утомленные снова
 520 На побережье своем. Но царь вдруг дочь Пандиона
 В хлев высокий влечет, затененный лесом дремучим.
 Там, уstraшенную всем, дрожащую бледную деву,
 В горьких слезах о сестре вопрошавшую, запер
и тут же,
 Ей злодеянье раскрыв,— одну и невинную,— силой
 525 Одолевает ее, родителя звавшую тщетно,
 Звавшую тщетно сестру и великих богов особливо.
 Дева дрожит, как овца, что, из пасти волка седого
 Вырвана, в страхе еще и себя безопасной не чует.
 Иль как голубка, своей увлажнившая перышки кровью,
 530 Жадных страшится когтей, в которых недавно висела.
 Только очнулась,— и рвать разметенные волосы стала;
 Точно над мертвым, она себе руки ломала со стоном;
 Длани к нему протянув,— «О варвар, в деаньях
жестокий!
 О бессердечный! Тебя,— говорит,— ни отца порученья,
 535 Ни доброта его слез, ни чувство к сестре, ни девичья
 Даже невинность моя не смягчили, ни брака законы!
 Все ты нарушил. Сестры я отныне соперницей стала,

- Ты же — обеим супруг. Не заслужена мной эта мука.
 540 Что ты не вырвал души у меня, чтоб тебе, вероломный,
 Злоумышленье свершить? Что меня не убил до ужасных
 наших соитий? Тогда была б моя тень не повинна.
 Все ж, если Вышние зрят, что случилось, коль что-нибудь
 значат
- Чтимые боги и все не погибло со мною, заплатишь
 545 Карой когда-нибудь мне! Сама я, стыдливость откинув,
 Дело твое оглашу: о, только нашлась бы возможность!
 В толпы народа пойду; и, даже в лесах запертая,
 Речью наполню леса, пробужу сочувствие в скалах!
 То да услышит Эфир и бог, коль есть он в Эфире!»
 Тут от подобных речей возбудился в жестоком владыке
 550 Гнев, и не меньше был страх. Двойной побуждаем
 причиной,
 Высвобождает он меч из висящих у пояса ножен.
 Волосы девы схватив, загнув ей за спину руки,
 Узы заставил терпеть. Филомела подставила горло,—
 555 Только увидела меч, на кончину надеяться стала.
 Но неступленный язык, напрасно отца призывавший,
 Тшвившийся что-то сказать, насильник, стиснув
 щипцами,
 Зверски отрезал мечом. Языка лишь остаток трепещет,
 Сам же он черной земле продолжает шептать свои
 песни.
- Как извивается хвост у змеи перерубленной — бьется
 560 И, умирая, следов госпожи своей ищет напрасно.
 Страшное дело свершив, говорят,— не решишься
 поверить! —
 Долго еще припадал в сладострастье к истерзанной
 плоти.
- Силы достало ему после этого к Прокне вернуться,—
 Та же, увидев его, о сестре вопрошала. Но стоны
 565 Лживые он издает и сестры измышляет кончину.
 Было нельзя не поверить слезам. И Прокна срывает
 С плеч свой блестящий наряд с золотою широкой
 каймою.
- Черное платье она надевает, пустую гробницу
 Ставит и, мнимой душе вознося искупления жертву,
 570 Плачет о смерти сестры, не такого бы плача достойной.
 Год завершая, уж бог двенадцать знаков объехал.
 Но Филомеле как быть? Побегу препятствует стража.
 Стены стоят высоки, из крепкого строены камня.
 О злодеянье немым не промолвить устам. Но у горя

575 Выдумки много, всегда находчивость в бедах приходит.
 Вот по-дикарски она повесила ткани основу
 И в белоснежную ткань пурпурные нити воткала, —
 О преступленья донос. Доткав, одному человеку
 Передала и без слов отнести госпоже попросила.
 580 Этот же Прокне отнес, не узнав, что таит порученье.
 Вот полотно развернула жена государя-злодея,
 И Филомелы сестра прочитала злосчастную повесть,
 И — удивительно все ж! — смолчала. Сквана болью
 Речь, языку негодующих слов недостало для жалоб.
 585 Плакать себе не дает; безбожное с благочестивым
 Перемешав, целиком погружается в умысел мести.
 Время настало, когда тригодичные таинства Вакха
 Славят ситонки толпой; и ночь — соучастница таинств:
 Ночью Родопа звучит бряцанием меди звенящей.
 590 Ночью покинула дом свой царица, готовится богу
 Честь по обряду воздать; при ней — орудья радений.
 На голове — виноград, свисает с левого бока
 Шкура оленья, к плечу прислоняется тирс легковесный.
 Вот устремилась в леса, толпой окруженная женщиц,
 595 Страшная Прокна с душой, иступленными муками
 Будто твоими, о Вакх! Сквозь чашу достигла до хлеба,
 И, завывая, вопит «эвóэ!», врывается в двери,
 И похищает сестру; похищенной, Вакховы знаки
 Ей надевает, лицо плющом ей закрыла зеленым
 600 И, изумленную, внутрь дворца своего увлекает.
 Лишь повяла Филомела, что в дом нечестивый вступила,
 Бедную ужас объял, и страшно лицо побледнело.
 Прокна же, место найдя, снимает служения знаки
 И злополучной сестры застыдившийся лик открывает.
 605 Хочет в объятиях сжать. Но поднять Филомела
 не смеет
 Взора навстречу, в себе соперницу сестрину видя.
 Лик опустила к земле и, призвав во свидетели Вышних,
 Клятву хотела принести, что насилье виною позора,
 Но лишь рука у нее, — нет голоса. И запылала
 610 Прокна, и гнева в себе уж не в силах сдержатъ.
 Порицая
 Слезы сестры, говорит: «Не слезами тут действовать
 надо,
 Нужен тут меч, иль иное найдем, что меча посильнее.
 Видишь, сама я на все преступленья готова, родная!
 Факелы я разожгу, дворец запалю государев,

- 615 В самое пламя, в пожар искусника брошу Теряя,
Я и язык, и глаза, и члены, какими он отнял
Стыд у тебя, мечом иссеку, и преступную душу
Тысячью ран изгоню! Я великое сделать готова, —
И лишь в сомнении — что?» Пока она так говорила,
- 620 Итис к матери льнул — и ее надоумил, что́ может
Сделать она. Глядит та взором суровым и молвит:
«Как ты похож на отца!» И уже не прибавив ни слова,
Черное дело вершит, молчаливой сжигасема злобой.
Но лишь приблизился сын, едва обратился с приветом
- 625 К матери, шею ее ручонками только нагнул он,
Стал лишь ее целовать и к ней по-ребячьи ласкаться,
Все же растрогалась мать, и гнев перебитый прервался,
И поневоле глаза увлажнились у Прокны слезами.
Но, лишь почуяв, что дух от прилившего чувства
слабеет,
- 630 Снова от сына она на сестру свой взор переводит.
И на обоих смотря очередно: «О, тронет ли лаской
Он,— говорит,— коль она молчит, языка не имея?
«Мать»—называет меня, но ты назовешь ли «сестрою»?
В браке с супругом каким, посмотри ты, дочь
Пандиона!
- 635 Ты унижаешь свой род: преступленье — быть доброй к
Терею!»
Миг — и сына влечет, как гигантская тащит тигрица
Нежный оленихи плод и в темные чаши уносит.
В доме высоком пайдя отдаленное место,— меж тем как
Ручки протягивал он и, уже свою гибель предвидя,—
- 640 «Мама! Мама!»— кричал и хватал материнскую шею,—
Прокна ударом меча поразила младенца под ребра,
Не отвратив и лица. Для него хоть достаточно было
Раны одной,— Филомела мечом ему горло вспорола.
Члены, живые еще, где души сохранялась толика,
- 645 Режут они. Вот часть в котлах закипает, другая
На вертелах уж шипит: и в сгустках крови покой.
Вот к какому столу жена пригласила Теряя!
И, сочинив, что таков обряд ее родины, в коем
Муж лишь участник один, удалила рабов и
придворных,
- 650 Сам же Терей, высоко восседая на дедовском кресле,
Ест с удовольствием, сам свою плоть набивая в утробу.
Ночь души такова, что,— «Пошлите за Итисом!»—
молвит,

Доле не в силах скрывать ликованья жестокого
 Прокна,—
 655 Вестницей жаждет она объявиться своей же утраты,—
 «То, что зовешь ты, внутри у тебя!»— говорит.
 Огляделся
 Царь, вопрошает, где он. Вновь кличет и вновь
 вопрошает.
 Но, как была,— волоса разметав,— при безумном
 убийстве,
 Вдруг Филомела внеслась и кровавую голову сына
 Кинула зятю в лицо: вовек она так не хотела
 660 Заговорить и раскрыть ликованье достойною речью!
 И отодвинул свой стол с ужасающим криком фракиец.
 И змеевласых сестер зовет из стигийского дола.
 Он из наполненных недр — о, ежели мог бы он! —
 тшится
 Выгнать ужасную снедь, там скрытое мясо, и плачет,
 665 И называет себя злополучной сына могилой!
 Меч обнажив, он преследовать стал дочерей Пандиона.
 Но Кекропиды меж тем как будто на крыльях повисли.
 Вправду — крылаты они! Одна устремляется в рощи,
 670 В дом другая,— под кров. И поныне знаки убийства
 С грудки не стерлись ее: отмечены перышки кровью.
 Он же и в скорби своей, и в жажде возмездия быстрой
 Птицею стал, у которой стоит гребешок на макушке,
 Клюв же, чрезмерной длины, торчит как длинное
 древко;
 Птицы названье — угод. Он выглядит вооруженным.
 675 Это несчастье, не дав Пандиону познать долголетье,
 Раньше срока свело несчастливца к аидовым теням.
 Принял тогда Эрехтей управленье делами и скипетр.
 И неизвестно,— славней справедливостью был он иль
 войском.
 Он четырех породил сыновей и столько же рода
 680 Женского; были из них две дочери равны красою.
 Кефал Эолов, тебя, о Прокрида, назвавши супругой,
 Счастье узнал. А Борею — Терей и фракийцы мешали;
 Бог был долго лишен любезной ему Орифи́и,
 685 Просьбам пока предпочесть не желал применение силы.
 Но, как ни в чем не успел, наделсь на мягкость, в
 ужасный
 Гнев пришел, что и так чрезмерно свойствен Борею.
 «И поделом! — он сказал,— для чего отложил я оружие,

КНИГА СЕДЬМАЯ

- Море минийцы уже кораблем пагасейским браздили.
Скудную старость свою влачащий в темени вечной,
Встречен был ими Финей, и молодые сыны Аквилона
Птиц-полудев от лица злополучного старца прогнали.
5 Вынесли много они, предводимые славным Ясоном,
Быстрого Фасиса волн иловатых доколь не достигли.
Вот явились к царю и руно им Фриксово выдать
Требуют, множеством дел превеликих ему похваляясь;
Этиада меж тем могучим огнем загорелась
10 После упорной борьбы, когда одолеть уж рассудком
Страсти своей не могла, — «Ты борешься тщетно,
Медея, —
Молвит, — не знаю какой, но препятствует бог, и едва ли
Это не тот, — или сходственный с ним, — что любовью
зывается.
Что же наказания отца мне кажутся слишком суровы?
15 Да и суровы они! Что боюсь, не погиб бы пришелец,
Мельком лишь виденный мной? Где столь сильной
причина боязни?
Выври из груди своей, несчастная, ежели сможешь,
Этот огонь! О, если б могла, я разумней была бы!
Но против воли гнетет меня новая сила. Желаю
20 Я одного, но другое твердит мне мой разум. Благое
Вижу, хвалю, но к дурному влекусь. Что пылаешь ты
к гостю,
Царская дочь, устремясь к чужедальному ложу? И отчий
Край тебе милого даст! А он умрет ли иль будет
Жив — то во власти богов. О, лишь бы он жил! Ведь об
этом
25 Можно молить, не любя. А деяния малы ль Ясона?
Тронуть кого бы не мог — бездушного разве! — Ясонов
Возраст, и доблесть, и род? И даже без этого, кто же

Не был бы тронут лицом? Вот и тронута им мое сердце.
Помощь ему не подам,— и быков он спалится дыханьем;
30 Вступит с врагами он в бой, из его же взошедшими
сева,

Или добычею дан ненасытному будет дракону.

Если я это стерплю, признаю тогда, что тигрицей
Я рождена, что ношу железо в сердце и камни!
Но почему не гляжу на погибель его, паблюденьем
35 Не оскверняю глаза? Что быков на него не направлю,
И порожденных землей дикарей, и бессонного змея?..
Боги пусть благо свершат. Не просить мне должно,
однако,—

Действовать надо! Но как предам я царство отцово?
А неизвестный пришелец, которому помощь подам я,
40 Мною спасец, без меня свой парус распустит по ветру,
Чтобы стать мужем другой и на муки оставить Медею?
Пусть, коль это свершит,— предпочесть мне сможет
другую,—

Неблагодарный умрет! Но лицо у него не такое,
И таковы благородство души и наружности прелесть,
45 Что не пугает меня ни обман, ни забвенье услуги.
Пусть поклянется вперед! Договора в свидетели Вышних
Я призову. Что страшиться тебе? Поспешай,
промедленья

Все отложи! И себе навсегда ты обяжешь Ясона,
Он съединится с тобой при торжественных светочах;
будут

50 Женщины славить тебя за добро в городах пеласгийских!
Что же я — брата, сестру, и отца, и богов своих брошу?
Землю родную свою, унесенная по морю ветром?

Правда, сердит мой отец, и родина, правда, сурова,
Брат — младенец, сестры совпадают с моими желанья.
55 Бог величайший во мне! Я меньше на родине брошу,
Чем обрету: почтут меня спасшей ахейскую юность.

Лучше узнаю я край, города, о которых доходит
Слава и в этот предел, обычай тех стран и искусства.
Станет супругом моим Эсонид,— а его не сменила б

60 Я ни на что, чем богата земля,— и счастлива буду,
Милостью Вечных горда, и звезд коснусь головою.
Пусть, как слышала я, там сходятся будто бы горы
Посередине воды, где, с судами враждая, Харибда
Хлябь то вберет, то отдаст; опоясана злобными псами,
65 Из сицилийских глубин пусть лает жадная Скилла!
Нет, Ясона обняв, прижимаясь к возлюбленной груди,

В дали морские помчусь. С ним рядом бояться не буду.
Если ж чего забоюсь,— забоюсь лишь за милого мужа.
Брак не задумала ль ты, не словами ль красивыми

хочешь

70 Грех свой, Медея, прикрыть? Погляди, пред каким
Ты очутилась? Пока еще можешь, беги преступленья!»—
Молвила так. И тотчас справедливость, почтенье,

стыдливость

Взору предстали ее,— бежал Купидон побежденный.

К древним Медея пошла алтарям Персеиды Гекаты,

75 Что в потаенном лесу были скрыты, в дубраве тенистой.
Овладевает собой; отверженный пыл усмирился.

Но увидала его,— и потухшее вспыхнуло пламя,

Щеки зарделись опять, лицо ее все загорелось.

Как — если ветер подул — им питается малая искра,

80 Что, незаметна, еще под тлеющим пеплом таилась,
Снова растет и опять, расшевелена, мощь обретает,
Так и затихшая страсть, что, казалось, уже ослабела,—
Лишь появился Ясон, от его красоты разгорелась.

И приключилось как раз, что еще был красивей собою

85 Сып Эсонов в тот день: извинил бы влюбленную каждый!
Смотрит, и будто его увидала впервые, не сводит
Остановившихся глаз и в безумии мнит, что не смертный
Перед очами ее, от него оторваться не в силах.

Но лишь в беседу вступил и за правую взял ее руку

90 Гость и о помощи стал просить ее голосом тихим,
Мужем ей стать обещал,— сказала она со слезами:
«Вижу, что делаю,— нет, меня не познание правды
Вводит в обман, но любовь. Тебя я спасу своим даром,
Ты же — спасенный — клянись!» И святыней богини

триликой,

95 Темной дубравую той, где ее божество почиталось,
Вечно всезрящим отцом своего пареченного тестя,
Благополучьем своим и дежьями всеми клянется.
Верила дева — тотчас получил он волшебные травы;
Как применить их, узнал и довольный домой возвратился.

100 Нового утра заря согнала лучезарные звезды,
Стал собираться парод на священное Марсово поле;

Вот уж стоят на холмам. В середине сам царь восседает

В пурпуре, скипетром он из кости слоновой отличен.

Вот вылетает уже из ноздрей адамантовых пламя

105 У медноногих быков,— и, дыхом их тронуты, травы
Тлеют. Как слышится шум из полного пламени горна

Иль в печи земляной раскаленные пышут камни
Ярким огнем, если их водляные обрызгают капли,—
Так же и грудь их шумит, где клубится стесненное

пламя,

110 И огневая гортань. Но навстречу идет им Эсонов
Сын. Обратили они в лицо подходившего храбро
Страшные морды свои и рога с острием из железа;
Пыльную землю разят раздвоенным копытом и

местность

Всю наполняют вокруг мычаньем своим дымоносным.

115 Ужас минийцев сковал. Ясон же подходит, не чуя
Дыха палящего,— вот какова чародейная сила! —
Смело он правой рукой подгрудки отвисшие треплет
И, подведя под ярмо, заставляет быков тяжеленный
Илуг волочить и взрезать непривычную землю железом.

120 Колхи — диву дались. А минийцы кричат, возбуждая
Храбрость его. Тут Ясон достает из медного шлема
Зубы дракона и их рассеивает по вспаханной ниве.
Почва смягчит семена, напоенные ядом могучим,—
Зубы растут, и из них небывалые люди выходят.

125 Как принимает дитя человеческий образ во чреве
Матери и в глубине из частей свой состав образует
И на всеобщий простор не выходит, пока не созреет,—
Так, лишь когда развился в утробе беременной почвы
Образ людей из семян,— показались из пивы чрсовой.

130 Но удивительней то, что уже потрясали оружием!
Лишь увидали, что те свои заостренные копья
Приготовляют уже в гемопийского юношу кипуть,
В страхе поникли зараз головою и духом пеласги.

Тут устрашилась и та, кем юноша был безопасен,
135 Видя, как вдруг на него столь много врагов ополчилось,
Стала бледна, холодна, без кровинки в лице опустилась
И, чтобы силы у трав достаточно было, в подмогу
Шепчет заклятий слова и к тайной взывает науке.

Камень тяжелый меж тем бросает он в их середину,—
140 Бой отвортив от себя, меж собой заставляет их биться.
Гибнут, друг друга разя, землей порожденные братья,
Междуусобным мечом сражены. Веселятся ахейцы
И, победителя сжав, теснят его в жадных объятьях.

Сжать в объятьях его ты, варварка, тоже хотела,—
145 Стыд лишь помехой тебе. Иначе его обняла бы!

Да удержало тебя попеченье об имени добром.

Молча — дозволено то! — веселишься душой,

превозносишь

- Чары заклятий своих и богов, создающих заклятья.
 Но оставалось еще усыпить бессонного змея.
- 150 С гребнем, о трех языках, с искривленными был он
 зубами,
 Страх нагоняющий страж, золотого блюститель барана.
 Только его окропил он травами с соком летейским,
 Трижды слова произнес, что сладостный сон нагоняют,
 Что бушеванье морей умирляют и бурные реки,—
- 155 Сон к бессонным очам подошел, и герой пеласгийский
 Золотом тем завладел. Доволен добычей, с собою
 Он и другую увез,— виновницу первой,— и вскоре
 В порт Иолкский вошел победителем с юной супругой.
 Ради возврата сынов, отцы-старики с матерями
- 160 В дар приношенья несут; растоплено пламенем жарким,
 Сало стекает, и бык молодой с золотыми рогами
 В жертву богам принесен. Лишь Эсон не участник
 веселья,
 Близкий к кончине уже, от лет своих долгих усталый,
 Молвит тогда Эсонид: «О супруга, кому я обязан
- 165 Подлинно счастьем своим! Хоть ты мне и все даровала,
 Благодеянья твои хоть уже превзошли вероятье,—
 Если возможно,— но что для чар невозможно
 волшебных? —
 Часть годов у меня отними и отцу передай их».
- 170 Слез не сдержала она, сыновним тронута чувством,
 Вспомнила чувства свои, отца, что ею покинут.
 Сердца, однако, она не раскрыла и молвила: «Муж мой,
 Что за нечестье твои осквернило уста? Как могу я
 Переписать часть жизни твоей на другого? Гекаты
- 175 Соизвольенья не чай, не должного просишь. Однако
 Больше, чем ты попросил, подарить, о Ясон, попытаюсь.
 Свекра длительный век обновить я попробую, вовсе
 Лет не отняв у тебя,— троеликая лишь бы богиня
 Мне помогла и к моим чрезвычайным склонилась
 деяньям!»
- 180 Трех не хватало ночей, чтоб рога у луны съединились
 И завершили бы круг. Но лишь полной она засияла,
 Только на землю взирать начала округлившимся ликом,
 Вышла Медея, одна, в распоясанном платье, босая,
 Пышные волосы вдоль по плечам распустив без убора,
 Шагом неверным, в немом молчании ночи глубокой,
- 185 Без провожатых идет. И люди, и звери, и птицы
 Полный вкушают покой. Не шепчет кустарник,
 недвижим;

Леса безмолвна листва, туманный безмолвствует воздух.
 Звезды мерцают одни. И она простерла к ним руки,
 Трижды назад обернулась, воды зачерпнула в потоке
 190 И омочила волосы и трижды уста разрешила
 Воем; потом, опершись коленом о твердую землю,
 Молвила: «Ночь! Наперсница тайн, что луной золотою
 Свету преемствуешь дня! Вы, звезды! Геката с главою
 195 Троичной, ты, что ко мне сообщницей дела нисходишь
 Мне помогать! Искусство волшебы и заклятия магов!
 Ты, о Земля, что магам даешь трав знанье могучих,
 Воздух и ветры, и вы, о озера и реки, и горы,
 Вы все, боги лесов, все боги почные, явитесь!
 Вами, по воле моей, возвращаются реки к истокам
 200 На удивленье брегам; заклинаньями я усмиряю
 Бурного моря волну и волну безбурное море;
 Ветры зову и гоню, облака навожу и свожу я;
 Лопаться зевы у змей заставляю я словом заклятья;
 Дикае камни, дубы, что исторгнуты с корнем из почвы,
 205 Двигаю я и леса; велю — содрогаются горы,
 И завывает земля, и выходят могильные тени.
 Силой влеку и тебя, луна, хоть медью темесской
 Твой сокращаю ущерб. От заклятий моих колесница
 Деда бледнее; мой яд бледнеть заставляет Аврору.
 210 Вы мне и пламя быков притупили, изогнутым плугом
 Вы пожелали сдвинуть их, груза не знавшую, выю;
 В яростный бой меж собой вы бросили змеерожденных,
 Стража, не знавшего сна, усыпили, — руно ж золотое,
 Змея хитро обведя, переправили в гавани греков.
 215 Ныне мне нужен состав, от которого стала бы старость
 Вновь, освежившись, цвести и вернулись бы юные годы.
 Вы не откажете мне. Не напрасно свергали созвездья,
 И не напрасно, хребтом влекома крылатых драконов,
 Вот колесница летит». И спустилась с небес колесница.
 220 Только Медея взшла, лишь погладила шею драконам
 Взнузданным, только встряхнуть успела послушные
 вожжи,
 Как вознеслась в высоту, и уже фессалийскую Темпе
 Зрит пред собою, и змей в пределы знакомые правит.
 Травы, что Осса родит с Пелионом высоким, какие
 225 Офрис возвращает и Пинд, и Олимп, что возвышенной
 Пинда,
 Явственно видит — и те, которые рвет она с корнем
 Или же режет своим медяным серпом искривленным.

Много она набрала растений с берегов Апида,на,
 Много — с Амфриса; и ты, Энипей, не остался нетронут
 230 Тоже; Пеней и Сперхия тож ей что-нибудь каждый
 В дань принесли, и брега тростниками поросшие Беба,
 И с Антедоны траву животворную рвет, на Эвбее,—
 Люди не знали о ней, превращенья не ведая Главка.
 Девять дней и ночей ее видели, как, в колеснице
 235 Мчась на змеиных крылах, она озидала равнины —
 И возвратилась. И вот,— хоть запах один их коснулся,—
 Сбросили змеи свою долголетнюю старую кожу.
 Остановилась, прибыв, у порога стоит, за дверями.
 Кровлей одни были ей небеса. Избегала касаний
 240 Мужа. Два алтаря сложила из дерна Медея,
 Справа — Гекаты алтарь и жертвенник Юности — слева.
 Дикой листвою оплела и ветвями священными оба.
 Недалеко откидав из ям двух землю, свершает
 Таинство; в горло овцы чернорунной вонзает Медея
 245 Нож и кровью ее обливает широкие ямы,
 Чистого чашу вина сверх крови она возливала,
 Медную чашу брала, молока возливала парного;
 Льются меж тем и слова,— богов призывает подземных,
 Молит владыку теней с похищенной вместе супругой,
 250 Чтоб не спешили отнять у тела дряхлого душу.
 Милость обоих снискав молитвенным шепотом долгим,
 Хилого старца она приказала из дома наружу
 Вынести и, погрузив его в сон непробудный заклатьем,
 Словно безжизненный труп на подстил травяной
 положила.
 255 Вот приказала она отойти и Ясону и слугам,
 Непосвященный их взор отвести повелела от тайны.
 И удаляются все. Волоса распустивши, Медея
 Рдеющих два алтаря обошла по обряду вакханок.
 В черной крови намочив расщепленные факелы, держит
 260 Их на обоих огнях и вершит очищение старца
 Трижды огнем, и трижды водой, и серою трижды.
 В медном котле между тем могучее средство вскипает
 И подымается вверх и вздувшейся пеной белест.
 Варит и корни она, в гемонийском найденные доле,
 265 И семена, и цветы, и горькие соки растений;
 В них добавляет еще каменья с окраин Востока,
 Чистый песок, что омыт при отливе водой океана,
 Вот подливает росы, что ночью собрана лунной;
 С мясом туда же кладет и поганые филина крылья,

270 Оборотня потроха, что волчий образ звериный
В вид изменяет людской; положила в варево также
И кинифийской змеи чешуйчатой тонкую кожу;
Печень оленя-самца; в состав опустила вдобавок
Голову с клювом кривым вековухи столетней — вороны.
275 Тысячи к этим вещам прибавив еще безымянных,
Варварка, смертному в дар потребный состав приговинь,
Кроткой оливы седой давно уже высохшей ветвью
Варево стала мешать от дна и до верхнего слоя.
Вдруг этот старый сучок, вращаемый в меди горячей,
280 Зазеленел, а потом чрез короткое время оделся
В листья и вдруг отягчен стал грузом тяжелых оливок.
Всякий же раз, как огонь из бронзовой брызгал купели
Пеной и капли ее упали горящие наземь,
Зелень являлась, цветы и густая трава луговая.
285 Только увидела то, Медея свой меч обнажила,
Вскрыла им грудь старика и, прежней вылиться крови
Дав, составом его наполняет. Лишь Эсон напился,
Раной и ртом то зелье впитав, седину свою сбросил;
Волосы и борода вмиг сделались черными снова,
290 Выгнана вновь худоба, исчезают бледность и хилость,
И надуваются вновь от крови прибавленной жилы,
Члены опять расцвели. Удивляется Эсон и прежний —
Сорокалетье назад — свой возраст молодой вспоминает.
Вот увидел с высоты чудеса столь великой колдушны
295 Либер и вздумал тогда, что его бы кормилицам можно
Юные годы вернуть, — и дар получил от колхидки.
Чтобы злодейств не прервать, с супругом притворную
ссору
Изображает она и, молельщицей, к Пелия дому
Быстро бежит: ее, — ибо сам он уж старец глубокий, —
300 Дочери царские там принимают. Вскоре колхидка
Хитрая их оплела, обольстила их ложною дружбой.
Вот о заслугах своих рассказ им ведет, — как избавлен
Эсон от старости был, — и рассказ замедляет на этом.
И возникает в сердцах у Пелиевых дев упованье,
305 Что от искусства ее и отец их вернет себе юность.
Вот уже просят и ей обещают любую награду.
Та помолчала чуть-чуть, колеблясь будто в решенье,
Ждать заставляет себя, напускною их важностью муча.
Все ж обещает, сказав: «Чтоб больше доверия было
310 К дару у вас моему, пусть вашего овчьего стада
Старший вожак от составов моих превратится в
ягнелка».

Вот уж притащен баран, от бесчисленных лет
истощенный,

Около полых висков крутыми украшен рогами.

315 Только вонзила она свой нож гемонийский в сухое
Горло, едва лезвие запятналось скудной кровью,
Тушу барана в котел погружает колдунья и тут же
Мощный вливает состав,— и уже уменьшаются члены,
И исчезают рога, а вместе с рогами и годы,
Блеянье нежное вдруг из медного слышится чана.

320 Все в изумленье кругом,— меж тем из сосуда ягненок
Выпрыгнул; резво бежит и молочного вымени ищет.
В оцепененье стоят все дочери Пелия; так как
Правда доказана им, они лишь настойчивей просят.

325 Трижды Феб распрягал погруженных в Иберскую реку
Кóней, четвертую ночь засияли лучистые в небе
Звезды,— и вот на огонь Эптова дочь, лиходейка,
Чистой ставит воды с травой, не имеющей силы.

Вот, как убитый, заснул сам царь, предавши покою
Тело свое, а с царем и стражи спокойно заснули,—
330 Сон навело колдовство и могущество речи волшебной.

Дочери в отчий покой по приказу колхидки проникли,
Стали вокруг ложа его. «Что колеблетесь, что нерадивы?
Выньте мечи,— говорит,— престарелую кровь

извлеките,—

Жилы пустые его наполню я новою кровью.

335 В ваших отныне руках и жизнь, и возраст отцовский.
Ежели есть в вас любовь и не зря предались вы надежде,
Так услужите отцу, оружием исторгните старость,
Кровь дурную его, железо вонзив, удалите!»

340 Та, в ком чувство сильней, бесчувственной первая стала:
Вот преступленье творит, не преступная; сестры не
в силах

Видеть ударов ее и, взор от отца отвращая,

Раны ему наугад десницей дикой наносят.

345 Кровью меж тем истекая, он все ж подымается с ложа,
Полурастерзанный встать с постели пытаясь, и между
Стольких взнесенных мечей протянул побелевшие руки.
«Дочери, что вы? — сказал,— что вас против жизни
отцовой

Вооружает?» — у них — и души упали и руки.

Молвить хотел он еще, по вместе с гортанью колхидка
Речь отняла и растерзанный прах в кипяток опустила.

350 Если б она в небеса не умчалась на змеях крылатых,
Кары избегла б едва ль. Высоко несется, минуя

В рощах густых Пелпон и кровли Филиры, минуя
Офрис и дальше места, что прославлены древним

Керамбом:

355 Подали помощь ему и на крыльях приподняли в воздух
Нимфы, когда разлилось и обрушилось море на сушу, —
Девкалионовых вод оттого он избег, не потоплен.

Вот оставляет она Эолийскую слева Питану,
Изображенье из скал как будто бы длинного змея,
Иду и рошу ее, где сведенного сыном теленка

360 Некогда Либер укрыл под обличем ложным оленя;
Где над Корита отцом возвышается холмик печальный.

Также поля, уstraшенные вдруг завыванием Меры;
Град Эврипила, где вмиг хвастливые женщины Коса
Стали рогаты, в тот день как отряд отошел Геркулеса.

365 Фебом любимый Родос, и народ иализских телхинов,
Глаз которых все портил кругом, — на что ни посмотрят.
Вознепавидел и скрыл их под братнины воды Юпитер.

Кеи старинной она миновала Картейскую крепость,
Где через много годов удивиться отцу предстояло

370 Алкидаманту, что дочь обернулася мирной голубкой.
Озеро видит она Гириэи и Кикнову Темпе,

Те, что прославил своим появлением лебедь. Там

Филлий

Мальчику отдал во власть прирученных пернатых,

а также

Дикого льва. Приказанье быка одолеть получил он

375 И победил; но, сердясь, что любовь его презрена снова,
Филлий, как тот ни просил, быка ему не дал в награду.
Кики возмущенный сказал: «Пожелаешь отдать!»

И с высокой

Спрыгнул скалы. Вокруг все подумали: мальчик

разбился, —

На белоснежных крылах повисал новоявленный лебедь!

380 А Гириэя меж тем, не зная, что спасся он, плачем
Вся излилась и дала возникшему озеру имя.

Рядом лежит и Плеврон, в котором, на трепетных

крыльях,

Комба, Офия дочь, от детей избежала ранений.

Видит Медея поля Калавреи, Латониду милой,

385 Помнящей, как государь с супругою в птиц обратились.
Справа Киллена лежит, на которой пришлось Менефрону
С матерью ложе делить наподобие дикого зверя.

Видит Кефиса вдали, который над участью плачет

Внука, что некогда был обращен Аполлоном в тюленя;

390 Дом и Эвмела царя, что оплакивал в воздухе сына.
 Вот на змеиных крылах, наконец, в Эфире Пиренской
 Снизилась. Древних людей при пачале веков тут явилось
 Смертное племя,— его дождевые грибы породили.
 Лишь молодая жена сторела от ядов колхидских,
 395 И пламеневший дворец два моря увидели разом,
 Кровью детей заливается меч нечестивый, и мчится
 Гнусно отместившая мать, от оружия спасаясь Ясона.
 Вот, на Титановых мчась драконах, вступает Медея
 В крепость Паллады. Тсбя там, Федея вернейшая, зрели;
 400 Зрели, Периф, и тебя,— как по воздуху вместе летели;
 Также на новых крылах Полипемона видели внучку.
 Принял колдунью Эгей — в одном осудный деянье;
 Мало что принял ее,— съединился с ней узами брака;
 Вот появился Тезей — отцу незнакомое чадо —
 405 Доблести полный герой, усмиритель двуморского Истма.
 Чтобы его извести, аконит заварил Медея,—
 Ею он был привезен когда-то со скифских побережий.
 Произвели же его, как о том говорится в преданье,
 Зубы Ехиднина пса. Пещера с отверстием черным
 410 Есть при дороге крутой, по которой тирийянин
храбрый
 Цербера-пса, что идти упирался, глаза от сверкавших
 Солнца лучей отвратив, на цепи адамантовой к свету
 Вывел. А тот, разъярьсь, возбуждаемый бешеной злобой,
 Громким лаем тройным одновременно воздух наполнил
 415 И по зеленым лугам разбросал белесую пену.
 Пена пустила ростки, говорят, и, влагу впивая
 Из плодоносной земли, получила зловредную силу.
 Этот живучий цветок, растущий на твердых утесах,
 Жители сел аконитом зовут. По коварству супруги
 420 Сыну родитель Эгей его, как врагу, преподносит,
 Правой рукою Тезей в неведение взялся за чашу,—
 Но примечает отец на мече костяной рукоятки
 Знак родовой и от уст сыновних отводит злодейство.
 Смерти избегла она, облака заклинаньяи сдвинув.

425 Царь же отец, хоть и был спасеньем обрадован сына,
 В ужас великий пришел, что столь безбожное дело
 Чуть не свершилось. Огни он не медля алтарные теплит
 И для богов не жалеет даров; поражают секиры
 Выи тугие быков с рогами в священных повязках.
 430 Для Эрехтидов вовек, говорят, не вставал лучезарно
 Более праздничный день. Пируют и знатные люди,

И небогатый народ. За вином, возбуждающим души,
Песни запели: «Тобой, великий Тезей, восхищенья
Полн Марафон,— что быка обагрился ты критского

кровью!

- 435 То, что спокойно теперь кромионский пашет селянин,—
Дар и заслуга твои. Чрез тебя и предел Эпидавра
Видел, как мертвым упал жезлоносный потомок Вулкана;
Видел Кефиса поток бессердечного гибель Прокруста;
Как был убит Керкион, Элевсин то видел Церерин;
440 Мертв и Сипис, во зло применявший великую силу,—
Перегибавший стволы, до земли наклоняющий сосны,
Чтоб, разорвав, разметать широко тела человека.
До Алкатои, до стен лелегийских дорога спокойна,—
С самой поры, как Скирон усмирен. Разъятые кости
445 Татя земля отказалась принять и вода отказалась.
Долго носились они, говорят, и, состарившись, стали
Скалами; скалы хранят и доныне Скироново имя.
Если заслуги твои и года захотим мы исчислить,
Дел будет больше, чем лет. Пожеланья свои,
о храбрейший,
450 Мы всенародно гласим, за тебя испиваем мы чаши!»
Был одобреньем дворец оглашен и мольбами желавших
Блага. В городе всем не нашлось бы печального места!
Все же — настолько земля чужда наслаждений всецелых,
И проникает всегда в веселье забота! — спокойно
455 Не веселился Эгей, возвращение празднуя сына.

Войско готовил Минос. Хоть был он силен

ополченьем

- И кораблями силен, но гневом отцовским сильнее.
Намеревался отмстить по праву за смерть Андрогей.
Но пред началом войны собирает союзные силы.
460 Всюду, где доступ ему, с окрыленным рыскает флотом:
Он уж Анафу привлек и Астипалейское царство,
Взял он Анафу — прельстив, а Астипалею — войною.
Низменный взял он Микон и поля меловые Кимвола,
Взял и цветущий Сирон, и Кити с Серифом равнинным,
465 Мраморный взял он Парос и безбожной проданный
Арной
Сифи,— скупая, она, получив по условию злато,
Птицею стала, у ней и доныне пристрастие к злату,—
Ходит на черных ногах и черна оперением — галка.
Но Олиар, и Дидимы, и Тен, и Андр с Гнаром,

- 470 И Пепарет, где богат урожай глянцевитой оливы,
Кносским судам помогать не пошли. И Минос обратился
Влево, в Энопию ту, где была Эакидов держава.
Эту Энопию так в старину называли. Эак же
Острову, матери в честь, дал новое имя: Эгина.
- 475 Валит толпа и узнать человека с толикою славой
Жаждет. Бежит Теламон, за ним, Теламона моложе,
Брат его средний, Пелей, и Фок — брат третий и
младший,
Вскоре выходит и царь, неспешно, по-старчески важно;
Их вопрошает Эак, какова их приезда причина.
- 480 Горе отцово узнав, вздыхает: ему же правитель
Ста городов говорит, отвечая такими словами:
«Просьба моя: помоги за сына предпринятой брани,
Встань в ополчение любви: за могилу ищущу возмещенья!»
Асопиад же ему: «Понапрасну ты просишь, не должен
485 Город мой так поступать. Земля Кекропова с нашей
Связана, как ни одна. Таков договор между нами». Тот,
опечалясь, ушел, — «Договор тебе дорого станет!» —
Молвил. Полезнее он угрожать почитает войною,
Нежель ее затевать и свои в ней расходовать силы.
- 490 Флот был ликтийский еще с Энопийской крепости
виден,
Как появился уже, под надутыми мчась парусами,
Аттики быстрый корабль и вошел в дружелюбную
гавань, —
Кефала вез на себе и отечества с ним порученья.
Тотчас Эака сыны, хоть давно не встречался им Кефал,
495 Все же узнали его и, подав ему правые руки,
В отчий дом повели. Герой, представительный с виду
И сохранивший еще красоты доказательства прежней,
Входит: в руках его ветвь любимой пародом оливы,
С правой и с левой руки близ старшего — младшие
двое:
- 500 Прибыли Клит и Бутей с ним вместе, Паллантовы дети.
После того, как они обменялись приветствием первым,
Передает им посол порученье афинян и просит
Помощи, на договор и семейные связи ссылаясь,
И что намерен Минос всю Ахайю забрать, добавляет.
- 505 Он красноречьем помог порученья успеху, и молвил
Старый Эак, опершись на жезл своей левой рукою:
«Помощи вы не просите, ее получайте, Афины!
Острова этого все считайте вы силы своими.
Смело введите их в строй. Таково положение наше:

510 Силы достанет у нас; от врага отстоит меня воин.
Слава богам. Времена хороши,— извиняться не надо».
Кефал отвечивал: «Так да пребудет и впредь! Да
умножит
Град твой граждан своих! Я обрадован был, что
навстречу
Вышла ко мне молодежь, такая красивая,— все-то
515 Юноши в годах одни. Однако же нет между ними
Многих, виденных мной, когда принимал меня город».
И застонал тут Эак и голосом молвил печальным:
«Лучшее время вослед за началом плачевным настало.
Если бы мог я о нем говорить, о начале не вспомнив!
520 Все расскажу я подряд, не замедлив на приступе долгом.
Прахом лежат и костями, кого вспоминаешь и ищешь.
Ах, сколь великая часть моего достоянья погибла!
Грозный был мор в города ниспослан по злобе Юноны,
Возненавидевшей край, хранящий соперницы имя.
525 С бедствием этим, пока почитали его за людское,
Тайных не зная причин, искусством боролись врачебным.
Гибель сильнее была, побежденною помощь лежала.
Тьмою сначала густой тяжело надалило на землю
Небо, меж тем по ночам расслабляющий жар разливался.
530 И уж успела луна четырежды сделаться полной,
Сливши рога, и, опять утончаясь, нарушить округность;
Начали жарко дышать смертоносным дыханием австры.
Ведомо, что и в ключи и в озера зараза проникла,
А по полям, в тот год не паханым, ползали всюду
535 Многие тысячи змей и ядом реки сквернили.
Гибель собак, и овец, и коров, и зверей, и пернатых
Признаком первым была нежданно постигнутого мора.
Видя, как падает бык посредине работы, здоровый,
И среди пашни лежит, изумляется пахарь несчастный.
540 У шерстоносных же стад, болезненно блеющих, стала
Шерсть сама выпадать, и хиреет иссохшее тело.
Резвый некогда конь, на пыльных ристалищах славный,
Стал не достоин наград, забыл о бывалом почете,
Столет в конюшне своей, умирая бесславною смертью.
545 Ярость вепрь потерял; уже не доверится бегу
Лань, перестал и медведь совершать на скотину набег.
Все одолела болезнь: по лесам, по полям, по дорогам
Мерзкая падаль лежит, и воздух испорчен зловоньем.
Странную выскажу вещь: ни собака, ни жадная птица
550 Их не касались, ни волк седошерстый. Гниют,
разлагаясь,

Смрадным духом вредят и широко разносят заразу.
Бедствием большим чума к несчастным пришла

поселянам

И утвердила свое в великой столице господство.

Раньше сторало нутро. Потаенного пламени первым

555 Знаком была краснота с затрудненным частым дыханьем,
Спекшийся пухнет язык; открыт, изнутри опаленный,
Высохший рот, и ему не отраден вдыхаемый воздух.
Тело не может терпеть ни подстилки, ни даже

покрова,—

Грудью к твердой земле прижимаются. И не бывает

560 Тело свежей от земли, но земля горячеет от тела.

И врачей нет, на самих нападает лечащих

Неумолимая хворь, во вред им их же искусство.

Кто постоянно с больным, кто верно ему служит,

Тот умирает скорей. Поскольку исчезла надежда

565 Быть исцеленным и смерть лишь одна избавленья сулила,
Стали беспечны душой, о пользе пропала забота.

Пользы и быть не могло. Везде, без стыда, обнажены,

И к родникам, и к рекам припадают, к глубоким

колодцам

И не напьются никак,— жизнь гаснет с жаждою вместе.

570 Многие, вовсе без сил, не могут уж выбраться: тут же
И умирают в воде. А иной все ж черпает воду!

Так велико у больных отвращенье к несносной постели,

Что убегают, вскочив: когда и подняться нет силы,

Катятся на пол— своих покидают каждый пенатов,—

575 Каждому собственный дом начинает казаться зловещим:
Так как причина темна, обвиняют в бедствии место.

Видели их, как они, полуживы, бредут по дорогам,—

Ежели в силах идти,— иль лежат на земле со слезами

580 И истомившийся взор обращают последним усильем,

Свисшие руки воздеть пытаясь к созвездиям неба,

Там или здесь и везде, где застанет их смерть,

издыхают.

Что совершалось в душе у меня? Что чувствовать

мог я,—

Если не жизнь разлюбить, не завидовать участи

близких!

И повсеместно, куда б ни направил ты взора,— повсюду

585 Толпы валялись людей: так с веток колеблемых наземь

Падают яблоки-гниль, так валятся желуди с дуба.

Видишь ты храм пред собой высокий и с лестницей

длинной:

Это — Юпитера храм. О, кто в святилище этом
590 Ладана тщетно не жег? Как часто супруг за супругу
Или же сын за отца обращался с горячей мольбою,—
Но расставались с душой пред святыней, молению
чуждой!

И находили в руке — не истраченной часть фимиама!
Часто, бывало, быки, когда приведут их ко храму
И уж помолится жрец и вино меж рогов возливает,
605 Падали вдруг, словно их поражали пежданым ударом!
Раз за себя и за край приносил я Юпитеру жертву
И за троих сыновей,— но животное вдруг замычало
И, неожиданно пав, не дождавшись ударов смертельных,
Скудную кровью слегка подставленный нож обагрило.
610 Даже больное нутро утратило истины знаки
И откровенья богов: и туда проникла зараза.
Возле священных дверей распростертые видел я трупы,
Возле самих алтарей,— чтоб смерть ненавистней
казалась!

Петлей иные себе запирают дыханье и гонят
615 Смертью свой смертный страх, торопят грозящую гибель.
Мертвых выносят тела без обычных торжеств
погребальных

Из дому. Да и врата погребений уже не вмещали.
То, не зарыты, лежат на земле, то без дара слагают
Их на высокий костер; столь почтения нет, что дерутся
610 Из-за костров, и сгорает мертвец на огне у соседа.
Нет никого, кто бы слезы пролил; неоплаканы бродят
Души детей, матерей, и юношей души, и старцев.
Места в могилах уж нет, на костры не хватает поленьев.
И, пораженный таким изобильем несчастий,—

«Юпитер! —
615 Я произнес,— о, если не лгут о тебе, что когда-то
К нашей Эгине сходил ты в объятья, к Асоповой дщери,
Если, великий отец, нам родителем быть не стыдишься,
Иль верни мне моих, иль скрой и меня под землею!»
Молнией знаменье дал он и громом своим благовещим.
620 «Я разумею, и пусть счастливым будет то знаком
Расположений твоих! — я сказал,— и залогом да будет!»
Рядом случайно был дуб, редчайший, раскидист
ветвями —

Взрос от додонских семян и Юпитера был он святыней.
Длинный строй увидали мы там муравьев, собиравших
625 Зерна, маленьким ртом таскавших великие грузы
И по морщинам коры проходивших единою тропкой,

Их подивившись числу, — «О отец благодатный! —
сказал я, —
Столько же граждан мне дай и пустынные стены
восполни!»
Дуб задрожал, и в ветвах, без ветра в движение
пришедших,
630 Некий послышался шум. Содрогнулись от жуткого
страха
Члены мои, поднялись волоса. Однако же землю
Облобызал я и дуб: не смея признаться в надежде,
Все же надеялся я и в душе уповашье лелеял.
Ночь наступила, и сон утомленным тревогами телом
635 Овладевает. И дуб мне привиделся тот же, и столько ж
Было ветвей у него, и столько ж в ветвах насекомых
Было на дубе, и сам задрожал он таким же движеньем
И зерноносный их строй раскидал по полям под собою.
Будто бы стали они возрастать все больше и больше,
640 Приподыматься с земли и станом своим выпрямляться,
Стали терять худобу, и множество ножек, и черный
Цвет и уже принимать человеческий начали облик.
Сон отлетел. И кляню я свои сновиденья, тоскую,
Что от богов вспоможения нет. Во дворце же великий
645 Гомон стоял, и как будто бы там голоса я мужские
Слышу, — от них я отвык! Но все я почел сновиденьем.
Только идет Теламон, поспешая, и, двери раскрывши,
Молвит: «Увидишь ты сам, что и веры и чаяний больше!
Выйди!» Я выхожу. Какие в видении сонном
650 Мужа привиделись мне, таких я, в том же порядке,
Вижу и их узнаю. К государю подходят с поклоном.
Зевсу мольбы возношу и меж новым моим населеньем
Грады делю и поля, где былых хлебопашцев не стало.
Их «мирмидоны» зову, на породу их тем намекая.
655 Внешность видел ты их. Какие обычаи были,
Те же у них и сейчас; скромны, выносливы в деле,
Крепки добро добывать и хранить добытое умеют.
Биться с тобою пойдут, и духом и возрастом равны,
Только лишь Эвр, счастливо тебя в предел наш
принесший —
660 Ибо принес тебя Эвр — полуденным сменится Австром»,
Так меж собой говоря и о разных толкуя предметах,
Длинный наполнили день. Вечернее отдано время
Было столу, ночь — сну. Взошло златоликое солнце.
Эвр, однако, все дул и мешал кораблей возвращенью.

665 К Кефалу утром пришли Паллантовы дети, поскольку
 Старше он возрастом был; а Кефал с сынами Палланта
 Вместе явились к царю. Но еще почивал повелитель.
 Приняты были они на пороге царевичем Фоком, —
 Брат с Теламоном как раз набирали людей в ополчение.
 670 В недра царевич дворца, в прекрасные дома покои
 Кекрона внуков ведет и вместе с гостями садится.
 И увидел Эакид в руке у потомка Эола
 С острым концом золотым неизвестного дерева дротик.
 Несколько вымолвив слов для участия в общей беседе,
 675 Он говорит: «Я — любитель лесов и охоты на зверя.
 Но из какого ствола твой вырезан дротик, об этом
 Не догадаюсь никак: когда бы из ясеня был он,
 Цветом был бы желтей; из терна — был бы с узлами.
 Вырезан он из чего, не знаю; но только красивой
 680 Очи мои никогда не видали метательных копий».
 И отвечает один из братьев Актейских: «Но больше
 Употребленью еще подвинься ты этого дрота:
 Прوماха он не дает, не случаем он управляем,
 Окровавленный назад возвращается он сам собою».
 685 И продолжает еще расспрашивать отрок Нереев,
 Да для чего, да откуда тот дрот, да чей он подарок
 Гость отвечает на все, лишь стыдится поведать, какую
 Дрот обретен был ценой. Молчит, но, тронутый горем,
 Милую вспомнив жену, начинает он так со слезами:
 690 «Дрот мой, богини дитя, — не поверишь! — меня
 заставляет
 Плакать, и долго еще я проплачу над ним, если долго
 Жить мне дарует судьба. И меня с супругою вместе
 Он погубил. О, когда б не иметь его было возможно!
 Звали Прокридой ее. Была же — ты слышал, быть
 может,
 695 Об Орифии? — сестрой похищенной той Орифии.
 Если ты внешность и нрав их обеих сравнишь, то скорее
 Надо б ее похищать. Эрехтей съединил меня с нею,
 Нас съединила любовь. Почитался и был я счастливец.
 Боги судили не так, — иль был бы я счастлив и пыне!
 700 Шел уже месяц второй по свершении брачных
 обрядов, —
 Я для оленей тогда рогоносных протягивал сети, —
 Тут, над Гиметом взойдя, с постоянно цветущей
 вершины,
 Тьму отогнав, золотая меня вдруг видит Аврора
 И увлекает к себе. О, пусть, не обидев богини,

705 Правду скажу: хоть она и прельстительна розовым
 ликом,
 Пусть пределом и дня и ночи владеет пределом,
 Пусть ее нектар пойт,— любил я одну лишь Прокриду!
 В сердце Прокрида одна, на устах пребывала Прокрида.
 710 Ложа святые права, новобрачные наши соитья
 Доводом я привожу и покинутой спальни обеты.
 Этим я тронул ее; и промолвила: «Неблагодарный,
 Жалобы брось и Прокридой владей! Но коль дух мой
 провидчив,
 Будешь об этом жалеть!» — и меня ей, сердясь,
 возвратила.
 По возвращенье, пока вспоминал я угрозы Авроры,
 715 Вдруг охватил меня страх, не худо ль жена соблюдала
 Долг супружеский свой. Побуждали и внешность
 и возраст
 Верить измене ее; поведенье же верить мешало.
 Но ведь отсутствовал я; а та, от которой вернулся,
 Грешный являла пример; ведь любящих все устрашает.
 720 Муки своей решил я искать и стыдливую верность
 Силой даров соблазнить. Мой страх поощряет Аврора.
 Внешность меняет мою,— мне казалось, я чувствовал
 это!
 Вот я, не узнав, вхожу в Афины, твердыню Паллады,
 И проникаю в свой дом. Но вины не показывал дом
 мой,—
 725 Он целомудрия полн, тосковал, что похищен хозяин.
 Лишь к Эректиде пропик я при помощи тысяч уловок,
 Остолбенел, увидав, и готов был оставить попытку
 Верность проверить ее. Едва я признать удержался
 Правду, едва целовать, как было бы должно, не начал.
 730 Грустной была. Но ничто не могло быть, однако,
 прекрасней,
 Нежели в грусти она. К отнятому супругу пылала
 Страстным желаньем. Теперь представь ты себе,
 какова же,
 Фок, была в ней краса, раз ее и печаль украшала!
 Что излагать, сколько раз отвергались душою стыдливой
 735 Поползновенья мои? Сколько раз,— «Себя,—
 говорила,—
 Для одного берегу; одному — наслаждение мною»,—
 И не довольно ль таких испытаний невинности было,—
 Если кто разумом здрав? Но я недоволен, борюсь я
 Сам на погибель свою и плату за ночь предлагаю.

- 740 Множа дары, наконец я принудил ее колебаться.
«Побеждена,— я вскричал,— преступница! Я, —
соблазнитель, —
Твой настоящий супруг. Свидетель я сам вероломства!»
Та — ничего. Молчаливым стыдом побежденная, только,
Кишув злокозненный дом и недоброго мужа, — бежала.
- 745 И, оскорбленная мной, отворотившись от рода мужского,
Стала бродить по горам, служенью причастна Диане.
Я же, оставшись один, почувствовал жгучее пламя
В жилах. Прощенья просил, — в согрешенье своем
сознавался,
В том, что, дарами прельстясь, я и сам в проступок
подобный
- 750 Впал бы, когда б и не столько даров предлагалось.
Прокрида
После признаний моих, за стыд оплатив оскорбленный,
Вновь возвратилась ко мне, и сладко мы жили
в согласье.
Кроме того мне дарит — как будто сама не была мне
Даром достаточным — пса, — его же Прокриде вручила
- 755 Кинтия, молвив: «Из всех он в беге окажется первым».
Тут же дала мне и дрот, который в руке моей видишь.
Но про второй этот дар и судьбу его знать ты желаешь?
Слушай тогда и дивись, — поразишься неслыханным
делом.
- 760 Лайя сын разгадал те реченья, что были дотоле
Непостижимы другим, и, низвергшись, лежала вешунья
Темная и о своих позабыла двусмысленных кознях.
Дел без возмездья таких никогда не оставит Фемида:
Тотчас другая напасть Аонийские вдруг постигает
Фивы: селяне дрожат перед хищником диким, погибель
- 765 Видя скота и людей. Тут мы, молодежь из соседей,
Сходимся и широко окружаем тепетами поле.
Но перескакивал зверь прыжком их легким проворно,
Выше скача полотняных краев расставленной сети.
Своры спускаю собак, но хищник от них убегает
- 770 Прочь и несется, резвясь, быстрокрылой не медленней
птицы.
Единодушно тогда все Лэлапа требуют, — имя
То было пса моего. Он сам давно уж старался
Освободиться, ремень в нетерпенье натягивал шеей.
Только спустили его, — сказать мы уж были не в силах,
775 Где он. Следы его лап на песке раскаленном виднелись.
Сам же из глаз он исчез. Копье не быстрее несется

И не быстрее свинец, вращаемой брошен пращою,
Или же легкая трость, что с гортинского лука слетает.
Холм поднимался крутой, над полями окружными
высясь.

780 Встав на него, я слежу небывалого зрелище бега,—
Вот уже схвачен почти, вот будто едва ускользает
Зверь из-под самых зубов; бежит не прямою дорогой,
Не устремляется вдаль, но, по кругу назад возвращаясь,
Вводит собаку в обман,— не предпринял бы враг
нападения.

785 Та угрожает ему и вровень преследует, будто
Держит уже,— но не держит еще и лишь воздух кусает.
К дротику я обратился тогда. Но едва лишь рукою
Правой раскачивать стал, в ремни вдеть пальцы
пытаясь,

790 Взор отвратил я; потом направил обратно на то же
Место: и — вот чудеса! — два мрамора на поле вижу:
Тот как будто бежит, а этот как будто бы лает.
Стало быть, так захотел — чтобы в беге оба остались
Непобежденными — бог, коль бог им содействовал
некий».

Так он сказал и замолк. «Но в чем же дрот тут
повипен?» —

795 Фок спросил, и тогда про дрота вину рассказал он.
«Радость сделалась, Фок, причиною нашего горя.
Молвлю сначала о ней. О, сладко блаженное вспомнить
Время, когда, Эакид, в те первые годы, законно,
Счастлив с женою я был, и она была счастлива
с мужем.

800 Нежность взаимных забот нас брачной связала любовью.
Мужа любовь предпочла бы она и Юпитеру даже.
Да и меня ни одна не пленила б, когда бы самою
Даже Венерой была. Равно мы сердцами пылали.

805 Только лишь солнца лучи поутру озаряли вершины,
Я, молодой, на охоту в леса направлялся, бывало.
И ни рабов, ни коней не брал с собою, ни с чутким
Нюхом собак; сетей не захватывал я узловатых.

Дрот обеспечивал все. Когда же рука моя вдосталь
Понабивала зверей, стремился я в тень и прохладу,
810 Где ветерок из долин доносится струйкою свежей;
Струйки я нежной искал, облегченья полдневного зноя,
Струйки воздушной я ждал, и она овевала мой отдых.
«Струйка! — помнитесь мне, — приходи! — призывал я
обычно,—

- Дай облегченье и в грудь, о желанная, снова
проникни, —
- 815 Если бы зной, сжигающий нас, могла ты умерить!»
Может быть, я добавлял, — так жребий мой был
вероломен! —
- Нежных несколько слов. «Ты великое мне
наслажденье! —
- Ей говорить я привык, — облегчаешь меня и делеешь:
Из-за тебя мне леса и пустынные милы приятны,
820 Жадно устами твою постоянно вбираю дыханье!»
Возгласа смыслом двойным было что-то обмануто ухо,
Кто-то решил, что, зовя, повторяю я имя, что будто
«Струйкой» нимфу зовут, и подумал, что нимфу
люблю я.
- Тотчас, спеша донести на то, чего не было, наглый
825 В дом к Прокриде идет и о слышанном тихо ей шепчет.
Склонна к доверью любовь. Пораженная горем
нежданном,
- Выслушав все, повалилась она и, не скоро оправясь,
Все несчастливой себя называла и жребий свой —
горьким,
- Все укоряла меня, и, смущенная мнимым проступком,
830 В страхе была пред ничем, перед именем, плоти
лишенным!
- Словно соперница впрямь у несчастной была, горевала.
Но сомневается все ж и, злосчастливая, част ошибки,
Верить не хочет в донос и, доколе сама не видала,
Не разрешает себе осуждать прегрешенье супруга.
835 Утра другого лучи темноту отгоняли ночную.
Я выхожу; хорошо наохотился и, отдыхая, —
«Струйка! — шепчу, — приди! Будь, усталому, мне
врачеваньем!»
- И неожиданно стон меж своими словами как будто
Некий услышал. «Приди, — однако, — всех лучшая!» —
молвил.
- 840 Но как тихонько опять зашумели упавшие листья,
Зверь мне почудился там, и дротик метнул я летучий.
Это Прокрида была. С глубоко уязвленной грудью, —
«Горе, — воскликнула, — мне!» И только лишь верной
супруги
- Голос узнал я, стремглав на голос помчался, безумен.
845 Полуживую ее и пятнающей кровью одежду
Вижу, из груди, увы! — вынимающей собственный дар
свой,

Видю и тело, что мне моего драгоценнее тела,
На руки мягко беру; разорвав на груди ее платье,
Ей перевязку кладу на жестокую рану, стараюсь
850 Кровь удержать и молю, чтоб в убийстве меня
не винули.

Та, уже силы лишась, умирая, себя принуждает
Вымолвить несколько слов: «О, нашего ради союза,
Вышних ради богов и моих, умоляю покорно:
Если чего-нибудь я заслужила,— ради любви той,
855 Что причинила мне смерть, по длится, хоть я
погибаю,—
Да не займет, кого «Струйкой» зовешь, наше брачное
ложе».

Молвила. И наконец ошибку, где имя виною,
Я услышал и постиг. Но что было пользы постигнуть?
860 Падает; с кровью лиясь, утекают и слабые силы.
Может доколе смотреть, на меня все смотрит и тут же
Прямо ко мне на уста выдыхает скорбящую душу.
Все же со светлым лицом умерла, успокоившись будто».
Плачущим, слезы лия, так герой повествует, но входит
865 К ним в это время Зак с двумя сыновьями и новой
Ратью,— и принял ее и оружие мощное Кефал.

КНИГА ВОСЬМАЯ

- День лучезарный уже растворила Денница, ночное
Время прогнав, успокоился Эвр, облака за клубились
Влажные. С юга подув, Эакидов и Кефала к дому
Мягкие австры несут — и под их дуновеньем счастливым
5 Ранее срока пришли мореходы в желанную гавань.
Опустошал в то время Минос побережья лелегов,
Бранное счастье свое в Алкатоевом пробовал граде,
Где государем был Нис, у которого, рдея багрянцем,
Между почетных седи, середине, на темени самом
10 Волос пурпуровый рос — упованье великого царства.
Шесть уже раз возникали рога у луны восходящей,
Бранное счастье еще колебалось, однако же. Долго
Дева Победа меж них на крылах нерешительных рсет.
Царские башни в упор примыкали к стенам
звонкозвучным,
15 Где, по преданью, была золотая приставлена лира
Сыном Латониным. Звук той лиры был в камне
сохранен.
Часто любила всходить дочь Ниса на царскую башню,
В звучную стену, доколь был мир, небольшие каменья
Сверху кидать. А во время войны постоянно ходила
20 С верха той башни смотреть на боренья сурового Марса.
С долгой войной она имена изучила старейшин,
Знала оружие, коней, и обличье критян, и колчаны,
Знала всех лучше лицо предводителя — сына Европы —
Большее, чем надо бы знать. Минос, в рассужденье
царевны,
25 С гребнем ли перистым шлем на главу молодую
наденет, —
Был и при шлеме красив. Возьмет ли он в руки
блестящий
Золотом щит, — и щит ему украшением служит.

Если, готовясь метнуть, он раскачивал тяжкие копы,
 В нем восхваляла она согласно искусства и силы.
 30 Если, стрелу наложив, он натягивал лук свой широкий,
 Дева божилась, что он стрелоносцу Фебу подобен.
 Если же он и лицо открывал, сняв шлем свой медяный,
 Иль, облаченный в багрец, сжимал под попоною пестрой
 Белого ребра коня и устами вспененными правил,
 35 Нисова дочь, сама не своя, обладанье теряла
 Здравым рассудком. Она называла и дротик счастливым,
 Тронутый им, и рукою его направляемый повод.
 Страстно стремится она — если б было возможно! —
 во вражий
 40 Стан девичьи стопы через поле направить, стремится
 С башни высокой сама в кносский ринуться лагерь
 Или врагу отпереть обитые медью ворота, —
 Словом, все совершить, что угодно Миносу. Сидела
 Так и смотрела она на шатер белоснежный Диктейца,
 Так говоря: «Горевать, веселиться ль мне брани
 45 И не пойму. Что Минос мне, влюбленной, враждебен, —
 печалюсь,
 Но, не пачнись эта брань, как иначе его я узнала б?
 Все-таки мог он войну прекратить и, назвав меня верной
 Спутницей, тем обрести надежного мира поруку.
 Если тебя породившая мать, о красой несравненной,
 50 Схожа с тобою была, то не даром к ней бог возгорелся.
 Как я блаженна была б, когда бы, поднявшись
 на крыльях,
 Я очутилась бы там, у владыки кносского в стане!
 Я объявила б себя и свой пыл, спросила б, какого
 Хочет приданого оп: не просил бы твердынь лишь
 55 Пусть пропадет и желаемый брак, лишь бы мне
 не изменой
 Счастья достичь своего! — хоть быть побежденным
 передко
 Выгодно людям, когда победитель и мягок и кроток.
 Правда, знаю — ведет он войну за убитого сына,
 Силен и правдою оп, и его защищающим войском.
 60 Думаю, нас победят. Но коль ждать нам такого исхода,
 То почему ж эти стены мои для Миноса откроет
 Марс, а не чувство мое? Без убийства и без промедленья
 Лучше ему одолеть, не потратив собственной крови.
 Не утрашусь я тогда, что кто-нибудь неосторожно

- 65 Грудь твою ранит, Минос. Да кто же свирепый
 решился б
 Полное злобы копьё в тебя нарочито направить?
 Замысел мне по душе и намеренье: вместе с собою
 Царство в приданое дать и войше положить окончанье.
 Мало, однако, желать. Охраняются стражами входы.
- 70 Сам врата запирает отец. Его одного лишь,
 Бедная, пыше боюсь; один он — желаньям помеха.
 Если б по воле богов не иметь мне отца! Но ведь
 каждый —
 Бог для себя. Судьбой отвергаются слабого просьбы.
 Верно, другая давпо, столь сильной зажженная страстью,
 Уж погубила бы все, что доступ к любви преграждает.
- 75 Чем я слабее других? Решилась бы я через пламя
 И меж мечами пройти: но пламя ни в чем не поможет
 И не помогут мечи,— один только волос отцовский.
 Золота он драгоценнее мне. Блаженной бы сделал
- 80 Волос пурпурный меня, смогла б я желанья исполнить».
 Так говорила она, и, забот многочисленных мамка,
 Ночь подошла между тем, и тьма увеличила смелость.
 Час был первого сна, когда утомленное за день
 Тело вкушает покой. Безмолвная в спальню отцову
- 85 Входит. Дочь у отца похищает — о страшное дело! —
 Волос его роковой; совершив нечестивую кражу,
 С дерзкой добычей своей проникает в ворота и вскоре
 В самую гущу врагов,— так верила сильно в заслугу! —
 Входит, достигла царя и ему, уstraшенному, молвит:
- 90 «Грех мне внушила любовь, я — Нисова дочь и царевна
 Скилла; тебе предаю я своих и отцовских пенатов.
 Я ничего не прошу,— тебя лишь. Любовным залогом
 Волос пурпурный прими и поверь, что вручаю не волос,
 Голову также отца моего!» И рукою преступной
- 95 Дар протянула. Минос от дарящей руки отшатнулся
 И отвечал ей, смущен совершенным неслыханным делом:
 «Боги да сгонят тебя, о бесчестие нашего века,
 С круга земного, тебя пусть суша и море отвергнут!
 Я же, клянусь, не стерплю, чтоб Крит, колыбель
 Громовержца
- 100 И достоянье мое,— стал такого чудовища домом»,—
 И покорешным врагам — ибо истинный был
 справедливце,—
 Мира условия дав, кораблям велел он причалы
 Снять и наполнить суда, обитые медью, гребцами.
 Скилла, едва увидав, что суда уже в море выводят

- 105 И что Миннос отказал в награде ее преступленью,
 Вдруг, умолять перестав, предалась неистово гневу,
 Руки вперед, растрепав себе волосы, в бешенстве взвыла:
 «Мчишься куда, на берегу оставляя виновницу блага,
 Ты, и родимой земле, и родителю мной предпочтенный?»
- 110 Мчишься, жестокий, куда, чья победа — мое
 преступленье,
 Но и заслуга моя? Тебя мой подарок не тронул
 И не смягчила любовь, не смягчило и то, что надежды
 Все мои были в тебе? О, куда обратиться мне, сирой?
 В край ли родной? Он плененный лежит, но представь,
 что он волен, —
- 115 Из-за измены моей он мне недоступен. К отцу ли?
 Мною он предан тебе. Ненавидят меня по заслугам:
 Страшен соседям пример. Я от мира всего отказалась
 Только затем, чтобы Крит мне один оставался открытым.
 Неблагодарный, туда коль непустишь меня и покинешь,
- 120 Мать не Европа тебе, но Сиртов негостеприимных,
 Тигров армянских ты сын иль движимой Австром
 Харибды,
 Ты не Юпитера плод, не пленилась обличем бычьим
 Мать твоя. Этот рассказ про род ваш ложью подсказан.
 Был настоящим быком, никакой не любившим девицы,
- 125 Тот, породивший тебя. Совершай же свое наказанье,
 Нис, мой отец! Вы, изменой моей посрамленные стены,
 Ныне ликуйте! Клянусь: погибели я заслужила.
 Пусть из тех кто-нибудь, кто мною был предан
 безбожно,
 Сгубит меня: ты сам победил преступленьем, тебе ли
 130 Ныне преступницу гнать? Мое пред отцом и отчизной
 Зло да воздастся тебе! Быть супругой твоею достойна
 Та, что, тебе изменив и быка обманувши подделкой,
 Двух в одном родила! Но мои достигают ли речи
 Слуха, увы, твоего? Иль ветры, быть может, унесут
- 135 Звук лишь пустой, как суда твои по морю,
 неблагодарный?
 Не удивительно, нет, что тебе предпочла Пасифая
 Мужа-быка: у тебя свирепости более было.
 Горе мне! Надо спешить: разъяты ударами весел,
 Воды шумят, а со мной и земля моя — ах! — отступает.
- 140 Но не успеешь ни в чем, о заслуги мои позабывший!
 Вслед за тобою помчусь, руками корму обнимая.
 В дали морей повлекусь!» — сказала — и кинулась

в воду,

За кораблем поплыла, ей страстью приданы силы.
Долго на кносской корме ненавистною спутницей виснет.
145 То лишь увидел отец, — на воздухе он уж держался,
Только что преображен в орла желтокрылого, — тотчас
К пей полетел — растерзать повисшую загнутым клювом.
В страхе она выпускает корму; но чувствует: легкий
Держит ее ветерок, чтоб поверхности вод не коснулась.
150 Были то перья; она превратилась в пернатую, зваться
Киридой стала: ей дал тот остриженный волос прозвание.

Сотню быков заколол по обету Юпитеру в жертву
Славный Мипос, лишь достиг с кораблями земли

куретидов,
Свой разукрасил дворец, побед развесил трофеи.
155 Рода позор между тем возрастал. Пасифаи измену
Гнусную всем раскрывал двуединого образ уroda.
Принял решение Минос свой стыд удалить из покоев
И поместить в многосложном дому, в безвыходном
зданье.

Дедал, талантом своим в строительном славен искусстве,
160 Зданье воздвиг; перепутал значки и глаза в заблужденье
Ввел кривизною его, закоулками всяких проходов.
Так по фригийским полям Меандр ясноводный, играя,
Льется, неверный поток и вперед и назад устремляет;
В беге встречая своем супротивно бегущие волны,
165 То он к истокам своим, то к открытому морю стремится
Непостояншой волной: так Дедал в смущение вводит
Сетью путей без числа; он сам возвратиться обратно
К выходу вряд ли бы мог: столь было запутано зданье!
После того как туда полубык-полуюноша заперт
170 Был, и два раза уже напился актейскою кровью,
В третий же был усмирен, через новое девятилетье.
С помощью девы та дверь, никому не отверстая

дважды,

Снова была найдена показаньем распушенной нити;
И не замедлил Эгид: Миноиду похитив, направил
175 К Дию свои паруса, где спутницу-деву, жестокий,
Бросил на бреге, но к ней, покинутой, слезно молящей,
Вакх снизошел и обнял ее, чтобы вечные веки
Славилась в небе она, он снял с чела ее венчик
И до созвездий метнул; полетел он воздушным
пространством,
180 И на лету в пламена обращались его самоцветы.
Остановились в выси, сохраняя венца очертанье,

- Близ Геркулеса со змеем в руке и с согбенным коленом.
 Дедал, наскучив меж тем изгнанием долгим на Крите,
 185 Страстно влекомый назад любовью к родимым предслам,
 Замкнутый морем, сказал: «Пусть земли и воды
 преградою
 Встали, зато небеса — свободны, по ним понесемся!
 Всем пусть владеет Минос, но воздухом он не владеет!»
 Молвил — и всею душой предался незнакомому делу.
 Новое нечто творит, подбирает он перья рядами,
 190 С малых начав, чтоб за каждым пером шло другое,
 длиннее, —
 Будто неровно росли: все меньше и меньше длиною, —
 Рядом подобным стоят стволы деревенской цевницы;
 Ниткой средину у них, основания воском скрепляет.
 Перья друг с другом связав, кривизны незаметной им
 придал
 195 Так, чтобы были они как у птицы. Присутствовал рядом
 Мальчик Икар; он не знал, что касается гибели верной, —
 То, улыбаясь лицом, относимые веющим ветром
 Перья рукою хватал; то пальцем большим размягчал он
 Желтого воска куски, ребячьей мешая забавой
 230 Дивному делу отца. Когда ж до конца довершили
 Дедала руки свой труд, привесил к крылам их создатель
 Тело свое, и его удержал волновавшийся воздух.
 Дедал и сына учил: «Полетишь серединой пространства!
 Будь мне послушен, Икар: коль ниже ты путь свой
 направишь,
 205 Крылья вода отягчит; коль выше — огонь обожжет их.
 Посередине лети! Запрещаю тебе на Боота
 Или Гелику смотреть и на вынутый меч Ориона.
 Следуй за мною в пути». Его он летать обучает,
 Тут же к юным плечам незнакомые крылья приладив.
 210 Между советов и дел у отца увлажнялись ланиты,
 Руки дрожали; старик осыпал поцелуями сына.
 Их повторить уж отцу не пришлось! На крыльях
 поднявшись,
 Он впереди полетел и боится за спутника, словно
 Птица, что малых птенцов из гнезда выпускает на волю.
 215 Следовать сыну велит, наставляет в опасном искусстве,
 Крыльями машет и сам и на крылья сыновние смотрит.
 Каждый, увидевший их, рыбак ли с дрожащей удочю,
 Или с дубиной пастух, иль пахарь, на плуг
 приналегший, —
 Все столбенели и их, проносющихся вольно по небу,

220 За неземных принимали богов. По левую руку
 Самос Юнонин уже, и Делос остался, и Парос;
 Справа остался Лебинт и обильная медом Калимна.
 Начал тут отрок Икар веселиться отважным полетом,
 От вожака отлетел; стремлением к небу влекомый,
 225 Выше все правит свой путь. Соседство палящего Солнца
 Крыльев скрепление — воск благовонный — огнем
 размягчило;
 Воск, растопившись, потек; и голыми машет руками
 Юноша, крыльев лишен, не может захватывать воздух.
 Приняты были уста, что отца призывали на помощь,
 230 Морем лазурным, с тех пор от него получившим
 название.
 В горе отец — уже не отец! — повторяет: «Икар мой!
 Где ты, Икар? — говорит, — в каком я найду тебя
 крае?»
 Все повторял он: «Икар!» — но перья увидел на водах;
 Проклял искусство свое, погребенью сыновнее тело
 235 Предал, и оный предел сохранил погребенного имя.

Но увидала тогда, как несчастного сына останки
 Скорбный хоронит отец, куропатка-болтунья в болоте,
 Крыльями бить начала, выражая кудахтаньем радость, —
 Птица, — в то время одна из невиданной этой породы, —
 240 Ставшая птицей едва, постоянный укор тебе, Дедал!
 Судеб не зная, сестра ему поручила наукам
 Сына учить своего — двенадцать исполнилось только
 Мальчику лет, и умом способен он был к обученью.
 Как-то спинного хребта рассмотрев у рыбы приметы,
 245 Взял он его образцом и нарезал на остром железе
 Ряд непрерывный зубцов: открыл пилы примененье.
 Первый единым узлом связал он две ножки железных,
 Чтобы, когда друг от друга они в расстоянии равном,
 Твердо стояла одна, другая же круг обводила.
 250 Дедал завидовать стал; со священной твердыни Минервы
 Сбросил питомца стремглав и солгал, что упал он. Но
 мальчик
 Принят Палладою был, благосклонной к талантам; он в
 птицу
 Был обращен и летел по воздуху, в перья одетый.
 Сила, однако, ума столь быстрого в крылья и лапы
 255 Вся перешла; а прозвание при нем остается былое.
 Все-таки в воздух взлететь куропатка высоко не может,
 Гнезд не свивает себе на ветвях и высоких вершинах;

Низко летает она и кладет по кустарникам яйца:
Высей страшится она, о падении помня давнишнем.

- 260 Был утомленный уже Этнейскою принят землею
Дедал; защиты молил, — и мечом оградил его Кокал:
Милостив к Дедалу был. Уже перестали Афины
Криту плачевную дань выплачивать, — слава Тезею!
Храмы — в венках, и народ к раторборной взывает
Минерве,
- 265 И Громовержцу-отцу, и к прочим богам, почитая
Кровью обетною их, дарами и дымом курильниц.
Распространила молва перелетная имя Тезея
По Арголиде по всей, и богатой Ахайи народы
Помощи стали молить у него в их бедствии тяжком.
- 270 Помощи стал Калидон умолять, хоть имел Мелеагра.
Полный тревоги, просил смиренно: причиной же
просьбы
Вепрь был, — Дианы слуга и ее оскорбления мститель.
Царь Орней, говорят, урожайного года начатки
Вышним принес: Церерс плоды, вино же Лиэю,
- 275 Сок оп Палладин возлил белокурой богине Минерве.
Эта завидная честь, начиная от сельских, досталась
Всем олимпийским богам; одни без курений остались,
Как говорят, алтари обойденной Латониной дщери.
Свойственен гнев и богам. «Безнаказанно мы не
потерпим!
- 280 Пусть нам почтения нет, — не скажут, что нет нам
отмщенья!» —
Молвит она и в обиде своей на поля Орнея
Вепря-мстителя шлет: быков столь крупных в Эпире
Нет луговом, не увидишь таких и в полях сицилийских.
Кровью сверкают глаза и пламенем; шея крутая;
- 285 Часто щетина торчит, наконечникам копий подобно, —
Целой оградой стоит, как высокие копыя, щетина.
Хрюкает хрипло кабан, и, кипя, по бокам его мощным
Мена бежит, а клыки — клыкам подобны индийским,
Молния пышет из уст: листва от дыханья сгорает.
- 290 То в зеленях он потопчет посев молодой, то надежду
Пахаря — зрелый посев на горе хозяину срежет.
Губит хлеба на корню, — Церерину ниву. Напрасно
Токи и житницы ждут обещанных им урожаяев.
- 295 С длинною вместе лозой тяжелые валяются гроздья,
Ягоды с веткой лежат зеленеющей вечно маслины.
Буйствует он и в стадах; уже ни пастух, ни собака,

Лютые даже быки защитить скотину не могут.
 Люди бегут и себя в безопасности чувствуют только
 За городской стеной. Но вот Мелеагр и отборных
 300 Юношей местных отряд собираются в чаши славы:
 Два близнеца, Тиндарея сыны, тот — славный паздник,
 Этот — кулачный боец; Ясон, мореплаватель первый,
 И с Пирифоем Тезей, — сама безупречная дружба, —
 305 Два Фестиада, Линкей, Афарея потомок, его же
 Семя — проворный Идас и Кенсей, тогда уж не дева,
 Нравом жестокий Левкипп и Акаст, прославленный
 дротом,
 И Гиппотой, и Дриант, и рожденный Аминтором Феникс,
 Актора ровни-сыны и Филей, из Элиды посланец,
 И Теламоц, и отец Ахилла великого был там,
 310 С Феретиадом там был Иолай, гигантнец по роду,
 Доблестный Эвритион, Эхион, бегун необорный,
 И парикнец Лелег, Панопей и Гилей, и свирепый
 Гиппас, и в те времена совсем еще юноша — Нестор;
 Те, что из древних Амикл отправлены Гиппокоонтом;
 315 И парраснец Анкей с Пенелопиным свекром Лаэртом;
 Мудрый пришел Ампикид, супругой еще не погублен,
 Эклид и — роц ликейских краса — тегеянка-дева;
 Сверху одежда ее скреплялась гладкою пряжкой,
 Волосы просто легли, в единственный собраны узел;
 320 И, повисая с плеча, позванивал кости слоновой
 Стрел хранитель — колчан; свой лук она левой держала.
 Девы таков был убор; о лице я сказал бы: для девы
 Отрочье слишком лицо, и слишком для отрока девье.
 Только ее увидел герой Калидонский, сейчас же
 325 И пожелал, но в себе подавил неуютное богу
 Пламя и только сказал: «О, счастлив, кого удостоит
 Мужем назвать!» Но время и стыд не позволили больше
 Молвить: им бой предстоял превеликий, — важнейшее
 дело.
 Частый пижем никогда не рубленный лес начинался
 330 С ровного места; под ним расстилались поля
 по наклону.
 Леса достигли мужи, — одни наставляють тенста,
 Те же успели собак отвязать; поспешают другие
 Вепря высматривать след, — своей же погибли ищут!
 Дол уходил в глубину; обычно вода дождевая
 335 Вся устремлялась туда; озерко порастало по краю
 Гибкою ивой, ольхой малорослой, болотной травой,
 Всякой лозой и густым камышом, и высоким и низким.

Выгнан из зарослей вепрь в середине врагов;
разъяренный,
 Мчится, подобно огню, что из туч громовых упадет,
 340 Валит он в беге своем дерева, и трещит пораженный
 Лес; восклицают бойцы, могучею правой рукою
 Держат копьё на весу, и широкий дрожит наконечник.
 Мчит напролом; разгоняет собак,— какою ни встретит,
 345 Мигом ударами вкось их, лающих, врозь рассыпает.
 Дрот, Эхиона рукою для начала направленный в зверя,
 Даром пропал: слегка лишь ствол поранил кленовый.
 Брошенный следом другой, будь верпо рассчитана сила,
 В цель бы паверно попал, в хребте он у вепря
застрял бы,
 Но далеко пролетел: пагасейцем был кинут Ясоном.
 350 Молвил тогда Ампикид: «О чтившийся мною и чтимый
 Феб! Пошли, что прощу,— пастичь его верным
ударом!»
 Бог снизошел сколько мог до молений: оружием тропут,
 Но не поранен был вепрь,— наконечник железный
Диана
 Сбила у древка; одним был древком тупым он настигнут.
 355 Пуще взбесился кабан; запылал подобен перуну,
 Свет сверкает из глаз, из груди выдыхает он пламя,
 И как несется ядро, натянутой пушено жилой,
 К стенам летя крепостным иль башням, воинства
полным,—
 К сборищу юношей так, нанося во все стороны рапы,
 360 Мчится,— и Эвиалап с Пелагоном, что край охраняли
 Правый, простерты уже: друзья подхватили лежащих.
 Также не смог упасть Эвизим, сын Гиппокоонта,
 От смертоносных клыков; трепетал, бежать порывался,
 Но ослабели уже, под коленом подсечены, жилы.
 365 Может быть, здесь свою гибель нашел бы и
Нестор-пилосец
 Раньше троянских времен, но успел, на копьё
оперевшись,
 Прыгнуть на дерево, тут же стоявшее, в ветви густые.
 Вниз на врага он глядел с безопасного места, спасенный.
 Тот же, свирепый, клыки паточив о дубовые корни,
 370 Смертью грозил, своим скрежеща обновленным оружием,
 Гнутым клыком он задел Эвритида огромного ляжку.
 Братья меж тем близнецы,— еще не созвездие в небе,—
 Видные оба собой, верхом на конях белоспелых
 Ехали; оба они потрясали в воздухе дружно

- 375 Остроконечья своих беспрерывно трепещущих копий.
 Ранили б зверя они, да только щетинистый скрылся
 В темной дубраве, куда ни коню не проникнуть,
ни дроту.
 Следом бежит Теламоп, но, неосмотрительный в беге,
 Наземь упал он ничком, о корень споткнувшись
древесный.
- 380 Вот, между тем как его поднимает Целей, паложила
 Дева-тегейка стрелу и пустила из гнutoго лука.
 Около уха вонзясь, стрела подарапала кожу
 Зверя и кровью слегка обагрила густую щетину.
 Дева, однако, не так веселилась удара успеху,
- 385 Как Мелеагр: говорят, он первый увидел и первый
 Зверя багрищую кровь показал сотоварищам юным.
 «Ты по заслугам,— сказал,— удостоена чести за
доблесть!»
 И покраснели мужи, поощряют друг друга и криком
 Дух возбуждают, меж тем беспорядочно мечут оружие.
- 390 Дротам преградой тела, и стрелы препятствуют стрелам.
 Тут взбешенный Аркад, на свою же погибель
с секирой,—
 «Эй, молодцы! Теперь предоставьте мне действовать! —
крикнул,—
 Знайте, сколь у мужчин оружие сильнее, чем у женщин!
 Дочь пусть Латоны его своим защищает оружием,—
- 395 Зверя я правой рукой погублю против воли Дианы!»
 Велеречивыми так говорит спесивец устами.
 Молвил и, руки сцепив, замахнулся двуострой секирой,
 Вот и на цыпочки встал, приподнялся на кончиках
пальцев,—
- 400 Но поразил смельчака в смертельно опасное место
 Зверь: он оба клыка направил Аркаду в подбрюшье.
 Вот повалился Анкей, набухшие кровью обильно,
 Выстав, кишки растеклись, и мокра обагренная почва.
 Прямо пошел на врага Пирифой, Икснона потомок:
 Мощною он потрясал рогатину правой рукою.
- 405 Сын же Эгея ему: «Стань дальше, о ты, что дороже
 Мне и меня самого, души моей часть! В отдаленье
 Может и храбрый стоять: погубила Анкея отвага.
 Молвил и бросил копье с наконечником меди тяжелой.
 Ладно метнул, и могло бы желаемой цели достигнуть,
- 410 Только дубовая ветвь его задержала листовую.
 Бросил свой дрот и Ясон, но отвел его Случай от зверя;
 Дрот неповинному псу обратил на погибель: попал он

- В брюхо его и, кишки пронизав, сам в землю вонзился.
 Дважды ударил Ойнид: из двух им брошенных копий
 415 Первое медью в земле, второе в хребте застревает.
 Медлитель не время; меж тем свирепствует зверь и всем
 телом
 Вертится, пастью опять разливает шипящую пену.
 Раны виновник — пред ним, и свирепость врага
 раздражает;
 И под лопатки ему вонзает сверкнувшую пику.
 420 Криками дружными тут выражают товарищи радость,
 И поспешают позвать победившую руку рукою.
 Вот на чудовищный труп, на немалом пространстве
 простертый,
 Диву дивуясь, глядят, все мнится им небезопасным
 Тронуть врага, — все ж каждый копьё в кровь зверя
 макает.
 425 А победитель, поправ грозивший гибелью череп,
 Молвил: «По праву мою ты возьми, онакрийская дева,
 Эту добычу: с тобою мы славу по чести разделим».
 Тотчас он деве дарит торчащие жесткой щетиной
 Шкуру и морду его с торчащими страшно клыками, —
 430 Ей же приятен и дар, и сам приятен даритель.
 Зависть почуяли все; послышался ропот в отряде.
 Вот, из толпы протянув, с громогласными криками,
 руки, —
 «Эй, перестань! Ты у нас не захватывай чести! —
 кричали
 Так Фестиады, — тебя красота твоя не подвела бы,
 435 Как бы не стал отдален от тебя победитель
 влюбленный!»
 Дара лишают ее, его же — права даренья.
 Марса внук не стерпел; исполнившись ярого гнева, —
 «Знайте же вы, — закричал, — о чужой похитители
 чести,
 Близки ль дела от угроз!» — и пронзил нечестивым
 железом
 440 Грудь Плексиппа, — а тот и не чаял гибели скорой!
 Был в колебанье Токсей: одинаково жаждавший в миг тот
 Брата отмстить своего и боявшийся участи брата, —
 Не дал ему Мелеагр сомневаться: согретое прежним
 Смертоубийством копьё вновь согрел он братскою
 кровью.
 445 Сын победил, и несла благодарные жертвы Алтея
 В храмы, но вдруг увидала: несут двух братьев убитых,

В грудь ударяет она и печальными воплями город
 Полнит, сменив золотое свое на скорбное платье.
 Но лишь узнала она, кто убийца, вмиг прекратился
 450 Плач, и слезы ее перешли в вожделение мести.
 Было полено: его — когда после родов лежала
 Фестия дочь — положили в огонь триединые сестры.
 Нить роковую суча и перстом прижимая, младенцу
 455 Молвили: «Срок одинаковый мы и тебе и полену,
 Новорожденный, даем». Провешав прорицанье такое,
 Вышли богини; а мать головню полыхавшую тотчас
 Вынула вон из огня и струею воды окатила.
 Долго полено потом в потаенном месте лежало
 И сохранялось,— твои сохраняло, о юноша, годы!
 460 Вот извлекла его мать и велела лучинок и щепок
 В кучу сложить; потом подносит враждебное пламя.
 В пламя древесный пенек пыталась четырежды бросить,
 Бросить же все не могла: в ней мать с сестрою
 боролись,—
 В разные стороны, врозь, влекут два имени сердце.
 465 Щеки бледнели не раз, ужасаясь такому злодейству,
 Очи краснели не раз, распаленным окрашены гневом,
 И выражало лицо то будто угрозу, в которой
 Страшное чудилось, то возбуждало как будто бы
 жалость.
 Только лишь слезы ее высыхали от гневного пыла,
 470 Новые слезы лились: так судно, которое гонит
 Ветер, а тут же влечет супротивное ветру течение,
 Чует две силы зараз и, колеблясь, обеим покорно,—
 Так вот и Фестия дочь, в перешительных чувствах
 блуждая,
 То отлагает свой гнев, то, едва отложив, воскрешает.
 475 Преобладать начинает сестра над матерью все же,—
 И чтобы кровью смягчить по крови родные ей тени,
 Благочестиво творит нечестивое. Лишь разгорелся
 Злостный огонь: «Моя да истлеет утроба!» — сказала —
 480 И беспощадной рукой роковое подымлет полено.
 Остановилась в тоске пред своей погребальной
 жертвой.
 «О Эвмениды,— зовет,— тройные богини возмездий!
 Вы обратитесь лицом к заклинательным жертвам
 ужасным!
 Мщу и нечестье творю: искупить смерть смертию должно,
 Должно злодейство придать к злодейству, к могиле
 могилу,

485 В нагроможденье скорбей пусть дом окаянный погибнет!
Будет счастливец Ойней наслаждаться победою сына?
Фестий — сиротствовать? Нет, пусть лучше восплачутся
оба!

Вы же, о тени моих двух братьев, недавние тени,
Помощь почуйте мою! Немалым деяньем сочтите
490 Жертву смертную, дар материнской утробы несчастный.
Горе! Куда я влекусь? Простите же матери, братья!
Руки не в силах свершить начатого — конечно, всецело
Гибели он заслужил. Ненавистен мне смерти виновник.
Кары ль не будет ему? Он, живой, победитель,
надменный

495 Самым успехом своим, Калидонскую примет державу?
Вам же — пеплом лежать, вы — навеки холодные тени?
Этого я не стерплю: пусть погибнет проклятый; с собою
Пусть упования отца, и царство, и родину сгубит!
Матери ль чувствовать так? Родителей где же обеты?
500 Десятимесячный труд материнский, — иль мною
забыт он?

О, если б в пламени том тогда же сгорел ты младенцем!
Это стерпела бы я! В живых ты — моим попеченьем
Ныне умрешь по заслугам своим: поделом и награда.
Данную дважды тебе — рождением и той головою —
505 Душу верни или дай мне с братскими тенями слиться.
Жажду, в самой же нет сил. Что делать? То братские
раны

Перед очами стоят, убийства жестокого образ,
То сокрушаюсь душой, материнскою мучась любовью, —
Горе! Победа плоха, но все ж побеждайте, о братья!
510 Лишь бы и мне, даровав утешение вам, удалиться
Следом за вами!» Сказав, дрожащей рукой,
отвернувшись,

В самое пламя она головню роковую метнула.
И застонало — иль ей показалось, что вдруг застонало, —
Дерево и, запылав, в огне против воли сгорело.
515 Был далеко Мелеагр и не знал, — но жжет его тайно
Этот огонь! Нутро в нем — чувствует — все загорелось.
Мужеством он подавить нестерпимые тшится мученья.
Сам же душою скорбит, что без крови, бесславною
смертью

Гибнет; счастливыми он называет Анкеевы раны.
520 Вот он со стоном отца-старика призывает и братьев,
Кличет любимых сестер и последней — подругу по ложу,

Может быть, также и мать! Возрастают и пламя и

муки —

И затихают опять, наконец одновременно гаснут.

525 Мало-помалу душа превратилась в воздух легчайший,
Мало-помалу зола убелила остывшие угли.

Гордый простерт Калидон; и юноши плачут и старцы,

Стонут и знать и народ; распустившие волосы с горя

В грудь ударяют себя калидонские матери с воплем.

Пылью сквершит седину и лицо престарелый родитель,

Сам распростерт на земле, продолжительный век свой

поносит.

530 Мать же своею рукой,— лишь сознала жестокое дело,—

Казни себя предала, железо нутро ей пронзило.

Если б мне бог даровал сто уст с языком звонкозвучным,

Воображенья полет или весь Геликон,— я не мог бы

Пересказать, как над ней голосили печальные сестры.

535 О красоте позабыв, посинелые груди колотят.

Тело, пока оно здесь, ласкают и снова ласкают,

Нежно целуют его, принесенное ложе целуют.

Пеплом лишь стала она, к груди прижимают и пепел,

540 Пав на могилу, лежат и, означенный именем камень

Скорбно руками обняв, проливают над именем слезы.

Но утолясь наконец Парфаонова дома несчастьем,

Всех их Латонина дочь,— исключая Горгею с невесткой

Знатной Алкмены,— взрастив на теле их перья,

подъемлет

545 В воздух и вдоль по рукам простирает им длинные

крылья,

Делает рот роговыми и пускает летать — превращенных.

Тою порой Тезей, часть выполнив подвигов славных,

Шел в Эректесв предел, в твердыню Тритониды Девы.

Тут преградил ему путь и медлить заставил пабухший

550 Из-за дождей Ахелой. «Взойди под кров мой,—

сказал он,—

О Кекропид! Себя не вручай увлекающим волнам.

Крепкие бревна нести приобыкли они иль, бушуя,

С грохотом камни крутить; я видел: прибрежные хлевы

Бурный уносит поток; и нет уже проку коровам

555 В том, что могучи они, ни коням,— что бегают быстро.

Ярый поток, наводнясь из-за таянья снега, немало

В водовороте своем утопил молодого народу.

Лучше тебе отдохнуть до поры, когда возвратится

В русло река и опять заструит неглубокие воды».

560 И согласился Эгид. «Ахелой, я воспользуюсь домом
 И увещаньем твоим», — ответствовал; так и исполнил.
 В атрий вошел он, что выстроен был из шершавого туфа
 С пористой пемзой; земля покрывалась влажная мохом.
 Выложен был потолок пурпуровых раковин строем.

565 Гиперион между тем две трети уж света отмерил,
 Вот возлегли и Тезей, и соратники рядом на ложах;
 Сын Иксиона возлег по одной стороне, по другой же
 Славный трезенец Лелег, с приметной в висках сединою.
 Также почтил и других одинаковым гостеприимством

570 Бог Акарнанской реки, посещеньем таким очастливлен.
 Стали готовить столы, с обнаженными стопами пимфы
 Разные яства несут. Когда угощенья убрали,
 Стали в сосуды вино разливать. И герой знаменитый,
 Взором окинув простор перед ними лежащего моря,

575 «Что там за место? — спросил и перстом указал, —
 как зовется
 Этот вон остров, скажи: но будто их несколько видно?»
 Бог же речной отвечал: «Что видим мы, то не едино,
 Пять островов там лежит: различить их мешает
 пространство.

580 Знайте же: так не одна поступала в обиде Диана!
 Были наядами те острова: закололи однажды
 Десять тельцов — и богов деревенских к тем жертвам
 призвали;

Но позабыли меня, поведа хороводы по чину.
 Воды я вздул и несусь, я сроду таким полноводным
 Не был. Ужасен равно и волной, и душевным порывом,

585 Мчался, леса от лесов, берега от берегов отделяя.
 Вместе с землею и нимф, наконец-то меня вспомянувших,
 Вплоть я до моря довлек. Тут море и я совокупно
 Землю сплошную, разъяв, на столько частей разделили,
 Сколько сейчас посредине воды Эхинад созерцаешь.

590 Там, как видишь, вдали, вон там подымается остров,
 Мне драгоценный. Его называет моряк Перимелой.
 Деву избрав, у нее я похитил девичью невинность.
 А Гипподаму отцу нестерпимо то было, и в море
 Дочь он столкнул со скалы, в утробе носившую чадо.

595 Плывшую я подхватил и сказал: «О держатель трезубца,
 Царство зыбей получивший в удел ближайшее к небу,
 Где нам скончанье, куда мы сбегает, священные реки, —
 Встань и молящему мне, Нептун, снисходительно
 внемли!
 Ту, с которой несусь, погубил я; когда б справедливей

600 Был и добрей Гипподам, когда бы не столь был
безбожен,
Должен он был бы ее пожалеть, простить нас обоих.
О, помоги! Ей, молю, от отцовского гнева бежавшей,
Дай, о владыка, приют,— иль сама пусть станет
приютом! —

Буду ее и тогда обнимать». Кивнул головою
605 Царь морской и потряс ему подчиненные воды.
Затрепетала она — но плыла. Меж тем у плывущей
Трогал я грудь,— она под рукою, волнуясь, дрожала.
Но, обнимая ее, вдруг чувствую: отвердевает
Тело, и девушки грудь земляным покрывается слоем.
610 Я говорю,— а земля облекает плывущие члены:
Тело, свой вид изменив, разрастается в остров тяжелый».

Бог речной замолчал. Удивленья достойное дело
Тропуло всех. Но один над доверием их посмеялся,—
Иксионид,— презритель богов, необузданный мыслью:
615 «Выдумки — весь твой рассказ, Ахелой, ты не в меру
могучей
Силу считаешь богов,— будто вид и дают и отъемлют!»
И поразились все, и словам не поверили дерзким.
Первый меж ними Лелег, созревший умом и годами,
Так говорит: «Велико всемогущество неба, пределов
620 Нет ему: что захотят небожители, то и свершится.
А чтобы вас убедить, расскажу: дуб с липою рядом
Есть на фригийских холмах, обнесенные скромной
стеною.

Сам те места я видал: на равнины Пелоповы послан
Был я Питфеем, туда, где отец его ранее правил.
625 Есть там болото вблизи,— обитаемый прежде участок;
Ныне — желанный приют для нырка и лысухи болотной.
В смертном обличье туда сам Юпитер пришел, при
отце же
Был отвязавший крыла жезлоносец, Атлантов потомок.
Сотни домов обошли, о приюте прося и покое,
630 Сотни к дверям приткнули колы; единственный —
принял,

Малый, однако же, дом, тростником и соломою крытый.
Благочестивая в нем Бавкида жила с Филемоном,
Два старика: тут они съединились в юности браком.
В хижине той же вдвоем и состарились. Легкою стала
635 Бедность смиренная им, и сносили ее безмятежно.
Было б напрасно искать в том доме господ и прислугу,

Все-то хозяйство — в двоих; всё сами: прикажут —
исполнят.

Лишь подошли божества под кров неприметных
пенатов,

640 Только успели главой под притолкой низкой склониться,
Старец придвинул скамью, отдохнуть предлагая
пришельцам.

Грубую ткань на нее поспешила накинуть Бавкида.
Теплую тотчас золу в очаге отгребла и вечерний
Вновь оживила огонь, листвы ему с сохлой корою
645 В пищу дала и вздувать его старческим стала дыханьем.
Связки из прутьев она и сухие сучки собирает
С кровли, ломает в куски,— котелочек поставила
медный.

Вот с овощей, стариком в огороде собранных влажном,
Листья счищает ножом; супруг же двузубою вилой
Спинку свиньи достает, что коптилась, подвешена
к балке.

650 Долго ее берегли,— от нее отрезает кусочек
Тонкий; отрезав, его в закипевшей воде размягчает.
Длинное время меж тем коротают они в разговорах,—
Времени и не видать. Находилась кленовая шайка
В хижине их, на гвозде за кривую подвешена ручку.

655 Теплой водой наполняют ее, утомленные ноги
В ней отдохнут. Посредине — кровать, у нее ивяные
Рама и ножки, на ней — камышовое мягкое ложе.

Тканью покрыла его, которую разве лишь в праздник
Им приводилось стелить, но была и стара, и потерта
660 Ткань,— не могла бы она ивяной погнушаться кроватью.
И возлегли божества. Подоткнувшись, дрожащая, ставит
Столик старуха, но он покороче на третью был погу.

Выравнил их черепок. Лишь быть перестал он покатым —
Ровную доску его они свежее мятой натерли.
665 Ставят плоды, двух разных цветов, непорочной Мипервы,
Осенью сорванный тёрн, заготовленный в винном
отстое,

Редьку, индивий-салат, молоко, загустевшее в творог,
Яйца, легко на нежарком огне испеченные, ставят.

В утвари глиняной все. После этого ставят узорный,
670 Тоже из глины, кратер и простые из бука резного
Чаши, которых нутро желтоватым промазано воском.
Тотчас за этим очаг предлагает горячие блюда.
Вскоре приносят еще, хоть не больно-то старые, вина;
Их отодвинув, дают местечко второй перемене.

- 675 Тут и орехи, и пальм сушеные ягоды, смоквы,
Сливы, — немало плодов благовонных в разлтых
корзинах,
И золотой виноград, на багряных оборванный лозах.
Свежий сотовый мед посередке; над всем же — радушье
Лиц, и к приему гостей не худая, не бедная воля.
- 680 А между тем, что ни раз, опорóжненный вновь сам
собою, —
Видят, — наполнен кратер, вино подливается кем-то!
Диву дивятся они, устрашились и, руки подьема,
Стали молитву творить Филемон оробелый с Бавкидой.
Молят простить их за стол, за убогое пира убранство.
- 685 Гусь был в хозяйстве один, поместья их малого
старож, —
Гостеприимным богам принести его в жертву реннли.
Резов крылом, он уже притомил отягченных летами, —
Все ускользает от них; наконец случилось, что к самым
Он подбегает богам. Те птицу убить запретили.
- 690 «Боги мы оба. Пускай упадет на безбожных соседей
Кара, — сказали они, — по даруется, в бедствии этом,
Быть невредимыми вам; свое лишь покиньте жилище.
Следом за нами теперь отправляйтесь. На горные кручи
Вместе идите». Они повинуются, с помощью палок
- 695 Силятся оба ступать, подымаясь по длинному склону.
Были они от вершины горы в расстояние полета
Пушенной с лука стрелы, назад обернулись и видят:
Все затопила вода, один выдается их домик.
И, меж тем как дивятся они и скорбят о соседях,
- 700 Ветхая хижина их, для двоих тесноватая даже,
Вдруг превращается в храм; на месте подпорок —
колонны,
Золотом крыша блестит, земля одевается в мрамор,
Двери резные висят, золоченым становится зданье.
Ласковой речью тогда говорит им потомок Сатурпа:
- 705 «Праведный, молви, старик и достойная мужа супруга,
Молви, чего вы желали б?» — и так, перемолвись с
Бавкидой,
Общее их пожеланье открыл Филемон Всемогущим:
«Вашими быть мы жрецами хотим, при святилищах
ваших
- 710 Службу пести, и, поскольку ведем мы в согласии годы,
Час пусть один унесет нас обоих, чтоб мне не увидеть,
Как сожигают жену, и не быть похороненным ею». —
Их пожеланья сбылись: оставались стражами храма

Жизнь остальную свою. Отягченные годами, как то
 Став у святых ступеней, вспоминать они стали события.
 715 Вдруг увидал Филемон: одевается в зелень Бавкида;
 Видит Бавкида: старик Филемон одевается в зелень.
 Похолодевшие их увенчались вершинами лица.
 Тихо успели они обменяться приветом. «Прощай же,
 Муж мой!» — «Прощай, о жена!» — так вместе сказали,
 и сразу
 720 Рот им покрыла листва. И теперь обитатель Тпаны
 Два вам покажет ствола, от единого корня возросших.
 Это не вздорный рассказ, веденный не с целью обмана,
 От стариков я слышал, да и сам я висящие видел
 Там на деревьях венки; сам свежих принес и промолвил:
 725 «Праведных боги хранят: почитающий — сам почитаем».

Кончил, и тронуты все и событиями и рассказавшим,
 Всех же сильнее — Тезей. Вновь хочет он слушать о
 чудных
 Божьих делах, — и, на ложе склонясь, обратился к Тезею
 Бог калидонской реки: «О храбрый! Бывают предметы:
 730 Если их вид изменен, — остаются при новом обличье;
 Есть же, которым дано обращаться в различные виды, —
 Ты, например, о Протей, обитатель обнявшего землю
 Моря! То юношей ты, то львом на глаза появлялся,
 Вепрем свирепым бывал, змеей, прикоснуться к которой
 735 Боязно, а иногда ты рогатым быком становился.
 Камнем порою ты был, порою и деревом был ты.
 А иногда, текучей воды подражая обличью,
 Был ты рекой; иногда же огнем, для воды ненавистным.
 И Автолика жена, Эрисихтона дочь, обладает
 740 Даром таким же. Отец, презирая божественность
 Вышних,
 На алтарях никогда в их честь не курил финиама.
 Он топором — говорят — оскорбил Церерину рощу,
 Будто железом нанес бесчестье древней дубраве.
 Дуб в той роще стоял, с долголетним стволом,
 преогромный,
 745 С целую рощу один, — весь в лентах, в дощечках на
 память,
 В благочестивых венках, свидетельствах просьб не
 напрасных.
 Часто дриады под ним хороводы в праздник водили,
 Часто, руками сплетясь по порядку, они окружали
 Деревя ствол; толщина того дуба в обхват составляла

- 750 Целых пятнадцать локтей. Остальная же роща лежала
Низменно так перед ним, как трава перед рощею всею.
Но, несмотря ни на что, Триопей топора рокового
Не отвратил от него; приказал рабам, чтоб рубили
Дуб. Но, как медлили те, он топор из рук у них вырвал.
- 755 «Будь он не только любим богиней, будь ею самою,
Он бы коснулся земли зеленою все же вершиной!» —
Молвил. И только разить топором он паискось начал,
Дуб содрогнулся, и стои испустило богинино древо.
В то же мгновенье бледнеть и листва, и желуди дуба
- 760 Стали; бледностью вдруг его длинные ветви покрылись.
А лишь поранили ствол печестивые руки, как тотчас
Из рассеченной коры заструилася кровь, как струится
Пред алтарями, когда повергается тучная жертва,
Бык,— из шеи крутой поток изливается алый.
- 765 Остолбенели кругом; решился один святотатство
Предотвратить, отвести беспощадный топор фессалийца.
Тот поглядел,— «За свое благочестье прими же
награду!» —
Молвил и, вместо ствола в человека направив оружие,
Голову снес — и рубить стал снова с удвоенной силой.
- 770 Вдруг такие слова из середины послышались дуба:
«В дереве я здесь живу, Церере любезная нимфа,
Я предрекаю тебе, умирая: получишь возмездье
Ты за деянья свои, за нашу ответишь погибель!»
- 775 Но продолжает злодей; наконец от бесчисленных ударов
Заколебавшись и вниз бечесвами притянуто, с шумом
Дерево пало и лес широко придавило собою.
Сестры Дриады, своим потрясенные горем — и горем
Рощи священной, пошли и предстали в одеждах печали
Перед Церерой толпой: покарать Эрисихтона молят.
- 780 И согласилась она и, прекрасной кивнув головою,
Злачные пивы земли сотрясла, отягчепные хлебом.
Мужа решила обречь на достойную жалости муку,—
Если жалости он при деяньях достоин подобных:
Голодом смертным томить. Но поскольку ко Гладной
богине
- 785 Не было доступа ей, ибо волею судеб не могут
Голод с Церерой сойтись, обратилась она к Ореаде
Сельской, одной из нагорных богинь, с такими словами:
«Некое место лежит на окраине Скифии льдистой,
Край безотрадный, земля, где нет ни плодов, ни деревьев;
790 Холод коспеющий там обитает и Немочь и Ужас,
Тощий там Голод живет. Войдет пусть Глада богиня

В гнусную грудь святотатца; и пусть никакое обилие
 Не одолеет ее. Пусть даже меня превозможет.
 795 А чтоб тебя не страшил путь дальний, вот колесница,
 Вот и драконы тебе. Правь ими в высоком полете».

Тотчас дала их. И вот, на Церериной мчась колеснице,
 В Скифию та прибыла. На мерзлой горе, на Кавказе
 Остановилась она и змей распрягла и сейчас же
 800 Глада богиню нашла на покрытом камнями поле,—
 Ногтем и зубом трудясь, рвала она скудные травы.
 Волос взъерошен, глаза провалились, лицо без кровинки,
 Белы от жажды уста, изъедены порчею зубы,
 Высохла кожа, под ней разглядеть всю внутренность
 можно.
 Кости у ней, истончась, выступали из лядвей
 скривленных.

805 Был у нее не живот, а лишь место его, и отвисли
 Груды,— казалось, они к спинному хребту
 прикреплялись.

От худобы у нее вылезали суставы узлами,
 Чашек коленных и пят желваки безобразно торчали.
 810 Издали видя ее, подойти не решаясь, однако,
 Передает ей богини слова; но лишь малость помедлив,—
 Хоть и была далеко, хоть едва лишь туда появилась,—
 Голод почуяла вдруг,— и гопит обратно драконов!
 В край Гемонийский спешит, в выси натянув свои
 вожжи.

815 Глада богиня тотчас — хоть обычно она и враждебна
 Делу Цереры — спешит ее волю исполнить. Уж ветер
 К дому ее перенес Эрисихтона; вот к святотатцу
 В спальню богиня вошла и немедленно спящего
 крепко,—

820 Ночью то было,— его обхватила своими руками;
 В недра вдохнула себя; наполняет дыханием горло,
 Рот и по жилам пустым разливает голода муку.
 Сделала дело свое и покинула мир изобильный
 И воротилась к себе, в дом скудный, к пещерам
 привычным.

Сладостный сон между тем Эрисихтона нежил крылами
 Мягкими: тянется он к соблазнительно снящимся
 яствам,
 825 Тщетно работает ртом; изнуряет челюсть о челюсть,
 Мнимую пищу глотать обольщенной старается глоткой.
 Но не роскошную снеть, а лишь воздух пустой пожирает.

Только лишь сон отошел, разгорается буйная алчность,
 В жадной гортани царит и в утробе, отныне бездонной.
 830 Тотчас всего, что земля производит, и море, и воздух,
 Требуется; блюда стоят, но на голод оп сетует горько.
 Требуется яств среди яств. Чем целый возможно бы город,
 Целый народ напитать,— для него одного не довольно.
 Алчет все большего оп, чем больше пупро наполняет.
 835 Морю подобно, что все принимает земные потоки,
 Не утоляясь водой, выпивает и дальние реки,
 Или, как жадный огонь постоянно питания алчет
 И без числа сожигает полен, и чем больше получит,
 Просит тем больше еще и становится все ненасытней,—
 840 Так печестивого рот Эрисихтона множество разных
 Блюд принимает и требует вновь: в нем пища любая
 К новой лишь пище влечет. Оп ест, по утроба пустует.
 Вот истощает уже, голодая пустою утробой,
 Средства отцовские. Ты лишь один, о безжалостный
 845 Не притуплялся внутри; не смиренное пламя пылало
 В глотке его. Наконец все имущество капую в чрево.
 Дочь оставалась одна,— не такой подобал ей родитель!
 Нищий, он продал и дочь. Но та господина отвергла,
 К морю она подошла и, простерши ладони, сказала:
 850 «У господина меня отними, о Ты, что похитил
 Девства дары моего!» Нептун овладел ее девством.
 И не отверг он мольбы: когда увидал ее шедший
 Следом владелец ее, изменил ее бог, и в мужское
 Деву обличье облек, и снаряды ей дал рыболова.
 855 Видит ее господин,— «О ты, что крючок из меди
 Малой приманкой закрыл и следишь за удой,—
 говорит оп,—
 Море да будет всегда для тебя безмятежно и рыба
 Вечно доверчива, пусть, заглотнув лишь, крючок твой
 почувет!
 Девушка в платье простом, что стояла, растрепана,
 рядом,
 860 Здесь на морском берегу,— ибо видел я сам, что
 стояла,—
 Где она, делась куда? Тут сразу следы пропадают».
 Внятен ей дар божества, что ставят вопрос ей о ней
 же,—
 Девушка рада душой и спросившему так отвечает:
 «Кто бы ты ни был, скажу: ты ошибся; с волны я
 ни разу

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Что за причина вздыхать и как рог обломился у бога,
Просит Нептунов герой рассказать; и Поток

Калидонский,

Под тростниковый венок подобрав свои волосы, начал:
«Просьба твоя тяжела, ибо кто, побежденный, захочет
5 Битвы свои вспоминать? Расскажу по порядку, однако:
Меньше в моем пораженье стыда, чем в боренье —
почета,

И победителем я столь великим утешен немало.

Может быть, издалека до тебя и дошло Деяниры

Имя; когда-то была она дивнопрекрасною девою,

10 Многих влюбленных в нее домогателей целью завидной.
С ними, ее испросить, в дом тестя явился я тоже.

«Зятем меня назови, — я сказал ему, — сын Парфаона!»

Так же сказал и Алкид. Остальные нам двум уступили.

Тот похвалялся, что даст им Юпитера в свекры, и славу

15 Подвигов трудных, и все, что по воле он мачехи вынес.
Я возражал, что позор, если бог человеку уступит, —

Богом он не был тогда: «Пред собою ты видишь владыку
Вод, что, наклонно катясь, по владеньям твоим

протекают.

Нет, не из чуждых краев постояльцем зять тебе

прислан, —

20 Буду я — свой человек и часть твоего достоянья.

Не повредило бы мне лишь одно, что царицей Юноной

Я не гоним, не несу никакой подневольной работы!

Ежели хвалишься ты, что Алкменой рожден, то Юпитер

Ложный родитель тебе, а коль подлинный, — значит,

преступный.

25 Матери блудом себе приобрел ты отца: выбирай же,

Иль не Юпитер родитель тебе, иль рожден ты постыдно?»

На говорящего так он давно уже скошенным глазом

Смотрит, не в силах уже управлять распалившимся

гневом,

И возражает в ответ: «Не язык, а рука — моя сила.

30 Лишь бы в борьбе одолеть, — побеждай в разговорах,
пожалуй!»

Грозный ко мне подступил. После речи такой уж

не мог я

Пятиться: тотчас с себя я зеленую сбросил одежду,

Выставил руки вперед и держал кулаки перед грудью,

35 Став в положение бойца, все члены к борьбе подготовил.

Пригоршню пыли набрав, меня он той пылью осыпал;

Тотчас и сам пожелтел, песком занесенный сыпучим.

То за зашеек меня, то за ноги проворные схватит, —

Правда, иль чудится так, — но со всех он сторон

падает.

Тяжесть моя защищала меня, он наскакивал тшкетно.

40 Так неподвижна скала, на которую с шумом великим

Приступом волны идут: стоит, обеспечена грузом.

Вот мы чуть-чуть отошли и уж снова сходимся биться.

Крепко стоим на земле, порешив не сдаваться.

Прижались

45 Крепко ногою к ноге. Всей грудью вперед наклонившись,

Пальцами пальцы давяю и на лоб его лбом нажимаю.

Видел я, сходятся так два могучих быка, состязаясь,

Если награда борьбы, красавица первая паствы,

Самка кидает их в бой, а скотина глядит и страшится,

В недоумении, кто завоюет такую державу.

50 Трижды отбросить хотел от себя сын грозный Алкея

Грудь мою в этой борьбе. По четвертому разу объятий

Все ж он избег и сумел свои вызволить руки, отвел их;

Тут же он руку напруг, — это чистая правда! — и сразу

Перевернул меня вдруг и палег всей тяжестью сзади.

55 Верите ль, нет ли, — но я не стремлюсь неправдивым

рассказом

Славу спискать! — почудилось мне, что горой я

придавлен.

Еле я вытащить мог увлажненные потом обильным

Руки, едва разорвав вокруг груди тугое объятие.

Я задыхался, но он не позволил мне с силой собраться.

60 Шею мою захватил. Наконец, уж не мог я не тронуть

Землю коленом своим и песок закусил, побежденный.

Силой слабее его, прибегаю к своим ухищрениям

И ускользаю из рук, превратившись в длинного змея.

Но между тем как я полз, образуя извивы и кольца,

- 65 Страшно свистя и притом шевеля языком раздвоенным,
Захотел лишь тиринфский герой на мои
ухищренья,—
Молвив: «Змей укрощать,— то подвиг моей колыбели!
Если драконов других победить, Ахелой, ты и можешь,
Все ж не ничтожная ль часть ты, змей, Лернейской
Ехидны?»
- 70 Та размножалась от ран; из сотни голов ни единой
Было нельзя у нее безнаказанно срезать, чтоб тотчас,
Две обрета головы, ее выя не стала сильнее;
Отпрыски новых гадюк появлялись в погибели, убыль
Впрок ей была, я ее одолел и пленил, одолевши.
- 75 Кто же ты после того,— змеей обернувшийся лживо,
Воня с оружием чужим, облищем прикрытый
заёмным?»
Так он сказал; и схватил, как узлом, меня сверху
за горло
Пальцами. Дух занялся, был я сдавлен словно клещами:
Освободить лишь гортань я большими перстами
пытался.
- 80 После того, побежденному, мне оставался лишь третий
Образ — быка; и, в быка обратясь, вновь в битву
ступаю.
С левой тогда стороны он на шею закинул мне руки,
Тащит меня за собой,— побежавшего было,— крутые
В землю вставляет рога и меня на песок простирает.
- 85 Мало того: беспощадной рукой он ломает мой крепкий
Рог, захваченный им, и срывает, чело искажая.
Нимфы плодами мой рог и цветами душистыми полнят
И освящают,— и он превращается в Рог изобилья»,—
Молвил. Наяда тогда, подобравшись, подобно Диане,—
90 Из услужавших одна,— с волосами, упавшими вольно,
Входит, с собою песья в том самом роскошнейшем роге
Целую осень — плодов урожай в завершение пира.

Лишь рассвело и едва по вершинам ударило солнце,
Юноши, встав, разошлись; дожидаться не стали, чтоб
волны

- 95 Снова покой обрели и текли безмятежно, чтоб воды
Бурные вновь улеглись. Ахелой же свой лик
деревенский,
Свой обездоленный лоб — в глубокую спрятал пучину.
Но не вредила ему украшенья бывшего утрата.

Рог был другой невредим. К тому же ветловой
 листвою
 100 Мог он позор головы прикрывать иль венком
 камышовым.
 Но для тебя, Несс лютый, любовь к той деве причиной
 Гибели стала,— ты пал, пронзенный крылатой стрелой.
 Древле Юпитера сын, с молодой возвращаясь супругой
 К отчим стенам, подошел к стремительным водам
 Эвена;
 105 Больше обычного вздут был поток непогодюю зимней,
 В водоворотах был весь, прервалась по нему переправа.
 Неустрашим за себя, за супругу Геракл опасался.
 Тут подошел к нему Несс — и могучий, и знающий
 броды.
 «Пусть, доверившись мне,— говорит,— на брег
 супротивный
 110 Ступит она, о Алкид! Ты же — сильный — вплавь
 переправься».
 Бледную, перед рекой и кентавром дрожавшую
 в страхе,
 Взял калидонку герой-аониец и передал Нессу.
 Сам же,— как был, отягчен колчаном и шкурою
 львиной,—
 115 Палицу, также и лук, на берег другой перекинул,—
 «Раз уж пустился я вплавь,— одолею течение!» —
 молвил.
 Смело поплыл; где тише места на реке, и не спросит!
 Даже не хочет, плывая, забирать по теченью потока.
 Только он берега достиг и лук переброшенный поднял,
 Как услышал вдруг голос жены и увидел, что с ношей
 120 Хочет кентавр ускользнуть. «На ноги надеясь
 напрасно,
 Мчишься ты, дерзкий, куда? — воскликнул он. — Несс
 двоевидный,
 Слушай, тебе говорю,— себе не присваивай паше!
 Если ты вовсе ко мне не питаешь почтения, припомнить
 Мог бы отца колесо и любви избежать запрещенной.
 125 Но от меня не уйдешь, хоть на конскую мощь
 положился.
 Раной постигну тебя, не ногами!» Последнее слово
 Действием он подтвердил: пронзил убежавшего спину
 Острой вдогонку стрелой,— и конец ее вышел из груди.
 Только он вырвал стрелу, как кровь из обоих
 отверстий

- 130 Хлынула, с ядом смешаюсь смертоносным желчи
лернейской.
 Несс же ту кровь подобрал: «Нет, я не умру
неотмщенным!» —
 Проговорил про себя и залитую кровью одежду
 Отдал добыче своей,— как любовного приворот
чувства.
- 135 Времени много прошло, и великого слава Геракла
 Землю наполнила всю и насытила мачехи злобу.
 Помня обет, Эхалию взяв, победитель собрался
 Жертвы Кенейскому жечь Юпитеру. Вскоре донесся
 Слух, Деянира, к тебе — молва говорливая рада
 К истине ложь примешать и от собственной лжи
вырастает,—
- 140 Слышит и верит жена, что Амфитрионида пленила
 Дева Иола вдали. Потрясенная новой изменой,
 Плакать сперва начала; растопила несчастная муку
 Горькой слезой; но потом,— «Зачем я, однако,—
сказала,—
 Плачу? Слезы мои лишь услодой сопернице будут.
- 145 Скоро прибудет она: мне что-нибудь надо придумать
 Спешно, чтоб ложем моим завладеть не успела другая.
 Плакать ли мне иль молчать? В Калидон ли
вернуться, остаться ль?
 Бросить ли дом? Иль противиться, средств иных
не имея?
- 150 Что, если я, Мелеагр, не забыв, что твою сestroю
 Я рождена, преступленье свершу и соперницы смертью
 Всем докажу, какова оскорбленной женщины сила!»
 В разные стороны мысль ее мечется! Все же решенье
 Припято: мужу послать напоенную Нессовой кровью
 Тунику, чтобы вернуть вновь силу любви ослабевшей.
- 155 Лихасу дар, неизвестный ему, снести поручает,—
 Будущих бедствий залог! Несчастливая ласково просит
 Мужу его передать. Герой принимает, не зная;
 Вот уж он плечи облек тем ядом Лернейской Ехидны.
 Первый огонь разведя и с мольбой фимиам воскуряя,
 160 Сам он из чаши вио возливал на мрамор алтарный.
 Яд разогрелся и вот, растворившись от жара, широко
 В тело Геракла проник и по всем его членам разлился.
 Сколько он мог, подавлял привычным мужеством
стоны,—
 Боль победила его наконец, и алтарь оттолкнул он

- 165 И восклицаньями всю оглашает дубравную Эту.
Медлить нельзя: разорвать смертоносную тщится
рубаху,
Но, отдираясь сама, отдирает и кожу. Противно
Молвить! То к телу она прилипает — сорвать
невозможно! —
- 170 Или же мяса клоки обнажает и мощные кости.
Словно железо, когда погрузишь раскаленное в воду,
Кровь у страдальца шипит и вскипает от ярого яда.
Меры страданию нет. Вся грудь пожирается жадным
Пламенем. С тела всего кровавая испарина льется.
Жилы, сгорая, трещат. И, почувствовав, что разъедает
175 Тайное тленье нутро, простер к небесам он ладони.
«Гибелью нашей,— вскричал,— утоляйся, Сатурния,
ныне!
О, утоляйся! С небес, о жестокая, мукой любуйся!
Зверское сердце насыть! Но если меня пожалел бы
Даже и враг,— ибо враг я тебе,— удрученную пыткой
180 Горькую душу мою, для трудов порожденную, вырви!
Смерть мне будет — как дар, и для мачехи — дар
подходящий!
Некогда храмы богов сквернившего путников кровью,
Я Бузирида смирил; у Антея свирепого отнял
Я материнскую мощь; не смутил меня пастырь
иберский
185 Тройственным видом, ни ты своим тройственным
видом, о Цербер!
Руки мои, вы ль рогов не пригнули могучего тура?
Ведомы ваши дела и Элиде, и водам Стимфалы,
И Партенийским лесам. Был доблестью вашей
похищен
Воинский полк с резьбой, фермодонтского золота; вами
190 Взятые плоды Гесперид, бережепные худо Драконом.
Противостать не могли мне кентавры, не мог
разоритель
Горной Аркадии — вепрь, проку в том не было Гидре,
Что от ударов росла, что мощь обретала двойную.
Разве фракийских коней, человечьей насыщенных
кровью,
195 Я, подойдя, не узрел у ваполненных трупами яслей,
Не разметал их, узрев, не пленил и коней и владельца?
В этих задохшихся руках, и Немейская пала громада.
Выей держал небеса. Утомилась давать приказанья
В гневе Юнона; лишь я утомленья не знаю в днях!»

200 Новая ныне напасть,— одолеть ее доблесть бессильна,
 Слабы копые и броня; в глубине уж по легким
 блуждает,
 Плоть разъедая, огонь и по всем разливается членам.
 Счастлив меж тем Эврисфей! И есть же, которые верят,
 В существованье богов!» — сказал, и поверху Эты
 205 Вот уже шествует он, как тур, за собою влачащий
 В тело воцвившийся дрот,— а метавший спасается
 бегством.
 Ты увидел бы его то стенающим, то разъяренным,
 Или стремящимся вновь изорвать всю в клочья одежду,
 Или валяющим стволы, нль исполненным гнева на горы,
 210 Или же руки свои простирающим к отчему небу.
 Лихаса он увидел трепетавшего, рядом в пещере
 Скрытого. Мука в тот миг все неистовство в нем
 пробудила.
 «Лихас, не ты ли,— вскричал,— мне передал дар
 погребальный?
 Смерти не ты ли виновник моей?» — а тот испугался,
 215 Бледный, дрожит и слова извинения молвит смиренно.
 Вот уж хотел он колена обнять, но схватил его тут же
 Гневный Алкид и сильней, чем баллистой, и три
 и четыре
 Раза крутил над собой и забросил в Эвбейские воды.
 Между небес и земли отвердел он в воздушном
 пространстве,—
 220 Так дожди — говорят — под холодным сгущаются
 ветром,
 И образуется снег, сжимается он от вращения
 Плавного, и, округлясь, превращаются в градины
 хлопья.
 Так вот и он: в пустоту исполинскими брошен руками,
 Белым от ужаса стал, вся влажность из тела исчезла,
 225 И — по преданью веков — превратился в утес он
 бездушный.
 Ныне еще из Эвбейских пучин выступает высоко
 Стройной скалой и как будто хранит человеческий
 облик.
 Как за живого — задеть за него опасается кормщик,—
 Лихасом так и зовут. Ты же, сын Юпитера славный,
 230 Древ паломав, что на Эте крутой взрасли, воздвигаешь
 Сам погребальный костер, а лук и в уемистом туле
 Стрелы, которым опять увидеть Илион предстояло,

Сыну Пеанта даешь. Как только подбросил помощник
 235 Пищи огню и костер уже весь запылал, на вершину
 Груды древесной ты сам немедля немейскую шкуру
 Стелешь; на палицу лег головой и на шкуре протерся.
 Был же ты ликом таков, как будто возлег и пируешь
 Между наполненных чаш, венками цветов разукрашен!
 Стало сильнее между тем и по всем сторонам
 240 Пламя, уже подошло к его телу спокойному, он же
 Силу огня презирал. Устрашились тут боги, что гибнет
 Освободитель земли; и Юпитер с сияющим ликом
 Так обратился к богам: «Ваш страх — для меня
 утешенье,
 245 О небожители! Днесь восхвалять себя не устану,
 Что благородного я и отец и правитель народа,
 Что обеспечен мой сын благосклонностью также
 и вашей.
 Хоть воздаете ему по его непомерным деяньям,
 Сам я, однако, в долгу. Но пусть перестанут бояться
 250 Верные ваши сердца: презрите этейское пламя!
 Все победив, победит он огонь, созерцаемый вами.
 Частью одной, что от матери в нем, он почувствует
 силу
 Пламени. Что ж от меня — вековечно, то власти
 не знает
 Смерти, и ей непричастно, огнем никаким не смиримо.
 Ныне его, лишь умрет, восприму я в пределах
 255 И уповаю: богам всем будет подобный поступок
 По сердцу. Если же кто огорчится, пожалуй, что
 богом
 Станет Геракл, то и те, хоть его награждать
 не желали б,
 Зная заслуги его, поневоле со мной согласятся».
 Боги одобрили речь, и супруга державная даже
 260 Не омрачилась лицом, — омрачилась она, лишь
 услышав
 Самый конец его слов, и на мужнин намек осердилась.
 А между тем что могло обратиться под пламенем
 в пепел,
 265 Мультибер все отрешил, и обличье Гераклово стало
 Неузнаваемо. В нем ничего материнского боле
 Не оставалось. Черты Юпитера в нем сохранились.
 Так змея, обновясь, вместе с кожей сбросив и старость,

В полной являсь красоте, чешуей молодою сверкает.
 Только тиринфский герой отрешился от смертного
 тела,
 Лучшею частью своей расцвел, стал ростом казаться
 270 Выше и страх возбуждать величием и важностью
 новой.
 И всемогущий отец в колеснице четверкой восхитил
 Сына среди облаков и вместил меж лучистых
 созвездий.
 Тяжесть почуял Атлант. И тогда Эврисфея, однако,
 275 Все еще гнев не утих. Он, отца несправедливости, потомство,
 Лютый, преследовать стал. С аргонидской Алкменой,
 печальной
 Вечно, Иола была, и лишь ей поверяла старуха
 Жалобы или рассказ о всесветно известных деяньях
 Сына и беды свои. А с Иолой, веленьем Геракла,
 280 Юноша Гилл разделял и любовное ложе и душу;
 Ей благородным плодом он наполнил утробу. Алкмена
 Так обратилась к ней: «Да хранят тебя боги всечасно!
 Пусть они срок сократят неизбежный, когда ты,
 созревши,
 Будешь Илифию звать,— попечение робких
 родильниц,—
 285 Что не хотела помочь мне по милости гневной Юноны.
 День приближался, на свет нарождался Геракл,
 совершитель
 Подвигов, солнце меж тем до десятого знака достигло.
 Тяжесть чрево мое напрягла, и плод мой созревший
 Столь оказался велик, что в виновнике скрытого груза
 290 Всякий Юпитера мог угадать. Выносить свои муки
 Долее я не могла. И ныне от ужаса тело
 Все холодеет, когда говорю; лишь вспомню,— страдаю.
 Семь я терзалась ночей, дней столько же, и утомилась
 От нескончаемых мук, и к небу простерла я руки,
 С громким криком звала я Луцину и Никсов
 двойничных.
 295 И появилась она, но настроена гневом Юноны
 Злобной, готовая ей принести мою голову в жертву.
 Только лишь стоны мои услышала, на жертвенник села
 Возле дверей и, колено одно положив на другое,
 300 Между собою персты сплетя наподобие гребня,
 Мне не давала родить. Заклинавшая тихо шептала,
 Ими мешала она завершиться начавшимся родам.
 Силюсь, в безумье хулой Олимпийца напрасно порочу

Неблагодарного. Смерть призываю. Могла бы и кампи
Жалобой сдвинуть! Со мной пребывают кадмейские

жены,

305 К небу возносят мольбы, утешают болящую словом.
Тут Галантида была, из простого народа, служанка,
Златоволосая, все исполнять приказанья проворна,
Первая в службе своей. Почудилось ей, что Юнона
310 Гневная что-то творит. Выходя и входя постоянно
В двери, она и алтарь, и воссевшую видит богиню,—
Как на коленях персты меж собою сплетенные держит.
«Кто б ни была ты, поздравь госпожу! — говорит,—

разрешилась

И родила наконец,— совершилось желанье Алкмены».
Та привскочила, и вдруг развела в изумленье руками
315 Родов богиня,— и я облегчилась, лишь узел расторгся.
Тут, обманув божество, хохотать начала Галантида.
Но хохотавшую вмиг схватила в гнев богиня
За волоса, не дала ей с земли приподняться и руки
В первую очередь ей превратила в звериные лапы.
320 Так же проворна она, как и прежде, и не изменила
Цвета спина. В остальном же от прежнего облик

отличен.

Так как, устами солгав, помогла роженице,— устами
Ныне родит; и у нас, как прежде, в домах обитает».
325 Молвила так и, былую слугу вспомянув, застонала,
Тронута; на ухо ей, застоавшей, невестка шепнула:

«Тем ли растрогана ты, что утратила облик

служанка,

Чуждая крови твоей. Что, если тебе расскажу я
Дивную участь сестры? — хоть и слезы и горе мешают
И не дают говорить. Едипой у матери дочкой —
330 Я от другой рождена — и красою в Эхалии первой
Наша Дриопа была. Она ранее девства лишилась,
Бога насилье познав, в чьей власти и Дельфы и Делос.
Взял же ее Андремон — и счастливым считался

супругом.

Озеро есть. Берега у него опускаются словно
335 Берег пологий морской и увенчаны по верху миртой.
Как-то к нему подошла, его судеб не зная, Дриопа.
И возмутительней то, что венки принесла она нимфам!
Мальчика,— сладостный груз! — еще не достигшего

года,

Нежно несла на руках, молоком его теплым питая,

- 340 Недалеко от воды, подражая тирийской окраске,
Лотос там рос водяной, в уповании ягод расцветший.
Стала Дриопа цветы обрывать и совать их младенцу,
Чтоб позабавить его; собиралась сделать я то же,—
Ибо с сестрою была,— но увидела вдруг: упадают
- 345 Капельки крови с цветов и колеблются трепетно ветки.
Тут наконец,— опоздав,— нам сказали селяне, что
нимфа
Именем Лотос, стыда избегая с Приапом, когда-то
С деревом лик измененный слила,— сохранилось лишь
нимя,
- 350 Было неведомо то для сестры. Устрашенная, хочет
Выйти обратно и, нимф приношеньем почтив,
удалиться,—
Ноги корнями вросли; их силой пытается вырвать,
Может лишь верхнюю часть шевельнуть; растущая снизу,
Мягкие члены ее постепенно кора облекает.
Это увидев, она попыталась волосы дернуть,—
- 355 Листья наполнили горсть: голова покрывалась листвою.
А малолетний Амфис — ибо имя от Эврита деда
Он унаследовал — вдруг ощущает, что грудь затвердела
Матери, что молоко не струится в сосущие губы.
Я же, как зритель, была при жестоком событье,
не в силах
- 360 Быть тебе в помощь, сестра! Лишь сколько могла,
превращенье
Тщилась я задержать, и ствол обнимая и ветви.
Я бы желала, клянусь, под тою же скрыться корою!
Вот подошли и супруг Андремон, и родитель
несчастный,—
- 365 Оба Дриопу зовут. Зовущим Дриопу на Лотос
Я указала. Они неостывшие члены целуют.
Оба, к родным приникая корням, оторваться не могут.
Стало уж деревом все, ты одно лишь лицо сохраняла,
О дорогая сестра! И на свежие листья, на место
Бедного тела ее,— льет слезы; пока еще можно
- 370 И пропускают уста, как жалобно молит в пространство:
«Ежели верите вы несчастливцам, клянуся богами,
Не заслужила я мук. Терплю, неповинная, кару.
Чистой я жизнью жила. Пусть, если лгу, я засохну,
Всю потеряю листву и, срублена, пусть запылаю.
- 375 Но уж пора, отнимите дитя от ветвей материнских,
Дайте кормилице. Пусть — вы о том позаботьтесь! —
почаще

Здесь он сосет молоко и играет под тенью мою.
А как начнет говорить,— чтоб матери он поклонился,
С грустью промолвил бы: «Мать укрывается в дереве
этом».

380 Пусть лишь боится озер и цветов не срывает с деревьев,
Да и кустарники все пусть плотью богов почитает.
Милый супруг мой, прости! Ты, родная сестра, ты,
отец мой!

Если живет в вас любовь, молю: от укусов скотины
И от ранений серпа вы листву защитите родную!
385 Так как мне не дано до вас наклониться, то сами
Вы протянитесь ко мне и к моим поцелуям
приблизьтесь.

Можно еще прикоснуться ко мне, поднесите сыночка!
Больше сказать не могу; уже мягкой древесной корою
Белая кроется грудь,— теряюсь в зеленой вершине.
390 Руки от глаз отведите моих: и без вашей заботы
Этой растущей корой, умирая, затянутся очи».
Одновременно уста говорить и быть перестали.
Ветви же долго еще превращенной тепло сохраняли.

Так о печальных делах повествует Иола.

Свекровь же,
395 Пальцем большим вытирая с лица Эвритиды потоки
Слез, льет слезы сама. Но утешило все их печали
Новое диво: стоит в глубине на пороге пред ними
Чуть ли не мальчик, с лицом, на котором лишь пух
незаметный,

Прежние годы свои обрета, Иолай превращенный.
400 Так одарила его от Юноны рожденная Геба,
К просьбам супруга склонясь, и готовилась было
поклоняться,

Что никому уж не даст перемены подобной. Фемида
Не потерпела того и сказала: «Усобицы в Фивах
Уж возбуждают войну. Капаней же Юпитером только
405 Будет в борьбе побежден. Убьют два брата друг друга.
Лоно разверзнет земля, и живым прорицатель увидит
Душу в Аиде свою. За отца отомстит материнской
Кровью сын и, убив, благочестным преступником
станет;

Но, устрешенный грехом, рассудка лишившись и дома,
410 Будет гоним Эвменидами он и матери тенью,
Злата доколь у него рокового не спросит супруга

И не пронзит ему бок меч родственный в длаи
фегейской.

И наконец, Ахелоева дочь Каллироя попросит
У Громовержца, чтоб оп ее детям года приумножил
415 И не оставил притом неотмщенной мстителя смерти.
Просьбами тропутый бог дар падчерице и невестке
Ранее срока пошлет и в мужей превратит —

малолетних».

Лишь провешали уста провидицы судеб грядущих
Девы Фемиды, тотчас зашумели Всевышние разом,
420 Ропот пошел, почему у других нет прав на такую
Милость — и вот на года престарелого сетует мужа
Паллантнада; что сед Ясион — благая Церера
Сетует также; Вулкан — тот требует, чтоб обновился
И Эрихтония век. О грядущем заботясь, Венера
425 Хочет вступить в договор, чтоб лета обновились

Апхиза.

Нежной заботы предмет есть у каждого бога.

Мятежный

Шум от усердья растет. Но разверз уста Громовержец
И произнес: «О, ежели к нам в вас есть уваженье, —
430 Что поднялись? Иль себя вы настолько могучими мните,
Чтобы и Рок превзойти? Июлай в свои прежние годы
Был возвращен. Каллирои сынам по велению судеб
В юношей должно созреть: тут ни сила, ни спесь

не решают.

Все это падо сносить спокойней: правят и вами
Судьбы, и мной. О, когда б я силу имел изменять их,
435 Поздние годы тогда моего не согнули б Эака,
Переживал бы всегда Радамант свой возраст цветущий,
Также мой милый Минос. А к нему возбуждаст

презренье

Старости горестный груз, и не так уж он правит, как
прежде».

Тропул Юпитер богов. Ни одиц не посетовал боле,
440 Раз увидав, что Эак с Радамантом своим долголетьем
Удручены, и Минос, кто, бывало, в цветущие лета,
Именем страх наводя, грозой был великих народов,
Ныне же немощен стал. Дионина сына Милета,
Гордого силой своей молодой и родителем Фебом,
445 Старый страпился. Боясь, что его завоюет он царство,
Юношу все ж удалить от родных не решался пенатов.
Но добровольно, Милет, бежишь ты и судом

взрзаешь

Быстрым Эгейскую ширь, и в Азийской земле
отдаленной
Стены кладешь: тот град получил основателя имя.

450 Там-то Меандрова дочь, по извилине берега блуждая
Возле потока-отца, что течет и туда и обратно,
Стала женою тебе,— Кианея, прекрасная телом.
Двойню потом для тебя родила она: Біблиду с Кавном.
455 Біблиды участь — урок: пусть любят законное девы!
Біблида стала пылать вожделением к брату — потомку
Феба. Его не как брата сестра, не как должно, любила.
Не понимает сама, где страстного чувства источник;
В помыслах нет, что грешит, поцелуи с ним часто
сливая

Или объятjem своим обвиваючи братницу шею.
460 Долго вводило ее в заблужденье ложное чувство.
Мало-помалу оно переходит в любовь: чтобы видеть
Брата, себя убирает она, казаться красивой
Хочет и всем, кто краше ее, завидует тайно.
Все же сама не постижна себе; никакого желанья
465 Не вызывает огонь; меж тем нутро в ней пылает.
Брата зовет «господин»,— обращенье родства ей
постыло,—
Предпочитает, чтоб он ее Біблидой звал, не сестрою.
Бодрствуя, все же питать упований бесстыдных
не смеет

В пылкой душе. Но когда забывается сном
безмятежным,
470 Часто ей снится любовь; сливаются будто бы с братом
Плотски,— краснеет тогда, хоть и в сон погруженная
крепкий.
Сон отлетает; молчит она долго, в уме повторяя
Зрелище сна, наконец со смущенной душой произносит:
«Горе! Что значит оно, сновидение почи безмолвной?»
475 Лишь бы оно не сбылось! И зачем мне подобное
снится?

Он ведь собою красив и для взора враждебного даже,
Как я любила б его, не родись мы сестрою и братом.
Он ведь достоин меня; быть истинно плохо сестрою!
Только бы я наяву совершить не пыталась такого!
480 Все ж почаще бы сон возвращался с видением тем же!
Нет свидетеля сну, но есть в нем подобье блаженства!
Ты, о Венера, и ты, сын резвый матери нежной!

- Как наслаждалась я! Как упоением педержанным
сердце
 485 Переполюлось! О, как на постели я вся изомледа!
 Как вспоминать хорошо! Но было недолгим
блаженство,—
- Ночь поспешила уйти, ей мечты мои были завидны.
 Если бы, имя сменив, я могла соединиться с тобою,
 Я бы отцу твоему, о Кавн, называлась невесткой,
 Ты же отцу моему, о Кавн, назывался бы зятем!
 490 Если бы было у нас от богов все общее, кроме
 Предков! Хотелось бы мне, чтоб был ты меня
родовитей!
- Матерью кто от тебя, пенаглядный, стапет, не знаю.
 Мне же, на горе себе от родителей тех же рожденной,
 Братом останешься ты — одна для обоих преграда.
 495 Что же виденья мои для меня означают? Какая
 Сила, однако, во снах? Иль силою сны обладают?
 Лучше богам! Не раз любили сестер своих боги:
 Опию выбрал Сатурн, с нею связанный кровно,
с Тетидой
- В брак вступил Океан, с Юпоной — властитель Олимпа.
 500 Свой у Всевышних закон: для чего же приравнивать
нравы
 Неба к нравам людей, на чужие ссылатся союзы?
 Иль у меня из груди запретное пламя исчезнет,
 Или,— когда не смогу,— пусть раньше умру, и на ложе
 Мертвую сложат меня, и целует пусть мертвую брат
мой!
- 505 Все же, чтоб это свершить, согласие потребно обоим.
 Пусть это по сердцу мне,— преступленьем покажется
брату!
- А ведь Эола сыны не боялись сестрина ложа!
 Знаю откуда про них? Зачем их в пример привела я?
 Что я, куда меня мчит? Прочь, прочь, бесстыдное
пламя!
- 510 Буду я брата любить подобающей сестрам любовью.
 Если б, однако же, он был первый любовью охвачен,
 Может быть, к страсти его снисходительна я
оказалась.
- Или сама, в чем просьбе его отказать не могла бы,
 Стану просить? И могла б ты сказать? И могла бы
признаться?
- 515 Нудит любовь. Смогу. А если уста мои свяжет
 Стыд, пусть скрытый огонь нотаенные строки объявят».

Так решено; эта мысль победила души колебанья.
 Приподнялась на боку и, на левую руку опершись,
 520 Молвила: «Сам он увидит, я пыл безумный открою.
 Горе! Что я творю? О, какою пылаю любовью?»
 Вот уж обдуманых слов ряд чертит рукою дрожащей,
 Правую держит стилет, а левой — пустую дощечку;
 Только начнет — прервет; вновь пишет — и воск
 проклинает;
 525 Что начертала — сотрет; отвергает, меняет, приемлет,
 Только дощечки взяла — бросает, а бросив — берет их.
 Хочет чего — не поймет; что сделать решила, то снова
 Кажется худо; в лице со стыдливостью смешана
 смелость.
 Вот написала «сестра» — и решила «сестра»
 уничтожить,
 530 И переглаженный воск покрывает такими словами:
 «Это письмо, лишь с тобой иль ни с кем не надеясь на
 счастье,
 Пишет влюбленная. Стыд, ах, стыд назвать ее имя!
 Если стремленья мои ты желаешь узнать, — я хотела б,
 Имя свое не открыв, достичь, чтоб не раньше узналась
 535 Библида, нежели сама в пожеланьях уверена станет.
 Может свидетельством быть для тебя моей раны
 сердечной —
 Бледность лица, худоба, выражение, влажные вечно
 Веки, из груди моей беспричинно встающие вздохи,
 Или объятья мои слишком частые, иль поцелуи,
 540 Что далеко, как ты сам замечал, не сестрины были.
 Я и сама, хоть душа страдала от раны тяжелой,
 Хоть и пылало огнем нутро мое, всячески тшилась, —
 Боги свидетели мне! — избавить себя от безумья.
 Долго вела я борьбу, избежать порывалась оружия
 545 Мощного страсти. Сносить мне пришлось страданья
 сильнее,
 Нежели деве терпеть подобает. Должна я признаться:
 Побеждена я, тебя умоляю о помощи робко.
 Ныне один ты спасти и сгубить полюбившую можешь.
 Выбери, что совершить. Об этом не враг умоляет,
 550 Но человек, что к тебе уже крепко привязан, но крепче
 Жаждет связаться с тобой и плотнее узлом затянуться.
 Долг соблюдать — старикам; что дозволено, что
 незаконно
 Или законно, пускай вопрошают, права разбирая, —
 Дерзкая нашим годам подобает Венера. Нам рано

- Знать, что можно, что нет, готовы мы верить, что
можно
- 555 Все,— и великих богов мы следуем в этом примере.
Нет, ни суровость отца, ни почтение к толку людскому
Нас не удержит, ни страх. Так нечего нам и
страшиться!
Сладостный сердцу обман прикроем с тобой именами
«Брат» и «сестра». Я могу говорить потихоньку
с тобою.
- 560 Мы обниматься вольны, мы целуем друг друга
открыто.
Недостает нам чего? Над признанием сжался
любовным!
Не излилось бы оно, но понудил огонь пестерпимый.
Пусть на могиле моей не означат, что ты ей виновник».
Все исчертила рука, не оставил ей больше простору
- 565 Воск: на самом краю примостилась последняя строчка.
Вот преступленья свои скрепляет печатью, слезами
Камень резной намочив: не влажен язык пересохший.
Вот из рабов одного позвала, застыдившись, и в страхе
Ласково молвила: «На! Отнеси это — верный из
из верных —
- 570 Ты моему... — потом, после долгого времени,— брату...»
Передавая, из рук уронила дощечки. Приметой
Дева была смущена... Удобную выбрав минуту,
К Кавну слуга подошел и слова потасные отдал.
Сразу же гнев охватил молодого Меандрова внука.
- 575 Часть лишь посланья прочтя, от себя он отбросил
дощечки
И, удержавши едва над слугою трепещущим руки,
Молвит: «Скорей, о любви недозволенной вестник
негодный,
Прочь убегай! Если б гибель твоя не влекла за собою
Также стыда моего, ты сейчас заплатил бы смертью!»
- 580 В страхе слуга убежал. Слова те жестокие Кавна
Передает госпоже. И, отвергнута, ты побледила,
Библида! В ужасе грудь сковал ей холод ледяный.
Чувства вернулись к ней, и с ними вернулось
безумство,—
- 585 И через силу уста так в воздух пустой восклицают:
«И поделом! О, зачем показала я в дерзости праздной
Рану мою? Для чего то признанье, которое должно
Было таить, я, увы, поручила дощечкам поспешным?
Надо мне было вперед души его выведать тайны

Речью окольной! Затем, чтобы мне не носиться по

ветру,

590 Часть парусов развернув, испытать дуновенье сначала
Надобно было — и плыть проверенным морем; теперь
же

Я парусов напрягла полотно неизведанным ветром,
И па утесы несет мой корабль; потону — и нахлынет
Весь на меня Океан, моему не вернуться ветрилу!

595 Что же? Иль ясные мне не вещали приметы —

преступной

Не предаваться любви,— не даром письмо при посылке
Я уронила и с ним мои уронила надежды?

Что бы число изменить или даже письма содержанье?
Все-таки лучше число... Сам бог советовал, ясно

600 Сам указанья давал,— да только была я безумна!

Должно мне было самой говорить, а не воску верить,
Надо мне было пред ним обнаружить безумие страсти.
Слезы увидел бы он; лицо бы увидел влюбленной.

Больше могла б я сказать, чем эти вместили таблички!

605 Против желанья его я могла бы обвить ему шею,
Милые ноги обнять и о жизни молить, припадая.

Если б отверг он меня, увидал бы, что я умираю.
Предприняла бы я все; и когда бы одно не смягчило

Жесткую душу его,— могло бы все вместе. Отчасти,

610 Может быть, в том виноват и посыльный-слуга.

Подошел он,

Верно, некстати, избрал неудачное время. Не выждал
Мига, когда у того и досуг был, и мысли свободны.

Это сгубило меня. Он, однако, рожден не тигрицей!

Ведь не камень же он, не железо он твердое носит

615 И не алмазы в груди: молоком он вскормлен не львицы!

Будет он все ж побежден; повторю нападение; досада
Не оставит меня ничем до последнего вздоха.

Если бы можно назад воротить совершенное,— лучше
Было бы не начинать,— по начатое должно докончить!

620 Так, но не может же он, если б я отложила признанья,
Не вспоминать постоянно о том, что я сделать

решилась.

Если я буду молчать, он подумает: то увлеченье
Легкое; боле того — что его искушаю коварством.

Будет он думать, что я покорилась не богу, который

625 Сильно так жег и сжигает мне грудь,— но влечению

плоти.

Все, наконец, мне равно: не сказанное я совершила.

Я написала ему, молила, греха я желала.
Это одно совершив, не могу я назваться невинной.
Действуя дальше, любовь я спасу, а вины не

прибавлю», —
630 Молвила. И до того в ней расстроен смущенный
рассудок! —
Жаждет опять испытать, что́ ее же сразило. Не знает
Меры, несчастная; вновь подвергает себя униженью...
Делу не видя конца, он бежал от греха, он покинул
Родину и основал град новый в земле чуждедалней.
635 Скорбью томима, тогда Милетида лишилась и вовсе
Разума, как говорят. Тогда сорвала она платье
С груди и стала в нее ударять в иступленном
безумье.

И откровенно, в бреду, признается при всех, что
надежды
640 Не совершились любви. Родимый свой край и пенатов
Бросив постылых, идет по следам убежавшего брата.
Как, потрясая свой тирс, о потомок Семелы, по чину
Раз в три года тебя исмарийские славят вакханки, —
Так на просторных полях завывавшую Библиду жены
Зрели бубасские. Их же оставив, она у карийцев
645 И у делегов была раторборных, и в Ликии тоже.
Вот уж оставила Краг, и Лимиру, и Ксанфовы воды,
Также хребет, где Химера жила, извергавшая пламя
Из глубины, — с зменным хвостом и с львиною пастью.
Вот уже нет и лесов, — блужданьем своим
утомившись,

650 Библида, падаешь ты головой на твердую землю
И неподвижно лежишь, лицом в облетевшие листья.
Нимфы делегов не раз приподнять ес в нежных
объятях

Тщетно пытались, не раз с уговорами к ней подступали,
Чтобы умерила страсть; утешали ей душу глухую.
655 Молча лежит, запустив свои погни в зеленые травы,
Библида и мураву потоками слез орошает.
Создали нимфы из слез — по преданью — струю
водяную

Неиссякаемую. Что дать могли они больше?
Вскоре, подобно смоле, что из свежего каплет подреза,
660 Или как липкий битум, что из тучной земли истекает,
Иль как вода, что весной, под дыханьем первым
Фавона

Ставшая твердой от стуж, размягчается снова
на солнце,—

665 Так же, слезой изойдя, и несчастная Фебова внучка,
Библида, стала ручьем, сохраняющим в этих долинах
Имя своей госпожи и текущим под иликом черным.

Критских сто городов, быть может, наполнила б
слава

670 О превращении том, когда бы недавнее чудо —
Ифис, сменившая вид,— как раз не случилось на Крите.
Феста земля, что лежит недалеко от Кносского царства,
Некогда произвела никому не известного Лигда,
Был из простых он людей, отличался богатством
не боле,

675 Чем благородством. Зато незапятнаны были у Лигда
И благочестье и жизнь. К супруге он, бремя носившей,
Так обратился, когда уж родить подходили ей сроки:
«Два пожеланья тебе: страдать поменьше и сына
Мне подарить: тяжела была бы мне участь иная.
Сил нам Фортуна не даст. Тогда,— пусть того не
случится! —

Если ребенка родишь мне женского пола, хоть против
Воли, но все ж прикажу: — прости, благочестье! —
680 пусть гибнет!»

680 Вымолвил, и по лицу покатались обильные слезы
И у того, кто приказ отдавал, и у той, кто внимала.
Тщетно тут стала молить Телетуза любезного мужа,
Чтоб надеждам ее он подобной не ставил препоны.
685 Но на решенье своем тот твердо стоял. И созревший
Плод через силу уже Телетуза носила во чреве.

Вдруг, среди ночи явясь ей видением сонным, однажды
Инаха дочь у постели ее в окружении пышном
Будто стоит,— иль привиделось. Лоб украшали богини
Рожки луны и колосья, живым отливавшие золотом,
690 И диадема; при ней — Анубис, что лает по-песью,
Апис, с окраской двойной, Бубастида святая и оный,
Кто заглушает слова и перстом призывает к молчанию.
Систры звучали; тут был и вечно искомый Озирис
Вместе с ползучей змеей, смертоносного полно яда.

695 И, отряхнувшей свой сон, как будто все видящей ясно,
Шепчет богиня: «О ты, что присно при мне, Телетуза!
Тяжкие думы откинь,— обмани приказанья супруга.
Не сомневайся: когда облегчит твое тело Луцина,—
То и прими, что дано: я богиня-пособница, помощь

- 700 Всем я просящим несу; не будешь пенять, что почтила
Неблагодарное ты божество». Так молвив — исчезла.
Радостно с ложа встает и к созвездьям подьмлет
критянка
- Чистые руки, моля, чтобы сон ее сделался явью.
Муки тогда возросли, и само ее бремя наружу
- 705 Выпало: дочь родилась, а отец и не ведал об этом.
Девочку вскармливать мать отдаст, объявив, что
родился
- Мальчик. Поверили все. Лишь кормилица знает про
тайну.
- Клятвы снимает отец и дает ему дедово имя,
Ифис — так звали того. Мать рада: то имя подходит
- 710 И для мужчин и для женщин; никто заподозрит
не может.
- Так незаметно обман покрывается ложью невинной.
Мальчика был на ребенке паряд, а лицо — безразлично,
Девочки было б оно или мальчика — было прекрасно.
А между тем уж тринадцатый год наступает подростку.
- 715 Тут тебе, Ифис, отец белокурую прочит Ианту.
Между фетийских девиц несравненно она выделялась
Даром красоты, рождена же была от диктейца Телеста.
Годами были равны и красотой. От наставников тех же
Знапья они обрели, возмужалости первой начатки.
- 720 Вскоре любовь их сердца охватила. И с силою равной
Ранила сразу двоих: но различны их были надежды!
Срока желанного ждет и обещанных светочей свадьбы,
Мужем считает ее, в союз с ней верит Ианта.
Ифис же любит, сама обладать не падеясь любимым,
- 725 И лишь сильнее огонь! Пылает к девице девица.
Слезы смиряя едва,— «О, какой мне исход,—
воскликает,—
- Если чудовишной я и никем не испытанной повой
Страстью горю? О, когда б пощадить меня боги хотели,
То погубили б меня, а когда б и губить не хотели,
- 730 Пусть бы естественный мне и обычный педут
даровали!
- Ибо коровы коров и кобылы кобыл не желают,
Любят бараны овец, и олень за подругою ходит;
Тот же союз и у птиц; не бывало вовек у животных
Так, чтобы самка у них запылала желанием к самке.
- 735 Лучше б мне вовсе не жить! Иль вправду одних лишь
чудовищ

Крит порождает?.. Быка дочь Солнца на Крите
 любила,—
 Все-таки был он самец. Но моя — если только
 признаться
 В правде — безумнее страсть: на любовь упованье
 питала
 Та. Ухищреньем она и обличьем коровьим достигла,
 740 Что испытала быка. Для обмана нашелся любовник.
 Тут же, когда бы весь мир предложил мне услуги,
 когда бы
 Вновь на вошсных крылах полетел бы по воздуху
 Дедал,
 Что бы поделать он мог? Иль хитрым искусством
 из девы
 Юношей сделать меня? Иль тебя изменить, о Ианта?
 745 Что ж не скрепишь ты души, в себе не замкнешься,
 о Ифис,
 Что не отбросишь своих безнадежных и глупых
 желаний?
 Кем родилась ты, взгляни, и себя не обманывай доле.
 К должному только стремись, люби, что для женщины
 любо.
 Все от надежды: она и приводит любовь, и питает.
 750 А у тебя ее нет. Отстраняет от милых объятий
 Вовсе не стража тебя, не безмолвный дозор господина
 И не суровость отца; и сама она просьб не отвергла б,
 Все ж недоступна она; когда б и всего ты достигла,—
 755 Счастья тебе не познать, хоть боги б и люди трудились.
 Из пожеланий моих лишь одно остается напрасным;
 Боги способствуют мне,— что могут — все даровали.
 Хочет того же она, и родитель, и будущий свекор,
 Только природа одна, что всех их могучее,— против.
 Против меня лишь она. Подходит желанное время,
 760 Свадебный видится свет, и станет моею Ианта,—
 Но не достигнет меня: я, водой окруженная, жажду!
 Сваха Юнона и ты, Гименей, для чего снизошли вы
 К таинствам этим, где нет жениха, где мы обе —
 невесты!»
 И замолчала, сказав. Но не в меньшем волненье другая
 765 Девушка; молит тебя, Гименей, чтоб шел ты скорее.
 Просит она,— но, боясь, Телетуза со сроками медлит,
 То на притворный недуг ссылается; то ей приметы
 Доводом служат, то сны; но средства лжи истощила
 Все наконец. И уже подступает отложенной свадьбы

- 770 Срок; уже сутки одни остаются. Тогда Телетуза
 С дочки своей и с себя головные срывает повязки
 И, распустив волоса, обнимает алтарь,— «О Изиды,—
 Чьи Паретоний, Фарос и поля Маретики,— молит,—
 Вместе с великим, на семь рукавов разделяемым
 Нилом!
- 775 Помощь подай мне, молю, о, избавь меня ныне от
 страха!
 В день тот, богиня, тебя по твоим угадала я знакам,
 Все я признала: твоих провожатых, светочи, звуки
 Систров, и все у меня отпечталось в памяти крепко.
 Если она родилась, если я не стыдилась обмана,—
- 780 Твой то совет, поощренье твое! Над обеими сжался,
 Помощью нас поддержи!» — слова тут сменились
 слезами.
 Чудится ей, что алтарь колеблет богиня,— и вправду
 Поколебала! Врата задрожали у храма; зарделись
 Лунным сияньем рога; зазвучали гремящие сестры.
- 785 Верить не смея еще, но счастливому знаменью рада,
 Мать из храма ушла. А за матерью вышла и Ифис,—
 Шагом крупней, чем обычно; в лице белизны его
 прежней
 Не было; силы ее возросли; в чертах появилось
 Мужество, пряди волос свободные стали короче.
- 790 Более крепости в ней, чем бывает у женщин,—
 и стала
 Юношей, девушка, ты! Приношенья несите же в храмы!
 Радуйтесь, страх отрешив,— и несут приношения
 в храмы.
 Сделали надпись,— на ней был коротенький стих
 обозначен:
 «Юноша дар посвятил, обещанный девушкой,— Ифис».
- 795 Вскоре лучами заря мировые разверзла просторы,
 Вместе Венера тогда и Юнона сошлись с Гименеем
 К общим огням. И своей господином стал Ифис Ианты.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

- После, шафранным плащом облаченный, по бездне
воздушной
Вновь отлетел Гименей, к брегам отдаленным киконев
Мчится — его не к добру призывает там голос Орфея.
Все-таки бог прилетел; но с собой ни торжественных
гимнов
- 5 Он не принес, ни ликующих лиц, ни счастливых
предвестий.
Даже и светоч в руке Гименея трещит лишь и дымом
Едким чадит и, колеблясь, никак разгореться не может.
Но тяжелей был исход, чем начало. Жена молодая,
В сопровожденье наяд по зеленому лугу блуждая,—
- 10 Мертвою пала, в пенту уязвленная зубом змеиным.
Вещий родопский певец, обращаясь к Всевышнему,
супругу
Долго оплакивал. Он обратиться пытался и к теням,
К Стиксу дерзнул он сойти, Тенарийскую щель
миновал он,
Сонмы бесплотных теней, замогильные призраки
мертвых,
- 15 И к Персефоне проник и к тому, кто в безрадостном
царстве
Самодержавец, и так, для запева ударив по струнам,
Молвил: «О вы, божества, чья вовек под землею
обитель,
Здесь, где окажемся все, сотворенные смертными! Если
Можно, отбросив речей извороты лукавых, сказать вам
- 20 Правду, дозвольте. Сюда я сошел не с тем, чтобы
мрачный
Тартар увидеть, не с тем, чтоб чудовищу, внуку
Медузы,
Шею тройную связать, с головами, где вьются гадюки,

- Ради супруги пришел. Стопою придавлена, в жилы
 Яд ей змея излила и похитила юные годы.
- 25 Горе хотел я стерпеть. Старался, но побежден был
 Богом Любви: хорошо он в пределах известеп
 наземных,—
 Столь же ль и здесь — не скажу; уповаю, однако, что
 столь же.
- Если не лжива молва о былом похищенье,— вас тоже
 Соединила Любовь! Сей ужаса полной юдолю,
 30 Хаоса бездной молю и безмолвьем пустынного царства:
 Вновь Эвридики моей заплетите короткую участь!
 Все мы у вас должники; помедлив недолгое время,
 Раньше ли, позже ли — все в приют поспешаем единый.
 Все мы стремимся сюда, здесь дом наш последний; вы
 двое
- 35 Рода людского отсель управляете царством обширным.
 Так и она: лишь ее положенные годы созреют,
 Будет под властью у вас: возвращенья прошу лишь на
 время.
- Если же милость судеб в жене мне откажет, отсюда
 Пусть я и сам не уйду: порадитесь смерти обоих».
- 40 Внемля, как он говорит, как струны в согласии зыблет,
 Души бескровные слез проливали потоки. Сам Таптал
 Тщетно воды не ловил. Колесо Иксионово стало.
 Птицы печень клевать перестали; Белиды на урны
 Облокотились; и сам, о Сизиф, ты уселся на камень!
- 45 Стали тогда Эвменид, побежденных пенем, ланиты
 Влажны впервые от слез,— и уже ни царица-супруга,
 Ни властелин преисподних мольбы не исполнить
 не могут.
- Вот Эвридику зовут; меж недавних теней пребывала,
 А выступала едва замедленным раною шагом.
- 50 Принял родопский герой нераздельно жену и условие:
 Не обращать своих взоров назад, доколе не выйдет
 Он из Авернских долин,— иль отыметя дар
 обретенный.
- Вот уж в молчанье немом по наклонной взбираются оба
 Темной тропинке, крутой, густою укутанной мглою.
- 55 И уже были они от границы земной недалеко,—
 Но, убоясь, чтоб она не отстала, и в жажде увидеть,
 Полный любви, он взор обратил, и супруга — исчезла!
 Руки простер он вперед, объятья взаимного ищет,
 Но понапрасну — одно дуновение хватает несчастный,

- 60 Смерть вторично познав, не пеняла она на супруга.
 Да и на что ей пенять? Иль разве на то, что любима?
 Голос последним «прости» прозвучал, но почти не
достиг оп
 Слуха его; и она воротилась в обитель умерших.
 Смертью двойною жены Орфей поражен был,— как
древле
- 65 Тот, утрашившийся пса с головами тремя, из которых
 Средняя с цепью была, и не раньше со страхом
расстался,
 Нежель с природой своей,— обратилась плоть его
в камень!
- Или как оный Олень, на себя преступленье навлекший,
 Сам пожелавший вины; о Летея несчастная, слишком
- 70 Ты доверяла красе: прикидавшие прежде друг к другу
 Груды — утесы теперь, опорой им влажная Ида.
 Он умолял и вотще переплыть порывался обратно,—
 Лодочник не разрешил; однако семь дней неотступно,
 Грязью покрыт, он на бреге сидел без Церерина дара.
- 75 Горем, страдаем души и слезами несчастный питался.
 И, бессердечьем богов попрекая подземных, ушел он
 В горы Родопы, на Гем, поражаемый северным ветром.
 Вот созвездием Рыб морских заключившийся третий
 Год уж Титан завершил, а Орфей избегал неуклонно
- 80 Женской любви. Оттого ль, что к ней он желанье
утратил
 Или же верность хранил — но во многих пылала охота
 Соединиться с певцом, и отвергнутых много страдало.
 Стал он виной, что за ним и народы фракийские тоже,
 Перенеся на юнцов незрелых любовное чувство,
 85 Краткую жизни весну, первины цветов обрывают.
 Некий был холм, на холме было ровное плоское место;
 Все зеленело оно, муравою покрытое. Тени
 Не было вовсе на нем. Но только лишь сел на
пригорок
- Богорожденный певец и ударил в звонкие струны,
 90 Тень в то место пришла: там Хаонии дерево было,
 Роща сестер Гелиад, и дуб, вознесшийся в небо;
 Мягкие липы пришли, безбрачные лавры и буки,
 Ломкий пришел и орех, и ясень, пригодный для копий,
 Несуковатая ель, под плодами пригнувшийся илик,
 95 И благородный платан, и клен с переменной окраской;
 Лотос пришел водной и по рекам растущие ивы,
 Бук, зеленый всегда, тамариск с тончайшей листвою;

Мирта двухцветная там, в плодах голубых лавровишня;
 С ценкой стопою плющи, появились вы тоже, а с вами
 100 И винограда лоза, и лозой оплетенные вязы;
 Падубы, пихта, а там и кусты земляничника с грузом
 Алых плодов, и награда побед — гибколистная пальма;
 С кроной торчащей пришли подобранные волосы
сосны,—
 Любит их Матерь богов, ибо некогда Аттис Кибелин,
 105 Мужем здесь быть перестав, в стволе заключился
сосновом.
 В этом же сонмище был кипарис, похожий на мету,
 Деревом стал он, по мальчиком был в то время,
любимцем
 Бога, что лука струной и струной управляет кифары.

Жил на картийских берегах, посвященный тамошним
пимфам,
 110 Ростом огромный олень; широко разветвляясь рогами,
 Голову сам он себе глубокой окутывал тенью.
 Златом сияли рога. К плечам опускалось, свисая
 С шеи точеной его, ожерелье камней самоцветных.
 А надо лбом его шар колебался серебряный, тонким
 115 Был он привязан ремнем. Сверкали в ушах у оленя
 Около впадин висков медяные парные серьги.
 Страха не зная, олень, от обычной свободен боязни,
 Часто, ничуть не дичась, и в дома заходил, и для
ласки
 Шею свою подставлял без отказа руке незнакомой.
 120 Боле, однако, всего, о прекраснейший в племени Кеи,
 Был он любезен тебе, Кипарис. Водил ты оленя
 На молодые луга и к прозрачной источника влаге.
 То оплетал ты цветами рога у животного или,
 Всадником на спине сев, туда и сюда направляя
 125 Нежные зверя уста пурпурной уздой, забавлялся.
 Знойный был день и полуденный час; от горячего
солнца
 Гнутые грозно клешни раскалились прибрежного Рака,
 Раз, притомившись, лег на лужайку со свежей травой
 Чудный олень и в древесной тени наслаждался
прохладой.
 130 Неосторожно в тот миг Кипарис проколол его острым
 Дротом; и видя, что тот умирает от раны жестокой,
 Сам умереть порешил. О, каких приводить утешений

Феб не старался! Чтоб он не слишком скорбел
об утрате,
Увещевал,— Кипарис все стонет! И в дар он последний
135 Молит у Вышних — чтоб мог проплакать он целую
вечность.

Вот уже кровь у него от безмерного плача иссякла,
Начали члены его становиться зелеными; вскоре
Волосы, вокруг белоснежного лба ниспадавшие прежде,
140 Начали прямо торчать и, сделавшись жесткими, стали
В звездное небо смотреть своею вершиною тонкой.
И застопал опечаленный бог. «Ты, оплаканный нами,
Будешь оплакивать всех и пребудешь с печальными!» —
молвил.

Рошу такую Орфей привлек. Посредине собранья
Всяческих диких зверей и множества птиц восседал он.
145 Вот уже пальцем большим испытал он достаточно

струны
И, убедившись, что все, хоть разно звучат они, стройно
Звуки сливают свои,— молчанье прервал песнопеньем:
«Муза, с Юпитера ты — всем миром Юпитер владеет! —
150 Песню мою зачинай! О мощи Юпитера раньше
Много я песен сложил; всличивам я плектром Гигантов
Пел, на флегрейских полях победительных молний
сверженье.

Лирою легкой теперь зазвучу. Буду отроков петь я —
Нежных любимцев богов, и дев, что, пылая напрасно,
Кару в безумье своем навлекли на себя любострастьем.

155 В опые дни небожителей царь к Ганимеду фригийцу
Страстью зажегся; и вот изобрел он, во что
превратится,

Чтобы собою не быть; никакой становиться иною
Птицею сан не велел,— лишь его же носящей перуны.
И не помедлил: рассек заемными крыльями воздух
160 И Илиада унес,— он доныне его виночерпий
И, хоть Юнона мрачна, подает Вседержителю нектар.

Так же тебя, Амиклид, Аполлон поселил бы в эфире,
Если б туда поселить разрешили печальные судьбы.
Выход дозволен иной — бессмертен ты стал. Лишь
прогонит

165 Зиму весна и Овен водянистую Рыбу заступит,
Ты появляешься вновь, распускаясь на стебле
зеленом.

Более всех ты отцом был возлюблен моим. Понапрасну
 Ждали владыку тогда — земли средоточие — Дельфы.
 170 Бог на Эвроте гостил в то время, в кеукрепленной
 Спарте. Ни стрелы уже у него не в почете, ни лира;
 Сам он себя позабыл; носить готов он тенета
 Или придерживать псов, бродить по хребтам
 неприступным
 Ловчим простым. Свой пыл питает привычкою долгой.
 Был в то время Титан в середине меж ночью грядущей
 175 И отошедшей,— от них находясь в расстоянии равном.
 Скинули платье друзья и, масляным соком оливы
 Лоснясь, готовы уже состязаться в метании диска.
 Первый метнул, раскачав, по пространству воздушному
 круг свой
 180 Феб, и пред ним облака разделились от тяжести круга;
 Времени много спустя, упадет на твердую землю
 Тяжесть, паденьем явив сочетание искусства и силы.
 Неосторожный тогда, любимой игрой возбуждаем,
 Круг подобрать поспешил тснариец. Но вдруг
 содрогнулся
 Воздух, и с крепкой земли диск прынул в лицо тебе
 прямо,
 185 О, Гиацинт! Поблелдели они одинаково оба —
 Отрок и бог. Он в объятия взял ослабевшее тело.
 Он согревает его, отирает плачевные раны,
 Тщится бегство души удержать, траву прилагая.
 Все понапрасну: ничем уж его исцелить невозможно.
 190 Так в орошенном саду фиалки, и мак, и лилея,
 Ежели их надломить, на стебле пожелтевшем
 оставшись,
 Выпнут и долу свои отягченные головы клонят;
 Прямо держаться нет сил, и глядят они маковой
 в землю.
 Так неподвижен и лик умирающий; силы лишившись,
 195 Шея, сама для себя тяжела, к плечу приклонилась.
 «Гибнешь, увы, Эбалид, обманутый юностью ранней! —
 Феб говорит. — Эта рана твоя — мое преступление.
 Ты — моя скорбь, погублен ты мной; с моею десницею
 Смерть да свяжут твою. Твоих похорон я виновник!
 200 В чем же, однако, вина? Так, значит, виной
 называться
 Может игра? Так может виной и любовь называться?
 О, если б жизнь за тебя мне отдать или жизни
 лишиться

Смертью иль ссылкой,— нет, чем-нибудь меж
изгнаьем и смертию.
Среднее что же найду, как не казнь превращением
вида?»

- 235 И между тем как она колебалась, во что изменить их,
Взор на рога навела и решила: рога им оставим.
И в косовзорах коров их большие тела обратила.
Все же срамных Пропетид смел молвить язык, что
Венера
240 Не божество. И тогда, говорят, из-за гнева богини
Первыми стали они торговать красотой телесной.
Стыд потеряли они, и уже их чело не краснело:
Камнями стали потом, но не много притом изменились.

Видел их Пигмалион, как они в непотребстве

влачили

- Годы свои. Оскорбясь на пороки, которых природа
245 Женской душе в изобилие дала, холостой, одинокий
Жил он, и ложе его лишено было долго подруги.
А меж тем белоснежную он с неизменным искусством
Резал слоповую кость. И создал он образ,— подобной
Женщины свет не видал,— и свое полюбил он созданье.
250 Было девичье лицо у нее; совсем как живая,
Будто с места сойти она хочет, только страшится.
Вот до чего скрывает себя искусством искусство!
Диву дивится творец и пылает к подобию тела.
Часто протягивал он к изваянию руки, пытал,
255 Тело пред ним или кость. Что это не кость,
побожился б!

Деву целует и мнит, что взаимно; к ней речь обращает,
Тронет — и мнится ему, что пальцы вмицаются в тело,
Страшно ему, что синяк на тропутом выступит месте.
То он ласкает ее, то милые девушкам вещи

- 260 Дарит: иль раковин ей принесет, иль камешков мелких,
Птенчиков, или цветов с лепестками о тысяче красок,
Лилий, иль пестрых шаров, иль с дерева навших
слезинок

Дев Гелиад. Он ее украшает одеждой. В камень
Ей убирает персты, в ожерелья — длинную шею.

- 265 Легкие серьги в ушах, на грудь упадают подвески.
Все ей к лицу. Но не меньше она и нагая красива.
На покрывала кладет, что от раковин алы сидонских,
Ложа подругой ее называет, сложенную шею

- Нежит на мягком пуху, как будто та чувствовать
 может!
- 270 Праздник Венеры настал, справляемый всюду на Кипре.
 Возле святых алтарей с золотыми крутыми рогами
 Падали туши телиц, в белоснежную заклапных шею.
 Ладан курился. И вот, на алтарь совершив приношение,
 Робко ваятель сказал: «Коль все вам доступно, о боги,
 275 Дайте, молю, мне жену (не решился ту деву из кости
 Упомянуть), чтоб была на мою, что из кости, похожа!»
 На торжествах золотая сама пребывала Венера
 И поняла, что таится в мольбе; и, являя богини
 Дружество, трижды огонь запылал и взвился языками.
 280 В дом возвратившись, бежит он к желанному образу
 девы
 И, над постелью склонясь, целует,— ужель потеплела?
 Снова целует ее и руками касается груди,—
 И под рукой умягчается кость; ее твердость протала.
 Вот поддается перстам, уступает — гиметтский
 на солнце
- 285 Так размягчается воск, под пальцем большим
 принимает
 Разные формы, тогда он становится годным для дела.
 Стал он и робости полн и веселья, ошибки боится,
 В новом порыве к своим прикасается снова желаньям.
 Тело пред ним! Под перстом нажимающим жилы
 забились.
- 290 Тут лишь пафосский герой полпоценные речи
 находит,
 Чтобы Венере излить благодарность. Уста прижимает
 Он наконец к неподдельным устам,— и чует лобзанья
 Дева, краснеет она и, подняв свои робкие очи,
 Светлые к свету, зараз небеса и любовника видит.
 295 Гостьей богиня сидит на устроенной ею же свадьбе.
 Девять уж раз сочетавши рога, круг полнился
 лунный,—
 Паф тогда родился,— по нему же и остров был назван.
 Был от нее же рожден и Кинир, и когда бы потомства
 Он не имел, почитаться бы мог человеком счастливым.
- 300 Страшное буду я петь. Прочь, дочери, прочь
 удалитесь
 Вы все, отцы! А коль песни мои вам сладостны будут,
 Песням не верьте моим, о, не верьте ужасному делу!

Если ж поверите вы, то поверьте и каре за дело.
 305 Ежель свершенье его допустила, однако, природа,—
 За исмарийский народ и за нашу я счастлив округу,
 Счастлив, что эта земля далеко от краев, породивших
 Столь отвратительный грех. О, пусть амомом богаты,
 Пусть и корицу, и нард, и из дерева каплющий ладан,
 310 Пусть на Панхайской земле и другие родятся растенья,
 Пусть же и мирру растят! Им дорого стала новинка!
 Даже Эрот объявил, что стрелой не его пронзена ты,
 Мирра; свои он огни от греха твоего отвращает.
 Адской лучиной была ты овейна, ядом ехидны,
 Ты из трех фурий одна: преступленье — отца
 ненавидеть,
 315 Все же такая любовь — преступленье крупней.
 Отовсюду
 Знатные ищут тебя домогатели. Юность Востока
 Вся о постели твоей соревнуется. Так избери же,
 Мирра, себе одного, но, увы, все в одном сочетались.
 Все понимает сама, от любви отвращается гнусной
 320 Мирра,— «Где мысли мои? Что надо мне? — молвит,—
 о боги!
 Ты, Благочестье, и ты, о право священное крови,
 Грех запретите,— молю,— преступлению станьте
 препоной,
 Коль преступленье в том есть. Но, по правде сказать,
 Благочестье
 325 Этой любви не хулит. Без всякого выбора звери
 Сходятся между собой; не зазорно бывает ослице
 Тылом отца приподнять; жеребцу его дочь отдается,
 Коз покрывает козел, от него же рожденных, и птицы
 Плод зачинают от тех, чьим семенем зачаты сами.
 Счастливы те, кто запретов не знал! Дурные законы
 330 Сам себе дал человек, и то, что природа прощает,
 Зависть людская клеймит. Говорят, что такие, однако,
 Есть племена, где с отцом сопрягается дочь
 или с сыном
 Мать, и почтенье у них лишь растет от любви их
 взаимной.
 Горе мое, что не там привелось мне родиться! Вредят
 мне
 335 Здешних обычаи мест! Но зачем возвращаюсь
 к тому же?
 Прочь, запрещенные, прочь, надежды! Любви он
 достоин,—

Только дочерней любви! Так, значит, когда бы великий
Не был отцом мне Кинир, то лечь я могла бы

с Киниром!

Ныне ж он мой, оттого и не мой. Мне сама его

близость

340 Стала проклятием. Будь я чужой, счастливей была бы!
Лучше далёко уйду и родные покину пределы,
Лишь бы греха избежать. Но соблазн полюбившую

держит:

Вижу Кинира я здесь, прикасаюсь к нему, говорю

с ним,

Для поцелуя тянусь,— о, пусть не дано остального!

345 Смеешь ли что-то еще уповать, нечестивая дева?
Или не чувствуешь ты, что права и пазванья смешала?
Или любовью отца и соперницей матери станешь?
Сыну ли старшей сестрой? Назовешься ли матерью
брата?

350 Ты не боишься Сестер, чьи головы в змеях ужасных,
Что, беспощадный огонь к очам и устам приближая,
Грешные видят сердца? Ты, еще непорочная телом,
В душу греха не прими, законы могучей природы
Не помышляй загрязнить педозволенным ею союзом.

355 Думаешь, хочет и он? Воспротивится! Он благочестен,
Помнит закон. О, когда б им то же безумье владело!»
Молвила так. А Кинир, среди женихов именитых,
В недоумении, как поступить, обращается к Мирре,
По именам их назвав,— чтоб себе жениха указала.

360 Мирра сначала молчит, от отцова лица не отводит
Взора, горит, и глаза обливаются влагою теплой.
Но полагает Кинир,— то девичий стыд; запрещает
Плакать, и щеки ее осушает, и в губы целует.

Рада она поцелуям его. На вопрос же,— который
Был бы любезен ей муж,— «На тебя,— отвечала,—

похожий!»

365 Он же не понял ее и за речь похвалит: «И впредь ты
Столь же почтительной будь!» И при слове «почтительной»
дева,

С мерзостным пылом в душе, головою смущенно

поникла.

Почи средица была. Разрешил и тела и заботы

Сон. Но Кинирова дочь огнем неумным пылает

370 И не смыкает очей в безысходном безумье желанья.

Вновь то отчаётся вдруг, то готова пытаться; ей

стыдно,

Но и желанья кипят; не поймет, что ей делать,— так
 Низко подрубленный ствол, последнего ждущий удара,
 375 Пасть уж готов, неизвестно куда, но грозит отовсюду.
 Так же и Мирры душа от ударов колеблется разных
 Зыбко туда и сюда, устойчива лишь на мгновенье.
 Страсти исход и покой в одном ей мерещится —
 в смерти.
 Смерть ей любезна. Встает и решает стянуть себе
 петлей
 380 Горло и, пояс уже привязав к перекладине, молвив,—
 «Милый, прощай, о Кинир! И знай: ты смерти
 виновник!» —
 Приспособляет тесьму к своему побелевшему горлу.
 Ропот ее,— говорят,— долетел до кормилицы верной,
 Что по ночам охраняла порог ее спальни. Вскочила
 385 Старая, дверь отперла и, увидев орудие смерти
 Подготавливаемой, вдруг завопила; себя ударяет
 В грудь, раздирает ее и, питомицы вызволив шею,
 Рвет тесьму на куски. Тут только слезам отдается;
 Мирру она обняла и потом лишь о петле спросила.
 390 Девушка молча стоит, недвижно потупилась в землю.
 Горько жалеет она, что попытка нарушена смерти.
 Молит старуха, своей сединой заклиняет; раскрыла
 Пыне пустые сосцы, колыбелью и первую пищей
 Молит довериться ей и поведать ей горе; девица
 Стонет молящей в ответ. Но кормилица вызнать
 решила,—
 395 Тайну сулит сохранить и не только — взывает:
 «Откройся,
 Помощь дозволь оказать,— моя не беспомощна
 старость.
 Если безумье в тебе,— исцелят заклинанье и травы;
 Если испорчена ты, обрядом очистим волшебным;
 Если же гнев от богов,— умиряется жертвами гнев их.
 400 Что же полезней еще предложу? И участь и дом твой
 Счастливы, все хорошо; мать здравствует, жив
 и родитель!»
 Лишь услышав об отце, испустила глубокие вздохи
 Мирра. Кормилица все ж и теперь греха никакого
 Не заподозрила, но о какой-то любви догадалась.
 405 Крепко решив разузнать, что б ни было,— молит
 поведать
 Все, на старую грудь привлекает льющую слезы

Деву, сжимает в руках своих немощных, так говоря ей:
«Вижу я: ты влюблена; но — откинь опасенья! —

полезной

410 Буду пособницей я в том деле. Отец не узнает
Тайны!» Но злобно она отскочила от старой, припала
К ложу лицом, — «Уйди, я прошу, над стыдом моим

горьким

Сжался, — сказала, — уйди, — настойчивей молвила, —

или

Спрашивать брось, отчего я больна: лишь грех ты
узнаешь».

415 В ужасе та, от годов и от страха дрожащие руки
К пей простирает с мольбой, питомице падает в поги.
То ей пытаются льстить, то пугает на случай, коль

тайны

Та не откроет, грозит ей уликой тесьмы и попытки
Кончить с собой; коль откроет любовь, обещает ей

помощь.

420 Голову та подняла, и внезапные залили слезы
Старой кормилицы грудь; и, не раз порываясь

признаться,

Речь пресекает она; застыдившись, лицо закрывает
Платьем и молвит, — «О, как моя мать осчастливлена
мужем!»

Смокла и стон издала. Кормилица похолодела,
Чувствует — ужас проник до костей в ее члены.

Поднявшись,

425 Волосы встали торчком на ее голове поседелой.
Много добавила слов, чтобы та — если сможет —

извергла

Злую любовь. Хоть совет и хорош, повторяет девица,
Что не отступит, умрет, коль ей не достанется милый!
Та же в ответ ей, — «Живи, овладеешь своим...» —

не решилась

430 Молвить «отцом» и молчит; обещанья же клятвой
скрепляет.

Праздник Цереры как раз благочестные славили жены,
Тот, ежегодный, когда, все окутаны белым, к богине
Связки колосьев несут, своего урожая початки.

435 Девять в то время ночей почитают запретной Венеру,
Не допускают мужчин. Кенхреида, покинув супруга,
Вместе с толпою ушла посетить тайнодействия святые.
Благо законной жены на супружеском не было ложе,

440 Пьяным Кибира застав, на беду, расторопная нянька,
 Имя другое назвав, неподдельную страсть описала
 Девы, красу расхвалила ее; спросил он про возраст.
 «С Миррой,— сказала,— одних она лет». И когда
 приказал он
 Деву ввести, возвратилась домой. «Ликуй,—
 восклицает,—
 Доченька! Мы победили!» Но та ощущает неполной
 445 Эту победу свою. Сокрушается грудь от предчувствий.
 Все же ликует она: до того в ней разлажены чувства.
 Час наступил, когда все замолкает; промежду Трионов,
 Дышло скосив, Боот поворачивать начал телегу.
 И к преступленью она подступила. Златая бежала
 С неба луна. Облаков чернотой закрываются звезды.
 450 Темная ночь — без огней. О Икар, ты лицо закрываешь!
 Также и ты, Эригона, к отцу пылавшая свято!
 Трижды споткнулась,— судьба призывала обратно. Три
 раза
 Филин могильный давал смертельное знаменье криком.
 Все же идет. Темнота уменьшает девичью стыдливость.
 455 Левою держит рукой кормилицы руку; другая
 Ищет во мраке пути; порога уж спальни коснулась.
 Вот открывает и дверь; и внутрь вошла. Подкосились
 Ноги у ней, колена дрожат. От лица отливает
 Кровь,— румянец бежит, сейчас она чувства лишится.
 460 Чем она ближе к беде, тем страх сильнее; осуждает
 Смелость свою и назад возвратиться неузнанной
 жаждет.
 Медлит она, но старуха влечет; к высокому ложу
 Деву уже подвела и вручает,— «Бери ее! — молвит,—
 Стала твоею, Кибир!» — и позорно тела сопрягает.
 465 Плоть принимает свою на постыдной постели родитель,
 Гонит девический стыд, уговорами страх умеряет.
 Милую, может быть, он называет по возрасту «дочка»,
 Та же «отец» говорит,— с именами страшнее
 злодейство!
 470 Полной выходит она от отца; безбожное семя —
 В горькой утробе ее, преступленья зародышем носит.
 Грех грядущая ночь умножает, его не покончив.
 И лишь когда наконец пожелал, после стольких соитий,
 Милую он распознать и при свете внесенном увидел
 Сразу и грех свой и дочь, разразился он возгласом
 муки

- 475 И из висящих ножен исторг блистающий меч свой.
 Мирра спаслась; темнота беспросветная ночи убийство
 Предотвратила. И вот, пробродив по широким
 равнинам,
 Пальмы арабов опа и Папхан поля покидает.
 Девять блуждает потом завершающих круг полнолуний.
- 480 И, утомясь наконец, к земле приклонилась Сабейской.
 Бремя пасилу несла; не зная, о чем ей молиться,
 Страхом пред смертью полна, тоской удрученная
 жизни,
 Так обратилась к богам, умоляя: «О, если признаньям
 Верите вы, божества,—заслужила печальной я казни
 485 И не ропщу. Но меня — чтоб живой мне живых
 не позорить
 Иль, умерев, мертвецов — из обонх вы царств изгоните!
 Переменивши меня, откажите мне в жизни и смерти!»
 Боги признаньям порой внимают: последние просьбы
 Мирры нашли благосклонных богов: ступни у молящей
 490 Вот покрывает земля; из ногтей расщепившихся корень
 Стал искривленный расти,—ствола молодого опора;
 Сделалась деревом кость: остался лишь мозг
 в сердцевине.
 В сок превращается кровь, а руки — в ветви большие,
 В малые ветви — персты; в кору — затвердевшая кожа.
- 495 Дерево полный живот меж тем, возрастая, сдавило;
 Уж охватило и грудь, закрыть уж готовилось шею.
 Медлить не стала она, и навстречу коре подступившей
 Съежилась Мирра, присев, и в кору головой
 погрузилась.
- Все же, хоть телом она и утратила прежние чувства,—
 500 Плачет, и все из ствола источаются теплые капли.
 Слезы те — слава ее. Корой источенная мирра
 Имя хранит госпожи, и века про нее не забудут.
 А под корою меж тем рос грешно зачатый ребенок,
 Он уж дороги искал, по которой — без матери — мог бы
 505 В мир показаться; живот бременеющий в дереве
 вздулся.
 Бремя то мать тяготит, а для мук не находится слова,
 И роженицы уста обратиться не могут к Луцине.
 Все-таки — словно родит: искривленное дерево частый
 Стон издает; увлажняют его, упавая, слезинки.
- 510 Остановилась тогда у страдающих веток Луцина;
 Руки приблизила к ним и слова разрешенья сказала,
 Дерево щели дает и вот из коры выпускает

- Не нападай на зверей, от природы снабженных
оружьем,
Чтобы не стоила мне твоя дорого слава. Не тронут
Годы, краса и ничто, чем тронута сердце Венеры,
Вепрей щетинистых, львов,— ни взора зверей, ни души
их.
- 550 Молнии в желтых клыках у жестоких таятся кабанов,
Грозно бросается в бой лев желтый с великою злостью,
Весь их род мне постыл». Когда ж он спросил
о причине,
Молвит: «Скажу, подивись чудовищ провинности
давней.
- 555 От непривычных трудов я, однако, устала, и кстати
Ласково тенью своей приглашает нас тополь соседний;
Ложе нам стелет трава. Прилечь хочу я с тобою
Здесь, на земле!» И легла, к траве и к нему
прижимаясь.
- И, прислонившись к нему, на груди головою покоясь,
Молвила так,— а слова поцелуями перемежала:
- 560 «Может быть, слышал и ты, как одна в состязании
бега
Женщина быстрых мужчин побеждала. И вовсе
не сказка
Эта молва. Побеждала она. Сказать было трудно,
Чем она выше была — красотой или ног
превосходством.
- Бога спросила она о супружестве. «Муж,— он
ответил,—
- 565 Не для тебя, Аталанта! Беги от супруга ложа.
Но не удастся бежать — и живая себя ты лишишься!»
Божья вещанья страшась, безбрачной жить она стала
В частом лесу и толпу домогателей страстных суровым
Гонит условием: «Мной овладеть единственно можно,
- 570 В беге меня победив. Состязайтесь с моими ногами.
Быстрому в беге дадут и супругу и спальню
в награду.
Плата же медленным — смерть: таково состязанья
условье».
- Правила жестки игры! Но краса — столь великая сила!
И подчиняется ей домогателей дерзких ватага.
- 575 Тут же сидел Гиппомен, тот бег созерцая неравный,—
«Ради жены ли терпеть,— восклицает,— опасность
такую?»

- Он осудить уж готов чрезмерное юношей чувство.
 Но увидал лишь лицо и покрова лишенное тело,—
 Как у меня или как у тебя, если б женщиной стал
 ты,—
- 580 Остолбенел он и руки простер. «Простите! — сказал
 оп. —
 Был я сейчас виноват: еще не видал я награды,
 Из-за которой борьба!» Восхваляя, он сам загорелся.
 Чтобы никто обогнать в состязанье не смог ее, жаждет;
 Чувствует ревность и страх. «Отчего мне в ристании
 этом
- 585 Счастья нельзя попытать? — говорит. — Всевышние
 сами —
 Смелым помога!» Пока про себя Гиппомен рассуждает
 Так, Аталанта уже окрыленным несется полетом.
 Юноша видит ее аонийский,— как мчится быстрее
 Пушечной скифом стрелы,— но сильнее девичьей
 красую
- 590 Он поражен; на бегу она ярче сияет красую!
 Бьет пятami подол, назад его ветер отнесит,
 По белоснежной спице разметались волосы вольно;
 Бьются подвязки ее подколенные с краем узорным.
 Вот заалелось уже белоснежное тело девичье.
- 595 Так происходит, когда, осеняющий атриум белый,
 Алого цвета покров искусственный сумрак наводит.
 Смотрит гость, а меж тем пройдена уж последняя мета.
 Миг — и венок торжества украшает чело Аталанты;
 Слышится стон побежденных,— и казнь по условию
 приемлют.
- 600 Но не испуган судьбой тех юношей, посередине
 Встал аонийский герой и взоры направил на деву:
 «Легкого ищешь зачем торжества, побеждая
 бессильных? —
 Молвил,— со мной поборись! Коль волей судьбы
 одолею,
 Не испытаешь стыда, что нашелся тебе победитель.
- 605 Ибо родители мне Мегарей онхестиец. Ему же
 Дедом — Нептун. Властелину морей, выходит, я
 правнук.
 Доблесть не меньше, чем род. Победив Гиппомена,
 получишь —
 Если меня победишь — долговечное, громкое имя!»
 Так говорит, а Схенеева дочь на юношу смотрит

- 610 Нежно, в сомненье она, поражение милей иль победа?
«Кто ж из богов,— говорит,— красоте позавидовав,
ищет
Смерти его? Опасности жизнь дорогую подвергнув,
Брака со мною велит домогаться? Но нет, я не стою.
Я не красой пленена, но, пожалуй, плениться могла бы.
- 615 Чем же? Что юн? Так не сам он меня привлекает,
а возраст.
Чем же? Что доблестен он, что страха смерти не знает?
Чем же? Что в роде морском поколеньем гордится
четвертым?
Чем же? Что любит меня и так наш союз ему ценен,
Что и погибнуть готов, если рок ему жесткий откажет?
- 620 Гость, пока можно, беги, откажись от кровавого брака!
Брак со мною жесток. Сочетаться ж с тобою, наверно,
Каждая рада. Тебя и разумная девушка взыщет.
Но почему ж, столь многих сгубив, о тебе беспокоюсь?
Видел он всё. Пусть падет, коль столькоискателей
смертью
- 625 Не вразумился еще, коль собственной жизнью
наскучил.
Значит, падет он за то, что брака желает со мною?
И за свою же любовь недостойную гибель потерпит?
Нечего будет, увы, завидовать нашей победе.
Но не моя в том вина! О, когда б отступить пожелал
ты!
- 630 Если ж сошел ты с ума, о, будь хоть в беге быстрее!
Сколь же в юном лице у него девичьего много!
Бедный, увы, Гиппомен, никогда бы тебя мне
не видеть!
Жизни достоин ты был, когда бы счастливой была я.
Если бы рока вражда мне в супружестве не отказала,
- 635 Был бы единственным ты, с кем ложе могла б
разделить я»,—
Молвила. И в простоте, сражена Купидоном впервые,
Любит, не зная сама, и не чувствует даже, что любит.
Вот и народ, и отец обычного требуют бега.
Тут призывает меня умоляющим голосом правнук
- 640 Бога морей, Гиппомен: «Киферею молю, чтобы делу
Смелому помощь дала и свои же огни поощрила».
Нежные просьбы ко мне ветерок благосклонный
доносит.
Тропуга я, признаюсь. И немедленно помощь приспела.
Поприще есть,— Тамазейским его называют туземцы,—

- 645 Кипрской земли наилучший кусок. Старинные люди
 Мне посвятили его и решили, как дар благочестья,
 К храму придать моему. Посреди его дерево блещет
 Золотолаво, горят шелестящие золотом ветви.
 Яблока три золотых я с него сорвала и явилась,
- 650 Их же в руке принесла; не зрима никем, им одним
 лишь,
 К юноше я подошла и что с ними делать внушила.
 Трубы уж подали знак, и от края, склоненные, оба
 Мчатся, легкой ногой чуть касаются глади песчаной.
 Мнится, могли бы скользить и по морю, стоп
 не смочивши,
- 655 И, не примявши хлебов, пробежать по белеющей ниве.
 Юноши дух возбужден сочувствием, криками,— слышит
 Возгласы: «Надо тебе приналець, приналець тебе надо!
 Эй, Гиппомен, поспешай! Пора! Собери же все силы!
 Не замедляй! Победишь!» Неведомо: сын Мегарея
- 660 Более этим словам иль Схенеева дочь веселится.
 Сколько уж раз, хоть могла обогнать, но сама
 замедлялась,
 Долго взглянув на него, отвести она глаз не умела!
 Из утомившихся уст вылетало сухое дыханье.
 Мета была далеко. Тогда наконец-то Пептунов
- 665 Правнук один из древесных плодов на ристалище
 кинул.
 И обомлела она, от плода золотого в восторге,
 И отклонилась с пути, за катящимся златом нагнулась.
 опередил Гиппомен, и толпа уж ему рукоплещет.
 Но нагоняет она остановку свою и потерю
- 670 Времени. Юношу вновь позади за спиной оставляет.
 Вот, задержавшись опять, лишь он яблоко бросил
 второе,
 Следом бежит и обходит его. Оставался им кончик
 Бега. «Теперь,— говорит,— помогай, о выповшица
 дара!»
- 675 И через поприще вбок — чтобы позже она добежала —
 Ловким, ребячьим броском он блестящее золото кинул.
 Вижу, колеблется — взять или нет; но я повелела
 Взять, и лишь та подняла, увеличила яблока тяжесть;
 Ей помешала вдвойне: промедленьем и тяжестью груза.
 Но — чтоб не стал мой рассказ самого их ристанья
 длиннее —
- 680 Девушка обойдена: награду увел победитель.
 Я ль не достойна была, о Адонис, и благодарений,

И фимиамов его? Но несчастный забыл благодарность,
Не воскурил фимиам; я, конечно, разгневалась тотчас
И, на презренье сердясь, чтоб впредь мне не знать
унижений,

685 Меры решаю принять и на эту чету ополчаюсь.
Раз проходят они мимо храма Кибелы, который
Ей в посвященье возвел Эхион знаменитый в тенистой
Чаше лесов. Отдохнуть захотели от долгой дороги.
И охватила в тот миг Гиппомена не вовремя жажда
690 Совокупления, в нем возбужденная нашим пантьем.
Было близ храма едва освещенное место глухое,
Вроде пещеры. Над ним был свод из пемзы
природной,—

Веры старинной приют, а в нем деревянных немало
Изображений богов стародавних жрецы собирали.
695 Входят туда и деяньем срамным оскверняют святыню.
И божества отвратили глаза. Башненосная Мать
Думала их погрузить — виноватых — в стигийские воды:
Казнь показалась легка. И тотчас рыжею гривой
Шеп у них обросли, а пальцы в когти загнулись.
700 Стали плечами зверей человечьи их плечи. Вся
тяжесть

В грудь перешла, и хвост повлачился, песок подметая.
Злость выражает лицо; не слова издают, а рычанье.
Служит им спальнею лес. Свирепостью всех устрашая,
Зубом смирённым — два льва — сжимают поводья
Кибелы.

705 Их ты, о мой дорогой, а с ними и прочих животных,
Не обращающих тыл, но грудь выставляющих в битве,
Всех избегай. Чтобы доблесть твою не прокляли —
двос!»

Так убеждала она. И вот на чете лебединой
Правит по воздуху путь; но советам противится
добрлесть.

710 Тут из берлоги как раз, обнаружив добычу по следу,
Вепря выгнали псы, и готового из лесу выйти
Зверя ударом косым уязвил сын юный Кипира.
Вепрь охотничий дрот с клыка стряхает кривого,
Красный от крови его. Бегущего в страхе — спаслись
бы! —

715 Гонит свирепый кабан. И всадил целиком ему бивни
В пах и на желтый песок простер обреченного смерти!

С упряжкой легкой меж тем, поднебесьем песьясь,
Киферея

Не долетела еще на крылах лебединых до Кипра,
Как услышала вдали умиравшего стоны и белых
720 Птиц повернула назад. С высот увидала эфирных:
Он бездыханен лежит, простертый и окровавленный.
Спрянула и начала себе волосы рвать и одежду,
Не заслужившими мук руками в грудь ударяла,
Судьбам упреки глася,— «Но не все подчиняется

в мире

725 Вашим правам,— говорит,— останется памятник вечный
Слез, Адонис, моих; твоей повторенье кончины
Изобразит, что ни год, мой плач над тобой неутешный!
Кровь же твоя обратится в цветок. Тебе, Персефона,
Не было ль тоже дано обратить в духовитую мяту
730 Жепщицы тело? А мне позавидуют, если героя,
Сына Киширова, я превращу?» Так молвив, душистым
Нектаром кровь окропила его. Та, тронута влагой,
Вспенилась. Так на поверхности вод при дождливой

погоде

Виден прозрачный пузырь. Не минуло полного часа,—
735 А уж из крови возник и цветок кровавого цвета.
Схожие с ними цветы у граната, которые зерна
В мягкой таят коже, цветет же короткое время,
Слабо держась на стебле, лепестки их алеют недолго,
Их отряхают легко пазванье им давшие ветры.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

- Но, между тем как леса и диких животных и скалы,
Пенью идущие вслед, ведет песнопевец фракийский,
Жены киконов, чья грудь, опьяненная вакховым соком,
Шкурами скрыта зверей, Орфея с вершины пригорка
5 Видят, как с песнями он согласует звенящие струны.
И между ними одна, с волосами, взвитыми ветром,—
«Вон он,— сказала,— вон он,— презирающий нас!»—
и метнула
В полные звуков уста певца Аполлопова тирсом,
Но, оплетенный листвою, ударился тире, не поразив.
10 Камень — оружие другой. Но, по воздуху брошен,
в дороге
Был он уже побежден согласием песни и лиры:
Словно прощенья моля за неистовство их дерзновенья,
Лег у Орфеевых ног. А вражда безрассудная крепнет;
Мера уже прейдена, все безумной Эринии служат.
15 Все бы удары могло отвести его пенье; но зычных
Шум голосов и звук изогнутых флейт берекинитских,
Плеск ладоней, тимпан и вакхических возгласов вопли
Струн заглушили игру,— тогда наконец заалели
Выступы скал, обагрясь песнопевца злосчастливого
20 крвьюю.
Заворожепных еще его пения звуками, разных
Птиц бесчисленных, змей и диких зверей разогнали
Девы-менады, отпав у Орфея награду триумфа.
Вот на него самого обратили кровавые руки.
Сбились, как птицы, вокруг, что ночную случайно
приметят
25 Птицу, незрячую днем; в двустороннем театре не так ли
Ждет обреченный олень, приведенный для утренней
травли,
Вскоре добыча собак! На певца нападают и мечут

Тирсы в зеленой листве,— служений иных

принадлежность! —

Комья кидают земли, другие — древесные сучья.

30 Те запускают кремни. Но и этого мало оружия
Бешенству. Поле воли поблизости плугом пахали;

Сзади же их, урожай себе потом обильным готовя,

Твердую землю дробя, крепкорукие шли поселяне.

Женщин завидев толпу, убегают они, побросали

35 В страхе орудья труда — кругом пораскиданы в поле,
Где бороздник, где мотыга лежит, где тяжелые

грабли,—

Буйной достались толпе! В неистовстве те обломали

Даже рога у волов,— и бегут погубить песнопевца.

Руки протягивал он и силы лишенное слово

40 К ним обращал — впервые звучал его голос напрасно.

И убивают его святотатно. Юпитер! Чрез эти

Внятные скалам уста, звериным доступные чувствам,

Дух вылетает его и уносится в ветренный воздух.

Скорбные птицы, Орфей, зверей опечаленных толпы,

45 Твердые камни, леса, за тобой ходившие следом,

Дерево, листья свои потеряв и поникнув главою,—

Плакало все о тебе; говорят, что и реки от плача

Взбухли. Наяды тогда и дриады оделись в накидки

Темные и по плечам распустили волосы в горе.

50 Прах был разбросан певца. Ты голову принял и лиру,

Гебр! И — о чудо! — меж тем как несутся реки

серединой,

Чем-то печальным звучит, словно жалуясь, лира;

печально

Шепчет бездушный язык; и печально берега отвечают.

Вот, до моря домчав, их река оставляет родная,

55 И достаются они метимнейского Лесбоса берегу.

На чужедальнем песке змея на уста нападает

Дикая и на влася, что струятся соленою влагой.

По появляется Феб и, готовую рашить укусом

60 Остановив, ей пасть превращает раскрытую в твердый

Камень. Как было оно, затвердело зияние зева.

Тень же Орфея сошла под землю. Знакомые раньше,

Вновь узнавал он места. В полях, где приют

благочестных,

Он Эвридику нашел и желашую принял в объятья.

Там по простору они то рядом гуляют друг с другом,

65 То он за нею идет, иногда впереди выступает,—

И, не страшась, за собой созерцает Орфей Эвридику.

- Но не позволил Лиэй, чтоб осталось без кары
злодейство:
 Он, о кончине скорбя песнопевца его тайнодействий,
 В роше немедленно всех эдонийских женщин,
свершивших
 70 То святотатство, к земле прикрепил извилистым корнем.
 Пальцы у них на ногах — по мере неистовства
каждой —
 Вытянул и острием вонзил их в твердую почву.
 Каждая — словно в силке, поставленном ловчим
лукавым, —
 Стоит ногой шевельнуть, тотчас ощутит, что попалась,
 75 Бьется, но, вся трепеща, лишь сужает движения пути.
 Если ж какая-нибудь, к земле прикрепленная твердой,
 Тщится побегом спастись, обезумев, то вьющийся корень
 Держит упорно ее и связует порывы несчастной.
 Ищет она, где же пальцы ее, где ж стопы и ноги?
 80 Видит, что к икрам ее подступает уже древесина;
 Вот, попытавшись бедро в огорченье ударить рукою,
 Дубу наносит удар, — становятся дубом и груди,
 Дубом и плечи. Ее пред собой устремленные руки
 Ты бы за ветви признал, — и, за ветви признав, не
ошибся б.
- 85 Не удовольствован Вакх. Он эти поля покидает:
 С хором достойнейших жен удаляется к Тмолу родному,
 На маловодный Пактол, — хоть тот золотым еще не был
 В те времена, златоносным песком не струился на
зависть!
 К богу привычной толпой сатиры сошлись и вакханки.
 90 Но не явился Силен: дрожащий от лет и похмелья,
 Схвачен селянами был из фракийцев и стащен в
цветочных
 Путах к Мидасу-царю, кому с кекропийцем Эвмолпом
 Таинства оргий своих Орфей завещал песнопевец.
 Царь лишь увидел его, сотэварища, спутника таинств,
 95 Гостю желанному рад, торжественный праздник
устроил,
 Десять дней и ночей веселились они беспрестанно.
 Вот уж одиннадцать раз Светоносец высокое войско
 Звезд побеждал; тогда в лидийские доли, довольный,
 Царь пришел и вернул молодому питомцу Силену.
 100 Бог предоставил ему, всесяля возвращенью кормильца,
 Право избрать по желанию дар, — но, увы, не на благо!

Царь, себе на беду, говорит: «Так сделай, чтоб каждый
 Тронутый мною предмет становился золотом чистым!»
 Дал изволение свое, наделил его пагубным даром
 105 Либер; но был огорчен, что о лучшем его не просил он.
 Весел ушел он; доволен бедой,— Берекинтии чадо,—
 Верность обещанных благ, ко всему прикасаясь, пытается.
 Сам себе верит едва: с невысокого илика ветку
 С зеленью он оборвал — и стала из золота ветка.
 110 Поднял он камень с земли — и золотом камень
 блистает,
 Трогает ком земляной — и ком под властным касаньем
 Плотным становится; рвет он сухие колосья Цереры —
 Золотом жатва горит; сорвав ли яблоко держит —
 Скажешь: то дар Гесперид; дверных косяков ли
 коснется
 115 Пальцами — видит уже: косяки излучают сиянье;
 Даже когда омывал он ладони струей водяною,
 Влага, с ладоней струясь, обмануть могла бы Данаю!
 Сам постигает едва совершенье мечты, претворяя
 В золото все. Столы ликовавшему ставили слуги
 120 С нагромождением яств, с изобильем печеного теста.
 Только едва лишь рукой он коснется Церерина дара —
 Дар Церерин тотчас под рукою становится твердым;
 Жадным зубом едва собирается блюдо порушить,
 Пышные кушанья вмиг становятся желтым металлом,
 125 Только он с чистой водой смешает виновника дара,
 Как через глотку питье расплавленным золотом льется.
 Этой нежданной бедой поражен,— и богатый и
 бедный,—
 Жаждет бежать от богатств и, чего пожелал, ненавидит.
 Голода не утолить уж ничем. Жжет жажда сухая
 130 Горло: его поделом неотвязное золото мучит!
 Он протянул к небесам отливавшие золотом руки:
 «Ныне прости, о родитель Леней, я ошибся. Но все же
 Милостив будь и меня из прельстительной вырви
 напасти!»
 Кроток божественный Вакх: едва в погрешенье
 сознался
 135 Царь, он восставил его, от условия и дара избавил.
 «Чтоб не остаться навек в пожеланном тобою на горе
 Золоте,— молвил,— ступай к реке, под великие Сарды,
 Горным кряжем иди; навстречу струящимся водам
 Путь свой держи, пока не придешь к рождению потока.

- 140 Там, под пенный родник, где обильней всего истечение,
 Темя подставь и омой одновременно тело и грех свой!»
 Царь к тем водам пришел. Окрасила ток золотая
 Сила и в реку ушла из его человеческой плоти.
 Ныне еще, получив златоносное древнее семя,
- 145 Почва тверда, и блестят в ней влажные золота комья.
 Царь, убоявшись богатств, в лесах стал жить
 по-простому
 С Паном, который весь век обитает в нагорных
 пещерах.
 Ум лишь остался тугим у него. Опять обратились
 Глупые мысли царя обладателю их не на пользу.
- 150 Там, в даль моря смотря, поднимается гордо обширный
 Тмол с подъемом крутым; его опускаются склоны
 К Сардам с одной стороны, с другой — к невеликим
 Гипепам.
 Пац, для нимф молодых там песни свои распевая,
 Голос их сам выводя на воском скрепленной цевнице,
- 155 Ниже напевов своих оценил Аполлоново пенье,
 Вышел в неравный с ним бой, а Тмол был избран
 судьейю.
 Сел на гору свою судья престарелый, а уши
 Освободил от листы — одним лишь увенчаны дубом
 Сизые волосы; вокруг висков упадают, он видит,
- 160 Желуди. Вот, посмотрев на скотского бога, сказал он:
 «Ждать не заставит судья!» Тот начал на сельской
 свирели.
 Варварской песней своей он Мидаса, который случайно
 При состязании был, прельстил. И лицо обращает
 Старый судья к Аполлону, — с лицом и леса
 обернулись.
- 165 Феб, с золотой головой, увитою лавром парнасским,
 Землю хламидою мел, пропитанной пурпуром Тира.
 Лиру в убранстве камней драгоценных и кости
 индийской
 Шуйцей поддерживал он, десница щипком управляла.
 Вся же осанка была — музыканта. Вот потревожил
- 170 Струны искусным перстом. И, сладостью их
 покоренный,
 Тмол порешил, чтоб Пан не равнял своей дудки с
 кифарой.
 Суд священной горы и решение одобрены были
 Всеми. Их только один порицал, называя сужденье

Несправедливым,— Мидас. И Делнец терпеть не

175 Чтоб человеческий вид сохранили дурацкие уши:
Вытянул их в длину, наполнил белеющей шерстью,
Твердо стоять не велел и дал им способность движенья.
Прочее — как у людей. Лишь одной опорочен он
частью.

180 Так был украшен Мидас ушами осла-тихохода.
Все же пытается он скрыть стыд свой: голову с тяжким
Знаком позора прикрыть пурпурного цвета повязкой.
Только один его раб, который обычно железом
Волосы царские стриг, все видел. Не смея позора
Выдать, но всем разгласить его страстно желая, не в
силах

185 Более тайну хранить, убежал он и выкопал ямку
И о господских ушах, которые видел случайно,
Повесь тихонько ведет, и в самую ямочку шепчет.
Свой потаенный донос он опять зарывает землею
Тої же и молча назад от закопанной ямки уходит.
190 Вскоре там начал расти тростник трепещущий, цelloй
Рощей. А только созрел,— лишь год исполнился,—
тайну

Выдал он жителям сел; колеблемый ласковым ветром,
Молвит зарытую речь, обличая Мидасовы уши.

С Тмола ушел отомщен и, воздухом ясным

195 Узким морем промчась Нефелиной дочери Геллы,
В Лаомедонта полях появился потомок Латоны.
С правой руки от Сигея лежит, от Ретея же — с левой
Древний алтарь; посвящен Паномфейскому он
Громовержцу.

200 Там зрит бог, что создать для Трои новые стены
Силится Лаомедонт, что его велико предприятие,
Но что идет не легко и требует денег немало.
Вместе с отцом глубоких пучин, трезубец носящим,
В смертном обличии Феб предстает,— и
владыке-фригийцу

205 Стены возводят они, обеспечив условием плату.
Труд завершают. Но царь отрицает свой долг,
добавляя,—

Верх вероломства!—что он никогда не давал обещанья.
«Это тебе не пройдет!»— говорит бог моря и воды
Стал свои наклонять к побережью скупающейся Трои.

210 Земли Нептун обратил в сплошную пучину, богатства
Отнял у жителей сел; он волны обрушил на пашни.
Кара и эта мала: сама дочь царская в жены
Чуду морскому дана; к скале прикрепленную деву
Освобождает Алкид и в награду обещанных коней
215 Требуется и, за отказ оплатить столь великое дело,
Крепость Трои берет, победив, — вероломную дважды.
Не без почета ушел Теламон, ополченья участник:
В жены ему Гесиона дана. Супругой-богиней
Был уже славен Пелей. Не больше гордился он дедом,
Нежели тестем своим — затем, что Юпитера внуком
220 Многим случалось быть, но женат на богине —
единый.

Старец Протей Фетиде сказал: «Водяная богиня,
Сына зачни! Твой будущий сын деяньями славы
Славу отцову затмит и больше отца назовется».
Так, чтоб в мире ничто Юпитера не было больше,
225 Хоть и не слабое он в груди своей чувствовал пламя,
Все ж с Фетидой морской избегает соитья Юпитер.
Этот желанный удел он велит унаследовать внуку,
Сыну Эака: вкусить объятня девы подводной.

Есть Гемонийский залив, закругленный в подобие
230 лука:
В море уходят концы. Будь глубже вода, там была бы
Гавань. Но море едва на поверхность песка набегает.
Берег же — твердый, на нем от ноги отпечатка не
видно,

Не замедляется шаг, не тянется поросль морская.
Сверху — миртовый лес с избытком ягод двухцветных:
235 Есть там пещера; сказать, природа она иль искусство, —
Трудно. Искусство скорей. Нередко, Фетида нагая,
Ты приплывала сюда, на взнузданном сидя дельфине.
Там ты, окована сном, лежала; Пелей же тобою
Там овладел: поскольку мольбы ты отвергла, прибег он
240 К силе и шею тебе обеими обнял руками.
Тут, не воспользуясь ты для тебя обычным
искусством, —

Свойством обличья менять, — тобой овладел бы наверно.
Птицею делалась ты, — он тотчас же схватывал птицу;
Корни пускала в земле, — Пелей уж на дереве виснул.
245 В третий ты раз приняла пятнистой тигрицы обличье,
И, уstraшен, Эакид разомкнул вокруг тела объятье.

Вот оп морским божествам, вино возливая на волны,
Жертвы приносит, и скот приводя, и кури фимиамы.
И из морской глубины наконец вещун карпафийский
250 Молвил ему: «Эакид, ты желанного брака достигнешь!
Только лишь дева уснет, успокоясь в прохладной
пещере,
Путы накинь на нее и покрепче связи незаметно.
Да не обманет тебя она сотнями разных обличий,—
Жми ее в виде любом, доколь не вернется в обычный».
255 Молвил Протей и лицо скрыл вновь в пучину морскую,
Волнам пахлынуть велел и залил окончание речи.
Мчался к закату Титап и дышлом касался наклонным
Вод гесперийских. Краса Нереида покинула море
И, как обычно, вошла в знакомую опочивальню.
260 Только лишь девичий стан обхватили объятья Пелея,
Стала та виды менять. Но чувствует, крепко он держит
Тело; туда и сюда пришлось ей протягивать руки —
И застонала: «Твоя не без помощи божьей победа!»—
265 Стала Фетидою вновь и открылась; герой ее обнял.
Взял, что желал, и могучий Ахилл был Фетидою зачат.

Счастлив сыном Пелей и богинею счастлив

супругой;

Все бы досталось ему, когда б не его преступленье,
Фока убийство! Его, виновного в братниной крови,
Воп из-под кровли родной убежавшего, принял
Трахинский
270 Край. Державствовал там, убийств и насилий не зная,
Сын Светоносца-звезды, в лице сохранивший сиянье
Отчезе, добрый Кенк. В то время он был опечален:
Сам на себя не похож,— потерю оплакивал брата.
Тут-то к нему Эакид, истомленный путем и тревогой,
275 Прибыл и в город его при немногих вошел провожатых,
Все же довольствие, скот, который с собою водил он,
Неподалеку от стен в тенистой оставил долине.
Вот, получив изволенье войти во дворец государев
И протянув на руке край платья в знак умоленья,
280 Кто он, чей сын, говорит. Лишь одно преступленье
скрывает.

Бегства причину назвав измышленную, просит приюта
В городе или вне стен. Трахинец с лицом благодушным
Так отвечает ему: «И простому народу открыты
Наши угодыя, Пелей. Не грешим мы негостеприимством,

- 285 К расположенью души и другие прибавь побужденья:
Имя и то, что ты внук Громовержца,— не траться на
просьбы.
Все, чего просишь, бери,— и пусть во всем, что
увидишь,
Часть ты видишь свою! О, когда бы ты лучшее видел!»
Молвив, заплакал. Ему о причине подобных страданий
290 Ставят вопрос и Пелей и сопутники. Тот отвечает:
- «Верно, пернатую ту, что живет грабежом и пугает
Птиц всех, считаете вы обладавшей всегда опереньем?
Мужем была! У нее и душевная крепость его же:
Был он жесток и свиреп на войне, в бою вечно он
рвался,
295 Дедалионом был зван; у нас с ним общий родитель,
Что вызывает зарю и с неба последним уходит.
Мир я любил. Всегда я заботу лелеял о мире
И о супружестве. Брат — войною пленен был жестокой,
Доблесть его покоряла ему и народы и царства,
300 Ныне же доблестно он голубей преследует в Тисбе.
Дочь он Хнону родил. Женихов она тысячи дивным
Видом своим привлекла, как четырнадцать лет ей
минуло.
Раз возвращались вдвоем, Аполлон и Майей Рожденный,
Первый из Дельф, а второй — с вершины Киллены; и
оба
305 Сразу узрели ее и сразу же к ней воспылали.
Но упованья любви Аполлон отлагает до ночи.
Тот же не в силах терпеть — и тростью, соп
наводящей,
Девых касается уст: та спит под могучим касаньем.
Силою взял ее бог. Ночь в небе рассыпала звезды.
310 Образ старухи приняв, и Феб достигает блаженства.
Вот уже сроки свои исполняет созревшее чрево:
Хитрый родился побег от ствола крылоногого бога.
Звался Автоликом он, на всякие ловок проделки,
Сделать свободно — и тем он искусства отца не
позорил —
315 Белое черным он мог и из белого черное сделать.
Фебов же сын у нее — ибо двойней она
разрешилась —
Был Филаммон, знаменитый игрой на кифаре и пеньем.
Что породила двоих, что двоим божествам полюбилась,
И что отец у нее силач, и что дед Громовержец,—

320 Было ли девушке впрок? Не многих ли слава сгубила?
Виравду, сгубила ее. Пред Дианою превозноситься
Стала она и в лицо похулила богиню. И лютым
Гневом исполнилась та. «Понравлюсь делами!»—
сказала;

И не помедлила: лук натягла, стрелу наложила
325 На тетиву и, стрельнув, пронизала язык виноватый.
Смолк язык; не смогли раздаться ни голос, ни слово;
Хочет сказать, но уж с кровью и жизнь ее покидает.
Деву,— о горе любви! — как отец пожалел я всем
сердцем,

Братнину зная любовь, утешать его тщился словами.
330 Им он, однако, внимал, как ропоту моря — глухие.
Сетуя, горько стонал он о гибели дочери милой.
В час, как сжигали ее, четырежды он устремлялся
Ринуться в самый костер. Четырежды был он удержан;
Кинулся в бегство тогда; быку был подобен, который
335 Шершня жало с собой, застрявшее в шее, уносит
И без дороги бежит. Я вижу: скорей человека
Мчится он,— будто его оперились крыльями ноги.
Он ото всех убежал и, жаждою смерти стремимый,
Верха Парнаса достиг. Аполлона тронула жалость,
340 Как увидал он, что Дедалион с утеса низвергся:
В птицу его превратил; поддержал, окрыливши
внезапно.

Дал ему загнутый клюв, крючковатые дал ему когти,
Прежнюю доблесть его и мощь не по малому росту.
Ныне он ястреб; ко всем беспощаден пернатым, со
всеми
345 Злобен и, мучаясь сам, другим становится мукой».

Но между тем как рассказ о чуде, свершившемся
с братом,
Сын Светоносца ведет, к ним вдруг, запыхавшись от
бега,

Сторож Пелеевых стад прибегает, фоксец Оне́тор.
«Ой, Пелей, Пелей! Я великого вестник несчастья!»
350 Проговорил, но Пелей приказал — что бы ни было —
молвить.

Сам Трахинский герой в ожиданье от страха трепещет.
Тот говорит: «Усталых коров пригнал я к излучке
Берега, солнце как раз в наивысшей точке вселенной
Столько же зрело пути позади, сколько спереди было.

355 Часть коров на песок золотой преклонила колени, —
 Лежа глядели они на широкое поприще моря;
 Шагом тяжелым меж тем другие свободно бродили;
 Часть их плывет, из воды выставляя высокую быю.
 Храм возле моря стоит, где ни золота нет, ни порфира.
 360 Чашей гордится дерев, осененный дубравою древней.
 В нем Нереид и Нерей алтарь. Что их почитают
 В храме, сказал пам рыбак, на прибрежии сети
 чинивший.
 Рядом болотце лежит, поросшее ветлами густо,
 Образовалось оно из воды застоявшейся моря.
 365 Вдруг, зашумев, затрещав, устрашая ближайшую
 местность,
 Зверь громаднейший, волк из чащи болотной выходит;
 Смочена грозная пасть и пеной, и спекшейся кровью;
 Страшно сверкают глаза, налитые пламенем красным.
 Равно от голода он и от ярости бешен, но, видно,
 370 Больше от ярости; он не стремится коров растерзапьем
 Дикую алчность свою, голодая, насытить; но кряду
 Весь разрывает он скот, им все положены кряду.
 Часть из нас роковым уязвил он укусом: в то время
 Как на защиту спешат, встречаются погибель. От крови
 375 Красен весь берег, вода и полное воем болото.
 Но в промедлении — смерть, колебания дело не терпит!
 Цело еще кое-что, соберемся же все и оружие
 Схватим скорей и все вместе пойдем от врага
 отбиваться!» —
 Молвил пастух, но рассказ о несчастье не тронул Целея:
 380 Вспомнил он о грехе, все понял: в тоске Нереида
 Фоку несет своему то бедствие в дар поминальный.
 Вооружиться мужам, взять на плечи мощные конья
 Царь этейский велит; и сам он готовился с ними
 Выступить, но Алкиона, жена его, шумом встревожась,
 385 Быстро бежит из дверей, волос не окончив убора;
 Порастолкала их всех и, повиснув на шею супругу,
 Просит словами его и слезами, чтоб помощь послал он,
 Но чтобы сам не ходил и две спас жизни в единой.
 Ей Эакид: «Свой полный любви и прекрасный, царица,
 390 Страх отреш! Я вполне с пожеланьем твоим
 соглашаюсь;
 Не по душе поднимать мне оружие на новых
 чудовищ, —
 Должно морское почтить божество!» Там высидась
 башня,

Видная издалека, — маяк для судов утомленных.
 Вот туда поднялись и на бреге простертое стадо
 395 Видят с печалью они, и с устами кровавыми зверя —
 Опустошителя зрят, с окровавленной длинною шерстью.
 Руки тогда протянув к побережью открытого моря,
 Начал Пелей умолять Псамафу лазурную, чтобы,
 400 Гнев позабыв, на помощь пришла. Но мольбы Закида
 Тронуть ее не могли. За супруга взмолилась Фетида
 И получила ему отпущенье. Из бойни отозвав,
 Все же упорствует волк, разъярившись от сладости
 крови.
 Но между тем как повис он на шее растерзанной телки,
 В мрамор был сам обращен; все тело осталось, как
 было,
 405 Кроме окраски его; цвет камня напоминает,
 Что уж теперь он не волк, что его опасаться не должно.
 В этой, однако, земле беглецу оставаться Пелею
 Рок не позволил. Пришел к Магнетам изгнанник и там
 лишь
 От преступления был гемонийцем очищен Акастом.
 410 Чудом с братом своим и вторично свершившимся
 чудом
 В сердце смущен и встревожен Кеик и готовится,
 с целью
 Божьи вещанья узнать — утешенье всегдашнее
 смертных, —
 В Клар к Аполлону идти. Форбант в то время
 безбожный
 С шайкой флегийцев пути заступал к святыням
 дельфийским.
 415 И о решенье тебя, Алкиона вернейшая, нежный
 Предупреждает супруг. Но ее, лишь об этом узнала,
 Холод пронзил до костей. Лицо ее стало бледнее
 Бледного букса, и слез струи увлажнили ей щеки.
 Трижды хотела сказать, и трижды струились слезы.
 420 И, прерывая свои задушевные жалобы всхлипом,
 Молвит: «Какую вину допустила я, милый, что мыслю
 Ты отворотился? Куда твоя прежняя делась забота?
 Ныне ты можешь уйти, Алкиону спокойно покинув,
 Люб тебе длительный путь, — я издали стала милее!
 425 Лишь бы по суше ты шел, — печалиться буду я так
 же, —
 Страха не будет зато; тосковать мне тогда без боязни:

Сердце страшит мне вода, унылое зрелище моря.
 На побережье на днях я разбитые видела доски;
 И на холмах погребальных, без тел,— имена прочитала.
 430 Да не обманет души уверенность ложная, друг мой,
 Что Гиппотад тебе тесть, который могучие ветры
 Держит в темнице и зыбь по желанью смиряет морскую.
 Если он выпустит их и они овладеют зыбями,
 Им не запрещено ничто, перед ними земля беззащитна
 435 Вся, беззащитны моря; они гонят и по небу тучи,
 И вытряхают огонь багряный, сшибаясь жестоко.
 Знала я их хорошо, да, знала; я маленькой часто
 Видела их у отца и тем более знаю опасность.
 Если решенье твое никакими нельзя уж мольбами,
 440 Милый супруг, изменить и отправишься ты
 непременно,—
 В путь возьми и меня. Всею мы подвергнемся вместе.
 Не утрашусь я ничем, все сама испытаю. Снесем мы
 Вместе что ни случись и по морю вместе
 помчимся!» —
 Молвит Эолова дочь. Словами ее и слезами
 445 Тронут был звездный супруг. Он не меньше любовью
 пылает,
 Но путешествия все ж отложить не желает морского
 И, чтоб опасности с ним Алкиона делила,— не хочет.
 Много он ей говорил в утешение робкому сердцу,—
 Тщетно: ничем убедить не может ее. Добавляет
 450 Ей в облегчение так,— лишь этим склонил он супругу:
 «Длительно всякое мне промедленье; тебе обещаю
 Отчим огнем, я вернусь — коль будет судеб изволение—
 Раньше, чем дважды луна успеет достичь полнолуния».

При обещаешь таком на возврат в ней возникла
 надежда.
 455 Тотчас ведет он сосновый корабль из гавани вывести,
 В море спустить и его оборудовать всем снаряженьем.
 И, увидавши корабль, как будто в грядущем читая,
 В ужас пришла Алкиона, и слез заструились потоки.
 Мужа она обняла и устами печальными, в горе,
 460 Молвит «прости» наконец и, промолвив, без чувств
 падает.
 Но уж торопит Кеик, и юноши, двоянным рядом,
 К груди могучей уже придвигают гребущие весла,
 Ровными волны они разрезают ударами. Очи
 Влажные тут подняла Алкиона и видит супруга,

- 465 Как он нагнутой корме стоит и машет рукою.
 Знакам его отвечает она. Земля отступает
 Дальше; скоро и лиц различить уже очи не в силах;
 Все ж, пока можно, следит она взором за судном
 бегущим;
- 470 А как уже и корабль не могла в отдалении видеть,
 Стала на парус смотреть, высоко трепавший на мачте.
 А как и парус исчез, ушла, опечалена, в спальню
 И на пустую постель прилегла; вновь вызваны слезы
 Ложем и местом; ей все говорит об утраченном друге!
 Вышли из порта они. Дуновенье гребцов заменило.
- 475 Боком уже мореход обращает висящие весла;
 Реи на самом верху помещает он мачт и полотна
 Все наставляет и в них принимает поднявшийся ветер.
 Вот полдороги уже — но, конечно, не больше — по
 водам
- 480 Судно проплыло, и был еще берег противный далёко, —
 Вдруг перед ночью белеет набухавшими волнами море
 Начало, сразу сильней стал дуть неожиданный ветер.
 «Верхние реи снимать! живей! — восклицает в тревоге
 Кормчий. — Эй! Привязать полотнища к мачтам, не
 медлить!»
- 485 Так он велит, — но мешают уже налетевшая буря.
 Голоса слышать уже не дают грохотанием волны;
 Сами спешат моряки тем не менее вытащить весла;
 Те — укрепляют борты, паруса отнимают у ветра;
 Черпает влагу иной, льет воду же в воду морскую;
 Этот схватился за снасть; пока действуют так без
 приказа,
- 490 Грозная буря растет; отовсюду жестокие ветры
 В битву идут и крутят зыбей возмущенные глубы.
 Кормчий в ужасе сам, признается себе, что не знает,
 Как поступить, что ему запрещать, что приказывать
 должно, —
- 495 Тяжесть беды такова, настолько сильнее искусства!
 Вправду, и крик моряков раздастся, и весел скрипенье,
 Воды набегом воды угрожают, и небо громами —
 Волн громады встают с небесами как будто бы вровень,
 Море и брызгами волн окропляет нашедшие тучи;
 То поднимая со дна золотистый песок, принимает
- 500 Краску его, то черней становится стиксовой влаги;
 То простирается вдруг и шумящею пеной белеет.
 Вслед переменам его и трахинское мечется судно:

То высоко вознесясь, как будто бы с горной вершины
Смотрит оно на долины внизу и на глубь Ахеронта,
505 То, как обстанут корабль опустившийся волны крутые,
Будто на небо вверх из аидовой смотрит пучины.
Борт, то и дело волной ударяем, грохочет ужасно,—
Он не слабее гремит, чем железный таран иль баллиста,
Чей потрясает удар крепостную уставшую стену;
510 Или чем дикие львы, что бегут, на ходу удвоя
Силы, грудью вперед, навстречу протянутым копыям.
Так устремлялась вода под порывом восставшего ветра
И подступала к снастям, и намного уж их превышала.
Клинья расшатаны; вот, воскового лишившись покрова,
515 Щели зияют, пути открывая погибельным водам.
Вот из разъявившихся туч широко извергаются ливни.
Можно подумать, что все опускается на море небо
Или что море само подымается к хлябям небесным.
Дождь промочил паруса, с небесными водами воды
520 Моря смешались, и нет ни проблеска в черном эфире.
Вкупе бессветную ночь гнетут ее темсь и буря;
Их разрывают одни, полыханьями мрак озаряя,
Молнии. Молний огнем загораются бурные воды.
И уж ввергается внутрь через дыры бортовой обшивки
525 Водный поток; как солдат, из всего превосходнейший
строй,
Что наконец, подскочив к стенам защищенного града,
Видит свершенье надежд и, зажженный желанием
славы,
Стену один среди тысяч мужей наконец занимает,—
Так о крутые бока ударили жестокие волны;
530 Все же могучее всех был приступ девятого вала!
Он лишь тогда перестал штурмовать корабль
истомленный,
Как запрокинулся внутрь, за борт плененного судна.
Все же часть моря еще кораблем овладеть
устремлялась,
Часть наполняла корабль. И не менее все трепетали,
535 Ижели в граде, когда пробивают одни крепостную
Стену, другие меж тем ее изнутри занимают.
Слабо искусство. Дух пал. И сколько валов ни
нахлынет,—
Кажется,— что ни волна, то мчатся и рушатся смерти!
Этот расплакался, тот оупсел, другой называет
540 Счастьем обряд похорон иль богов почитает обетом,—
Руки напрасно воздевает к небесам, невидимым взору,

Молит о помощи; тот — отца вспоминает и братьев;
Этот — с имуществом дом, — что каждый на бреге

оставил.

Но к Алкионе Кеик устремлен. На устах у Кеика
545 Лишь Алкиона одна. Ее хоть одпой он желает, —
Рад, что не с ними она. Он жаждет родные пределы
Вновь увидеть, обратить на дом свой последние взоры.
Только не знает, где он, столь сильным море вскипает
Водоворотом, а тень, наведенная черною тучей,
550 Небо окутала все и образ удвоила ночи.
Сломлена мачта, сразил ее вихрь, из туч палетевший,
Сломлен и руль, и, добычей гордясь, высоко подымаясь,
Как победитель волна на согбенные воды взирает
И тяжело, как будто весь Пинд с Афоном с их места
555 Кто-то спихнул и стремглав опрокинул в открытое море,
Рушится в бездну сама и силой удара и веса
Вглубь погружает корабль. Немалая часть мореходов
Тяжкой пучиной взята, на воздух уже не вернувшись,
В бездне погибель нашла; другие схватились за части
560 Судна разбитого; сам рукою, державшею скипетр,
Стиснул Кеик обломок весла. К отцу он и к тестю
Тщетно взывает, увы! Но жена Алкиона не сходит
С уст пловца. Он ее вспоминает, о ней говорит он.
Чтобы пред очи ее был мертвый он выброшен морем,
565 Молит, чтоб руки друзей возвели ему холм

надмогильный.

Только позволит волна уста разомкнуть, он далекой
Имя супруги твердит, под водою — и то его шепчет.
Но над волнами меж тем вдруг черная водная арка
Рушится, пеною вод погруженную голову кроя.
570 И Светоносец в ту ночь был темень, его невозможно
Было признать, поскольку с высот отлучиться Олимпа
Не дозволялось, свой лик он густыми закрыл облаками.
Дочь Эола меж тем, о стольких не зная несчастьях,
Ночи считает; уже разбирает поспешно, какие
575 Платья паденет Кеик; в какие, когда он вернется,
Ей нарядиться самой: о возврате мечтает напрасно!
Всем между тем божествам приносила она воскуренья,
Боле, однако же, всех почитала святыню Юноны;
Ради супруга, — уже неживого! — алтарь посещала.
580 Чтобы супруг се был невредим, чтобы он возвратился,
В сердце молила, чтоб ей предпочесть не подумал
другую, —
Этого лишь одного из стольких достигла желаний!

Дольше богиня терпеть не могла, что за мертвого

мужа

585 Просит она; чтоб алтарь оградить от молений зловещих,
Молвит: «Ирида, моей вернейшая вестница воли!

Быстро отправься ко Сну в наводящую дрему обитель
И прикажи, чтобы он Алкионе послал в сновиденье
Мужа покойного тень, подобие подлинной смерти!»

590 Молвила так,— и в покров облекается тысячецветный
Вестница и, небеса обозначив округлой дугою,
В скрытый под скалами дом отлетела царя сновидений.
Близ Киммерийской земли, в отдаленье немалом,

пещера

595 Есть, углубленье в горе,— неподвижного Сна там покой.
Не достигает туда, ни всходя, ни взойдя, ни спускаясь,
Солнце от века лучом: облака и туманы в смешенье
Там испаряет земля, там смутные сумерки вечно.

600 Песней своей никогда там птица дозорная с гребнем
Не вызывает Зарю; тишину голоса не смущают
Там ни собак, ни гусей, умом собак превзошедших.
Там ни скотина, ни зверь, ни под ветреным веяньем

ветви

Звуча не могут издать, людских там не слышится споров.
Полный покой там царит. Лишь внизу из скалы

вытекает

605 Влаги летейской родник; спадает он с рокотом тихим,
И приглашают ко сну журчащие в камешках струи.
Возле дверей у пещеры цветут в изобилии маки;
Травы растут без числа, в молоке у которых собирает
Дрему росистая ночь и кропит потемневшие земли.
Двери, которая скрип издавала б, на петлях вращаясь,
В доме во всем не найти; и сторожа нет у порога.

610 Посередине кровать на эбеновых ножках с пуховым
Ложем,— неясственен цвет у него и покров его темн.
Там почивает сам бог, распростертый в томлении тела.
И, окружив божество, подражая обличиям разным,

615 Все сновиденья лежат, и столько их, сколько колосьев.
На поле, листьев в лесу иль песка, нанесенного морем.
Дева едва лишь вошла, сновиденья раздвинув руками,
Ей преграждавшие путь,— засиял от сверканья одежды
Дом священный. Тут бог, с трудом отягченные дремой
Очи подьемля едва и вновь их и вновь опуская

620 И упاداющим вновь подбородком о грудь ударяясь,
Все же встряхнулся от сна и, на ложе привстав,

вопросает,—

Ибо ее он признал,— для чего появилась. Та молвит:
«Сон, всех сущих покой! Сон между бессмертных
тишайший!»

625 Мир души, где не стало забот! Сердце усладитель
После дневной суеты, возрождающий их для работы!
Ты сновиденьям вели, что всему подражают живому,
В город Геракла пойти, в Трахины, и там Алкионе
В виде Кеика предстать, и знаки явить ей крушенья.
630 Это — Юноны приказ». Передав порученье, Ирида
Вышла. Дольше терпеть не в силах была испарений;
Сон стал в теле ее разливаться,— она убежала
И возвратилась к себе на той же дуге семицветной.
Сон же из сонма своих сыновей вызывает Морфея,—
Был он искусник, горазд подражать человеческим
обличьям,—

635 Лучше его не сумел бы никто, как повелено было,
Выразить поступь, черты человека и звук его речи.
Перенимал и наряд и любую особенность речи,
Но подражал лишь людям одним. Другой становился
Птицей, иль зверем лесным, или длинною телом змеею.
640 Боги «Подобным» его именуют, молва же людская
Чаще «Страшилом» зовет. От этих отличен искусством
Третий — Фантаз: землею, и водой, и поленом,
и камнем,—

Всем, что души лишено, он становится с свящим успехом.
Эти царям и вождям среди ночи являют обычно
645 Лики свои; народ же и чернь посещают другие.
Ими старик пренебрег; из братьев всех он Морфея,
Чтоб в исполненье привести поведения Таумантиды,
Выбрал; и снова уже, обессилен усталостью томной,
Голову Сон преклонил и на ложе простерся высокою.

650 Вот Морфей полетел, на крыльях рея бесшумных,
Сквозь темноту, и спустя недолгое время явился
В град гемонийский, и там отложил свои крылья
и принял

Облик Кеика-царя, и отправился, в облике новом,
Иссиня-желт, без кровинки в лице, без всякой одежды,
655 К ложу несчастной жены и стал там; мокры казались
И борода, и волос обильно струящихся пряди.
Так, над постелью склонясь и лицо заливая слезами,
Молвил: «Несчастливая, ты узнаешь ли Кеика, супруга?
Или мне смерть изменила лицо? Вглядишься: ты узнаешь;

660 Но не супруга уже обретешь, а призрак супруга.
 Не помогли мне, увы, твои, Алкиона, обеты!
 Да, я погиб. Перестань дожидаться меня в заблужденье!
 Судно застиг грозовой полуденный, в Эгеевом море,
 Ветер. Носил по волнам и разбил дуновеньем ужасным.
 665 Эти уста, что имя твое призывали напрасно,
 Воды наполнили; то не рассказчик тебе возвещает,
 Коему верить нельзя, и не смутные слухи ты
слышишь,—
 Сам о себе говорю, потерпевший кораблекрушение!
 Встань же; плакать зачни; оденься в одежды печали;
 670 Без возрыданий, жена, не отправь меня в Тартар
пустынный!»
 Голос прибавил Морфей, который она за супружский
 Голос могла бы принять; и казалось, доподлинно слезы
 Он проливает; в руках — движения были Кеика.
 И застонала в слезах Алкиона; все время руками
 675 Движет во сне; по, к телу стремясь, лишь воздух
объемлет
 И восклицает: «Постой... Куда ж ты? Отправимся
вместе!»
 Голосом, видом его смущена, отряхает, однако,
 Дрему и прежде всего озирается, все ли стоит он
 Там, где виден был ей. Но, встревожены голосом, слуги
 680 Свет внесли; и когда не нашли его, как ни искали,
 Бить себя стала в лицо, на груди разрывая одежды,
 Ранит и грудь. Волос распустить не успела —
стрижет их,—
 И на вопрос, отчего она плачет, кормилице молвит:
 «Нет Алкионы уже, нет больше! Мертвою пала
 685 Вместе с Кеиком своим. Прекратите слова утешенья!
 В море супруг мой погиб: я видела, я распознала;
 Руки простерла его задержать, как стал удаляться,—
 Тенью он был! Все ж тень очевидна была; то супруга
 Подлинно тень моего. Но ежели спросишь,—другим был
 690 Облик его, необычным; лицом не сиял он, как прежде,
 Бледный он был и нагой, со струящимися волосами
 Перед несчастною мной! На этом вот месте стоял он
 В образе жалком,— искать я стала, следов
не видать ли,—
 Вот оно, вот оно то, что вещую душу страшило!
 695 Чтобы за ветром вослед он не плыл, я его умоляла;
 Как я хотела, чтоб он, коль уже отправлялся на гибель,
 Взял с собой и меня! С тобою бы надо, с тобою

- Плыть мне. Поскольку во всю мою жизнь ничего
не свершила
- Я несовместно с тобой,— пусть были б и в смерти мы
вместе! —
- 700 Я погибаю одна. Одну меня бурей носит:
Нет меня в море, но все ж я у моря во власти: и моря
Горше да будет мне мысль, что стану стараться
напрасно
- Жизни срок протянуть, а с ней и великую муку!
- 705 Не постараюсь я, нет, тебя не оставлю, мой бедный!
Спутницей тотчас к тебе я отправлюсь,— и если
не урна
- Свяжет в могиле двоих, то надпись надгробная. Если
Кости к костям не прильнут, хоть имени имя коснется». —
Больше сказать не могла от страданья. Прервал ее слово
Плач, и жалобный стон из убитого сердца исторгся.
- 710 Утро пришло, и в тоске Алкиона выходит на берег
К месту, откуда она на отплывшего мужа глядела.
Молвит: «Медлил он здесь, здесь,— молвит,— парус оп
поднял,
Здесь на морском берегу он меня целовал...» —
повторяет.
- Все, что свершилось тогда, пред очами встает;
и на море
- 715 Бросила взор; в волнах на большом расстоянии что-то
Видится ей — будто тело плывет. Сначала не может,
Что там такое, решить. Но лишь малость приблизились
волны —
- Явственно тело она признает, хоть оно и далёко.
Пусть не знала, кто он, но, видя, что жертва он моря,
720 Знаком дурным смущена, льет слезы над ним,
незнакомым:
- «Горе тебе, о бедняк, и твоей — коль женат ты —
супруге!»
- Тело меж тем на волнах приближалось. Чем долее
смотрит,
- Меньше и меньше она сомневается; вот уже близко,
Около самой земли: уже распознать его можно.
- 725 Смотрит: то был ее муж! «Оп, он!» — восклицает и сразу
Волосы, платье, лицо раздирает; дрожащие руки
Тянет к Кеику она, — «Ах, так-то, супруг мой любимый,
Так-то, мой бедный, ко мне возвращаешься?» — молвит.
У моря
- Есть там плотина, людьми возведенная; первое буйство

730 Волн разбивает она и напор водяной ослабляет.
Вот вскочила туда, и — не чудо ли? — вдруг полетела.
Вот, ударяя крылом, появившимся только что, воздух,
Стала поверхность волны задевать злополучная птица,
И на лету издавали уста ее жалобы полный,
735 Скорбный как будто бы звук трещанием тонкого клюва.
Вот прикоснулась она к немому бескровному телу,
Милые члены держа в объятии крыльев недавних,
Тщетно лобзанья ему расточает холодные клювом.
То ли почувствовал он, иль почувдилось ей, что

приподнял

740 Он из прибоя лицо, толкуют по-разному; только
Чувствовал он. Наконец пожалели их боги, и оба
В птиц превратились они; меж ними такой же осталась,
Року покорна, любовь; у птиц не расторгся их прежний
Брачный союз: сочетают тела и детей производят.
745 Зимней порою семь дней безмятежных сидит Алкиона
Смирно на яйцах в гнезде, над волнами витающем моря.
По морю путь безопасен тогда: сторожит свои ветры,
Не выпуская, Эол, предоставивши море внучатам.

Некий старик увидал, как они по широким

просторам

750 Посяты, и похвалил их любовь, неизменную вечно.
Некий другой, или, может быть, он, говорит: «Но и эта
Птица, которую ты замечаешь в морях, на поджатых
Ножках, этот нырок, широко раскрывающий глотку,
Тоже потомство царей. Коль имеешь охоту спуститься
755 По родословной к нему, то знай, что предки у птицы —
Ил, Ассарак, Ганимед, что Юпитером в небо похищен,
Старец Лаомедонт и Приам, последние Трон
Дни переживший: пырок был некогда Гектору братом.
Если б его не застигла судьба в его юности рапшей,
760 Может быть, не был бы он и по имени Гектора ниже.
Хоть и Димантова дочь породила младенца, однако
Ходит молва, что Эсак был тайпо на Иде тепистой
Алексироей рожден, отец же Граник ей двурогий.
Он не любил городов. Из пышных хором убегал он
765 В чащи глухие лесов, в местах проводил свое время
Необитаемых, — гость в илионских собраниях редкий.
Всё же был сердцем не груб, не была для любви

недоступна

Грудь его. Часто в лесах ловил он Гесперию-нимфу.
Раз увидал он ее на бреге родимом Кебрена,

- 770 Как, по плечам распустив волоса, их сушила на солнце.
Нимфа бежит от него, как от серого волка в испуге
Лань, как, попавшись вдали от привычного озера, утка
Мчится от ястреба. Так и троянский герой догоняет
Нимфу, так, быстр в любви, настигает он быструю
в беге.
- 775 Вдруг, в траве не видна, убегаящей ногу гадюка
Зубом пронзила кривым и яд свой оставила в теле.
Кончились бегство и жизнь. Бездыханную нимфу
безумный
Обнял Эсак и кричит: «О, зачем, о, зачем догонял я!
Не побоялся змеи! Не желал я подобной победы!
- 780 Бедную ныне тебя мы вдвоем погубили: гадюка
Ранила, я же — причиною был, и змеи нечестивей
Буду, коль в смерти своей не найду искупления
смерти!»
- Вымолвил — и со скалы, шумящим подточенной морем,
Кинулся в волны. Его пожалела Тетида, и мягким
- 785 Было паденье его: поплывшего в море одела
Перьями. Не получил на желанную смерть изволения
Любящий и возмущен, что жить против воли придется;
Против себя восстает, из жилища несчастного жаждет
Выпрянуть — и уж от плеч молодые поднимаются
крылья,
- 790 Вот он взлетает и вновь повергается телом на волны.
Крылья смягчают удар; в неистовстве вглубь головою
Мчится Эсак, без конца вновь смерти дорогу пытая.
Он исхудал от любви; на ногах его длинны суставы,
Так же и шея длинна; голова же — далёко от тела.
- 795 Любит моря, и прозвание его — от ныряния в море».

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Старый не ведал Приам, что Эсак, став отныне
Жив,— и рыдал. Над холмом, на котором лишь пернатым,
С братьями вместе свершал поминки напрасные Гектор,
И лишь Парис не присутствовал там на печальных
обрядках.

5 Только что долгую брань, похитив супругу, занес он
В землю родную свою, и тысяча следом союзных
Шла кораблей и на них всем скопом народы пеласгов,
И не замедлила б месть, когда бы свирепые ветры
По морю путь не прервали, когда б в земле Беотийской
10 Не задержала судов изобильная рыбой Авлида.
Жертву Юпитеру тут по обычаю предков готовить
Стали, и древний алтарь уж зарделся огнем

возожженным;
Вдруг увидали змею голубую данайцы: вползала
Вверх по платану она поблизости начатой жертвы.
15 Было в вершине гнездо, в нем восемь птенцов
находилось;
Всех их, также и мать, что летала вокруг горькой
утраты,

Вдруг пожирает змея и в жадной скрывает утробе.
Остолбенела толпа, но, правды провидец, гадатель,
Фестора сын говорит: «Победим! Веселитесь, пеласги!»
20 Троя падет, но наши труды долговременны будут,
Девять же птиц как девять годов он брани толкует.
Молвил, змея ж, как была обнявшей зеленые ветки,
Камнем стала, но вид павсегда сохранила змеиный.
Все ж продолжает Нерей в аонийских свирепствовать
водах,

- 60 Тщетная Радость живет и уныния полные Страхи;
Там же ползучий Раздор, неизвестно кем поднятый
Ропот.
- Там обитая, Молва все видит, что в небе творится,
На море и на земле,— все в мире ей надобно вызнать!
Распространила она, что с сильным пришли ополченьем
- 65 Греков суда; но нет, их встретил во всеоружье
Враг; проходы закрыл, защитит позаботился берег
Трои. Первым тогда от Гектора, волею рока,
Пал ты, Протесилай! Недешево стоил данайцам
Бой и могучий душой, убиеньем прославленный
Гектор!
- 70 Но и фригийцам пришлось всю силу изведать ахейской
Длани и крови пролить немало. Уже и сигейский
Берег багрился, и Кикн, потомок Нептунов, уж смерти
Тысячу предал мужей. Ахилл стоял в колеснице
И пелиопским копьем укладывал строи троянцев;
- 75 Он по рядам, или Кикна ища, или Гектора, встретил
Кикна,— и на десять лет отложились Гектора гибель.
Вот, погоняя коней, ярмом блестящие шеи
Сжав, герой на врага колесницу направил; в могучих
Длантах потряс он копье, задрожавшее грозно, и молвил:
- 80 «Кто бы ты ни был, юнец, да станет тебе утешеньем
В смерти, что был ты копьем гемонийца заколот
Ахилла!»
- Так промолвил герой,— и копье вслед голосу взвилось,
Но хоть в ударах его никакой не случилось ошибки,
Он ничего не достиг наконечником брошенной пики.
- 85 Только лишь слабый удар поразил ему грудь,
произносит
Тот: «Богини дитя,— ибо ты по молве мне известен,—
Что удивляешься так, что нет на груди моей раны?»
Он удивился и впрямь. «Мой шлем, который ты видишь,
С гривой коня золотой, щит — груз руки моей левой,—
- 90 Нет, я не ими спасен. Они — украшенья, и только.
Этого ради и Марс надевает доспехи; но если
Скину доспехи совсем, не меньше уйду невредимым.
Что-нибудь значит, что я не рожден Нереидой, но оным,
Кто над Нереем самим, над детьми и над морем
владыка!»—
- 95 Молвил; и, целясь копьем в закругленье щита, в Закида
Бросил его, и оно слой меди и кожи бычачьей
Десять пробило слоев и только в десятом застряло.

Вырвал герой острис и обратно дрожащую пику
100 Кинул могучей рукой. Двукратно поранено тело —
Все ж невреждено оно. Не пронзило и третье оружье
Незащищенного, грудь под удар подставлявшего Кикна.
Разгорячился Ахилл, как бык на открытой арене,
Что на дразнящую ткань пунцовую рогом ужасным
105 Тщится папасть, хоть чует, что ран избегает противник.
Иль отвалился с копья — глядит — наконецник

железный?

Нет, на древке торчит. «Так, значит, рука ослабела?
На одного истошила она в ней бывшие силы!
Годной, однако, была, когда я Лирнесскую крепость
Первым в прах разметал; когда Тенедос я и Фивы,
110 Эатионов предел, наполнил их собственной кровью,
И Эолийский Каик багряным от кровопролитья
Тек, и копья моего мощь дважды почувствовал Телеф!
На побережьи здесь немало убитых я сгрудил.
Вижу, моя тут рука и была и осталась пригодна!» —
115 Молвил; но, мало еще доверяя свершенному, прямо
Кинул в Мента копье, в ликийского простолюдина, —
Сразу ему и броню прободал, и грудь под броню.
А как ударился тот головой полумертвой о землю,
Тотчас извлек он копье из дымящейся раны и молвил:
120 «Руку свою узнаю и копье, с каким победил я.
Их я направлю в него и молю, да успеха достигну!»
Так произнес и на Кикна напал; с пути не склонился —
В левом плече зазвенел, не избегнут противником,

ясень,

125 Но как от некоей стены или твердой скалы отскочил он.
Там, где ударил Ахилл, он увидел, однако, что пятна
Крови на Кикне, и вот взвеселился герой —

но напрасно:

Раны не было, — Кикн обогрен был Ментовой кровью.
В ярости шумно тогда Закид с колесницы высокой
Спрянул и светлым мечом спокойно стоящего Кикна
130 С маху разит — и видит: броня и шлем прохудились,
Но посрамилось опять в твердокаменном теле железо.
Тут не стерпел Закид и трижды, четырежды Кикна
Тылом округлым щита по лицу и вискам ударяет,
За уходящим идет, теснит то обманом, то боем
135 И не дает передышки ему, изумленному. Кикна
Страх обуял; задернул глаза его мрак; а покуда
Задом шагал он, ему среди поля стал камень

прегрзлой,

Тут, навалившись, его, лежащего навзничь, с огромной
Силою перевернул Эакид и повергнул на землю.
140 После, щитом и коленами грудь придавив ему кренко,
Шлема стянул он ремни, и они, охватив подбородок,
Горло сдавили, лишив и пути и дыхания душу.
И уж хотел с побежденного снять он доспехи, но видит:
Только доспехи лежат. Бог моря в белую птицу
145 Тело его обратил, и хранит она Кикново имя.

Эти труды, многодневный их бой привели за собою
Отдых; оружие сложив, враги прекратили сражение.
Бдительно стража блюдет крепостные фригийские
стены,
Бдительно стража блюдет аргосские рвы крепостные.
150 Вот и торжественный день наступил, и Ахилл,
победитель
Кикна, умилостивлял Палладу закляньем телицы.
На раскаленный алтарь положил он сваренные части,
И заструился в эфире дым жертвы, бессмертным
угодный;
Пламя свое унесло, остальное назначено пиру.
155 Вот и вожди возлежат и досыта жареным мясом
Полнят утробы, вином облегчают заботы и жажду.
Их услаждала в тот раз не кифара, не пенье, не звуки
Длинных флейт о многих ладах, прорезанных в буксе, —
Ночь в разговорах течет, и доблесть — предмет их
беседы.
160 Передают о победах своих и врага. Им страшно
Между собой вспоминать об опасностях, ими столь
часто
Преодоленных; о чем говорить подобало Ахиллу?
Да и о чем говорить подобало в шатре у Ахилла?
Больше всего на устах поражение недавнее Кикна
165 Было, и все изумлялись тому, что бойца молодого
Тело прозвить не могло никакое копье, что поранить
Нечего думать его, что юноша ломит железо.
Сам Эакид в изумлении был и ахейские мужи.
Нестор промолвил тогда: «На вашем веку был один
лишь
170 Пренебрежитель копья, никаким не сразимый ударом, —
Кики; а я видел в дни давние, как невредимым
Телом тысячи раи выносил Кеней перхебеец.
Славный делами Кеней перхебеец, который на склоне
Офриса жил. Но еще удивительней была о Кенее:

- 175 Женщиной он родился». Небывалым взволнованы чудом
 Все — и просят его рассказать, и Ахилл между ними:
 «Молви, затем что у всех одинакова слушать охота,
 Красноречивый старик, премудрость нашего века,
 Кто был Кеней, как в пол обратился противоположный,
 180 В деле военном каком, в бореньях какого сраженья
 Знал ты его; кем был побежден, коль был побеждаем?»
 Старец в ответ: «Хоть мне и помехой глубокая
древность,
 Хоть ускользает уже, что видел я в ранние годы,
 Многое помню я все ж, но из воинских дел и домашних
 185 Больше, однако, других мне врезались эти события
 В память. Если кому даровала глубокая старость
 Многих свидетелем дел оказаться — так мне, ибо
прожил
 Двести я лет и теперь свой третий уж век проживаю.
 Славилась дивной красой — Элата потомство — Кенида,
 190 Краше всех дев фессалийских была: в городах
по соседству,
 Также в твоих, о Ахилл,— ибо тех же ты мест
уроженец,—
 Многих она женихов оставалась напрасным желаньем.
 Может быть, сам бы Пелей посвататься к ней
попытался,
 Только владел он тогда твоей уже матери ложем
 195 Иль обещанье имел. Кенида, однако же, замуж
 Не выходила. Ее, на пустынном блуждавшую бреге,
 Бог обесчестил морской; об этом молва разносилась.
 Возвеселился Нептун, любви той новой отведав.
 «Пусть пожеланья твои,— он сказал,— исполнятся
тотчас!
 200 Что по душе — выбирай!»— и об этом молва
разносилась.
 «Оскорблена я тобой, и немало мое пожеланье:
 Чтоб никогда не терпеть мне подобного,— так
отвечала,—
 Женщиной пусть перестану я быть: вот дар
наилучший!»
 Низким голосом речь заключила, мужским показаться
 205 Мог он — мужским уже был: бог моря широкого просьбу
 Девы уже исполнял,— и так содейл, чтоб телу
 Раны грозить не могли и оно от копья не погибло.
 Радуюсь дару, Кеней ушел; в мужских упражненьях
 Стал свой век проводить, по полям близ Пенея скитаясь.

210 С Гипподамией свой брак справлял Пирифой
Иксионов.
 Вот тучеродных зверей — лишь столы порасставлены
были —
 Он приглашает возлечь в затененной дубравой пещере.
 Были знатнейшие там гемонийцы; мы тоже там были.
 Пестрой толпою полна, пированьем шумела палата.
 215 Вот Гименея поют, огни задымались у входа,
 И молодая идет в окружении женщины замужних,
 Дивнопрекрасна лицом. С такую супругой —
счастливец
 Мы Пирифоя зовем, но в предвестье едва не ошиблись,
 Ибо твое, о кентавр из свирепых свирепейший, Эврит,
 220 Сердце вино разожгло и краса молодой новобрачной,
 В нем опьянения власть сладострастьем удвоена
плотским!
 Сразу нарушился пир, столы опрокинуты. Силой
 Вот уже буйный схватил молодую за волосы Эврит,
 Гипподамию влачит, другие — которых желали
 225 Или могли захватить; казалось, то — город плененный.
 Криками женскими дом оглашаем. Вскочить поспешаем
 Все мы, и первым воскликнул Тезей: «Сумасбродство
какое,
 Эврит, толкает тебя, что при мне при живом
оскорбляешь
 Ты Пирифоя, — двоих, не зная, в едином бесчестишь?»
 230 Духом великий герой не задаром об этом напомнил:
 Он наступавших отбил, отымает у буйных добычу.
 Эврит на это молчит; не может таким он деяньям
 Противустать на словах. Руками он наглыми лезет
 Мстителю прямо в лицо, благородную грудь ударяет.
 235 Рядом случился как раз, от литых изваяний неровный,
 Древний кратер; огромный сосуд — сам огромней
сосуда —
 Поднял руками Эгид и в лицо супротивника бросил.
 Сгустки крови, и мозг, и вино одновременно раной
 Тот извергает и ртом и, на мокром песке запрокинут,
 240 Тщится лягнуть. Разожглись двуприродные братья
от крови,
 Наперерыв, как один, восклицают: «К оружию!
К оружию!»
 Пыла вино придает. И вот, зачиная сражение,
 Хрупкие кади летят, и кривые лебеты, и кубки, —
 Утварь пиров, а теперь — убийственной браши орудье!

- 245 Первым Амѣк Офионов дерзнул с домашней святыни
Нагло ограбить дары; решился он первым алтарный
Тяжкий светильник схватить, где обильно сияли
лампады,
И, высоко приподняв, как будто он белую шею
Жертвы священной — быка — собирался ударить
секирой,
- 250 Лоб им лапифа разбил Келадонта; разбил лицевые
Кости и перемешал, и узнать уж пельзя Келадонта,
Выпали яблоки глаз; лишь кости лица размозжил он,
Нос вдавился вовнутрь, пройдя серединою нѣба.
Гнутую ножку стола схватив кленового, наземь
- 255 Недруга грохнул Пелат,— тот свесил на грудь
подбородок.
И между тем как плевал он с кровью багровые зубы,
Рапил вторично его и в Тартар к теням отправил.
Рядом стоящий Гриней, на дымящийся жертвенник
глядя
Взором ужасным, сказал: «Отчего б не пустить его
в дело?»
- 260 Поднял огромный алтарь он со всеми его пламенами
И в середину метнул наступавших лапифов, и двое
Были придавлены им,— Бротсад и Орѣон; Орѣон
Той был Микалой рожден, молва о которой ходила,
Что заклинаньем луну низводить она может на землю.
- 265 «Это тебе не пройдет, оружия только б достало!»—
Молвил Эксадий; как раз в замену оружия оленьи
Тут оказались рога,— на высокой сосне приношенье.
В очи Гриней поражен был этою ветвью двойною,—
И выпадают глаза, их часть на рогах застревает,
- 270 Часть течет по браде и свисает с запекшейся кровью.
Вот с середины схватил алтаря головню сливяную,
Жарко горевшую, Рет и стоявшему справа Хараку
Голову ея разбил под защитой волос золотистых.
Быстро занявшись огнем, подобно созревшим колосьям,
- 275 Волосы вспыхнули, кровь, от огня закипевшая в ране,
Страшно шипеть начала, как железа кусок раскаленный
Докрасна, если его кривлеными мастер щипцами
Вытащит вон из огня и в воду опустит — железо
Тут и шипит и свистит, погружаясь в забурлившую воду.
- 280 Раненный Ретом Лашиф от торчащих волос отряхает
Жадный огонь и, порог от земли оторвав, подымает
На плечи,— груз для волов! Но метнуть во врага
помешала

Самая тяжесть его; товарища каменной глыбѣй
 Он невзначай придавил — Кометея, стоявшего рядом.
 285 Радости Рет не сдержал. «Об одном я молю, — он
 воскликнул, —
 В стане да будут твоим остальные все так же могучи!»
 И повторяет удар вполювину сторевшим поленом.
 Трижды, четырежды швы головные ударом тяжелым
 Он разломил, и в мозгу истекающем кости засели.
 290 Вот, победив, он напал на Эвагра, Корита, Дрианта.
 Отрок, которому пух покрыл лишь недавно ланиты,
 Мертвым повержен Корит. «Что за славу себе приобрел
 ты,
 С мальчиком сладив?» — Эвагр восклицает. Но больше
 промолвить
 Рет не позволил ему. Он багряное пламя, свирепый,
 295 Вставил в раскрывшийся рот и в грудь вогнал. Затебою
 Также, могучий Дриант, он мчится, огонь обращая
 Вкруг головы. Но тебя не постигла такая же гибель, —
 Ты, пока тот ликовал, что в бою неизменно успешен,
 Кол обожженный ему — где плечо начинается — вставил.
 300 Тут застонал и с трудом кол вырвал из кости могучей
 Рет и бежит, на ходу обливаясь собственной кровью.
 В бегство пустились Орней, и Ликаб, и в правую руку
 Раненный тяжко Медон, бежали Тавмант с Пизепором;
 305 Также проворностью ног до того побеждавший любого
 Мермер медлительно шел, тяжелою мучимый раной.
 Фол, Меланей, и Абант, знаменитый охотник на венрей,
 И, понапраспу своих отвращавший от боя, гадатель
 Астил: он Нессу сказал, который раненый боялся:
 «Ты не беги: сохраняют тебя для стрелы Геркулеса!»
 310 Ни Эврином, ни Ликид, ни Арей, ни Имбрей не сумели
 Смерти избегнуть. Их всех поразила Дрианта десница
 Спереди. Также и ты был спереди ранен, хоть тылом
 Был обращен, убегая, Креней. Назад обернувшись,
 315 Тяжким ударом меча меж глаз поражен был в то место
 Лба, где нижняя часть с носовой сочается костью.
 В шуме таком, от вина, которое пил он без меры,
 Сонный лежал, не проспавшись, Афид; рукой
 ослабшей
 Все еще чашу держал с разбавленным Ваковым соком.
 В шкуру мохнатую был он укутан медведицы осской.
 320 Издали видя его, хоть тот и не поднял оружья,
 Пальцы вставляя в ремни, — «Пить будешь вино ты
 с водою

Стиксовой!» — молвил Форбант и в юношу

без промедленья

Дрот свой метнул,— и попал с наконечником кованым

ясень

325 В шею Афида, пока он лежать продолжал, запрокинут.

Смерти своей не почувствовал он. Из полной гортани

Черная кровь потекла и на ложе, и в винную чашу.

Видел еще, как пытался Петрей желудями покрытый

Выдернуть дуб из земли, но, когда заключил он

в объятья

330 Дерево, начал качать, поколебленный ствол потрясая,

Вдруг Пирифоя копье, угодившее в ребра Петрею,

К крепкому дубу его пригвоздило могучею грудью.

От Пирифоя погиб достославного Лик, говорили,

От Пирифоя — Хромид. Но меньше доставили чести

Оба они победившему их, чем Диктид и Гелоп:

335 Гелопа он прокол, сквозь голову путь проложил он:

В правое ухо войдя, дрот вышел из левого уха.

Диктид в то время бежал с горы двухвершинной,

и, в страхе

От поспешавшего вслед уходя Иксионова сына,

В пропасть низвергся кентавр и тяжестью тела

огромной

340 Вяз поломал, и кишки на поломанном вязе повисли.

Мститель приспел Афарей и, скалу от горы оторвавши,

Кицуть в Эгида готов; но пока он готовился, этот

Предупреждает его, ствол дуба метнув, и ломает

Локоть огромный: но нет ему времени, нет и охоты

345 Смерти без проку его предавать,— Биснору-гиганту,

Кроме себя никого не носившему, на спину прынул;

В ребра колени упер и, волосы левой рукою

Крепко схватив и держа, лицо узловатой дубипой

Грозное он раздробил и череп, твердого тверже.

350 Дубом Медимна сразил и метателя копий Ликота,

И Гиппозона, чья грудь бородой защищалась длинной,

Он уложил, и Рифея, леса превзошедшего ростом;

И приводившего с гор в свой дом зачастую живыми

Пойманных им медведей, свирепо рычащих, Терея.

355 Дальше не может стерпеть боевых Тезея успехов

Демолсон: из твердой земли суковатую с корнем

Древнюю вырвать сосну с превеликим усилием тщится.

Вырвать, однако, не смог: сломав, в противника бросил.

Но далеко от удара Тезей отстранился, Палладой

360 Предупрежденный,— ему самому так верить хотелось!
 Рухнула все же сосна не напрасно: высокому ростом
 Крантору с левым плечом всю грудь отделила от шеи.
 Оруженосцем, Ахилл, у отца твоего состоял он.
 365 Некогда, бой проиграв, владыка долопов, Амиптор,
 Дал Эакиду его залогом мира и дружбы.
 Только увидел Пелей, сколь он мерзостной раной
 разодран,
 Молвил: «Прими, из юношей всех мне любезнейший,
 Крантор,
 Дар поминальный!»— и сам могучею кинул рукою
 Ясеновое копьё, всей силою гнева, в кентавра.
 370 Клетку грудную оно прорвало и внутри, меж костями,
 Затрепетало,— рукой тот вынул без кончика древко;
 Кончик не вышел совсем: застряв, задержался он
 в легком.
 Боль ему сил придала; на противника, в лютой досаде,
 Он поднялся и его лошадиными топчет погами.
 375 Шлемом Пелей и щитом принимает кентавра удары.
 Плечи спешит защитить, наготове он держит оружие,
 И из-за плеч мечом две груди зараз поражает.
 Раньше он смерти предал Флегрея, однако, и Ги́ла —
 Издали; а Ги́финой и Кланид в непосредственной
 схватке
 380 Пали; погиб и Дорил,— покрывал себе голову волчьей
 Шкурою он и вместо копья возносил, угрожая,
 Бычьи кривые рога, обгаренные кровью обильной.
 Силы мне гнев придаст, говорю я ему: «Так увидишь,
 Сколь эти бычьи рога моему уступают железу!»
 385 Дрот я в кентавра метнул. Он не мог уж удара
 избежать,
 Правой рукою себе лоб заградил, защищаясь от раны.
 Тотчас со лбом была сшита рука. Крик подняли. Ближе
 Бывший Пелей, меж тем как лежал тот с тяжелою
 раной,
 Посередине в живот мечом поразил его насмерть.
 390 Тот привскочил и кишки по земле, разъяренный,
 волочит;
 Стал их топтать, волоча; истоптав, разорвал, и ногами
 Сам же запутался в них, и с пустым пал чревом
 на землю.
 В этом сраженьи, Киллар, ты не был спасен
 красотою,—
 Ежели мы красоту за такую породой признаём,

- 395 Лишь зачалась борода и была золотой; золотые
 Падали волосы с плеч, половину скрывая предплечий.
 Милая честность в лице; голова его, плечи и руки,
 Грудь, мужская вся часть знаменитые напоминала
 Статуи скульпторов; часть, что коня изъясляет
 подобье, —
- 400 Не уступала мужской. Придай ему голову, шею —
 Кастору будет под стать! Так удобна спина, так высоко
 Мышцы приподняли грудь! И весь-то смолы он чернее,
 И белоснежен лишь хвост, и такие же белые поги;
 Многих из рода его возбуждал он желанья. Пленила
- 405 Лишь Гилонома его. Никакая меж полуживотных
 Женщина краше ее не жила в надгорных дубравах.
 Эта и лаской своей, и любовью, и клятвой любовной
 Держит Киллара одна. Насколько возможно украсить
 Тело такое, она его украшает: гребенкой
- 410 Волосы чешет, цветы розмарина, фиалки вплетает,
 Розы, а иногда белоснежные лилии. Дважды
 В день в студеном ручье, что с вершины лесной
 Пагасся
 Падает, моет лицо: погружается в воду двукратно;
 И выбирает к лицу зверей пушистые шкуры,
- 415 Чтобы себе на плечо или на спину слева накинуть.
 Их обоюдна любовь. По горам они странствуют вместе;
 Входят в пещеры вдвоем; и в дом к лапифам явились
 Оба они и вели то сраженье жестокое оба.
 Кто тут зачинщиком был — неизвестным осталось,
 но слева
- 420 Взвилось копьё, и в месте, где грудь подходит под шею,
 Был ты проколот, Киллар. Задетое легкою раной
 Сердце и члены его, лишь вынули меч, холодеют;
 И Гилонома тотчас приняла полумертвое тело,
 Руку на рану кладет, согревает его, приближает
- 425 Губы к губам и душе уходящей приятствовать тшится.
 Но увидав, что он мертв, со словами, которых
 за криком
 Слух мой не мог уловить, на копьё, что торчало из
 тела,
- Пала она и еще обнимала супруга, кончаясь.
 Так и стоит перед взором моим, завязавший узлами
- 430 Львиные шкуры — их шесть на себя надевал он,
 огромный
 Феокомед, человека зараз и коня защищая.
 Кипул он пень, который едва и две пары могли бы

- Сдвинуть,— и Фоноленид поражен был в голову сверху,
 И широко головы разверзлась громада. Чрез уши,
 435 Рот и глаза и отверстия ноздрей истекает тягучий
 Мозг,— отстоявшись, так молоко из дубовой струится
 Крышки, иль масляный сок под давленьем тяжелого
 гнета
 Каплями, догуста сжат, выступает из частых отверстий.
 Я же, увидев, что снять он с лежащего хочет доспехи,—
 440 Пусть это знает Пелей, твой отец,— всадил ему меч
 свой
 В недра нутра. Повалил и Хтония с Телебоадом
 Меч мой. Первый из них был вилоподобною ветвью
 Вооружен и дротом другой. Меня он поранил.
 Видишь ты знак? До сих пор этот шрам стародавний
 приметен.
 445 Надо тогда бы меня посылать завоевывать Пергам!
 Не одолеть — так сдержатъ великого Гектора руку
 Мог я рукою тогда; но тогда его не было вовсе
 Или он мальчиком был; а ныне мне возраст мешает.
 450 О Перифанте, в бою победившем кентавра Пирета,
 Или об Ампики что расскажу, который Оркла
 Прямо в лицопроколот неокованным древком терновым?
 Пелефронейца сразил Эригдуна, рожен ему всунув
 В грудь, Макарей,— вспоминаю, и я в подбрюшьи
 Кимелу
 Вставил большое копьи, что было завещано Нессом.
 455 Ты не подумай, что мог лишь грядущи судьбы
 пророчить
 Ампики детище, Мопс. Мопс дрот метнул, и на землю
 Пал двосвидный Одит, говорить он напрасно пытался:
 Был к подбородку язык, подбородок к гортанн
 приколот.
 460 Гибели предал Кеней пятерых, Аптимакха, Стифела,
 Брома, Гелима сразил и двуострой секирой Пиракма.
 Вспомнить я ран не могу; имена ж и число я приметил.
 Но вылетает Латрей, облаченный в доспехи Галеца,
 Коего он умертвил,— и руками и телом огромен.
 465 Возрастом был уж не юноша он, но еще и не старец:
 Силен по-юному был; а виски сединой уж пестрели.
 Шлемом своим и щитом, своей македонской красуясь
 Пикой, лицом обратясь к обоим враждующим станам,
 Вот он оружием потряс и, по-конски прошедшись
 по кругу,
 Бросил такие слова, горделивый, в пустое пространство:

470 «Я ли, Кенида, тебя потерплю? Век женщиной будешь,
Прежней Кенидою ты для меня. Тебя не смущает
Происхождение твое? Позабыла, за дело какое
Ты, как награду, мужской получила обманчивый образ?
475 Вспомни, кем ты родилась и что испытала. Иди же,
Сядь за корзинку свою; знай пальцем верти

веретенце, —
Битвы мужчинам оставь!» Пока говорил он так дерзко,
В беге растянутый бок Кеней разорвал ему дротом
В месте, где муж сочетался с конем: и завыл он

от боли,
В лик без забрала копьем он филейского юношу ранит;
480 Но отскочило копьё, как градины скачут от кровли
Иль если камешком кто в игральную кинул лопатку.
Вот подступаст кентавр и попытается в бок его твердый
Меч свой воизвить. Но мечу преграждается в тело
дорога.

«Нет, не сбежишь ты! Падешь, серединой меча
перерублен,

485 Коль острее притупилось!» — сказал и меч направляет
Наискось, сам же врага захватил уже длинной рукою.
Громко удар застонал, словно было из мрамора тело,
И разлетелось в куски лезвиё, об шею ударясь.

И, удивленному дав посмотреться на здоровые члены, —
490 «Ну-ка, — промолвил Кеней, — о твои тела испытаем
Наше оружие!» — и вмиг в плечо свой меч

смертоносный

До рукояти воизил и в мясе задвигал влепую:

Руку не раз повернул и ранами рану умножил.

Вот, во весь голос крича, полузвери бросаются, рьяны,

495 Копья свои на него одного направляют и мечут.

Копья, отрянув, лежат. Невредим под ударами всеми,

Не окровавлен ничуть пребывает Кеней элатеец.

Делом невиданным все поражаются. «Стыд нам

великий! —

Так восклицает Мониx. — Мы — народ — одному

поддаемся, —

500 Муж он, и то не совсем; пусть муж; но в слабости

нашей

Стали мы тем, чем он был. На что нам тела великанов?

Силы двойные к чему? И то, что двойная порода

В нас мощнейшие два существа воедино связала?

Нет, не богиня нам мать, и отец не Иксион, который

- 505 Столь был велик, что надежды свои простирал
на Юнону
Вышнюю. Мы же, к стыду, поддаемся врагу-полумужу!
Камни, стволы на него громоздите и целые горы!
Движьте леса на него, задушите живучую душу!
Лес пусть сдавит гортань: пусть раны бремя
заменит!»—
- 410 Молвил и, ствол увидав, безумною силою Австра
Сваленный, взял и его в противника мощного бросил.
То был пример остальным. В короткое время лишен был
Офрис деревьев своих, Пелиоп — без тени остался.
Страшным придавлен холмом, Кеней под грузом
деревьев
- 515 Борется, бешенства полн, и дубы, сам ими завален,
Держит на крепких плечах. Но, лицо закрывая и темя,
Тяжесть росла, и уже не хватало простора дыханью,—
Он между тем ослабел; не раз приподняться пытался,—
Но понапрасну,— и лес, на него понакиданный,
сбросить.
- 520 Двигался лес между тем; так Иды — что воп, перед
нами —
При колебашьях земли потрясаются склоны крутые.
Но неизвестен исход: уверяли иные, что тело,
Свергнуто грузом лесов, опустилось в пустоты Аида.
То отрицал Ампикид: он видел, как желтая птица
525 Вышла из груди дерев и в воздухе чистом исчезла,—
Видел ту птицу тогда я в первый раз и в последний.
Тут, созерцая ее, летевшую тихо над станом,
Хлопаньем крыльев своих широко оглашая округу,
Мопс, одинаково вслед и глазами несясь и душою,
530 Проговорил: «О, привет, прославление рода лапифов!
Муж величайший Кеней — а теперь небывалая птица!»
Верили все, ибо он так сказал. Скорбь гнев подогрела.
Тяжко нам было снести, что от стольких врагов
пострадал он,
И лишь тогда обогрять перестали мы кровью железо,
535 Как умертвили мы часть, часть — бегство и ночь
удалили».
- Так говорил о боях лапифов с кентаврами Нестор.
А Тлеподем огорчился, что тот позабыл про Алкида;
Перенести молчаливо не мог он досады и молвил
Так: «Удивительно мне, что дела Геркулесовой славы,
540 Старец, ты замолчал! Меж тем мне рассказывал часто
Сам мой родитель, как он одолел тучеродных». На это

Грустно философ в ответ: «Зачем вспоминать

понуждаешь

Беды мои, оживлять смягченное годами горе

И открывать, как отца твоего, пострадав, ненавижу?

545

Боги! Деянья его превзошли верою, всем миром

Он по заслугам ценим,— я их отрицать предпочел бы!

Но Деифоба ведь мы или Полидаманта не хвалим,—

Гектора даже,— врагу расточать кто станет хваленья?

Твой ведь когда-то отец крепостные Мессенши стены

550

Срыл, он Элиду и Пил — неповинные грады — разгрому

Предал; он меч и огонь в мой дом к родимым пепатам

Внес; о других умолчу, которых сгубил он; двенадцать

Было нас всех у Нелея сынов,— молодежи отборной,—

Все от ударов руки Геркулесовой пали — двенадцать,

555

Кроме меня. Что других победил он, то было понятно;

Периклимена лишь смерть поразительна; мог

по желанью

Облики он изменять и в прежние вновь возвращаться,—

Так соизволил Нептун, основатель Нелеева рода.

Периклимен, испытав понапрасну различные виды,

560

В птицу себя обратил, которая в согнутых лапах

Молнии держит небес и любезна владыке бессмертных.

Средствами пользуясь птицы, крылами и загнутым

клювом,

Крючьями острых когтей терзал он лицо человека.

Целясь в него, натянул тирийянин лук свой, чрезмерно

565

Меткий, и там в облаках несущего легким пареньем

Тело свое в высоте, у начала крыла поражает.

Рана ничтожна была. Но, раненьем разорваны, мышцы

Ослабевают, уж нет ни движенья, ни силы в полете.

Падает на землю он, крылом искалеченным воздух

570

Не в состоянье забрать. Стрела, что впилась неглубоко,

Вдавлена в мясо была всем грузом упавшего тела,

По верху боком пройдя, показалась слева из глотки.

И неужель твоего Геркулеса я должен деянью

Славить еще, о родосских судов предводитель

прекрасный?

575

Значит, не иначе я, как молчаньем об этих деяньях

Братьев своих отомщу. Но с тобою крепка моя дружба».

Сладости полные так Нелида уста заключили.

Только лишь старец замолк, вновь Вакхом наполнили

чашни.

С лож потом поднялись; ночь прочую сну посвятили.

- 680 Бог меж тем, чье копые управляет морскими волнами,
Сердцем отцовским болел, что сын в Сфенеиду-птицу
Был превращен, и жестокого стал ненавидеть Ахилла,—
Больше обычного гнев питает, памятливы кренко.
- 685 Целых два пятилетия прошло, как война продолжалась,
И обратился он так к длинновласому богу-сминфейцу:
«О милейший из всех сыновей громкозвучного брата,
Ставивший вместе со мной вокруг Трои ненужные стены!
Иль, на эти, упасть обреченные, глядя твердыши,
Ты не вздохнул? Иль тебе не прискорбно, что тысячи
пали
- 500 Храбрых защитников их? Иль еще — все другое
миную —
Гектора тень не встает, провлаченного вокруг Илиова?
Самый же лютый меж тем, самой кровожаднее брани,
Жив и доныне Ахилл, разоритель нам общего дела?
Только он мне попадись,— у меня он узнал бы, что
может
- 595 Этот презубец! Но раз уж сойтись не дано мне
вплотную
С недругом, ты погуби его тайной стрелою нежданно!»
Тот согласился. И вот, своему и Нептунову чувству
Одновременно служа, за облаком скрытый Делосец
В стан иллонский пришел и видит, что в гуще сраженья
600 Редкие стрелы свои в никому не известных ахейцев
Мечет Парис. Объявил себя бог и молвил: «Что тратишь
Стрелы на низкую кровь? Коль поли ты заботы
о близких,—
Так обратись на Ахилла, отмсти за погубленных
братьев!»
- 605 Молвил, а сам указал на Пелида, который железом
Рушил троянцев ряды, повернул его лук на героя,
Верным смертельным стрелам направленье давая
десницей.
- Ежели старец Приам, оплакав Гектора, ведал
Радость, то в этот лишь миг! Ахилл, победитель столь
многих!
- 610 Робкий тебя победил похититель супруги-гречанки!
Если тебе на роду было пасть под женским ударом,
То предпочел бы ты смерть от двукрылой стрелы
Фермодонта.
- Вот уже, трепет троян, краса и защита пеласгов,
Внуки Эака, герой, не ведавший равного в сечах,—
В пламени. Вооружил его бог, и сжег его он же.

615 Пеплом он стал, и осталось уже от героя Ахилла
Малая толика, чем едва бы наполнилась урна.
Слава, однако, жива и собою весь мир наполняет.
Мера такая ему соответствует, в этом величье
Стал несравненен Пелид и пучин не знает Аида.
620 Щит его спор возбудил, по нему догадаться ты мог бы,
Чьим был он раньше щитом. О доспехе сразились
доспехи.
Требовать щит ни Тидид, ни Аянт Онлеев не смеют,
Младший не смеет Атрид, ни старший боями и веком.
Также никто из других; и только лишь сын Теламона
625 С сыном Лаэрта одни уверепно ищут награды.
Но от себя отклонил Танталид затрудненье и зависть:
Всем он аргосским вождям приказал в середине их
стана
Сесть и передал им обсуждение соревнованья.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

Сели вожди, а толпа их венком окружала, и прынул
Перед лицо их Аянт, щитом семикожным владевший,
И, нетерпением горя и гневясь, он искоса взором
Берег сигейский обвел и суда и побережья; и, руки
5 Кверху воздев, говорит: «Юпитер свидетель, решаем
Спор мы в виду кораблей! И мне Улисс соревнует!
Не усомнился бежать он от пламени Гектора, я же
Пламя сдержал и пожар отвратил от ахейского флота.
Стало быть, дело верней состязаться лукавою речью,
10 Нежели биться рукой! Но не больно ретив я на слово,
Так же, как он — на дела. Насколько я в битве
жестокой
Острым оружием силец, настолько он — острою речью,
Незачем, думаю, мне о своих вам деяньях, пеласги,
Напоминать. Вы их видели. Пусть о своих он
15 Что без свидетельских глаз свершены и лишь ночи
расскажет,
известны!
Правда, награды большой я прошу. Но соперник
лишает
Чести меня. Как ни будь велика, для Аянта не станет
Гордостью тем овладеть, что надеждою было Улисса!
А для него — награда в самом состязании этом:
20 Будет Улисс побежден, но скажут: он спорил с Аянтом!
Я же — когда бы моя подверглась сомнению
доблесть —
И благородством велик, Теламоном рожденный,
который
Крепость троянскую взял, предводим Геркулесом
могучим,
И с пагасейским проник кораблем к побережью
Колхиды.

- 25 Он же Заком рожден, что суд над безмолвными правит,
Там, где Сизифа томит, эолийца, тяжелая глыба.
Вышний Юпитер его признает, называя открыто
Сыном своим; так, значит, Аянт от Юпитера третий.
Предков, однако же, ряд мне впрок не пошел бы,
ахейцы,
- 30 Ежели он у меня и с Ахиллом не был бы общим.
Он мне брат. Мне и братиши доспех. Иль потомок
Сизифа,
Вточь на него и лукавством своим и коварством
похожий,
В род Эакидов внесет имена постороннего рода?
Первым надел я доспех, до призыва еще, и за это
- 35 Мне же в доспехе отказ? И почтется сильнее, который
Взялся последним за меч и, ложным прикрывшись
безумьем,
Отговорился от битв,— я хитрее Улисса, но только
Меньше себе на уме. Навплиад обнаружил обману
Робкой души и его потащил в нежеланную сечу!
- 40 Лучшее ныне возьмет,— кто что-либо взять отказался!
Я же пусть чести лишусь, останусь без братиши дара,
Я, подвергший себя всем первым опасностям брани!
Лучше бы, правда, с ума он сошел иль поверили б
в это,
Чтобы товарищем нам не пришел под фригийские
стены
- 45 Этот внушитель злодейств! И тебя бы, потомок Пейнта,
Лемнос теперь не держал, а с тобой — преступление
наше.
Ныне — все знают о том — ты, скрытый в пещерах
дубравных,
Стоном сдвигаешь скалы, на виновника бед призывая
Должную кару. Коль есть божества, не вотще
призываешь!
- 50 Ныне ж, с нами одну приписавший как воин присягу,—
Горе! — один из вождей, унаследовавший Геркулесов
С тулом и стрелами лук, болезнью и голодом сломлен,
Сыт и одет иждивением птиц; на перпатах охотясь,
Тратит он стрелы свои, где таились троянские судьбы!
- 55 Все-таки жив Филоктет, оттого что не спутник Улиссу!
Так же покинутым быть Паламед предпочел бы
несчастный!
Был бы еще он в живых иль скончался б, наверно,
невиным!

- Этот же, бред не забыв, что ему на беду обернулся,
 Ложно в измене его обвинил; обвиненье сумел он
 60 И подтвердить: показал им самим же зарытое золото!
 Так иль изгнанием он, или смертью ахейские силы
 Уничтожал; так бьется Улисс, так страх возбуждает!
 Пусть красноречием он даже верного Нестора больше,
 Все-таки я не могу не признать, что Нестора бросить
 65 Было преступно, когда он, с мольбой обращаясь
 к Улиссу,
 Связанный раной коня, сам дряхлостью лет удрученный,
 Брошен товарищем был. Не выдумал я преступленье!
 Знает об этом Тидид. Призывая по имени, труса
 Он задержал, понося убежавшего в трепете друга!
 70 Боги на жизнь людей справедливыми смотрят очами.
 Просит о помощи тот, кто не подал ее; покидавший
 Будет покинут теперь: он сам приговор себе вынес.
 Кличет товарищей; я подбежал и гляжу: он трепещет,
 Бледен от страха, дрожит, приближенно чувствуя
 смерти.
- 75 Тяжкий поставил я щит и лежащего им прикрываю
 И — хоть мала эта честь — спасаю ничтожную душу.
 Если упорствуешь ты, вернемся на прежнес место,
 Всё да повторится: враг, и рана твоя, и обычный
 Ужас. Тансь под щитом и со мною за ним состязайся!
 80 А как я вырвал его, он, коего раны лишали
 Силы стоять, убежал, никакой не удержанный раной!
 Гектор предстал — и богов с собою в сражение вводит.
 Натиск встречая его, не один ты, Улисс,
 устранился б,—
 Храбрые даже, и те — столь сильный впушался им
 ужас,
- 85 Я же, когда ликовал он успеху кровавого боя,
 Тяжкое бремя метнув вблизи, его опрокинул,
 Как вызывал неприятелей он, я один отозвался;
 Тут умоляли вы все, чтоб жребий мне выпал, ахейцы;
 Ваши свершились мольбы. А когда об исходе той
 схватки
- 90 Спросите, — знайте, что я одолеть себя Гектору не дал.
 Все троянцы стремят и огонь, и железо, и громы
 Прямо на греческий флот: где снова Улисс златоустый?
 Тысячу ваших судов отстоял я, доподлинно, грудью, —
 В них же возврата залог. За суда наградите доспехом!
 95 Да и, по правде сказать, доспехам то большая почесть,
 Нежели мне самому, и наша сливается слава;

Нужен доспехам Аянт, доспехи не нужны Аянту.
 С этим пусть Реса сравнит итакиец и труса Долона
 Или Гелена еще Приамида и кражу Паллады! —
 100 Все совершалось в тени и все не без рук Диомеда!
 Если ж доспехи за столь вы дурные даете деянья,
 Их разделите: и часть Диомедова больше да будет!
 Для итакийца что в них? Он тайно, всегда безоружный,
 105 Делает дело; врасплох уловляет врага ухищреньем!
 Этот сияющий шлем, лучащийся золотом ясным,
 Будет помехой ему, обнаружит его сокровенность.
 Шлем ведь Ахилла надев, дулихийское темя не сможет
 Груза такого снести. Не в подъем оказаться тяжелым
 110 Может копье с Пелиона его невоинственной длани.
 Щит, на котором резьбой дан образ широкого мира,
 Робкой твоей не под стать, для хитрости созданной
 шуйце!
 Наглый! Что просишь доспех, от которого сам
 обессилешь?
 Если ж ахейский народ тебе его даст по ошибке,
 Будет врагу что отнять, но не будет ему утешенья.
 115 Бегство, которым одним, трусливейший, всех
 побеждаешь,
 Медленно станет, когда ты наденешь такие доспехи.
 К этому также прибавь, что редко в сражениях бывший
 Щит твой цел-невредим, а мой от ударов копейных
 Тысячью дыр прободен; ему и преемник потребен.
 120 Да наконец, что борьба на словах? Поглядим-ка
 на деле!
 Славного мужа доспех пусть бросят промежду врагами,
 Нам повелите сойтись, — одолевшего им украшайте!»
 Сын Теламона сказал, и, едва он закончил, раздался
 Ропот толпы. Но герой, потомок Лаэртвов, поднялся,
 125 Очи к земле опустив, помедлил немного и поднял
 Взор на ахейских вождей перед словом, которого
 ждали.
 Заговорил — красоты лишены его не были речи:
 «Если бы просьбы мои исполнялись и ваши, пеласги,
 Незачем был бы нам спор, не сомнителен был бы
 наследник.
 130 Ты бы оружием своим, мы — тобою б, Ахилл, обладали.
 Ныне ж, поскольку и мне и вам отказали в нем судьбы
 Несправедливые (он вытирал на очах своих будто
 Слезы), о, кто же бы мог наследовать лучше Ахиллу,
 Нежели тот, чрез кого получили данайцы Ахилла?

- 135 Впрок ли Аянту, что весь он таков, как виден спаружи?
Мне же во вред мой находчивый ум,— постоянно,
ахейцы,
Бывший вам впрок. Моему красноречью,— коль им
обладаю,—
Коим сейчас за себя, как, бывало, за вас, состязаясь,
Пусть не завидуют. Пусть что хорошего в ком, то
и будет.
- 140 Род, и предков, и все, чего мы не сами достигли,
Собственным не назову. Но Аянт заявил, что он будто
Правпук Юпитера,— пусть, но и нашего рода вивовник
Тоже Юпитер; и я от него на такой же ступени.
Ибо отец мне Лаэрт, а Аркесий — родитель Лаэрта,
145 Он же Юпитеру сын. Не проклят никто и не изгнан.
Также по матери род мой восходит к Киллению,—
в нем же
Знатность вторая моя. От бессмертных родители оба.
Но не затем, что по матери я родовитей Аяпта,
И не затем, что в братской кровí мой отец неповинен,
150 Этíх доспехов прошу. По заслугам дело решайте.
То, что два брата родных Теламон и Пелей, вы
не ставьте
Это в заслугу ему. При подобной добыче не крови
Происхожденье, но честь и доблесть должны уважаться;
Если же близость родства,— то найдется ближайший
наследник:
- 155 Если родитель Пелей, есть Пирр, его сын. Остается ль
Место Аянту? Доспех пусть в Скир отправят иль Фтию!
Также родился и Тевкр двоюродным братом Ахиллу,—
Разве же требует он, завладеть уповает оружием?
Значит, поскольку дела мы в пренье решаем открытом,
160 Более мной свершено, чем в краткую может вместиться
Речь, но меня поведет, однако ж, порядок событий.
Мать Нереида, прознав о грядущей гибели сына,
В женском наряде его утаила, и все обманулись —
Был в том числе и Аянт! — уловкой с заемной
одеждой.
- 165 С женским товаром ведь я оружие смешивал, чтобы
Мужеский дух возбудить. Но герой не бросал одеянья
Девы, доколе ему, стоявшему с торчем и дровком,
Я не сказал: «О богини дитя! Для тебя бережется
Пергама гибель. Чего ж ты колеблешься Трюю
повергнуть?»
- 170 Длань я его возбудил и храброго к храбым направил,

Значит, деянья его — и мои. Копьем покорил я
 Телефа, ведшего бой; он молил, побежден,— и помог я.
 Дело мое — и падение Фив; поверьте,— я Лесбос,
 И Тенедос, и Хрисею, и Килл,— Аполлоновы грады,—
 175 Также и Скир полонил; потрясенные этой десницей,
 Прахом на землю легли крепостные твердыни
 Лирнесса.
 Сб остальном промолчу,— но могущего справиться
 с лютым
 Гектором грекам я дал. Чрез меня пал доблестный
 Гектор.
 Нины оружием тем, которым я создал Ахилла,
 180 Дара прошу: живому вручил и наследовать вправе.
 Только позор одного остальных всех тронул данайцев,
 Тысяча наших судов стояла в Авлиде Эвбейской.
 Долго там ждем мы ветров, но не дуют они или флоту
 Противоборны; велят Агамемнону жесткие судьбы
 185 Деву невинную — дочь — заколоть для гневной Дианы.
 Но не согласен отец; на самых богов он разгневан;
 Все же родитель в царе говорит; я мягко словами
 Дух непокорный отца обернул на всеобщую пользу.
 Да, я теперь признаюсь,— Атрид извинит мне
 признание,—
 190 Перед пристрастным судьей защищал я пелегкое дело.
 Все ж побуждает его о народе забота и брате,
 Скифтра врученного власть, чтоб кровью платил он
 за славу!
 Послан и к матери я,— предстояло ее не советом
 Взять, но хитро обольстить. Когда бы пошел
 Теламонид,
 195 наших судов паруса до сих пор не имели бы ветра!
 Песлан и в крепость я был, в Илион,— дерзновенный
 оратор.
 Видал я сам, посетил совещание Трои высокой;
 Было мужами оно переполнено; я же без страха
 Вед поручённое мне всей Грецией общее дело.
 200 Мною Парис обвинен; добиваюсь казны и Елены.
 Тронут Приам и — Приама родня — Антёнор,—
 Парис же
 С братьями всеми и те, кто участником был
 похищенья,
 Руки сдержали едва нечестивые; ты это знаешь,
 О Менслай,— ведь первым с тобой разделил я
 опасность.

205 Долго докладывать вам, что, советами или рукою,
 Сделал полезного я за время войны долголетней.
 После начальных боев враги за стенами твердыни
 Долго сражались еще; возможности брани открытой
 Не было, и, наконец, уже год мы сражались десятый.
 210 Что же ты делал меж тем, ты, знающий только
 сраженья?
 Чем ты полезен бывал? О моих коль действиях
 спросишь,—
 Строю засады врагам; укрепляю окопы валами;
 Я утешаю своих, чтобы с кроткой душою спосили
 Скуку столь долгой войны; учу, как едой обеспечить,
 215 Вооруженьем людей,— я всюду, где требует польза.
 Вот, Юпитеру вняв, введенный в обман сновиденьем,
 Царь приказал отложить попеченье о начатой брани;
 Дело свое защищал, на внушителя дела ссылаясь.
 Но не допустит Аянт, разрушенья потребует Трои.
 220 В бой он —воитель —пойдет. Что ж он уходящих
 не сдержит?
 Что ж он оружия не взял? Не повел колебавшейся рати?
 Это не вдосталь тому, кто всегда говорит о великом?
 Как? Убегаешь и сам? Я видел, стыдился я видеть,
 Как ты показывал тыл, паруса недостойные ставил!
 225 Я не помедлил сказать: «Что с вами? Какое безумье
 Вас, о товарищи, мчит из-под Трои уйти осажденной?
 И на десятый-то год вы домой лишь позор принесете?»
 Этак и так говоря, красноречьем богат от страданья,
 Я отступивших сумел возвратить от бегущего флота,—
 230 И созывает Атрид товарищей, ужаса полных.
 Сын Теламона тогда и рот раскрыть не решился,
 В страхе молчал он; посмел на царей нападать
 дерзновенной
 Речью Ферсит, по его безнаказанным я не оставил.
 Я поднялся и дрожащих людей на врага возбуждаю,
 235 Требую в речи своей возвращения к доблести прежней.
 Если ж и после Аянт проявлял свою храбрость, заслуга
 В этом моя, ибо я возвратил показавшего спину.
 Кто, наконец, из данайцев тебя уважает и ищет?
 Ну, а со мною Тидид сочетает деянья; меня он
 240 Читит; он уверен, когда в со товарищи примет Улисса.
 Что-нибудь значит и то, что я меж тысяч данайцев
 Избран единый был им. Повеленья судьба не давала,
 Я же, однако, презрел от врага и от ночи опасность;

245 То же осмелясь свершить, Долоп, из народа фригийцев,
 Мног был убит,— но не раньше, чем я его выдать
 заставил
 Все, что готовила нам вероломно коварная Троя.
 Все я узнал, ничего мне выведывать не оставалось,
 И возвратиться назад с обещанной смог я добычей.
 Но не доволен еще, пропик до палаток я Реса,—
 250 В них и его самого, и товарищей всех уничтожил.
 Победопосен тогда, с желанною тайной и пленным,
 На колеснице своей в ликованьях въезжаю триумфа.
 В вооруженье того, чьих коней за ночную разведку
 Требовал враг, откажите же мне! Осчастливьте Аянта!
 255 Напоминать ли мне строй Сарпедона ликийца, который
 Опустошил я копьем! С великим пролитием крови
 Пал от меня и Керан Гипасид, и Аластор, и Хромий,
 И Пританид, и Алкаандр, и Ноэм поражен был, и Галий,
 Херсидаманта еще я гибели предал, Фоона,
 260 Также Харопа, еще рокового поверг я Эпнома,
 Многих известных не столь, моею распростертых рукою
 Около степ крепостных. У меня есть, граждане, раны
 Славные местом самим. Но слову не верьте пустому,—
 265 Вот, посмотрите! (Рукой он одежду отвел.) Перед вами
 Грудь, что всечасно,— сказал,— ради вашего дела
 трудилась.
 Но за товарищей сын Телемона в те долгие годы
 Крови не пролил! Его не отмечено ранами тело.
 Что же он вам говорит, что оружие за флот
 пеласгийский
 Оп подымал, говорит,— и на Трою с Юпитером даже?
 270 Да, подымал,— признаю, ибо доброе дело другого
 Я не привык отрицать. Достоянья пусть общего все же
 Не забирает один. Пусть каждому честь он оставит —
 Актора впуск отогнал, обеспечен обличьем Ахилла,
 Рати троян с их вождем, огню от судов обреченных.
 275 Думает он, что один он с Гектором, Марса любимец,
 Стал состязаться, забыв про царя, про вождей,
 про Улисса?
 В деле девятым он был, и дар ему выпал случайный.
 Вашего боя исход каков был, однако, о храбрый?
 Гектор из битвы ушел, ни единою раной не рапен.
 280 О я несчастный! О, как мне мучительно,— все же
 папомнить
 Вам принужден я о дне, в который — греков
 твердыня —

Умер Ахилл! Но мне ни слезы, ни стоны, ни ужас
 Не помешали поднять с земли велелепное тело.
 Плечи вот эти,— скажу,— да, плечи вот эти — Ахилла
 285 Тело несли и доспех,— носить его впредь добиваюсь!
 Силы достанет моей для поднятья подобного груза;
 Есть и душа у меня, чтобы вашу почувствовать почесть.
 И для того ль лазурная мать своим сыном гордилась,
 Чтобы подарок небес, творенье такого искусства
 290 Грубый вояка надел, чье сердце не чувствует вовсе?
 Изображенья щита, он и те разобрать не сумел бы,
 Где Океан и Земля, где с небом высоким созвездья,
 Сонмы Плеяд и Гиад, и Аркт, отрешенный от моря,
 Разные неба круги и сияющий меч Ориона.
 295 Дать ему просит доспех, для него самого непостижный!
 Он попрекает меня, что бежал я от тягостной брани?
 Что с опозданьем вступил в начатое дело? Но что же?
 Или не чувствует, что тем он величье злословит Ахилла?
 Ежели обман преступленьем зовет,— он обманывал
 300 Ежели медлить — вина, так был я его расторопней!
 Медлил я с милой женой, Ахилл же — с матерью
 то же!
 милый.
 Первое время мы им посвятили, а вам — остальное.
 Я не боюсь защищать преступленье, которое с мужем
 Я разделяю таким. Находчивым духом Улисса
 305 Был он, однако, пленен. Аянт не пленил же Улисса!
 Брань, что излил на меня он своим языком
 скудоумным,
 Мы без вниманья пройдем. Он и вам обвинения бросил
 Стыдные: или легко обвинять было мне Паламеда
 Гнусно в измене, а вам приговор ему вынести
 310 Сам не умел Навплиад защитить это мерзкое дело,
 Всем очевидное, вы не могли не признать
 преступленья
 Тоже; вы видели все,— в награде открылась улика.
 В том, что Пеантов сын на Вулкановом Лемносе пыне,
 Я не виновен ничуть; защищайте свое же деянье!
 315 Вы согласились на то. Я советовал,— не отрицаю,—
 Чтобы себя отстранил от трудов он войны и дороги
 И попытался смягчить жесточайшие муки покоем.
 Внял он,— и ныне живет; совет мой не только был
 верен,
 Но и удачен; ему и верности было б довольно!

320 Если пророки ему предназначили Пергам разрушить,
Не посылайте меня: пусть лучше пойдет Теламонид,
Пусть красноречием он взбешенного гневом и хворью
Мужа смягчит иль искусством любим возвратит его
ловко.

325 Раньше назад Симоид потечет, и безлесною Ида
Станет, и помощь подать обещают ахейцы троянам,
Нежели ваши дела перестану отстаивать грудью
Или же впрок вам пойдет скудоумного рвенья Аянта.
На сотоварищей пусть, на царя и меня ты в обиде,
Гневом ты полн, Филоктет! Пускай проклинаешь и эту
330 Голову не устаешь обрекать; чтоб тебе я попался,
Жаждешь в безумье; моей утолиться стремишься ты
кровью,—

Чтобы как ты у меня, так был у тебя я во власти.
Все же отправлюсь к тебе; увести постараюсь с собою;
И, коли даст мне судьба, овладею твоими стрелами,
335 Как овладел, захватив, прорицателем я дарданейцем,
Как я ответы богов и троянские судьбы проведаль,
Как потаенный кумир похитил фригийской Минервы
Прямо из гущи врагов... И со мною Аянт поравнялся?
Рок не позволил того, чтоб без них пленена была Троя,
340 Где же был храбрый Аянт? Где великого мужа реченья
Пышные? Страх почему? Улисс почему же решился
Мимо дозора идти, вручая судьбу свою почти?

Мимо свиреных мечей, не на стены троянские только,
В самую крепость, наверх взойти и похитить богиню
345 Прямо из храма, ее унести через вражьи заставы?
Не соверши я того, вотще Теламоном рожденный
Семь шкур бычьих тогда в руке своей левой держал бы!
В эту глубокую ночь родил я над Троей победу,
Пергам я тем победил, что сделал возможной победу.
350 Ты перестань и лицом и ворчаньем казать на Тидида
На моего! В тех славных делах и Тидидова доля.
Но ведь и ты, за суда наши общие щит выставляя,
Был не один,— но с толпой; одного мне достало,
который,—

Если бы только не знал, что задирчивый мудрого ниже
355 И никогда не дают наград необузданной длани —
Сам бы награды просил,— и Аянт скромнейший просил
бы,

Лютый в бою Эврипил, и преславного сын Андромона;
Также и Идомей, и из той же земли происшедший
Мерионей; попросил бы и брат старшего Атрида.

360 Хоть и могучи рукой, хоть в брани тебе они равны, —
 Мудрости все уступили моей. Ты в битве деспицей
 Действуешь; разумом — я, его осторожностью силен.
 Мошь проявляешь свою без ума. Я — будущим занят.
 Можешь ты биться в бою, но время для боя — со мною
 365 Определяет Атрид. Ты лишь силой телесной полезен,
 Я же — умом. Как тот, кто судно ведет, превосходит
 В деле гребца, как ратника вождь превышает,
пастолько
 Я превышаю тебя. Поверьте, в Улиссовом теле
 Мысли сильнее руки; вся мошь Улисова — в мыслях.
 370 Так, награду, вожди, дозорному вашему дайте!
 Ради столь многих годов забот, пеусыпных стараний
 Эту высокую честь присудите же мне по заслугам!
 Труд — подходит к концу. Отвел я враждебные судьбы.
 Пергам возвышенный взял, возможным взятие сделал.
 375 Именем общих надежд, стен Трои, упасть обреченных,
 Именем оных богов, у врагов отнятых, умоляю;
 Всем, что еще совершить премудрого мне остается;
 Всем, что отважного мне предстоит иль опасного
сделать.
 Если вы мните еще, что троянцы надеяться могут, —
 380 Не позабудьте меня! Если ж мне не дадите доспехов,
 Дайте вот ей!» — И клятву скрепил обращеньем
к Миисреве.
 Тронут старейшин совет; подтверждается мошь
красноречья:
 Велеречивый унес храбрейшего мужа доспехи.
 Тот, кто на Гектора шел, кто железо, огонь и ненастье
 385 Столько мог вынести раз, одного лишь не вынес —
досады.
 Непобедимый в бою — побежден был страданьем;
схватил он
 Меч и воскликнул: «Он — мой! Иль Улисс и на меч
посягает?
 Я подыму этот меч на себя; орошавшийся часто
 Кровью фригийской теперь оросится хозяинна кровью, —
 390 Чтоб Аянта никто не осилил, кроме Аянта!» —
 Так он воскликнул и в грудь, наконец получившую
рапу,
 Там, где проходит клинок, вонзил острие роковое.
 Сил не достало руке вонзенное вынуть оружие.
 Вышибло кровью его. А земля обогрешная вскоре
 395 Алый цветок родила на зеленом стебле, что когда-то

Был уж из крови рожден, излитой эвбалийскою раной,
 На лепестках у него посредине начертаны буквы —
 Жалобы отрока в них сливаются с именем мужа.
 А победитель поплыл в тот край, где жила Ипсипила
 400 Древле и славный Тоант, в ту гнусную землю,
 убийством
 Громкую стольких мужей,— вернуть тиринфские стрелы.
 После того, как он грекам привез их, вместе
 с владельцем,
 Долгой войне наконец завершение положено было.
 Пал Иллион и Приам; у несчастной супруги Приама
 405 Отнято все; наконец, пропал даже вид человеческий;
 Воздух чужой начала устрашать новоявленным лаем.
 Длинный где Геллеспонт замыкается узким проливом,
 Яркое пылало Иллион. Не стихало еще полыханье.
 Скучную кровь старика Приама Юпитеров выпил
 410 Жертвенник; тащат враги за волосы Фебову жрицу,
 И понапрасну она простирает молящие руки.
 Женщин дарданских меж тем, обнимавших еще изваянья
 Отчих богов, наполнявших толпой запылавшие храмы,
 Данью завидной с собою победителю-греки уводят.
 415 Сброшен и Астианакс с той башни, откуда столь часто
 С матерью он глядел на отца дорогого, который
 Бился и сам за себя и отстаивал прадедов царство.
 Вот уж отъезд поощряет Борей; дуновеньем попутным
 Тронуты, бьют паруса: не терять приказано ветра.
 420 «Троя, прощай! Нас увозят!» — кричат троянки, целуя
 Землю, прочь уходя от родимых дымящихся кровель.
 И на корабль последней сошла — было жалостно
 видеть! —
 Между сыновних могил найдённая мать Гекуба,
 Их обнимавшая, прах целовавшая,— но дулихийцев
 425 Руки ее повлекли; зачерпнула лишь пригоршню пепла,
 В плен с собой унесла, за пазухой, Гектора пепел.
 И на надгробном бугре оставила Гектору волос,—
 Скучный покойнику дар,— седой свой волос да слезы.
 Есть, где Троя была,— напротив,— фригийская область,
 430 Край бистонийских мужей. Полиместора пышное
 царство
 Там находилось. Ему, Полидор, отец тебя отдал
 На воспитанье, стремясь удалить от фригийских
 сражений,—
 Мудрая мысль, когда бы тебе не вручил он великих
 Цепностей — злему соблази, раздражение алчного духа!

- 435 Только фортуна троян в прах пала, безбожный
фракийский
Царь свой выхватил меч и воцпил его в горло питомцу.
Сделал — и, словно могло преступление с телом
исчезнуть, —
Труп бездыханный низверг с утеса высокого в море.
Флот свой Атрид между тем привязал у фракийского
брега:
- 440 Ждали, чтоб стихла волна, чтобы ветер подул
дружелюбный.
Вдруг там, — ростом таков, каким его знали живого, —
Из-под земли, широко разошедшейся, лик показал свой
Грозный Ахилл, — таким появился, каким он когда-то
Несправедливым мечом умертвить Агамемпона думал.
- 445 «Вы, позабыв обо мне, отправляетесь ныне, ахейцы?
Вместе со мной умерла ль благодарность за подвиги
наши?
Нет! Пусть могила моя не лишается чести, — угодно
Тебе Ахилла, чтоб ей на алтарь пришели
Поликсену!» —
- 450 Молвил. За дело взялись, и в угоду безжалостной тебе
С груди у матери, чьей лишь она оставалась опорой,
Сильная в горе своем и старше, чем женщина, дева
Подведена к алтарю — костра погребального жертва.
В полном владенье собой, приведенная перед жестокий
Жертвенник, чужа, что ей это дикое действо готовят,
- 455 Видя, как рядом стоит, железо держа, Неопто́лем,
Как на лицо ее взор устремляет упорный, сказала:
«Время настало пролить благородную кровь. Так не надо
Медлить. Как хочешь, рази; иль в грудь, иль в горло
оружье
Смело воцпай! — и она себе горло и грудь
приоткрыла, —
- 460 Рабство у чуждых людей ужели спосить Поликсене —
А через этот обряд примирю я божественность чью-то.
Но я хочу, чтобы мать о моей не узнала кончипе;
Мать мне помехой, она уменьшает мне гибели радость,
Хоть не о смерти моей, а о жизни своей горевать ей.
- 465 Вы же, чтоб я не пришла несвободною к манам
стигийским,
Прочь отойдите, — прошу справедливого.
Не прикасайтесь
К деве мужскою рукой. Кто б ни был тот мертвый,
который

- Должен быть смертью моею успокоен, ему же угодней
 Будет свободная кровь. И если последние могут
 470 Тронуть вас просьбы мои,— так дочь вас просит
 Приама,
 Не полонянка! Молю: без выкупа труп мой отдайте
 Матери. Право она на печальный обряд не за золото
 Купит — за слезы свои. А раньше б за золото купила».
- 475 Молвила так, и народ слёз, сдержанных ею, не в силах
 Доле сдержать; и даже сам жрец, в слезах, неохотно
 Острым оружием своим полоснул по подставленной
 груди.
- И, к обгащенной земле припав ослабевшим коленом,
 Миг свой последний с лицом безбоязненным встретила
 дева.
- 480 Даже теперь прикрывала она, что таить подобало,—
 И при падении все ж сохраняя стыдливости прелесть.
 Взяли троянки ее; Приамидов, оплаканных раньше,
 Воспомянули,— всю кровь, единым пролитую домом!
 Дева, они о тебе голосят; о тебе, о царица
 485 Мать и царица жена, цветущей Азии образ! —
 Ныне убогая часть добычи, которой не взял бы
 И победитель Улисс, когда бы она не рождала
 Гектора. Добыл, увы, господина для матери Гектор!
 Тело немое обняв, где не стало столь сильного духа,
 Слезы,— их столько лила над отчизной, сынами,
 супругом,—
- 490 Ныне над дочерью льет; льет слезы на свежую рану,
 Ртом приникает ко рту и в привыкшую грудь
 ударяет.
- Так сединами влачась по крови запекшейся, много
 Слов говорила она,— так молвила, грудь поражая:
 «Дочь, о последнее ты — что ж осталось? — матери
 горе!
- 495 Дочь, ты мертва. Вижу рану твою, и моя она рана!
 Вот,— чтоб никто из моих не погиб ненасильственной
 смертью,—
 Заклана ныне и ты. Как женщине — я рассуждала —
 Меч не опасен тебе; от меча ты — женщина — пала.
 500 Бедных братьев твоих и тебя уничтожил единый —
 Трои гибель — Ахилл, сиротитель Приамова дома.
 После того, как он пал, Парисом застрелен и Фобом,
 Я говорила: теперь перестанем бояться Ахилла!
 Все ж бояться его я должна была. Даже и пепел
 Род преследует паш; находим врага и в могиле.

505 Я плодородна была — для Ахилла! Великая Троя
 Пала; печальным концом завершились несчастья
 народа,—
 Коль завершились они. Одной мне Пергам остался.
 Горе в разгаре мое. Недавно во всем изобильна,
 Столько имел и детей, и зятьев, и невесток, и мужа,—
 510 Пленницей нищей влачусь, от могил отрешенная
 милых,
 В дар Пенелопе. Меня, за уроком моим подневольным,
 Женам итакским перстом указуя,— «Вот Гектора,—
 скажет,—
 Славная мать. Вот она, Приамова,— молвит,—
 супруга».
 После стольких потерь ты мне — одно утешенье
 515 Слез материнских моих — погребенье врага очищаешь!
 Дар поминальный врагу родила! Иль я из железа?
 Медлю зачем? Для чего мне потребна проклятая
 старость?
 Жизнь старухи теперь бережете, жестокие боги,
 Или для новых еще похорон? Кто мог бы подумать,
 520 Что и Приама сочтут после гибели Трои счастливым?
 Счастлив он смертью своей, что тебя, моя дочь,
 не увидел
 Он убиенной и жизнь одновременно с царством
 оставил!
 Но удостоишься ты похорон, быть может, царица?
 Тело положат твое в родовых усыпальницах древних?
 525 Не такова Приамидов судьба; приношением будет
 Матери плач для тебя да песка чужеземного горстка.
 Вот я утратила все. Остается одно, для чего я
 Краткую жизнь доживу,— любимое матери чадо,
 Пыне единый, в былом наименьший из рода мужского,
 530 В этом краю, Полидор, врученный царю исмарийцев.
 Что же я медлю меж тем жестокие раны водою
 Свежей омыть и лицо, окропленное кровью
 враждебной?»
 Молвит и к берегу вод подвигается старческим шагом,
 И, распустив седины,— «Кувшин мне подайте,
 троянки!» —
 535 Молвила в горе, черпнуть приготовившись влаги
 прозрачной.
 Видит у берега вдруг — извергнутый труп Полидора,
 Раны ужасные зрит, нанесенные дланью фракийца.
 Вскрикнули жены троян, она — онемела от боли.

540 Ровно и голос ее, и внутри закипевшие слезы
 Мука снедает сама; подобная твердому камню,
 Остолбенела она: то в землю потупится взором,
 То, поднимая чело, уставится в небо, иль смотрит
 Сыну лежащему в лик, иль раны его созерцает,—
 545 Раны особенно! Гнев и оружие дал и решимость.
 Гневом как только зажглась,— поскольку царицей
 осталась,—
 Постановила отмстить и в возмездие вся углубилась.
 Как, если львенка отнять у нее, разъярится львица
 И по недавним следам за незримым врагом выступает,
 Так и Гекуба, смешав в груди своей гнев и страданье,
 550 Силы души не забыв, но забыв свои поздние годы,
 Шла к Полimestору в дом, к виновнику злого убийства.
 И побеседовать с ним попросила,— как будто, мол, хочет
 Злата остаток ему показать, предназначенный сыну.
 Просьбе поверил Одриз, любить приобывший наживу.
 555 Вот потаенно пришел — хитрец — с выраженьем
 любезным.
 «Ждать не заставь,— говорит,— о Гекуба, дай сыну
 подарки,
 Все, что ни дашь,— что и раньше дала,— его
 достоянье,
 В том я богом клянусь!» И Гекуба в ужасе смотрит,
 Как он клянется и жет,— нарастает в ней гнев
 запывавший.
 560 Вот уж он схвачен толпой поломянок троянских;
 Гекуба
 Ринулась; пальцы ему в вероломные очи вдавила
 И вырывает глаза; от гнева становится сильной;
 И погружает персты, залитые кровью преступной,
 Даже не очи — их нет! — но глазницы рукой
 выскребают.
 565 Тут, разъярясь на уроц, нанесенный владыке,
 фракийцы
 Копья и камни кидать, нападенье ведя на троянку,
 Начали было. Она же за кинутым камнем с ворчаньем
 Бросилась вдруг и его захватить уж старалась зубами.
 Молвить хотела, но лай раздался. Сохранилось то
 место —
 570 Так и зовется оно. О старых несчастьях помня,
 Долго, тоскуя, она в ситонийских полях завывала.
 Участь ее — троянцев родных, и враждебных пеласгов,
 И олимпийцев самих не могла не растрогать, и боги,

И между ними сама Громовержца сестра и супруга,
575 Все отрицали, чтоб так по заслугам свершилось
с Гекубой.

Хоть дарданийцев успех боевой поощрила Аврора,
Тронуть ее не могли злосключенья Гекубы и Трои:
В сердце забота своя, домашнее горе богиню
Мучит,— Мемпопова смерть. Мать видела в поле
фригийском,

580 Что поразило его копье золотое Ахилла.
Видела бедная мать, и румянец, которым алеет
Утренний час, побледнел, и покрылось тучами небо.
И не могла помириться она, что его не сложили
На погребальный костер. Какою была, распустивши
585 Волосы в горе, припасть к коленам Юпитера с просьбой
Не погнушалась и так со слезами ему говорила:
«Я, низжайшая всех, на златом обитающих небе,—
Ибо лишь редкие мне воздвигаются храмы по миру,—
Все же богиня — пришла; не затем, чтобы ты мне

590 Дал иль обетные дни с алтарями, готовыми к жертвам.
Если ты вспомнишь,— хоть здесь предстала я
женщиной ныне,—
Что с новоявленным днем охраняю я ночи пределы,—
Дара достойной сочтешь! Но забота не та, не такое
В сердце Авроры теперь, чтоб требовать почести
должной.

595 Мемпона я своего потеряла. Напрасно за дядю
Поднял оружие он; сраженный в возрасте раннем,
Мертвым от мощного пал — так вы возжелали! —
Ахилла.

Честь, умоляю, ему окажи в утешение смерти,
Высший правитель богов, облегчи материнскую рану!»
600 И согласился Отец. Едва лишь огнем был разрушен
Мемпона гордый костер, и скопления черного дыма
Застыли день,— подобно тому как река зарождает
И испаряет туман, лучи не пускающий солнца,—
Черная сажа, сгустясь, полетела, собирается в тело,
605 Приобретает лицо, от огня теплоту принимает,
Также и душу свою, а от собственной легкости —
крылья.

С птицею схожа была изначала,— и подлинно птица
Затрепетала крылом; такие же сестры трепещут,
Ненсчислимые; их всех одинаково происхождение.

610 Трижды кружат над костром; широко раздается
согласный
Трижды их крик; на четвертый пролет разобьются
станы.

Уж с супротивных сторон два разных свирепых народа
Битву ведут меж собой, и клювы и когти кривые
В гневе сцепив, грудь с грудью биясь, на лету
притомляясь.

615 В пепле костра рождены, тела их, как дар
погребальный,
Падают. Помнят они, что из мощного созданы мужа.
Имя создатель их дал внезапно явившимся птицам:
Их «мемноиды» зовут; лишь солнце исполнит
двенадцать
Месяцев, бьются опять, чтоб гибнуть в войне
поминальной.

620 Пусть для других огорчительно зреть, что Димантида
ласт:
Горем Аврора своим занята, проливает и ныне
Слезы о сыне своем, и повсюду на свете — росится.

Но, чтобы с гибелью стен надежды покончились

Трои,

625 Рок не сулил. Святыни несет и — другую святыню —
Старца-отца на плечах, груз чтимый, герой Кифереи.
Выбрал из стольких богатств благочестный лишь эту
добычу,
С милым Асканием. Он через море с изгнаником
флотом
Вдаль, от Антандра, плывет. Минует он берег проклятый
Фракии, гнусный предел, где кровь пролилась

Полидора.

630 И при попутных ветрах и волнении благоприятном
Он и товарищи с ним Аполлонова града достигли.
Аний в том граде как царь — людей, как жрец —

Аполлона

Блюл благочестно. Гостей и в храме он принял и дома.
Город он им показал и святыни — дары посвященья:
635 Два показал им ствола, что Латона при родах держала.
Ладап в огонь положив и вина возлиавши на ладан,
В жертву закланных быков, по обычаю, мясо изжарив,
Входят они во дворец. К коврам прислонившись

высоким,

Стали Цереры дары принимать со струящимся Вакхом.

- 640 Рек благочестный Анхиз: «О избранный Феба
служитель,
 Иль ошибаюсь? Когда эти стены я видел впервые,
 Сыц — мне помнится — был у тебя с четырьмя
дочерьими?»
 Аний, головой покачав, окаймленную белой тесьмою,
 Молвил печально в ответ: «Ты, великий герой,
не ошибся!
- 645 Верно: детей пятерых ты меня обладателем видел.
 Ныне же — так-то с людьми судьбы превратность
играет! —
 Видишь бездетным почти. Ибо помощь какая от сына,
 Если отсутствует оп? В земле, по нему нареченной,
 В Андрее, он вместо отца владеет престолом
и царством.
- 650 Делий ему даровал предсказания дар, но иное
 Либер дал сестрам его, превыше желаний и веры,
 Качество дивное: все от моих дочерей прикасанья
 В хлеб, иль во влагу лозы, или в ягоды девы Минервы
 Преобращалось; тот дар приносил нам великую пользу.
- 655 Слух лишь об этом дошел до рушителя Трон, Атрида,—
 О, не подумай, что мы сторопой не почуяли тоже
 Бури, прошедшей у вас! — оп силой оружия насильно
 С лона отца их увлек и дал приказание девам,
 Чтобы аргивия суда дарованьем небесным питали.
- 660 Кто куда мог, разбежались они. На Эвбею укрылись
 Две из моих дочерей, две приняты братиным Андром.
 Воин пришел и войною грозил, если их он не выдаст.
 Братское чувство сломил воздаяния страх, и сестер он
 Выдал: ты мог бы найти извинение робкому брату,—
- 665 Не было там ведь Энея при нем, чтоб за Андр
заступиться,
 Гектора не было, с кем продержались вы два пятилетия!
 И для плененных уже приготовили поручней цепи,—
 Но, протянув к небесам до времени вольные руки,—
 «Вакх-отец, помоги!» — возопили. И дара виновник
- 670 Девам помог, если помощью мы назовем, что он чудом
 Преобразил их. Но как потеряли они человечесий
 Облик, не мог я узнать, и сейчас объяснить не сумел бы.
 Знаю про горе — и все. Поднялись на крылах,
обратились
 В птиц супруги твоей, белоснежными став голубьями!»
- 675 Так о том, о другом разговоры ведя, завершили
 Пир свой, убран и стол, и все расходятся вскоре

- Спать. На заре поднялись и пошли к прорицалищу
 Феба,
 И приказал он им плыть к их матери древней,
 к побережьям
 Родственным. Царь их пришел проводить и дары
 предлагает:
- 680 Скипетр Анхизу поднес; Асканию — лук и хламиду;
 Дал он Энею — кратер, что был ему прислан когда-то
 От Аонийских берегов побратимом, именцем Ферсеем.
 Прислан Ферсеем он был; изготовлен же был он
 гилейцем
 Алконом; вырезал тот на кратере предметов немало.
- 685 Град там виделся; врат показать ты мог бы седмицу
 Имени града взамен: он был по вратам узнаваем.
 А перед градом — обряд погребальный, костры
 и надгробья,
 Волосы жен по плечам, обнаженные груди — все явно
 Обозначало печаль, и плачут, как некие нимфы
- 690 Возле сухих родников. Торчит одиноко нагое
 Дерево; козы среди раскаленных блуждают каменьев.
 Посередине же Фив дочерей он явил Ориона:
 Вот не по-женски свое подставляет открытое горло
 Дева; другая, припяв бестрепетной раной оружие,
 695 Мертвой легла за народ. Несут их по граду роскошным
 Шествием скорби и вот сжигают на месте отменном.
 А между тем изошли близнецы из девичьего пепла,
 Юношей двое, чтоб род не погиб; Коронами люди
 Их нарекли; с торжеством они матери прах провожают.
- 700 А над рядами фигур, отливавших старинною бронзой,
 По верху этот кратер золоченым колосою акафтом.
 Но не беднее дары и трояне в ответ преподносят:
 Ими подарен жрецу сосуд, фимиама хранитель,
 Чаша и пышный венец, золотой, в драгоценных
 камнях.
- 705 Вспомнили путники тут, что тевкры от Тевкровой крови
 Род свой ведут, и на Крите сошли; но спосить лишь
 недолго
 Тамошний воздух могли; оставив со ста городами
 Остров, стремятся скорей достигнуть портов
 Авсонийских.
- 710 Буря встает и треплет людей. Принимают Строфады
 В порты неверные их, устрашает их птица Аэлло.
 Вот уж Итаку они, дулихийские порты, и Самос,
 И керитийский предел, лукавого царство Улисса,—

- Все миповали; потом Амбракию, бывшую спорной
 Между богов; и судьи, обращенного в камень, обличье
 715 Видят, что всюду теперь Аполлоном зовется Актийским;
 Землю Додоны прошли со священным глаголющим
 дубом,
 И хаонийский залив, где дети владыки Молосса
 На обретенных крылах избежали когда-то пожара.
 Вскоре феанов поля, с благодатным плодов урожаем,
 720 Также Эпир посетили, Буфрот, где вешатель
 фригийский
 Царствовал, и, наконец, новозданную новую Трою.
 Зная грядущее все, что открыл им советник надежный,
 Чадо Приама, Гелен, они в сиканийские входят
 Гавани. Три языка протянула Сикания в море.
 725 Первый из мысов, Пахиц, обращен к дождепосному
 Австру,
 К мягким Зефирам другой, Лилибей; Пелор же,
 последний,
 Смотрит к Борею, на Аркт, никогда не сходящийся
 с морем.
 Тевкры к нему подошли; на веслах и с ветром
 попутным
 Почью пристали суда к песчаному берегу Занклеи.
- 730 Скилла тут справа, а там беспокойная, слева,
 Харибда
 Буйствуют: эта корабль пожрет, захватив, и извергнет;
 Той же свирепые псы ополсали черное лоно, —
 Девье при этом лицо у нее. Коль поэтов наследье
 Все целиком не обман, то когда-то была она девой.
 735 Много просило ее женихов; и всех отвергая,
 К нимфам морским — ибо нимфам была она очень
 любезна —
 Шла и рассказы вела о любви молодых несчастливцев.
 Волосы как-то ей раз давала чесать Галатея
 И обратилась к ней со словами такими, вздыхая:
 740 «Все-таки, дева, тебя добиваются люди, не злые
 Сердцем, а ты отвергать их всех безнаказанно можешь!
 Я же, которой отец — Перей, лазурной Дориды
 Дочь, у которой сестер охранительный сонм, не иначе,
 Как по воде уплывя, избежала Циклоповой страсти».
 745 Тут говорящей слова остановлены были слезами;
 Дева же, вытерев их беломраморным пальцем,
 богиню

Так утешать начала: «Ты мне Расскажи, дорогая,
Можешь довериться мне, не скрывай причину
страданья!»

И Нереида в ответ Кратеиной дочери молвит:
750 «Акид здесь жил, порожден Семетидою нимфой
от Фавна.

Матери он и отцу утешенным был превеликим,
Больше, однако же,— мне. Ибо только со мною
красавец

Соединился. Всего лишь два восьмилетья он прожил;
755 Были неясным пушком обозначены нежные щеки.
Я домогалась его, Циклоп же — меня, безуспешно.
Если ты спросишь теперь, что сильнее в душе моей
было,

К Акиду нежная страсть или ужас к Циклопу,—
не знаю.

Были те чувства равны. О Венера-кормилица, сколько
Мощи в державстве твоём! Ибо этот бесчувственный,
страшный

760 Даже для диких лесов, безопасно которого встретить
Не привелось никому, презритель богов олимпийских,
Знал, что такое любовь. Ко мне вожделем охвачен,
Весь он горит. Позабыл он и скот, и родные пещеры.
Даже заботиться стал о наружности, нравиться хочет.

765 Гребнем ты, Полифем, торчащие волосы чешешь,
Вот захотел он серпом бороды пообрезать щетину,
Чтобы на зверский свой лик любоваться, его
приобразив.

Дикость, страсть убивать и крови безмерная жажда —
Их уже нет. Приплывают суда, отплывают спокойно.

770 Телем в то время как раз к сицилийской причаливший
Этис,

Телем, Эврима сын, никогда не обманутый птицей,
К страшному всем Полифему пришел и промолвил:

«Единый
Глаз твой, который на лбу, добычею станет Улисса!»

Тот засмеялся в ответ: «Из пророков глупейший,
ошибся

775 Ты. Он — добыча другой!» Так истины слово презрел
он,—

Тщетно! То, берег морской измеря шагами гиганта,
Почву осаживал он, то усталый скрывался в пещеру.
Клином, длинен и остер, далеко выдвигается в море
Мыс, с обоих боков омываем морскою волною.

- 780 Дикий Циклоп на него забрался и сел посередке.
 Влезли следом за ним без призора бродящие овцы.
 После того как у ног положил он сосну, что служила
 Палкой пастушьей ему и годилась бы смело на мачту,
 Взят он перстами свирель, из сотни скрепленную
 дудок,
- 785 И услышали его деревенские посвисты горы,
 И услышали ручьи. В тени, за скалою укрывшись,
 С Акидом нежилась я и внимательным слухом ловила
 Издали песни слова, и память мне их сохранила.
 «Ты, Галатея, белей лепестков белоснежной лигустры.
- 790 Вешних цветущих лугов и выше ольхи
 длинноствольной,
 Ты светлей хрусталя, молодого игривей козленка!
 Глаже ты раковин тех, что весь век обтираются
 морем;
 Зимнего солнца милей, отрадней, чем летние тени;
 Гордых платанов стройней, деревьев щедрее плодовых;
- 795 Льдинки прозрачнее ты; винограда поспевшего слаще.
 Мягче творога ты, лебязьего легче ты пуха,—
 Если б не бегала прочь! — орошенного сада
 прелестней,
 Но, Галатея,— быков ты, еще не смиренных, свиреней,
 Зыбких обманчивых струй и тверже дубов суковатых,
 Веток упорней ветлы, упорней лозы белолистой;
- 800 Горных ты бешеных рек, неподвижнее этих утесов;
 Жгучее пламени ты, хваленых падменней павлинов;
 Трибул ты сельских грубей; лютее медведицы стельной;
 Глуше, чем моря прибой, беспощадней задстой гадюки.
- 805 И,— это прежде всего, кабы мог, у тебя бы я отнял! —
 Ты убегаешь быстрее оленя, гонимого звонким
 Лаем, и даже ветров дуновенья воздушного легче.
 Если б ты знала меня, не бежала бы, но прокляла бы
 Ты промедленья свое, меня удержать бы старалась.
- 810 Есть у меня на горб с нависающим сводом пещеры,
 Даже и в лета разгар у меня не почувствуешь
 солнца,—
 И не почувствуешь стуж. Под плодами сгибаются ветви;
 Есть на лозах витых подобные золоту гроздя,
 Есть и пурпурные. Те и другие тебе сберегаю.
- 815 Будешь своєю рукой под телью рожденные леса
 Нежные ягоды брать; рвать будешь осенние терны,
 Слив наберешь — не одних от черного сока багровых,
 Но и других, благородных, на воск весенний похожих.

Станешь мою женой,— недостатка не будет

в каштанах,

820 Да и во всяких плодах: к услугам твоим все деревья.
Этот вот скот — весь мой, и немало в долинах пасется;
Много укрыто в лесу, но много и в хлевах пещерных.
Если спросишь меня — числа я назвать не сумею;
Бедным — подсчитывать скот. Коль его я расхваливать
буду,

825 Ты не поверишь словам. А придешь — так сама
убедишься,

Как еле-еле несут напряженное вымя коровы.
Есть — приплод молодой — ягнята в теплых овчарнях,
Есть и ровни ягнят — в других овчарнях козлята.
Век белоснежное есть молоко. Для питья остается

830 Часть. Другую же часть сохраняют творожные сгустки.
И не простые дары тебя ждут, узнаешь и больше
Радости: лани там есть, и зайцы есть там, и козы,
Там и чета голубей, и гнездо с древесной вершины.
Двух я недавно сыскал,— играть они могут с тобою,—
835 Сходных друг с другом во всем настолько, что ты
ошибешься,

Там на высоких горах волосатой медведицы деток.
Я их достал и сказал: госпоже сохраним их в подарок!
Вынырни только — пора! — головой из лазурного моря!
О Галатея, приди! Подарков моих не отвергни!

840 Знаю свое я лицо: в отражении влаги прозрачной
Видел себя я на днях, и моя мне понравилась
внешность.

Как я велик, посмотри! Не крупней и Юпитер на небе
Телом,— уж если у вас повествуют, что миром какой-то
Правит Юпитер. Мои в изобилии волосы пали

845 На запрокинутый лоб и, как лес, затемяют мне плечи.
Ты о щетине густой, на всем моем теле торчащей,
Дурно не думай, затем что без зелени дурпы деревья;
Конь — коль на шее его золотая не треплется грива;
Птиц покрывает перо; для овец их шерсть — украшенье.

850 Муж красив бородой и колючей щетиной на теле.
Глаз во лбу у меня единственный, величиною
Вроде большого щита. Что ж? Разве великое солнце
В мире не видит всего? А глаз его круглый единствен.

855 Будет он свекром тебе. О, сжался, молителя просьбы
Выслушай! Ибо одной твоей покоряюсь я власти.
Я презираю Эфир и Юпитера с молнией грозной,—

По лишь тебя, Неренда, боюсь. Свирепее гнев твой
 Молний. Отвергнутый, я терпеливее был бы, пожалуй,
 860 Если б бежала ты всех. Но зачем, оттолкнувши
 Циклопа,
 Акида любишь, зачем моих ласк милей тебе Акид?
 Пусть он плещется собой и пленяет тебя, Галатея,—
 Хоть не хочу я того! Но случаю дай подвернуться,—
 865 Сразу почувствует он, сколь мощно подобное тело!
 Проволоку за кишки, все члены его раскидаю
 В поле и в море твоём,— там пусть он с тобою
 сойдется!
 Я пламенею, во мне нестерпимый огонь взбушевался,—
 Словно в груди я ношу всю Этну со всей ее мощью,
 Перенесенной в меня! Но тебя, Галатея, не тронешь!»
 870 Попусту так попяля (мне все было издали видно),
 Встал он и, бешен, как бык, с телицей своей
 разлученный,
 Не в состоянии стоять, по лесам и оврагам блуждает.
 Нас, не видавших его, не боявшихся дела такого,
 Лютый заметил Циклоп и вскричал: «Все вижу, и этот
 875 Миг да будет для вас последним мигом любовным!»
 Голос его был таков, какой подобает Циклопу
 В бешенстве: криком своим устрошил он высокую Этну.
 Я, испугавшись, спешу погрузиться в соседнее море.
 А Семетидии герой убежал, обращаясь тылом,
 880 И говорил: «Помоги, Галатея! Молю! Помогите,
 Мать и отец! Во владеньях своих от погибели
 скройте!»
 По настигает Циклоп. Кусок отломал он утеса
 И запустил. И хотя лишь одной оконечностью камня
 В Акида он угодил, целиком завалил его тело.
 885 Я совершила тут все, что судьбы свершить дозволяли,
 Чтобы прадедову мощь получил погибающий Акид.
 Алая кровь из-под глыбы текла; чрез короткое время
 Слабый пурпуровый цвет исчезать начинает помалу.
 Вот он такой, как у рек от весешнего первого ливня;
 890 Вскоре очистился; вот зияет, расколота, глыба,
 И из расщелин живой вырастает тростник торопливо,
 Рот же отверстый скалы зазвучал извергаемой влагой,
 Дело чудесное! Вдруг выступает, до пояса виден,
 895 Юноша, гибкими он по рогам оплетен камышами,
 Он,— когда бы не рост и не лик совершенно
 лазурный,—
 Акидом был. В самом деле уже превратился мой Акид

В реку: доныне поток сохранил свое древнее имя». Кончила свой Галатея рассказ, и сонмом обычным Врозь разбрелась и плывут по спокойным волнам

Нереиды.

900 Скилла вернулась; она не решилась в открытое море Плыть. По влажным пескам сначала нагая блуждает, Но, притомясь и найдя на заливе приют потаенный, В заводи тихой свое освежает усталое тело.

905 Вдруг, разрезая волну, гость новый глубокого моря, Переменивший черты в Антедоне Эвбейской недавно, Главк предстает,— застыл в вожделье к увиденной деве!

И, уповая, что он побежавшую сдержит словами, Вслед ей кричит; она же быстрее от испуга несется И достигает уже вершины горы падбережной.

910 Прямо из моря встает, одним острием поднимаясь, Голый огромный утес, над морем широким нависший. Остановилась там и в месте спокойном, не зная,

Чудище это иль бог, в изумленье дивуется цвету И волосам пришедеа, покрывавшим и спину и плечи, 915 И что впризу у него оконечность извиистой рыбы.

Главк приметил ее и, на ближнюю глыбу опершись, Молвил: «Не чудище я, не зверь я дикий, о дева! Нет, я бог водяной. Прав больше Протей не имсет В глуби морской, ни Тритон, ни сын Атаманта

Палéмон.

920 Раньше, однако, я был человек. Но поистине предан Морю глубокому был, тогда уже в море трудился.

Либо влачил стороной я с пойманной рыбою сети, Либо сидел на скале, с камышовой удой управляясь. Нские есть берега с зеленеющим смежные лугом;

925 Волнами край их один окаймлен, а другой — муравою, И круторогие их не щипали ни разу коровы;

Смирные овцы там не паслись, ни косматые козы, И трудовая пчела никогда не сбирала там меду.

Там не плелась и венки торжества; травы не срезали 930 Руки, держащие серп. Я первый на этом побережье

Сел на траву; сижу и сушу свои мокрые сети.

Чтобы понавнихся рыб сосчитать по порядку, которых Случай мне в сеть позагнал иль своя же на крюк

пасадила

Зверская алчность, я их разложил по зеленому дерну.

935 Певероятная вещь. Но обманывать что мне за

польза? —

- Только, коснувшись травы, начала шевелиться добыча,
 Переворачиваться, на земле упражняясь, как в море.
 Я же стою и дивлюсь,— меж тем ускользает вся стая
 В воду, покинув зараз своего господина и берег.
- 940 Остолбенел я, себя вопрошаю, с чего бы то было.
 Бог ли то некий свершил, травы ли какой-нибудь соки?
 Что же за силы в траве? — говорю и срываю рукою
 Возле себя мураву и, сорвав, беру ее на зуб.
 Только лишь глотка моя испила незнакомого сока,
- 945 Чувствую вдруг у себя в глубине неожиданный трепет,
 Чувствую в сердце своем к инородной стихии влечение.
 И уж не мог я на месте стоять. Прощаясь навеки,
 Молвил земле я «прости» и нырнул в голубую пучину.
 Боги морей пришлеца отличают им общею честью;
- 950 Призваны были меня отрешить от свойств человеческих
 И Океан и Тетида. И вот через них очищаюсь.
 Девять я раз очистительный стих повторю; велят мне,
 Чтобы подставил я грудь под сто потоков различных.
 Сказано — сделано. Вот отовсюду ниспавшие реки
- 955 Над головою моей всех вод своих токи проносят.
 Только всего рассказать я могу, что стоило б
вспомнить;
 Только и помню всего; остального не чуяли чувства.
 А лишь вернулись они, себя я обрел измененным,—
 Был я весь телом другой, чем раньше, и духом
не прежний.
- 960 Тут я впервые узрел синеватую бороду эту,
 Волосы эти мои, что широко по морю влчатся,
 Плечи свои увидал, громадные синие руки
 И оконечности ног, как рыбы хвосты с плавниками.
 Что мне, однако, мой вид? К чему божествам я
любезен?
- 965 Что мне за прок, что я бог, коль ничто тебя тронуть
не может?»
 Так он сказал и хотел продолжать, но покинула бога
 Скилла. Свиристствует он и, отказом ее раздраженный,
 К дивной пещере идет Цирцеи, Титановой дщери.

Или в Венере была, оскорбленной отцовским допросом?)
Молвит такие слова: «Домогаться желающей легче,
Чающей тех же утех, одинаковым пылом плененной!»
30 Ты же достоин. Тебя и без просьб, конечно, позвали б.
Только надежду подай,— поверь, позовут и
без просьбы.

Не сомневайся, в свою красоту не утрачивай веры!
Я, например, и богиня, и дочь светозарного Солнца,
Чья одинакова мощь в заклинаниях тайных и зельях,—
35 Быть желаю твоей! Презирай презирающих; нежным
С нежною будь, и двоих отомстишь ты единым
деяньем».

Но на попытку ее так Главк отвечает: «Скорее
Водоросль будет в горах вырастать и деревья
в пучинах,
Нежели к Скилле любовь у меня пропадет»,— и богиня
40 В негодование пришла. Поскольку ему не умела
Вред нанести и, любя, не хотела,— взгневилась
на нимфу
Ту, предпочтенную ей. Оскорбясь за отвергнутый пыл
свой,

Тотчас же стала она с ужасными соками травы
Перетирать. Замешав, заклинания шепчет Гекаты.
45 Вот покрывало она голубое надела; и между
Льстивого строя зверей из средних выходит покоев.
В Регий дорогу держа, что против утесов Занклеи,
Вскоре вступила она на шумящее бурями море.
Словно на твердый песок, на волны ступни становила
50 И по поверхности вод сухими сбегала ногами.
Был там затон небольшой, заходивший под своды
пещеры,—

Скиллы любимый приют; в то место от моря и неба
Летом скрывалась она, когда солнце стояло на высшей
Точке, когда от дерев бывают кратчайшими тени.
55 Этот богиня затон отравляет, сквернит чудодейной
Смесью отрав; на него она соком зловредного корня
Брызжет; темную речь, двусмысленных слов сочетанье,
Трижды по девять раз чародейными шепчет устами.
Скилла пришла и до пояса в глубь погрузилась
затона,—

60 Но неожиданно зрит, что чудовища некие мерзко
Лают вокруг лона ее. Не поверив сначала, что стали
Частью ее самое, бежит, отгоняет, страшится

Песьих дерзостных морд,— но в бегство с собою влечет
их.

65 Щупает тело свое, и бедра, и икры, и стопы,—
Вместо знакомых частей обретает лишь пасти собачьи.
Всё — лишь неистовство псов; промежуности нет, но
чудовищ

70 Спины на месте ее вылезают из полной утробы.
Главк влюбленный рыдал. Цирцеи, слишком враждебно
Силу составов своих применившей, объятий бежал он.
Скилла осталася там; и лишь только представился
случай,

75 Спутников ею лишен был Улисс, на досаду Цирцеи.
Также троянцев она корабли потопить собиралась,
Да превратилась в скалу; выступает еще и доньне
Голой из моря утес,— и его моряки избегают.
Вот уж на веслах прошли мимо Скиллы и жадной
Харибды

80 Тевкров суда; и уже от прибрежий Авсонии близко
Были, когда их отнес к побережью Ливийскому ветер.
В сердце своем и в дому приняла там Энея сидонка,
Та, что стерпеть не могла супруга-фригийца отплыть
И на высоком костре, возводившемся будто

для жертвы,
Пала на меч: сама обманувшись, других обманула.
От повостроенных стен убежав и прибрежий болотных,
В Эрикса город придя и встретившись с верным
Акестом,

85 Жертву приносит Эней и могилу отца почитает.
Те корабли, что Ирида едва не сожгла по приказу
Гневной Юноны, он спас; Гиппотада покинул он
царство.

90 Земли, где сера дымит, и скалы дочерей Ахелоя,
Певчих сирен,— и корабль, лишенный кормчего, вывел
К Иваримее, потом к Прохитее, потом к Питекузам,
Что на бесплодных холмах,— которых от жителей имя.
Древле родитель богов, рассердясь на обманы керкопов,
На нарушение клятв, на коварные их преступления,
Этих людей превратил в животных уродливых,—
чтобы

95 Были несхожи они с человеком, но вместе и схожи.
Члены он их сократил; опустил и приплюснул им
ноздри;
Избороздил им лицо, стариковские придал морщины
И, деликом все тело покрыв им рыжею шерстью,

В этих местах поселил; предварительно речи
 способность
 Отнял у их языков, уродившихся для вероломства:
 100 Жалобы лишь выражать дозволил им хрипом
 скрипящим.
 Эти края миновав, он Партенопейские стены
 С правой оставил руки, а с левой — Эолова сына
 Звонкого холм, и в места, что богаты болотной
 ольхою,
 На берег Кумский приплыв, к долговечной Сивилле
 в пещеру
 105 Входит и молит ее, чтоб ему по Аверну спуститься
 К манам отца. Она наконец свой потупленный долу
 Лик подняла и в бреду прорекла, под наитием бога:
 «Многого просишь, о муж, величайший делами, который
 Руку прославил мечом, благочестье — святыми огнями.
 110 Все же, троянец, боязнь отреш: исполнится просьба
 И элизийский приют, последние мира пределы,
 Узришь, мной предведен, и родителя призрак любезный.
 Для добродетели нет недоступной дороги». Сказала,
 И показала ему золотую Авернской Юоны
 115 Ветвь, и велела ее оторвать от ствола. И послушен
 Был ей Эней и узрел владенья огромного Орка,
 Видел он предков своих, и предстал ему старческой
 тенью
 Духом великий Анхиз. Тех мест познал он законы,
 Также какие грозят ему бедствия в будущих войнах;
 120 И по обратной стезе утомленным взбирается шагом,
 Кумской Сивиллой ведом, коротал он в беседе дорогу.
 Свой ужасающий путь в полумраке свершая туманном,
 Молвил: «Богиня ли ты или божья избранница, только
 Будешь всегда для меня божеством! Клянусь, я обязан
 125 Буду навеки тебе, соизволившей дать мне увидеть
 Смерти пределы и вповь от увиденной смерти
 вернуться.
 Только на воздух опять изойду — за эти заслуги
 Храм воздвигну тебе и почет окажу фимиамом».
 Взор обратив на него, со вздохом пророчица молвит:
 130 «Я не богиня, о нет; священного ладана чествой
 Смертных не мни почитать. Чтобы ты не блуждал
 в неизвестном,
 Ведай, что вечный мне свет предлагался, скончания
 чуждый,
 Если бы девственность я подарила влюбленному Фебу,

Зев, откуда текут человеческой крови потоки,
 Если Итака и дом дороже мне этого судна,
 170 Если Энея почту я не так, как отца! Никогда-то
 Не исчерпаю свою, хоть и выполняю все, благодарность,
 Если дышу, говорю, свет солнца вижу и небо,
 Все — о, могу ли я стать непризнателен или
 забывчив? —
 Он даровал мне; и то, что душа моя в брюхо Циклопу
 175 Не угодила. Теперь хоть со светом жизни расстанусь,
 Буду в земле схоронен, а не в этом, по крайности,
 брюхе.
 Что испытал я в душе (если чувства в то время
 и душу
 Страх у меня не отшиб!), когда увидал я, покинут,
 Как уплываете вы по открытому морю! Хотел я
 180 Крикнуть, да выдать себя побоялся Циклопу. Улисс же
 Криком вас чуть не сгубил: я видел — огромную глыбу
 Тот от горы оторвал и далеко швырнул ее в море,
 Видел затем: он кидал, как будто бы силой машины,
 Дланью гигантской своей огромные с острова глыбы.
 185 И охватил меня страх, не разбили бы волны и скалы
 Судно, как будто бы сам я на нем пребывал,
 незабывтый!
 После ж того как побег вас от горькой кончины
 избавил,
 Всю поперек он и вдоль обстранствовал в бешенстве
 Эту.
 Лес отстраняя рукой, единственный глаз потерявши,
 190 Он на скалы налетал, и, вдаль оскверненные гноем
 Руки свои протянув, проклиная ахейское племя,
 И говорит: «О, когда б мне случай выдал Улисса
 Иль из его молодцов хоть кого-нибудь — гнев мой
 насытить!»
 Съем я его потроха! Своею рукою изрежу
 195 Тело, живое еще! До отказа я кровью наполню
 Глотку! Члены его в челюстях у меня затрепещут!
 Станет жизнь ни во что, станет легкой жизни утрата!»
 Много, взбешенный, еще говорил; и в ужасе бледном
 Был я, смотря на лицо с невысохшей кровью от раны,
 200 Видя жестокою длань и впадину глаза пустую,
 Члены и бороду, всю человеческой кровью залипшей,
 Смерти я видел приход, — то было ничтожное горе!
 Ждал я: он схватит меня, вот-вот мое тело потонет
 В теле его. У меня из души не исчезла картина

- 205 Дня рокового, когда увидал я, как двадцать четыре
Спутника милых моих повергнуты были на землю;
Сам же он сверху налег, как лев налегает косматый,
И потроха их, и плоть, и кости с белеющим мозгом —
210 Полуживые тела — в несытную прятал утробу.
Дрожь охватила меня. Я стоял побелевший, со скорбью
Видел, как смачивал рот он кровавыми язвами,
видел,
Как он выбрасывал их, с вином пополам изрыгая.
Воображал я — и мне такая же, бедному, участь!
Много подряд укрывался я дней, содрогался
при каждом
215 Шорохе; смерти боясь, я с жадностью думал о смерти.
Голод я свой утолял желудями, травой и листвою,
Брошен и нищ, без надежд, на смерть и на казнь
обреченный.
Много спустя увидал я корабль от земли недалёко,
Знаками стал о спасенье молить, сбежал к побережью;
220 Тронул Энея; и грек был судном принят троянским!
Ты мне теперь расскажи о себе, дорогой мой
товарищ,
И о вожде, и о всех, что с тобою доверились морю». —
Тот говорит, как Эол в глубинах державствует
тускских,
Сам Гиппотад — царь Эол, что ветры в темнице
содержит.
225 Их, заключенных в бурдюк, — достойный вниманья
подарок! —
Вождь дулихийский увез; при их дуновенье попутном
Девять он суток прошел и увидел желанную землю.
Вскоре же после того, как девятая встала Аврора,
Спутники, побуждены завистливой жаждой добычи,
230 Мысля, что золото там, ремни распустили у ветров;
Как он обратно пошел по водам, по которым приехал,
И воротился корабль к царю эолийскому в гавань.
«После пришли, — он сказал, — в старинный мы град
лестригона
Лама; была та земля под державою Антипатея.
235 Был я отправлен к нему, и со мною товарищей двое.
Бегством едва удалось спастись одному лишь со мною,
Третий из нас обагрил лестригонов безбожную землю
Кровью своей; за бегущими вслед подымается
с войском
Антипатея; собирается люд; камни и бревна

- 240 Стали кидать; потопляют людей, корабли потопляют.
Только один избежал, который меня и Улисса
Вез; потеряв сотоварищей часть, в огорченье, о многом
Горько жалеючи, мы пристаем к тем землям, что
взорам
- 245 Видимы там вдалеке; смотри, созерцай издалика
Остров, уж виденный мной. О ты, меж троян
справедливец!
Чадо богини (затем, что окончилась брань и не враг
ты
Нам, о Эней!), заклинаю,— беги от побережья
Цирцеи!
- 250 Так же когда-то и мы, к побережью Цирцеи причалив,
Антипатея царя с необузданным помня Циклопом,
Не пожелали идти и порог преступить незнакомый.
Жребием избраны мы: я с верным душой
Политеем,
И Эврилох, и еще Элпenor, что в вине неумерен,
И восемнадцать еще к Цирцейным посланы стенам.
255 Только достигли мы их, у дворцового стали порога,
Тысяча сразу волков, и медведи меж ними, и львицы
Страху нагнали на нас, подбежав; но страх был
напрасен:
Не собирались они терзать нам тело зубами,—
Ласково, паоборот, хвостами махали и наши
Сопровождали следы, к нам ластясь. Но вот
принимают
- 260 Женщины нас и ведут по атриям, в мрамор одетым,
Прямо к своей госпоже. В красивом сидела покое
На возвышеньи она, в сверкающей палле, поверх же
Стан был окутан ее золотистого цвета покровом.
Нимфы кругом. Нереиды при ней,— персты их
не тянут
- 265 Пряжи, и нити они не ведут за собою, но знаки
Располагают, трудясь; цветов вороха разбирают
И по корзинам кладут различные зеленью травы.
Всей их работой сама управляет; и сила какая
В каждом листке, каково их смешение — все ей
известно;
- 270 Не устает различать и, исследуя, взвешивать травы.
Вот лишь увидела нас, лишь мы поздоровались с нею,
Заулыбалась она и ответила нам на приветы.
Тотчас велела для нас замешать подожженного жира
С медом и долей вина, молоком разбавила кислым

- 275 И, чтоб остались они незаметны в той сладости,— соки
Трав подлила. Из рук чародейных мы приняли чаши,
Только лишь высохшим ртом мы жадно испили
напиток,
Наших коснулась волос богиня жестокая тростью.
Стыдно рассказывать! Вдруг ершиться я начал
щетиной
- 280 И уж не мог говорить; слова заменило глухое
Хрюкашь, мордюю став, лицо мое в землю уткнулось.
Рот — почувствовал я — закривился мозолистым рылом.
Шея раздулась от мышц, и руки, которыми чашу
Только что я принимал, следы от копыт оставляли.
- 285 То же с другими стряслось,— таково всемогущество
зелий!
С ними я заперт в хлеву. Тут заметили мы, что
не принял
Вида свиньи Эврилох: он один отстранился от чаши.
Если бы выпил и он, и доныне б я был в поголовье
Этих щетинистых стад; от него не узнал бы об этом
- 290 Бедствии нашем Улисс и отмстить не явился б Цирцее.
Белый Улиссу цветок вручил миролюбец Киллений.
«Моли» он зван у богов. На черном он держится корне.
Вот, обеспечен цветком и в небесных уверен советах,
В дом он Цирцеин вошел. Приглашенный коварную
чашу
- 295 Выпить, когда до него прикоснуться пыталась богиня,
Злостную он оттолкнул и мечом устрасил занесенным.
Руку ему и любовь даровала она. И, на ложе
Принят, товарищей он потребовал свадебным даром.
Нас окропляет она трав лучших благодным соком,
- 300 Голову нам ударяет другой оконечностью трости
И говорит словеса, словесам обратные прежним.
Дальше она ворожит — и вот, с земли подымаясь,
Все мы встаем: щетины уж нет, и ноги раздвоенной
Щель исчезает; опять есть плечи и ниже предплечий
- 305 Локти. И, сами в слезах, обнимаем мы льющего слезы,
Виснем на шее вождя и слов не находим сначала,
Кроме тех слов, что ему изъясняют признательность
нашу.
Там задержались мы год; за это столь долгое время
Многое видел я там, обо многом узнал понаслышке.
- 310 Вот что поведала мне потихоньку одна из юмощниц
Тех четырех, что у ней состоят при ее чародействах:

Раз, меж тем как мой вождь вдвоем прохладился
с Цирцеей,

Мне показала она из белого мрамора образ

315 Юпоши, а у него помещен был на темени дятел,
Сам же он в храме стоял, отменно украшен венками.
Кто он такой, почему почитается в храме священном,
Птица на нем почему? — я спросил, разузнать

любопытеп.

320 Та отвечала: «Изволь, Макарей; через это постигни
Силу моей госпожи. Так будь внимателен, слушай.
Чадо Сатурново, Пик, был прежде царем в авсонийских
Землях и страстно любил коней объезжать

для сражений.

Изображенье его пред тобой; что был он прекрасен,
Видишь ты сам, вполне довериться статуе можешь.
325 Столь же прекрасен он был и душой. Еще не успел он
И четырех увидеть пятилетних игрищ элидских.

Он красотою привлек рожденных в латинских нагорьях
Юных дриад; полюбили его божества ключевые,
Девы наяды, каких мчит Альбула в водах, Нумикий
И Аниена волна и Альм, быстрейший теченьем,

330 Нара стремнистый поток и Фэрфар с приятною тенью;
Те, что в дубравном краю обитают у скифской Дианы
Или в озерах кругом, — но, всех отвергая, к одной

лишь

335 Нимфе он нежность питал. Венилия будто бы нимфу
На Палатинском холме породила двуликую Яну.
Только созрела она и невестою стала, как тотчас
Пик у была отдана, предпочтенному всем

лаврентинцам.

Дивной была красоты, удивительней — пеня

искусством.

340 «Певчей» — Капентой ее назвали. Дубравы и скалы
Двигать, зверей усмирять, останавливать длинные реки
Силой изустной могла и задерживать птиц

пролетавших.

Голосом женщины раз напевала она свои песни,
Пик же ушел из дворца и в поля удалился Лаврента
Тамошних бить кабанов. Туда он верхом на горячем
Ехал коне и держал два дротика левой рукою,

345 Алой хламидой одет, золотою заколотою пряжкой.
В это же время пришла дочь Солнца в те же дубравы,
Чтоб на обильных холмах нарвать себе новых
растений.

Имя посящий ее оставила остров Цирцея.

350 Юношу Пика едва, полускрытая чашей, узрела,
Остолбенела; из рук заповедные выпали травы.
Сразу до мозга костей оголь проникает Цирцею;
Только лишь в этом пылу собрала она первые мысли,
Хочет с предметом любви говорить, но коня

верхового —

Чтоб подойти не могла — он погнался в окружении

свиты.

355 «Не убежишь от меня, — хотя бы умчал тебя ветер, —
Если я знаю себя, и не стали бессильными свойства
Трав, и если меня не обманут мои заклинанья!»

Молвила так и тотчас создала бестелесного призрак
Вепря, ему пробежать перед взором царя повелела.

360 И показалось ему, что вепрь удаляется в чашу,
Где через гушу дерев коню невозможно пробраться.

Нечего медлить! И Пик, преследуя призрак добычи,
Мигом уже соскочил с дымящейся лошади наземь.

И, за мечтою гонясь, пешком углубляется в рошу.

365 Та же моления твердит и слова ядовитые молвит
И непонятным богам непонятным заклятием служит —

Тем, от которого лик Луны белоснежной тускнеет

И на Отцовском челе собираются взбухшие тучи.

От заклинаний ее темнотой покрывается небо,

370 Мглу испаряет земля. По дорогам невидимым бродят
Спутники Пика, и сам государь остается без стражи.

Выбрала место и миг, — «Заклинаю твоими очами,

Что полонили мои, красотою твоей несравненной,

Сделавшей то, что — богиня — тебя умоляю!

Сочувствуй

375 Пылу влюбленной! Прими всезрящее вечное Солнце
Тестем и, сердцем жесток, Титаниды не презри

Цирцеи!» —

Молвила. Но и ее и моления отверг он надменно

И отвечал: «Кто б ты ни была, твоим я не буду,

Пика другая пленит, и молю, чтобы долго пленяла!

380 Брачный союз осквернять я чужою не стапу любовью, —
Ежели мне сохранят Каненту — дочь Янову — судьбы».

Снова мольбы попытала понапрасну, Титания молвит:

«Это тебе не пройдет! Не вернешься ты больше

к Каненте.

Что оскорбленье, любовь и женщина могут, — узнаешь:

385 Оскорблена, влюблена и женщина тоже Цирцея!»

Дважды затем на восток обратилась и дважды на запад;

Палочкой трижды к нему прикоснулась и три

заклинанья

Произнесла,— и бежит он, и сам удивляется бегу
Быстрому, как никогда, и пух замечает на теле;

390

И, возмущенный, что вот новоювленной птицей

нежданно

В Лация роши влетел, он твердым клювом дерева

Бьет в досаде своей, ветвям пораненья наносит.

Крылья же птицы хранят окраску пурпурной хламиды;

Прежняя пряжка его, золотая одежды заколка,

395

Стала пером: золотой вокруг шейки горит ожерелок.

Нет ничего уже в нем от прежнего Пика — лишь имя.

Спутники Пика меж тем понапрасну его призывали

Долго в полях и нигде отыскать не могли господина,

А Титаниду нашли; она уж расчистила воздух,

400

Ветрам и солнцу уже разрешила туманы рассеять.

Изобличают ее в преступленье и требуют Пика.

К силе прибегли; разить беспощадным готовы оружием.

Вредные зелья она, ядовитые брызгает соки;

Ночь и полночных богов из Эреба, из Хаоса кличет,

405

Молитвословье творит завыванием долгим Гекате.

С мест повскакали своих — сказать удивительно! —

роши,

И застонала земля, побледнело вдруг дерево рядом,

Крапом меж тем на лугу заалели кровавые капли,

Камни и те издают как будто глухое мычанье;

410

Лают как будто бы псы; земля в отвратительных змеях

Лоснится, а над землей — прозрачные души порхают.

И в изумленье толпа, утрашилась чудес. Устрашенным

Тростью волшебной она удивленные тропула лица,—

И от касанья того различные чудища-звери

415

В юношей входят. Никто не остался в обличии

прежнем.

Феб, склоняясь, уже налегал на Тартессии берег.

Но понапрасну ждала — душой и очами — Канента

Мужа. Челядь меж тем и народ по лесам разбежались

В поисках, перед собой освещая огнями дорогу.

420

Мало того что рыдала она, что в грудь ударяла,

Волосы в горе рвала,— хоть все это было; из дому

Вырвалась и по полям латинским блуждала в безумье.

Шесть наступивших ночей и столько же солнца

восходов

Зрели ее, как она, без сна и без пищи, по воле

425 Случай, взад и вперед по горам и долинам бродила.
 Видел последним ее, утомленную плачем и бегом,
 Тибр,— как тело она преклонила на берег холодный.
 Там, слезой исходя, страданьем рожденную песню
 430 Петь начала, и звучал чуть слышно жалобный голос,—
 Так, умирая, поет свою песню предсмертную лебедь.
 Тонкая плоть наконец размягчилась от плача; помалу
 Чахла она, а потом в воздушном исчезла пространстве.
 Слава, однако, поднесь за местом осталась. Камены
 Древние Певчим его нарекли по прозванию нимфы».

435 Вот что за длительный год мне рассказано было, что
 сам я
 Видел. Но там засидясь и ленивыми став от отвычки,
 Мы получаем приказ вновь плыть, вновь парус
 наставить.
 Тут же Титания нам предсказала, что снова неверный
 Ждет нас и длительный путь и опасности в море
 суровом.

440 Взял меня страх, признаюсь, и причалил я к этому
 берегу».

Кончил рассказ Макарей. Тут Энея кормилица в урне
 Мраморной скрыта была, на холме же стих краткий
 начертан:
 «Здесь Кайету — меня — благочестьем известный
 питомец
 В должном пламени сжег, из аргосского пламени
 вырвав».

445 Вот отвязали причал, к прибрежным кустам
 прикрепленный,
 И покидают дворец худословной богини, от козней
 Дальше бегут и приходят в леса, где в темных туманах
 Тибр с его желтым песком пробивается к морю. Энею
 Дом достается и дочь рожденного Фавном Латипа,
 450 Но не без брани. Война разгорелась вскоре с жестоким
 Племенем. Турн свирепел, за жену нареченную гневен.
 С Лацием вся вступает в борьбу Тиррения; долго
 В бранных тревогах войска добиваются трудной победы.
 Каждый помощью извне свою рать увеличить стремится.

455 Скоро рутулов уже и троян многочисленны стали
 Станы; не тщетно Эней отправлялся к порогу Эвандра;
 Венул же тщетно ходил к беглецу Диомеду в великий
 Город его. Диомед под державою Япига Давиа
 Мощную крепость возвел и полями владел, как
 приданым.

460 Передал Венул ему поручения Турновы, с просьбой
 Помощь войсками подать, но герой этолийский
 сослался
 На недостаточность войск; на войну посылать не хотел
 он
 Тестя народы, а сам людей не имел-де, которых
 Вооружить бы он мог: «Не подумай, что я измышляю,
 465 И хоть страданья опять обновляются повестью горькой,
 Я потерплю и о всем расскажу. Лишь в пепле погибла
 Трой, и Пергам стал данайского пламени пищей,
 Тут нарикийский герой похитил деву у Девы,
 Кару на всех наложил, что ему одному полагалась.
 470 Все мы раскиданы, мчат нас в море враждебные ветры,
 Молнии, ливень и мрак, неистовство неба и моря,—
 Всё мы, данайцы, снесли; Кафарсей был вершиною
 бедствий.
 Не задержусь, излагая подряд все бедствия наши,—
 Грекам казалось тогда, что готов и Приам их
 оплакать.
 475 Я же, заботой храним доспехи носящей Минервы,
 Ею был вырван у воли,— и опять от родного отринут
 Аргоса я. Не забыв о ране давнишней, Венера
 Гонит благая меня. Так много трудов претерпел я
 И на широких морях, и в военных на суше бореньях,
 480 Что называл, и не раз, счастливыми тех, что погибли
 Вместе от бури одной, Кафареем жестоким в пучину
 Погружены. Я жалел, что не был одним из погибших.
 Крайние беды терпя, сотоварищи в бурях и браях
 Духом упали, конца запросили блужданий; и Акмон,
 485 Нравом горячий всегда, а несчастьем еще
 раздраженный,
 Молвил: «Осталось ли что, чего бы терпение ваше
 Не одолело, мужи? Что могла бы еще Киферея
 Сделать, когда б захотела? Пока ждем худшего
 в страхе,
 490 Время молитвы творить; когда ж нет участи хуже,—
 Страх под пятою тогда: спокойна вершина несчастий.
 Пусть же послушает, пусть! Пусть нас ненавидит, как
 ныне,
 И Диомеда, и всех! Но всю ее ненависть дружно
 Мы презираем! Для нас ее сила немногого стоит!»
 Так говоря, оскорблял Венеру враждебную Акмон,
 495 Воин плевронский, и в ней возбуждал ее давнюю
 злобу.

Это не многим пришлось по душе: друзья остальные
 Все порицали его; когда ж он сбирался ответить,
 Тоньше стал голос его, и уменьшилась сила, и волос
 Вдруг превращается в пух; покрывается пухом и шея
 500 Новая, грудь и спина; на руках появляются перья
 Крупные, локти ж его изгибаются в длинные крылья;
 Большая часть его ног становится пальцами; рогом
 Затвердевают уста и концом завершаются острым.
 Идас и Лик в изумленье глядят и Никтей
с Рексенором,
 505 Смотрит Абапт, поражен; но пока поражаются, тот же
 Вид принимают они. И большая доля отряда
 Вдруг поднялась и, крылами плеча, вокруг весел
кружится.
 Ежели спросишь про вид нежданных пернатых,—
то были
 Не лебедями они, с лебедями, однако же, схожи.
 510 Еле приплыл я сюда, где тестя Давна сухие
 Принадлежат мне поля, и лишь малая свита со мною».

Повесть окончил Ойнид; и посол Калидонское царство
 И Певкетейский залив и поля мессапийские бросил,
 515 Видел пещеру он там, затененную частой дубравой;
 Каплями в ней проступает вода; там Пан обитает —
 Полудкозел. До того обитали в ней некогда нимфы.
 Здесь апулийский пастух испугал их однажды, и девы
 Прочь убежали скорей, не выдержав первого страха.
 Вскоре, как в чувство пришли и смехом им пастух
показался,
 520 Мерным движением ног закружили они хороводы.
 Стал насмехаться пастух, подражая им, прыгал
по-сельски
 И деревенскую брань к словам добавлял непристойным.
 Он замолчал лишь тогда, как закрылась гортань
древесиной;
 Дерево соком своим повадки его обличает:
 525 Дикой маслины плоды на зазорный язык указуют
 Горечью — грубостью слов продолжают они отзываться.
 Как возвратились послы и отказ принесли в этолийском
 Войске, рутулы один, без подмоги чужой, продолжают
 Раз начатую войну. С обеих сторон было много
 530 Пролито крови. Вот Тури к сосновым подносят
обшивкам
 Алчный огонь, и страшит пощажених волнами пламя.
 Вот уже воск и смолу и все, что огонь насыщает,

Мультибер жадно сжигал; к парусам по высокой он
мачте

Полз, и скамьи для гребцов дымились в судах
крутобоких.

535 Вспомнив, что наверху те сосны срублены Иды,
Мать святая богов наполнила воздух гуденьем
Меди, звенящей о медь, и шумом буксовых дудок.
Черный воздушный простор на львах прирученных
проехав,
Моявила: «Тщетно в суда ты пожар святотатственный
мечешь,

540 Тури, я спасу корабли! Не могу потерпеть, чтобы
пламя
Едкое ныне сожгло дубрав моих части и члены!»
И возгремело в выси, лишь сказала богиня; за громом
Крупный низринулся дождь со скачущим градом,
и воздух,

545 Взбужшее море и ветер возмущая для сшибки внезапной,
Между собою бои сыновья начинают Астрея.

Силу из них одного использовав, Матерь благая
Флота фригийского вдруг обрывает неньковые верви;
Мчит корабли на бoku и вдали погружает в пучину.
Тут размягчилась сосна, древесина становится телом,
550 В головы, в лица людей превращаются гнутые кóрмы.
И переходят в персты и в ноги плывущие весла.

Бок остается собой, как был; в нутре корабельном
Ребра скрытые днищ в спинные хребты превратились;
Реп руками уже, волосами уж вервия стали.

555 Цвет, как и был,— голубой: в волнах, которые раньше
Страх наводили на них, ведут свои девичьи игры
Нимфы морские; они, уроженки суровых нагорий,
Нежную славят волпу и свое забывают рожденье.

Но одного не забыв,— как много опасностей в бурю
560 Перетерпели они,— всегда подставляли ладони
Гибнущим в море судам — но не тем, где плыли
ахейцы.

Фригии помня беду, ненавидели девы пеласгов,
Радостным взором они Перитийского судна обломки
Встретили; радостно им было видеть корабль Алкиноя,
565 Преображенный в утес и выросший на дерево камень.
В нимф морских превратились суда, и явилась надежда,
Что, убоявшись чудес, рутул воевать перестанет.
Тщетно! Есть боги свои у обеих сторон, а в согласье
С ними и доблесть души. И уже не приданные земли

- 570 Цель их, не тестя престол, не ты, о Лавиния дева, —
 Им лишь победа нужна. Воюют, чтоб только оружия
 Им не сложить. Наконец увидала Венера, что в битве
 Сын одолел. Турн — пал. И Ардея пала, которой
 Турн могуществом был. Лишь только в огне
 беспощадном
- 575 Город пропал и его под теплою скрылись золою
 Кровли, из груды углей до тех пор неизвестная птица
 Вдруг вылетает и с крыл стряхает взмахами пепел,
 Голоса звук, худоба, и бледность, и все подобает
 Пленному городу в ней; сохранила она и название
- 580 Города, бьет себя в грудь своими же крыльями цапля.
 Но небожителей всех и даже царицу Юнону
 Старый свой гнев отложить побудила Энеева доблесть.
 А между тем, укрепив молодого державу Иула,
 Предуготовленным стал для Олимпа герой Кифереин.
- 585 Стала богов обходить всеблагая Венера и, шею
 Нежно обвив у отца, говорила: «Ко мне ты жестоким
 Не был, отец, никогда, — будь пыне, молю, добрее!
 Дай ты Энею теперь моему, которому дедом
 Стал ты по крови моей, божественность, пусть
 небольшая!»
- 590 Лишь бы ты что-нибудь дал! Довольно того, что он
 видел
 Раз тот мрачный предел и прошелся по берегу Стикса!»
 Боги сочувствуют все; и царицы-супруги недвижимым
 Не остается лицо; и она соглашается кротко.
 «Оба, — отец говорит, — вы достойны небесного дара,
 595 Тот, о ком просишь, и ты, просящая. Все ты
 получишь», —
 Он провещал. В восторге она и отцу благодарна.
 Вот по воздушным полям, голубиной влекомая стаей,
 К берегу Лаврента спешит, где вьется, одет камышами,
 К близкому морю стремясь речною волною, Нумикий.
- 600 Повелевает ему, что смерти подвластно, с Энея
 Смыть и бесшумной волной все смытое вынести в море.
 Рогоноситель приказ выполняет Венеры; что было
 Смертного в сыне ее, своей очищает волною,
 Что же осталось — кропит. Так лучшая доля —
 сохранна.
- 605 Преображенную плоть натирает она благовоньем,
 Что подобает богам, и, амброзией с нектаром сладким
 Уст коснувшись его, в божество превращает, Квириты

Бога зовут «Индигет», алтари ему строят и храмы.
После Аксаний владел — именован двойко — и Альбой,
610 И всей латинской землей. Ему же наследовал Сильвий.
Им порожденный Латин получил повторенное имя,
Также и скипетр. За ним знаменитым владыкой был
Альба;

После Эпит; за ним Капет и Капид управляли,
Раньше, однако, Капид. Потом перешла к Тиберину
615 Власть. Он в тускской земле, в волнах утонувши
потока,

Дал свое имя реке. От него же родился и Ремул
С Акротом буйным. Из них был Ремул старше годами;
Ремул от грома погиб, сам грома удару подобен.
Акрот царскую власть, поступая разумнее брата,
620 Храброму передает авентинцу. Лежит он зарытый
Там же, где царствовал он, на холме, его имя
принявшем.

Прока верховную власть над народом держал
палатинским.

В те времена и Помона жила. Ни одна из латинских
Гамадриад не блюла так усердно плодового сада
625 И ни одна не заботилась так о древесном приплоде.
Имя ее — от плодов. Ни рек, ни лесов не любила;
Сёла любила она да с плодами обильными ветви.
Правой рукою не дрот, но серп искривленный держала;
Им подрезала она преизбыточность зелени или
630 Рост укрощала усов; подрезала кору и вставляла
Ветку в нее, чужеродному сок доставляя питомцу.
Не допускала она, чтобы жаждой томились деревья.
Вьющихся жадных корней водой орошала волокна.
Тут и занятие и страсть, — никакого к Венере влеченья!
635 Все же насилья боясь, от сельчан запирала девица
Доступ к плодовым садам; не пускала мужчин
и боялась.

Что тут ни делали все, — мастера на скаканье, сатиры
Юные или сосной по рогам оплетенные Паны,
Даже Сильван, что всегда своих лет моложавее, боги
640 Все, что пугают воров серпом или удом торчащим, —
Чтобы Помоной владеть? Однако же чувством любовным
Превосходил их Вертумн. Но был он не более счастлив.
Сколько он ей, — как у грубых жнецов полагается, —
в кошах

Спелых колосьев носил — и казался жнецом
настоящим!

645 Часто в повязке бывал из травы свежескошенной,
 словно
 Только что сам он косил иль ряды ворошил; а нередко
 С дышлом в могучей руке,— поклясться было бы
 можно,
 Что утомленных волов из плуга он только что выпряг.
 То подчищателем лоз, садоводом с серпом появлялся;
 650 То на стремянку влезал, как будто плоды собирая;
 Воинном был он с мечом, с тростинкой бывал
 рыболовом.
 Так он обличья менял, и был ему доступ свободный
 К деде, и вольно он мог веселиться ее созерцаньем.
 Раз, наконец, обвязав себе голову пестрой повязкой,
 655 С палкой, согнувшись, покрыв себе голову волосом
 белым,
 Облик старухи приняв, он в холеный сад проникает
 И, подивившись плодам, говорит: «Вот сила так сила!»
 И, похвалив, ей несколько дал поцелуев,— однако
 Так целовать никогда б старуха не стала! Садится
 660 На бугорок и на ветви глядит с их грузом осенним.
 Рядом был вяз и на нем — лоза в налившихся гроздьях;
 Он одобряет их связь и жизнь совместную хвалит.
 «Если бы ствол,— говорит,— холостым, без лозы,
 оставался,
 Кроме лишь зелени, нам ничем бы он не был приятен.
 665 Также и эта лоза, что поконится, связана с вязом,
 Если б безбрачной была, к земле приклоненной
 лежала б.
 Этого дерева ты не внимаешь, однако, примеру:
 Брачного ложа бежишь, ни с кем сочетаться
 не ищешь.
 Если бы ты пожелала! Сама не знавала Елена
 670 Стольких просящих руки, ни та, что когда-то лапифов
 Вызвала бой, ни Улисса жена, смельчака среди робких.
 Ныне, меж тем как бежишь и просящих тебя
 отвергаешь,
 Тысяча ждет женихов,— и боги, и полубоги,
 Все божества, что кругом населяют Альбанские горы.
 675 Ежели умная ты и желаешь хорошего брака,
 Слушай старуху меня, потому что люблю тебя больше
 Всех, не поверишь ты как! Не думай о свадьбах
 обычных,
 Другом постели своей Вертумна ты выбери. Смело
 Я поручусь за него,— затем, что себя он не знает

680 Лучше, чем я. Не страпствует он где придется по миру,
 Здесь он, и только, живет. Он не то что обычно
 другие,—
 Как увидал, так влюблен. Ты первым его и последним
 Пламенем будешь. Тебе он одной посвятит свои годы.
 Знай еще, что он юн, что его наградила природа
 685 Даром красы, хорошо подражает он образам разным,
 Что ни прикажешь, во все обратится он, если захочешь.
 Вкус не один ли у вас? Твои он плоды получает
 Первый и с радостью дар из рук твоих разве
 не примет?
 Но не желает уже он с деревьев твоих урожая,
 690 С соками нежными трав, воспитанных садом
 тенистым,—
 Кроме тебя, ничего! Над пылающим сжался!
 Поверь же,
 Все, что он просит, прошу за него я моими устами.
 Мести побойся богов,— идалийки, которая недруг
 Жестких сердец, не гневи и злопамятной девы
 Рамнузской!
 695 Чтоб увеличить твой страх,— ибо старость меня
 научила
 Многому,— я расскажу о делах, известных на Кипре
 Каждому,— легче тогда убедишься и сердцем
 смягчишься.
 Анаксарету узрел, старинною тевкровой кровью
 Знатную, Ифис,— а сам человек он был низкого рода.
 700 Только ее он узрел — и весь загорелся любовью.
 Долго боролся с собой, но когда увидал, что безумья
 Разумом не победить, пришел, умоляя, к порогу.
 Жалкое чувство свое он поведал кормилице; молит
 Не отвергать его просьб, призывает питомицы имя.
 705 К каждому он из рабов приближался со льстивою
 речью,
 Голосом всех он просил, в тревоге, помочь доброхотню.
 Часто свои поручал он признания нежным дощечкам,
 Сам же в то время венки, орошенные влагою слезной,
 Вешал на двери ее; простирали он на твердом пороге
 710 Нежное тело свое и замок проклинал злополучный.
 Анаксарета ж — глуха, как прибой при поднявшемся
 Австре,
 Жестче железа она, что огонь закалил норикийский,
 Тверже, чем камень живой, покуда он с корня
 не сорван.

- Все отвергает его и смеется — к жестоким поступкам
 715 Гордые злобно слова добавляет; надеяться даже
 Не позволяет ему; и не вытерпел длительной муки
 Ифис и, став у дверей, произносит последнее слово:
 «Ты победила меня! Отныне уже я не буду
 Больше тебе докучать. Триумф свой радостный
 празднуй!
 720 Ныне «пеан!» восклицай, увенчайся блистательным
 лавром!
 Ты победила! — умру; веселись, о железное сердце!
 Ты поневоле меня хоть похвалишь за что-нибудь;
 чем-то
 Стану любезен тебе, мою ты признаешь заслугу.
 Все же не раньше мос о тебе прекратится томленье,
 725 Нежели кончится жизнь! Зараз двух светов лишусь я.
 Но не устами молвы о моей известишься кончине, —
 Чтобы сомнения снять, сам буду я здесь, пред тобою,
 Пусть бездыханная плоть насытит жестокие очи!
 Если ж, о Вышние, вы на людские взираете судьбы,
 730 То вспомните меня: просить уж язык мой не в силах
 Большого. Сделайте так, чтобы долго меня вспоминали:
 Жизнь мою славы лишив, вековечную дайте мне
 славу!»
 Молвил; а сам к косякам, украшавшимся часто
 венками,
 Влажные очи свои подымая и бледные руки,
 735 К притолоке он узлом тесьму привязал и, промолвив:
 «По сердцу ль этот венок жестокой тебе
 и безбожной?» —
 Голову вставил в тесьму, к любимой лицом
 обращенный;
 И, опустившись, в петле злосчастная тяжесть
 повисла, —
 И ударяема ног движением трепетным, словно
 740 Стоном ответила дверь и, открывшись, ужасное дело
 Свету явила. Рабы закричали. Подняв, его тело
 К матери в дом отнесли, — отец к тому времени умер.
 Та, прижимая к груди, обнимая холодные члены
 Сына, сказала все то, что несчастным родителям
 в пору,
 745 Все совершила она, матерям что впору несчастным, —
 Вот через город ведет плачевное шествие скорби,
 Желтое тело к костру провожая на смертных носилках,
 Дом находился как раз на пути прохожденья унылой

750 Этой процессии; звук ударов по груди до слуха
 Анаксареты достиг,— бог Мститель ее беспокоил.
 Молвит, однако: «Взгляну на печальный обряд!» —
 и в волненье
 Входит на вышку дворца, где открыты широкие окна.
 Но увидела едва на носилках лежащее тело,
 Окаменели глаза, побледнело лицо и из тела
 755 Будто вся кровь отлилась. Попыталась обратно ногами
 Переступить,— не могла. Головой повернуться
 хотела —
 Тоже не в силах; уже занимает помалу все тело
 Камень, что ранее был в бесчувственном сердце.
 Не думай,
 760 Это не вымысел, нет: сохраняется статуя девы
 На Саламине поднесь. Там есть и Венеры Смотрящей
 Храм. Не забудь же о том, что слышала ты, моя
 нимфа,—
 Долгую гордость откинь и с влюбленным — молю —
 сочетайся!
 И да не тронет твоих мороз весенний плодовых
 Завязей, да не страхнет и цветов стремительный
 ветер!»
 765 Бог, столь много пред ней понапрасну менявший
 обличий,
 Сделался юношей вновь; старушечьи все он откинул
 Приспособленья; таким пред нею явился, какое
 Солнце бывает, когда лучезарно блистающим ликом
 Вдруг победит облака и уже без препятствий сняет.
 770 Хочет он силою взять; но не надобно силы. Красною
 Бога пленилась она и взаимную чувствует рану.

Воин Амулий потом авсонийскою правил страну,
 Прав не имея на то, и Нумитору-старцу вернули
 Внуки державу его. Был в праздник Палилий заложен
 775 Град укрепленный. Но с ним старшины сабинов и Таций
 Начали брань: и, в крепость открыв им доступ,
 Тарпейя
 Должную казнь приняла, раздавлена грудой оружия.
 Курий сабинских сыны меж тем, как стихшие волки,
 Голос зажали в устах, и готовы напасть на заснувших
 780 Крепко людей, и стремятся к вратам, которые запер
 Наглухо сам Илиад. Одни лишь врата отомкнула
 Дочь Сатурна и их повернула бесшумно на петлях.
 Только Венера одна услышала движенье засова.

- Створу закрыла б она, да только богам невозможно
 785 Дело богов пресекать. Близ Яна местами владели
 Нимфы Авсопии, ток населяя ключа ледяного.
 Их попросили помочь. Справедливой богининой просьбе
 Нимфы не внять не могли. Потока подземные воды
 790 Вывели тотчас из недр. Но ворота открытые Яна
 Были доступны еще, загражден путь не был водою.
 Вот под обильный родник подложили они желтоватой
 Серы и в жилах пустых дымящий битум запалили.
 Силой обоих веществ проникает в глубины истоков
 Пар. Дерзавшие в спор вступить с альпийскою стужей,
 795 Самому пламени вы теперь не уступите, воды!
 Возле обеих дверей огненосные брызги дымятся.
 Вот ворота, что не впрок для суровых доступны
 сабинов,
 Новым ручьем преграждаются. В бой успевают
 собраться
 Воины спавшие; их на сражение Ромул предводит.
 800 Римская вскоре земля телами покрылась сабинов,
 Также телами своих; и с кровью свежюю зятя
 Тестя горячую кровь смешал тут меч нечестивый.
 Все же они предпочли брань миром окончить и спора
 Лучше мечом не решать, и стал содержавствовать
 Таций.
 805 После кончины его ты, Ромул, обоим народам
 Равно законы давал, и Марс, свой шлем отлагая,
 С речью такой обратился к отцу и бессмертных
 и смертных:
 «Время, родитель, пришло,— поскольку на твердой
 основе
 Римское дело стоит, от вождя одного не завися,—
 810 Те обещаья, что мне ты давал и достойному внуку,
 Выполнить и, от земли унеся, поместить его в небе!
 Ты мне когда-то сказал при соборе Бессмертных,—
 я это
 Помню, в памяти я словеса сохраняю святые! —
 Будет один: его вознесешь к лазурям небесным.
 815 Так ты сказал, и твои да исполнятся ныне вещанья!»
 И Всемогущий кивнул и черными тучами небо
 Скрыл, и от грома его и от молний был ужас во Граде.
 Знаменье в этом признав, что дано ему сына похитить,
 На колесницу взошел, опершись на копье, и кровавым
 820 Дыплом копей тяготя, погнал их, бичом ударяя,

Неустршимый Градив и, скоро спустясь по простору,
Остановил и сошел на лесистом холме Палатинском.
Перед народом своим отправлявшего суд государев
Он Илиада унес. В дуновеньях воздушных распалось
825 Смертное тело его,— так, мощною брошен пращою,
Обыкновенно свинец распадается в небе далеко.
Вид он прекрасный обрел, достойнейший трапез

высоких,—

В новом он облике стал трабею носящим Квирином.
Видя, как, мужа лишась, Герсилья плачет, Юнона
830 Тотчас Ириде своей по дуге семицветной спуститься
К ней, одинокой, велит и такие слова передать ей:
«О латинского ты и сабинского племени слава,
Жен всех лучше жена! Дстойная раньше такого
Мужа, супругой теперь достойная зваться Квирина,
835 Слезы свои осуши! И если хочешь супруга
Видеть, за мною иди, к той роше, одевшей Квиринов
Холм, которую храм царя затеняется римлян!»
Повиновалась и, вниз по радуге снидя на землю,
Эту, как велено, речь Герсильи молвит Ирида.
840 Та застыдилась; едва подымая глаза, говорит ей:
«Ты, о богиня! Твое неизвестно мне имя, однако
Вижу богиню в тебе! — о, веди, о, веди и супруга
Взору яви моему! Коль судьбы даруют один лишь
Раз мне увидеть его, примирюсь, что взят он на небо!»
845 Сказано — сделано. Вот вошли с Тавмантестой Девой
Вместе на Ромулов холм. И вдруг перед ними

на землю

С неба упала звезда. От света ее загоревшись,
С тою звездою взвились у Герсильи волосы в небо.
В руки, знакомые ей, там принял жену основатель
850 Римского града, сменил он и тело ее и прозвание:
Горою стал величать, споклоняемой богу Квирину.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

Но возникнет вопрос, кто б мог столь великого

Бремя нести и такого царя унаследовать скипетр.
Первый в решеньях тогда — глас общий народа —
назначил

Славного Нуму. Ему недостаточно было, однако,
Ведать сабинов устав; он широкой душою иного
Жаждал — начал искать о природе вещей наставлений.
Новой заботой влеком, родные он Курии бросил;
В город направился тот, Геркулеса когда-то

принявший.

И на вопрос его, кто был греческих стен становитель
10 На италийских брегах, ответил один из старейших
Жителей тамошних мест, старинные помнивший годы:
Есть преданье, что сын богатый Юпитера с моря
На иберийских конях к берегам Лакиния прибыл
Счастливо; стали бродить по мягким стада луговинам,
15 Сам же в дом он вошел к Кротону, под гостеприимный
Кров и по долгим трудам вкушал там заслуженный
отдых.

А уходя, предсказал: «Со временем будет построен
Город внуками здесь», — и были верны предсказанья.
Некогда в Аргосе жил рожденный Алéмопом некто
20 Миссел, — в те времена олимпийцам любезнейший
смертный.

Раз, наклонившись над ним, отягченным тяжелой
дремотой,

Палиценосец сказал: «Оставь-ка родные пределы,
К дальнему Эзару путь держи, к каменистому устью!»
Если ж не внимет приказ, угрожал ему многим

и страшным.

25 И одновременно прочь и виденье и сон отлетели.

Алемонид поднялся и с притихшей душой вспоминает
 Сон, и борются в нем два разные долго решения:
 Бог велит уходить, а законы уйти запрещают,—
 Смертною казнию казнят пожелавшего родины новой.
 30 Светлое солнце главу лучезарную спрятало в море,
 Ночь же главу подняла, венчанную звезд изобильем.
 Бог появляется вновь и свои повторяет веленья;
 Если ж не внимет приказ,— грозит ему бóльшим
 и худшим.

Мискела страх обуял, и решил он родимых пенатов
 35 К новым местам перенести; возник тут в городе ропот,
 И обвиняли его в нарушенье закона. Дознанье
 Кончили судьи; вина без свидетелей всем очевидна.
 К вышним тогда обратил и уста и ладони несчастный:
 «О, по веленью небес двенадцать трудов совершивший,
 40 Ныне молю,— помоги! Ведь ты — преступленья
 виновник».
 Древний обычай там был, по камешкам белым
 и черным,
 Брошенным в урну, решать, казнить или миловать
 должно.

Вынесли и на сей раз решение печальное: черный
 Камешек всеми подряд опускается в грозную урну.
 45 Но, для подсчета камней лишь ее опрокинули, видят,—
 Всех до единого цвет из черного сделался белым!
 Белых наличие камней оправдательных — дар
 Геркулеса —

Алемонида спасло. Он отца Амфитрионида
 Благодарит и плывет Ионийским морем с попутным
 50 Ветром; уже и Тарент мигует он лакедемонский,
 Уж Сибарид в стороне остается, Нерет салентинский,
 Также Турийский залив и Темеса и Япига нивы.
 Все эти земли пройдя, берегов не теряя из виду,
 Мискел нашел наконец вещаньем указанный Эзар.
 55 Неподалеку был холм,— святые Кротоновы кости
 Там покрывала земля. Он в этой земле по веленью
 Степы возвел и нарек Кротоновым именем город.
 Верным преданием так утверждается место, где новый
 Город греками был в италийских основан пределах.
 60 Был здесь из Самоса муж. Однако он Самос покинул,
 С ним и самосских владык. Ненавидя душой тиранию,
 Сам он изгнанье избрал. Постигал он высокою мыслью
 В даях эфира — богов; все то, что природа людскому
 Взору узреть не дает, увидел он внутренним взором,

65 То же, что духом своим постигал он с бдительным
 тщаньем,
 Все на потребу другим отдавал, и толпы безмолвных,
 Дивным внимавших словам — великого мира началом,
 Первопричинам вещей, — понимающую природы учил он:
 Что есть бог; и откуда снега; отчего происходят
 70 Молнии — бог ли гремит иль ветры в разъявщихся
 тучах;
 Землю трясет отчего, что движет созвездия ночи;
 Все, чем таинственен мир. Он первым считал
 преступленьем
 Пищу животную. Так, уста он ученые первый
 Для убеждений таких разверз, — хоть им и не вяли:
 75 «Полноте, люди, сквернить несказанными яствами
 тело!
 Есть на свете и хлеб, и плоды, под которыми гнутся
 Ветви древесные; есть и на лозах налитые грозды;
 Сладкие травы у вас, другие, что могут смягчиться
 И понежнеть на огне, — у нас ведь никто не отымет
 80 Ни молока, ни медов, отдающих цветами тимьяна.
 Преизобилье богатств земля предлагает вам в пищу
 Кроткую, всем доставляет пиры без буйства и крови.
 Звери — те снедью мясной утоляют свой голод; однако
 Звери не все: и конь и скотина травой лишь живы.
 85 Те ж из зверей, у кого необузданный нрав
 и свирепый, —
 Тигры, армянские львы с их злобой горячей, медведи,
 Волки лютые — тех кровавая радует пища.
 Гнусность какая — ей-ей! — в утробу прятать утробу!
 Алчным телом жиреть, поедая такое же тело,
 90 Одушевленному жить умерщвлением одушевленных!
 Значит, меж стольких богатств, что матерью лучшей,
 землею,
 Порождены, ты лишь рад одному: плоть зубом
 жестоким
 Рвать на куски и терзать, возрождая повадки
 Циклопов?
 Значит, других не губя, пожалуй, ты даже не мог бы
 95 Голод умиротворить неумеренно жадного чрева?
 Древний, однако же, век, Золотым называемый нами,
 Только плодами дерев да травой, землей воспоенной,
 Был удовольствован; уст не сквернил он животною
 кровью.
 Птицы тогда, не боясь, безопасно летали под небом

- 100 И по просторам полей бродил неопасливо заяц;
 За кровожадность свою на крюке не висела и рыба.
 Не было вовсе засад, никто не боялся обмана,
 Все было мирно тогда. Потом, меж смертными
 первый,—
- Кто — безразлично — от той отвратился еды и впервые
 105 В жадное брюхо свое погружать стал яства мясные.
 Он преступлению путь указал. Зверей убиеньем
 Часто бывал и дотоль согреваем клинок обагранный.
 Не было в этом вины: животных, которые ищут
 Нас погубить, убивать при всем благочестии можно,—
- 110 Именно лишь убивать, но не ради же чревоугодья!
 Дальше нечестье пошло; и первую, предполагают,
 Жертвою пала свинья за то, что она подрывала
 Рылом своим семена, пресекая тем года надежду.
 После козел, объедавший лозу, к алтарю приведен был
- 115 Мстителя Вакха: двоим своя же вина повредила.
 Чем провинились хоть вы, скот кроткий, овцы,
 на пользу
 Людям рожденные, им приносящие в вымени нектар?
 Овцы, дающие нам из собственной шерсти одежды,
 Овцы, жизнью своей полезные больше, чем смертью?
- 120 Чем провинились волы, существа без обмана
 и злости,—
 Просты, безвредны всегда, рождены для труда
 и терпенья?
- Неблагодарен же тот, недостойн даров урожая,
 Кто, отрешив вола от плуга кривого, заколет
 Пахаря сам своего; кто работой натертые шеи,
 125 Коими столько он раз обновлял затвердевшую ниву,
 Столько и жатв собирал, под ударом повергнет секиры!
 Мало, однако, того, что вершится такое нечестье,—
 В грех вовлекли и богов; поверили, будто Всевышний
 Трудолюбивых быков веселиться может закланью!
- 130 Жертва, на ней ни пятна, наружности самой
 отменной,—
 Пагубна ей красота! — в повязках и золоте пышном
 У алтаря предстоит и, в незнанье, молящему внемлет;
 Чувствует, как на чело, меж рогов, кладут ей
 колосья,—
 Ею возделанный хлеб,— и, заколота, окровавляет
- 135 Нож, который в воде, быть может, приметить успела.
 Тотчас на жилы ее, изъязв их из тела живого,

Смотрят внимательно, в них бессмертных намеренья

ищут!

И почему человек столь жаждет еды запрещенной?

Так ли себя насыщать вы дерзаете, смертные? Полно!

140

О, перестаньте, молю. Прислушайтесь к добрым

советам!

Если кладете вы в рот скотины заколотой мясо,

Знайте и почувствуйте: вы — своих хлебопашцев едите.

Бог мне движет уста, за движущим следовать богом

Буду, как то надлежит. Я Дельфы свои вам открою,

145

Самый эфир, возведу я прозренья высокого духа;

Буду великое петь, что древних умы не пытали,

Скрытое долго досель. Пройти я хочу по высоким

Звездам; хочу пронестись, оставивши землю, обитель

Косную, в тучах; ступать на могучие плечи Атланта.

150

Розно мятущихся душ, не имеющих разума, сонмы

Издали буду я зреть. Дрожащих, боящихся смерти,

Ныне начну наставлять и сúdeб чреду им открою.

О человеческий род, страшайся холода смерти!

Что ты и Стикса, и тьмы, что пустых ты боишься

названий, —

155

Материала певцов, — воздаяний мнимого мира?

Ваши тела — их сожжет ли костер или время гниеньем

Их уничтожит — уже не узнают страданий, поверьте!

Души одни не умрут; но вечно, оставив обитель

Прежнюю, в новых домах жить будут, приняты снова.

160

Сам я — помню о том — во время похода на Трою

Сыном Панфеевым был Эвфорбом, которому прямо

В грудь засело копье, направлено младшим Атридом.

Щит я недавно узнал, что носил я когда-то на шуйце, —

В храме Юоны висит он в Абантовом Аргосе ныне.

165

Так: изменяется все, но не гибнет ничто и, блуждая,

Входит туда и сюда; тела занимает любые

Дух; из животных он тел переходит в людские,

из наших

Снова в животных, а сам — во веки веков не исчезнет.

Словно податливый воск, что в новые лепится формы,

170

Не пребывает одним, не имеет единого вида,

Но остается собой, — так точно душа, оставаясь

Тою же, — так я учу, — переходит в различные плоти.

Да не поддастся же в вас благочестие — жадности

чрева!

О, берегись, говорю, несказанным убийством родные

215 Преображаются. Тем, что были мы, что мы сегодня,
Завтра не будем уже. Был день, мы семенем были
И — лишь намек на людей — обитали у матери в лоне.
Руки искусные к нам приложила природа; заметив,
220 Что утесняется плод беременной матери чревом,
Тут же его в воздушный простор выпускает из дома.
Вот, появившись на свет, лежит без силы младенец;
Четвероногий почти, как зверь, влечит свои члены.
Вот понемногу, дрожа, на ступне, пока не окрепшей,
Начал стоять, но еще поддержки требует. Вскоре
225 Он уже силен и скор. Но поприще юности краткой
Пройдено. Вот и года миновали срединные также,
И по наклону уже несется он к старости шаткой.
Жизнь подрывает она; разрушаются прежние силы.
Старый заплакал Милон, увидев, что стали бессильны
230 Мощные руки его, что, дряблые, виснут, — когда-то
Тяжкою крепостью мышц с Геркулесовой схожие

дланью.

Плачет и Тиндара дочь, старушечьи видя морщины
В зеркале; ради чего — вопрошает — похищена

дважды?

Время — свидетель вещей — и ты, о завистница

старость,

235 Все разрушаете вы; уязвленное времени зубом,
Уничтожаете все постепенно медленной смертью.
Не пребывает и то, что мы называем стихией.
Вас научу измененьям стихий, приготовьте вниманье.
Вечный содержит в себе четыре зидительных тела
240 Мир. Два тела из них отличаются тяжестью, в область
Нижнюю их — то земля и вода — вес собственный

тянет.

У остальных же у двух нет веса, ничто не гнетет их;
Воздух летит в высоту и огонь, что воздуха чище.

И хоть далеко они отстоят друг от друга, однако
245 Все происходит из них и в них же все возвратится.
Чистую воду земля испаряет, редея в просторе,
Воздухом станет вода; а воздух, тяжесть утратив,
Сам растворившись еще, вновь вышним огнем

засверкает.

250 Все обращается вспять, и круг замыкается снова.
Ибо, сгущаясь, огонь вновь в воздух густой переходит,
Воздух — в воду; земля из воды происходит сгущенной.
Не сохраняет ничто неизменным свой вид; обновляя
Вещи, одни из других возрождает обличья природа,

255 Не погибает ничто — поверьте! — в великой вселенной.
 Разнообразится все, обновляет свой вид; народиться —
 Значит начать быть иным, чем в жизни былой;
 умереть же —
 Быть, чем был, перестать; ибо все переносится в мире
 Вечно туда и сюда: но сумма всего — постоянна.
 260 Мы полагать не должны, что длительно что-либо может
 В виде одном пребывать: от Железного так к Золотому
 Вы перешли, о века; так и мест меняются судьбы;
 Зрел я: что было землей крепчайшею некогда, стало
 Морем, — и зрел я из вод океана возникшие земли.
 265 От берегов далеко залегают ракушки морские,
 И на верхушке горы обнаружен был якорь
 древнейший;
 Поле весенний поток, стремясь, обращает в долину;
 Видел и то, как гора погрузилась от паводка в море.
 Прежде болотистый край высыхает пустыней
 песчаной:
 Жажду терпевший меж тем от болота стоячего влажен.
 270 Новые здесь родники исторгает природа, другим же
 Путь закрывает она; в содроганиях древнего мира
 Множество рек полилось, но как их засыпалось много!
 Также и Лик, например, зиянием почвенным выпит,
 275 Снова выходит вдали, из иного родится истока.
 Так, то вбираем землей, то опять исторгаем из бездны,
 Мощный поток Эразин возвращен арголийской равнине.
 Передают, что и Миз, наскучив своим исхождением
 И берегами, течет по-иному и назван Канком.
 Там же теперь Аменан пески сицилийские катит
 280 Волнами, а иногда, лишившись источников, сохнет.
 Воду Анигра-реки все пили когда-то, теперь же
 Не пожелают вкусить, с тех пор как — если хоть
 малость
 Все-таки можно певцам доверять — в них мыли
 кентавры
 Раны, что луком нанес Геркулес им Палиценосец.
 285 Что ж? А Гипанис-река, в горах возникающий
 скифских,
 Пресный сначала, потом не испорчен ли солью
 морскойю?
 Волнами были кругом охвачены Тир финикийский,
 Фар и Антисса; из них ни один уже ныне не остров.
 Материковой была для насельников древних Левкада, —

290 Ныне — пучины кругом. Говорят, и Занклея смыкалась
 Прежде с Италией, но уничтожило море их слитность
 И, оттолкнув, отвело часть суши в открытое море.
 Ежели Буру искать и Гелику, ахейские грады, —
 Их ты найдешь под водой; моряки и сегодня покажут
 295 Мертвые те города с погруженными в воду стенами.
 Некий находится холм у Трезены Питфеевой, голый,
 Вовсе лишенный дерев, когда-то равнина, всецело
 Плоская, ныне же — холм. Ужасно рассказывать:
 ветры,
 Сильны и дики, в глухих заключенные недрах
 подземных,
 300 Выход стремясь обрести, порываясь в напрасном
 усилье
 Вольного неба достичь и в темнице своей ни единой
 Щели нигде не найдя, никакого дыханью прохода,
 Землю раздули холмом; подобно тому как бычачий
 Ртом надувают пузырь или мех, который сдирают
 305 С зада пасущихся коз. То вздутье осталось и ныне,
 Смотрит высоким холмом и за много веков отвердело.
 Много примеров тому, известных иль слышанных
 вами, —
 Несколько лишь приведу. А разве вода не меняет
 Наново свойства свои? Средь дня, о Аммопрогносный,
 310 Струи студены твои, на заре и закате — горячи.
 Передают, что древесный кусок от воды Атаманта
 Вдруг загорается в дни, когда лунный ущерб на исходе.
 Есть у киконов река, — коль испить из нее, каменют
 Сразу книжки; от нее покрываются мрамором вещи.
 315 Кратид-река и Сибара, полям пограничная пашим, —
 Те придают волосам с яштарем и золотом сходство.
 Но удивительно то, что такие встречаются воды,
 Свойство которых — менять не только тела, но и души.
 Кто не слыхал про родник Салмакиды с водой
 любоврастной?
 320 Или про свойство озер эфиопских? Кто выпьет глоток
 их,
 Бесится или же в сон удивительно тяжкий впадает.
 Если же кто утолит из криницы Клитория жажду,
 Недругом станет вина и к чистой воде пристрастится, —
 То ли противная в ней вину горячащему сила,
 325 То ль Амитаона сын, по предапиям жителей местных,
 После того, как унял он пенствоство Претид безумных
 Помощью трав и заклятий, потом очищения средства

В воду криницы метнул,— с тех пор ей вино

ненавистно.

Свойство иное совсем у воды из Линкестия. Если

330 Кто-нибудь станет ее пропускать неумеренно в горло,
То закачается так, будто цельным вином опьянился.
Есть в аркадской земле водоем — Фенеон

у древнейших —

С двойственной странно водой, которой ночами

страшитесь!

Ночью вредна для питья; днем пить ее можно

безвредно.

335 Так у озер и у рек встречаются те иль другие
Разные свойства. Был век — Ортигия плавала в море,
Ныне ж на месте стоит. Аргонавтов страшили когда-то
Сшибкою пенистых волн разнесенные врозь

Симплегады,—

Ныне недвижны они и способны противиться ветрам.

340 Так же, горячей теперь горнилами серными, Этне
Огненной вечно не быть: не была она огненной вечно.
Если земля — это зверь, который живет и имеет
Легкие, в разных местах из себя выдыхающий

пламя,—

Может дыханья пути изменить он, особым движеньем

345 Щели одни запереть, а другие открыть для прохода.

Ныне пусть в недрах земли запертые летучие ветры

Мечут скалу о скалу и материю, что заключает

Пламени семя, она ж порождает огонь, сотрясаясь,—
Недра остынут, едва в них ветры, смирившись,

затихнут.

350 Если же быстрый пожар вызывается мощною лавой,
Желтая ль сера горит незаметно струящимся дымом,—
Время придет все равно, и земля уже снеси богатой
Не предоставит огню, истощит она силы за век свой,
И не останется тогда пропитания алчной природе,

355 Голод не стерпит она и, заброшена, пламя забросит.
В Гиперборейском краю, говорят, есть люди

в Паллене,—

Будто бы тело у них одевается в легкие перья,

Стоит лишь девять им раз в озерко погрузиться

Тритона.

Впрочем, не верю я в то, что женщины скифские, ядом

360 Тело себе окропив, достигают такого ж искусства.

Но ведь должны доверять мы явлениям, доказанным

точно:

- Ты не видал, как тела, полежа в растопляющем зное,
Мало-помалу загнив, превращаются в мелких
животных?
- 365 Сам ты попробуй, зарой бычачью, по выбору, тушу;
Дело известное всем: из гниющей утробы рождаются
Пчел-медоносниц рои; как их произведший родитель,
В поле хлопочут, им труд по душе, вся забота их —
завтра.
Шершней воинственный конь порождает, землю
засыпан.
- 370 Если округлых клешней ты лишишь прибрежного
краба,
А остальное в земле погребешь, то из части зарытой
Выйдет на свет скорпион, искривленным хвостом
угрожая.
Знаем и гусениц, лист оплетающих нитью седою;
Так же и эти — не раз то жители сел наблюдали —
Вид свой меняют потом, в мотылей превращаясь
могильных.
- 375 Тина из скрытых семян производит зеленых лягушек.
Их производит без лап; для плаванья годные ноги
Вскоре дает; чтоб они к прыжкам были длинным
способны,
Задние лапы у них крупней, чем передние лапы.
И медвежонок: родясь, он первые дни еле-еле
- 380 Жив, он лишь мяса кусок,— но мать его лижет
и членам
Форму дает, и малыш получает медвежью наружность.
Иль не видал ты, как пчел медоносных приплод,
заклученный
- 385 В шестиугольных домах восковых, без членов рождается,
Как он и лапы поздней, и крылья поздней получает?
Птица Юноны сама, на хвосте носящая звезды,
Голубь Венеры и сам Юпитера оруженосец,
Птицы пернатые все из яичной середки рождаются,—
В это поверит ли кто? Кто, зная, тому не поверит?
Мнение есть, что, когда догниет позвоночник в могиле,
- 390 Мозг человека спинной в змею превратится. Однако
Все эти твари одна от другой приемлют зачатки;
Только одна возрождает себя своим семенем птица:
«Феникс» ее ассирийцы зовут; не травой, не хлебом,—
Но фимнама слезой существует и соком амома.
- 395 Только столетий он пять своего векованья исполнит,

Тотчас садится в ветвях иль на маковку трепетной

пальмы,

Клювом кривым и когтями гнездо себе вить начинает.

Дикой корицы кладет с початками нежного нарда,

400

Мятый в гнездо киннамон с золотистой миррою стелет.

Сам он ложится поверх и кончает свой век

в благовоньях.

И говорят, что назначенный жить век точно такой же,

Выйдя из праха отца, возрождается маленький Феникс.

Только лишь возраст ему даст сил для поднятия груза,

405

Сам он снимает гнездо с ветвей возвышенной пальмы,

Благочестиво свою колыбель и отцову могилу

Взяв и чрез вольный простор в Гипериона город

донесшись,

Дар на священный порог в Гипериона храме слагает.

Если мы в этом нашли небывалый предмет

удивленья,—

То подивимся еще на гиену в ее переменах:

410

Жил гиена-самец — став самкой, самца подпускает!

Или животное то, чье питание воздух и ветер,—

Что ни коснется его, всему подражает окраской!

Рысей, как дань, принесла лозоносному Индия Вакху:

Передают, что у них всегда превращается в камень

415

То, что испустит пузырь, и на воздухе затвердевает.

Также кораллы: они, когда прикоснется к ним воздух,

Тоже твердеют,— в воде они были растением мягким!

Раньше окончится день, погрузит запыхавшихся кобей

В море глубокое Феб, чем я перечислю в рассказе

420

Все, что меняет свой вид. С течением времени

так же,—

Мы наблюдаем,— одни становятся сильны народы,

Время другим — упадать. И людьми и казною богата,

Могшая десять годов лить кровь в таком изобилье,

Падшая, ныне лежит в развалинах древняя Троя,

425

Вместо стольких богатств — могильные прадедов

хóлмы,

Спарта преславна была; великими были Микены;

Кекроиа крепость цвела; и твердыня Амфиона тоже,—

Ныне же Спарта пустырь; высокие пали Микены;

Что, коль не сказка одна, в настоящем Эдиповы Фивы?

430

И не названье ль одно Пандионовы ныне Афины?

Ныне молва говорит, что подьется Рим

дарданийский,

- Расположившись у вод Апеннинорожденного Тибра,
Строя громаду свою, основанья кладет государства.
Он изменяет свой вид, возрастая, и некогда станет
435 Целого мира главой; говорили об этом пророки,
Голос гаданий таков. Насколько я помню, Энею,
Лившему слезы, в свое переставшему верить спасенье,
Молвил Гелен Приамид во время погибели Трои:
«Отпрыск богини! Коль ты доверяешь моим
предсказаниям,
440 Знай, не всецело падет, при твоём вспоможении, Троя!
Меч и огонь не задержат тебя; уйдешь и с собою
Пёргама часть унесешь, а потом для тебя и для Трои
Поприще в чуждой земле дружелюбной отчизною
станет.
Вижу столицу уже, что фригийским назначена внукам.
445 Нет и не будет такой и в минувшие не было годы!
Знатные годы ее возвеличат, прославят столетья.
Но в госпожу государств лишь от крови Иула
рожденный
Сможет ее возвести. Им после земли взвеселятся
Божьи хоромы — эфир, небеса ему будут скончаньем!»
450 Все, что Энею Гелен, пенатов блюстителю, молвил,—
В памяти я сохранил,— и радостно мне, что все выше
Стены, что впрок для врагов победили фригийцев
пеласги!
Но не дадим же коням позабывшимся дальше
стремиться
455 К мете своей! Небеса изменяют и все, что под ними,
Форму свою, и земля, и все, что под ней существует.
Так — часть мира — и мы, — затем, что не только мы
тело,
Но и летунья душа, — которая может проникнуть
После в звериный приют и в скотское тело укрыться, —
Эти тела, что могли б содержать и родителей души,
460 Братьев иль душу того, с кем некий союз нас
связует, —
Так иль иначе — людей, — оставим же в мире и чести!
Недра не станем себе набивать пиროваньем Тiesta!
Как приобщается злу, нечестивый, — и кровь
человечью
465 Тот готов проливать, кто горло теленка прозаёт
Острым ножом и мычанью его равнодушно внимает!
Или же тот, кто козла не смутится зарезать, который
Плачет притом, как дитя? Есть птицу, которую сам же

- Только что хлебом кормил? От худшего
из преступлений
- 470 Это далеко ль ушло? Как служит к нему переходом!
Вол пусть пашет, пусть он умирает, состарившись
мирно!
- Пусть доставляет овца от Борева гнева защиту!
Пусть же козы свое подставляют нам вымя для дойки!
Всякие сети, силки, западни, все хитрости злые
Бросьте! Клейким прутом в обман не вводите
- 475 И оперенным шнуром не гоните оленя в облаву!
Загнутых острых крючков не прячьте в обманчивом
корме.
- Вредных губите одних; однако же только губите:
Да отрешатся уста, да берут себе должную пищу!»
480 Этой и многой другой наполнив мудростью сердце,
Как говорят, возвратился к себе и по просьбе
всеобщей
- Принял правленья бразды над народами Лация —
Нума.
- Нимфы счастливой супруг, Камен внушеньем
ведомый,
- Жертв он чин учредил и племя, привыкшее раньше
Только к свирепой войне, занятиям мирным наставил.
485 Старцем глубоким уже он державство и век свой
окончил,—
- Жены, народ и отцы, оплакал весь Лаций кончину
Нумы; супруга его, оставивши град, удалилась
В дол ариккийский и там, в густых укрываясь чащобах,
Плачем и стоном своим Дианы Орестовой культу
490 Стала мешать. Ах! Ей и дубравы, и в озере нимфы
Часто давали совет перестать и слова утешенья
Молвили! Сколько ей раз средь слез сын храбрый
Тезей,—
- «О, перестань! — говорил, — судьба не твоя лишь
достойна
Плача. Кругом посмотри на несчастья с другими —
и легче
- 495 Перенесешь ты беду. О, если бы сам в утешенье
Мог я примером тебе не служить! Пример я, однако,
Слух, паверно, до вас о некоем достиг Ипполите,
Жестокосердьем отца и кознями мачехи гнусной
Преданном смерти. О да, удивившись, — и трудно
поверить! —

- 535 Хоть и досадовал Дит — я с помощью ожил Пеана,—
 То чтобы с даром таким, там будучи, не возбуждал я
 Зависти большей, густым меня Кинтия облаком
скрыла;
- И, чтобы я в безопасности жил, безнаказанно видим,
 Возраста мне придала и сделала так, чтобы стал я
 540 Неузнаваем. Она сомневалась, на Крит ли отправить
 Или на Делос меня; но и Делос и Крит отменила
 И поселила вот здесь; лишь имя, могущее кóней
 Напоминать, повелела сменить: «Ты был Ипполитом,—
 Молвила мне,— а теперь будь Вирбием — дважды
рожденным!»
- 545 В этой я роще с тех пор и живу; божество я
из меньших;
 Волею скрыт госпожи, к ее приобщился служенью».

Горя Эгерии все ж облегчить не в силах чужие
 Бедствия; так же лежит под самой горой, у подножья,
 Горькие слезы лия. Наконец, страдалицы чувством
 550 Тронута, Феба сестра из нее ледяную криницу
 Произвела, превратив ее плоть в вековечные воды.
 Тронула нимф небывалая вещь. И сын Амазонки
 Столь же был ей потрясен, как некогда пахарь
тирренский,
- В поле увидевший вдруг ту глыбу земли, что внезапно,
 555 Хоть не касался никто, шевельнулась сама для начала,
 Вскоре же, сбросив свой вид земляной, приняла
человечий,
- После ж отверзла уста для вещания будущих судеб.
 Местные жители звать его стали Тагеем, и первый
 Дал он этрускам своим способность грядущее видеть;
 560 Или как Ромул,— когда увидел он копые, что торчало
 На Палатинском холме, покрывшемся сразу листвою;
 Что не железным оно острием, а корнями вцепилось,
 Что не оружие уже, но дерево с гибкой лозою
 Эту нежданную тень доставляет дивящимся людям;
 565 Или как Кип, увидавший рога на себе в отраженьи
 Глади речной; увидел он рога и, подумав, что ложный
 Образ морочит его, лоб трогал снова и снова,—
 Вправду касался рогов. И глаза обвинять перестал он,
 Остановился,— а шел победителем с поля сраженья,—
 570 К небу возвел он глаза, одновременно поднял и руки.
 «Вышние! Что,— он сказал,— предвещается чудом?
Коль радость,—

Радость родину пусть и квиринов народ осчастливит!
Если ж грозит — пусть мне!» И алтарь сложил он

из дерна.

575 Он свой алтарь травяной почитает огнем благовонным;
Льет и патеры вина; убитых двузубых овечек,
Истолкованья ища, пытается трепещущий потрох.
Начал разглядывать жертв нутро волхователь

тирренский,

И очевидна ему превеликая бездна событий —
Все же неясственных. Тут, приподнявши от жертвенной
плоти

580 Острые взоры свои, на рога он на Киповы смотрит,
Молвя: «Здравствуй, о царь! Тебе, да, тебе подчинится,
Этим державным рогам — все место и Лация грады!
Только не медли теперь, входи, открыты ворота;
Поторопись: так велит судьба; ибо, принятый Градом,
585 Будешь ты царь, и навек безопасен пребудет твой

скипетр».

Кип отступает назад, от стен городских отвращает
В сторону взоры свои,— «Прочь, прочь предвещения! —
молвит,—

Боги пусть их отвратят! Справедливее будет в изгнание
590 Мне умереть,— но царем да не узрит меня Капитолий!»
Молвил он так; народ и сенат уважаемый тотчас
Созвал; однако рога миротворным оц лавром сначала
Скрыл; а сам на бугор, насыпанный силами войска,
Стал и, с молитвой к богам обратясь по обычаю
предков,—

«Есть тут один,— говорит,— коль из Града не будет он
изгнан,

595 Станет царем. Не назвав, его покажу по примете:
Признаком служат рога, его вам укажет гадатель,
Ежели в Рим он войдет, вас всех обратит он в неволю!
Он в ворота меж тем отворенные может проикнуть,
Но воспрепятствовал я, хоть самый он близкий,
пожалуй,

600 Мне человек; вы его изгоните из Града, квириты,
Или, коль стоит того, заключите в тяжелые цепи,
Иль поборите свой страх, умертвив рокового владыку!»
Ропщут по осени так подобравшие волосы сосны,
Только лишь Эвр засвистит; у волнения в море

открытом

605 Рокот бывает такой,— коль издали с берега слушать;

Так же шумит и народ. Но тут, сквозь речи кричащей
Смутно толпы, раздался вдруг голос отдельный: «Да

кто ж он?»

Стали разглядывать лбы, рогов упомянутых ищут.

Снова им Кип говорит: «Вы знать пожелали,—

смотрите!»

610 И, хоть народ не давал, венки с головы своей снял он
И указал на чело с отличием особым — рогами.

Все опустили глаза, огласилося стоном собрание,

И неохотно они на достойную славы взирали

Кипа главу (кто поверить бы мог?), но все ж

обесчестить

615 Не допустили его и снова вежком увещали.

Знатные люди, о Кип, раз в стены войти ты боялся,

Дали с почетом тебе деревенской земли, по обмеру,

Сколько ты мог обвести с запряженными в пару волами

620 Плугом тяжелым своим, на восходе начав, до захода,

И водрузили рога над дверью, украшенной бронзой,

Чтобы на веки веков хранить удивительный образ.

Ныне поведайте нам, о Музы, богини поэтов,—

Ибо вы знаете все, и древность над вами бессильна,—

625 Как Корониду вписал, руслом обтекаемый Тибра

Остров, в список святынь утвержденного Ромулом

Града.

Некогда пагубный мор заразою в Лации веял,

Бледное тело людей поражала бескровная немочь;

От погребений устав и увидя, что смертные средства

Не приведут ни к чему, ни к чему и искусство

лечащих,

630 Помощи стали просить у небес и отправились

в Дельфы,

Где средоточье земли, и явились в гадалище Феба.

Вот, чтобы в бедствии том помочь им спасительным

словом

Феб пожелал, чтобы Град столь великий избавил он,—

молят.

Все, что вокруг, и лавр, и на лавре висящие тулы

635 Затрепетали зараз; из глубин святилища ясный

Голос треножник издал и смутил потрясенные души:

«В месте ближайшем найдешь, что здесь ты, римлянин,

ищешь,

В месте ближайшем ищи. Но сам Аполлон не подает

вам

Помощи, вашей беды не убавит,— но сын Аполлона,

- 640 С добрыми знаками — в путь! И нашего требуйте
чада».
- Только лишь мудрый сенат получил приказание бога,
Вызвав, во граде каком Аполлона дитя обитает,
Тотчас послали людей на судах к берегам Эпидавра.
Вот уже тех берегов коснулись кормою округлой,
- 645 Входят в совет эпидаврских старшин и просят, чтоб
бога
Дали им греки того, кто присутствием мог бы
покончить
Муки Авсоии; так непреложные волят гаданья.
И голоса раскололись: одни полагают, что помощь
Не оказать им нельзя; а многие — против; совет их —
- 650 Не выпускать божества и своей не утрачивать силы.
Так сомневались они, а сумрак согнал уж последний
Свет, и вскоре весь мир покрывается теньми ночи.
Но увидал ты во сне заступника бога стоящим
Возле постели твоей, о римлянин! Был он в том виде,
- 655 Как и во храме стоит: с деревенским посохом в шуйце,
Мощной десницей власы разбирал бороды своей
длинной.
- И благосклонно из уст такие слова излетают:
«Страх свой откинь, я приду; но обычное сброшу
обличье;
Ты посмотри на змею, что узлами вокруг посоха вьется.
660 Взглядом ее ты приметъ, чтоб после узнать ее с виду,
В эту змею обращусь, но больше; таким появлюсь я,
Как подобает одним небожителям преобразаться».
Речь пропадает и бог, и с речью и богом отходит
Сон, и, лишь сон отошел, разливается свет
благодатный,
- 665 И, подымаясь, Заря пламена прогоняет созвездий.
И в неизвестности, что предпринять, в святилище бога
Знатные люди сошлись и молят, чтоб сам указал он,
Знаки небесные дав, где хочет иметь пребыванье.
Лишь помолились они, как сияющий золотом гребня
- 670 Бог, обращенный в змею, провещал им пророческим
свистом
И появленьем своим кумир, алтари, и входные
Двери, и мраморный пол всколебал, и из золота кровлю.
Вот он по самую грудь посреди подымается храма,
Встал и обводит вокруг очами, где искрится пламя.
- 675 И ужаснулась толпа: и узнал божества появленье

Но непорочным власам тесьмою повязанный белой
 Жрец. «Это бог! Это бог! — восклицает, — и духом
 и словом
 Бога почитите! О ты, прекраснейший! Кем бы ты ни
 был,
 В пользу нам будь! Помоги божество твое чтущим
 народам!»
 680 Кто он, не знают, но все чтут бога, как велено; вместе
 Все повторяют слова за жрецом; и душою и речью
 Благочестиво ему — Энеаду — являют почтение.
 Бог благосклонен, ответ им желанный даруя, шевелит
 Гребнем, три раза подряд свистит трепещущим жалом
 685 И по блестящим затем ступеням соскользает; но,
 раньше
 Чем навсегда отойти, на древний алтарь обернулся,
 Старый приветствует дом и святилище, где обитал он.
 Выйдя из храма, змея по цветам усыпанной почве
 Петля за петлей ползет, огромна, сквозь город
 проходит
 690 И направляется в порт, защищенный загнутым молотом,
 Остановилась она и толпу, что с нею до моря
 Свитой почтительной шла, обводит приветливым
 взором, —
 И на корабль авсонийский вползла: и чувствует судно
 Ноши божественной груз, — что божья гнетет его
 тяжесть!
 695 Рады Энея сыны; и, быка заколов на побережье,
 Вервя витых причал отвязали венчанного судна.
 Легкий зефир подгоняет корабль. Бог виден высоко, —
 Голову он положил на изогнутой нос корабельный,
 Глядя на синюю даль. Пройдя Ионийское море
 700 С ветром умеренным, вот, к Паллантиды шестому
 восходу,
 Видит Италию. Вот прошли вдоль Лаконики, славной
 Храмом Богини; уже у берегов Скилакея несутся.
 Япигский мыс позади; вот слева Амфрисии скалы
 Мимо на веслах прошли и отвесы Келеннии — справа.
 705 Вот и Рометий пройден, Кавлон с Нарикисой тоже,
 Преодолен и пролив, сицилийского горла Пелора;
 Дом Гиппотада царя, Темессы медные руды,
 И Левкосию прошли, и теплый, в розариях, Пестум;
 Вот и Капрею они, и мыс миновали Минервы,
 710 Также Суррента холмы с изобилием лоз; Геркулесов

- Город и Стабии; вот для досуга рожденную, мимо
Партенопею прошли и святилище Кумской Сивиллы.
Мимо горячих ключей проплыли; лентиском поросший
Пройден Литерн; и обильно песок увлекающий
в буйном
- 715 Беге Волтури; Сипуэсса, приют голубей белоснежных;
Область Минтури нездоровых и край, где насыпан
супругом
Холм,— Антипатов предел, с окруженной болотом
Трахадой,
Также Цирцеи земля и Аптий с берегом плотным.
- 720 Лишь паруса корабля повернули туда мореходы,—
На море буря была,— стал бог извиваться кругами,
Чаще изгибы веда и вращая огромные кольца:
Храма отца он достиг, на самом побережье песчаном.
Но лишь затихла волна, алтари эпидаврею отцовы
Бросил, под кровом побыв божества, с кем кровью был
связан.
- 725 Ходом шумящей своей чешуи бороздит он прибрежный
Крепкий песок и, взвись по рулю корабельному,
на нос
Судна воздег головой и там пролежал до прибытья
В Кастр, священный предел Лавина, у Тибрского устья.
Весь отовсюду народ — и мужчины и женщины — богу
- 730 Валит навстречу толпой, и огонь твой хранящие девы,
Веста троянская. Клики ликованья приветствует бога.
И, между тем как корабль подымается вверх
по теченью,
Вдоль берегов, на поставленных в ряд алтарях,
фимиамы
- 735 С той и другой стороны, тренеща, благовонно дымятся,
И ударяющий нож согревают закланные жертвы.
Вот уже в мира главу, в столицу он римскую входит;
И выпрямляется змей и склоненною двигает шейю,
По верху мачты вяясь,— подходящей обители ищет.
- 740 Здесь протекая, река на равные делится части;
Остров по ней наречен; с обеих сторон одинаков,
Равные два рукава Тибр вытянул, землю объемаля,
С судна латинского тут змей Фебов сошел и остался
Жить, и конец положил, приняв вновь облик небесный,
Горю народа — пришел благодатным целителем Града.
- 745 Все ж явился чужим он в святилища наши,— а Цезарь
В Граде своем есть бог; велик он и Марсом и тогой;
Но не настолько его триумфальные войны завершенья,

- Или деянья внутри, иль быстрая слава державы
 Новым светилом зажгли, в звезду превратили комету,—
 750 Скольким потомкам его. Из свершенных Цезарем славных
 Дел достославней всего, что сын порожден им подобный.
- Истинно: значит, важней водяных ниспровергнуть
 британов,
 Через семиустый поток в папирус одетого Нила
 Мстящие весть корабли, нумидийцев восставших и Юбу
 755 На кинифийских берегах, иль Понт, Митридата
 надменный
 Именем,— всех покорить и прибавить к народу
 Квирина,—
 Многих себе заслужить и немало увидеть триумфов,—
 Нежели мужа родить столь великого нам, под которым
 Так человеческий род вы взлелеяли, вышние боги?!
- 760 Но, чтобы не был рожден он от смертного семени,
 богом
 Должен был сделаться ты. И мать золотая Энея
 Все увидала и вот, увидав и скорбя, что готовят
 Первосвященнику смерть, что оружием гремит
 заговорщик,
 Стала бледна и богам, всем ею встречаемым, молвит:
 765 «Вы посмотрите, с каким мне и ныне готовят
 коварством
 Козни, как, гнусно таясь, голове угрожает единой,
 Что остается еще у меня от дарданца Иула!
 Вечпо ли буду одна я подвержена новым невгодам?
 Узвлена я была копьем калидонским Тидида;
 770 Рушились Трои потом защищенные худо твердыши;
 Видела сына затем, как в странствии долгом, потерял,
 Морем кидаем он был, сходил и в обитель покойных,
 С Турном-царем воевал,— но ежели в правде
 признаться,—
 Больше с Юноной самой! Для чего вспоминаю былую
 775 Рода печаль моего? Страх нынешний не позволяет
 Старое припоминать, по меч окаляющие точат!
 Их отстраните, молю! Преступленью не дайте
 свершиться!
 Да убиеньем жреца не погасится жертвенник Весты!»
- 780 Тщетно по всем небесам Венера, в отчаянье горьком,
 Речи такие гласит и тронула всех,— но не могут
 Боги железных разбить приговоров сестер
 вековечных,—

- Все же грядущих скорбей несомненные знаки являют:
 Стали греметь, говорят, оружием черные тучи;
 Слышался рог в небесах и ужасные трубные звуки,—
 785 Грех возвещали они,— и лик опечаленный Феба
 Мертвенный свет проливал на покоя лишенную землю;
 Часто видали, меж звезд полыхают огни погребенный;
 Часто во время дождя унадали кровавые капли;
 Бледен бывал Светоносец, и лик его темным усея
 790 Крапом, была и Луны колесница в крапинах крови,
 Бедствия в тысяче мест пророчил и филин стигийский.
 В тысяче мест слоновая кость покрывалась слезами,
 В рощах священных порою то речь раздавалась,
 то пенье;
 Не было пользы от жертв; потрясенья великие были
 795 Явлены в жилах; бывал край печени срезав у жертвы;
 Всюду: на площадях, у домов и божественных храмов
 Псы завывали в ночи; говорят, что покойников тени,
 Выйдя, блуждали, и Град колебался от трепета дрожи.
 Но предвещанья богов победить не могли
 ни злодейства,
 800 Ни исполненья судеб,— и вносятся в место святое
 Голых мечей клипки! Не выбрали места иного
 В Граде, чтоб дело свершить роковое,— но зданье
 сената!
 И Киферея двумя ударяет в печали руками
 В грудь и пытается скрыть небесным облаком внука,—
 805 Так был когда-то Парис у мстящего вырван Атрида.
 Так, в дни оны, Эней от меча Диомедова спасся.
 Но говорит ей отец: «Одна ли ты рок необорный
 Сдвинуть пытаешься, дочь? Сама ты отправься
 в жилище
 Древних сестер; у них на обширном увидишь подножье
 810 Стол, где таблица судеб,— из бронзы литой и железа.
 Нет, не боятся они ни ударов небесных, ни гнева
 Молний, крушенья им нет,— стоят безопасны и вечны.
 Там, у Сестер, ты найдешь в адамант заключенную
 прочный
 Рода судьбу своего: читал я ее и запомнил
 815 И расскажу, чтобы ты не была о грядущем в незнаенье.
 Время исполнил свое — о ком, Киферея, печешься —
 Все; он прожил сполна земле одолженные годы.
 Богом войдет в небеса, почитаться он будет
 во храмах,—
 Этим обязан тебе и сыну. Наследовав имя,

820 Примет он на плечи Град и, отца убиенного грозный
Мститель, в войнах меня соратником верным получит.
Силою войска его осажденные стены Мутины
Мира попросят, склонясь; признают его и Фарсалы,
И орошенные вновь эмафийскою сечью Филиппы,
825 И в сицилийских волнах покорится великое имя;
Римского вскоре вождя супруга египтянка, тщетно
Брака желая, падет; угрожать она будет напрасно,
Что Капитолий отдаст своему в услуженье

Канопу,
830 Буду ли Варварство я, народы на двух океанах
Перечислять? Все мира края, где могут селиться
Люди,— будут его: все море ему покорится.
Страны умиротворив, на гражданское он правосудье
Мысли направит и даст — справедливец великий —
законы.

835 Нравы примером своим упорядочит; взор устремляя
В будущий век, времена грядущих внуков далеких
Видя, он сыну велит, священной супруги потомству,
Чтоб одновременно нес он имя его и заботы.
Только лишь после того, как Нестора лет он

достигнет,
В дом он небесный войдет, примкнет к светилам
родинным.

840 Эту же душу его, что из плоти исторглась убитой,
Сделай звездой, и в веках на наш Капитолий и форум
Будет с небесных твердьнь взирать божественный
Юлий!»

Так он это сказал, не медля благая Венера
В римский явилась сенат и, незрима никем, похищает
845 Цезаря душу. Не дав ей в воздушном распасться
пространстве,

В небо уносит и там помещает средь вечных созвездий.
И, уносясь, она чувствует: душа превращается в бога,
Рдеть начала; и его выпускает Венера; взлетел он
Выше луны и, в выси, волосами лучась огневыми,
850 Блещет звездой; и, смотря на благие деяния сына,
Большим его признает, и, что им побежден, веселится.
И хоть деянья свои не велит он превыше отцовских
Ставить, но слава вольна, никаким не подвластна
законам,

Предпочитает его и в этом ему не послушна:
855 Так уступает Атрей Агамемпону в чести великой,
Так и Эгея Тезей, и Пелея Ахилл побеждает;

И наконец,— чтобы взять подходящий пример для
сравнения,—

Так уступает Сатурн Юпитеру. Правит Юпитер
Небом эфирным; ему троевидное царство покорно,
860 Август владеет землей: и отцы и правители оба.
Боги, вас ныне молю, Энеевы спутники, коим
Меч уступил и огонь; Индигет, Квирич, основатель
Града, и ты, о Градив, необорного родший Квирина!
Ты, меж пенатов его освященная Цезарем Веста!
865 С Вестою Цезаря ты, о Феб, очага покровитель!
Ты, о Юпитер, чей дом на высокой твердыне Тарпей!
Все остальные, кого подобает призвать песнопевцу!
День пусть поздно придет, чтоб нас уж не стало,
в который
Эта святая глава ей покорную землю покинет
870 И отойдет в небеса мольбам внимать издалёка.

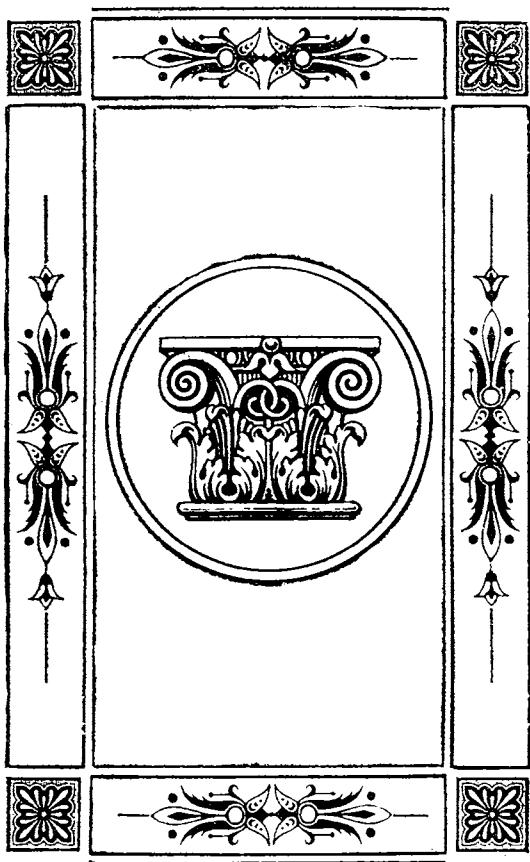
Вот завершился мой труд, и его ни Юпитера злоба
Не уничтожит, ни меч, ни огонь, ни алчная старость.
Пусть же тот день прилетит, что над плотью одной
возьмем
Власть, для меня завершить неверной течение жизни.
875 Лучшую частью своей, вековечен, к светилам высоким
Я вознесусь, и мое нерушимо останется имя.
Всюду меня на земле, где б власть ни раскинулась
Рима,
Будут пароды читать, и на вечные веки, во славе —
Ежели только певцов предчувствиям верить — пребуду.

СКОРБНЫЕ
ЭЛЕГИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Так, без хозяина в путь отправляешься, малый мой
свиток,

В Град, куда мне, увы, доступа нет самому.

Не нарядившись, иди, как сосланным быть подобает.

Бедный! Пусть жизни моей твой соответствует вид.

5 Красным тебя покрывать не надо вакцинии соком,

Скорбным дням не под стать яркий багрянец ес.

Минием пусть не блещит твой титул и кедром —
страницы,

Пусть и на черном челе белых не будет рожков.

Пусть подобный убор украшает счастливые книги,

10 Должен ты помнить всегда о злополучье моем.

Пусть по обрезах тебя не гладит хрупкая пемза,

В люди косматым явись, с долго не бритой щекой.

Пятен своих не стыдись, пусть каждый, кто их увидит,

В них угадает следы мной проливаемых слез.

15 В путь же! Иди, передай местам счастливым привет

мой —

Ныне таким лишь путем их я достигнуть могу.

Ежели кто-нибудь там, в многолюдье меня не забывший,

Спросит, как я живу, чем занимаюсь вдали,

Ты говори, что я жив, но «жив и здоров» не

ответствуй.

20 Впрочем, и то, что я жив, — богом ниспосланный дар.

Если же станут еще спрашивать, будь осторожен,

Их любопытству в ответ лишнего им не скажи, —

Тотчас припомнит и вновь перечтет мои книги читатель,

И всенародной молвой буду я предан суду.

- 25 Будут тебя оскорблять — но ты не посмей защищаться:
Тяжба любая, поверь, дело ухудшит мое.
Встретится ль там и такой, кто моим опечален
изгнапьем,
- Пусть эти песни мои он со слезами прочтет
И пожелает без слов, таясь, — не услышал бы недруг, —
30 Чтоб наказанье мое Цезарь, смягчася, облегчил.
Кто бы он ни был, молю: того да минуют несчастья,
Кто к несчастьям моим милость богов призовет.
Да совершится, что он пожелал, да гнев свой умерит
Цезарь и мне умереть в доме позволит родном!
35 Выполнишь ты мой наказ, но все-таки жди
осужденья:
- Скажет молва, что в тебе прежнего гения нет.
Должен и дело судья, и его обстоятельства вызнать,
Если же вызнано все — суд безопасен тебе.
Песни являются в мир, лишь из ясной души изливаясь,
40 Я же внезапной бедой раз навсегда омрачен.
Песням нужен покой, и досуг одинокий поэту —
Я же страдаю от бурь, моря и злобной зимы.
С песнями страх несовместен, меж тем в моем
злополучье
Чудится мне, что ни миг, к горлу приставленный
меч.
- 45 Пусть же труду моему подивится судья
беспристрастный,
Строки, какие ни есть, пусть благосклонно прочтет.
Хоть Меонийца возьми и пошли ему столькие беды —
И у него самого дар оскудел бы от бед.
В путь, мой свиток, ступай и к молве пребывай
равнодушен,
- 50 Если ж читателю ты не угодишь, не стыдись.
Ныне фортуна моя не настолько ко мне благосклонна,
Чтобы рассчитывать мог ты на людскую хвалу.
В благополучье былом любил я почестей знаки,
Страстно желал, чтоб молва славилась имя мое.
- 55 Если мне труд роковой и стихи ненавистны не стали,
То и довольно с меня — я же от них пострадал.
В путь же! На Рим за меня посмотри — тебе он
доступен.
Боги! Когда бы я мог сделаться свитком своим!
Не полагай, что, придя чужестранцем в город великий,
60 Будешь в народной толпе ты никому не знаком —

И без названья тебя тотчас опознают по цвету,
 Как бы ты скрыть ни хотел происхождение свое.
 Тайно, однако, входи, для тебя мои песни опасны —
 Ныне они уж не те, громкий утрачен успех.
 65 Если ж тебя кто-нибудь, узнав, кто твой сочинитель,
 Вовсе не станет читать, сразу отбросив,— скажи:
 На заголовок взгляни — я здесь в любви не наставник,
 Прежний труд мой уже кару понес поделом.
 70 Может быть, ждешь: своему не дам ли приказа посланцу
 Вверх подняться, на холм, к выси, где Цезаря дом?
 Да не осудят меня те святые места и их боги:
 С этой твердыни в меня грянул удар громовой.
 Я, хоть и знаю, что там обитают, полны милосердия,
 Вышние силы,— страшусь раз покаравших богов...
 75 Крыльев шум услышав издалека, голубь трепещет,
 Если хоть раз он в твоих, ястреб, когтях побывал.
 Так же боится овца далеко отходить от овчарни,
 Если от волчьих зубов только что шкуру спасла.
 Сам Фазтон, будь он жив, избегал бы небес и по дури
 80 Трогать не стал бы коней, страстно желанных ему.
 Так же и я, испытав однажды стрелу Громовержца,
 Лишь громыхнет в облаках, жду, что меня поразит.
 Аргоса флот, избежав погибельных вод Кафарей,
 Гошит всегда паруса прочь от эвбейских пучин.
 85 Так же и мой челнок, потрепанный бурей жестокой,
 Ныне боится тех мест, где он едва не погиб.
 Милый мой свиток, итак: осмотрителен будь и
 опаслив —
 Благо и то, что тебя люди попроще прочтут.
 К высям заоблачным взмыв на немощных крыльях,
 90 Пал и названье Икар морю Икарову дал.
 Все же сказать нелегко, под парусом плыть иль на
 веслах,—
 Дело и время тебе сами совет подадут.
 Если в досужий ты час будешь передан и благодушье
 В доме заметишь — поймешь: переломил себя гнев.
 95 Если тебя кто-нибудь, твою нерешительность видя,
 Сам передаст, предпослав несколько слов,— подойди.
 В день счастливый, и сам своего господина счастливей,
 Цели достигни и тем муки мои облегчи.
 Их иль никто не смягчит, иль тот, мне рану нанесший,
 100 Сам, как древле Ахилл, и уврачует ее.

- Сколько грозился Пептун с осторожным покончить
Улиссом —
- 10 Был у Кронида не раз вырван Минервой Улисс.
Что же мешает и нам, хоть мы и не ровня героям,
Если разгневался бог, помощь другого узнать?
Но — несчастливцев — слова понапрасну я праздные
трачу,
- 15 Сам говорю — а от волн брызги мне губы кропят,
И ужасающий Нот мои речи уносит — моленьям
Не позволяет достичь слуха молимых богов.
Ветры как будто взялись двойною пытаться меня
мукой —
- 20 Вместе в безвестную даль мчат паруса и мольбы.
Боги! Какие кругом загибаются пенные горы!
Можно подумать: сейчас звезды заденут они.
Сколько меж пенистых волн разверзается водных
ущелий!
- Можно подумать: вот-вот черный заденут Анд!
Взоры куда ни направь, повсюду лишь море и небо.
Море громадами волн, небо ненастьем грозит.
- 25 А между ними шумят в непрерывном кручении ветры,
Море не знает само, кто же владыка над ним.
Вот взбушевавшийся Эвр с багряного мчится востока,
А уж навстречу ему западом выслан Зефир;
Вот и холодный Борей от Медведиц несется
в безумье,
- 30 Вот спешаает и Нот с братьями в битву вступить.
Кормчий растерян: куда корабль ему править, не знает,
Даже искусство зашло, разум теряя, в тупик.
Стало быть, это конец, на спасенье надежда напрасна;
Я говорю — а волна мне окатила лицо.
- 35 Скоро вода захлестнет эту душу живую, и воды
Тщетно вызывающий рот влагой смертельной залиют.
Но лишь о том, что я сослан, жена моя верная плачет,
О злоключенье одном знает и стонет она,
Только не знает, как нас в безбрежной бросает пучине,
- 40 Как устремляется шквал, как уже видится смерть.
Слава богам, что отплыть я с собой не позволил
супруге,
Истинно, вместо одной две бы я смерти познал.
Если погибну теперь, но ее не коснется опасность,
То половина меня, знаю, останется жить.
- 45 Боги! Мгновенно кругом расверкались молнии в тучах,
Что за ужасный удар над головой прогремел!

Ветры бока кораблю потрясают с таким грохотаньем,
 Словно, ядро за ядром, город баллиста разит.
 Вот подымается вал, всех прочих возвышенней, грозно
 50 Перед одиннадцатым он за девятым идет.
 Я умереть не боюсь, но страшусь этой смерти
плачевной —
 Если б не в море тонуть, смерть я наградой бы счел.
 Благо — в положенный час умереть иль в сраженье
погибнуть,
 Чтобы в привычной земле тело покой обрело.
 55 Благо — от близких своих забот ожидать о могиле,
 Вместо того чтоб на корм рыбам морским угодить.
 Пусть я погибели злой заслужил — но здесь не один я
 На корабле,— за меня что ж неповинным страдать?
 О небожители, вы и лазурные боги морские,
 60 Сошмы и тех и других — нам перестаньте грозить!
 Жизнь, сохраненная мне милосерднейшим Цезаря
гневом,
 Лишь довлеклась бы до тех, мне предназначенных
мест!
 Если провинность мою сопоставить с возмездием —
знайте,
 Цезарем я за нее не был на смерть осужден.
 65 Если бы Цезарь желал услать меня к водам
стигийским,
 Ваша бы помощь ему в этом была не пужна.
 Только бы он захотел, моей бы он крови потоки
 Пролил — что сам даровал, он полноправен отнять.
 70 Вы же, кого никаким я не мог оскорбить преступленьем,
 Да удовольствуют вас, боги, страданья мои.
 Пусть несчастному жизнь сохранить вы желали бы
все же —
 Если пропал человек, то уж его не спасти.
 Вы пощадите меня, и море утихнет, и ветер
 Станет попутным,— а я? Ссылным останусь, увя!
 75 Жадностью я не гоним, богатств не ищу непомерных,
 Чтобы товары менять, в море бразды не веду;
 Как в молодые года, учиться не еду в Афины
 И не к азийским стремлюсь видешным мной городам.
 Я не мечтаю, сойдя в Александровом городе славном,
 80 Видеть услады твои, о жизнерадостный Нил.
 Кто бы поверил, зачем ожидаю попутного ветра? —
 Быть на сарматской земле я бессмертных молю.

Велено жить мне в дикарской стране, на западном

Понте,—

85 Плачусь, что медленно так мчусь я от родины прочь.
Чтоб очутиться в глухих, бог весть где затерянных
Томах,

Сам я изгнания путь, вышних моля, тороплю.

Если я вами любим, эти страшные воды смирите,

Божеской волей своей мой охраните корабль.

Если ж не мил, не спешите к земле, мне сужденной,
причалить —

90 Полнаказания в том, где мне приказано жить.

Мчите! Что делать мне здесь? Паруса надувайте мне,
ветры!

Все ли мне вдоль берегов милой Авзонии плыть?

Цезарь не хочет того — не держите гопимого богом!

Пусть увидит меня берег Понтийской земли.

95 Цезарь меня покарал, я виновен: блюдя благочестье,

Я преступлений своих и не берусь защищать.

Но коль деянья людей не вводят богов в

зablужденье,

Знайте: хоть я виноват, нет злодеяний за мной.

Сами вы знаете: я совершил и вправду оплошность,

100 В этом не умысел злой — глупость повинна моя.

Если я Августов дом поддерживал, меньший из граждан,

Если я Цезарев суд волей всеобщей считал,

Если время его называл я счастливейшим веком,

Если я Цезарю жег ладан и Цезарям всем,

105 Ежели все это так, меня пощадите, о боги!

Если же нет — с головой пусть меня скроет волна.

Что это? Или редеть начинают набухшие тучи?

Или меняется вид моря, смирившего гнев?

То не случайно! То вы, в благовременье призваны, боги,

110 Не ошибаясь ни в чем, мне пожелали помочь,

3

Только представляю себе той ночи печальнейшей образ,

Той, что в Граде была ночью последней моей,

Только лишь вспомню, как я со всем дорогим

расставался,—

Льются слезы из глаз даже сейчас у меня.

5 День приближался уже, в который Цезарь назначил

Мне за последний предел милой Авзонии плыть.

Чтоб изготовиться в путь, ни сил, ни часов не хватало;
Все отупело во мне, заоченела душа.

Я не успел для себя ни рабов, ни спутника выбрать,
10 Платья не взял, никаких ссыльному нужных вещей.

Я помертвел, как тот, кто, молнией Зевса сраженный,
Жив, по не знает и сам, жив ли еще или мертв.

Лишь когда горькая боль прогнала помрачавшие душу
Тучи и чувства когда вновь возвратились ко мне,

15 Я наконец, уходя, к друзьям обратился печальным,
Хоть из всего их числа двое лишь было со мной.

Плакала горше, чем я, жена, меня обнимая,
Ливнем слезы лились по неповинным щекам.

Дочь в то время была в отсутствии, в Ливии дальней,
20 И об изгнанье моем знать ничего не могла.

Всюду, куда ни взгляни, раздавались рыдания и стоны,
Будто бы дом голосил на погребенье моем.

Женщин, мужчин и даже детей моя гибель повергла
В скорбь, и в доме моем каждый был угол в слезах.

25 Если великий пример применим к ничтожному делу —
Троя такую была в день разрушенья ее.

Но и людей и собак голоса понемногу притихли,
И уж луна в небесах ночи коней погнала.

Я поглядел на все, а потом и на тот Капитолий,
30 Чья не на пользу стена с Ларом сомкнулась моим.

«Вышние силы! — сказал, — чья в этих палатах
обитель,

Храмы, которых моим впредь уж не видеть глазам,
Вы, с кем я расстаюсь, Квиринова гордого града

Боги, в сей час и навек вам поклоненье мое.

35 Пусть я поздно берусь за щит, когда уже ранен, —

Все же изгнанья позор, боги, снимите с меня.

Сыну небес, я молю, скажите, что впал я в ошибку,

Чтобы вину он мою за преступленье не счел.

То, что ведомо вам, пусть услышит меня покаравший.

40 Умилосердится бог — горе смогу я избыть».

Так я всевышних молил; жены были долгие моленья.

Горьких рыданий ее всхлипы мешали словам.

К Ларам она между тем, распустив волоса, припадала,

Губы касались, дрожа, стывшей алтарной золы.

45 Сколько к Пенатам она, не желавшим внимать,
обращала

Слов, бессильных уже милого мужа спасти!

Но торопливая ночь не давала времени медлить,

Вниз от вершины небес нимфа аркадская шла,

50 Что было делать? Меня не пускала любимая нежно
Родина — но наступил крайний изгнания срок.
Сколько я раз говорил поспешавшим: «К чему
торопиться?»
Вдумайтесь только, куда нам и откуда спешить!»
Сколько я раз себе лгал, что вот уже твердо назначен
Благоприятнейший час для отправления в путь.
55 Трижды ступил на порог и трижды вернулся—казалось,
Ноги в согласье с душой медлили сами идти.
Сколько я раз, простившись, опять разговаривал долго,
И, уж совсем уходя, снова своих целовал.
Дав порученье, его повторял; желал обмануться,
60 В каждом предмете хотел видеть возврата залог.
И наконец: «Что спешить? — говорю. — Я в Скифию
выслан,
Должен покинуть я Рим — медля, я прав, и вдвойне!
Я от супруги живой живым отторгаюсь навеки,
Дом оставляю и всех верных домашних своих.
65 Я покидаю друзей, любимых братской любовью,—
О, эта дружба сердец, верный Тесея завет!
Можно еще их обнять, хоть раз — быть может,
последний,—
Я упустить не хочу мне остающийся час».
70 Медлить больше нельзя. Прерываю речь на полслове,
Всех, кто так дорог душе, долго в объятьях держу.
Но, между тем как еще мы прощались и плакали,
в небе
Ярко Денница зажглась — мне роковая звезда.
Словно я надвое рвусь, словно часть себя покидаю,
Словно бы кто обрубил бедное тело мое.
75 Метий мучился так, когда ему за измену
Кони мстили, стремя в разные стороны бег.
Стоны и вопли меж тем моих раздаются домашних,
И в обнаженную грудь руки печальные бьют.
Вот и супруга, висая на плечах уходящего, слезы
80 Перемешала свои с горечью слов, говоря:
«Нет, не отнимут тебя! Мы вместе отправимся, вместе!
Я за тобою пойду ссыльного ссыльной женой.
Путь нам назначен один, я на край земли уезжаю.
Легкий не будет мой вес судну изгнания тяжел.
85 С родины гонит тебя разгневанный Цезарь, меня же
Гонит любовь, и любовь Цезарем будет моим».
Были попытки ее повторением прежних попыток,
И покорилась едва мысли о пользе она.

25 Сжальтесь, сжальтесь, молю, хоть вы, о боги морские!
Будет с меня и того, что Громовержец мне враг!
От истомленной души жестокою смерть отведите —
Если погибель минуть может того, кто погиб.

5

Ты, кто меж прочих друзей не бывал мною назван
не первым,
Ты, кто долю мою долей считаешь своей,
Кто, когда грома удар поразил меня, первым решился
Вовремя дух поддержать, помню, беседой своей,
5 Ты, кто мягко совет мне подал в живых оставаться
В день, когда сердце мое страстно лишь к смерти
влеклось,—
Ты опознаешь себя под приметами, скрывшими имя:
Перечень добрых твоих дел ошибиться не даст.
Их навсегда сохранию в глубинах души сокровенных,
10 Вечно за то, что живу, буду твоим должником.
Раньше этот мой дух в пустом растворяется
пространстве,
Кости оставив мои в гаснущем пепле костра,
Нежели я забвенью предаю все то, что ты сделал,
Или пройдет невзначай верная нежность моя.
15 Пусть милосердие богов такой пошлет тебе жребий,
Чтобы в услуге чужой ты не нуждался, как я.
Если б мои паруса попутным наполнились ветром,
Может быть, верность твою я бы не мог испытать:
Так бы не мог Пирифой убедиться в Тесеевой дружбе,
20 Если б живым не сошел с ним к Ахеронту Тесей.
Верный фокеец, что стал примером любви настоящей,
Этим обязан твоим фуриям, бедный Орест!
Если бы к рутулам в плен, к врагам, Евриал
не попался,
Славы не знал бы и ты, чадо Гиртаково, Нис.
25 Как надлежит на огне испытывать золота пробу,
Надо и верность людей в полосу бед узнавать.
Если Фортуна добра и тебе улыбается ясно,
Все устремляются вслед за колесницей твоей,
Но разразится гроза — и бегут, узнавать не желая,
30 Прочь от того, вслед за кем сонмом теснились вчера.
Все это знал я давно по примерам ранее живших,
Ныне же в бедах своих горькую правду постиг.

- Двое иль трое всего мне остались донине друзьями —
Прочие льнули толпой к доле моей, не ко мне.
- 35 Вам-то теперь и помочь мне в беде, если вас так
немного.
Дать надежный приют жертве погибельных воли.
В страхе дрожать показном перестаньте, напрасно
не бойтесь,
Верность дружбе храпя, богу обиду нанести.
Цезарь нередко хвалил и в войсках противника
верность,
- 40 Он ее ценит в своих и во врагах ее чтит.
Дело не тяжко мое: никогда не служил я знаменам
Вражьим, изгнанником стал лишь по своей простоте.
Значит, за делом моим, умоляю, следи неусыпно,—
Если возможно смягчить чем-либо гнев божества.
- 45 Если захочет иной о делах моих больше разведать,
Пусть он знает: нет сил выполнить просьбу его.
Бед не исчислить моих, как звезд, сияющих в небе,
Или в пустынном песке оку незримых частиц.
Столько я мук испытал, что никто и помыслить
не может;
- 50 Все было подлинно так, но не поверит никто.
Части их вместе со мной умереть надлежит.
О, когда бы
То, что скрываю я сам, скрытым остаться могло!
Трубный я голос имей и грудь выносливей меди,
Будь сто уст у меня, в них же по сто языков,
- 55 В слово бы я и тогда не мог вместить мои муки:
Слишком обилен предмет, чтобы достало мне сил!
Полно описывать вам, ученым поэтам, невзгоды
Странствий Улиссовых: я больше Улисса страдал.
Многие годы Улисс на малом скитался пространстве,
Между Дулихием он и Илионом блуждал;
- 60 Я же, проплыв по морям, где не наши созвездия светят,
Роком к сарматской земле, к гетским прибит
берегам.
Был с ним надежный отряд сотоварищей, спутников
верных,—
Я же в изгнанье бежал, преданный всеми вокруг.
- 65 Радостно плыл он домой, возвращался в отчизну
с победой,—
Я же сейчас побежден, прочь от отчизны плыву.
Были бы домом моим Дулихий, Итака иль Самос —
Право, возмездьем пустым с ними разлука была б;

70 Мне же обителю был над всем падзирающим миром
Сам семихолмный Рим, власти чертог и богов.
Телом был тот закален, в трудах постоянных испытан —
Силы не те у меня, отроду нежен я был.
Тот свой век проводил в жестоких бранных тревогах —
Я же был предан всю жизнь тихим ученым трудам.
75 Богом я был утеснен, и никто не смягчил мое горе —
С ним же всечасно сама брани богиня была.
Меньше Юпитера тот, кто морем взволнованным правит:
Гнев он Нептуна познал, я жё — Юпитера гнев.
80 Все злоключенья его — прибавь! — едва ли не басни —
А в испытаньях моих выдумки нет и следа.
Он, несмотря ни на что, достиг желанных Пенатов,
Вновь обладателем стал чаемых долго полей —
Мне ж предстоит навсегда лишиться отеческой почвы,
Ежели только свой гнев бог не изволит смягчить.

10

Пусть охранит мой корабль приязнь белокурой
Минервы;
Писан на нем ее шлем, символ названья его.
Под парусами ль идет — он малейшим гоним
дуновеньем,
Если ж на веслах одних — людям нетрудно грести.
5 Спутников мало ему побеждать стремительным бегом —
Вышедших раньше, и тех он обгоняет легко.
Качку выносит зыбей, неустанный выносит он приступ
Волн и под натиском их течи ни разу не даст.
10 Судно мое я впервые узнал в коринфских Кеихреях —
Верного друга, вождя ссылки поспешной мой.
Он через много препон, и морей, и враждующих ветров,
Волей Паллады храним, благополучно прошел.
Пусть он, молю, и теперь до устьей просторного Понта
Благополучно плывет, к гетской причалит земле.
15 К морю он вывел меня, что зовется Эоловой Геллы
Морем, по дальним волнам узкий отмеривши путь,
Влево свернув, за кормой мы оставили Гекторов город
И добрались до твоих пристаней, Имброс морской.
20 С легким ветром потом подойдя к побережьям Зеринфа,
На Самофракию мой прибыл усталый корабль.
А от нее переход невелик для идущих в Темпире.
Только до этих берегов плыл с господином корабль,

Ибо решил я пройти Бистонской равниной по суше —
Он к Геллеспонту меж тем вновь направляет свой
путь.

25 Мчится к Дардании он, основателя имя носящей,
Мчится к тебе, о Лампсак, богом хранимый садов,
К узкой теснине морской, где плыла на беду свою дева,
Где Абидос отделен бурной от Сеста волной,
30 Дальше на Кизик идет, что у самой лежит Пропонтиды,
Кизик, прославленный град, труд гемопийский
мужей,
И на Византий, где брег над жерлом господствует Понта
Там, где меж смежных морей настезь распахнута
дверь.

Долгую пусть одолеет стезю и с Австром попутным
Между подвижных пройдет скал Кианейских легко,
35 Чтобы, Фипийский залив и град миновав Аполлона,
Вскоре возвышенных стен Анхиалийских достичь,
Порт Месебрийский пройти, Одесс и крепость, которой
Некогда имя твое жители дали, о Вакх,
Также и ту, где нашли пришельцы от стен Алкафоя —
40 Так преданье гласит — Ларам бездомным приют,
И невредимо придет оттуда в город милетский,
Где оскорбленный бог в гневе обрек меня жить.

Если туда доплывет, мы овцу заколем Минерве —
Жертва богаче, увы, мне недоступна теперь.
45 Также Типдара сыны, на острове чтимые эгом,
Милость явите и вы мне на обоих путях:
Первый из двух кораблей Симплегад теснину минует,
Будет второй бороздить моря Бистонского зыбь.
Но, хоть и к разным местам, пусть по милости вашей
с попутным
50 Ветром помчится один, с ветром попутным—второй.

КНИГА ТРЕТЬЯ

2

Стало быть, рок мне судил и Скифию тоже увидеть,
Где Ликаонова дочь ось над землею стремит.
О Пиэриды, ни вы, ни божественный отпрыск Латоны,
Сонм искушенный, жрецу не помогли своему!
5 Не было пользы мне в том, что, игривый, я не был
преступец,
Что моя Муза была ветреней жизни моей.
Много я вынес беды на суше и на море, прежде
Чем приютил меня Понт, вечною стужей знобим.
Я, убегавший от дел, для мирных досугов рожденный,
10 Мнивший, что всякий тяжел силам изнеженным
труд,
Все терпеливо сношу. Но ни море, лишенное портов,
Ни продолжительный путь не погубили меня.
Противоборствует дух, и тело в нем черпает силы,
И нестерпимое он мне помогает терпеть.
15 В дни, когда волны меня средь опасностей гнали
и ветры,
Труд избавлял от тревог сердце больное мое.
Но лишь окончился путь и минули труды переезда,
Только я тронул стопой землю изгнанья, с тех пор
Плач — вся отрада моя, текут из очей моих слезы
20 Вод изобильнее, с гор льющихся вешней порой.
Рим вспоминаю и дом, к местам меня тянет знакомым
И ко всему, что — увы! — в Граде оставлено мной.
Горе мне! Сколько же раз я в двери стучался могилы—
Тщетно, ни разу они не пропустили меня!
25 Стольких мечей для чего я избег и зачем угрожала,
Но не сразила гроза бедной моей головы?

Боги, вы, чьей вражды на себе испытал я упорство,
В ком соучастников зрит гнев одного божества,
Поторопите, молю, нерадивые судьбы, велите,
30 Чтоб наконец предо мной смерти открылись врата!

3

Может быть, ты удивишься тому, что чужою рукою
Это посланье мое писано: болен я был.
Болен, неведомо где, у краев неизвестного мира,
В выздоровленье своем был не уверен я сам.
5 Вообрази, как страдал я душой, не вставая с постели,
В дикой стране, где одни геты, сарматы кругом.
Климат мне здешний претит, не могу и к воде я
привыкнуть,
Здесь почему-то сама мне и земля не мила.
Дом неудобный, еды не найдешь, подходящей больному,
10 Некому боли мои Фебовой лирой унять;
Друга здесь нет, кто меня утешал бы занятным рассказом
И заставлял забывать времени медленный ход.
Изнемогая, лежу за пределами стран и народов
И представляю с тоской все, чего более нет.
15 В думах, однако, моих ты одна первенствуешь, сунруга,
Главная в сердце моем принадлежит тебе часть.
Ты далеко, но к тебе обращаюсь, твержу твоё имя,
Ты постоянно со мной, ночь ли подходит иль день.
Даже когда — говорят — бормотал я в безумии бреда,
20 Было одно у меня имя твоё на устах.
Если совсем обессилел язык под коснеющим небом,
Если его оживить капля не сможет вина,
Пусть только весть принесут, что жена прибыла, —
и я встану,
Мысль, что увижу тебя, новой мне силы придаст.
25 Буду ль я жив, не уверен... А ты, быть может, в веселье
Время проводишь, увы, бедствий не зная моих?
Нет, дорогая жена! Убежден, что в отсутствие мужа
Обречены твои дни только печали одной.
Если, однако, мой рок мне сужденные сроки исполнил
30 И подошел уже час ранней кончины моей, —
Ах, что стоило б вам над гибнущим сжалиться, боги,
Чтобы хотя б погребен был я в родимой земле,
Хоть бы до смерти моей отложено было возмездье
Или внезапный конец ссылку мою предварил!

35 Прежде я с жизнью земной, не намучившись, мог бы
расстаться —
Ныне мне жизнь продлена, чтобы я в ссылке погиб.
Значит, умру вдалеке, на каком-то безвестном
прибрежье,
Здесь, где печальную смерть сами места омрачат?
Значит, мне умирать не придется в привычной постели?
40 Кто в этом крае мой прах плачем надгробным
почтит?
Слезы жены дорогой, мне лицо орошая, не смогут
Остановить ни на миг быстрое бегство души?
Дать не смогу я последний наказ, и с последним
прощаньем
Век безжизненных мне дружбы рука не смежит.
45 Без торжества похорон, не почтенный достойной
могилой,
Мой неоплаканный прах скроет земля дикарей.
Ты же, узнав про меня, совсем помутись рассудком,
Станешь в смятенную грудь верной рукой ударять.
Будешь ты к этим краям напрасно протягивать руки,
50 Бедного мужа вотще будешь по имени звать.
Полно! Волос не рви, перестань себе щеки царапать —
Буду не в первый я раз отнят, мой свет, у тебя.
В первый раз я погиб, когда был отправлен
в изгнание, —
То была первая смерть, горшая смерть для меня.
55 Ныне, о жен образец, коль сможешь — но сможешь
едва ли, —
Радуйся только, что смерть муки мои прервала.
Можешь одно: облегчать страдания мужеством сердца —
Ведь уж от бедствий былых стала ты духом тверда.
Если бы с телом у нас погибали также и души,
60 Если б я весь, целиком, в пламени жадном исчез!
Но коль в пространство летит возвышенный, смерти
не зная,
Дух наш, и верно о том старец самосский учил,
Между сарматских теней появится римская, будет
Вечно скитаться среди них, варварским манам чужда.
65 Сделай, чтоб кости мои переправили в урне смиренной
В Рим, чтоб изгнанником мне и после смерти не быть.
Не запретят тебе: в Фивах сестра, потерявшая брата,
Похоронила его, царский нарушив запрет.
Пепел мой перемешай с листвою и толченым амомом
70 И за стеной городской тихо землю засыпь.

Пусть, на мрамор плиты взглянув мимолетно, прохожий
Крупные буквы прочтет кратких надгробных стихов:
«Я под сим камнем лежу, любовных утех воспеватель,
Публий Пазон, поэт, сгубленный даром своим.
75 Ты, что мимо идешь, ты тоже любил, потрудись же,
Молви: Назона костям пухом да будет земля!»
К надписи слов добавлять не надо: памятник создан —
Книги надежней гробниц увековечат певца.
80 Мне повредили они, но верю: они и прославят
Имя его и дадут вечную жизнь и творцу.
Ты же дарами почти погребальными маны супруга,
Мне на могилу цветов, мокрых от слез, принеси —
Хоть превратилось в огне мое тело бренное в пепел,
Благочестивый обряд скорбная примет зола.
85 О, написать я хотел бы еще, но голос усталый
И пересохший язык мне не дают диктовать.
Кончил. Желаю тебе — не навеки ль прощаясь —
здоровья.
Коего сам я лишен. Будь же здорова, прости!

7

В путь! Передайте привет, торопливые строки, Перилле:
Верный посланец, письмо, к ней мою речь донеси.
То ли застанешь ее сидящей близ матери нежной,
То ли меж книг, в кругу ей дорогих Пиэрид.
5 Всякий прервет она труд, о твоём лишь узнает
прибытье,
С чем ты, спросит, пришло, спросит и как я живу?
Ей отвечай, что живу, но так, что не жить предпочел бы,
Что затянувшийся срок бед не уменьшил моих.
10 Хоть пострадал я от Муз, однако же к ним возвратился,
Из сочетания слов строю двустигхья опять.
«Ты не забыла ль, спроси, наших общих занятий? Ученым
Все ли стихам предана нравам отцов вопреки?»
Рок и природа тебе целомудренный нрав даровали,
Лучшие свойства души и поэтический дар.
15 Первым тебя я привел на священный источник Пегаса,
Чтобы в тебе не скудел сок плодоносной струи.
В годы девичьи твой дар уже заметил я первым
И, как отец, для тебя спутником стал и вождем.
Так, если тот же огонь в груди у тебя сохранится,
20 Лесбоса лира одна сможет тебя превзойти,

Только боюсь, что тебе судьба моя встанет преградой,
 Что злоключенья мои сердце твое охладят.
 Часто, бывало, ты мне, я тебе, что напишем, читали.
 Был для тебя и судьей, был и наставником я.
 25 Я со вниманьем стихи, сочиненные только что, слушал,
 Слабые встретив, тебя я покраснеть заставлял.
 Может быть, видя пример, как я погибаю от книжек,
 Думаешь: вдруг и тебя кара подобная ждет?
 30 Страх, Перилла, оставь, но только своими стихами
 Женщин не совращай и не учи их любви.
 Праздность гони от себя и, уже овладевшая знаньем,
 Снова искусству служи, к жертвам привычным
 вернись.
 К этим прелестным чертам прикоснутся губители-годы,
 Вскоре морщина пройдет по постаревшему лбу.
 35 Руку на эту красу поднимет проклятая старость —
 Тихо подходит она, поступь ее не слышна.
 Скажет иной про тебя: красива была! Огорчишься,
 В зеркало взглянешь — его станешь во лжи обвинять.
 40 Скромны средства твои, хоть ты и огромных достойна,
 Но и представив, что ты в первом ряду богачей,—
 Знай, своевольна судьба: то даст, то отнимет богатство,
 Иром становится вмиг тот, кто пошине был Крез.
 Но для чего пояснять? Лишь одним преходящим
 владеем,
 Кроме того, что дают сердце и творческий дар.
 45 Вот хоть бы я: и отчизны лишен, и вас, и Пенатов,
 Отнято все у меня, что было можно отнять.
 Только мой дар неразлучен со мной, и им я утешен,
 В этом у Цезаря нет прав никаких надо мной.
 Пусть кто угодно мне жизнь мечом прикопчит свирепым,
 50 И по кончине моей слава останется жить.
 Будет доколь со своих холмов весь мир покоренный
 Марсов Рим озирать, будут читать и меня.
 Ты же — счастливей твое да будет призываье! —
 старайся,
 Сколько возможно тебе, смертный костер
 превозмочь!

9

Да, здесь есть города с населением — кто бы
 поверил? —
 Греческим, в тесном кольце варварских диких
 племен,

Некогда даже сюда поселенцы зашли из Милета,
Стали меж гетов свои сооружать очаги.

5 Местности имя меж тем древней, чем построенный
город:

Был здесь зарезан Абсирт, месту название дав.
На корабле, что воинственной был попеченьем Минервы
Создан и первым прошел даль неиспытанных вод,

10 Бросив отца, прибыла, по преданью, злодейка Медея
К этому берегу, залив плеском встревожив весла.
Встав на высоком холме, заметил дозорный погоню:
«Враг подошел! Паруса вижу, Колхида, твои!»

Трепет мишицев объял. Пока причалы снимают,
Быстрые руки пока якорный тянут канат,

15 Правду возмездья поняв, она грудь разит себе длатью,
Столько свершившей уже, столько готовящей зол.
И хоть таила в душе преизбыток решимости дерзкой,
Бледность была у нее на уstraшенном лице.

Вот, увидав вдали паруса: «Мы пойманы! — молвит. —
20 Надобно хитрость найти, чтобы отца задержать!»

И, озираясь вокруг, не зная, как быть и что делать,
Вдруг на брата она кинула взор невзначай.

Кстати явился он ей. «Победила! — она восклицает.
Знаю: кончиной своей он мое счастье спасет!»

25 Мальчик в неведенье зла ничего между тем
не страшился;

Миг — и невинному в бок меч свой вонзает она.

Тело на части разъяв, куски разъятые плоти
В поле спешит разбросать, где их сыскать пелегко.

30 А чтоб отец все знал, к вершине скалы прикрепляет
Бледные руки его с кровоточащей главой —

Чтоб задержала отца эта новая скорбь, чтоб, останки
Сына ища, задержал полный печальми путь.

Томами с этой поры зовется место, где тело

Брата родного сестра острым мечом рассекла.

10

Ежели кто-нибудь там об изгнаннике помнит Назопе,

Если звучит без меня в Городе имя мое,

Пусть он знает: живу под созвездьями, что не касались
Глади морей никогда, в варварской дальней земле.

5 Вкруг — сарматы, народ дикарей, и бессы, и геты, —
Как унижают мой дар этих племен имена!

В теплое время, с весны, защитой нам Истра теченье,
Он преграждает волной вылазки дерзких врагов,
10 Но лишь унылой зимы голова заскорузлая встанет,
Землю едва убелит мрамором зимним мороз,
Освободится Борей, и снег соберется под Арктом,—
Время ненастья и бурь тягостно землю гнетет.
Снега навалит, и он ни в дождь, ни на солнце не тает,—
15 Оледенев на ветру, вечным становится снег.
Первый растаять еще не успел — а новый уж выпал,
Часто, во многих местах, с прошлого года лежит.
Столь в этом крае могуч Аквилон мятежный, что, дуя,
Башни ровняет с землей, сносит, сметая, дома.
20 Мало людям тепла от широких штанин и овчины:
Тела у них не видать, лица наружу одни.
Часто ледышки висят в волосах и звенят при движенье,
И от мороза блестит, белая вся, борода.
Сами собою стоят, сохраняя объемы кувшинов,
Вина: и пить их дают не по глотку, а куском.
25 Что расскажу? Как ручьи побежденные стынут от стужи
Или же как из озер хрупкой воды достают?
Истр не уже реки, приносящей напирус: вливает
В вольное море волну многими устьями он,
30 Но, если дуют ветра беспрерывно над влагой лазурной,
Стынет и он и тайком к морю, незримый, ползет.
Там, где шли корабли, пешеходы идут, и по водам,
Скованным стужею, бьет звонко копыто коня.
Вдоль по неожиданным мостам — вода подо льдом
протекает —
35 Медленно тащат волы тяжесть сарматских телег.
Трудно поверить! Но лгать поистине мне бесполезно —
Стало быть, верьте вполне правде свидетельских слов.
Видел я сам: подо льдом недвижим был Понт
необъятный,
Стылую воду давил скользкою коркой мороз.
40 Мало увидеть — погой касался я твердого моря,
Не намокала стопа, тропув поверхность воды.
Если бы море, Леандр, таким пред тобой расстлалось,
Воды пролива виной не были б смерти твоей!
В эту погоду взлетать нет силы горбатым дельфинам
45 В воздух: сдержаны злой все их попытки зимой.
Сколько Борей ни шумит, ни трепещет бурно крылами,
Все же не может поднять в скованных водах волну.
Так и стоят корабли, как мрамором, схвачены льдами,
Окоченелой воды взрезать не может весло.

50 Видел я сам: изо льда торчали примерзшие рыбы,
 И, между прочим, средь них несколько было живых.
 Так, едва лишь Борей могучею, грозною силою
 Полюе воды реки, волны на море скует,
 Истр под ветром сухим становится ровен и гладок
 И по нему на конях дикий проносится враг.
 55 Враг, опасный конем и далеко летящей стрелою,
 Все истребляет вокруг, сколько ни видно земли.
 Многие в страхе бегут. Никто за полями не смотрит,
 Не охраняют добра, и разграбляется все:
 60 Бедный недостаток селян и скотина с арбою скрипучей —
 Все, что в хозяйстве своем житель убогий имел.
 В плен уводят иных, связав им за спины руки,—
 Им уж не видеть вовек пашен и Ларов своих!
 Многих сражает степняк своей крючковатой стрелою —
 Ковчик железный ее красящий яд напитал.
 65 Все, что не в силах беглец унести или вывезти, гибнет,
 Скромные хижины вмиг вражий съедает огонь.
 Здесь внезапной войны и в спокойное время страшатся,
 Не налегают на плуг, землю не пашет никто.
 Или же видят врага, иль боятся его, хоть не видят.
 70 Как неживая лежит, брошена всеми, земля.
 Здесь под тенью лозы не скрываются сладкие гроздьи,
 Емкий сосуд не шипит, полный вином до краев,
 Нет тут сочных плодов, и Аконтию не на чем было б
 Клятвы слова написать, чтобы прочла госпожа.
 75 Видишь без зелени здесь, без деревьев нагие равнины.
 Нет, счастливый сюда не забредет человек!
 Так, меж тем как весь мир необъятный раскинут
 широко,
 Для наказания мне этот назначили край!

Ты, что поносишь меня в моих злосключеньях,
 бесчестный,
 И беспрестанно меня, крови взыскупя, винишь,
 Скалами ты порожден, молоком ты вскормлен звериным,
 Не сомневаясь, скажу: камни в груди у тебя.
 5 Где, на каком рубеже твоя остановится злоба?
 Где усмотрел ты беду, что миновала меня?
 Поит пеприютный, Борей да аркадской Медведицы звезды
 Только и видят меня в варварском этом краю.

10 Ни на каком языке не могу говорить с дикарями,
Все здесь, куда ни взгляни, полнит опасливый страх.
Как быстроногий олень, когда жадным он пойман
медведем,

Или овца посреди с гор набежавших волков,
Так же и я трепещу в окруженье племен беспокойных,
15 Чуть не виритык у ребра вражеский чувствуя меч.
Пусть бы кара мала: любимой лишиться супруги,
Родины милой, всего, в чем наслажденья залог,—
Пусть бы из всех невзгод только Цезаря гнев я изведал,
Мало ли было навлечь Цезарев гнев на себя?
20 Все же нашелся такой, кто рад беречь мои раны,
Бойким своим языком всю мою жизнь очернить.
В тяжбе нетрудной блистать способен любой
краспоречьем.

Много ли надобно сил, чтобы разбитое бить?
Крепкие стены твердынь разрушать — достославное дело,
То, что готово унасть, может повергнуть и трус.
25 Я уж не тот, кем был,— что ж ты тень бесплотную
топчешь?

Камень бросить спешить в мой погребальный костер?
Гектор Гектором был, доколе сражался, и не был
Гектором больше, влачим вслед гемонийским коням.
30 Помни, что я уж не тот, которого знал ты когда-то,
Нет его больше в живых, призрак остался взамен.
Что ж ты призрак пустой преследуешь злыми речами?
Полно! Прошу, перестань маны тревожить мои.
Чистою правдой признай все мои преступления, но только
Их не злодейством считай, а заблужденье скорей.
35 Я наказанье и так отбываю — насыть свою злобу!
Карой изгнанья плачусь, местом изгнанья самим.
Доля моя палачу показаться могла бы плачевной,
Лишь для тебя одного я еще мало казим.
Не был злее тебя и Бусирид, не был жесточе
40 Тот, кто на слабый огонь медного ставил быка.
Не был и тот, кто быка преподнес царю сицилийцев,
Произведенье свое речью такой пояснив:
«Полезьа в созданье моем важней, чем сходство

с природой,
Больше за пользу меня, чем за искусство, хвали!
45 Здесь, на правом боку, у быка ты отверстие видишь?
Тех, кто на казнь осужден, можешь внутри запереть.
Жертву потом начинай на медленных угольях жарить —
Звует она, и бык, словно живой, замычит,

50 Ты на подарок такой равноценным ответь мне подарком
И за находку мою плату достойную дай».

Молвил ему Фаларид: «О казней выдумщик дивный!
Дело ты собственных рук кровью своей освяти».

Сказано — сделано: вмиг, как учил он, быка раскалили,
Так что из пасти его двойственный звук излетал.

55 О сицилийцах к чему я твержу меж сарматов и гетов?
Кто бы ты ни был, к тебе жалобы вновь обращаю.

Можешь вполне утолить свою жажду кровью моею,
Все, как хотел ты, сбылось — алчное сердце, ликуй!

60 Всяческих бед претерпел я на суше и на море столько,
Что по рассказам одним мог бы ты мне сострадать.

Ежели рядом со мной поставишь Улисса, увидишь:
Гневный, был страшен Нептун, гневный Юпитер
страшней.

Кто бы ты ни был, уймись, перестань беречь мои
раны,

Язв глубоких моих грубой не трогай рукой.

65 Чтобы затихли скорей о моей провинности толки,
Дай ты время моим зарубцеваться делам.

Помни об общей судьбе, она человека возвысит,
Тут же унижит его — бойся превратностей сам!

После того как со мной случилось такое, о чем я

70 Думать не мог, о моих все ж ты печешься делах...
Что же, не бойся: моя отныне всех горестней участь,
Цезаря гнев за собой все мои беды влечет.

А чтобы мог убедиться ты сам и словам моим верил,
Я пожелаю тебе кару мою испытать.

12

Уж холода умеряет Зефир — значит, год завершился,
Но меотийской зимы длительней зим я не знал.

Тот, кто вез на спине чрез море злосчастную Геллу,
В срок надлежащий сравнял длительность ночи и дня.

5 Юноши, верно, у вас и веселые девушки ходят
Рвать фиалки в местах, где их не сеял никто.

Тысячью разных цветов луговины уже запестрели,
Птицы, пигде не учась, песни поют о весне.

Ласточка, чтобы с себя материнское смыть
преступленье,

10 Ляльку под балкой крепит, стронит свой маленький
дом.

Злаки, что были досель бороздами скрыты Цереры,
 Снова из почвы сырой нежные тянут ростки.
 Там, где растет виноград, на лозе наливаются почки —
 Только от гетских краев лозы растут далеко!
 15 Там, где рощи шумят, на деревьях листва зеленеет —
 Только от гетских краев рощи шумят далеко!
 Ныне там время забав: уступает игрищам разным
 Форум свою суетню и красноречья бои.
 Там и ристанье коней, и с потешным оружием схватки;
 20 Дротики мечут, легко обручей катят круги.
 Юноши, тело свое натерев, текучее масло
 С мышц утомленных омыть девственной влагой
 спешат.
 Полон театр, там споры кипят, накаляются страсти,
 Три вместо форумов трех нынче театра шумят.
 25 Трижды, четырежды — нет, не исчислить, насколько
 блаженны
 Те, для кого не закрыт Град и улады его!
 Здесь же слежу я, как снег под весенними тает лучами,
 Как перестали ломать крепкий на озере лед.
 Море не сковано льдом, и по твердому Истру не гонит
 30 С грохотом громким арбу местный сармат-волопас.
 Скоро в ваш край прибывать и суда начнут понемногу,
 Возле Повтийской земли станет заморский корабль.
 Тотчас к нему побегу, корабельщика встречу приветом,
 Прибыл зачем, расспрошу, кто он, откуда приплыл.
 35 Странно тут видеть его, если он не из ближнего края,
 Если не плыл по своим он безопасным водам,—
 Редко кто так далеко из Италии по морю едет,
 Редко заходят сюда, где им пристанища нет.
 Греческим он языком владеет иль знает латинский —
 40 Этот язык для меня был бы, конечно, милей!
 Где бы на бурных волнах Пропонтиды иль в устье
 пролива
 По произволу ветров он ни пустил паруса,
 Кто бы он ни был, с собой, возможно, доставит он вести,
 Мне перескажет молву иль хоть частицу молвы.
 45 Если б он мог — об этом молю! — рассказать
 про триумфы
 Цезаря и про его богу латинян обет!
 Или как ты, наконец, Германия буйная, пала,
 Скорбной склопясь головой перед великим вождем.
 Тот, кто расскажет про все, о чем вдалеке я тоскую,
 50 Без промедленья войдет гостем желанным в мой дом,

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Если погрешности есть — да и будут — в моих
сочиненьях,
Вспомнив, когда я писал, их мне, читатель, прости.
В ссылке я был и не славы искал, а лишь роздыха
чаял,

- Я лишь отвлечься хотел от злоключений моих.
- 5 Так, волоча капдалы, поет землекоп-каторжанин,
Песней простецкой своей тяжкий смягчая урок;
Лодочник тоже, когда, согбенный, против теченья
Лодку свою волоча, в илестом вязнет песке.
- 10 Так, равномерно к груди приближая упругие весла,
Ровным движеньем волну режет гребец — и поет,
Так и усталый пастух, опершись на изогнутый посох
Или на камень присев, тешит свирелью овец.
- Так же — витку прядет, а сама напеваает служанка,
Тем помогая себе скрасить томительный труд.
- 15 Как увели — говорят — от Ахилла Лирнесскую дсву,
Лирой Гемонии он горе свое умерял.
Пеньем двигал Орфей и леса, и бездушные скалы
В скорби великой, жену дважды вавек потеряв.
- 20 Муза — опора и мне, неизменно со мной пребывавший
К месту изгнанья, на Поит, спутник единственный
мой.
- Муза ни тайных коварств, ни вражьих мечей не боится,
Моря, ветров, дикарей не устрашится она.
Знает, за что я погиб, какую свершил я оплошность:
В этом провинность моя, но злодеянья тут нет.
- 25 Тем справедливей она, что мне повредила когда то,
Что и ее обвинял вместе со мною судьба,

Если бы только, от них предвидя свои злоключенья,
Я прикасаться не смел к тайнам сестер Пиэрид!
Как же мне быть? На себе я могушество чувствую

Музы,

30 Гибну от песен, а сам песни, безумный, люблю.
Некогда лотоса плод, незнакомый устам дулихийцев,
Сам вредоносный для них, дивным их вкусом

пленял.

Муки любви сознает влюбленный, но к мукам привязаю,
Ту, от кого пострадал, сам же преследует он.

35 Так повредившие мне услаждают меня мои книги,
Будучи ранен стрелой, к ней я любовью влеком.
Может быть, люди сочтут одержимостью это

пристрастье.

Но одержимость в себе пользы частицу таит,
Не позволяет она лишь в горести взором вперяться,
40 Бед повседневных она мне замечать не дает.

Ведь и вакханка своей не чувствует раны смертельной,
С воплем, не помня себя, крижем Эдонии мчась.

Так, лишь грудь опалит мне зелень священного тирса,
Сразу становится дух выше печали людской.

45 Что ему ссылка тогда, побережье скифского Понта?
Бедствий не чувствует он, гнев забывает богов.

Словно из чаши отпил я дремотной влаги летеийской,
И в притупленной душе бедствий смягчается боль.

Чту я ведаром богинь, мою облегчающих муку,

50 Хор геликонских сестер, спутниц в изгнание благих,
На море и на земле меня удостоивших чести

Всюду сопутствовать мне, на корабле и пешком.

О благосклонности их и впредь я молю —

остальной же

Сопм бессмертных богов с Цезарем был заодно:

55 Столько послали мне бед, сколько есть на побережье
песчинок,

Сколько в морской глубине рыб или рыбьей икры.

Легче цветы сосчитать по весне, иль летом колосья,

Или под осень плоды, или снежинки зимой,

Нежели все, что стерпел я, кидаемый по морю, прежде

60 Чем на Евксинское смог левобережье ступить.

Но как и прибыл сюда, не легче стали невзгоды,

Рок злополучный меня также и здесь настигал.

Вижу теперь, что за нить от рожденья за мной

потянулась,

Пить, для которой одна черная спрядена шерсть.

- 65 Что говорить обо всех грозящих жизни засадах —
 Мой достоверный рассказ невероятным сочтут.
 Это ль не бедствие — жить обречен меж бессов и гетов
 Тот, чье имя всегда римский народ повторял!
 Бедствие — жизнь защищать, положась на ворота
и стены,
- 70 Здесь, где и вал крепостию обезопасит едва.
 В юности я избегал сражений на службе военной,
 Разве лишь ради игры в руки оружие брал.
 Ныне, состарившись, меч я привешивать вынужден
к боку,
- 75 Левою придерживать щит, в шлем облекать седину.
 Только лишь с вышки своей объявит дозорный тревогу,
 Тотчас дрожащей рукой мы надеваем доспех.
 Враг, чье оружие — лук, чьи стрелы напитаны ядом,
 Злобный разведчик, вдоль стен гонит храпящих
коней.
- Как, кровожадный, овцу, не успевшую скрыться в
овчарню,
- 80 Тащит волоком волк и через степи несет,
 Так любого, за кем не сомкнулись ворота ограды,
 Гонят враги-дикари, в поле застигнув его.
 В плен он, в неволю идет с ременной петлей на шес,
 Или на месте его яд убивает стрелы.
- 85 Так и хирею я здесь, новосел беспокойного дома,
 Медленно слишком, увя, тянется время мое.
 Но помогает к стихам и бывшему служенью вернуться
 Муза меж стольких невзгод — о чужестранка моя!
 Только здесь нет никого, кому я стихи прочитал бы,
- 90 Нет никого, кто бы внять мог мой латинский язык.
 Стало быть, сам для себя — как быть? — и пишу
и читаю —
- Вот и оправдан мой труд доброй приязнью судьи.
 Все ж я не раз говорил: для кого я тружусь
и стараюсь?
- Чтобы писанья мои гет иль сармат прочитал?
- 95 Часто, покуда писал, проливал я обильные слезы,
 И становились от них мокры таблички мои.
 Старые раны болят, их по-прежнему чувствует сердце,
 И проливается дождь влаги печальной на грудь.
 А иногда и о том, чем был, чем стал, размышляю,
- 100 Мыслию: куда меня рок — ах! — и откуда унес!
 Часто в безумье рука, разгневапа вредным искусством,
 Песни бросала мои в запламеневший очаг.

По хоть от множества строк всего лишь немного
осталось,

Благожелательно их, кто бы ты ни был, прими.

105 Ты же творенья мои, моей внешней жизни не краше,
Недосягаемый мне, строго — о Рим! — не суди.

КНИГА ПЯТАЯ

5

- День рожденья моей госпожи привычного дара
Требует — так приступи к жертве священной, рука!
Может быть, так проводил когда-то и отпрыск Лаэрта
День рожденья жепы где-то у края земли.
- 5 Все наши беды забыв, пусть во благо язык мой вещает,
Хоть разучился, боюсь, молвить благие слова.
Плащ падену, какой лишь раз в году надеваю,
Пусть его белизна с долей моей не в ладу.
- 10 Надо зеленый алтарь сложить из свежего дерна,
Тихо горящий огонь пусть опояшет цветы.
Ладан подай мне, слуга, чтобы стало пламя пышнее,
И возлияний вино пусть на огне зашипит.
- Славный рожденья день, хоть я от нее и далеко,
Светлым сюда приходи, будь непохожим на мой!
- 15 Если моей госпоже суждена была горькая рана,
Пусть злоключений моих хватит с нее навсегда.
Пусть корабль, выше сил настрадавшийся в качках
жестоких,
Ныне свой путь остальной морем спокойным пройдет.
Пусть веселится она на дом свой, на дочь,
на отчизну —
- 20 Хватит того, что один радостей этих лишен.
Если любимый муж принес ей только несчастье,
Пусть у нее в остальном будет безоблачна жизнь.
Жить продолжай и люби — поневоле издали — мужа,
И да бегут чередой долгие годы твои,
- 25 Я бы к твоим прибавил свои, но боюсь, что при этом
Участь твою заразит, словно недугом, мой рок.
В жизни неверно ничто. Кто мог бы подумать, что ныне
Этот священный обряд буду меж гетов творить?

Но посмотри, как дымок, которым ладан курится,
 30 Вдаль, к италийским краям, вправо отсюда летит.
 Чувство, стало быть, есть в облачках, огнем
 порожденных, —
 Мчатся недаром они от берегов твоих, Понт.
 Так же недаром, когда всенародно жертвы приносят
 Братьям, друг друга в бою братской сразившим
 рукой,
 35 Сам с собой во вражде, как будто по их завещанью,
 Черный на две струи делится дым над огнем.
 Помню, я раньше считал невозможным подобное диво,
 Баттов казался внук лживым свидетелем мне;
 40 Ныне я верю всему: я вижу, как от Медведиц
 Ты, разумный дымок, правишь к Авзонии путь.
 Вот он, сияющий день! Когда б не настал он когда-то,
 Я бы в горе моем праздника век не видал.
 Доблесть в тот день родилась — героинь достойная
 доблесть:
 Той, чей Эетиоп, той, чей Икарий отец.
 45 Честность явилась с тобой, благодетель, стыдливость и
 верность,
 Только радость одна не родилась в этот день.
 Вместо нее — и заботы, и труд, и удел, недостойный
 Нравов таких, и тоска вдовья при муже живом.
 Так, но доблесть души, закаленная опытом бедствий,
 50 Случай списать хвалу видит в несчастье любом.
 Если бы храбрый Улисс не столько страдал,
 Пенелопа,
 Женское счастье познав, славную стать не могла б.
 Если бы муж с победой вошел в Эхионову крепость,
 Вряд ли Евадну могли даже на родине знать.
 55 И почему лишь одну из рожденных Пелием славят?
 Только у этой одной был несчастливцем супруг.
 Если бы первым другой ступил на берег троянский,
 Про Лаодамию что повествовать бы могли?
 Так же — но лучше бы так! — и твоя не узналась бы
 верность,
 60 Если бы парус мой мчал ветер попутный всегда.
 Вечные боги! И ты, чье место меж ними, о Цезарь, —
 Но лишь когда превзойдешь старца пилосского
 рек, —
 Не за себя я молю; винюсь, пострадал я за дело —
 Сжальтесь над горем ее, нет за невинной вины.

Перед тобою письмо, из мест пришедшее дальних,
 Области, где широко в море вливается Истр.
 Если приятно живешь и при этом в добром здоровье,
 Значит, и в жизни моей все-таки радости есть.

5 Если же ты про меня, как обычно, спросишь, мой
 милый,—

Так догадаешься сам, если я даже смолчу.

Я несчастлив, вот весь и отчет о моих злоключениях.

То же случится с любим, вызвавшим Цезаря гнев.

10 Что за народ проживает в краю Томитанском, какие
 Нравы людские кругом, верпо, захочешь узнать.
 Хоть в населенье страны перемешаны греки и геты,
 Незамиренные все ж геты приметней в быту.

Много сарматского здесь и гетского люда увидишь —

Знай по просторам степным скачут туда и сюда.

15 Нет среди них никого, кто с собой не имел бы колчана,
 Лука и стрел с острием, смоченным ядом змеи.

Голос свиреп, угрюмо лицо — настоящие Марсы!

Ни бороды, ни волос не подстригает рука.

Долго ли рану нанести? Постоянно их нож наготове —

20 Сбоку привесив, ножи каждый тут носит дикарь.

Вот где поэт твой живет, об утехах любви позабывший,

Вот что он видит, мой друг, вот что он слышит,

увы!

Пусть обитает он здесь, но хоть не до смертного часа,

Пусть не витает и тень в этих проклятых местах!

25 Пишешь, мой друг, что у вас исполняют при полных
 театрах

Пляски под песни мои и аплодируют им.

Я, как известно тебе, никогда не писал для театра,

К рукоплесканьям толпы Муза моя не рвалась.

Все же отрадно, что там позабыть об изгнаннике вовсе

30 Что-то мешает и с уст имя слетает мое.

Вспомню, сколько мне бед принесли злополучные

песни,—

Их и самих Пиэрид я проклинаю порой;

Лишь проклянута — и пойму, что жить без них я

не в силах,

И за стрелю бегу, красной от крови моей.

35 Так от эвбейских пучин пострадавшие только что греки
 Смело решаются плыть по кифарейским волнам.

Или тебя не страшит ни спесь, ни зависть Фортуны,
Что на своем колесе вечно подвижном стоит?
Мщенье Рамнусии всех, кто его заслужил, настигает —
10 Что ж ты, коленом на грудь, жизнь попираешь мою?
Некто смеялся при мне над крушениями — тут же
и канул,
Я же сказал: «Никогда не были волны умней!»
Тот, кто привык беднякам в пропитанье отказывать
жалком,
15 Часто впоследствии сам на подаянья живет.
Бродит богиня судьбы, то туда, то сюда поспешая,
На ногу легкой пельзя долго на месте стоять.
Часто она весела, а часто лицо ее кисло,
И постоянна она в непостоянстве одном.
20 Цвел в свое время и я, но цветок оказался непрочен,
То лишь соломы сухой краткая вспышка была.
Но, чтоб не всей душой ты испытывал зверскую
радость,
Знай, что смягчить божество я не утратил надежд,
Ибо провинность моя не дошла до границ злодеянья
И навлекла на меня только позор — не вражду,
25 Ибо в простершемся вширь от востока до запада мире
Тот, кто властвует им, всех милосердьем затмил.
Пусть у него ничего не достигь, упоая на силу, —
Мягкое сердце его скромным внимает мольбам.
Он по примеру богов, к которым впрямь приобщится,
30 Даст отпущенье вины, даст и о большем просить.
Если ты за год сочтешь погожие дни и напасть,
То убедишься, что дней солнечных больше в году.
Так погоди моему веселиться чрезмерно крушению,
Лучше подумай, что я тоже восприять могу,
35 Лучше подумай, что ты, когда прищипенса взоры
смягчатся,
Будешь с досадой встречать в Граде веселый мой
взор
Или что встречу тебя я за худшее сосланным дело, —
Это вторая моя, следом за главной, мольба.

Трижды на Истре был лед с тех пор, как живу я
у Понта,
Трижды была тверда моря Евксинского гладь —

- Мне же всё кажется, я в разлуке с любимой отчизной
 Столько же лет, сколько брань с греками Троя вела.
- 5 Слово на месте стоит, так неспешно движется время,
 Будто свершает свой путь шагом замедленным год.
 Солнцеворот мне уже не сулит убавления почи,
 Мне уже длинного дня не сокращает зима —
- 10 Видно, в ущерб мне сама природа вещей изменилась:
 Все удлиняет она в меру несчастий моих.
 Времени ход для людей одинаков ли ныне, как прежде,
 Только ли к жизни моей стало жестоким оно
 Здесь, где у моря живу, что прозвано лживо
 Евксинским,
 Скифским побережьем пленен, истинно мрачной
 землей?
- 15 Дикне тут племена — не счесть их! — войной угрожают,
 Мнят позорным они жить не одним грабежом.
 Небезопасно вне стен, да и холм защищен ненадежно
 Низкой непрочной стеной и крутизною свосей.
 Ты и не ждал, а враги налетают хищною стаей,
- 20 Мы не успеем взглянуть — мчатся с добычею прочь.
 Часто в стенах крепостных, хоть ворота всегда
 на запоре,
 Стрелы, сулящие смерть, мы подбираем с дорог.
 Редко решается кто обрабатывать землю; несчастный
 Пашет одною рукой, держит оружие другой.
- 25 В шлеме играет пастух на скрепленной смолою
 цевнице,
 Не перед волком дрожат овцы — боится войны.
 Нас укрепленья едва защищают, и даже внутри их,
 Смешаны с греками, нас скопища диких страшат.
 Ибо живут среди нас, безо всякого с нами различья,
- 30 Варвары: ими домов большая часть занята.
 Пусть в них опасности нет, но они отвратительны
 с виду
 В шкурах звериных своих, с космами длинных
 волос.
- Даже и те, кто себя от греков считает рожденным,
 Платье отцов позабыв, носят, как персы, штаны.
- 35 Между собою они говорят на здешнем наречье,
 Я же движеньями рук мысль выражаю для них.
 Сам я за варвара здесь: понять меня люди не могут,
 Речи латинской слова глупого гета смешат.
 Верно, дурное при мне обо мне говорить не боятся,
 40 Может быть, смеют меня ссылкой моей попрекать.

Если качну головой, соглашаясь или не соглашаясь,
Мнение мое все равно против меня обратят.
Суд здесь неправый, прибавь, — он жестоким вершится
оружьем,

И на судилищах меч тут же расправу чинит.
45 Что же, Лахесида, мне, с моей суровой судьбою,
Жестокосердная, ты нить не могла оборвать?
Я лицезренья лишен друзей и милой отчизны,
Сетую горько, что здесь, в скифской земле, заточен.
Тяжких две кары терплю. По заслугам лишился я
Града,
50 В эту, быть может, страну не по заслугам попал.
Что я, безумец, сказал? Я казни смертной достоин,
Ежели мной оскорблен Цезарь божественный сам!

13

С гетских Пазон берегов тебе желает здоровья,
Если, что сам потерял, можно другому желать.
Дух мой больной заразил ослабелое тело недугом,
Чтобы и плоть не была в ссылке свободна от мук.
5 Много уж дней меня боли в боку жестоко терзают —
Или, быть может, зима лютой мне стужей вредит?
Но если ты здоров, то и мне прибывает здоровья,
Ибо крушение мое ты лишь плечом подпирал.
Ты, кто дружбы залог мне великий дал, охраняя
10 Жизнь мою и права, как только мог и умел,
Ты обижаешь меня тем, что редко письмом утешаешь.
Делом готовый помочь, в слове откажешь ли мне?
Этот, молю, недостаток исправь — и больше не будет
Ни одного на твоём теле прекрасном пятна.
15 Я бы тебя и сильнее корил, когда б не случилось,
Что, хоть и послано мне, не доходило письмо.
Дай-то бог, чтобы пеши мои оказались напрасны
И чтобы думал я зря, будто меня ты забыл.
Нет, конечно, все так, как молю я! Грешно и
20 Что непреклонный твой дух может себе изменить.
Раньше седая полынь в степях у холодного Понта,
Раньше на Гибле тимьян вдруг перестанет расти,
Чем убедят меня в том, что о друге ты больше
не помнишь:
Нити моей судьбы ведь не настолько черны!

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Ст. 1—4. Традиционным эпическим размером был гекзаметр («важный стих»). Элегии писались элегическим дистихом — чередованием гекзаметра с пентаметром. Таким образом, Купидон превратил героический эпос в элегию.

Ст. 6. *Пиериды* — Музы.

Ст. 12. *Феб* — Аполлон. В *Лонии* находилась гора Геликон, где обитали Музы.

2

Ст. 23—24. *...голубей материнских* — колесницу Венеры, матери Амура-Купидона, несли белые голуби. *Отчим* — Марс, возлюбленный Венеры.

Ст. 51. *Цезарь* — Гай Юлий Цезарь или Октавиан Август; считалось, что их род происходит от сына Венеры Энея.

3

Ст. 4. *Киферей* — эпитет Венеры.

Ст. 11. *Отец виноделья* — Вакх.

Ст. 21. *Ио* — возлюбленная Юпитера. Опасаясь ревности своей супруги Иононы, он превратил ее в корову (см. «Метаморфозы», I, 568—747).

Ст. 22. *Той, кого бог обольстил* — имеется в виду Леда, которой Юпитер являлся в образе лебедя.

Ст. 23—24. Речь идет о Европе (см. «Метаморфозы», II, 833—875).

4

Ст. 7. *Атракова дочь* — Гипподамия (см. «Метаморфозы», XII, 210—535).

Ст. 11—12. *Семирамида* — вавилонская царица, прославившаяся умом и красотой. *Лаида* — старшая и младшая — знаменитые греческие гетеры IV в. до н. э., которые в стихах часто смешивались.

Ст. 53. *Борей, Орифия* — см. «Метаморфозы», VI, 675—721.

Ст. 7. *Аянт* — один из греческих героев, воевавших под Троей (см. «Метаморфозы», XIII, 1—398).

Ст. 9. *Орест* — сын микенского царя Агамемнона и Клитемнестры. Мстя матери за убийство отца, умертвил ее и долго подвергался преследованиям богинь возмездия Эриний.

Ст. 14—17. *Схенеева дочь* — Аталанта (см. «Метаморфозы», X, 553—707). *Криглияка* — Ариадна, критская царевна. Дала Тезею нить, с помощью которой он выбрался из Лабиринта. Вместе с Тезеем бежала в Афины, но по дороге была им покинута. *Нот* — южный ветер. *Кассандра* — дочь троянского царя Приама; после взятия Трои один из греков надругался над ней в храме Минервы.

Ст. 31. *Диомед* — герой Троянской войны, в одной из битв ранивший Венеру.

Ст. 55. *Зефир* — западный ветер.

Ст. 2. *Дипсада* — от греческого *dipsa* (жажда).

Ст. 4. *Мемнонова мать* — богиня зари Аврора.

Ст. 39. *В Татиев век* — во времена Тита Татия, сабинского царя, сперва воевавшего с римлянами, а затем ставшего их союзником и соправителем Ромула.

Ст. 42. *Град Энея*. — Имеется в виду Рим.

Ст. 47. *...стрельбой Пенелопа пытала*. — Пенелопа, супруга Одиссея, предложила своим женихам состязание в стрельбе из Одиссеева лука, с которым не мог сладить никто, кроме самого Одиссея.

Ст. 64. *Знак меловой...* — Ногу раба, выставленного на продажу, мазали мелом.

Ст. 100. *...лавки напоми Святой...* — На Святой дороге, большой римской улице, находились торговые ряды.

Ст. 23. *Рес* — фракийский царь, союзник троянцев. Одиссей и Диомед ночью напали на лагерь Реса и убили его.

Ст. 33—34. После того как предводитель греков Агамемнон отнял у *Ахилла* его пленницу *Брисеиду*, тот отказался принимать участие в сражениях против троянцев, что принесло последним временный успех.

Ст. 37—38. *Атрид* — Агамемнон, после захвата Трои влюбившийся в Кассандру (см. коммент. к эл. 7, ст. 14—17). *Менада* — служительница культа Вакха.

Ст. 39. *...изведал и Марс... сети* — см. «Метаморфозы», IV, 169—189.

10

Ст. 1. *...увезенною вдаль...* — Имеется в виду Елена, увезенная от Менелая Парисом. *Эврот* — река в Спарте.

Ст. 3. *Леда* — см. коммент. к эл. 3, ст. 22.

Ст. 5. *Амиона* — возлюбленная Нептуна, который создал в безводной Арголде источник, получивший ее имя.

Ст. 7. *...и орла и быка опасался...* — В образе орла Юпитер похитил Ганимеда, в образе быка — Европу.

Ст. 49. *Святая жрица* — весталка Тарпей, подкупленная сабинянами и открывшая им ворота римской крепости. Ворвавшись в крепость, сабинны забросали ее щитами.

Ст. 52. *Сын* — имеется в виду Алкмеон, убивший свою мать Эрифилу (см. коммент. к «Метаморфозам», IX, ст. 403—417).

Ст. 56. *Феаки* — блаженное племя, описанное в «Одиссее».

12

Ст. 9. *Цикута* — ядовитое растение.

Ст. 20. *...лицо таило совы.* — Сова считалась вестницей несчастий.

13

Ст. 1—2. *Светловолосая* — Аврора; *престарелый муж* — Тифон, для которого Аврора испросила у богов бессмертие, но забыла попросить вечную юность.

Ст. 4. *...славя Мемнонову тень!* — См. «Метаморфозы», XIII, 576—622.

Ст. 33. *Кефал* — см. «Метаморфозы», VII, 665—866.

Ст. 43. *Юноша* — Эндимион, возлюбленный Селены-Луны, которую она погрузила в вечный сон.

Ст. 46. *Слил две ночи в одну...* — Отправившись к Алкмене, матери Геркулеса, Юпитер запретил солнцу всходить.

14

Ст. 33. *Диона* — мать Венеры.

Ст. 40. *...в гемонийской струе... не мыла карга.* — Гемония (Фессалия) славилась колдуньями.

Ст. 49. *Сигамбры* — германское племя.

15

Ст. 9—30. *Меонийский певец* — Гомер. *Ида* — горный хребет во Фригии, недалеко от Трои. *Симоент* — река на Троянской равнине. *Аскреец* — Гесиод. *Баттов сын* — поэт III—II вв. до н. э. Каллимах. *Арат* — греческий поэт III в. до н. э. *Акций* — римский драматург II—I вв. до н. э. *Энний* — римский поэт и драматург III—II вв. до н. э. *Варрон* — римский поэт I в. до н. э. *Эсонид* — Ясон; поэму Аполлония Родосского «Аргонавтика» о плавании Ясона перевел Варрон. *Тигир, земные плоды и Энеевы брани.* — Имеются в виду произведения Вергилия: «Буколики», «Георгики» и «Энеида». *Тибулл Альбий* (I в. до н. э.) — известный римский элегик. *Голл Гай Корнелий* (I в. до н. э.) — основоположник римской элегии. В своих произведениях, не дошедших до нас, воспевал свою возлюбленную Анкориду.

Ст. 34. *Таг* (ныне Тахо) — река в Испании; считалась золотосной.

КНИГА ВТОРАЯ

1

Ст. 11—14. *Небесные брани* — борьба гигантов с богами. *Гигес* — сторукий исполин, сражавшийся на стороне богов. *Осса, Пелион* — горы в Фессалии, которые гиганты взгромодили на Олимп.

Ст. 30. *...тот или этот Атрид...* — Агамемнон или Менелай, сыновья Атрея.

2

Ст. 45. *Пастырь Юноны* — Аргус (см. «Метаморфозы», I, 568—747).

Ст. 32. *Ипполит* — целомудренный юноша, погубленный влюбившейся в него мачехой Федрой («Метаморфозы», XV, 479—551). *Приап* — божество плодородия, считавшееся одновременно и олицетворением сладострастия.

Эта элегия — вариация на тему стихотворения Катулла (III).
Ст. 7. *Филомела* — см. «Метаморфозы», VI, 412—674.

Ст. 27. *Перепелки... дерутся...* — Бон перепелов были популярной римской забавой.

Ст. 35. *Ворона* — см. «Метаморфозы», II, 550—596.

Ст. 41. *Терсит* — один из греков, сражавшихся под Троей, отличавшийся уродством и злобным характером. *Филакиец* — юный царь Филаки Протесилай, первым высадившийся на Троянский берег и убитый Гектором.

Ст. 55. *Птица Юноны* — павлин.

Ст. 11—13. *Фессалиец* = Ахилл. *Вождь микенский* — Агамемнон (он же *Тантала отпрыск*). *Фебова жрица* = Кассандра.

Ст. 7. *Гемонийский герой* — Ахилл, случайно ранивший Телефа и вылечивший рану жвачкипой своего копья.

Ст. 22. Деревянный меч вручался гладиатору, выслужившему срок.

Ст. 23. *Пасынок резвый* = Купидон.

Ст. 1. *Греции Помпоний* = друг Овидия.

Ст. 11. *Эрицина* — Венера.

Ст. 1—6. Имеется в виду поход Ясона и его спутников за золотым руном в Колхиду на корабле Арго.

Ст. 17—19. *Скилла и Харибда* — см. «Метаморфозы», XIII, 705—

968 и XIV, 1—74. *Керавния* — гряда подводных скал у западного побережья Греции. *Сирты* — два опасных для мореплавателей залива на северном побережье Африки.

Ст. 27. *Тритон* — морское божество, сын Нептун.

Ст. 29. *Близнецы Леды* — герои Кастор и Поллукс.

Ст. 34. *Галатея* — морская нимфа (см. «Метаморфозы», XIII, 738—899).

Ст. 39. *Нерей* — морской старец, олицетворяющий спокойное море.

12

Ст. 18. *Тиндара дочь* — Елена. *Приамид* — Парис.

Ст. 19—24. *Женщина полуконей...* — Гипподамия (см. коммент. к кн. I, эл. 4, ст. 7). *Женщина сделала то...* — Имеется в виду дочь царя Латина Лавиния, из-за которой прибывший из-под Трои Эней начал войну с Турном. *Женщина... натравила римлян на тестей.* — Ромул и его соратники похитили себе в жены девушек из племени сабинов, отцы которых пошли на римлян войной.

13

Ст. 7. *...чей край...* — Египет; дальше перечисляются египетские города.

Ст. 10. *Седмица ворот* — семь устьев Нила.

Ст. 11. *Анубис* — египетский бог, изображавшийся с собачьей головой.

Ст. 13—14. *Змея* — атрибут Изиды. *Апис* — священный бык, считавшийся воплощением Озириса.

Ст. 18. *Галлы* — оскопленные жрецы Кибелы, малоазиатской богини, часто смешивавшейся с Изидой.

Ст. 21. *Илифия* — божество, помогающее роженицам.

14

Ст. 10—16. *...каменья бросать...* — Имеется в виду миф о Девкалоне и Пирре (см. «Метаморфозы», I, 244—415). *Фетида* — морская богиня, мать Ахилла. *Илия* — мать основателей Рима (*властительного Града*) Ромула и Рема. *...не пришлось бы... Цезарей знать.* — См. коммент. к кн. I, эл. 2, ст. 51.

Ст. 27—31. *Колхидянка* — Медея (см. «Метаморфозы», VII, 1—424). *Итис, Терей* — см. «Метаморфозы», VI, 412—674.

Ст. 10. *Дева Эли* — Цирцея, обращавшая людей в животных (см. «Метаморфозы», XIV, 223—440). *Старец Карнафских пучин* — Протей, морское божество-оборотень. Карнафское море — часть Эгейского около острова Карнаф (ныне Скарпанто, близ Крита).

Ст. 1—8. *Сульмон* — родина Овидия в области племени пелигпов (в Этрурии). *Злобная звезда* — Сириус, находящийся в созвездии Пса (*Икарыйский пес*), в ту эпоху был особенно хорошо виден в засушливое время года. *Паллады плоды* — маслины.

Ст. 13. *...меж Кастором и Поллуксом* — то есть в созвездии Блинецов.

Ст. 24. *Малея* — скалистый мыс на юго-востоке Пелопоннеса.

Ст. 31. *Геро* — жрица Афродиты в Сесте. Ее возлюбленный Леандр каждую ночь переплывал Геллеспонт, чтобы увидеться с ней. Однажды маяк, зажженный Геро, потух, и Леандр погиб. Увидев его труп, Геро бросилась в море.

Ст. 40. *Скалы, что стали красны...* — Кавказские горы, к которым был прикован Прометей.

Ст. 3—4. *...чей престол на Кифере... чей в Пафосе приют...* — Венера.

Ст. 16—18. *Калипсо* — нимфа, влюбившаяся в Одиссея и долго державшая его на своем острове. *Фгийский царь* — Пелей, отец Ахилла. *Нереида* — Фетида. *Эгерия* — нимфа, возлюбленная римского царя Нумы Помпилия.

Ст. 32. *Пад* — древнее название реки По.

Ст. 3. *Макр* Гисей Помпей — энический поэт, друг Овидия.

Ст. 13. *Трагедия* — по-видимому, речь идет о несохранившейся трагедии Овидия «Медея».

Ст. 21. *Иль сочиняю...* — Имеется в виду книга Овидия «Геронды», сборник вымышленных посланий мифологических героинь к покинувшим их возлюбленным. Римский поэт *Сабин* (ст. 27) сочинил ответы мужчин. Ст. 22—38. *Филлида* — фракийская царевна. Когда ее возлюбленный Демофонт не вернулся вовремя из-под Трои, повесилась и была превращена в миндальное дерево, которое расцвело, после того как вернувшийся Демофонт обнял его. *Мака-*

рей — сын повелителя петров Эола, влюбившийся в свою сестру, но покинувший ее из страха перед отцом. *Ипполитов отец* — Тезей. *Дидона* (Элисса) — карфагенская царица, возлюбленная Энея, покинутая им. *Лесбоса дочь* (лесбийка) — греческая поэтесса VII в. до н. э. Саффо, по преданию, покончившая с собой из-за несчастной любви к Фаону. *Жена, что неверностью славу снискала* — Елена. *Лаодамия* — супруга Протесилая (см. коммент. к кн. II, эл. 6, ст. 41), покончившая с собой после гибели мужа.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

Ст. 23. ...*вдохновляться вакхическим тирсом*... — Первоначально трагедия была связана с культом Вакха.

2

Ст. 15. *Пелопс* (Пелоп) — внук Юпитера, сын Тантала. Эномай, отец Гипподамии, к которой сватался Пелопс, заставлял всех ее женихов состязаться с собой в беге на колеснице и затем убивал побежденных. Пелопс победил Эномаю и женился на Гипподамии.

Ст. 29. *Аталанта* — см. «Метаморфозы», X, 553—707. *Меланион* — в «Метаморфозах» Овидий даст другой вариант имени — Гиппомен.

3

Ст. 17. *Кефеева дочь* — Андромеда (см. «Метаморфозы», IV, 664—751).

Ст. 37. *Семела* — см. «Метаморфозы», III, 253—315.

6

Ст. 13. *Отпрыск Данаи* — Персей («Метаморфозы», IV, 603—803).

Ст. 15—16. *Церерыны зерна*. — Церера, дав своему воспитаннику Триптолему запряженную драконами колесницу, отправила его обучать людей земледелию.

Ст. 25—43. Упоминаются речные боги *Инах*, *Ксанф*, *Алфей*, *Пеллей*, *Асон*, *Нил*, *Энипей*, влюблявшиеся в нимф и смертных женщин. О битве *Азелоя* с Гераклом из-за *Дялиры* см. «Метаморфозы», IX, 1—97.

Ст. 45—84. Излагается миф о любви речного бога *Аниена* к весталке *Илии*, родившей от Марса Ромула и Рема. По более рас-

пространственному мифу, мужем Илии стал бог реки Тибра, Тиберин. *Тибур* — городок близ Рима. *Идеец Лаомедонт* — троянский царь, от которого происходил отец Илии Эней (идеец — от горы Иды).

7

Ст. 41—42. *Нестор* — старейший из греков, сражавшихся под Троей. *Тифон* — см. коммент. к кв. I, эл. 13, ст. 1—2.

Ст. 61—62. *Фемий* — певец, упоминаемый в «Одиссее». *Фамир* — фракийский певец, вызвавший на состязание Муз и за это ослепленный ими.

8

Ст. 9. *Всадник... достигнувший ценза* — то есть человек, которому его состояние дало право перейти в сословие всадников.

Ст. 15. Золотой перстень на левой руке — отличительный знак всадника.

Ст. 27. *Первая сотня* — подразделение легиона, в котором служили самые опытные воины.

Ст. 29—30. Иронический намек на миф о Данае и Юпитере.

Ст. 35. *В век, когда... Сатурн господствовал...* — в золотой век.

Ст. 52. *Либер* (Вахх), *Ромул*, *Амвид* (Геркулес), *Цезарь* — обожествленные смертные.

9

Элегия написана на смерть поэта Альбия Тибулла.

Ст. 1. *Мемнон* — см. «Метаморфозы», XIII, 576—622.

Ст. 3—4. *Элегия... по праву... носишь ты имя свое.* — Буквальное значение слова «элегия» — «скорбная песнь».

Ст. 16. *Юноша* — Адонис, возлюбленный Венеры, убитый на охоте вепрем.

Ст. 21. *Орфей* назван *исмарийцем* от горы Исмар во Фракии. Мать Орфея — муза Каллиопа, отец — речной бог Эагр или, по другой версии, Аполлон.

Ст. 23. *Лин* — певец, сын Аполлона, погибший в юности.

Ст. 27. *Аверн* — сернистое озеро в Италии, вблизи которого, по мифу, находился спуск в царство мертвых.

Ст. 31. *Немесиды*, *Делия* — вымышленные имена, под которыми Тибулл воспел своих возлюбленных.

Ст. 48. *На Феакийских берегах...* — Тибулл заболел на острове Керкира, отождествлявшемся с мифическим островом феаков.

Ст. 62. *Кальв* Гай Лициний (I в. до н. э.) — римский оратор и поэт, принадлежавший вместе со своим другом Катуллом к поэтической группе «неотериков».

Ст. 63. ...в предательстве друга... — Когда Галл (см. коммент. к кн. I, эл. 15, ст. 9—30) был неожиданно для всех подвергнут опале, в Риме распространились слухи о его «предательстве» по отношению к «другу» (т. е. Августу).

10

Ст. 19. ...ложь не всегда торжествует на Крите... — В Греции существовала поговорка: «Все критяне лжецы».

Ст. 25. *Иасий* (Ясион) — критское земледельческое божество, по некоторым мифам — супруг Цереры.

Ст. 26. *Ида* — здесь имеется в виду гора на Крите (в отличие от Иды Фригийской близ Трои).

Ст. 41. *Микос* — сын Юпитера и Европы, царь Крита, отличавшийся мудростью и справедливостью.

12

Ст. 21. *Скилла* — Овидий здесь смешивает двух Скилл: мегарскую царевну, дочь Ниса (см. «Метаморфозы», VIII, 1—151), и чудовище, жившее в проливе между Италией и Сицилией («Метаморфозы», XIII, 705—968, и XIV, 1—74).

Ст. 25—40. *Титий* — исполнил, оскорбивший богиню Латону (Лето), за это в царстве мертвых он лежит распостертый и печень его терзает коршуны. *Змееволосый пес* — Цербер. *Энкелад* — один из гигантов, чудовище с змеиными хвостами вместо ног. *В недра... мехов... заперли Эвры*. — Имеется в виду гомеровский рассказ о повелителе ветров Эоле, завязавшем в мех все ветры, чтобы Одиссей мог благополучно вернуться на родину. Ниобея (Ниоба) — см. «Метаморфозы», VI, 146—312. ...в медведицу — деву. — Имеется в виду Каллисто (см. «Метаморфозы», II, 401—530). *Птица Кекропа* — Прокна («Метаморфозы», VI, 412—674), мать Итиса, происходившая из рода афинского царя Кекропа. ...семя фиванское — зубы... — Кадм, мифический основатель Фив, победил змея, сына Марса, и вырванными у него зубами засеял землю. Из них выросли вооруженные люди и начали убивать друг друга. Питеро оставшихся в живых помогли Кадму основать город. ...быков, что извергают огонь... — Речь идет об огнедышащих быках царя Колхиды Ээта, которых должен был укротить Ясион, чтобы получить золотое руно. *Возница* — Фартон, см. «Метаморфозы», II, 1—366. ...суда... в морских... превратились богинь. — Когда враги подожгли корабли Энея, боги превратили их в морских нимф. *Снедь Атрея* — царь Микен Атрей, враждовавший со своим братом Фiestом, умертвил его детей и их мясом накормил Фiestа. При виде его преступления солн-

це повернуло вспять. ...*скалы пошли лирному звону вослед...* — Речь идет об Орфее, который своим пением и игрой заставлял двигаться скалы и деревья.

13

Ст. 1. *Фалиски* — италийское племя, жившее в Этрурии.

Ст. 33. *Галез* — спутник Агамемнона.

15

Ст. 3. *Пеллины* — италийское племя, на территории которого находился Сульмон, родина Овидия.

Ст. 10. ...*Рим трепетал...* — Речь идет о Союзнической войне (начало I в. до н. э.), в результате которой римляне вынуждены были дать восставшим против них народам Италии права римских граждан.

Ст. 15—17. *Аматусия* — Венера. *Лизей* — Вакх.

«МЕТАМОРФОЗЫ»

КНИГА ПЕРВАЯ

Ст. 11. *Феба* — здесь: луна, отождествленная с Дианой.

Ст. 61—66. *Эвр* — юго-восточный ветер. *Набатейское царство* — между Вавилонией и Аравией. *Горные хребты* — Индия. *Семизвездье* — Большая Медведица, т. е. север. *Австр* — южный ветер (греч. Нот).

Ст. 82. *Отпрыск Япета* — Прометей.

Ст. 92. *На бронзе* — в древности законы вырезали на бронзовых досках.

Ст. 106. *Деревья Юпитера* — дубы.

Ст. 139. *Стигийские* — от реки Стикс в царстве мертвых.

Ст. 147. *Аконит* — «волчий корень», ядовитое растение.

Ст. 149. *Дева Астрея* — богиня справедливости, ей посвящено было созвездие Девы.

Ст. 172. *Атрий* — главная зала в римском доме.

Ст. 176. *Палатин* — один из римских холмов, где жила знать и император Август.

Ст. 183. *Змеепогие* — гиганты.

Ст. 200. *Сброд нечестивый* — Брут, Кассий и их сторонники.

Ст. 216 сл. *Менал, Киллена, Ликей* — горные области в Аркадии.

Ст. 227. *Молосский народ* — народ в Эпире, на северо-западе Греции.

Ст. 259. *Циклопы* — помощники бога-кузнеца Вулкана.

Ст. 271. *Ирида* — богиня радуги, вестница богов.

Ст. 274—275. *Лазурный брат* — Пептун.

Ст. 302. *Девы Нереевы* — переиды, дочери Персея.

Ст. 313—320. *Лонийские вершины* — горы в Беотии (Аонии), в том числе и Геликон. *Эта* — гора между Фессалией и Фокидой, в Фокиде находился и посвященный Музам *Парнас*. *Корик* — пещера на Парнасе.

Ст. 321. *Фемида* — богиня права, законного порядка и предсказаний. Считалась покровительницей дельфийского святилища до Аполлона.

Ст. 369. *Кефис* — река в Фокиде.

Ст. 441. *Бог, натягивающий лук* — Аполлон.

Ст. 452. *Пеней* — река в Фессалии и божество этой реки.

Ст. 454. *Делеец* — Аполлон (от острова Делос, где родились Аполлон и Диана).

Ст. 516. *Тенед* (остров у побережья Трояды), *Клар* (близ Колофона), *Патара* (на ликийском побережье) — центры культа Аполлона.

Ст. 566. *Пеан* — Аполлон, так же называли гимн в честь Аполлона.

Ст. 570. *Пинд* — горный хребет между Фессалией, Македонией и Эпиром.

Ст. 586. *Маны* — души умерших.

Ст. 668—670. *Фороида* — внучка Фородея, сына Инаха. *Дева Плейда* — Майя, мать Меркурия.

Ст. 690. *Гамадриады* — лесные нимфы. *Ноакра* — гора в Аркадии.

Ст. 694—696. *Ортигийская богиня, Латония* — Диана (Ортигия — Делос. Латона — мать Аполлона и Дианы).

Ст. 713. *Киллений* — Меркурий (от горы Киллены, где он родился).

Ст. 722. *...для птицы своей* — т. е. для павлина.

Ст. 747. *Ниле богиня она...* — Ио отождествлялась с Изидой.

КНИГА ВТОРАЯ

Ст. 2—6. *Пироп* — сплав золота и меди. *Мулькибер* — Вулкан.

Ст. 45. *Болого* — медленно текущая река Стикс.

Ст. 68. *Тегид* — жена Океана, омывающего землю, мать Климены.

Ст. 78—81. *Звериные обличья* — знаки Зодиака, *лук гемонийский* — лук Стрельца (созвездие изображалось в виде кентавра с луком, а кентавры обитали в Фессалии-Гемонии).

- Ст. 115. *Люцифер* — планета Венера в утреннем восхождении.
- Ст. 118. *Оры* — богини, ведавшие сменой времен года.
- Ст. 132. *Аркт* — Большая Медведица (здесь: Северный полюс).
- Ст. 142. *Берега гесперийские* — крайний запад.
- Ст. 171. *Трионы* — Большая и Малая Медведицы.
- Ст. 184. *Меропс* — смертный муж матери Фаятона Климены.
- Ст. 217—223. *Тавр Киликийский* — горы в Малой Азии. *Тмол* — гора в Лидии, *Афон* — в Македонии. *Гем* — Балканы, принадлежал, по мифу, отцу Орфея Загру. *Килт* — гора на Сицилии, *Обрис* — гора в Фессалии, *Родопа* — горы во Фракии. *Мимант*, *Микала* — мыс и гора в Ионии, *Диндима* — гора во Фригии. *Киферон* — гора между Аттикой и Беотией.
- Ст. 237—258. *Ливия* — Северная Африка. *Диркея* — источник близ Фив. *Данаева дочь* — Амимона (см. коммент. к «Любовным элегиям», кн. I, эл. 10, ст. 5). *Эфира* — Коринф. *Пиренские воды* — источник Пирена в Коринфе. *Танаис* — Дон. *Каик* — река в Тевфрании (Мизии). *Исмен* — река в Беотии. *Псофида* — город в Аркадии. *Ксанф (Скамандр)* — река в Трое (был зажжен вторично Вулканом за помощь троянцам в Троянской войне). *Ликорм* — река в Этолии, *Меандр* — река в Малой Азии. *Мигдонийский* — фракийский. *Тенар* — мыс в Лаконии. *Оронт* — река в Сирии. *Истр* — Дунай. *Фасис* — Риони. *Фермодонт* — река в Каппадокии. *Алфей* — река в Элиде, *Сперхей* — в Фессалии. *Берега меонийские* — лидийские, в Малой Азии. *Каистр* — река в Лидии. *Гебр*, *Стримон* — реки во Фракии, где находится гора Пемар. *Родан* — Рона, *Рем* — Рейн, *Пад* — По.
- Ст. 264. *Киклады* — острова в Эгейском море, вокруг Делоса.
- Ст. 268. *Дорида* — морская богиня, сунруга Перей.
- Ст. 324. *Эридан* — мифическая река, часто отождествлявшаяся с Падом.
- Ст. 340. *Дочери Солнца* — сестры Фаятона Гелнады.
- Ст. 370. *Лигурия* — область в Северной Италии.
- Ст. 416. *Перекрестная* — Диана-Геката, ее трехликие изображения ставились на перекрестках.
- Ст. 441. *Диктинна* — Диана.
- Ст. 460 и 496. *Паррасийка*, *Ликаония* — Каллисто (как дочь Ликаона и уроженка Аркадии — Паррасии).
- Ст. 507. *Два созвездья* — Большая Медведица и Страж Медведицы (Волочас).
- Ст. 538—539. Гуси, по преданию, спасли Рим в 390 г. до н. э., разбудив криками консула Манлия, который успел отразить нападение галлов на Капитолий.
- Ст. 544. *Дельфиец* — Аполлон.
- Ст. 554—556. *Эрихтоний* — афинский царь, полудракон, получеловек, рожденный из земли семенем Вулкана, добывавшегося люб-

ви Минервы. *Актейская* — аттическая. *Кекрон* — основатель Африи (*двойной*, т. к. был получеловеком, полужмеем).

Ст. 580. *Дева* — Минерва.

Ст. 591. *Птицею став...* — Никтимена была превращена в сову.

Ст. 644. *Мальчик* — Эскулап, бог врачевания (см. кн. XV, 622—744).

Ст. 650—652. *...бессмертный... смерти возжаждешь...* — Кентавр Хирон обладал бессмертием, но, страдая от раны, нанесенной ядовитой стрелой Геркулеса, испросил у богов смерти.

Ст. 676. *И по чуду ей дали прозвание.* — Ее стали звать «Гипне» (кобылица).

Ст. 686—690. *Майи сын* — Меркурий. *Пелей* — царь Пилоса.

Ст. 709—711. *Кадуцей* — жезл Меркурия, наводящий сон. *Муниципские* — аттические. *Лицей* — гимнасий, в котором преподавал Аристотель.

Ст. 721. *Актейская твердыня* — афинский Акрополь.

Ст. 728. *Праща балеарская.* — Жители Балеарских островов были искусными метателями.

Ст. 755. *Эгида* — козья шкура, защищавшая грудь и спину Юпитера и Минервы.

Ст. 758. *Бог Лемносец* — Вулкан (от острова Лемнос).

Ст. 783. *Тригонил* — Минерва (от озера в Ливии, возле которого она родилась).

Ст. 858. *Агенорова дочь* — Европа.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Ст. 2. *...в диктейских полях...* — на Крите, близ горы Дикты.

Ст. 13. Название «Беотия» связывалось со словом *bovis* — корова.

Ст. 14. *Кастальская пещера* — возле Кастальского ключа; в ней сидела дельфийская пророчица.

Ст. 19. *Ианоа* — город в Фокиде.

Ст. 111. В римском театре занавес не поднимался, а опускался.

Ст. 132. *...Марс тестем...* — Гармония, жена Кадма, была дочерью Марса и Венеры.

Ст. 173. *Титания* — Диана, впушка титана Сатурна.

Ст. 194. *...живущего должно оленя...* — Считалось, что олень живет четыре человеческих века.

Ст. 198. *Герой Автонои.* — Актеоп был сыном Автонои, дочери Кадма.

Ст. 258—261. *Соперница Тирская* — Европа, сестра Кадма, *Семела* — его дочь.

Ст. 303. *Тифей* — один из гигантов.

Ст. 314. *Писейские нимфы.* — Ниса — гора в Индии.

Ст. 406. *Рамнузия* — Немезида (от города Рамна, где она особенно чтлась).

Ст. 531. *Змееорожденные*... — т. е. выросшие из зубов змея (см. коммент. к «Любовным элегиям», кн. III, эл. 12, ст. 25—40).

Ст. 539. *Тир* — родина основателя Фив Кадма, *пенаты* — покровители домашнего очага.

Ст. 541. *Тирс* — жезл, увенчанный сосновой шишкой и увитый виноградом, принадлежность культа Вакха.

Ст. 564. *Атамилт* — муж дочери Кадма Ино (см. кн. IV, 416—541).

Ст. 576. *Тирренский край* — Этрурия (Тоскана). Здесь имеется в виду Лидия, выходцами из которой считались этруски.

Ст. 594—595. *Оленская Коза* — коза Амалфея, выкормившая Зевса недалеко от города Олена в Этолии, впоследствии превращенная в созвездие. *Тайгета* — одна из Илеид. *Гиады* — небольшое созвездие.

Ст. 597. *Хиосский край* — остров Хиос в Эгейском море.

Ст. 690. *Дия* — остров Наксос в Эгейском море.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Ст. 19. *...не укрпшен рогами...* — Рога считались признаком мощи и величия.

Ст. 22. *Лукурт* — фракийский царь, не признававший Вакха и пораженный за это слепотой.

Ст. 26. *Пильный старик* — воспитатель Вакха Силен.

Ст. 44. *Держетия* — сирийская богиня, считавшаяся матерью Семирамиды. За оскорбление Венеры была наказана любовью к смертному, от стыда бросилась в озеро и превратилась в рыбу.

Ст. 49. *Палда* — нимфа, жившая на острове Позалы в Эритрейском море, превращавшая завлеченных ею юношей в рыб. За это сама была превращена в рыбу.

Ст. 88. *Нил* — сунруг Семирамиды, основатель ассирийского царства.

Ст. 185. *Лемний* — Вулкан, кузница которого находилась, по мифу, на острове Лемнос.

Ст. 212. *Ахемениевы города* — Персия (по имени царя Ахемена).

Ст. 213. *Бел* — мифический царь Египта, считавшийся основателем Вавилона.

Ст. 282—283. *Цельмий* — одип из куретов, спутников матери Зевса Реи, охранявших поворожденного Зевса. *Кротон* был превращен в шафран, его возлюбленная *Смилака* — в тис.

Ст. 291. *...носил он родителей имя.* — Гермафродит, сын Гермеса и Афродиты.

Ст. 311. *Киторский гребень* — от горы Китор в Пафлагонии, богатой буком, из которого изготовлялись гребни.

Ст. 333. *...розовеет луна при... меду призывах.* — Во время лунных затмений играли на медных инструментах, чтобы отогнать чары с луны.

Ст. 415. *...в честь... вечера имл* — название *vespertilio* (летучая мышь) связывалось со словом *vesper* (вечер).

Ст. 418. Сестрами Ино были мать Вакха Семела, мать Актеона Автоноя и мать Пенфеля Агава.

Ст. 423. *Меонийские пловцы* — тирренские морские разбойники, превращенные в дельфинов за попытку захватить в плен Вакха.

Ст. 438. *Дит* — Плутон.

Ст. 450. *Сестры* — Фурии: Тисифона, Алектто и Мегера.

Ст. 537. Греческое имя Венеры Афродита связывалось со словом *aphros* — пена.

Ст. 562—567. *Агенорид* — Кадм. *Иллирийские пределы* — Далмация и Албания.

Ст. 604—606. *Божественный внук* — Вакх. *...из рода того же...* — Акризий, отец матери Персея Дапай, происходил от Бела, брата Агенора.

Ст. 614—615. *Шкуру, полную змей* — т. е. голову Горгоны-Медузы со змеями вместо волос, при взгляде на которую каждый обращался в камень. *Шумлящими крыльями.* — Когда Персей отправлялся за головой Медузы, Меркурий дал ему свои крылатые сандалии.

Ст. 662. *Гиппотад* — владыка ветров Эол, сын Гиппота.

Ст. 670. *За материнский язык...* — Супруга царя эфиопов Кефея Кассионея кичилась своей красотой перед перендами. В наказание боги послали на Эфиопию дракона. Чтобы избавиться от него, Кефей и Кассионея должны были отдать ему свою дочь Андромеду.

Ст. 672, 718, 767. *Абантиад, Виахид, Линкид* — Персей, как правнук Абанта и потомок Пнаха и Линкея.

Ст. 742. *Форкиида.* — Отцом Горгон считалось морское божество Форкин.

Ст. 753. *Воинственная дева* — Минерва.

Ст. 766 и 768 обычно опускаются как подложные.

Ст. 786. *С братом его...* — Братом крылатого кося Пегаса был Хрисаор.

КНИГА ПЯТАЯ

Ст. 46—47. *...прикрыла брата...* — Будучи дочерью Юпитера, Минерва приходилась Персею сестрой. Имена, перечисленные далее, в других источниках не встречаются.

Ст. 155. *Беллона* — божество войны.

Ст. 257. *Быстрокрылец, Медузы* — Пегас.

Ст. 260—267. *Уракия* — муза астрономии. *Мнемониды* — музы (по имени их матери Мнемозины).

Ст. 302. *Равнина пеллейская* — у македонского города Пеллы.

Ст. 303. *Луцина* — прозвище Юноны как покровительницы брака и деторождения.

Ст. 309. *Феспийские* — от Феспий, города у подножья Геликона.

Ст. 312—313. *Медузы родник* — Гиппокрена, забившая после удара копыта Пегаса, сына Медузы. *Аганиппа* — источник муз, *гиантская* — от беотийского племени гиантов. *Эмафийские* — македонские.

Ст. 339. *Каллиопа* — муза эпической поэзии.

Ст. 346—351. *Тринакрия* — Сицилия. *Пелор, Пахин, Лилибей* — сицилийские мысы.

Ст. 356. *Повелитель безмолвных* — Плутон.

Ст. 367—368. *Жребий последний*. — Когда Юпитер делил с братьями власть над миром, Плутону досталось царство мертвых.

Ст. 385. *Стены геннейские*. — Генна — один из центров культа Цереры в Сицилии.

Ст. 405. *Палики* — близнецы, дети Юпитера, их именем назвали два озера в Сицилии.

Ст. 417. *Анапис* — река, в которую впадает источник Кланья.

Ст. 441. *Геспер* — планета Венера в вечернем восхождении.

Ст. 464. *Сикакил* — Сицилия.

Ст. 487. *Алфеяда* — Аретуза (от реки Алфея в Элиде).

Ст. 540—541. *Авернские сестры* — нимфы подземного царства. *Ахеронт* — река и божество в подземном царстве.

Ст. 544. *...флегетоновой влагой* — водой подземной реки Флегетон.

Ст. 576. *Элейский бог* — Алфей.

Ст. 585—608. *Стимфалидские дубравы, Орхомены* и перечисленные дальше места находятся в Аркадии.

Ст. 646. *Триптолем* — см. комм. свт. к «Любовным элегиям», кв. III, эл. 6, ст. 15—16.

Ст. 661. *Молсопиец* — афинянин (от имени царя Молсопа).

Ст. 662. *Старшая сестра* — Каллиопа.

КНИГА ШЕСТАЯ

Ст. 5—16. *Меонийка* — уроженка Лидии. *Колофонец* — житель ионийского города Колофона. *Фокейская краска* — из раковин-багрянок, добывавшихся в городе Фокее (Иония). *Гипелы* — городок в Лидии. *Тмол* — гора, *Пактол* — река в Малой Азии.

Ст. 70. *Марсов холм* — афинский ареопаг.

Ст. 87. *Гем и Родопа* — влюбленные брат и сестра, пазывавшие друг друга Юпитером и Юноной и превращенные за это в горные хребты (во Фракии).

Ст. 90. *Пигмеи* — мифическое племя карликов, жившее на берегу Океана и каждую осень восвавшее с летевшими на юг журавлями.

Ст. 93. *Антигона* — троянская цареvна, хвалившаяся, что ее волосы красивее Юноннх.

Ст. 98. *Кинир* — ассирийский царь, дочери которого были превращены в ступени храма Юноны за то, что считали себя красивее ее.

Ст. 108. *Астерия*, спасавшаяся от влюбленного Юпитера, была превращена в перепелку.

Ст. 111—119. *Никтеида* — Антиопа, мать близнецов Зета и Амфиона (см. XV, 427). Матери Геракла *Алкмене* Юпитер явился в образе ее мужа Амфитриона. *Асопида* — Эгина, дочь речного бога Асопа, именем которой назван остров в Сароническом заливе. *Деоида* — дочь Деон (Цереры), т. е. Прозерпина, однако здесь речь идет о самой Церере. *Золова дева* — дочь бога ветров Зола Арна. *Двух Алоидов родил.* — Нептун явился к жене Алоя Ифимедии в образе ее любовника *Эпипея*, она родила от Нептуна Ота и Эфиальта. *Кроткая Матерь* — Церера; спасаясь от домогательства Нептуна, она приняла образ кобылы, Нептун обратился в жеребца, и она родила от него коня Арнона. *Змеевласая* — Медуза.

Ст. 149. *Сипил* — гора в Лидии.

Ст. 174. *Плеядам сестра* — Диона, одна из Гиад, дочерей Атланта.

Ст. 204—205. *Вершины Кинфской.* — Кинф — гора на острове Делос.

Ст. 335. *Палладино древо.* — См. коммент. к «Любовным элегиям», кн. II, эл. 16, ст. 1—8.

Ст. 339. *Химера* — чудовище с головой льва, телом козы и хвостом дракона.

Ст. 407—408. *...руками отцовскими члены... разрублены...* — Отец Пелопа Тантал, желая испытать всеведение богов, подал им кушанье из тела Пелопа.

Ст. 427. *Грaдив* («шествующий») — одно из имен Марса.

Ст. 439. *Титан* — солнце.

Ст. 445—446. *Гавань Кекропа* — афинская гавань Пирей.

Ст. 490. *Одризийский* — фракийский.

Ст. 588. *Ситонки* — фракиянки.

Ст. 662. *Змеевласые сестры* — фурии.

Ст. 710—711. *Киконы* — племя во Фракии. *Актеянка* — уроженка Аттики.

Ст. 1—9. *Минийцы* — аргонавты, отправившиеся во главе с Ясоном (потомком Минии) за золотым руном на корабле Арго, построенном в городе Нагасе. *Финей* — слепой прорицатель, которого преследовали гарпии — птицы с женскими головами. *Сыны Аквилона* — Зет и Каланс. *Руно Фриксосо* — т. е. руно барана, на котором бежали в Колхиду Фрикс и Гелла. *Ээгиада* — дочь царя Колхиды Ээта Медел.

Ст. 50. *Пеласгийские* — греческие (от древних обитателей Греции — пеласгов).

Ст. 59. *Эсонид* — Ясон, сын Эсона.

Ст. 62. *...сходятся будто бы горы...* — скалы Симплегады в Босфоре.

Ст. 74. *Геката* — дочь Перса (Персеида) считалась пособницей колдовства.

Ст. 207. *Темесская медь* — из города Темесы в Южной Италии. Считалось, что грохот меди сокращает лунные затмения.

Ст. 222—232. *Фессалийская Темпе* — долина реки Пеней. *Апидан*, *Амфрис*, *Экипей* — реки, *Биб* — озеро в Фессалии. *Антедон* — приморский город в Беотии, родина Главка (кн. XIII, 898—968).

Ст. 272. *Киниф* — река в Африке.

Ст. 298. *Пелий* — дядя Ясона, лишивший его власти над Иолком и обещавший вернуть ее в обмен на золотое руно.

Ст. 324. *Иберская река* — Ибер (Эбро) в Испании, т. е. на западе.

Ст. 351—397. Большинство из упомянутых здесь мифов и географических названий нигде больше не встречается.

Ст. 352. *Филира* — мать кентавра Хирона.

Ст. 353. Нимфы фессалийской горы Офрис спасли *Керамба* от потопа, превратив его в жука.

Ст. 363—364. Женщины города Кос были обращены Венерой в коров.

Ст. 370. *Алидамант* — царь Картеи на острове Кеос, его дочь Ктесилла умерла во время родов, и из гроба ее взлетел голубь, а тело исчезло.

Ст. 384. *Калаврея* — остров, посвященный Аполлону (Латониду).

Ст. 399—400. Древний царь Афин (*крепость Паллады*) *Периф* и его супруга *Фенел* были обращены в птиц.

Ст. 401. *Полипемона внучка* — дочь разбойника Скирона, убитого Тезеем (см. ниже, ст. 444).

Ст. 402. *Эгей* — отец Тезея (см. коммент. к VIII, 551).

Ст. 405. *Усмиритель двуморского Истма*. — Истмийский перешеек омывается двумя морями: Ионическим и Эгейским.

Ст. 409. *Ехидний пес* — Цербер.

Ст. 410. *Тирифлянин храбрый* — Геркулес.

Ст. 423. *Знак родовой.* — По мифу, Тезей воспитывался у деда в Трезенах. Когда ему минуло шестнадцать лет, он отправился в Афины, опоясанный отцовским мечом, по которому и был узнан Эгеем.

Ст. 430. *Эрехтиды* — афиняне (по древнему царю Афин Эрехтею).

Ст. 434. *Критский бык* — бык, привезенный Гераклом с Крита и опустошавший селения около Марафона.

Ст. 435. *Кромионский селянин.* — Кромион, селение около Коринфа, опустошавшееся диким вепрем.

Ст. 437. *Потомок Вулкана* — разбойник Перифет, живший между Трезенами и Эпидавром.

Ст. 438. *Прокруст* — сын Пептуна, ловивший путников и укладывавший на ложе; если они были велики для него, Прокруст обрубал им ноги, если малы — вытягивал.

Ст. 439. *Керкион* — силач, заставлявший путников вступать с ним в единоборство. *Элевсин* назван *Церериным* по мистериям в честь этой богини.

Ст. 443. *Алкарея* — другое название Мегары, где жило племя делегов.

Ст. 444. *Скирон* — разбойник, заставлявший путников мыть ему ноги и сталкивавший их в море. Сам был сброшен в море Тезеем.

Ст. 461—473. Перечисляются острова в Эгейском море.

Ст. 471. *Кносский.* — Кнос — город на Крите.

Ст. 490. *Ликтйский* — критский, по одному из городов Крита.

Ст. 504. *Ахайя* — здесь: вся Греция.

Ст. 623. *Додонские семена.* — Додона (город в Эпире) — древнейшее место поклонения Зевсу, где находился дуб, шелест ветвей и листьев которого истолковывался как вещания оракула.

Ст. 654. *Мирмидоны* — фессалийское племя, название его сходно с греческим словом тугтеш — муравей.

Ст. 665. *Паллантовы дети* — сыновья Палланта, брата Эгея.

Ст. 672. *Потомок Эола* — Кефал.

Ст. 681. *Один из братьев Актейских* — один из сыновей Палланта.

Ст. 685. *Отрок Нереев.* — Фок был сыном Эака от одной из неренд.

Ст. 755. *Кинтия* — Диана.

Ст. 759. *Лайя сын* — Эдип, отгадавший загадки Сфинкса, после чего Сфинкс бросился в пропасть.

Ст. 778. *Гортинский лук* — критский (критяне считались искусными лучниками).

Ст. 43. *Диктеец* — по горе Дикте на Крите.

Ст. 120. *...мать — не Европа тебе...* — Скилла случайно оказывается права, так как Овидий, как и другие мифологи, смешивает двух Миносов: сына Юпитера и Европы, мифического законодателя, и его внука, о котором идет речь.

Ст. 132. *Та, что, тебе изменив...* — Жена Миноса, Пасифая, восплавав страстью к быку, отдалась ему, спрятавшись в деревянной корове, сделанной Дедалом, и родила Минотавра — чудовище, полу-человека-полубыка.

Ст. 151. *...дал остриженный волос прозвание...* — Название «кирида» (*ciris*, предположительно скопá) соотносилось с греческим глаголом — *keiro* — «стригу».

Ст. 153. *Куретиды* — потомки первых критян — куретов.

Ст. 170—174. *Попитался актейскою кровью.* — Победенные Миносом афиныяне должны были каждые девять лет отправлять на Крит по семи юношей и девушек для Минотавра. Тезей убил Минотавра с помощью *Милоиды* — дочери Миноса, Ариадны, бежавшей с ним, по покинутой Тезеем (*Эгидом*) на острове Дип (Делосе).

Ст. 182. *Близ Геркулеса...* — то есть двух созвездий — Геракла, борющегося со змеем, и Геракла, держащего змея.

Ст. 207. *Гелика* — Большая Медведица.

Ст. 230. *...от него получившим название.* — В древности восточная часть Эгейского моря называлась Икарийским морем.

Ст. 235. *...предел сохранил...* — По преданию, Икар погребен на острове Икарния близ Самоса.

Ст. 255. *...прозвание былое...* — По-гречески куропатка — *perdix*, так же звали племянника Дедала.

Ст. 260. *Эгнейская земля* — Сицилия.

Ст. 270. *Калидон* — город в Этолии.

Ст. 275. *...сок... Паллади... Минерве.* — Овидий играет греческим и латинским именами богини Афины (Паллада-Минерва).

Ст. 301. *Два близнеца* — Кастор и Поллукс.

Ст. 304. *Два Фестиада* — сыновья этолйского царя Фестия, братья царицы Калидона Алтеи — Плексипп и Токсей. *Афарей* — царь Мессении.

Ст. 305. *Кеней* — см. XII, 146—209.

Ст. 306—317. Из упоминаемых далее участников калидонской охоты известны по другим мифам: *Феникс*, сын царя долопов, воспитатель и друг Ахилла; *Теламон* — отец Аянта, отец *Ахилла великого* — Пелей, *Панопей* — отец Эпея, строителя троянского коня, *Нестор* — царь Пилоса, старейший из героев «Илиады», *Лазрт* — отец Одиссея (Улисса), *Эквид* — Амфиарай, которого жена угово-

рила участвовать в гибельном для него Фиванском походе, и *тегеллика-дева* — Аталанта.

Ст. 372. *Братья меж тем близнецы...* — Кастор и Поллукс — (Дноскуры) были превращены в созвездие.

Ст. 452. *Триединые сестры* — три Парки.

Ст. 542. *Парфаон* — отец Ойнея.

Ст. 543—544. *...известкой... Алкмены...* — Делнирой, сестрой Мелеагра и женой сына Алкмены Геркулеса.

Ст. 548. *Твердыня Тритониды Девы* — Афины.

Ст. 551. *Кекропид*. — Тезей считался потомком древнейшего царя Аттики Кекропа.

Ст. 565. *Гиперион* — здесь: бог солнца.

Ст. 567. *Сын Иксиона* — друг Тезея Пирифой, царь мифического народа лапифов.

Ст. 623. *Равнины Пелоповы* — Пелопоннес.

Ст. 624. *Питфей* — сын Пелопа.

Ст. 628. *Атлантов потомок* — Меркурий.

Ст. 752. *Триопей* — сын фессалийского царя Триопа.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Ст. 2. *Нептунов герой* — Тезей, согласно некоторым мифам, считавшийся сыном Нептуна. *Поток Калидонский* — Ахелой.

Ст. 13. *Алкид* — Геркулес (Алкей — отец Амфитриона, отчима Геркулеса).

Ст. 22. *...не лезу никакой подневольной работы...* — Намек на службу Геркулеса у тиринфского царя Эврисфея.

Ст. 104. *Эвем* — река в Этолии.

Ст. 135—136. *Мачеза* — Юнона. *Эхалля* — город в Этолии. Геркулес убил ее царя Эврита и увел в плен его дочь Иолу.

Ст. 137. *Кенейский Юпитер*. — Кеней — гора на Эвбее.

Ст. 184. *Пастырь иберский* — трехтелый Герийон, владелец чудесных быков, живший в Иберии (Испании) и убитый Геркулесом.

Ст. 233. *Сын Пеанга* — Филоктет, участник похода под Троем, завоевывать которую еще раньше ходил и Геркулес. Без его стрел Троя, по предсказанию, не могла быть взята.

Ст. 279. *Гилл* — сын Геракла от Деяниры.

Ст. 294. *Никсы двойничные* — божества, покровительствующие роженицам.

Ст. 320—323. *Галангида* превращается в ласку.

Ст. 399. *Иолай* — племянник Геракла, помогавший ему при истреблении Лернейской гидры.

Ст. 400. *Геба* — богиня юности, ставшая женой Геракла по его обожествлению.

Ст. 403—417. Предсказание Фемиды о будущем походе «Семерых против Фив» составлено, в подражание предсказаниям оракулов, темно и неясно. *Усобицы в Фивах* — между Этеоклом и Полиником, сыновьями царя Эдипа. *Капаней* — вождь аргивян, призванный на помощь Полиником, изгнанным из Фив. *Два брата* — Этеокл и Полиник. *Прорицатель* — Амфиарай, который сам предвидел свою смерть. *За отца отомстит материнской кровью сын...* — Алкмеон, сын Амфиарая, жену которого золотым ожерельем подкупил Полиник, чтобы она уговорила мужа идти в поход на Фивы. Он убил мать и бежал на Псофиду, где женился на дочери тамошнего царя; гоцимый Эвменидами, он попал на один из Ахелоевых островов и женился на дочери Ахелоя, Каллирое, попросившей у него *роковое золото*, т. е. доставшееся ему после матери ожерелье, которое Алкмеон уже подарил своей первой жене. Он возвращается в Псофиду, уносит ожерелье, но шурья нагоняют и убивают его (ст. 412).

Ст. 422—437. *Паллангиада* — Аврора. Перечисляются смертные любимцы богов, которым не дано вечной молодости. *Эак, Радикант и Микос* — сыновья Юпитера.

Ст. 482. *Сын резвый* — Купидон.

Ст. 498. *Опия* (или Опс) — римское божество посевов и жита:

Ст. 507. *...Эола сыны не боялись сестрина ложа!* — *Сыновья Эола* были женаты на своих сестрах.

Ст. 574. *Меандров внук*. — Кави и Библида были детьми Кнание, дочери речного бога Меандра.

Ст. 641. *Потомок Семелы* — Вахс.

Ст. 644. *Бубасские* — из города Бубаса в Малой Азии.

Ст. 644—647. Перечисляются местности и народы Малой Азии.

Ст. 661. *Фавон* (или Фавоний) — римское имя Зефира, западного ветра.

Ст. 665. *Илик* — каменный дуб.

Ст. 687. *Инаха дочь* — Ио, отождествлявшаяся с Изидой; египетские культы во времена Овидия были распространены в Риме.

Ст. 691. *Оный* — Гарпократ.

Ст. 693. *Систр* — особого рода погремушка.

Ст. 736. *Дочь Солнца* — жена Миноса Пасифая.

Ст. 773. *Паретоний, Фарос, Мареотика* — города в Египте.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Ст. 13. *Тенарийская щель* — провал около мыса Тенара, в Лаконии, считавшийся входом в преисподнюю.

Ст. 21. *Чудовище, внук Медузы* — Цербер.

Ст. 42. *Иксион* — царь лапифов, отец Пирифоя, оскорбивший Юнону; за это в аду был прикован к вертящемуся колесу.

- Ст. 43. *Печень* — великана Тития, убитого Аполлоном. *Белиды* — Данаиды, внучки египетского царя Бела, за убийство своих мужей осужденные наполнять водой бездонный сосуд.
- Ст. 52. *Авернские долины* — преисподняя.
- Ст. 65. *...устрашившийся пса с головами тремя...* — т. е. Цербера. Кто был этот окаменевший человек, неизвестно.
- Ст. 68—69. *Олен и Летя* упоминаются только здесь.
- Ст. 73. *Лодочник* — Харон, перевозивший тени умерших через Ахеронт.
- Ст. 74. *Церерин дар* — хлеб и вообще пища.
- Ст. 90. *Хаонии дерево* — дуб. Хаония — Эпир, где находился донский оракул Зевса.
- Ст. 91. *Роща сестер Гелиад* — тополя.
- Ст. 106. *Меги* — столбы в конце беговой дорожки ипподрома.
- Ст. 127. *Рак* — знак Зодиака, летом находящийся на горизонте («прибрежный»).
- Ст. 151. *Флегрейские поля* — находились в Фессалии или Македонии.
- Ст. 160. *Илиад* — троянец, внук царя Ила.
- Ст. 162—169. *Амиклид* — потомок Амикла, основателя города Амиклы в Лаконике. *Эврот* — река в Лаконике.
- Ст. 183. *Тепариец* — лаконец, по мысу Тепару.
- Ст. 220. *Амафунт* — город на Кипре.
- Ст. 223. *Керасты* — керас по-гречески значит «рог».
- Ст. 267. *Сидонские раковины* — раковины, дававшие пурпур.
- Ст. 284. *Гиметтский* — с горы Гиметта в Аттике, славившейся своим медом.
- Ст. 297. *Паф* — город на Кипре, где процветал культ Венеры. Овидий смешивает его с островом Пафос.
- Ст. 309. *Панхайская* (или Панхейская) *земля* — в Аравии.
- Ст. 349. *Сестер* — фурий.
- Ст. 450. *Икар* — почитатель Вакха, убитый пастухами, которые, опьянев от его вина, подумали, что он их отравил. Икар был превращен в созвездие Бота (Волопаса), а его дочь Эригона — в созвездие Девы.
- Ст. 480. *Земля Сабейская* — в Аравии.
- Ст. 565. *Аталанта*. — Имеется в виду не участница Калидонской охоты, а другая — дочь царя Схенея.
- Ст. 605. *Опхестиец* — житель Опхеста — города в Беотии.
- Ст. 696. *Башеносная Матерь*. — Кибела изображалась в короне в виде городской стены.
- Ст. 739. *...названье им давшие ветры*. — Цветок по-гречески называется «алемон», что соответствует нашему «ветреница».

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

Ст. 16. *Берекинские флейты* — фригийские, по горе Берекинту во Фракии.

Ст. 55. *Метимна* — город на острове Лесбосе, родине Алкея и Сапфо.

Ст. 92. *Эмомл* — ученик Орфея, посвятившего его, как и Мида-са, в орфические таинства. Он переселился из Фракии в Аттику.

Ст. 114. *Геспериды* — дочери Атланты, хранительницы чудесных золотых ябллок на крайнем западе.

Ст. 132. *Леней* — одно из имен Вакха.

Ст. 137. *Сарды* — столица Лидии.

Ст. 195. *Море Геллы* — Гелеспонт (Дарданеллы), куда она упала с золоторунного барана.

Ст. 196. *Лаомедонга поля* — Троя.

Ст. 197—198. *Сигей и Ретей* — два мыса на троянском побережье, между которыми находился алтарь Зевса-«всепрорицателя».

Ст. 217. *Гесиона* — дочь Лаомедонта.

Ст. 249. *Карпифийский*. — Карпифийское (Карпафское) море — см. коммент. к «Любовным элегиям», кн. II, эл. 15, ст. 10.

Ст. 250. *Эакид* — Пелей, сын Эака.

Ст. 303. *Майей Рожденный* — Меркурий.

Ст. 383. *Этейский*. — Фессалийский город Трахина находился около горы Эты.

Ст. 398. *Псамафа* — мать Фока.

Ст. 413—414. *В Клар к Аполлону...* — В городе Кларе, в Малой Азии, был храм и оракул Аполлона, как и в Дельфах. *Форбант* — предводитель флегийцев, разбойничьего племени, нападавшего на путешественников, отправлявшихся с дарами в Дельфы.

Ст. 502. *Трахинское*. — По легенде, Кеик был царем города Трахина (в Фессалии), основанного Геркулесом.

Ст. 504. *Азеронт* — река в преисподней.

Ст. 592. *Киммерийская земля* — на севере, где царит вечная почь. Историческая Киммерия — Крым.

Ст. 761. *Димантова дочь* — Гекуба, жена Приама.

Ст. 763. *Граник* — река во Фригии, его, как и других речных богов, представляли двурогим.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ст. 2. *Над холмом, на котором лишь значилось имя...* — Так называемый «кенотаф», могила без тела умершего.

Ст. 5. *...ложитив супругу...* — Елсну, жену Менелая.

Ст. 10. *Авлида* — гавань в Беотии у Эвбейского пролива, где останавливались греки, отправлявшиеся под Трою.

Ст. 13. *Данайцы* — обычное название греков у Гомера.

Ст. 19. *Фестора сын* — прорицатель Калхас.

Ст. 28. *Дева-богиня* — Диана.

Ст. 30. *Царь* — Агамемнон, предводитель греков, отец Ифигении.

Ст. 68. *Протесилай* — вождь фессалийцев.

Ст. 70. *Фригийцы* — трояне.

Ст. 71. *Сигейский* — троянский.

Ст. 74. *Пелионский* — с горы Пелион.

Ст. 108. *Лирнесс* — город в Мизии (в Малой Азии), откуда была родом пленница Ахилла Брисеида.

Ст. 109. *Фивы* — город в Мизии.

Ст. 145. *Кикново имя* — т. е. «лебедь».

Ст. 537. *Глеподем* — сын Алкида (Геркулеса).

Ст. 547. *Деифоб* и *Полিদамант* — троянские герои.

Ст. 581. *Сын* — Кики. *Сфенелеида-птица* — речь идет о другом Кикне, сыне Сфенела (см. II, 367).

Ст. 585. *Сминфеец* — один из эпитетов Аполлона.

Ст. 611. *...от стрелы Фермодонта...* — т. е. от руки амазонки.

Ст. 622. *Тидид* — Диомед.

Ст. 623. *Младший Атрид* — Менелай.

Ст. 624. *Сын Теламона* (саламинского царя) — Аянт, двоюродный брат Ахилла. *Аянт Оилеев* (в ст. 622) — единоутробный брат первого, вождь локрийцев.

Ст. 625. *Сын Лаэрти* — Одиссей (Улисс).

Ст. 626. *Тапталид* — Агамемнон, потомок Таптала.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

Ст. 7. *Пламя Гектора* — речь идет о поджоге греческого флота троянцами.

Ст. 38. *Навлиад* — Паламед.

Ст. 45. *Потомок Пеанга* — Филоктет; по дороге в Трою был укушен змеей и по совету Улисса оставлен на Лемносе, так как от раны распространялось нестерпимое зловоние.

Ст. 98—99. *Рес* — фракийский царь, на войско которого Улисс с Диомедом напали врасплох ночью. *Итакиец* — Улисс, царь острова Итаки. *Долон* — троянский лазутчик, захваченный ими же; *Гелеп* — сын Приама, прорицатель; *Паллада* — изображение Паллады, охранявшее Трою и похищенное Улиссом и Диомедом.

Ст. 107. *Дулихийское*. — Дулихий — остров близ Итаки.

Ст. 110. *Щит*. — Речь идет о щите, сделанном Вулкином для Ахилла.

Ст. 163. *...а женском наряде...* — Фетида скрыла Ахилла у царя Ликомеда на острове Скире, чтобы спасти его от предсказанной ему гибели под Троей. Одиссей явился на Скир переодетым, с товарищи; среди них было оружие за которое схватился переодетый девушкой Ахилл и тем выдал себя.

Ст. 273. *Акгора внук* — друг Ахилла Патрокл.

Ст. 356. *Аянт скромнейший* — сын Ойлея.

Ст. 357. *Сын Андромона* — Тоант, царь Плеврона и Калидона.

Ст. 358. *...из той же земли...* — с острова Крита.

Ст. 396. *Эвбалийская рана* — т. е. рана Гнацинта. На лепестках гнацинта видны знаки букв вроде AI, составляющих как восклицание печали, так и начальные буквы имени «Аякс».

Ст. 399. *Ипсипила* — царица Лемноса.

Ст. 401. *Тиринфские стрелы* — Геракловы, отданные им Филотету.

Ст. 410. *Фебова жрица* — Кассандра.

Ст. 415. *Астианакс* — сын Гектора.

Ст. 431. *Полидор* — младший сын Приама.

Ст. 620. *Димантида* — Гекуба.

Ст. 625. *Герой Кифереин* — Эней, сын Венеры и Анхиза, отец Аскания.

Ст. 631. *Аполлопов град* — Делос.

Ст. 705. *Тевкры* — трояне, по имени их прародителя Тевкра, переселенца с острова Крит.

Ст. 708. *...портов Авсонийских*. — Авсония — Италия.

Ст. 709. *Строфады* — острова в Ионическом море.

Ст. 710. *Аэлло* — одна из гарпий.

Ст. 713. *Амбракия* — город в Эвире, за власть над которым спорили Гераклес и Аполлон. Настух Крагалей присудил его Гераклесу, за что Аполлон превратил судью в камень.

Ст. 715. *Аполлон Актийский* — храм Аполлону, построенный Августом на Актийском мысу.

Ст. 770. *Телем* — птицегадатель.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ст. 5. *Занклея* — Мессания (ныне Мессина).

Ст. 27. *Отцовским* — т. е. бога солнца, отца Цирцеи.

Ст. 78. *Сидонка* — Дидона, царица Карфагена.

Ст. 83. *Эрикс* — гора в Сицилии. *Акест* — выходец из Трои.

Ст. 89. Перечисляются острова у берегов Кампании.

Ст. 90. ...*которых от жителей имл...* — Название Питекузы происходит от греческого *πίθηξ* (обезьяна). В обезьян было обращено индийское племя керкопов, обещавшее помощь Юпитеру в его борьбе с Сатурном, но, получив плату, обманувшее его.

Ст. 101. *Партенопейские стены* — Неаполь.

Ст. 102—103. *Эолова сына... холм* — мыс Мизен, названный по имени спутника Энея.

Ст. 114. *Авернская Юнона* — Персефона.

Ст. 155. *Эвбейский град* — город Кумы, основанный выходцами с острова Эвбеи.

Ст. 233. *Лестригоны* — мифическое племя людоедов.

Ст. 325. *Игрища элидские* — Олимпийские игры; здесь у Овидия неточность: промежуток между Олимпийскими играми был не пяти-, а четырехлетний.

Ст. 328—330. Перечисляются реки Лапиума; *Альбула* — древнее название Тибра.

Ст. 334. *Ян* (Янус) — римское божество, изображавшееся двулицким. Храм его стоял открытым в военное и закрытым в мирное время.

Ст. 404. *Эреб* и *Хаос* — божества тьмы и мировой бездны.

Ст. 416. *Тартессия* — Испания, по городу Тартессу.

Ст. 451. *Тури* — царь рутулов, жених дочери Латина Лавинии, выданной замуж за Энея.

Ст. 457. *Диомед* — согласно легенде, по окончании Троянской войны переселился из Арголиды в Италию. Под Троей он ранил Венеру и за это был ею преследуем.

Ст. 468. *Парикийский герой* — Аянт, сын Ойлея, обесчестивший Кассандру, искавшую убежища в храме Афины («Девы»).

Ст. 472. *Кафарей* — мыс на острове Эвбее.

Ст. 545. *Сыловья Астрей* — ветры.

Ст. 563. *Перитийский* — Улисс (Нерит — гора на Итаке).

Ст. 564. *Корабль Алкиноя* — корабль феаков, доставивший Улисса на Итаку и за это обращенный Нептуном в скалу.

Ст. 579—580. ...*сохранила она и название города...* — Ардея созвучно с латинским *ardea* — «цапля».

Ст. 583. *Нул* — Асканий, сын Энея.

Ст. 622. *Прока* (или Прок) — один из мифических царей Лапиума.

Ст. 624. *Гамадриада* — лесная нимфа.

Ст. 626. *Имя ее — от плодов.* — По-латыни плод — *ропит*.

Ст. 639. *Сильван* («Лесной») — один из исконно латинских лесных и полевых демонов.

Ст. 674. *Альбанские горы* — на юг от Рима.

Ст. 693. *Идалика* — Венера, по горе Идалии на Кипре.

Ст. 712. *Норикийский*. — Норик — придунайская область, известная выделкой оружия.

Ст. 774. *Палилии* — сельский праздник в честь божества Палес.

Ст. 781. *Илиад* — Ромул, сын Илии.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ст. 50—57. Тарент и другие упоминаемые здесь места находятся в Южной Италии.

Ст. 144. *Дельфы свои...* — т. е. свое собственное прозрение.

Ст. 229. *Милон* — знаменитый греческий атлет.

Ст. 273—285. Перечисляются реки в Греции и Малой Азии.

Ст. 447. *...от крови Пула рожденный...* — Октавиан Август.

Ст. 489. *Дианы Орестовой*. — В Тавриде Диане приносили человеческие жертвы. В жертву должен был быть принесен и Орест, но его спасла сестра Ифигения, жрица Дианы.

Ст. 700—718. Перечисляются прибрежные местности Южной и Средней Италии в том порядке, как их миновали по пути из Греции в Рим. *Лакиний* — мыс на юго-восточном берегу Бруттия с храмом Юноны; *Скилакей* — город у залива, начинавшегося за *Япигским мысом*; *Кавлон* — город на юге этого залива; *Нарикия* — город в Бруттии, основанный выходцами из Нарикия в Локриде; *горло Пелора* — Мессинский пролив между сицилийским мысом Пелор и полуостровом; *дом Гиппотада* (Эола) — Эолийские острова к северу от Сицилии; *Темеса* — город близ западного берега Бруттия; *Левкосия* — островок напротив Пестума; *мыс Минервы* лежит против *Капреи* (Капри); *Суррепт* (Соррепто), *Геркулесов* город (Геркуланум), *Стабии*, *Партенопел* (Неаполь) — города на берегах *Кумского* (Неаполитанского) залива; *святилище Кумской Сивиллы* (Кумы), *горлце ключи* в Байях, город *Литерн* и устье реки *Волтурн* — на побережье Кампании; *Синусса*, *Миктурны*, *Антипатов предел* (Формини), *Трахада*, *Цирцея*, *Антий* — прибрежные города Лацуума. Ст. 703—705 испорчены, поэтому названные в них местности отождествлению не поддаются.

Ст. 822—824. *Мутина* — ныне Модена, город в Италии, осаждавшийся в 43 г. до н. э. Децимом Брутом; *Фарсалы* — город в Фессалии, под которым в 48 г. до н. э. Цезарь разбил Помпея; *Филиппы* — город в Македонии, под которым Антоний и Октавиан победили Брута и Кассия в 42 г. до н. э.

Ст. 825. *...в сицилийских волнах*. — У берегов Сицилии флот Октавиана разбил флот Секста Помпея.

Ст. 826. *Египтянка* — Клеопатра.

Ст. 828. *Каноп* — город в Египте.

СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Ст. 5—11. Описывается книга-свиток. Первая строка с именем автора и названием написана красной киноварью (*минием*), страницы из папируса патирались кедровым маслом, обрезы ложились *лемзой*. Свиток накручивался на палочку, концы которой были украшены рожками из слоновой кости, и укладывался в кожаный футляр, выкрашенный алой краской из ягод *вакцинии*.

Ст. 30. *Цезарь* — Октавиан Август.

Ст. 70. *Холм* — Палатин, где жила римская знать.

Ст. 114. *Телегон* — сын Улисса и Цирцеи, как и Эдип, убивший по неведению собственного отца.

3

Ст. 48. *Нимфа аркадская* — здесь: Большая Медведица, в которую была обращена Каллисто.

Ст. 75. *Метий Фуфетий* — вождь альбанцев и союзник римлян, предавший их, да что был казнен: привязан к двум колесницам и разорван конями.

КНИГА ТРЕТЬЯ

3

Ст. 62. *Старец Самосский* — Пифагор, автор учения о переселении душ.

7

Ст. 1. Кто такая *Перилла*, неизвестно.

12

Ст. 3. *Тот, кто вез...* — Овен. Во время весеннего равноденствия солнце находится в созвездии Овна.

Ст. 22. *Девственная влага* — речь идет о водопроводе Aqua Virgo, снабжавшем водой купальню на Марсовом поле.

Ст. 24. *Три форума* — Римский форум, форум Юния и форум Августа; *три театра* — театры Помпея, Марцелла и Бальба.

О ПОЭТЕ-ПЕРЕВОДЧИКЕ СЕРГЕЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ШЕРВИНСКОМ

Войдем в жилище поэта, который перевел Овидия. Перед нами множество книг, и в каждой сотни и тысячи поэтических строк, подписанных С. Шервинским. Перед нами Катулл и Софокл, перед нами Вергилий, — какие имена! Перед нами корифей стариной и современной поэзии, Гете и Ронсар, Пизами и Хафиз, наконец, поэты советских республик — Армении, Грузии, Таджикистана. И все они изъясняются прекрасными русскими стихами, сохраняя при этом не только свой индивидуальный, но и национальный облик. Книга Овидия — яркий тому пример. Переводческое искусство снова доказало, что именно в нем заключено бессмертие поэзии, жизнь ее в других странах, в далеких поколениях, для которых народ, государство, язык, породившие эту поэзию, давно уже стали древней историей.

Латынь безнадежно мертва. Давно уже на этом языке, даже в его средневековом варианте, не изъясняется международная ученая элита, говорившая, да и писавшая по-латыни вплоть до семнадцатого века. Но благодаря поэту, владеющему искусством перевода, древний римлянин, которого прочесть в оригинале могут только немногие, только люди, получившие специальное классическое образование, этот римлянин снова обрел плоть и кровь, снова начал жить и дышать, возрожденный переводчиком в другом конце Европы. Две тысячи лет отделяют нас от этой поэзии, а за две тысячи лет обстановка на нашей планете, отношение человечества к жизни и к самому себе, его представление о вселенной настолько изменились, что и поэзия, все это отражающая, какими-то своими частями ушла в прошлое. Но как прелестны и каким живым наполнены трепетом некоторые «любовные» и некоторые «скорбные» элегии в переводе Шервинского!

Давно уже стало элементарной истиной, что переводчик — это не просто тот, кто знает языки и умеет рифмовать. Известный, ныне уже покойный, поэт, переводчик и публицист Лев Гинзбург в своем романе-эссе наглядно показал, как творчество истинного поэта не-

переводчика связано с его личной судьбой, как читается оно «впечатлениями бытия», ничем не отличаясь в этом смысле от творчества оригинального. Личность переводчика играет огромную роль во всем его подходе к оригиналу. Это становится особенно ясным при сравнении разных переводов одного произведения. Поэтому я и хочу охарактеризовать личность Шервинского в целом.

Я помню Сергея Васильевича тех лет, когда сам я был еще молод и только входил в литературу, а он уже был мэтром перевода и занимал прочные позиции. Тогда в этом искусстве господствовало направление, которое обычно называют, и, по-моему, не совсем верно, буквалистическим. Школа эта была очень сильна, но она держала переводчика в цепях и часто убивала в нем поэта, хотя о многих частностях оригинала давала почти исчерпывающую информацию. Шервинский был одним из лидеров этого направления. Переводчиками сороковых и пятидесятых годов оно было отвергнуто именно потому, что требовало точного следования за каждой деталью оригинала. Это приводило к воспроизведению всех мелочей нередко в ущерб видению в целом, а значит, в ущерб самой поэзии. Втиснуть в строчку все слова подлинника было важнее, чем воссоздать звучание строки, производимое ею впечатление. Новое направление потребовало, чтобы переводчик прежде всего был поэтом, чтобы стих его лился свободно, пускай за счет некоторых частностей. Умение жертвовать ими, но компенсировать своими органически вплетающимися в текст находками стало законом перевода. Освобожденное от скрупулезности переводческое искусство сделало колоссальный скачок, и Шервинский, уже зрелый пятидесятилетний мастер, — а в этом возрасте художники не так легко меняют свои идеалы, — сумел перестроиться, сбросить цепи, стесняющие поэтический полет, и снова он стал одним из лидеров нашего трудного искусства. Корней Иванович Чуковский назвал перевод «высоким искусством», и когда читаешь в переводе Шервинского римлян или греков или поэтов итальянского Ренессанса, понимаешь, что это действительно высокое искусство.

Студенты двадцатых и тридцатых годов, — теперь уже сами пожилые люди, — помнят Шервинского интересным лектором, преподающим историю искусства. Познания его в этой области так велики, как будто перед нами профессиональный живописец. Художники могут с ним говорить, что называется, на равных.

Чтецы — или, как ныне приято их называть, мастера звучащего слова, — да и не только они, но и актеры почти всех московских театров знают Сергея Васильевича Шервинского как авторитетнейшего режиссера и педагога в области актерской речи, неразрывно связанной с поведением актера на сцене. А книга его «Ритм и смысл», написанная на материале пушкинского творчества, вскры-

вая многое в структуре стиха, дает и практику-чтецу драгоценные для его работы сведения.

Многие серьезнейшие книги вышли в разных издательствах под редакцией С. Шервинского. Таков выполненный А. Штейнбергом великолепный перевод «Потерянного Рая» Мильтона, где в силу трудности и специфичности текста работа редактора (консультанта) играла большую роль, таковы «Антология молдавской поэзии», «Антология таджикской поэзии», «Итальянские поэты» и мн. др.

Литературоведческие работы С. Шервинского — о Пушкине, о «Слове о полку Игореве», — публиковавшиеся в разное время в периодической прессе, несмотря на протекшие с тех пор десятилетия представляют и ныне большой интерес.

С полвека тому назад Сергей Васильевич написал историко-бытовой роман «Ост-Индия». Роман этот стал библиографической редкостью.

И вот наконец к своему девятидесятилетнему юбилею Сергей Васильевич собрал воедино и представил в виде готовой для издания рукописи свои оригинальные стихи. Писал он стихи всю жизнь, но только в ранней молодости напечатал одну книжку. А потом все не хотел — считал свою музу недостаточно интересной для широкого круга читателей. Но помогли настоящие друзья. Стихи наконец собраны в книгу издательством «Советский писатель». В этой книге читатель найдет и юношеские впечатления от поездки в Венецию, и впечатления зрелого человека от многократных поездок в Армению, которая стала любимой страной его музы. Здесь и кристаллы той огромной эрудиции, которой обладает Сергей Васильевич, и простые зарисовки, мгновенные впечатления от жизни. И наконец, образы тех людей, с которыми поэт встречался и дружил. Язык его стихов прост и благороден. Фраза классически ясна. И никакой аффектации, никакой искусственности. Он следует лучшим традициям русской поэзии, и стихи его живут, они продиктованы вдохновением, ибо Сергей Васильевич Шервинский пишет только о том, чем наполнена его жизнь. Поэтому его стихи индивидуальны и новы, как индивидуален и нов каждый человек, наделенный талантом.

Но вернемся к переводам С. Шервинского. Еще раз и еще раз невольно отмечаешь великую гуманистическую роль переводческого искусства, без которого народы имели бы друг о друге далеко не полное представление. Кто-то называл перевод «древнейшей профессией». Действительно, тысячи и тысячи лет тому назад, когда на безлюдной еще земле встретились два племени, им уже нужен был переводчик. Но особую роль приобрел перевод, когда он стал искусством. Если бы Древняя Греция донесла до нас только свою скульптуру и архитектуру, но мы бы не знали Гомера, разве могли бы мы представлять себе Элладу так, как представляем ее, прочтя

«Илиаду» или «Одиссею». А ведь там колыбель европейской культуры, которую нельзя понять, не зная греческого искусства, греческой истории и философии и особенно литературы. В полной мере это относится и к Древнему Риму, его непреходящим культурным ценностям.

Наконец, разве могла бы возникнуть единая советская литература, если бы не огромная работа переводчиков, подаривших русскому языку и русской поэзии великие творения братских народов.

Будем же благодарны поэту, который столько времени и сил отдал тому роду литературы, который Пушкин назвал «едва ли не самым трудным».

В. Левик

СОДЕРЖАНИЕ

С. Ошеров. Лирика и эпос Овидия.	3
ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ	
Книга первая	25
Книга вторая	48
Книга третья	72
МЕТАМОРФОЗЫ	
Книга первая	99
Вступление (1—4) — Хаос (5—20) — Возникно- вание мира (21—88) — Золотой век (89—112) — Смена веков (113—162) — Совет богов (163— 208) — Ликаон (209—243) — Девкаллион и Пирра (244—415) — Возникновение животных; Пифон (416—451) — Дафна (452—567) — Ио (568— 667) — Арг; Пан и Сиринга (668—723) — Ио (724—747) — Фартон (748—779)	
Книга вторая	121
Фартон (1—339) — Гелиады (340—366) — Кикн (367—380) — Солнце (381—400) — Каллисто (401—530) — Коронида; дочери Кекропа (531— 632) — Окиропея (633—675) — Батт (676—707) — Аглавра (708—832) — Европа (833—875)	
Книга третья	145
Кадм (1—137) — Актеон (138—252) — Семела (253—315) — Тиресий (316—338) — Эхо (339— 401) — Нарцисс (402—510) — Пенфей (511— 576) — Вакх; тирренские пираты (577—700) — Гибель Пенфея (701—733)	
Книга четвертая	166
Дочери Миния (1—54) — Пирам и Фисба (55— 166) — Марс и Венера (167—189) — Левкотой (190—255) — Клития (256—270) — Салмакида и Гермафродит (271—388) — Дочери Миния (389— 415) — Ино и Атамант (416—542) — Спутницы	

Ино (543—562) — Кадм и Гармония (563—603) — Персей и Атлант (604—662) — Персей и Андромеда (663—752) — Свадьба Персея; Персей и жешихи (753—803)	
Книга пятая	188
Персей и жешихи (1—235) — Возвращение Персея (236—249) — Иппокрена (250—293) — Пиериды (294—336) — Тифей (337—359) — Прозерпина (360—408) — Кнаниея (409—437) — Стеллион (438—461) — Церера (462—532) — Аскалаф (533—550) — Сирены (551—563) — Прозерпина (564—571) — Арегуза (572—641) — Триптолем (642—661) — Пиериды (662—678)	
Книга шестая	207
Арахна (1—145) — Ниоба (146—312) — Ликийцы (313—381) — Марсий (382—400) — Пелоп (401—411) — Прокна и Филомела (412—674) — Орифия (675—721)	
Книга седьмая	227
Медея (1—296) — Медея и Пелий (297—349) — Медея в Аттике (350—424) — Тезей (425—452) — Минос; Эак (453—660) — Кефал (661—866)	
Книга восьмая	230
Скилла и Минос (1—151) — Дедал (152—235) — Куропатка (236—259) — Калидонская охота (260—444) — Мелеагр (445—546) — Ахелой; Эхинады (547—611) — Филемон и Бавкида (612—725) — Эрисихтон; Местра (726—884)	
Книга девятая	274
Ахелой (1—97) — Несс (98—133) — Деяшира; Геркулес на Эте (134—210) — Лихас (211—238) — Апофеоз Геркулеса (239—272) — Галантида (273—323) — Дриона (324—393) — Иолай; судьбы героев (394—438) — Библида (439—665) — Ифис (666—797)	
Книга десятая	297
Орфей (1—105) — Кипарис (106—142) — Песнь Орфея; Ганимед (143—161) — Гнацинт (162—219) — Керасты (220—242) — Пигмалион (243—297) — Мирра (298—502) — Адонис (503—552) — Аталанта (553—707) — Смерть Адониса (708—739)	

Книга одиннадцатая	319
Гибель Орфея; фракийские вакханки (1—84) — Мидас (85—193) — Геснона (194—220) — Фетида (221—265) — Пелей; Дедалион (266—345) — Псамфа (346—409) — Кенк и Алкиона (410—748) — Эсак (749—795)	
Книга двенадцатая	341
Данайцы в Авлиде; прибытие под Трою (1—38) — Молва (39—63) — Кики (64—145) — Кеней (146—209) — Кентавры и лапифы (210—468) — Гибель Кеней (469—535) — Периклимен (536—579) — Гибель Ахилла; спор за оружие (580—628)	
Книга тринадцатая	359
Спор за оружие; речь Аянта (1—122) — Речь Улисса (123—381) — Смерть Аянта (382—398) — Гекуба (399—575) — Мемнон (576—622) — Эней; Аний (623—674) — Короны (675—704) — Сицилийская Скилла (705—739) — Акид и Галатея (740—897) — Главк (898—968)	
Книга четырнадцатая	386
Скилла (1—74) — Керкопы (75—100) — Сивилла (101—153) — Ахеменид; Полифем (154—222) — Цирцея (223—319) — Шик (320—415) — Канента (416—440) — Эпей в Ладнуме; Дномед (441—511) — Апул (512—526) — Корабли Энея (527—567) — Ардея (568—580) — Вертумн и Помона (581—697) — Ифис и Анаксарета (697—771) — Лавтулы (772—804) — Ромул, Герсилля (805—851)	
Книга пятнадцатая	410
Мискел (1—59) — Учение Пифагора (60—478) — Эгерия; Ипполит-Вирбий (479—551) — Тагей; Кип (552—621) — Эскулап (622—744) — Юлий Цезарь (745—870) — Заключение (871—879)	
СКОРЕННЫЕ ЭЛЕГИИ	
Книга первая (элегия 1—5, 10)	437
Книга третья (элегия 2, 3, 7, 9—13)	451
Книга четвертая (элегия 1)	463
Книга пятая (элегия 5, 7, 8, 10, 13)	467
Комментарии <i>М. Томашевской</i>	475
<i>В. Левик. О порте-переводчике Сергее Васильевиче Шервинском.</i>	505

- Овидий**
О-31 Любовные элегии; Метаморфозы; Скорбные элегии /Пер. с латин. С. В. Шервинского; Вступ. статья С. Ошерова; Коммент. М. Томашевской; Послесл. В. Левика; Худож. Д. Шимилис. М.: Худож. лит., 1983. — 511 с.

Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.) — крупнейший римский поэт. В настоящее издание вошли его наиболее значительные произведения: «Любовные элегии», «Метаморфозы» и «Скорбные элегии». Эти произведения даны в переводах старейшего советского поэта-переводчика С. В. Шервинского в связи с его девятидесятилетием.

О 4703000000-250
028(01)-83 без объявл.

ББК 84(0)3

А

Публий Овидий Назон

**ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ
МЕТАМОРФОЗЫ
СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ**

Редакторы

О. Лозовецкий и М. Тюпьяна

Художественный редактор

И. Сальникова

Технический редактор

Л. Платонова и О. Ярославцева

Корректоры

Н. Замятина и В. Широкова

ИБ 3542

Сдано в набор 25.10.82. Подписано в печать 22.08.83. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Елизаветинская». Печать высокая. Усл. печ. л. 26,88. Усл. кр.-отт. 27,3. Уч.- изд. л. 26,79. Тираж 50 000 экз. Изд. № VI-1058. Заказ № 660. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15,

